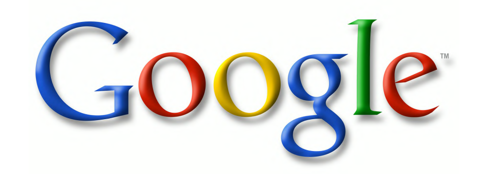
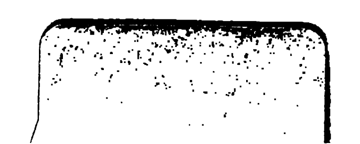


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ:

ГОСПОДСТВО ДОМА СВ. ВЛАДИМИРА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

X-ое — XIV-ое СТОЛѢТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

(26)

I.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ.

Наша исторія о временахъ, предшествовавшихъ принятію христіанства, темна и наполнена сказаніями, за которыми нельзя признать несомнѣнной достовѣрности. Этому причиною то, что наши первые лѣтописцы писали не ранѣе второй половины XI в. и о событіяхъ, происходившихъ въ ихъ отечествѣ въ IX и X вѣкахъ, за исключеніемъ немногихъ письменныхъ греческихъ извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя, по своему свойству, подвергались вымысламъ и измѣненіямъ. Съ достовѣрностью можно сказать, что, подобно всѣмъ сѣвернымъ европейскимъ народамъ, и русскій только съ христіанствомъ получилъ дѣйствительныя и прочныя основы для дальнѣйшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, безъ которыхъ собственно для народа нѣтъ исторіи. Съ давнихъ временъ восточная половина нынѣшней Европейской Россіи была населена народами племени чудскаго и тюркскаго, а въ западной половинѣ, кромѣ народовъ литовскаго и чудскаго племени, примыкавшихъ своими поселеніями къ балтійскому побережью, жили словяне подъ разными мѣстными названіями, держась береговъ рѣкъ: Западной Двины, Волхова, Днѣпра, Припети, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днѣстра, Сулы, Десны, Оки съ ихъ притоками. Они жили небольшими общинами, которыя имѣли свое средоточіе въ городахъ—укрѣпленныхъ пунктахъ защиты, народныхъ собраній и управленія. Никакихъ установленій, связующихъ между собою племена, не было. Признаковъ государственной жизни мы не замѣчаемъ. Словянорусскія племена управлялись своими князьками, вели между собою мелкія войны и не въ *состояніи были охранять* себя взаимно и общими силами противъ

иноплеменниковъ, а потому часто были покоряемы. Религія ихъ состояла въ обожаніи природы, въ признаніи мыслящей человѣческой силы за предметами и явленіями внѣшней природы, въ поклоненіи солнцу, небу, водѣ, землѣ, вѣтру, деревьямъ, птицамъ, камнямъ и т. п. и въ разныхъ басняхъ, вѣрованіяхъ, празднествахъ и обрядахъ, создаваемыхъ и учреждаемыхъ на основаніи этого обожанія природы. Ихъ религіозныя представленія отчасти выражались въ формѣ идоловъ, но у нихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; а потому ихъ религія не могла имѣть признаковъ повсемѣстности и неизмѣняемости. У нихъ были неясныя представленія о существованіи человѣка послѣ смерти; замогильный міръ представлялся ихъ воображенію продолженіемъ настоящей жизни, такъ что въ томъ мірѣ, какъ и въ здѣшнемъ, предполагались одни рабами, другіе господами. Они чествовали умершихъ прародителей, считали ихъ покровителями и приносили имъ жертвы. Вѣрили они также въ волшебство, т.-е. въ знаніе тайной силы вещей и питали большое уваженіе къ волхвамъ и волхвицамъ, которыхъ считали обладателями такого знанія; съ этимъ связывалось множество суевѣрныхъ пріемовъ, какъ-то, гаданій, шептаній, завязыванія узловъ, и тому подобнаго. Въ особенности была велика вѣра въ тайное могущество слова, и такая вѣра выражалась въ множествѣ заговоровъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ у народа. Сообразно такому духовному развитію было состояніе ихъ житейской умѣлости. Они умѣли строить себѣ деревянныя жилища, укрѣплять ихъ деревянными стѣнами, рвами и земляными насыпями, дѣлать ладьи и рыболовныя снасти, воздѣлывать землю, водить домашнихъ животныхъ, прясть, ткать, шить, приготовлять кушанья и напитки—пиво, медъ, брагу,—ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребленіе вѣса, мѣры, монеты; имѣли свои музыкальные инструменты; на войну выходили съ метательными копьями, стрѣлами и отчасти мечами. Всѣ познанія ихъ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, подвигаясь впередъ очень медленно, но сношенія съ Византійскою Имперіею и отчасти съ арабскимъ Востокомъ мало-по-малу оказывали на русскихъ славянъ образовательное вліяніе. Изъ Византіи заходило къ нимъ христіанство. Въ половинѣ IX вѣка русскіе, послѣ неудачнаго похода на Византію, когда буря истребила ихъ суда, приняли крещеніе, но вслѣдъ затѣмъ язычество опять взяло верхъ въ [illegible]нѣ; однако и послѣ того многіе изъ русскихъ служили на службѣ [illegible]тійскихъ императоровъ въ Греціи, принимали тамъ христіан[illegible] приносили его въ свое отечество. Въ половинѣ X вѣка кіев[illegible] княгиня Ольга приняла св. крещеніе. Все это однако были только

предуготовительныя явленія. При князьяхъ, такъ-называемаго, Рюрикова дома, господствовало полное варварство. Они облагали русскіе народы данью и до нѣкоторой степени подчиняя ихъ себѣ объединяли; но ихъ власть имѣла не государственныя, а наѣздническія или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удальцевъ, жадныхъ къ грабежу и убійствамъ, составляли изъ охотниковъ разныхъ племенъ рать и дѣлали набѣги на сосѣдей,— на области Византійской Имперіи, на восточныя страны прикаспійскія и закавказскія. Цѣль ихъ была пріобрѣтеніе добычи. Съ тѣмъ же взглядомъ они относились и къ подчиненнымъ народамъ: послѣдніе присуждались платить дань; и чѣмъ болѣе можно было съ нихъ брать, тѣмъ болѣе брали; за эту дань бравшіе ее не принимали на себя никакихъ обязательствъ оказывать какую-нибудь выгоду съ своей стороны подданнымъ. Съ другой стороны князья и ихъ дружинники, имѣя въ виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь въ жизнь платившихъ дань, ломать ихъ обычаевъ, и оставляли съ ихъ внутреннимъ строемъ, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварскій складъ общественной жизни измѣняется съ принятіемъ христіанской религіи, съ которою изъ Византіи—самой образованной въ тѣ времена державы — перешли къ намъ какъ понятія юридическія и государственныя, такъ и начала умственной и литературной дѣятельности. Принятіе христіанства было переворотомъ, обновившимъ и оживотворившимъ Русь и указавшимъ ей историческую дорогу.

Этотъ переворотъ совершенъ Владиміромъ, получившимъ наименованіе Святого, человѣкомъ великимъ по своему времени. Къ сожалѣнію жизнь его намъ мало извѣстна въ подробностяхъ, и лѣтописи, сообщающія его исторію, передаютъ не мало такихъ чертъ, въ достовѣрности которыхъ можно скорѣе сомнѣваться, чѣмъ принимать ихъ на вѣру. Откидывая въ сторону все, что̀ можетъ подвергаться сомнѣнію, мы ограничимся короткими свѣдѣніями, которыя, при всей своей скудости, все-таки достаточно показываютъ чрезвычайную важность значенія Владиміра въ русской исторіи.

Владиміръ былъ сынъ воинственнаго Святослава, кіевскаго князя, который предпринялъ походъ на хазаръ, господствовавшихъ въ юговосточной Россіи, взялъ ихъ городъ Саркелъ на Дону, побѣдилъ прикавказскихъ народовъ: ясовъ и касоговъ, завоевалъ Болгарію на Дунаѣ, но долженъ былъ послѣ упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь онъ былъ убитъ печенѣгами, народомъ тюрк-

иноплеменниковъ, а потому часто были покоряемы. Религія ихъ состояла въ обожаніи природы, въ признаніи мыслящей человѣческой силы за предметами и явленіями внѣшней природы, въ поклоненіи солнцу, небу, водѣ, землѣ, вѣтру, деревьямъ, птицамъ, камнямъ и т. п. и въ разныхъ басняхъ, вѣрованіяхъ, празднествахъ и обрядахъ, создаваемыхъ и учреждаемыхъ на основаніи этого обожанія природы. Ихъ религіозныя представленія отчасти выражались въ формѣ идоловъ, но у нихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; а потому ихъ религія не могла имѣть признаковъ повсемѣстности и неизмѣняемости. У нихъ были неясныя представленія о существованіи человѣка послѣ смерти; замогильный міръ представлялся ихъ воображенію продолженіемъ настоящей жизни, такъ что въ томъ мірѣ, какъ и въ здѣшнемъ, предполагались одни рабами, другіе господами. Они чествовали умершихъ прародителей, считали ихъ покровителями и приносили имъ жертвы. Вѣрили они также въ волшебство, т.-е. въ знаніе тайной силы вещей и питали большое уваженіе къ волхвамъ и волхвицамъ, которыхъ считали обладателями такого знанія; съ этимъ связывалось множество суевѣрныхъ пріемовъ, какъ-то, гаданій, шептаній, завязыванія узловъ, и тому подобнаго. Въ особенности была велика вѣра въ тайное могущество слова, и такая вѣра выражалась въ множествѣ заговоровъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ у народа. Сообразно такому духовному развитію было состояніе ихъ житейской умѣлости. Они умѣли строить себѣ деревянныя жилища, укрѣплять ихъ деревянными стѣнами, рвами и земляными насыпями, дѣлать ладьи и рыболовныя снасти, воздѣлывать землю, водить домашнихъ животныхъ, прясть, ткать, шить, приготовлять кушанья и напитки—пиво, медъ, брагу,—ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребленіе вѣса, мѣры, монеты; имѣли свои музыкальные инструменты; на войну выходили съ метательными копьями, стрѣлами и отчасти мечами. Всѣ познанія ихъ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, подвигаясь впередъ очень медленно, но сношенія съ Византійскою Имперіею и отчасти съ арабскимъ Востокомъ мало-по-малу оказывали на русскихъ славянъ образовательное вліяніе. Изъ Византіи заходило къ нимъ христіанство. Въ половинѣ IX вѣка русскіе, послѣ неудачнаго похода на Византію, когда буря истребила ихъ суда, приняли крещеніе, но вслѣдъ затѣмъ язычество опять взяло верхъ въ странѣ; однако и послѣ того многіе изъ русскихъ служили на службѣ византійскихъ императоровъ въ Греціи, принимали тамъ христіанство и приносили его въ свое отечество. Въ половинѣ X вѣка кіевская княгиня Ольга приняла св. крещеніе. Все это однако были только

предуготовительныя явленія. При князьяхъ, такъ-называемаго, Рюрикова дома, господствовало полное варварство. Они облагали русскіе народы данью и до нѣкоторой степени подчиняя ихъ себѣ объединяли; но ихъ власть имѣла не государственныя, а наѣздническія или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удальцевъ, жадныхъ къ грабежу и убійствамъ, составляли изъ охотниковъ разныхъ племенъ рать и дѣлали набѣги на сосѣдей,— на области Византійской Имперіи, на восточныя страны прикаспійскія и закавказскія. Цѣль ихъ была пріобрѣтеніе добычи. Съ тѣмъ же взглядомъ они относились и къ подчиненнымъ народамъ: послѣдніе присуждались платить дань; и чѣмъ болѣе можно было съ нихъ брать, тѣмъ болѣе брали; за эту дань бравшіе ее не принимали на себя никакихъ обязательствъ оказывать какую-нибудь выгоду съ своей стороны подданнымъ. Съ другой стороны князья и ихъ дружинники, имѣя въ виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь въ жизнь платившихъ дань, ломать ихъ обычаевъ, и оставляли съ ихъ внутреннимъ строемъ, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварскій складъ общественной жизни измѣняется съ принятіемъ христіанской религіи, съ которою изъ Византіи—самой образованной въ тѣ времена державы — перешли къ намъ какъ понятія юридическія и государственныя, такъ и начала умственной и литературной дѣятельности. Принятіе христіанства было переворотомъ, обновившимъ и оживотворившимъ Русь и указавшимъ ей историческую дорогу.

Этотъ переворотъ совершенъ Владиміромъ, получившимъ наименованіе Святого, человѣкомъ великимъ по своему времени. Къ сожалѣнію жизнь его намъ мало извѣстна въ подробностяхъ, и лѣтописи, сообщающія его исторію, передаютъ не мало такихъ чертъ, въ достовѣрности которыхъ можно скорѣе сомнѣваться, чѣмъ принимать ихъ на вѣру. Откидывая въ сторону все, что̀ можетъ подвергаться сомнѣнію, мы ограничимся короткими свѣдѣніями, которыя, при всей своей скудости, все-таки достаточно показываютъ чрезвычайную важность значенія Владиміра въ русской исторіи.

Владиміръ былъ сынъ воинственнаго Святослава, кіевскаго князя, который предпринялъ походъ на хазаръ, господствовавшихъ въ юговосточной Россіи, взялъ ихъ городъ Саркелъ на Дону, побѣдилъ прикавказскихъ народовъ: ясовъ и касоговъ, завоевалъ Болгарію на Дунаѣ, но долженъ былъ послѣ упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь онъ былъ убитъ печенѣгами, народомъ тюрк-

скаго племени. Будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, Владимиръ былъ призванъ новгородцами на княженіе и уѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ дядею Добрынею, братомъ его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между дѣтьми его началось междоусобіе. Кіевскій князь Ярополкъ убилъ брата своего древлянскаго князя Олега. Владимиръ съ своимъ дядею убѣжалъ въ Швецію и возвратился въ Новгородъ съ чужеземною ратью. Вражда у нихъ съ Ярополкомъ возникла оттого, что дочь князя полоцкаго Рогнѣдь, которой руки просилъ Владимиръ, отказала ему такими словами: «не хочу разуть (разуть жениха—обрядъ свадебный; разуть вмѣсто—выйти замужъ) сына рабы», попрекнувъ его низостью происхожденія по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимиръ завоевалъ Полоцкъ, убилъ Рогволода, полоцкаго князя, и женился насильно на Рогнѣди. Вслѣдъ затѣмъ онъ овладѣлъ Кіевомъ и убилъ своего брата Ярополка. Лѣтописецъ нашъ изображаетъ вообще Владимира жестокимъ, кровожаднымъ и женолюбивымъ; но мы не можемъ довѣрить такому изображенію, такъ какъ по всему видно, что лѣтописецъ съ намѣреніемъ хочетъ наложить на Владимира-язычника какъ можно болѣе черныхъ красокъ, чтобы тѣмъ ярче указать на чудотворное дѣйствіе благодати крещенія, представивъ того же князя въ самомъ свѣтломъ видѣ послѣ принятія христіанства.

Съ большею достовѣрностью можно принять вообще извѣстіе о томъ, что Владимиръ, будучи еще язычникомъ, былъ повелителемъ большого пространства нынѣшней Россіи и старался какъ о распространеніи своихъ владѣній, такъ и объ укрѣпленіи своей власти надъ ними. Такимъ образомъ онъ повелѣвалъ новгородскою землею—берегами рѣкъ: Волхова, Невы, Мсты, Луги,—землею бѣлозерскою, землею ростовскою, землею смоленскою въ верховьяхъ Днѣпра и Волги, землею полоцкою на Двинѣ, землею сѣверскою по Деснѣ и Семи, землею полянъ или кіевскою, землею древлянскою (восточною частью Волыни) и, вѣроятно, также западною Волынью. Радимичи, жившіе на Сожи и вятичи, жители береговъ Оки и ея притоковъ, хотѣли отложиться отъ подданства и были укрощены. Владимиръ подчинилъ дани даже отдаленныхъ ятвяговъ, полудикій народъ, жившій въ лѣсахъ и болотахъ нынѣшней гродненской губерніи. Не должно однако думать, чтобы это обладаніе имѣло характеръ государственный: оно ограничивалось собираніемъ дани, гдѣ можно было собирать ее, и такое собираніе имѣло видъ грабежа. Самъ Владимиръ укрѣпился въ Кіевѣ съ помощью чужеземцевъ—скандинавовъ, называемыхъ

у насъ варягами и роздалъ имъ города, откуда съ своими вооруженными дружинами они могли собирать дани съ жителей.

Въ 988 году Владимиръ принялъ христіанство. Обстоятельства, предшествовавшія этому событію и сопровождавшія его, разсказываются съ баснословными чертами, которыя вполнѣ свойственны изустнымъ преданіямъ, записаннымъ уже довольно долгое время спустя послѣ означеннаго событія. Достовѣрно только то, что Владимиръ крестился и въ то же время вступилъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, сестрою императоровъ: Василія и Константина. Крещеніе его по всѣмъ вѣроятіямъ происходило въ Корсунѣ, или Херсонесѣ, греческомъ городѣ на юго-западномъ берегу Крыма; и оттуда Владимиръ привезъ въ Кіевъ первыхъ духовныхъ и необходимыя принадлежности для христіанскаго богослуженія. Въ Кіевѣ онъ крестилъ своихъ сыновей и народъ. Жители безъ явнаго противодѣйствія крестились въ Днѣпрѣ, отчасти потому, что въ самомъ Кіевѣ уже значительно распространено было христіанство и христіане не составляли тамъ незначительнаго меньшинства, а болѣе всего оттого, что у русскихъ язычниковъ не было жреческаго сословія, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота съ языческой точки зрѣнія и возбуждало бы толпу къ сопротивленію. Самое древнее русско-словянское язычество не имѣло опредѣленнаго характера, общаго для всѣхъ, въ смыслѣ положительной религіи, и состояло изъ множества суевѣрій и представленій, которыя при невѣжествѣ и впослѣдствіи легко уживались съ наружнымъ принятіемъ христіанства. Большинство вступало въ новую вѣру и совершало обрядъ крещенія, не понимая что́ дѣлаетъ. Борьба язычества съ христіанствомъ выражалась въ продолжительнымъ наблюденіемъ языческихъ пріемовъ жизни и сохраненіемъ языческихъ суевѣрій; такая борьба происходила многіе вѣка послѣ Владимира: но она не мѣшала русскому народу принять крещеніе, въ которомъ сначала онъ не видѣлъ ничего противнаго, потому что не понималъ его смысла. Только постепенно и для немногихъ открывался дѣйствительно свѣтъ новаго ученія.

Владимиръ дѣятельно занимался распространеніемъ вѣры, крестилъ народъ по землямъ, подвластнымъ ему, строилъ церкви, назначалъ духовныхъ. Въ самомъ Кіевѣ онъ построилъ церковь св. Василія и церковь Богородицы, такъ-называемую «Десятинную», названную такъ оттого, что князь назначилъ на содержаніе этой церкви и духовенства ея десятую часть княжескихъ доходовъ. Для прочнаго укрѣпленія новопринятой вѣры, Владимиръ вознамѣрился распространить книжное просвѣщеніе, и съ этой цѣлью въ Кіевѣ

и въ другихъ городахъ приказалъ набирать у значительныхъ домохозяевъ дѣтей и отдавать ихъ въ обученіе грамотѣ. Такимъ образомъ на Руси, въ какихъ-нибудь лѣтъ двадцать, возрасло поколѣніе людей по уровню своихъ понятій и по кругозору своихъ свѣдѣній, далеко шагнувшихъ впередъ отъ того состоянія, въ какомъ находились ихъ родители; эти люди стали не только основателями христіанскаго общества на Руси, но также проводниками переходившей вмѣстѣ съ религіею образованности, борцами за начала государственныя и гражданскія. Эта одна черта уже показываетъ во Владимирѣ истинно великаго человѣка: онъ вполнѣ понялъ самый вѣрный путь къ прочному водворенію началъ новой жизни, которыя хотѣлъ привить своему полудикому народу; и проводилъ свое намѣреніе, несмотря на встрѣчаемыя затрудненія. Лѣтописецъ говоритъ, что матери, отпуская дѣтей въ школы, плакали о нихъ, какъ о мертвыхъ.

Владимиръ послѣ крещенія является чрезвычайно благодушнымъ. Проникнутый духомъ христіанской любви, онъ не хотѣлъ даже казнить злодѣевъ, и хотя сначала согласился-было на увѣщанія корсунскихъ духовныхъ, находившихся около него въ Кіевѣ, но потомъ, съ совѣта бояръ и городскихъ старцевъ, установилъ наказывать преступниковъ только денежною пенею—вирою, по старымъ обычаямъ, разсуждая при этомъ, что такого рода наказаніе будетъ способствовать умноженію средствъ для содержанія войска.

Сохраняя племенную словянскую веселость, Владимиръ примирялъ ее съ требованіями христіанскаго благочестія. Онъ любилъ пиры и празднества, но пировалъ не съ одними своими боярами, а хотѣлъ дѣлиться своими утѣхами со всѣмъ народомъ— и съ старыми и малыми; онъ отправлялъ пиршества преимущественно въ большіе церковные праздники или по случаю освященія церквей (что въ то время было памятнымъ событіемъ). Онъ созывалъ народъ отовсюду, кормилъ, поилъ всѣхъ пришедшихъ, раздавалъ неимущимъ потребное, и даже заботясь о тѣхъ, которые почему нибудь сами не въ состояніи были явиться на княжій дворъ, приказывалъ развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровожденіе времени не мѣшало ему, однако, воевать противъ враговъ. Тогда кіевскую Русь безпокоили печенѣги, народъ кочевой и наѣзднический. Уже около столѣтія нападали они на русскій край и при отцѣ Владимира, во время его отсутствія, чуть-было не взяли Кіева. Владимиръ отразилъ ихъ съ успѣхомъ, и заботясь какъ объ умноженіи ратной силы, такъ и объ увеличеніи населенія въ краѣ прилежащемъ Кіеву, населялъ

построенные имъ по берегамъ-рѣкъ Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрѣпленныя мѣста переселенцами изъ разныхъ земель не только русско-славянскихъ, но и чудскихъ. Въ 992 году онъ отнялъ у польскаго короля червенскіе города, нынѣшнюю Галицію и присоединилъ къ Руси этотъ край, населенный хорватами, вѣтвью русско-словянскаго племени.

Передъ концомъ жизни Владиміръ понесъ сильное огорченіе: сынъ его Ярославъ оказалъ непослушаніе отцу и Владиміръ готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», приказывалъ онъ; но смерть застигла его въ этихъ сборахъ. Онъ умеръ 15 іюля 1015 года въ своемъ подгородномъ селѣ Берестовѣ.

II.

КІЕВСКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Княженіе Ярослава можетъ назваться продолженіемъ Владимирова, какъ по отношеніямъ кіевскаго князя къ подчиненнымъ землямъ, такъ и по содѣйствію къ расширенію въ Руси новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ.

Ярославъ является въ первый разъ въ исторіи мятежнымъ сыномъ противъ отца. По извѣстіямъ лѣтописи, будучи на княженіи въ Новгородѣ въ качествѣ подручника кіевскаго князя, Ярославъ собиралъ съ новгородской земли три тысячи гривенъ, изъ которыхъ двѣ тысячи долженъ былъ отсылать въ Кіевъ къ отцу своему. Ярославъ не сталъ доставлять этихъ денегъ, и разгнѣванный отецъ собирался идти съ войскомъ наказывать непокорнаго сына. Ярославъ убѣжалъ въ Швецію набирать иноплеменниковъ противъ отца. Смерть Владимира помѣшала этой войнѣ. По соображеніямъ съ тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще болѣе глубокія причины раздора, возникшаго между сыномъ и отцомъ. Дѣти Владимира были отъ разныхъ матерей [1]).

---

[1]) Одни лѣтописныя извѣстія называютъ Ярослава сыномъ Рогнѣди, но другія противорѣчатъ этому, сообщая, что Владимиръ имѣлъ отъ несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустилъ Рогнѣдь съ сыномъ въ землю отца ея Рогволода; съ тѣхъ поръ потомки Рогнѣди княжили особо въ Полоцкѣ и между ними и потомствомъ Ярослава существовала постоянно родовая непріязнь, поддерживаемая преданіями о своихъ предкахъ. Изъ рода въ родъ переходило такое преданіе: приживши отъ Рогнѣди сына Изяслава, Владимиръ покинулъ ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнѣдь, изъ мщенія за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимиръ успѣлъ проснуться во-время и схватилъ ее за руку въ ту минуту, когда она занесла надъ нимъ ножъ. Владимиръ приказалъ ей одѣться въ брачный нарядъ, сѣсть въ богатоубранномъ покоѣ и ожидать его: онъ

Владиміръ предъ кончиною болѣе всѣхъ сыновей любилъ Бориса. Вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ Глѣбомъ онъ въ нашихъ лѣтописахъ называется сыномъ «болгарыни», а по другимъ, позднѣйшимъ, извѣстіямъ — сыномъ греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти извѣстія, полагали, что царевна, отданная въ замужство за Владиміра Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческихъ императоровъ, дочь болгарскаго царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василія и Константина, или же родная—до сихъ поръ не рѣшено, но во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что Борисъ и Глѣбъ были дѣти этой царевны и Владиміръ, какъ христіанинъ, оказывалъ имъ предпочтеніе передъ другими сыновьями, считая ихъ болѣе законными по рожденію, такъ какъ съ ихъ матерью онъ былъ соединенъ христіанскимъ бракомъ, и они, кромѣ того, предпочтительно передъ другими, имѣли право на знатность происхожденія по матери отъ царской крови.

Владиміръ, размѣстивши сыновей по землямъ, держалъ близь себя Бориса, явно желая передать ему послѣ себя кіевское княжество. Это, какъ видно, и вооружало противъ отца Ярослава, который лѣтами былъ старше Бориса, но еще болѣе вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который былъ по лѣтамъ старше Ярослава. Въ лѣтописи Святополкъ признается сыномъ монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владиміръ взялъ себѣ послѣ брата, какъ говорятъ, беременною и потому неизвѣстно, былъ ли Святополкъ сынъ Ярополка или Владиміра; но въ томъ или въ другомъ случаѣ Святополкъ по возрасту былъ старше всѣхъ прочихъ сыновей Владиміра. Смерть не допустила Владиміра до войны съ сыномъ.

собственноручно обѣщалъ умертвить ее. Но Рогнѣдь научила малолѣтнаго сына своего Изяслава взять въ руки обнаженный мечь, и вышедши на встрѣчу отцу, сказать: „отецъ, ты думаешь,—что ты здѣсь одинъ!“ Владиміръ тронулся видомъ сына: „Кто бы думалъ, что ты будешь здѣсь!“—сказалъ онъ, и бросилъ мечь, затѣмъ призвавши „бояръ“ передалъ на ихъ судъ свое дѣло съ женою. „Не убивай ее—сказали бояре—ради ея дитяти; возврати ей съ сыномъ отчину ея отца“. Такъ разсказываетъ преданіе, безъ сомнѣнія общераспространенное въ древнія времена. Внуки Рогволода, помня, по преданію, объ этомъ событіи, находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ внукамъ Владимірова сына, Ярослава, которымъ, кромѣ полоцкой земли, оставшейся въ рукахъ потомковъ Рогволода съ материнской стороны, досталась въ княженіе вся остальная русская земля. При существованіи такого преданія, подтверждаемаго вѣковымъ обособленіемъ полоцкихъ князей отъ Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыномъ Рогнѣди.

Но не будучи единоутробнымъ братомъ полоцкаго князя, уже при жизни Владиміра отдѣленнаго, Ярославъ не былъ единоутробнымъ братомъ и другихъ сыновей своего отца.

Бориса въ то время не было въ Кіевѣ: онъ былъ отправленъ отцомъ на печенѣговъ. Бояре, благопріятствовавшіе Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вѣроятно, до того времени, пока можетъ возвратиться Борисъ, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополкъ дарами и ласкательствомъ расположилъ къ себѣ кіевлянъ; они признали его кіевскимъ княземъ: хотя старшинство рожденія давало ему право на княженіе, но нужно было еще утвердить его и народнымъ согласіемъ, особенно въ такое время, когда существовали другіе соискатели. Положеніе его, однако, и при этомъ было нетвердо. Купленное расположеніе кіевлянъ могло легко измѣниться. Дѣти христіанской царевны имѣли передъ нимъ нравственное преимущество, могли, кромѣ того, призвать чужеземцевъ, и особенно Борисъ могъ во всякомъ случаѣ быть для него опаснымъ соперникомъ. Святополкъ избавился отъ обоихъ, подославши тайныхъ убійцъ. Борисъ былъ умерщвленъ на берегахъ Альты, близь Переяславля; Глѣбъ — на Днѣпрѣ, близь Смоленска. Такая же участь постигла и третьяго брата Святослава Древлянскаго, который, услышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Двое первыхъ, впослѣдствіи, причислены къ лику святыхъ: описаніе ихъ смерти послужило предметомъ риторическихъ повѣствованій. Эти князья долго считались покровителями княжескаго рода и охранителями русской земли, такъ что многія побѣды русскихъ надъ иноплеменниками приписывались непосредственному вмѣшательству святыхъ сыновей Владимира. Третій братъ Святославъ не удостоился такой чести, вѣроятно оттого, что первыхъ возвысило въ глазахъ церкви рожденіе отъ матери, принесшей съ собой христіанство въ русскую землю.

Ярославъ, ничего не зная о смерти отца, привелъ въ Новгородъ варяговъ и разставилъ ихъ по дворамъ [1]). Пришельцы начали безчинствовать; составился противъ нихъ заговоръ и послѣдовало избіеніе варяговъ во дворѣ какого-то Поромони. Ярославъ,

---

[1]) Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавскихъ полуостровов, служившіе у византійскихъ императоровъ и переходившіе изъ отечества въ Грецію черезъ русскія земли воднымъ путемъ по рѣкамъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Такъ какъ русскіе въ образѣ этихъ людей познакомились съ скандинавами, то перенесли ихъ сословное названіе на названіе вообще обитателей скандинавскихъ полуостровов, а впослѣдствіи это названіе расширилось въ своемъ значеніи и подъ именемъ варяговъ стали разумѣть вообще западныхъ европейцевъ, подобно тому, какъ въ настоящее время простой народъ называетъ всѣхъ западныхъ европейцевъ нѣмцами.

въ отмщеніе за это, зазвалъ къ себѣ въ Ракомъ (близъ Новгорода, за Юрьевымъ монастыремъ) зачинщиковъ заговора подъ видомъ угощенія, и приказалъ перебить. Въ слѣдующую ночь затѣмъ пришло ему изъ Кіева извѣстіе отъ сестры Предславы о смерти отца и объ избіеніи братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче (народная сходка), изъявлялъ сожалѣніе о своемъ вѣроломномъ поступкѣ съ новгородцами и спрашивалъ: согласятся-ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебилъ нашу братью, но мы можемъ за тебя бороться», отвѣчали ему. Новгородцамъ былъ разсчетъ помогать Ярославу; ихъ тяготила зависимость отъ Кіева, которая должна была сдѣлаться еще тягостнѣе при Святополкѣ, судя по его жестокому нраву; новгородцевъ оскорбляло и высокомѣрное поведеніе кіевлянъ, считавшихъ себя ихъ господами. Они поднялись за Ярослава, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и за себя, и не ошиблись въ разсчетѣ, такъ какъ впослѣдствіи Ярославъ, обязанный имъ своимъ успѣхомъ, далъ имъ льготную грамату, освобождавшую ихъ отъ непосредственной власти Кіева и возвращавшую Новгороду съ его землею древнюю самобытность.

Ярославъ выступилъ въ походъ противъ кіевскаго князя въ 1016 году съ новгородцами, которыхъ лѣтописецъ считаетъ до 40,000; съ нимъ было также до 1,000 варяговъ подъ начальствомъ Эймунда, сына норвежскаго князя Ринга. Святополкъ выступилъ противъ него осенью съ кіевлянами и печенѣгами. Враги встрѣтились подъ Любечемъ и долго (по лѣтописямъ, три мѣсяца) стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли первые перебраться черезъ рѣку; наконецъ, кіевляне раздражили новгородцевъ презрительными насмѣшками. Святополковъ воевода, выѣхавши впередъ, кричалъ: «Ахъ, вы, плотники этакіе, чего пришли съ этимъ хоромцемъ (охотникомъ строить); вотъ, мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!». — «Князь, закричали новгородцы, если ты не пойдешь, то мы сами ударимъ на нихъ», и они перевезлись черезъ Днѣпръ. Ярославъ, зная, что одинъ изъ воеводъ кіевскихъ расположенъ къ нему, послалъ къ нему ночью отрока и приказалъ сказать ему такого рода намекъ: «Что́ дѣлать? меду мало варено, а дружины много». Кіевлянинъ отвѣчалъ: «Хотя меду мало, а дружины много, но къ вечеру нужно дать». Ярославъ понялъ, что слѣдуетъ въ ту же ночь сдѣлать нападеніе и двинулся въ битву, отдавши такой приказъ своей дружинѣ: «повяжите свои головы платками, чтобы отличать своихъ»!. Святополкъ заложилъ свой станъ между двумя озерами и, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ и веселился съ дружиною. Новгородцы неожиданно уда-

рили на него. Печенѣги стояли за озеромъ и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули кіевлянъ къ озеру. Кіевляне бросились на ледъ, но ледъ былъ еще тонокъ и многіе потонули въ озерѣ. Разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ своему тестю Болеславу, а Ярославъ вступилъ въ Кіевъ.

Болеславъ, прозванный Храбрый, стремился къ расширенію своихъ польскихъ владѣній. Онъ увидѣлъ благопріятный случай вмѣшаться въ междоусобія русскихъ князей для своихъ выгодъ, и въ 1018 году пошелъ вмѣстѣ съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ, предупреждая враговъ, двинулся противъ нихъ на Волынь и встрѣтился съ ними на берегахъ Буга. Тутъ опять повторился русскій обычай поддразнивать враговъ. Кормилецъ и воевода Ярославовъ, Будый, ѣздя по берегу, кричалъ, указывая на Болеслава: «Вотъ, мы тебѣ щепкою проколемъ черево твое толстое». Не стерпѣлъ такого оскорбленія храбрый Болеславъ: «Если васъ не трогаетъ такой укоръ,—сказалъ онъ своимъ, я одинъ погибну», и бросился въ бродъ черезъ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ готовъ къ бою, не выдержалъ напора и убѣжалъ съ четырьмя изъ своихъ людей въ Новгородъ.

Болеславъ овладѣлъ Кіевомъ, не возвратилъ его Святополку, а засѣлъ въ немъ самъ и приказалъ развести свою дружину по городамъ. Кіевъ представлялъ много привлекательнаго для завоевателей. Дань съ подчиненныхъ русскихъ земель обогащала этотъ городъ; торговля съ Греціей и Востокомъ скопляла въ немъ произведенія тогдашней образованности. Жить въ немъ было весело. Болеславъ хотѣлъ, пребывая въ Кіевѣ, править своимъ государствомъ и отправлялъ оттуда посольства въ западную и восточную имперію. Но такое поведеніе скоро раздражило какъ Святополка, такъ и кіевлянъ. Святополкъ очутился въ своемъ княженіи подручникомъ иноземнаго государя, а поляки начали обращаться съ кіевлянами, какъ господа съ рабами. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать поляковъ. Разставленные по городамъ, поляки не въ силахъ были помогать другъ другу. Болеславъ бѣжалъ, но успѣлъ захватить съ собою княжеское имущество, и сестеръ Ярославовыхъ. Онъ прежде сватался за одну изъ сестеръ Ярослава, Предславу, но получивъ отказъ, въ отмщеніе взялъ ее теперь къ себѣ насильно.

Тѣмъ временемъ Ярославъ, прибѣжавши въ попыхахъ въ Новгородъ, хотѣлъ бѣжать дальше, за море. Но бывшій тогда новгородскимъ посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустилъ его и велѣлъ разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будемъ еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ». Наложили по-

II.

КІЕВСКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Княженіе Ярослава можетъ назваться продолженіемъ Владимирова, какъ по отношеніямъ кіевскаго князя къ подчиненнымъ землямъ, такъ и по содѣйствію къ расширенію въ Руси новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ.

Ярославъ является въ первый разъ въ исторіи мятежнымъ сыномъ противъ отца. По извѣстіямъ лѣтописи, будучи на княженіи въ Новгородѣ въ качествѣ подручника кіевскаго князя, Ярославъ собиралъ съ новгородской земли три тысячи гривенъ, изъ которыхъ двѣ тысячи долженъ былъ отсылать въ Кіевъ къ отцу своему. Ярославъ не сталъ доставлять этихъ денегъ, и разгнѣванный отецъ собирался идти съ войскомъ наказывать непокорнаго сына. Ярославъ убѣжалъ въ Швецію набирать иноплеменниковъ противъ отца. Смерть Владимира помѣшала этой войнѣ. По соображеніямъ съ тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще болѣе глубокія причины раздора, возникшаго между сыномъ и отцомъ. Дѣти Владимира были отъ разныхъ матерей [1]).

---

[1]) Одни лѣтописныя извѣстія называютъ Ярослава сыномъ Рогнѣды, но другія противорѣчатъ этому, сообщая, что Владимиръ имѣлъ отъ несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустилъ Рогнѣдь съ сыномъ въ землю отца ея Рогволода; съ тѣхъ поръ потомки Рогнѣды княжили особо въ Полоцкѣ и между ними и потомствомъ Ярослава существовала постоянно родовая непріязнь, поддерживаемая преданіями о своихъ предкахъ. Изъ рода въ родъ переходило такое преданіе: прижививши отъ Рогнѣды сына Изяслава, Владимиръ покинулъ ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнѣдь, изъ мщенія за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимиръ успѣлъ проснуться во-время и схватилъ ее за руку въ ту минуту, когда она заносила надъ нимъ ножъ. Владимиръ приказалъ ей одѣться въ брачный нарядъ, сѣсть въ богатоубранномъ покоѣ и ожидать его: онъ

Владиміръ предъ кончиною болѣе всѣхъ сыновей любилъ Бориса. Вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ Глѣбомъ онъ въ нашихъ лѣтописахъ называется сыномъ «болгарыни», а по другимъ, позднѣйшимъ, извѣстіямъ — сыномъ греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти извѣстія, полагали, что царевна, отданная въ замужство за Владиміра Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческихъ императоровъ, дочь болгарскаго царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василія и Константина, или же родная—до сихъ поръ не рѣшено, но во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что Борисъ и Глѣбъ были дѣти этой царевны и Владиміръ, какъ христіанинъ, оказывалъ имъ предпочтеніе передъ другими сыновьями, считая ихъ болѣе законными по рожденію, такъ какъ съ ихъ матерью онъ былъ соединенъ христіанскимъ бракомъ, и они, кромѣ того, предпочтительно передъ другими, имѣли право на знатность происхожденія по матери отъ царской крови.

Владиміръ, размѣстивши сыновей по землямъ, держалъ близь себя Бориса, явно желая передать ему послѣ себя кіевское княжество. Это, какъ видно, и вооружало противъ отца Ярослава, который лѣтами былъ старше Бориса, но еще болѣе вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который былъ по лѣтамъ старше Ярослава. Въ лѣтописи Святополкъ признается сыномъ монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владиміръ взялъ себѣ послѣ брата, какъ говорятъ, беременною и потому неизвѣстно, былъ ли Святополкъ сынъ Ярополка или Владиміра; но въ томъ или въ другомъ случаѣ Святополкъ по возрасту былъ старше всѣхъ прочихъ сыновей Владиміра. Смерть не допустила Владиміра до войны съ сыномъ.

собственноручно обѣщалъ умертвить ее. Но Рогнѣдь научила малолѣтнаго сына своего Изяслава взять въ руки обнаженный мечь, и вышедши на встрѣчу отцу, сказать: „отецъ, ты думаешь,—что ты здѣсь одинъ!“ Владиміръ тронулся видомъ сына: „Кто бы думалъ, что ты будешь здѣсь!“—сказалъ онъ, и бросилъ мечь, затѣмъ призвавши „бояръ“ передалъ на ихъ судъ свое дѣло съ женою. „Не убивай ее—сказали бояре—ради ея дитяти; возврати ей съ сыномъ отчину ея отца“. Такъ разсказываетъ преданіе, безъ сомнѣнія общераспространенное въ древнія времена. Внуки Рогволода, помня, по преданію, объ этомъ событіи, находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ внукамъ Владимирова сына, Ярослава, которымъ, кромѣ полоцкой земли, оставшейся въ рукахъ потомковъ Рогволода съ материнской стороны, досталась въ княженіе вся остальная русская земля. При существованіи такого преданія, подтверждаемаго вѣковымъ обособленіемъ полоцкихъ князей отъ Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыномъ Рогнѣди.

Но не будучи единоутробнымъ братомъ полоцкаго князя, уже при жизни Владиміра отдѣленнаго, Ярославъ не былъ единоутробнымъ братомъ и другихъ сыновей *своего* отца.

Бориса въ то время не было въ Кіевѣ: онъ былъ отправленъ отцомъ на печенѣговъ. Бояре, благопріятствовавшіе Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вѣроятно, до того времени, пока можетъ возвратиться Борисъ, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополкъ дарами и ласкательствомъ расположилъ къ себѣ кіевлянъ; они признали его кіевскимъ княземъ: хотя старшинство рожденія давало ему право на княженіе, но нужно было еще утвердить его и народнымъ согласіемъ, особенно въ такое время, когда существовали другіе соискатели. Положеніе его, однако, и при этомъ было нетвердо. Купленное расположеніе кіевлянъ могло легко измѣниться. Дѣти христіанской царевны имѣли передъ нимъ нравственное преимущество, могли, кромѣ того, призвать чужеземцевъ, и особенно Борисъ могъ во всякомъ случаѣ быть для него опаснымъ соперникомъ. Святополкъ избавился отъ обоихъ, подославши тайныхъ убійцъ. Борисъ былъ умерщвленъ на берегахъ Альты, близъ Переяславля; Глѣбъ — на Днѣпрѣ, близъ Смоленска. Такая же участь постигла и третьяго брата Святослава Древлянскаго, который, услышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Двое первыхъ, впослѣдствіи, причислены къ лику святыхъ: описаніе ихъ смерти послужило предметомъ риторическихъ повѣствованій. Эти князья долго считались покровителями княжескаго рода и охранителями русской земли, такъ что многія побѣды русскихъ надъ иноплеменниками приписывались непосредственному вмѣшательству святыхъ сыновей Владимира. Третій братъ Святославъ не удостоился такой чести, вѣроятно оттого, что первыхъ возвысило въ глазахъ церкви рожденіе отъ матери, принесшей съ собой христіанство въ русскую землю.

Ярославъ, ничего не зная о смерти отца, привелъ въ Новгородъ варяговъ и разставилъ ихъ по дворамъ [1]). Пришельцы начали безчинствовать; составился противъ нихъ заговоръ и послѣдовало избіеніе варяговъ во дворѣ какого-то Поромони. Ярославъ,

---

[1]) Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавскихъ полуострововъ, служившіе у византійскихъ императоровъ и переходившіе изъ отечества въ Грецію черезъ русскія земли водянымъ путемъ по рѣкамъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Такъ какъ русскіе въ образѣ этихъ людей познакомились съ скандинавами, то перенесли ихъ сословное названіе на названіе вообще обитателей скандинавскихъ полуострововъ, а впослѣдствіи это названіе расширилось въ своемъ значеніи и подъ именемъ варяговъ стали разумѣть вообще западныхъ европейцевъ, подобно тому, какъ въ настоящее время простой народъ называетъ всѣхъ западныхъ европейцевъ нѣмцами.

въ отмщеніе за это, зазвалъ къ себѣ въ Ракомъ (близъ Новгорода, за Юрьевымъ монастыремъ) зачинщиковъ заговора подъ видомъ угощенія, и приказалъ перебить. Въ слѣдующую ночь затѣмъ пришло ему изъ Кіева извѣстіе отъ сестры Предславы о смерти отца и объ избіеніи братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче (народная сходка), изъявлялъ сожалѣніе о своемъ вѣроломномъ поступкѣ съ новгородцами и спрашивалъ: согласятся-ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебилъ нашу братью, но мы можемъ за тебя бороться», отвѣчали ему. Новгородцамъ былъ разсчетъ помогать Ярославу; ихъ тяготила зависимость отъ Кіева, которая должна была сдѣлаться еще тягостнѣе при Святополкѣ, судя по его жестокому нраву; новгородцевъ оскорбляло и высокомѣрное поведеніе кіевлянъ, считавшихъ себя ихъ господами. Они поднялись за Ярослава, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и за себя, и не ошиблись въ разсчетѣ, такъ какъ впослѣдствіи Ярославъ, обязанный имъ своимъ успѣхомъ, далъ имъ льготную грамату, освобождавшую ихъ отъ непосредственной власти Кіева и возвращавшую Новгороду съ его землею древнюю самобытность.

Ярославъ выступилъ въ походъ противъ кіевскаго князя въ 1016 году съ новгородцами, которыхъ лѣтописецъ считаетъ до 40,000; съ нимъ было также до 1,000 варяговъ подъ начальствомъ Эймунда, сына норвежскаго князя Ринга. Святополкъ выступилъ противъ него осенью съ кіевлянами и печенѣгами. Враги встрѣтились подъ Любечемъ и долго (по лѣтописямъ, три мѣсяца) стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли первые перебраться черезъ рѣку; наконецъ, кіевляне раздражили новгородцевъ презрительными насмѣшками. Святополковъ воевода, выѣхавши впередъ, кричалъ: «Ахъ, вы, плотники этакіе, чего пришли съ этимъ хоромцемъ (охотникомъ строить); вотъ, мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!». — «Князь, закричали новгородцы, если ты не пойдешь, то мы сами ударимъ на нихъ», и они перевезлись черезъ Днѣпръ. Ярославъ, зная, что одинъ изъ воеводъ кіевскихъ расположенъ къ нему, послалъ къ нему ночью отрока и приказалъ сказать ему такого рода намекъ: «Что́ дѣлать? меду мало варено, а дружины много». Кіевлянинъ отвѣчалъ: «Хотя меду мало, а дружины много, но къ вечеру нужно дать». Ярославъ понялъ, что слѣдуетъ въ ту же ночь сдѣлать нападеніе и двинулся въ битву, отдавши такой приказъ своей дружинѣ: «повяжите свои головы платками, чтобы отличать своихъ»!. Святополкъ заложилъ свой станъ между двумя озерами и, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ и веселился съ дружиною. Новгородцы неожиданно уда-

рили на него. Печенѣги стояли за озеромъ и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули кіевлянъ къ озеру. Кіевляне бросились на ледъ, но ледъ былъ еще тонокъ и многіе потонули въ озерѣ. Разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ своему тестю Болеславу, а Ярославъ вступилъ въ Кіевъ.

Болеславъ, прозванный Храбрый, стремился къ расширенію своихъ польскихъ владѣній. Онъ увидѣлъ благопріятный случай вмѣшаться въ междоусобія русскихъ князей для своихъ выгодъ, и въ 1018 году пошелъ вмѣстѣ съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ, предупреждая враговъ, двинулся противъ нихъ на Волынь и встрѣтился съ ними на берегахъ Буга. Тутъ опять повторился русскій обычай поддразнивать враговъ. Кормилецъ и воевода Ярославовъ, Будый, ѣздя по берегу, кричалъ, указывая на Болеслава: «Вотъ, мы тебѣ щепкою проколемъ черево твое толстое». Не стерпѣлъ такого оскорбленія храбрый Болеславъ: «Если васъ не трогаетъ такой укоръ,—сказалъ онъ своимъ, я одинъ погибну», и бросился въ бродъ черезъ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ готовъ къ бою, не выдержалъ напора и убѣжалъ съ четырьмя изъ своихъ людей въ Новгородъ.

Болеславъ овладѣлъ Кіевомъ, не возвратилъ его Святополку, а засѣлъ въ немъ самъ и приказалъ развести свою дружину по городамъ. Кіевъ представлялъ много привлекательнаго для завоевателей. Дань съ подчиненныхъ русскихъ земель обогащала этотъ городъ; торговля съ Греціей и Востокомъ скопляла въ немъ произведенія тогдашней образованности. Жить въ немъ было весело. Болеславъ хотѣлъ, пребывая въ Кіевѣ, править своимъ государствомъ и отправлялъ оттуда посольства въ западную и восточную имперію. Но такое поведеніе скоро раздражило какъ Святополка, такъ и кіевлянъ. Святополкъ очутился въ своемъ княженіи подручникомъ иноземнаго государя, а поляки начали обращаться съ кіевлянами, какъ господа съ рабами. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать поляковъ. Разставленные по городамъ, поляки не въ силахъ были помогать другъ другу. Болеславъ бѣжалъ, но успѣлъ захватить съ собою княжеское имущество, и сестеръ Ярославовыхъ. Онъ прежде сватался за одну изъ сестеръ Ярослава, Предславу, но получивъ отказъ, въ отмщеніе взялъ ее теперь къ себѣ насильно.

Тѣмъ временемъ Ярославъ, прибѣжавши въ попыхахъ въ Новгородъ, хотѣлъ бѣжать дальше, за море. Но бывшій тогда новгородскимъ посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустилъ его и велѣлъ разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будемъ еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ». Наложили по-

головную подать, съ каждаго человѣка по четыре куны; но старосты платили по 10 гривенъ, а бояре по восемнадцати [1]), наняли варяговъ, собрали многочисленную рать и двинулись на Кіевъ.

Святополкъ, освободившись отъ Болеслава вѣроломнымъ образомъ, не могъ уже болѣе на него надѣяться. Не въ силахъ будучи удержать Кіевъ, Болеславъ все-таки захватилъ червенскіе города, отнятые отъ Польши Владиміромъ. Святополкъ обратился къ печенѣгамъ: на помощь кіевлянъ, какъ видно, онъ также не разсчитывалъ. Ярославъ сталъ на берегу Альты, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ братъ его Борисъ. Тамъ, въ одну изъ пятницъ 1019 года, на восходѣ солнца, произошла кровавая сѣча. Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, на него нашелъ какой-то безумный страхъ; онъ такъ разслабѣлъ, что не могъ сидѣть на конѣ и его тащили на носилкахъ. Такъ достигъ онъ Берестья (Брестъ) «Бѣжимъ, бѣжимъ, за нами гонятся!» — кричалъ онъ въ безпамятствѣ. Бывшіе съ нимъ отроки посылали провѣдать, не гонится-ли кто за ними; но никого не было, а Святополкъ все кричалъ: «Вотъ, вотъ, гонятся, бѣжимъ!» и не давалъ остановиться ни на минуту; и забѣжалъ онъ куда-то «въ пустыню между чеховъ и ляховъ» и тамъ кончилъ жизнь. «Могила его въ этомъ мѣстѣ и до сего дня, говоритъ лѣтописецъ, и изъ нея исходитъ смрадъ [2])». Память Святополка покрылась позоромъ между потомками и прозвище «Окаяннаго» осталось за нимъ въ исторіи.

Ярославъ сѣлъ на столѣ [3]) въ Кіевѣ и долженъ былъ выдержать борьбу и съ другими родичами. Полоцкій князь Брячиславъ, сынъ брата его Изяслава, въ 1021 году напалъ на Новгородъ, ограбилъ, взялъ въ плѣнъ многихъ новгородцевъ, и ушелъ къ Полоцку; но Ярославъ догналъ его на рѣкѣ Судо-

---

[1]) Куна первоначально куница; куній мѣхъ, такъ какъ мѣха были мѣриломъ цѣнности вещей, отсюда слово куна стало означать монетную единицу. Гривна — собственно вѣсовая единица, но въ перенесеніи понятія сдѣлалась крупною монетною единицею въ родѣ англійскаго фунта стерлинговъ. Первоначально гривна серебра = фунтъ, потомъ уменшаясь = около полфунта, гривна кунъ приблизительно въ семь съ половиною разъ менѣе гривны серебра.

[2]) По скандинавскимъ извѣстіямъ, Святополкъ погибъ въ предѣлахъ Руси, убитый варягами.

[3]) Съ этихъ поръ о вступающемъ на княженіе князя почти всегда въ лѣтописяхъ говорится, что „онъ сѣлъ на столъ". Выраженіе это согласовалось съ обрядомъ: новаго князя дѣйствительно сажали на столъ въ главной соборной церкви, что и знаменовало признаніе его княземъ со стороны земли.

мири, отбилъ новгородскихъ плѣнниковъ, отнялъ награбленное въ Новгородѣ, но потомъ помирился съ нимъ, уступивъ ему во владѣніе Витебскъ и Усвятъ.

Въ 1023 году Ярославу пришлось бороться съ братомъ Мстиславомъ. Этотъ князь, по древнимъ извѣстіямъ, плотный тѣломъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвѣ, щедрый къ дружинѣ, получилъ отъ отца удѣлъ въ отдаленной Тьмутаракани, прославился своею богатырскою удалью и въ особенности единоборствомъ съ касожскимъ княземъ Редедею, которое долго помнилось на Руси и составляло одинъ изъ любимыхъ предметовъ старинныхъ пѣснопѣній. Русскіе, владѣя тьмутараканскою страною, часто воевали съ сосѣдями своими касогами. Князь касожскій, по имени Редедя, предложилъ Мстиславу единоборство съ тѣмъ, чтобъ тотъ изъ нихъ, кто въ борьбѣ останется побѣдителемъ, получилъ имущество, и жену, и дѣтей, и землю побѣжденнаго. Мстиславъ принялъ предложеніе. Редедя былъ исполинскаго роста и необыкновенный силачъ; Мстиславъ изнемогалъ въ борьбѣ съ нимъ, но взмолился къ пресв. Богородицѣ и далъ обѣтъ построить во имя ея церковь, если одолѣетъ своего врага. Послѣ того онъ собралъ всѣ сили свои, повалилъ Редедю на землю и зарѣзалъ ножемъ. По сдѣланному условію, Мстиславъ послѣ того овладѣлъ его имуществомъ, женою, дѣтьми и наложилъ на касоговъ дань, а въ благодарность пресв. Богородицѣ, оказавшей ему въ минуту опасности помощь свыше, построилъ храмъ во имя ея въ Тьмутаракани. Этотъ-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава съ подчиненными ему касогами и призвалъ на помощь хазаръ. Сначала, онъ, пользуясь отъѣздомъ Ярослава въ Новгородъ, хотѣлъ-было овладѣть Кіевомъ, но кіевляне его не приняли; насильно покорять ихъ онъ, какъ видно, не хотѣлъ или не могъ. Ярославъ пригласилъ изъ-за моря варяговъ. Достойно замѣчанія, что почти всегда въ междоусобіяхъ князей этого времени они принуждены были приглашать какихъ-нибудь чужеземцевъ. Такъ было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовалъ Якунъ (Гаконъ), который оставилъ по себѣ на Руси память тѣмъ, что на немъ былъ плащъ, затканный золотомъ. Ярославъ и Мстиславъ вступили въ бой въ сѣверской землѣ близъ Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой былъ жестокій. Мстиславъ выставилъ противъ варяговъ сѣверянъ; варяги одолѣвали сѣверянъ, но бросился на варяговъ отважный князь Мстиславъ со своею удалою дружиною—и побѣжали варяги; Якунъ потерялъ даже свой золототканный плащъ. Утромъ, обозрѣвая поле битвы, Мстиславъ говорилъ: «ну, какъ этому не порадо-

ваться! Здѣсь лежитъ варягъ, тамъ сѣверянинъ, а своя дружина цѣла!» Русскіе князья еще долго проявляли свое древнее значеніе предводителей воинственныхъ шаекъ, и только принятое христіанство мало-по-малу преобразовало ихъ въ земскихъ правителей.

Побѣдитель не сталъ болѣе вести войны съ братомъ. Онъ послалъ Ярославу, забѣжавшему въ Новгородъ, такое слово: ты старѣйшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ лѣвая сторона Днѣпра»! Ярославъ долженъ былъ согласиться. Мстиславъ избралъ себѣ столицею Черниговъ и заложилъ тамъ церковь св. Спаса. Съ тѣхъ поръ братья жили между собою душа въ душу и въ 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храбраго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславомъ червенскіе города (Галичину); тогда Ярославъ привелъ изъ Польши много плѣнниковъ и поселилъ ихъ у себя по берегамъ Роси; Мстиславу также достались плѣнники для поселенія въ своемъ удѣлѣ. Такимъ образомъ въ народонаселеніе кіевской земли вливалась между прочимъ, польская народная стихія.

Въ 1036 году Мстиславъ умеръ, выѣхавши на охоту. Онъ не оставилъ по себѣ дѣтей. Удѣлъ его достался Ярославу и съ тѣхъ поръ кіевскій князь остался до смерти единымъ властителемъ русскихъ земель, кромѣ полоцкой. Былъ, кромѣ него, въ живыхъ еще одинъ сынъ Владимира Святого, Судиславъ, жившій въ Псковѣ, но Ярославъ по какому-то оговору, тотчасъ по смерти Мстислава, засадилъ его въ тюрьму въ томъ же Псковѣ, и несчастный сидѣлъ тамъ безвыходно до кончины Ярослава. Въ Новгородъ сначала Ярославъ самъ часто наѣзжалъ и живалъ тамъ по-долгу, а въ отсутствіи своемъ управлялъ черезъ посадниковъ. Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустившій Ярослава бѣжать за море, впослѣдствіи подвергся его гнѣву, былъ сосланъ въ Ростовъ, а потомъ убитъ въ Муромѣ. Въ 1038 Ярославъ посадилъ въ Новгородъ сына своего Владимира, а послѣ его смерти въ 1052 г. посаженъ былъ сынъ Ярослава Изяславъ, и съ тѣхъ поръ въ Новгородѣ постоянно уже были особые князья; преимущественно же въ первое время выбирались старшіе сыновья кіевскаго князя.

Ярославъ расширялъ область русскаго міра подчиненіемъ новыхъ земель. Кромѣ пріобрѣтенія червенскихъ городовъ отъ Польши, онъ счастливо воевалъ съ Чудью и въ 1030 году основалъ въ чудской землѣ городъ Юрьевъ, названный такимъ образомъ по христіанскому имени Ярослава, нареченнаго Юріемъ въ крещеніи. Въ 1038 и 1040 годахъ, онъ предпринималъ походы *на ятвяговъ* и Литву и заставилъ ихъ платить дань. Червенскіе

города все еще составляли спорную область между Польшею и Русью, но Ярославъ укрѣпилъ ихъ за Русью тѣмъ, что помирился и породнился съ польскимъ княземъ Казимиромъ. Ярославъ отдалъ за него сестру свою. Казимиръ возвратилъ вмѣсто вѣна [1]) восемьсотъ русскихъ плѣнныхъ, нѣкогда захваченныхъ Болеславомъ: въ тѣ времена очень дорожили людьми, по скудости рукъ необходимыхъ для обработки полей и для защиты края. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ это время Казимиръ уступилъ русскому великому князю окончательно и червенскіе города, а за то Ярославъ пособилъ ему подчинить себѣ Мазовію. Не такъ счастливо кончилась у Ярослава морская война съ Греціею, послѣдняя въ русской исторіи. Раздоръ произошелъ по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русскаго. Ярославъ въ 1043 г. отправилъ противъ Византіи сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русскія суда и выбросила на берегъ Вышату съ шестью тысячами воиновъ. Греки окружили ихъ, взяли въ плѣнъ и привели въ Царьградъ. Тамъ Вышатѣ и многимъ русскимъ выкололи глаза. Но Владимиръ на морѣ счастливо отбилъ нападеніе греческихъ судовъ и воротился въ отечество. Черезъ три года заключенъ былъ миръ; слѣпцовъ отпустили со всѣми плѣнными, а въ утвержденіе мира греческій императоръ Константинъ Мономахъ отдалъ дочь свою за сына Ярославова Всеволода. Это было не одно родство Ярослава съ иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ, который даже оставилъ потомству стихотвореніе, въ которомъ, воспѣвая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна къ нему. Другая дочь Анна вышла за французскаго короля Генриха I, и въ новомъ отечествѣ присоединилась къ римско-католической церкви, тогда еще только-что отпавшей отъ единенія съ восточною. Сыновья Ярослава (вѣроятно Вячеславъ и Святославъ) были женаты на нѣмецкихъ княжнахъ.

Ярославъ болѣе всего оставилъ по себѣ память въ русской исторіи своими дѣлами внутренняго устроенія. Не даромъ, во время борьбы съ Святополкомъ, кіевляне называли его «хоромцемъ», охотникомъ строить. Онъ дѣйствительно имѣлъ страсть къ сооруженіямъ. Въ 1037 году напали на Кіевъ печенѣги. Ярославъ былъ въ Новгородѣ и поспѣшилъ на югъ съ варягами и новгородцами. Печенѣги огромною силою

---

[1]) Плата даваемая женихомъ родителямъ или братьямъ невѣсты по древнему обычаю.

подступили къ Кіеву и были разбиты на голову. (Съ тѣхъ поръ уже набѣги ихъ не повторялись. Часть печенѣговъ поселилась въ русской землѣ и мы въ послѣдующія времена видимъ ихъ наравнѣ съ русскими въ войскахъ русскихъ князей). Въ память этого событія создана была Ярославомъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила самая жестокая сѣча съ печенѣгами.

Храмъ св. Софіи построенъ былъ греческими зодчими и украшенъ греческими художниками. Несмотря на всѣ послѣдующія перестройки и пристройки, храмъ этотъ до сихъ поръ можетъ служить образцомъ византійскаго зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европѣ. У насъ это единственное зданіе XI вѣка, сохранившееся сравнительно въ большей цѣлости. Въ первоначальномъ своемъ видѣ это было продолговатое каменное зданіе, сложенное изъ огромныхъ кирпичныхъ плитъ и отчасти дикаго камня; оно длиною въ пятьдесятъ два аршина и шириною около семидесяти шести аршинъ. Вышина его была отъ шестидесяти до семидесяти аршинъ. На сѣверной, западной и южной сторонахъ сдѣланы были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами съ тремя арками внизу и вверху на южной и сѣверной сторонахъ; алтарь троечастный, полукруглый съ окнами, а рядомъ съ нимъ было два придѣла. Зданіе освѣщалось пятью куполами, изъ которыхъ самый большой приходился надъ срединой церкви, а четыре надъ хорами. Алтарныя стѣны, алтарные столбы и главный куполъ были украшены мозаикой, а прочія стѣны стѣнною живописью [1]). Снаружи церковь была обведена папертью, изъ которой на двухъ сторонахъ: южной и сѣверной, шли двѣ витыя лѣстницы на хоры. Эти лѣстницы были расписаны изображеніями разныхъ случаевъ изъ свѣтской жизни, какъ-то: княжеской охоты, княжескаго суда, народныхъ увеселеній и т. п. (фрески эти существуютъ и до сихъ поръ, хотя нѣсколько подправленныя).

---

[1]) Въ настоящее время отъ прежней мозаики осталось на главномъ алтарномъ сводѣ изображеніе Богородицы съ поднятыми руками, а внизу на той же стѣнѣ часть Тайной Вечери, а еще ниже подъ нею часть изображеній разныхъ святыхъ. На алтарныхъ столбахъ изображеніе Благовѣщенія: на лѣвой сторонѣ Ангелъ съ вѣтвью, а на противоположномъ столбѣ прядущая Богородица. Кромѣ того уцѣлѣла часть мозаики въ куполѣ. Древняя стѣнная живопись въ XVII вѣкѣ была заштукатурена и на штукатуркѣ нарисованы были другія изображенія, въ XIX столѣтіи новая штукатурка была отбита, открыта старая и подправлена, но не совсѣмъ удачно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ произвольно.

Кромѣ св. Софіи, Ярославъ построилъ въ Кіевѣ церковь св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь св. Георгія, распространилъ Кіевъ съ западной стороны и построилъ такъ-называемыя Золотыя Ворота съ церковью Благовѣщенія надъ ними. По его повелѣнію, въ Новгородѣ, сынъ его Владимиръ въ 1045 году воздвигъ церкевь св. Софіи въ Новгородѣ, по образцу кіевской, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Церковь эта сдѣлалась главною святынею Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространенiемъ христіанской религіи по всѣмъ русскимъ землямъ. Тогда уже выросло поколѣніе тѣхъ дѣтей, которыхъ Владимиръ отдавалъ въ книжное ученіе. Ярославъ въ этомъ отношеніи продолжалъ дѣло своего отца; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ извѣстіе, что онъ въ Новгородѣ собралъ 300 дѣтей у старостъ и поповъ и отдавалъ ихъ «учиться книгамъ». Въ суздальской землѣ въ 1024 году самъ Ярославъ боролся противъ язычества. Сдѣлался въ этой странѣ голодъ. Волхвы научали людей, будто старыя бабы скрываютъ въ себѣ жито и всякое обиліе. Народъ волновался и нѣсколько женщинъ было убито. Ярославъ прибылъ въ Суздаль, казнилъ волхвовъ, ихъ соумышленниковъ засадилъ въ тюрьмы и поучалъ народъ, что голодъ происходитъ отъ кары Божіей, а не отъ чародѣйства старыхъ бабъ. Христіанство сильнѣе стало распространяться въ этой землѣ между Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вѣра въ Кіевѣ и потому тамъ строились одинъ за другимъ монастыри. Умноженіе епископскихъ каѳедръ потребовало установленія главной каѳедры надъ всѣми, или митрополіи. Ярославъ положилъ начало русской митрополіи вмѣстѣ съ основаніемъ св. Софіи. Первымъ митрополитомъ при немъ является Ѳеопемптъ, освящавшій въ 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославомъ. Въ 1051 году, вмѣсто Ѳеопемпта, поставленъ былъ соборомъ русскихъ епископовъ, Иларіонъ, родомъ русскій, человѣкъ замѣчательно ученый по своему времени, какъ показываетъ оставшееся отъ него сочиненіе «о благодати и законѣ». Самъ Ярославъ любилъ чтеніе и бесѣды съ книжными людьми; онъ собралъ знатоковъ и поручилъ переводить съ греческаго на русскій языкъ разныя сочиненія духовнаго содержанія и переписывать уже переведенныя; такимъ образомъ, составилась библіотека, которую Ярославъ приказалъ хранить въ св. Софіи. Кіевскій князь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе освятить въ глазахъ народа свой княжескій родъ и съ этою цѣлью, вскорѣ по утвержденіи своемъ къ Кіевѣ, перенесъ тѣло

Глѣба и положилъ рядомъ съ тѣломъ Бориса въ Вышгородѣ: съ этихъ поръ они начали привлекать къ себѣ народъ на поклоненіе; говорили, что тѣла ихъ были нетлѣнны и у гроба ихъ совершались исцѣленія. Въ 1044 году Ярославъ совершилъ странный обрядъ: онъ приказалъ выкопать изъ земли и крестить въ Десятинной церкви кости своихъ дядей Олега и Ярополка, а потомъ похоронить ихъ въ церкви.

Ярославу принадлежитъ начало сборника древнихъ законовъ, подъ названіемъ «Русской Правды». Сборникъ этотъ, существующій въ нѣсколькихъ различныхъ, то болѣе, то менѣе полныхъ редакціяхъ, заключаетъ законоположенія, установленныя въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, чего въ точности опредѣлить невозможно. Самая старѣйшая дошедшая до насъ редакція не восходитъ ранѣе конца XIII вѣка. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ статей были составлены при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, о чемъ прямо говорится въ самыхъ статьяхъ. Ученые признаютъ принадлежащими времени Ярослава первыя семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть можетъ, многія изъ послѣдующихъ статей первоначально относятся къ его же времени. Главнымъ предметомъ Ярославовыхъ законоположеній — случаи обидъ и вреда, наносимыхъ одними лицами другимъ. Вообще, какъ за убійства, такъ и за увѣчье и побои предоставлялась месть; за убійство могли законно мстить братъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына и племянникъ за дядю. Если же мести не было, тогда платилась князю «вира», имѣвшая разные размѣры, смотря по свойству обиды и по званію обиженнаго: такимъ образомъ за убійство всякаго свободнаго человѣка платилось 40 гривенъ, а за княжескаго мужа 80. Вѣроятно, ко временамъ Ярослава можно отнести постановленіе о «дикой» вирѣ, которая платилась князю всею общиною или вервью (отъ веревки, которою обмѣрялась принадлежавшая общинѣ земля) въ томъ случаѣ, когда на землѣ общины совершено было убійство, но на убійцу не было предоставлено иска. Нашедшій у кого-нибудь украденную у него вещь могъ взять ее тотчасъ, если объявилъ предваритель но о покражѣ на торгу, а если не объявилъ, то долженъ былъ вести вора на сводъ, т.-е. доискиваться какимъ путемъ пришла къ нему вещь. Такой же порядокъ соблюдался по отношенію къ бѣглому или украденному холопу. Въ случаѣ запирательства отвѣтчика, дѣло рѣшалось судомъ 12 выбранныхъ человѣкъ.

Еще до своей смерти Ярославъ размѣстилъ по русскимъ землямъ своихъ сыновей. Въ Новгородѣ былъ старшій сынъ его

Владиміръ, умершій еще при жизни отца въ 1052 году. Въ Туровѣ былъ второй сынъ Ярослава, Изяславъ, которому отецъ по смерти Владиміра отдалъ Новгородское княженіе и назначилъ послѣ своей смерти кіевское; въ Черниговѣ, Святославъ, въ Переяславѣ — Всеволодъ, въ Владимірѣ Волынскомъ—Игорь, а въ Смоленскѣ Вячеславъ.

Ярославъ скончался 20 февраля 1054 года на рукахъ у любимаго сына Всеволода и погребенъ въ церкви св. Софіи въ мраморной гробницѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ.

III.

ПРЕПОДОБНЫЙ ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

Въ эпоху, когда Русь приняла христіанство, православная церковь была пропитана монашескимъ духомъ, и религіозное благочестіе находилось подъ исключительнымъ вліяніемъ монастырскаго взгляда. Сложилось представленіе, что человѣкъ можетъ угодить Богу болѣе всего добровольными лишеніями, страданіями, удрученіемъ плоти, отреченіемъ отъ всякихъ земныхъ благъ, даже самоотчужденіемъ отъ себѣ подобныхъ, — что Богу пріятна печаль, скорбь, слезы человѣка; и напротивъ, веселое, спокойное житье есть угожденіе діаволу и ведетъ къ погибели. Образцомъ богоугоднаго человѣка сдѣлался отшельникъ, отрѣшившійся отъ всякой связи съ людьми; въ примѣръ высокой христіанской добродѣтели ставили затворниковъ, добровольно сидѣвшихъ въ тѣсной кельѣ, пещерѣ, на столбѣ, въ дуплѣ и т. п., питавшихся самою скудною, грубою пищею, налагавшихъ на себя обѣтъ молчанія, истязавшихъ тѣло тяжелыми желѣзными веригами и предававшихъ его всѣмъ неудобствамъ неопрятности. Если не всѣ должны были вести такого рода жизнь, то всѣ, по крайней мѣрѣ, обязаны были, въ видахъ благочестія, приближаться къ такому идеалу. Слово *спасеніе* въ христіанскомъ смыслѣ тѣсно связывалось съ пріемами, выражавшими болѣе или менѣе такое стремленіе. Весь строй богослуженія сложился такъ, какъ будто былъ созданъ для монастырской жизни: продолжительныя чтенія, стоянія, множество молитвъ и правилъ, чрезвычайно сложная символика и обрядность — все приноравливалось къ такому людскому обществу, гдѣ бы человѣкъ могъ исключительно быть занятъ моленіемъ. Самое содержаніе молитвъ, вошедшихъ въ церковный обиходъ и сочиненныхъ отшельниками, болѣе подходило къ признакамъ монастырской, чѣмъ мірской жизни. Совершенный отшельникъ былъ самымъ высшимъ идеа-

ломъ христіанина; за нимъ, въ благочестивомъ воззрѣніи, слѣдовала монастырская община—общество безбрачныхъ постниковъ и тружениковъ, считавшееся настоящимъ христіанскимъ обществомъ, а за предѣлами его былъ уже «міръ», спасавшійся только молитвами отшельниковъ и монаховъ и посильнымъ приближеніемъ къ пріемамъ монастырскаго житья. Оттого-то постъ, какъ одинъ изъ этихъ пріемовъ, пользовался и до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться въ народѣ важнѣйшимъ значеніемъ въ дѣлѣ спасенія. Оттого-то хожденіе въ монастыри считалось особенно богоугоднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, когда къ этому присоединялись лишенія и трудности; оттого-то благочестивый міринанъ думалъ передъ смертью избавиться отъ вѣчной муки, записавши въ монастырь свое имущество, или самъ спѣшилъ постричься. Хотя бракъ въ церкви и признавался священнымъ дѣломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, монашеское безбрачіе ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человѣкъ, въ назидательныхъ житіяхъ и проповѣдяхъ, могъ безпрестанно встрѣчать примѣры, выставляемые за образецъ, когда святой мужъ избѣгалъ брака или даже убѣгалъ отъ жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взглядъ шелъ въ этомъ случаѣ далѣе самого ученія церкви и всякое сближеніе половъ, даже супружеское, называлъ грѣхомъ: извѣстно, что до сихъ поръ многіе изъ народа толкуютъ первородный грѣхъ Адама и Евы половымъ сближеніемъ, хотя такое толкованіе давно отвергнуто церковью. Тѣмъ не менѣе, однако, безбрачная жизнь признавалась самою церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, съ его уставами, съ его благочестивыми воспоминаніями и преданіями, суждено было сдѣлаться средоточіемъ духовной жизни, высшимъ центромъ просвѣщенія, котораго лучи должны были падать на грѣшный міръ. По религіозному воззрѣнію, если Божіе долготерпѣніе щадило этотъ грѣшный міръ, достойный кары, за всѣ свои пороки и беззаконія, то этимъ онъ былъ обязанъ именно заступничеству тѣхъ подвижниковъ, которые отреклись отъ него и презрѣли его широкій путь со всѣми временными наслажденіями. Они молились за грѣшный міръ и въ этомъ состояла ихъ любовь и служба обществу человѣческому.

Въ тѣ времена, когда духовная дѣятельность вращалась почти исключительно въ религіозной сферѣ или, по крайней мѣрѣ, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ религіи, понятно, что монастырь сдѣлался школою для народа; монахи были его наставниками; въ монастыряхъ сосредоточивалось книжное ученіе, и зна-

чительная часть дошедшей до насъ письменности носитъ на себѣ характеръ монашескій.

Такъ было въ византійскомъ мірѣ; то же перешло и къ намъ; хотя рядомъ съ этимъ заимствованнымъ направленіемъ проявлялись проблески самобытной духовной дѣятельности свѣжаго и даровитаго народа, но для потомства они не выдержали соперничества съ монастырскимъ духомъ: печерскій патерикъ, содержащій житія святыхъ иноковъ печерскаго монастыря, въ теченіе вѣковъ оставался твореніемъ, извѣстнымъ всему русскому народу, даже неграмотному, тогда какъ поэтическое произведеніе XII вѣка «Слово о Полку Игоря», уцѣлѣвшее случайно въ одномъ спискѣ, служитъ печальнымъ свидѣтельствомъ о погибели другого рода литературы, не имѣвшей въ книжномъ мірѣ той крѣпости, какою обладали монастырскія произведенія.

Понятія объ отреченіи отъ міра, объ удрученіи плоти, отшельничествѣ и монастырскомъ житіи пришли къ намъ, конечно, разомъ съ крещеніемъ. Хотя во времена Владимира въ старинныхъ спискахъ лѣтописи не говорится о монастыряхъ, но это, конечно, оттого, что христіанство только-что водворялось; однако, вѣроятно, и тогда уже появились начатки монашескаго житья. О временахъ Ярослава существуетъ положительное извѣстіе, что въ его княженіе начались монастыри и умножились черноризцы: этотъ князь любилъ духовныхъ и въ особенности монаховъ; при немъ въ Кіевѣ явилось нѣсколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильныхъ волею, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырскаго житья были: Антоній, а болѣе всего Ѳеодосій, основатели печерскаго монастыря. Обычай выкапывать пещеры и поселяться въ нихъ, въ видахъ спасенія, возникъ въ Египтѣ и существовалъ на всемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ религіозными преданіями зашли къ намъ и повѣствованія объ угодившихъ Богу пещерникахъ: явились подражатели. Первый, начавшій копать пещеру близъ Кіева, былъ Иларіонъ, священникъ въ селѣ Берестовѣ, получившій потомъ санъ митрополита. Въ покинутой имъ пещерѣ поселился молодой Антоній, родомъ изъ Любеча, который ходилъ на Аѳонскую гору и получилъ тамъ монашеское постриженіе. По возвращеніи въ отечество, онъ не былъ доволенъ жизнью въ монастыряхъ, построенныхъ въ Кіевѣ, поселился въ пещерѣ, изнурялъ себя воздержаніемъ, вкушалъ только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Примѣръ его подѣйствовалъ на какого-то священника, по имени Никона: онъ присталъ къ Антонію и

сталъ жить съ нимъ въ пещерѣ. За нимъ явился къ нему третій сподвижникъ; это былъ Ѳеодосій.

Намъ осталось житіе этого святого. Оно несомнѣнно старое, такъ какъ извѣстно по рукописямъ XII вѣка, и, какъ значится въ немъ, написано Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ. По этому житію Ѳеодосій былъ уроженецъ города Василева (нынѣ Васильковъ), въ дѣтствѣ съ родителями переселившійся въ Курскъ. Онъ лишился отца на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ и остался подъ властью матери, женщины суроваго нрава и упрямой. Съ дѣтства замѣтна была въ немъ молчаливость и задумчивость; онъ удалялся отъ дѣтскихъ игръ; религія стала привлекать къ себѣ эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось въ немъ и овладѣло всѣмъ его бытіемъ. Первое, чѣмъ выразилось оно, было стремленіе къ простотѣ; ему противны казались внѣшнія отличія, которыя давало ему передъ низшими его общественное положеніе; онъ не терпѣлъ блестящихъ одеждъ, надѣвалъ на себя такое же платье, какое было на рабахъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какіе-то странствующіе богомольцы плѣнили его разсказами объ Іерусалимѣ, о мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, и Ѳеодосій тайно ушелъ съ ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ ей обѣщанія не убѣгать изъ дому. Оставшись на свободѣ, Ѳеодосій началъ печь просфоры. И за это мать сердилась на него, такъ какъ считала такое занятіе неприличнымъ его роду. Материнскій деспотизмъ вывелъ другой разъ изъ терпѣнія отрока: онъ убѣжалъ отъ нея въ какой-то городъ, присталъ къ священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоямъ. Такое недовольство матери благочестіемъ сына объясняется тѣмъ еще языческимъ состояніемъ, въ какомъ были тогда русскіе люди, такъ какъ христіанство проникло къ нимъ недавно; въ Курскѣ, городѣ глухомъ, не первоклассномъ, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще съ монастырскимъ бытомъ; пріемы монашества для нихъ казались странными и дикими. Лицо, которое Житіе называетъ властителемъ города—вѣроятно княжій мужъ, посадникъ Ярославовъ, онъ полюбилъ Ѳеодосія, взялъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ хорошее платье, но Ѳеодосій отдавалъ нищимъ это дареное платье, самъ ходилъ въ простомъ и наложилъ себѣ на тѣло желѣзныя цѣпи: онъ, конечно, слышалъ, что святые отшельники носили вериги и сталъ подражать имъ. Мать нечаянно увидѣла эти цѣпи, которыя до крови разъѣдали тѣло ея сына, сняла ихъ и опять прибила его.

Тогда юноша рѣшился бѣжать во что́ бы то ни стало. Онъ слыхалъ, что въ Кіевѣ есть монастыри и туда направилъ путь, чтобы тамъ постричься. Путь былъ не короткій; дороги Ѳеодосій не зналъ; къ счастію онъ встрѣтилъ купеческій обозъ, шедшій съ товарами въ Кіевъ, и не теряя его изъ виду, шелъ за нимъ слѣдомъ, останавливаясь тогда, когда обозъ останавливался и снова продолжалъ путешествіе, когда обозъ снимался съ мѣста. Такъ добрался онъ до Кіева. Но кіевскіе монастыри еще менѣе оказались удовлетворительными для Ѳеодосія, чѣмъ для Антонія. Юноша былъ бѣденъ; нигдѣ въ монастыряхъ не хотѣли принять его. Онъ услыхалъ объ Антоніи, отправился къ нему и просилъ принять къ себѣ.

«Чадо—сказалъ Антоній—пещера это мѣсто скорбное и тѣсное, ты же молодъ: я думаю, не вытерпишь скорби въ семъ мѣстѣ.»

«Честный отче—отвѣтилъ Ѳеодосій—ты все проразумѣваешь, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ твоей святости. Все, что̀ велишь, буду творить.»

«Чадо—сказалъ Антоній—благословенъ Богъ, укрѣпившій тебя къ такому намѣренію. Пребывай здѣсь.»

Онъ приказалъ Никону постричь Ѳеодосія. То было при князѣ Ярославѣ. Мать только черезъ четыре года напала на слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти сына, пріѣхала въ Кіевъ и съ большимъ трудомъ добилась, при посредствѣ Антонія, свиданія съ сыномъ.

Ѳеодосій остался непреклоненъ ко всѣмъ моленіямъ и просьбамъ матери и уговорилъ ее принять постриженіе.

Она рѣшилась на это, лишь бы имѣть возможность видѣть иногда сына, и постриглась въ монастырѣ св. Николая (на такъ-наз. Оскольдовой могилѣ).

Мало-по-малу число отшельниковъ увеличивалось. Одинъ молодой человѣкъ, сынъ боярина, приходилъ слушать поученія отшельниковъ и, наконецъ, рѣшился присоединиться къ нимъ. Никонъ постригъ его. За нимъ постригся другой, принадлежащій къ княжескому двору, скопецъ Ефремъ. Эти случаи вооружили противъ пещерниковъ кіевскаго князя Изяслава Ярославича до того, что онъ грозилъ раскопать ихъ пещеру. Князь посердился, но оставилъ въ покоѣ отшельниковъ; за то сынъ боярина, постриженный подъ именемъ Варлаама, вытерпѣлъ большую борьбу съ своимъ семействомъ. Онъ былъ женатъ. Отецъ взялъ его силою изъ пещеры, употреблялъ всѣ средства, чтобы отвлечь его отъ монашества и поручилъ его женѣ подѣйствовать на него своею любовью. Повѣствователь изображаетъ ласки жены, точно такъ какъ будто дѣло шло объ уловкахъ блудницы. Варлаамъ сидѣлъ

ломъ христіанина; за нимъ, въ благочестивомъ воззрѣніи, слѣдовала монастырская община—общество безбрачныхъ постниковъ и тружениковъ, считавшееся настоящимъ христіанскимъ обществомъ, а за предѣлами его былъ уже «міръ», спасавшійся только молитвами отшельниковъ и монаховъ и посильнымъ приближеніемъ къ пріемамъ монастырскаго житья. Оттого-то постъ, какъ одинъ изъ этихъ пріемовъ, пользовался и до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться въ народѣ важнѣйшимъ значеніемъ въ дѣлѣ спасенія. Оттого-то хожденіе въ монастыри считалось особенно богоугоднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, когда къ этому присоединялись лишенія и трудности; оттого-то благочестивый мірянинъ думалъ передъ смертью избавиться отъ вѣчной муки, записавши въ монастырь свое имущество, или самъ спѣшилъ постричься. Хотя бракъ въ церкви и признавался священнымъ дѣломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, монашеское безбрачіе ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человѣкъ, въ назидательныхъ житіяхъ и проповѣдяхъ, могъ безпрестанно встрѣчать примѣры, выставляемые за образецъ, когда святой мужъ избѣгалъ брака или даже убѣгалъ отъ жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взглядъ шелъ въ этомъ случаѣ далѣе самого ученія церкви и всякое сближеніе половъ, даже супружеское, называлъ грѣхомъ: извѣстно, что до сихъ поръ многіе изъ народа толкуютъ первородный грѣхъ Адама и Евы половымъ сближеніемъ, хотя такое толкованіе давно отвергнуто церковью. Тѣмъ не менѣе, однако, безбрачная жизнь признавалась самою церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, съ его уставами, съ его благочестивыми воспоминаніями и преданіями, суждено было сдѣлаться средоточіемъ духовной жизни, высшимъ центромъ просвѣщенія, котораго лучи должны были падать на грѣшный міръ. По религіозному воззрѣнію, если Божіе долготерпѣніе щадило этотъ грѣшный міръ, достойный кары, за всѣ свои пороки и беззаконія, то этимъ онъ былъ обязанъ именно заступничеству тѣхъ подвижниковъ, которые отреклись отъ него и презрѣли его широкій путь со всѣми временными наслажденіями. Они молились за грѣшный міръ и въ этомъ состояла ихъ любовь и служба обществу человѣческому.

Въ тѣ времена, когда духовная дѣятельность вращалась почти исключительно въ религіозной сферѣ или, по крайней мѣрѣ, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ религіи, понятно, что монастырь сдѣлался школою для народа; монахи были его наставниками; въ монастыряхъ сосредоточивалось книжное ученіе, и зна-

чительная часть дошедшей до насъ письменности носитъ на себѣ характеръ монашескій.

Такъ было въ византійскомъ мірѣ; то же перешло и къ намъ; хотя рядомъ съ этимъ заимствованнымъ направленіемъ проявлялись проблески самобытной духовной дѣятельности свѣжаго и даровитаго народа, но для потомства они не выдержали соперничества съ монастырскимъ духомъ: печерскій патерикъ, содержащій житія святыхъ иноковъ печерскаго монастыря, въ теченіе вѣковъ оставался твореніемъ, извѣстнымъ всему русскому народу, даже неграмотному, тогда какъ поэтическое произведеніе XII вѣка «Слово о Полку Игоря», уцѣлѣвшее случайно въ одномъ спискѣ, служитъ печальнымъ свидѣтельствомъ о погибели другого рода литературы, не имѣвшей въ книжномъ мірѣ той крѣпости, какою обладали монастырскія произведенія.

Понятія объ отреченіи отъ міра, объ удрученіи плоти, отшельничествѣ и монастырскомъ житіи пришли къ намъ, конечно, разомъ съ крещеніемъ. Хотя во времена Владимира въ старинныхъ спискахъ лѣтописи не говорится о монастыряхъ, но это, конечно, оттого, что христіанство только-что водворялось; однако, вѣроятно, и тогда уже появились начатки монашескаго житья. О временахъ Ярослава существуетъ положительное извѣстіе, что въ его княженіе начались монастыри и умножились черноризцы: этотъ князь любилъ духовныхъ и въ особенности монаховъ; при немъ въ Кіевѣ явилось нѣсколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильныхъ волею, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырскаго житья были: Антоній, а болѣе всего Ѳеодосій, основатели печерскаго монастыря. Обычай выкапывать пещеры и поселяться въ нихъ, въ видахъ спасенія, возникъ въ Египтѣ и существовалъ на всемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ религіозными преданіями зашли къ намъ и повѣствованія объ угодившихъ Богу пещерникахъ: явились подражатели. Первый, начавшій копать пещеру близъ Кіева, былъ Иларіонъ, священникъ въ селѣ Берестовѣ, получившій потомъ санъ митрополита. Въ покинутой имъ пещерѣ поселился молодой Антоній, родомъ изъ Любеча, который ходилъ на Аѳонскую гору и получилъ тамъ монашеское постриженіе. По возвращеніи въ отечество, онъ не былъ доволенъ жизнью въ монастыряхъ, построенныхъ въ Кіевѣ, поселился въ пещерѣ, изнурялъ себя воздержаніемъ, вкушалъ только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Примѣръ его подѣйствовалъ на какого-то священника, по имени Никона: онъ присталъ къ Антонію и

сталъ жить съ нимъ въ пещерѣ. За нимъ явился къ нему третій сподвижникъ; это былъ Ѳеодосій.

Намъ осталось житіе этого святого. Оно несомнѣнно старое, такъ какъ извѣстно по рукописямъ XII вѣка, и, какъ значится въ немъ, написано Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ. По этому житію Ѳеодосій былъ уроженецъ города Василева (нынѣ Васильковъ), въ дѣтствѣ съ родителями переселившійся въ Курскъ. Онъ лишился отца на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ и остался подъ властью матери, женщины суроваго нрава и упрямой. Съ дѣтства замѣтна была въ немъ молчаливость и задумчивость; онъ удалялся отъ дѣтскихъ игръ; религія стала привлекать къ себѣ эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось въ немъ и овладѣло всѣмъ его бытіемъ. Первое, чѣмъ выразилось оно, было стремленіе къ простотѣ; ему противны казались внѣшнія отличія, которыя давало ему передъ низшими его общественное положеніе; онъ не терпѣлъ блестящихъ одеждъ, надѣвалъ на себя такое же платье, какое было на рабахъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какіе-то странствующіе богомольцы плѣнили его разсказами объ Іерусалимѣ, о мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, и Ѳеодосій тайно ушелъ съ ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ ей обѣщанія не убѣгать изъ дому. Оставшись на свободѣ, Ѳеодосій началъ печь просфоры. И за это мать сердилась на него, такъ какъ считала такое занятіе неприличнымъ его роду. Материнскій деспотизмъ вывелъ другой разъ изъ терпѣнія отрока: онъ убѣжалъ отъ нея въ какой-то городъ, присталъ къ священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоямъ. Такое недовольство матери благочестіемъ сына объясняется тѣмъ еще языческимъ состояніемъ, въ какомъ были тогда русскіе люди, такъ какъ христіанство проникло къ нимъ недавно; въ Курскѣ, городѣ глухомъ, не первоклассномъ, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще съ монастырскимъ бытомъ; пріемы монашества для нихъ казались странными и дикими. Лицо, которое Житіе называетъ властителемъ города—вѣроятно княжій мужъ, посадникъ Ярославовъ, онъ полюбилъ Ѳеодосія, взялъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ хорошее платье, но Ѳеодосій отдавалъ нищимъ это дареное платье, самъ ходилъ въ простомъ и наложилъ себѣ на тѣло желѣзныя цѣпи: онъ, конечно, слышалъ, что святые отшельники носили вериги и сталъ подражать имъ. Мать нечаянно увидѣла эти цѣпи, которыя до крови разъѣдали тѣло ея сына, сняла ихъ и опять прибила его.

Тогда юноша рѣшился бѣжать во чтó бы то ни стало. Онъ слыхалъ, что въ Кіевѣ есть монастыри и туда направилъ путь, чтобы тамъ постричься. Путь былъ не короткій; дороги Ѳеодосій не зналъ; къ счастію онъ встрѣтилъ купеческій обозъ, шедшій съ товарами въ Кіевъ, и не теряя его изъ виду, шелъ за нимъ слѣдомъ, останавливаясь тогда, когда обозъ останавливался и снова продолжалъ путешествіе, когда обозъ снимался съ мѣста. Такъ добрался онъ до Кіева. Но кіевскіе монастыри еще менѣе оказались удовлетворительными для Ѳеодосія, чѣмъ для Антонія. Юноша былъ бѣденъ; нигдѣ въ монастыряхъ не хотѣли принять его. Онъ услыхалъ объ Антоніи, отправился къ нему и просилъ принять къ себѣ.

«Чадо—сказалъ Антоній—пещера это мѣсто скорбное и тѣсное, ты же молодъ: я думаю, не вытерпишь скорби въ семъ мѣстѣ.»

«Честный отче—отвѣтилъ Ѳеодосій—ты все проразумѣваешь, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ твоей святости. Все, чтò велишь, буду творить.»

«Чадо—сказалъ Антоній—благословенъ Богъ, укрѣпившій тебя къ такому намѣренію. Пребывай здѣсь.»

Онъ приказалъ Никону постричь Ѳеодосія. То было при князѣ Ярославѣ. Мать только черезъ четыре года напала на слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти сына, пріѣхала въ Кіевъ и съ большимъ трудомъ добилась, при посредствѣ Антонія, свиданія съ сыномъ.

Ѳеодосій остался непреклоненъ ко всѣмъ моленіямъ и просьбамъ матери и уговорилъ ее принять постриженіе.

Она рѣшилась на это, лишь бы имѣть возможность видѣть иногда сына, и постриглась въ монастырѣ св. Николая (на такъ-наз. Оскольдовой могилѣ).

Мало-по-малу число отшельниковъ увеличивалось. Одинъ молодой человѣкъ, сынъ боярина, приходилъ слушать поученія отшельниковъ и, наконецъ, рѣшился присоединиться къ нимъ. Никонъ постригъ его. За нимъ постригся другой, принадлежащій къ княжескому двору, скопецъ Ефремъ. Эти случаи вооружили противъ пещерниковъ кіевскаго князя Изяслава Ярославича до того, что онъ грозилъ раскопать ихъ пещеру! Князь посердился, но оставилъ въ покоѣ отшельниковъ; за то сынъ боярина, постриженный подъ именемъ Варлаама, вытерпѣлъ большую борьбу съ своимъ семействомъ. Онъ былъ женатъ. Отецъ взялъ его силою изъ пещеры, употреблялъ всѣ средства, чтобы отвлечь его отъ монашества и поручилъ его женѣ подѣйствовать на него своею любовью. Повѣствователь изображаетъ ласки жены, точно такъ какъ будто *дѣло шло* объ уловкахъ блудницы. Варлаамъ сидѣлъ

сталъ жить съ нимъ въ пещерѣ. За нимъ явился къ нему третій сподвижникъ; это былъ Θеодосій.

Намъ осталось житіе этого святого. Оно несомнѣнно старое, такъ какъ извѣстно по рукописямъ XII вѣка, и, какъ значится въ немъ, написано Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ. По этому житію Θеодосій былъ уроженецъ города Василева (нынѣ Васильковъ), въ дѣтствѣ съ родителями переселившійся въ Курскъ. Онъ лишился отца на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ и остался подъ властью матери, женщины суроваго нрава и упрямой. Съ дѣтства замѣтна была въ немъ молчаливость и задумчивость; онъ удалялся отъ дѣтскихъ игръ; религія стала привлекать къ себѣ эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось въ немъ и овладѣло всѣмъ его бытіемъ. Первое, чѣмъ выразилось оно, было стремленіе къ простотѣ; ему противны казались внѣшнія отличія, которыя давало ему передъ низшими его общественное положеніе; онъ не терпѣлъ блестящихъ одеждъ, надѣвалъ на себя такое же платье, какое было на рабахъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какіе-то странствующіе богомольцы плѣнили его разсказами объ Іерусалимѣ, о мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, и Θеодосій тайно ушелъ съ ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ ей обѣщанія не убѣгать изъ дому. Оставшись на свободѣ, Θеодосій началъ печь просфоры. И за это мать сердилась на него, такъ какъ считала такое занятіе неприличнымъ его роду. Материнскій деспотизмъ вывелъ другой разъ изъ терпѣнія отрока: онъ убѣжалъ отъ нея въ какой-то городъ, присталъ къ священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоямъ. Такое недовольство матери благочестіемъ сына объясняется тѣмъ еще языческимъ состояніемъ, въ какомъ были тогда русскіе люди, такъ какъ христіанство проникло къ нимъ недавно; въ Курскѣ, городѣ глухомъ, не первоклассномъ, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще съ монастырскимъ бытомъ; пріемы монашества для нихъ казались странными и дикими. Лицо, которое Житіе называетъ властителемъ города—вѣроятно княжій мужъ, посадникъ Ярославовъ, онъ полюбилъ Θеодосія, взялъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ хорошее платье, но Θеодосій отдавалъ нищимъ это дареное платье, самъ ходилъ въ простомъ и наложилъ себѣ на тѣло желѣзныя цѣпи: онъ, конечно, слышалъ, что святые отшельники носили вериги и сталъ подражать имъ. Мать нечаянно увидѣла эти цѣпи, которыя до крови разъѣдали тѣло ея сына, сняла ихъ и опять прибила его.

Тогда юноша рѣшился бѣжать во что́ бы то ни стало. Онъ слыхалъ, что въ Кіевѣ есть монастыри и туда направилъ путь, чтобы тамъ постричься. Путь былъ не короткій; дороги Θеодосій не зналъ; къ счастію онъ встрѣтилъ купеческій обозъ, шедшій съ товарами въ Кіевъ, и не теряя его изъ виду, шелъ за нимъ слѣдомъ, останавливаясь тогда, когда обозъ останавливался и снова продолжалъ путешествіе, когда обозъ снимался съ мѣста. Такъ добрался онъ до Кіева. Но кіевскіе монастыри еще менѣе оказались удовлетворительными для Θеодосія, чѣмъ для Антонія. Юноша былъ бѣденъ; нигдѣ въ монастыряхъ не хотѣли принять его. Онъ услыхалъ объ Антоніи, отправился къ нему и просилъ принять къ себѣ.

«Чадо—сказалъ Антоній—пещера это мѣсто скорбное и тѣсное, ты же молодъ: я думаю, не вытерпишь скорби въ семъ мѣстѣ.»

«Честный отче—отвѣтилъ Θеодосій—ты все проразумѣваешь, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ твоей святости. Все, что́ велишь, буду творить.»

«Чадо—сказалъ Антоній—благословенъ Богъ, укрѣпившій тебя къ такому намѣренію. Пребывай здѣсь.»

Онъ приказалъ Никону постричь Θеодосія. То было при князѣ Ярославѣ. Мать только черезъ четыре года напала на слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти сына, пріѣхала въ Кіевъ и съ большимъ трудомъ добилась, при посредствѣ Антонія, свиданія съ сыномъ.

Θеодосій остался непреклоненъ ко всѣмъ моленіямъ и просьбамъ матери и уговорилъ ее принять постриженіе.

Она рѣшилась на это, лишь бы имѣть возможность видѣть иногда сына, и постриглась въ монастырѣ св. Николая (на такъ-наз. Оскольдовой могилѣ).

Мало-по-малу число отшельниковъ увеличивалось. Одинъ молодой человѣкъ, сынъ боярина, приходилъ слушать поученія отшельниковъ и, наконецъ, рѣшился присоединиться къ нимъ. Никонъ постригъ его. За нимъ постригся другой, принадлежащій къ княжескому двору, скопецъ Ефремъ. Эти случаи вооружили противъ пещерниковъ кіевскаго князя Изяслава Ярославича до того, что онъ грозилъ раскопать ихъ пещеру: Князь посердился, но оставилъ въ покоѣ отшельниковъ; за то сынъ боярина, постриженный подъ именемъ Варлаама, вытерпѣлъ большую борьбу съ своимъ семействомъ. Онъ былъ женатъ. Отецъ взялъ его силою изъ пещеры, употреблялъ всѣ средства, чтобы отвлечь его отъ монашества и поручилъ его женѣ подѣйствовать на него своею любовью. Повѣствователь изображаетъ ласки жены, точно такъ какъ будто дѣло шло объ уловкахъ блудницы. Варлаамъ сидѣлъ

въ углу, не вкушая предлагаемой пищи и не обращая вниманія на ласки жены: такъ пробылъ онъ три дня, молчалъ, и только мысленно просилъ Бога, чтобы укрѣпилъ и избавилъ его отъ женской прелести. Наконецъ, родители, видя, что ничего съ нимъ не подѣлаютъ, отпустили его со слезами; оплакивала его овдовѣвшая жена, плакали служители, любившіе его; Варлаамъ не тронулся ничѣмъ. Мѣсто это въ жизнеописаніи можетъ служить образчикомъ много разъ встрѣчаемаго въ сочиненіяхъ монаховъ чрезмѣрнаго предпочтенія монашескаго одиночнаго житія брачному союзу и семейнымъ связямъ, всегда одобряемымъ и освящаемымъ духомъ Христовой религіи и уставами православной церкви.

Варлаамъ построилъ надъ пещерою церковь и былъ игуменомъ послѣ того, какъ Никонъ ушелъ изъ Кіева въ Тмутаракань. Съ этихъ поръ здѣсь положено было начало монастырскаго житія. Скоро Варлаамъ, по желанію князя, былъ переведенъ игуменомъ въ монастырь св. Димитрія въ Кіевѣ, а вмѣсто него, по благословенію Антонія, братія избрала игуменомъ Ѳеодосія.

До сихъ поръ всѣ пещерники жили въ тѣснотѣ чрезвычайно скудно, питались хлѣбомъ и водою, разрѣшая себѣ сочиво по субботамъ и воскреснымъ днямъ, но часто, вмѣсто сочива, по недостатку, довольствовались вареннымъ зельемъ. Ѳеодосій превосходилъ всѣхъ своими подвигами, такъ какъ онъ былъ очень крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ всѣмъ служилъ, носилъ воду, таскалъ дрова: всѣ жили ручною работою и на вырученныя деньги покупали себѣ муку; каждый долженъ былъ измолоть свою часть; когда другіе, уставши, отдыхали, Ѳеодосій мололъ за нихъ. Въ лѣтнія ночи онъ выходилъ изъ пещеры, обнажалъ до пояса свое тѣло, плелъ шерсть на копытца (чулки) и клобуки (шапочки), которые потомъ продавалъ для своего пропитанія, а самъ во время работы пѣлъ псалмы, между тѣмъ какъ мошки и комары кусали его до крови. Первымъ приходилъ онъ въ церковь къ богослуженію, послѣднимъ уходилъ изъ церкви, и во все время богослуженія простаивалъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни шагу. Такое подвижничество и смиреніе внушали къ нему уваженіе и прославили его.

Ѳеодосій, сдѣлавшись игуменомъ, выказалъ въ высокой степени талантъ устроителя и правителя. Внѣшніе знаки власти не только не плѣняли его, но были ему противны; за то онъ умѣлъ властвовать на самомъ дѣлѣ, какъ никто, и своимъ нравственнымъ вліяніемъ держалъ монастырь въ безусловномъ повиновеніи. Онъ отыскалъ удобное для построенія церкви мѣсто, неподалеку отъ пещеры, и въ короткое время построилъ тамъ другую церковь

во имя Пресв. Богородицы, выстроилъ около нея кельи, переселился туда съ братіею изъ пещеръ и послалъ одного изъ братіи къ Ефрему скопцу въ Константинополь, съ просьбою прислать для новоустроеннаго монастыря уставъ. Ефремъ скопецъ, бывшій постриженникъ печерскій, прислалъ Θеодосію уставъ студійскаго монастыря въ Константинополѣ, славившагося какъ святостью своихъ сподвижниковъ, такъ и ревностью ихъ къ православію во времена иконоборства. Этотъ уставъ и послужилъ на многіе вѣка уставомъ печерскаго монастыря.

Θеодосій былъ очень строгъ, требовалъ отъ братіи точнаго исполненія устава, постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ монашескихъ подвиговъ. Онъ по ночамъ обходилъ келіи, нерѣдко подслушивалъ у дверей и если слышалъ, что монахи разговариваютъ между собою, то ударялъ палкою въ дверь. Никому не дозволялъ онъ имѣть никакой собственности и если находилъ что-либо подобное въ кельѣ монаха, то бросалъ въ огонь. Никто изъ братіи не смѣлъ ничего съѣсть кромѣ того, что̀ предлагалась на трапезѣ. Главное, чего требовалъ онъ—это безпредѣльное послушаніе волѣ игумена, послушаніе безъ всякаго размышленія. Оно ставилась выше поста, выше всякихъ подвиговъ изнуренія плоти, выше молитвъ. Всякое переиначеніе приказанія игумена объявлялось грѣхомъ. Однажды келарь предложилъ братіи на трапезѣ хлѣбы, которые игуменъ велѣлъ предложить въ предшествовавшій день; келарь допустилъ это измѣненіе потому, что въ предшествовавшій день въ монастырѣ были уже другіе хлѣбы. Θеодосій приказалъ предложенные не въ указанный день хлѣбы бросить въ воду, а келаря подвергнулъ епитиміи. Братія была пріучена къ строжайшему буквальному исполненію воли игумена: однажды вратарь не пустилъ въ монастырь князя Изяслава, потому что этотъ князь пріѣхалъ въ такое время, когда Θеодосій запретилъ вратарю пускать постороннихъ въ монастырскую ограду. Требуя отъ братіи строгой нищенской и постной жизни, онъ самъ показывалъ другихъ примѣръ: ѣлъ обыкновенно одинъ ржаной хлѣбъ, вареную зелень безъ масла, и пилъ одну воду; въ великую четыредесятницу, отъ заговѣнья до пятницы вербной недѣли, запирался въ тѣсной пещерѣ; всегда носилъ на тѣлѣ власяницу, а сверхъ власяницы худую свитку и, кромѣ рукъ, никогда не мылъ своего тѣла.

Предписывая своимъ монахамъ строгое удаленіе отъ міра, который представлялся гнѣздилищемъ всѣхъ золъ, Θеодосій соприкасался съ мірскими людьми дѣлами христіанской любви: онъ устроилъ близъ монастыря дворъ для увѣчныхъ, слѣпыхъ, хро-

мыхъ, и давалъ на нихъ десятую часть монастырскихъ доходовъ, а по субботамъ посылалъ хлѣбы въ тюрьмы. Хотя въ монастырь поступали безпрестанно приношенія, но Ѳеодосій не скоплялъ богатствъ, тратилъ ихъ на добро другимъ и нерѣдко бывали дни, когда монастырь внезапно находился въ большой скудости. Ѳеодосій въ этомъ отношеніи предавался волѣ Божіей, и часто въ оправданіе такой надежды неожиданныя приношенія выручали братію. Къ Ѳеодосію обращались мірскіе люди съ просьбами о заступленіи передъ князьями и судьями, и онъ помогалъ имъ своимъ ходатайствомъ, такъ какъ князья и судьи уважали голосъ Ѳеодосія, считая его праведникомъ.

Нерѣдко князья приходили къ нему, а также приглашали къ себѣ. Однажды, пришедши къ князю Святославу Ярославичу, онъ засталъ тамъ большое веселіе: одни играли на гусляхъ и органахъ, другіе пѣли пѣсни. Ѳеодосій сидѣлъ и слушалъ ихъ съ печальнымъ видомъ и, наконецъ, проговорилъ: «Будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ!» Князь приказалъ немедленно остановить веселіе, изъ уваженія къ присутствію отшельника, и на будущее время Ѳеодосій уже не встрѣчалъ у него такихъ забавъ; но это не мѣшало князю предаваться забавамъ въ отсутствіе Ѳеодосія.

Добрыя отношенія къ князьямъ не мѣшали Ѳеодосію обличать ихъ за несправедливыя дѣянія. Когда Святославъ изгналъ брата своего Изяслава, Ѳеодосій порицалъ его, и въ своемъ посланіи къ нему уподоблялъ его Каину, убившему брата своего Авеля. Святославъ такъ разсердился за это, что грозилъ послать печерскаго игумена въ заточеніе. «Я этому радъ, сказалъ Ѳеодосій, для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ страшиться: потери-ли имущества и богатствъ? разлучаться-ли мнѣ съ дѣтьми и селами? Нагими пришли мы въ міръ, нагими и выйдемъ изъ него?» Князь не сталъ болѣе преслѣдовать Ѳеодосія, всѣми уважаемаго, но и Ѳеодосій пересталъ обличать Святослава, а только при всякомъ случаѣ просилъ его возвратить княженіе брату, и въ своемъ монастырѣ повелѣлъ поминать на ектеніяхъ сперва Изяслава, какъ великаго князя, а за нимъ, уже въ видѣ снисхожденія, Святослава.

Къ намъ дошло нѣсколько поученій игумена Ѳеодосія: одни изъ нихъ обращены собственно къ монахамъ и касаются болѣе вопросовъ богослуженія и монашеской жизни; другіе — вообще къ христіанамъ. Въ одномъ изъ поученій послѣдняго рода «О казняхъ Божіихъ», — въ которомъ Ѳеодосій признаетъ общественныя бѣдствія, какъ-то: голодъ, болѣзни, нашествіе враговъ, послѣдствіями нашихъ грѣховъ, влекущихъ за собою кару небес-

ную, — онъ порицаетъ, между прочимъ, разныя языческія суевѣрія, господствовавшія въ обществѣ, еще недавно принявшемъ христіанство. Такимъ образомъ, встрѣча съ чернецомъ, черницею, лысымъ конемъ и свиньею, считались дурнымъ предвѣстіемъ и побуждали идущаго возвращаться назадъ. Ѳеодосій нападаетъ также на вѣрованіе въ чиханіе, на чародѣйство, гаданія, примѣты, взиманіе процентовъ, на свѣтскія забавы, на музыку, состоявшую тогда изъ гуслей и сопѣлей, на скомороховъ, на языческій обычай цѣловаться съ женщинами во время пировъ; болѣе всего распространяется о пьянствѣ, какъ о порокѣ, господствовавшемъ въ тогдашнемъ обществѣ, но дозволяетъ, впрочемъ, пить умѣренно. Достойно замѣчанія, что въ отвѣтѣ своемъ князю Изяславу о нѣкоторыхъ предметахъ благочестія, Ѳеодосій относится снисходительнѣе къ правиламъ о постѣ, чѣмъ обыкновенно церковные учители послѣдующихъ временъ. Въ среды и пятки онъ предписываетъ мірянамъ воздержаніе только отъ мяса и однимъ чернецамъ отъ молочнаго. Самое воздержаніе отъ мяса въ среды и пятки не было безусловно обязательнымъ и могло какъ налагаться, такъ и разрѣшаться духовнымъ лицомъ (аще связанъ еси отцемъ духовнымъ въ среду и пятокъ мясо не ясти, отъ того же и разрѣшеніе пріими). Вообще никто не долженъ самъ налагать на себя постовъ, но слѣдуетъ поститься тогда, когда велитъ духовный отецъ. Въ господскіе и богородичные праздники, также въ день 12-ти апостоловъ, если они приходятся въ среду и пятокъ, Ѳеодосій разрѣшаетъ ѣсть мясо. Ѳеодосій сурово относится къ иновѣрцамъ: «Живите мирно не только съ друзьями, поучаетъ онъ, но и съ врагами, однако только со своими врагами, а не съ врагами божіими; свой врагъ тебѣ тотъ будетъ, кто убилъ бы передъ твоими очами твоего сына или брата; прости ему все; но Божіе враги — жиды, еретики, держащіе кривую вѣру... Нѣтъ лучше вѣры нашей, чистой, честной, святой; живучи въ этой вѣрѣ можно избавиться отъ грѣховъ, сдѣлаться причастникомъ вѣчной жизни, а тѣмъ, которые пребываютъ въ вѣрѣ латинской, армянской, срацинской, тѣмъ нѣтъ жизни вѣчной, ни части со святыми». Онъ вооружался противъ вѣротерпимости: «кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ свою хулитъ, а кто хвалитъ и свою вѣру, и чужую разомъ, — тотъ двоевѣрецъ; и кто тебѣ скажетъ: и ту, и другую вѣру Богъ далъ — ты скажи ему: развѣ Богъ двоевѣренъ? Писаніе говоритъ: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе». По отношенію къ латинянамъ Ѳеодосій запрещаетъ православнымъ давать за нихъ дочерей и брать у нихъ женъ, брататься съ ними, кумиться, цѣловать ихъ, ѣсть съ ними и пить

изъ одного сосуда: если будетъ латинянинъ просить ѣсть или пить, то дать ему изъ особаго сосуда, а потомъ выполоскать и сотворить молитву. Тѣмъ не менѣе, онъ приказываетъ князю всякаго невѣрнаго, какъ и правовѣрнаго, накормить, одѣть и избавить отъ бѣды. Болѣе всѣхъ ненавидѣлъ Ѳеодосій жидовъ и жизнеописатель его говоритъ, что онъ ходилъ къ жидамъ укорять ихъ, досаждалъ имъ, называлъ беззаконниками и отступниками и хотѣлъ быть отъ нихъ убитымъ за Христа.

Уже не задолго до кончины Ѳеодосія положено было начало основанію каменной церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ находится и теперь главный храмъ печерской обители. Средства для этого, на первый разъ, доставлены были однимъ варягомъ, по имени Шимономъ. Объ немъ сохранился такой поэтическій разсказъ:

Шимонъ былъ изгнанъ изъ отечества своими дядями, и отправился на кораблѣ служить въ Русь. Былъ у него оставшійся отъ отца крестъ въ десять локтей съ поясомъ—по однимъ извѣстіямъ въ 50, по другимъ въ 8 гривенъ — и съ золотымъ вѣнцомъ на главѣ Распятаго. Шимонъ захватилъ съ собою поясъ и вѣнецъ, когда уходилъ изъ родины. Тогда былъ ему такой гласъ: «Не возлагай этого на главу свою, а неси на уготованное мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моей и отдай въ руки преподобнаго Ѳеодосія, а онъ повѣситъ надъ жертвенникомъ». Послѣ этого видѣнія, во время плаванія его по Балтійскому морю въ русскую землю, сдѣлалась буря. Шимонъ испугался и полагалъ, что Богъ наказываетъ его за то, что онъ взялъ украшеніе съ Христова образа, и сталъ въ этомъ каяться; тогда увидѣлъ онъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ: «Вотъ церковь, которая будетъ создана во имя Божіей Матери, а ты будешь положенъ въ ней. Размѣрь поясомъ двадцать локтей въ высоту, тридцать въ длину и тридцать въ ширину». Несмотря на это, по прибытіи въ Кіевъ, Шимонъ долго не строилъ церкви, но ему было снова чудное видѣніе. Уже по смерти Ярослава, при которомъ онъ пріѣхалъ въ Русь, Шимонъ, съ его сыновьями: Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, отправляясь противъ половцевъ, обращался къ Антонію за благословеніемъ. Преподобный Антоній сказалъ: «О, чадо! многіе падутъ отъ острія меча, многіе будутъ попираемы и уязвляемы, многіе потонутъ въ водѣ, а ты останешься спасенъ; тебѣ суждено лежать въ печерской церкви, которая здѣсь построится». Русскіе были поражены на Альтѣ. Шимонъ былъ раненъ, лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ и вдругъ увидѣлъ въ воздухѣ изображеніе той-же церкви, которая являлась ему надъ балтійскими водами.

Онъ исцѣлился отъ ранъ, разсказалъ Антонію о видѣніяхъ, и отдалъ ему вѣнецъ и поясъ. Антоній переименовалъ Шимона въ Симона и передалъ его даръ Өеодосію. Симонъ очень полюбилъ Өеодосія и доставилъ ему много средствъ для постройки новой церкви. Это было въ 1073 году.

Симонъ явился послѣ того къ Өеодосію и сказалъ ему: «Дай мнѣ, отче, слово, что душа твоя благословитъ меня не только въ этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это прошеніе выше силы моей, отвѣчалъ Өеодосій. Но если по моемъ отшествіи отъ міра устроится эта церковь, если будутъ уважаться въ ней преданія и мои уставы, то это будетъ тебѣ знакомъ, что я имѣю дерзновеніе у Бога».

«Господь свидѣтельствовалъ о тебѣ, сказалъ Симонъ, я самъ слышалъ отъ пречистыхъ устъ Его образа. Помолись также, какъ ты молишься о своихъ чернецахъ, обо мнѣ и о сынѣ моемъ Георгіѣ и о потомкахъ моихъ».

«Я не объ однихъ чернецахъ молюсь, возразилъ ему Өеодосій, но и о всѣхъ любящихъ это мѣсто».

Симонъ поклонился до земли и сказалъ:

«Отче! не изыду отъ тебя, дай мнѣ на письмѣ свое благословеніе».

Өеодосій далъ ему молитву, какую теперь влагаютъ въ руки покойникамъ. Съ этихъ-то поръ вошелъ на Руси обычай влагать въ руки покойникамъ рукописаніе.

Но Симонъ, готовясь строить храмъ, попросилъ еще у Өеодосія отпустить грѣхи его родителямъ.

Өеодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: «Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона и да увидите вы красоты Іерусалима во всѣ дни жизни вашей въ третьемъ, въ четвертомъ родѣ до послѣдняго».

Симонъ оставилъ латинскую вѣру и перешелъ къ восточному православію.

Церковь заложена была въ 1073 году Өеодосіемъ и епископомъ Михаиломъ во время бытности въ Царьградѣ митрополита Георгія. Основаніе ея также подало поводъ къ составленію разсказовъ о томъ, какъ четыре мастера въ Царьградѣ получили отъ самой Богородицы приказаніе идти въ Русь и построить церковь, что икона, которая впослѣдствіи сдѣлалась мѣстною, принесена изъ Греціи, вручена была самою Богородицею и есть произведеніе небеснаго искусства. Это было начало того благоговѣйнаго почитанія иконъ явленныхъ, такъ распространеннаго впослѣдствіи на Руси. Отысканіе мѣста для церкви также со-

провождалось чудесами, подобными чудесамъ Ветхаго Завѣта въ исторіи Гедеона и Иліи. Ѳеодосій, желая узнать, какое мѣсто угодно будетъ Богу для поставленія церкви, молился, чтобы вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы, а на другую ночь просилъ обратнаго, чтобы тамъ была роса, когда повсюду не было росы; — и все исполнилось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвъ Ѳеодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу первый предпринялъ князь Святославъ. Богатые люди жертвовали вклады волости и села на созданіе храма съ тѣмъ, чтобы быть погребенными на этомъ мѣстѣ. Варягъ Симонъ первый удостоился этой чести.

Въ слѣдующемъ 1074 году, 2 мая скончался преподобный Ѳеодосій, назначивъ по выбору братіи, даже противъ своего собственнаго желанія, преемникомъ себѣ Стефана, приказавъ послѣ своей смерти не омывать свое тѣло и похоронить въ пещерѣ, въ той бѣдной одеждѣ, которую онъ носилъ и въ которой отошелъ въ вѣчность.

Преданіе говоритъ, что Ѳеодосій предъ смертью просилъ Святослава, чтобы церковь печерская была освобождена отъ власти и князей, и владыкъ, потому что создала ее Богородица, а не люди; и обитель надолго пребывала независимою общиною. Мудрый Ѳеодосій установилъ твердую нравственную связь между всѣми, принадлежавшими къ обители. Если кто будетъ призванъ на какое-нибудь высшее духовное мѣсто на Руси, то онъ можетъ принимать его и выходить изъ обители только съ позволенія старшихъ, но всегда долженъ искать успокоенія въ печерской обители и только за такихъ святой основатель монастыря обѣщалъ молиться предъ Богомъ. Въ силу такого завѣта основателя, многіе печерскіе иноки, занимавшіе впослѣдствіи высокія мѣста въ русской церкви, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ. Напутствуемый мысленными благословеніями св. Ѳеодосія, духовный питомецъ печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, Владимирѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ, всегда обращался сердцемъ къ Кіеву, къ завѣтной обители, какъ обѣтованной землѣ спасенія, хранилъ правила, которыя получалъ въ этомъ монастырѣ и распространялъ ихъ вездѣ, куда простиралось его вліяніе. Это ярко проявляется въ одномъ памятникѣ духовной литературы XII вѣка, а именно въ посланіи владимирскаго епископа Симона къ печерскому монаху Поли-

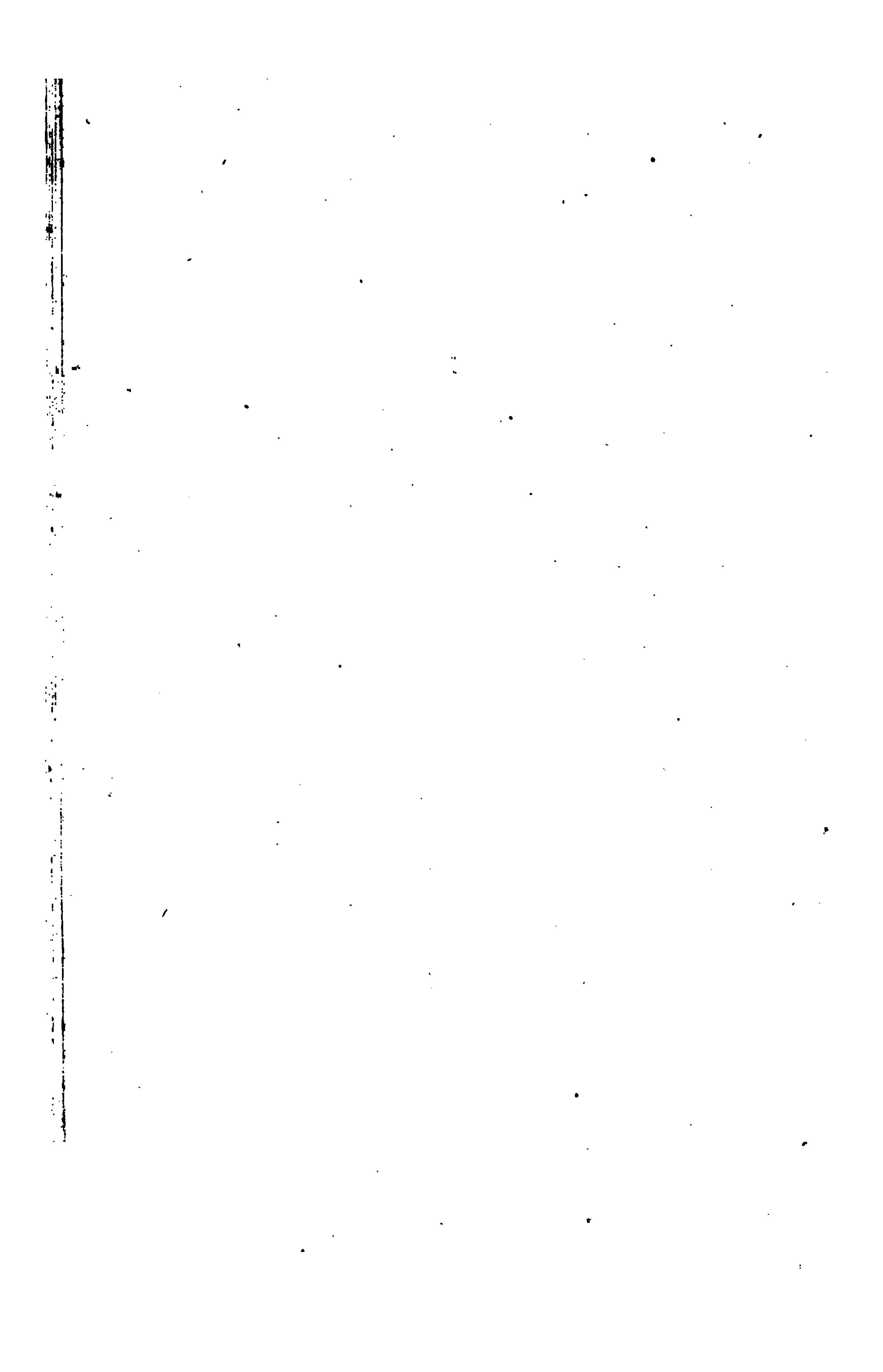
карпу: «Кто не знаетъ меня грѣшнаго епископа Симона и соборной церкви красы владимирской и другой суздальской, которую я создалъ самъ. Сколько у нихъ городовъ и селъ, и собираютъ десятину со всей этой земли, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость! Скажу тебѣ, что всю эту славу и честь я признаю каломъ (грязью) и хотѣлъ бы лучше щепкою торчать за воротами или соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ и быть попираемымъ людьми, или быть однимъ изъ тѣхъ убогихъ, что просятъ милостыню предъ вратами честной лавры: лучше сей временной чести для меня одинъ день въ домѣ Божьей Матери, нежели тысяча лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ».

Тотъ же духъ, который проявилъ Ѳеодосій въ своей жизни и устройствѣ монастыря, надолго оставался въ его обители. За нимъ появился цѣлый рядъ подвижниковъ, которыхъ дѣянія записывались, передавались изустно, служили примѣромъ для другихъ монастырей и распространяли въ русскомъ народѣ извѣстное направленіе религіозныхъ воззрѣній. Оттуда истекало, тамъ окрѣпло и утвердилось то господствующее понятіе, что Богъ любитъ въ христіанинѣ: добровольное терпѣніе, самоизнуреніе постомъ, удаленіе отъ половой связи, утомительное богомоленіе, слезы, скорбь, воздыханіе, сѣтованіе, нищету,—что монастырь есть путь къ спасенію и въ мірѣ, если не совсѣмъ невозможно, то очень трудно спастись: только надежда на молитвы подвижниковъ могутъ давать утѣшеніе; а потому слѣдуетъ давать въ монастыри вклады и надѣлять ихъ богатствами, чтобы въ нихъ молились за грѣшниковъ.

Въ этомъ направленіи были свѣтлыя стороны. Онѣ состояли уже въ томъ, что монастыри были главные проводники христіанства; а въ благодѣтельномъ вліяніи христіанства едва ли могутъ сомнѣваться самые невѣрующіе люди. Но съ другой стороны предпочтеніе монашескаго званія и уваженія къ иноческой жизни вносили односторонность въ религіозное воззрѣніе. Мысль, что Богу всего угоднѣе одиночная, подвижническая жизнь инока, и человѣкъ тѣмъ ближе къ спасенію, чѣмъ далѣе отъ міра, вытѣсняла христіанскую добродѣтель изъ этого міра: благочестивые люди стремились не къ тому, чтобы въ людскомъ обществѣ, въ мірѣ, совершать подвиги любви Христовой; ихъ идеалъ богоугодной жизни былъ не въ средѣ человѣческихъ отношеній, а, напротивъ, внѣ ихъ. Спасеніе удобнѣе казалось одинокому, оторванному отъ людей затворнику; и напротивъ обращеніе съ людьми приводило къ неизбѣжному грѣху;— такъ думали русскіе, тогда какъ по духу Евангелія слѣдовало

на оборотъ. Словамъ Христа, — что тотъ недостоинъ Его, кто ради Его и Евангелія не оставитъ отца, матери, жены и всего, что есть для него дорогаго въ мірѣ — давали смыслъ вступленія въ монастырь, тогда какъ они означали требованіе отъ послѣдователя Христова предпочитать всякимъ родственнымъ и кровнымъ отношеніямъ правду, возвѣщенную ученіемъ Спасителя и подкрѣпленную примѣромъ Его жизни и смерти. Высокій подвигъ страданія за правду, за ближнихъ, обратился въ подвигъ страданія ради самаго страданія; средство стало цѣлью; борьба съ діаволомъ въ образѣ зла и растлѣнія человѣческаго общества замѣнялась борьбою съ призраками, тревожившими разстроенные нервы истязавшаго себя пустынника. Безбрачіе, — нѣкогда предлагаемое апостоломъ какъ состояніе болѣе удобное, и то временно для нѣкоторыхъ, ему подобныхъ, въ тяжелую эпоху гоненій, — возведено было само по себѣ въ доблесть и тѣмъ униженъ былъ семейный союзъ; то, что могло быть удѣломъ только очень немногихъ, одаренныхъ способностью «вмѣстить», становясь если не обязательною, то все таки высшею добродѣтелью, достойною стремленія, превращалось въ чудовищное насилованіе природы; наконецъ, уваженіе къ слезамъ, скорби, болѣзни, нищетѣ, вообще къ несчастію, завѣщанное учителемъ въ видахъ облегченія отъ горести, для счастія человѣческаго, превращалось въ умышленное исканіе слезъ, скорби, болѣзни, нищеты. Такимъ образомъ логически выходила безцѣльность дѣлъ любви христовой; если страданіе являлось само по себѣ цѣлью, то незачѣмъ было стремиться къ уменьшенію его на землѣ; напротивъ, нужно, казалось, заботиться, чтобъ люди страдали: къ этому приводила односторонность, вытекавшая изъ господства монашескаго направленія въ христіанствѣ. Такъ какъ идеалъ христіанской доблести поставленъ былъ внѣ гражданскаго общества и подъ условіемъ насилованія человѣческой природы, то онъ не могъ достигаться не только всѣми, но и большею частью тѣхъ, которые исключительно ему отдавались; отсюда вытекло, что послѣдствіемъ стремленія къ такому идеалу являлось именно то, что́ болѣе всего было противно духу христова ученія: лицемѣрство, самообольщеніе, ханжество и отупѣніе. За исключеніемъ немногихъ личностей, которымъ дано было свыше достигать высшаго монашескаго идеала, за исключеніемъ бѣдняковъ, слабыхъ духомъ и тѣломъ, неспособныхъ къ труду въ обществѣ—монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себѣ то, чего въ нихъ не было, жалкими самоистязаніями, воображавшими, что Богу угодно насиліе данной Богомъ же духовной и тѣлесной природы человѣка, а болѣе всего эгоистими,

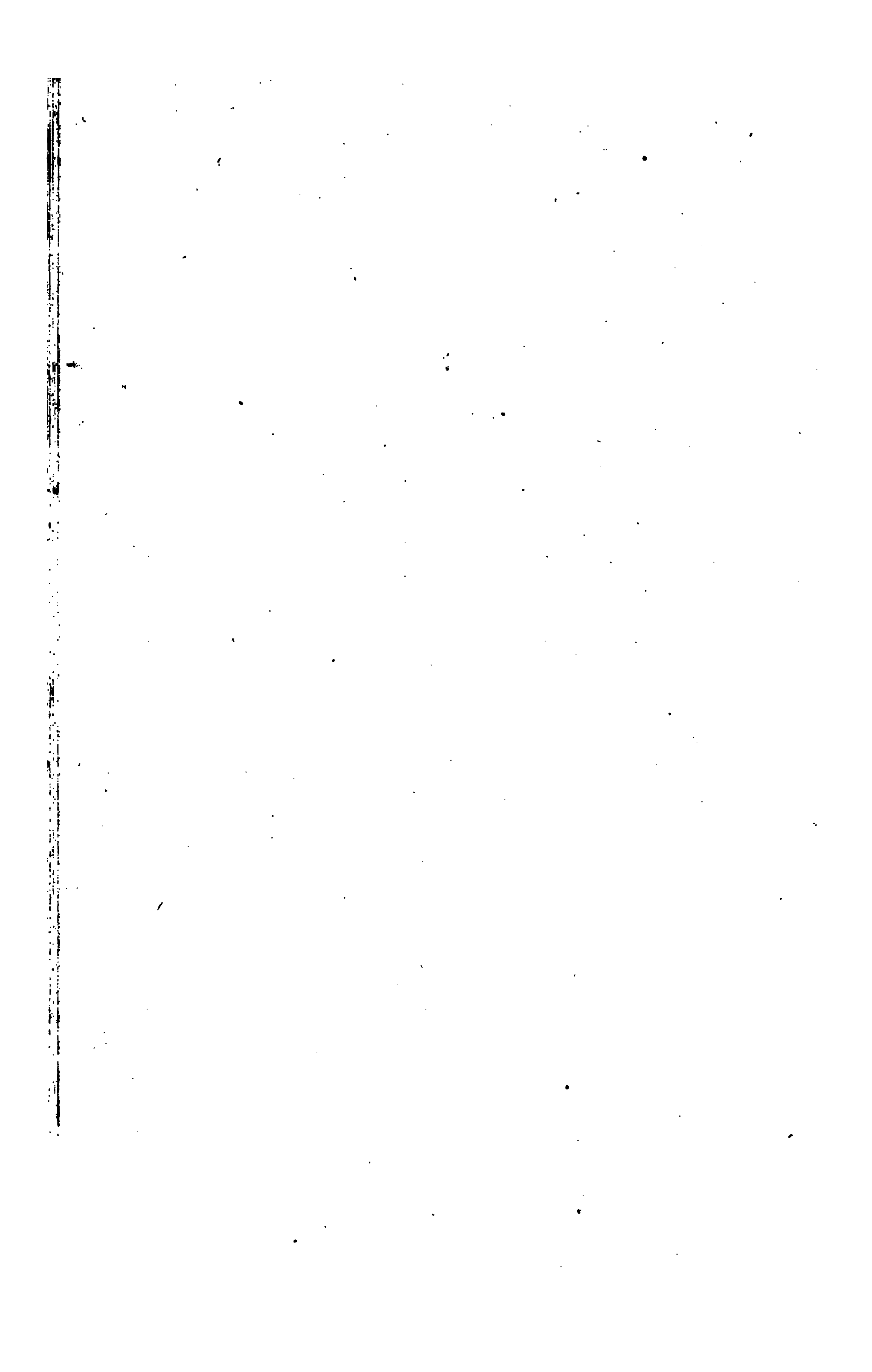
тунеядцами и лицемѣрами, надѣвавшими на себя личину святости. За предѣлами же монастырей, весь міръ пребывалъ въ грубѣйшей чувственности и въ темнѣйшемъ невѣжествѣ, продолжали въ немъ господствовать и развиваться пороки, совершались насилія и злодѣянія, лилась рѣками кровь человѣческая, люди терзали другъ друга; а благочестивое чувство утѣшало себя тѣмъ, что такъ неизбѣжно должно быть на свѣтѣ по волѣ Божіей, и искало примиренія съ совѣстью и божествомъ въ соблюденіи коекакихъ видимыхъ пріемовъ, приближающихъ жизнь къ монашескому идеалу, поставленному внѣ міра и гражданскаго общества.



IV.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ.

Между древними князьями дотатарскаго періода послѣ Ярослава никто не оставилъ по себѣ такой громкой и доброй памяти, какъ Владимиръ Мономахъ, князь дѣятельный, сильный волею, выдававшійся здравымъ умомъ посреди своей братіи князей русскихъ. Около его имени вращаются почти всѣ важныя событія русской исторіи во второй половинѣ XI и въ первой четверти XII вѣка. Этотъ человѣкъ можетъ по справедливости назваться представителемъ своего времени. Словянорусскіе народы, съ незапамятныхъ временъ жившіе отдѣльно, мало-по-малу подчинились власти кіевскихъ князей и, такимъ образомъ, задачею ихъ совокупной исторіи стало постепенное и медленное образованіе государственной цѣльности. Въ какихъ формахъ и въ какой степени могла проявиться эта цѣльность и достигнуть полнаго своего осуществленія—это зависѣло уже отъ послѣдующихъ условій и обстоятельствъ. Общественное устройство у этихъ народовъ имѣло тѣ общіе для всѣхъ признаки, что они составляли земли, которыя тянули къ городамъ, пунктамъ своего средоточія, и въ свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до извѣстной степени связь, какъ между частями дробленія, такъ и между болѣе крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двухъ родовъ: старѣйшіе и меньшіе; послѣдніе зависѣли отъ первыхъ, но съ признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались въ городахъ совѣщаться о своихъ дѣлахъ, а творить расправу, защищать землю и управлять ею долженъ былъ князь. Сперва политическая власть кіевскихъ князей выражалась только тѣмъ, что они собирали дань съ подчиненныхъ, а потомъ шагомъ къ болѣе прочному единству и связи между землями было размѣщеніе сыновей кіевскаго князя



IV.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ.

Между древними князьями дотатарскаго періода послѣ Ярослава никто не оставилъ по себѣ такой громкой и доброй памяти, какъ Владимиръ Мономахъ, князь дѣятельный, сильный волею, выдававшійся здравымъ умомъ посреди своей братіи князей русскихъ. Около его имени вращаются почти всѣ важныя событія русской исторіи во второй половинѣ XI и въ первой четверти XII вѣка. Этотъ человѣкъ можетъ по справедливости назваться представителемъ своего времени. Словянорусскіе народы, съ незапамятныхъ временъ жившіе отдѣльно, мало-по-малу подчинились власти кіевскихъ князей и, такимъ образомъ, задачею ихъ совокупной исторіи стало постепенное и медленное образованіе государственной цѣльности. Въ какихъ формахъ и въ какой степени могла проявиться эта цѣльность и достигнуть полнаго своего осуществленія—это зависѣло уже отъ послѣдующихъ условій и обстоятельствъ. Общественное устройство у этихъ народовъ имѣло тѣ общіе для всѣхъ признаки, что они составляли земли, которыя тянули къ городамъ, пунктамъ своего средоточія, и въ свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до извѣстной степени связь, какъ между частями дробленія, такъ и между болѣе крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двухъ родовъ: старѣйшіе и меньшіе; послѣдніе зависѣли отъ первыхъ, но съ признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались въ городахъ совѣщаться о своихъ дѣлахъ, а творить расправу, защищать землю и управлять ею долженъ былъ князь. Сперва политическая власть кіевскихъ князей выражалась только тѣмъ, что они собирали дань съ подчиненныхъ, а потомъ шагомъ къ болѣе прочному единству и связи между землями было размѣщеніе сыновей кіевскаго князя

въ разныхъ земляхъ, а послѣдствіемъ этого было развѣтвленіе княжескаго рода на линіи, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія расположенію и развѣтвленію земель.

Это размѣщеніе княжескихъ сыновей началось еще въ язычествѣ, но грубые варварскіе нравы не допускали развиться какому-нибудь новому порядку; сильнѣйшіе братья истребляли слабѣйшихъ. Такъ, изъ сыновей Святослава остался одинъ только Владиміръ; у Владимира было много сыновей и всѣхъ ихъ онъ размѣстилъ по землямъ; но Святополкъ, по образцу языческихъ предковъ, началъ истреблять братьевъ и дѣло кончилось тѣмъ, что, за исключеніемъ особо выдѣленной полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изъяславу, какъ удѣлъ его матери, вся остальная Русь была подъ властью одного кіевскаго князя Ярослава. Это не было единодержавіе въ нашемъ смыслѣ слова и вовсе не вело къ прочному сцѣпленію земель между собою, а напротивъ, чѣмъ болѣе земель могло скопиться подъ властію единаго князя, тѣмъ менѣе было возможности этой единой власти наблюдать надъ ними и имѣть вліяніе на теченіе событій въ этихъ подвластныхъ земляхъ. Напротивъ, когда послѣ принятія христіанства, вмѣстѣ съ одною вѣрою входилъ въ Русь и единый письменный языкъ и одинакія нравственныя, политическія и юридическія понятія, если въ различныхъ земляхъ и пребывали свои князья, то эти князья — происходя изъ единаго княжескаго рода, сохраняя болѣе или менѣе одинакія понятія, привычки, преданія, воззрѣнія, руководимыя при этомъ единою церковью — своимъ управленіемъ способствовали распространенію такихъ свойствъ и признаковъ, которые были одинаковы во всѣхъ земляхъ и, слѣдовательно, вели ихъ къ единенію между собою.

Послѣ Ярослава начинается уже непрерывно тотъ періодъ, который обыкновенно называютъ удѣльнымъ. Особые князья явились въ землѣ сѣверянъ или черниговской, въ землѣ смоленскихъ кривичей, въ землѣ волынской, въ землѣ хорватской или галицкой. Въ землѣ новгородской сначала соблюдалось какъ-бы правило, что тамъ княземъ долженъ быть старшій сынъ кіевскаго князя, но это правило очень скоро уступило силѣ народнаго выбора. Земля полоцкая уже прежде имѣла особыхъ князей. Въ землѣ русской или кіевской выдѣлилось княженіе переяславское, и къ этому княженію по раздѣлу Ярослава присоединена отдаленная ростовская область. Собственно не было ни правилъ для размѣщенія князей, ни порядка ихъ преемственности, ни даже правъ каждаго лица изъ княжескаго рода на княженіе гдѣ бы то ни было, а потому естественно долженъ былъ возникать рядъ недо-

разумѣній, которыя приводили неизбѣжно къ междоусобіямъ. Само собою разумѣется, что это задерживало ходъ развитія тѣхъ началъ образованности, которыя Русь получила вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою. Но еще болѣе препятствовало этому развитію сосѣдство съ кочевыми народами и непрестанныя столкновенія съ ними. Русь какъ будто приговоромъ судьбы осуждена была видѣть у себя приходившихъ съ востока гостей, смѣнявшихъ другъ друга: въ X вѣкѣ и въ первой половинѣ XI в. она терпѣла отъ печенѣговъ, а съ половины XI ихъ смѣнили половцы. При внутренней безладицѣ и княжескихъ усобицахъ, Русь никакъ не могла оградить себя и избавиться отъ такого сосѣдства, тѣмъ болѣе, когда князья сами приглашали иноплеменниковъ въ своихъ междоусобіяхъ другъ противъ друга.

При такомъ положеніи дѣлъ, важнѣйшею задачею тогдашней политической дѣятельности было, съ одной стороны, установленіе порядка и согласія между князьями, а съ другой — дружное обращеніе всѣхъ силъ русской земли на свою защиту противъ половцевъ. Въ исторіи дотатарскаго періода мы не видимъ ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великій подвигъ; но изъ всѣхъ князей никто не стремился къ этой цѣли съ такою ясностью взгляда и съ такимъ, хотя временнымъ, успѣхомъ, какъ Мономахъ, и потому имя его пользовалось долго уваженіемъ. Кромѣ того, о его жизни сложилось понятіе, какъ объ образцовомъ князѣ.

Владимиръ родилсявъ 1053 году, за годъ до смерти дѣда своего Ярослава. Онъ былъ сынъ Всеволода, любимѣйшаго изъ сыновей Ярослава; тогда какъ прочихъ сыновей Ярославъ размѣстилъ по землямъ, назначивъ имъ удѣлы, Всеволода отецъ постоянно держалъ подлѣ себя, хотя далъ ему въ удѣлъ близкій отъ Кіева Переяславль и отдаленный Ростовъ. Старикъ Ярославъ умеръ на рукахъ у Всеволода. Мать Владимира, послѣдняя супруга Всеволода, была дочь греческаго императора Константина Мономаха; Владимиръ по дѣду со стороны матери получилъ имя Мономаха. Такимъ образомъ, у него было три имени: одно княжеское—Владимиръ, другое крестное—Василій, третье дѣдовское по матери—Мономахъ.

Будучи тринадцати лѣтъ отъ роду, онъ принялся за занятія, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ, были приличны княжескому званію—войною и охотою. Владимиръ въ этомъ случаѣ не былъ исключеніемъ, такъ какъ въ тѣ времена князья вообще очень рано дѣлали то, что̀, по нашимъ понятіямъ, прилично только возмужалымъ; ихъ даже женили въ отроческихъ лѣтахъ. Отецъ послалъ Владимира въ Ростовъ, и путь ему лежалъ черезъ

землю вятичей, которые еще тогда не хотѣли спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикова дома. Владимиръ не долго былъ въ Ростовѣ и скоро появился въ Смоленскѣ. На Руси тѣмъ временемъ начинались, одна за другою, двѣ бѣды, терзавшія страну цѣлые вѣка. Сперва поднялись княжескія междоусобія. Начало имъ было положено тѣмъ, что сынъ умершаго Ярославова сына, Владимира, Ростиславъ, бѣжалъ въ Тмутаракань, городъ, находившійся на Таманскомъ полуостровѣ и принадлежавшій тогда черниговскому князю, помѣстившему тамъ своего сына Глѣба. Ростиславъ выгналъ этого Глѣба, но и самъ не удержался послѣ него. Событіе это, само по себѣ одно изъ множества подобныхъ въ послѣдующія времена, кажется замѣчательнымъ именно потому, что оно было тогда первымъ въ этомъ родѣ. Затѣмъ прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. Въ 1067 году полоцкій князь Всеславъ напалъ на Новгородъ и ограбилъ его; за это Ярославичи пошли на него войною, разбили и взяли въ плѣнъ.

Въ слѣдующемъ 1068 году настала другого рода бѣда. Нахлынули съ востока половцы, кочевой народъ тюркскаго племени; они стали нападать на русскія земли. Первое столкновеніе съ ними было неудачно для русскихъ. Кіевскій князь Изяславъ былъ разбитъ и вслѣдъ за тѣмъ прогнанъ самими кіевлянами, съ которыми онъ и прежде не ладилъ. Изяславъ возвратился въ Кіевъ съ помощью чужеземцевъ-поляковъ, а сынъ его варварски казнилъ и мучилъ кіевлянъ, изгнавшихъ его отца; потому-то кіевляне, при первой же возможности, опять избавились отъ своего князя. Изяславъ снова бѣжалъ, а вмѣсто него сѣлъ на кіевскомъ столѣ братъ его Святославъ, княжившій прежде въ Черниговѣ; тогда черниговской землею сталъ управлять Всеволодъ, а сына его Владимира Мономаха посадили на княженіе въ Смоленскѣ.

Во все продолженіе княженія Святослава, Владимиръ служилъ ему, какъ старѣйшему князю, такъ какъ отецъ Владимира, Всеволодъ, находился въ согласіи съ Святославомъ. Такимъ образомъ Владимиръ, по порученію Святослава, ходилъ на помощь полякамъ противъ чеховъ, а также въ интересахъ всего ярославова племени воевалъ противъ полоцкихъ князей. Въ 1073 году Святославъ умеръ и на кіевскомъ столѣ опять сѣлъ Изяславъ, на этотъ разъ, какъ кажется, поладившій съ кіевлянами и съ своимъ братомъ Всеволодомъ. Этотъ князь вывелъ прочь изъ Владимира-Волынскаго сына Святославова Олега, съ тѣмъ, чтобы тамъ посадить своего собственнаго сына. Олегъ, оставшись безъ удѣла,

прибылъ въ Черниговъ къ Всеволоду: Владимиръ находился тогда въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ этимъ княземъ, и пріѣхавъ изъ Смоленска въ Черниговъ, угощалъ его вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Но Олегу досадно было, что земля, гдѣ княжилъ его отецъ и гдѣ протекло его дѣтство, находится не у него во власти. Въ 1073 году онъ убѣжалъ изъ Чернигова въ Тмутаракань, гдѣ послѣ Ростислава жилъ уже подобный ему князь, бѣглецъ Борисъ, сынъ умершаго Вячеслава́ Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князья дѣйствительно имѣли какія-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло въ обычай, чтобы всѣ лица княжескаго рода непремѣнно имѣли удѣлъ, какъ равнымъ образомъ не утвердилось правило, чтобы во всякой землѣ были князьями лица, принадлежавшія къ одной княжеской вѣтви въ силу своего происхожденія. Въ самомъ распоряженіи Ярослава не видно, чтобы, размѣщая своихъ сыновей по землямъ, онъ имѣлъ заранѣе въ виду распространить право посаженныхъ сыновей на ихъ потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, какъ это видно въ Смоленскѣ и на Волыни [1]). Только вѣтвь полоцкая держалась упорно и послѣдовательно въ своей кривской землѣ, хотя Ярославичи хотѣли ее вытѣснить оттуда. При совершенной неопредѣленности отношеній, при отсутствіи общепринятыхъ и освященныхъ временемъ правъ князей на княженіе, понятно, что всякій князь, какъ только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своихъ ближнихъ,—главное сыновей, если у него они были,—и въ такомъ случаѣ не стѣснялся столкнуть съ мѣста иного князя, который былъ ему менѣе близокъ: отъ такихъ поступковъ не могла останавливать князей мысль о нарушеніи чуждаго права, потому что такого права еще не существовало. Съ своей стороны очень естественно было князю искать княженія, также, какъ княжили его родитель и родные и преимущественно тамъ, гдѣ былъ княземъ его отецъ, гдѣ, быть можетъ, онъ самъ родился и гдѣ съ дѣтства привыкалъ къ мысли заступить мѣсто отца. Такой князь легче всего могъ найти себѣ помощь у

[1]) Еще раньше Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, умеръ; князья перевели туда изъ Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда княземъ Владимира-Мономаха помимо дѣтей Игоря. Равнымъ образомъ на Волыни не было наслѣдственной преемственности между князьями, а кіевскіе князья помѣщали тамъ своихъ сыновей; такъ что, когда княжилъ въ Кіевѣ Изяславъ, на Волыни былъ его сынъ, а когда Святославъ овладѣлъ Кіевомъ, то помѣстилъ тамъ своего сына; когда же Святославъ умеръ и Изяславъ опять сдѣлался княземъ въ Кіевѣ, на Волыни сталъ княжить сынъ Изяслава.

воинственныхъ иноплеменниковъ. И вотъ, бѣжавшіе въ Тмутаракань Олегъ и Борисъ обратились къ половцамъ. Не они первые вмѣшали этихъ враговъ Руси въ ея внутреннія междоусобія. Сколько намъ извѣстно, первый, показавшій имъ дорогу къ такому вмѣшательству, былъ Владиміръ Мономахъ, такъ какъ по собственному его извѣстію, помѣщенному въ его поученіи, онъ еще прежде нихъ, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водилъ половцевъ на полоцкую землю.

Олегъ и Борисъ съ половцами бросились на сѣверскую землю. Всеволодъ вышелъ противъ нихъ изъ Чернигова и былъ разбитъ. Олегъ легко овладѣлъ Черниговомъ; черниговцы приняли его сами, такъ какъ знали его издавна: вѣроятно, онъ и родился въ Черниговѣ. Когда послѣ того Всеволодъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Изяславомъ, хотѣлъ отнять Черниговъ у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу и послѣ того, какъ Всеволодъ и Изяславъ успѣли овладѣть стѣнами окольнаго города и сожгли строенія, находившіяся въ чертѣ, образуемой этимъ окольнымъ городомъ, жители не сдавались, ушли во внутренній городъ, такъ-называемый «большой» и защищались въ немъ до послѣднихъ силъ. Олега съ ними въ городѣ не было: упорство, съ которымъ тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствіемъ или стараніями, и вѣроятно происходило отъ искренней привязанности къ нему черниговцевъ. Владиміръ былъ тогда съ отцомъ. Услышавши, что Олегъ съ Борисомъ идетъ противъ нихъ на выручку Чернигова и ведетъ съ собою половцевъ, князья оставили осаду и пошли на встрѣчу врагамъ. Битва произошла на Нѣжатиной Нивѣ близъ села этого имени. Борисъ былъ убитъ; Олегъ бѣжалъ. Но ихъ побѣдители дорого заплатили за свою побѣду. Кіевскій князь Изяславъ былъ убитъ въ этой сѣчѣ.

Смерть Изяслава доставила Кіевъ Всеволоду. Черниговъ, потерявъ надежду на Олега, сдался, и въ этомъ городѣ посадили Владиміра Мономаха. Олегъ и братъ его Романъ Святославичъ въ 1079 году попытались выгнать Владиміра изъ Чернигова, но безуспѣшно. Владиміръ предупредилъ ихъ, вышелъ съ войскомъ къ Переяславлю и безъ битвы избавился отъ соперниковъ; онъ заключилъ миръ съ половцами, помогавшими Святославичамъ. Половцы и находившіеся съ ними хазары предательски поступили съ своими союзниками: Олега отправили въ Царьградъ, а Романа убили. Умѣнье разсорить своихъ противниковъ показываетъ большую сметливость Владиміра.

Оставшись на княженіи въ Черниговѣ, Владиміръ со всѣхъ *сторонъ долженъ* былъ расправляться съ противниками. Тмутара-

кань опять ускользнула изъ-подъ его власти: тамъ утвердились два другіе безъудѣльные князья, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы безпрестанно безпокоили черниговскую землю. Союзъ съ ними, устроенный Владимиромъ подъ Переяславлемъ, не могъ быть проченъ: во-первыхъ, половцы народъ хищническій, не слишкомъ свято держалъ всякіе договоры; во-вторыхъ, половцы разбивались на орды, находившіяся подъ предводительствомъ разныхъ князьковъ или хановъ и называемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ «чадью»; тогда какъ одни мирились съ русскимъ княземъ, другіе нападали на его область. Владимиръ расправлялся съ ними сколько возможно было удачно. Такимъ образомъ, когда двое половецкихъ князьковъ опустошили окрестности сѣверскаго пригорода Стародуба, Владимиръ, пригласивши на помощь другую орду, разбилъ ихъ, а потомъ подъ Новымъ Городомъ (Новгородомъ-Сѣверскимъ), разсѣялъ орду другого половецкаго князя и освободилъ плѣнниковъ, которыхъ половцы уводили въ свои становища, называемыя въ лѣтописяхъ «вежами». На сѣверѣ у Владимира были постоянные враги—полоцкіе князья. Князь Всеславъ напалъ на Смоленскъ, который оставался во власти Владимира и послѣ того, какъ отецъ посадилъ его въ Черниговѣ. Въ отмщеніе за это Владимиръ нанялъ половцевъ и водилъ ихъ опустошать землю полоцкую: тогда досталось Минску; тамъ, по собственному свидѣтельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. Съ другой стороны Владимиръ воевалъ съ вятичами: этотъ славянскій народъ все еще упорно не поддавался власти Рюрикова дома, и Владимиръ два раза ходилъ войною на Ходоту и сына его — предводителей этого народа. По приказанію отца, Владимиръ занимался дѣлами и на Волыни: сыновья Ростислава овладѣли-было этою страною; Владимиръ выгналъ ихъ и посадилъ Ярополка, Изяславова сына, а когда этотъ князь не поладилъ съ кіевскимъ, то Владимиръ, по повелѣнію отца, прогналъ его и посадилъ на Волыни князя Давида Игоревича, и въ слѣдующемъ затѣмъ году (1086) опять посадилъ Ярополка. Тогда власть кіевскаго князя въ этомъ краѣ была еще сильна и князья ставились и смѣнялись по его верховной волѣ.

Въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Владимиръ не захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и овладѣть кіевскимъ столомъ, такъ какъ предвидѣлъ, что отъ этого произойдетъ междоусобіе; онъ самъ послалъ звать на кіевское княженіе сына Изяславова Святополка (княжившаго въ Туровѣ), который былъ старше Владимира лѣтами и за котораго, повидимому, была значительная партія въ кіевской землѣ. Во все продолженіе княженія Свято-

полка, Владимиръ оставался его вѣрнымъ союзникомъ, дѣйствовалъ съ нимъ за-одно и не показалъ ни малѣйшаго покушенія лишить его власти, хотя кіевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимиръ сдѣлался, такъ сказать, душою всей русской земли; около него вращались всѣ ея политическія событія.

Едва только усѣлся Святополкъ въ Кіевѣ, какъ половцы прислали къ нему пословъ съ предложеніемъ заключить миръ. Святополкъ привелъ съ собой изъ Турова дружину, людей ему близкихъ. Съ ними онъ во всемъ совѣщался и они ему посовѣтовали засадить половецкихъ пословъ въ погребъ; когда послѣ того половцы начали воевать и осадили одинъ изъ пригородовъ кіевской земли—Торцкій, Святополкъ выпустилъ задержанныхъ пословъ и самъ предлагалъ миръ, но половцы уже не хотѣли мира. Тогда Святополкъ началъ совѣщаться съ кіевлянами; совѣтники его раздѣлились въ мнѣніяхъ: одни, болѣе отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготовѣ съ оружіемъ только восемьсотъ человѣкъ; другіе совѣтовали быть осторожнѣе; наконецъ, порѣшили на томъ, чтобы просить Владимира помогать въ оборонѣ кіевской земли отъ половцевъ.

Владимиръ отправился съ своею дружиною, пригласилъ также своего брата Ростислава, бывшаго на княженіи въ Переяславлѣ. Ополченіе трехъ князей сошлось на берегу рѣки Стугны и тамъ собрался совѣтъ.

Владимиръ былъ того мнѣнія, что лучше, какъ бы ни было, устроить миръ, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывалъ бояринъ по имени Янъ и еще кое-кто изъ дружины, но кіевляне горячились и хотѣли непремѣнно биться. Имъ уступили.

Ополченіе перешло рѣку Стугну, пошло тремя отдѣлами, сообразно темъ предводительствовавшимъ князьямъ, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здѣсь половцы наступили на русскихъ, гордо выставивши въ ихъ глазахъ свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потомъ ударили на Владимира и Ростислава. У русскихъ князей силы было мало въ сравненіи съ непріятелемъ; они не выдержали и бѣжали. Ростиславъ утонулъ при переправѣ черезъ Стугну; Владимиръ самъ чуть не пошелъ ко дну, бросившись спасать утопавшаго брата. Тѣло утонувшаго привезли въ Кіевъ и погребли у св. Софіи. Смерть Ростислава приписана была Божію наказанію за жестокій поступокъ съ печерскимъ инокомъ старцемъ Григоріемъ. Встрѣтивъ этого старца,

о которомъ тогда говорили, что онъ имѣетъ даръ предвѣдѣнія, Ростиславъ спросилъ его: отчего приключится ему смерть. Старецъ Григорій отвѣчалъ: отъ воды. Ростиславу это не полюбилось и онъ приказалъ Григорья бросить въ Днѣпръ; и за это злодѣяніе, какъ говорили, Ростислава постигла смерть отъ воды.

Дѣло этимъ не окончилось. Половцы дошли до Кіева и между Кіевомъ и Вышгородомъ на урочищѣ Желани въ другой разъ жестоко разбили русскихъ того же года 23 іюля.

Послѣ этой побѣды половцы разсѣялись по русскимъ селамъ и забирали плѣнниковъ. Современникъ въ рѣзкихъ чертахъ описалъ состояніе бѣдныхъ русскихъ, которыхъ толпами гнали враги въ свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодомъ и жаждою, нагіе и босые, черные отъ пыли, съ окровавленными ногами, съ унылыми лицами, шли они въ неволю, и говорили другъ другу: я изъ такого-то города, я изъ такой-то деревни, разсказывали о родныхъ своихъ, и со слезами возводили очи на небо къ Всевышнему, вѣдущему все тайное».

Въ слѣдующемъ 1094 году Святополкъ думалъ пріостановить бѣдствія русскаго народа, заключилъ съ половцами миръ и женился на дочери половецкаго хана Тугоркана. Но и этотъ годъ былъ не менѣе тяжелъ для русской земли: саранча истребила хлѣбъ и траву на поляхъ, а родство кіевскаго князя съ половецкимъ не спасло Руси и отъ половцевъ. Когда одни половцы мирились и роднились съ русскими, другіе вели на Владимира его неумолимаго соперника Олега. Олегъ, засланный византійцами въ Родосъ, не долго тамъ оставался. Въ 1093 году онъ уже былъ въ Тмутаракани, выгналъ оттуда двухъ князей такихъ безмѣстныхъ, какъ и онъ (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича) и сидѣлъ нѣкоторое время спокойно въ этомъ городѣ, но въ 1094 году, пригласивши половцевъ, пустился добывать ту землю, гдѣ княжилъ отецъ его. Владимиръ не дрался съ нимъ, уступилъ ему добровольно Черниговъ, вѣроятно и потому, что въ Черниговѣ, какъ и прежде, были сторонники Олега. Самъ Владимиръ уѣхалъ въ Переяславль.

Тогда уже, какъ видно, выработался вполнѣ характеръ Владимира и въ немъ созрѣла мысль дѣйствовать не для личныхъ своихъ видовъ, а для пользы всей русской земли, насколько онъ могъ понимать ея пользу; главное же—энегрически соединенными силами избавить русскую землю отъ половцевъ. До сихъ поръ мы видѣли, что Владимиръ, насколько было возможно, старался устроить миръ между русскими и половцами, но съ этихъ поръ онъ становится постояннымъ и непримиримымъ вра-

гомъ половцевъ, воюетъ противъ нихъ, подвигаетъ на нихъ всѣхъ русскихъ князей и съ ними всѣ силы русскихъ земель. Вражду эту онъ открылъ поступкомъ съ двумя половецкими князьями: Китаномъ и Итларемъ. Князья эти прибыли къ Переяславлю договариваться о мирѣ, разумѣется съ намѣреніемъ нарушить этотъ миръ, какъ дѣлалось прежде. Китанъ сталъ между валами за городомъ, а Итларь съ знатнѣйшими лицами пріѣхалъ въ городъ; съ русской стороны отправился къ половцамъ заложникомъ сынъ Владимира Святославъ.

Тогда же прибылъ отъ Святополка кіевлянинъ Славята и сталъ совѣтовать убить Итларя, пріѣхавшаго къ русскимъ. Владимиръ сначала не рѣшался на такое вѣроломство, но къ Славятѣ пристали дружинники Владимира и говорили: «нѣтъ грѣха въ томъ, что мы нарушимъ клятву, потому что сами они даютъ клятву, а потомъ губятъ русскую землю и проливаютъ христіанскую кровь».

Славята съ русскими молодцами взялся проникнуть въ половецкій станъ за городомъ и вывести оттуда Мономахова сына Святослава, посланнаго къ половцамъ заложникомъ. Съ нимъ вмѣстѣ взялись за это дѣло торки—(народъ того же племени, къ которому принадлежали и половцы; но будучи поселены на кіевской землѣ, они вѣрно служили Руси). Въ ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итларь находился тогда во дворѣ у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итларя съ его дружиною пригласили завтракать къ Владимиру; но только-что половцы вошли въ избу, куда ихъ позвали, какъ за ними затворили двери и сынъ Ратиборовъ Ольбегъ перестрѣлялъ ихъ сверху черезъ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ избы. Послѣ такого вѣроломнаго поступка, который русскіе оправдывали тѣмъ, что ихъ враги были также вѣроломны, Владимиръ началъ созывать князей противъ половцевъ и въ томъ числѣ Олега, отъ котораго потребовалъ выдачи сына убитаго Итларя. Олегъ не выдалъ его и не шелъ къ князьямъ.

Кіевскій князь Святополкъ и Владимиръ звалъ Олега въ Кіевъ на совѣтъ объ оборонѣ русской земли. Иди въ Кіевъ—говорили ему князья—здѣсь мы положимъ порядъ о русской землѣ предъ епископами, игуменами, передъ мужами отцевъ нашихъ и передъ городскими людьми, какъ намъ оборонять русскую землю». Но Олегъ высокомѣрно отвѣтилъ: «не пристало судить меня епископамъ, игуменамъ и смердамъ» (т.-е. мужичью, *переводя на* нашъ способъ выраженія).

Тогда князья, пригласившіе Олега, послали ему отъ себя такое слово: «если ты не идешь на невѣрныхъ и не приходишь на совѣтъ къ намъ, то значитъ ты мыслишь на насъ худое и хочешь помогать поганымъ. Пусть Богъ насъ разсудитъ».

Это было объявленіе войны. Итакъ, вмѣсто того, чтобы идти соединенными силами на половцевъ, Владиміру приходилось идти войною на своихъ. Владиміръ со Святополкомъ выгнали Олега изъ Чернигова, осадили его въ Стародубѣ и держали въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока Олегъ не попросилъ мира. Ему даровали миръ, но съ условіемъ, чтобъ онъ непремѣнно прибылъ въ Кіевъ на совѣтъ. Кіевъ—говорили князья—старѣйшій городъ въ русской землѣ; тамъ надлежитъ намъ сойтись и положить порядъ. Обѣ стороны цѣловали крестъ. Это было въ маѣ 1096 года.

Между тѣмъ раздраженные половцы дѣлали на Русь набѣги, Ханъ половецкій Бонякъ съ своею ордою жегъ окрестности Кіева, а тесть Святополка Тугорканъ, несмотря на родство съ кіевскимъ княземъ, осадилъ Переяславль. Владиміръ со Святополкомъ разбили его 19 мая; самъ Тугорканъ палъ въ битвѣ и зять его Святополкъ привезъ тѣло тестя въ Кіевъ: его похоронили между двумя дорогами: одною ведущею въ Берестово, и другою въ печерскій монастырь. Въ іюлѣ Бонякъ повторилъ свое нападеніе и 20 числа утромъ ворвался въ печерскій монастырь. Монахи, отстоявъ заутреню, почивали по кельямъ; половцы выломали ворота, ходили по кельямъ, брали что имъ попадалось подъ руки, сожгли церковныя южныя и сѣверныя двери, вошли въ церковь, таскали изъ нея иконы и произносили оскорбительныя слова надъ христіанскимъ Богомъ и закономъ. Тогда половцы сожгли загородный княжескій дворъ, называемый краснымъ, построенный Всеволодомъ на выдобичскомъ холмѣ, гдѣ впослѣдствіи выстроенъ былъ выдубицкій монастырь.

Олегъ не думалъ исполнять договора и являться въ Кіевъ на княжескій съѣздъ. Вмѣсто того онъ явился въ Смоленскѣ (гдѣ тогда неизвѣстно какимъ путемъ сѣлъ братъ его Давидъ), набралъ тамъ войска и, вышедши оттуда, пошелъ внизъ по Окѣ, ударилъ на Муромъ, который достался въ управленіе сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княженіе въ сосѣдней ростовской землѣ. (Отецъ Олега Святославъ, сидя въ Черниговѣ, былъ въ то же время на княженіи и въ Муромѣ, и потому Олегъ считалъ Муромъ своею отчиною). 6 сентября 1096 года Изяславъ былъ убитъ въ сѣчѣ. Олегъ взялъ Муромъ и ковалъ всѣхъ найденныхъ тамъ ростовцевъ, бѣлозерцевъ и суз-

дальцевъ: видно, что князь Изяславъ управлялъ муромцами при помощи людей своей земли. Въ Муромѣ и его волости въ то время еще господствовало язычество; край былъ населенъ народомъ финскаго племени, муромою, и держался за князьями только посредствомъ дружины, составлявшей здѣсь, вѣроятно, еще единственное словянское населеніе въ тѣ времена. Въ Ростовѣ, Суздалѣ и Бѣлозерскѣ, напротивъ, словяно-русская стихія уже прежде пустила свои корни и края эти имѣли свое мѣстное русское населеніе.

Олегъ, отвоевавши Муромъ, взялъ Суздаль и поступилъ сурово съ его жителями: однихъ взялъ въ плѣнъ, другихъ разослалъ по своимъ городамъ и отнялъ ихъ имущество. Ростовъ сдался Олегу самъ. Возгордившись успѣхами, Олегъ затѣвалъ подчинить своей власти и Новгородъ, гдѣ на княженіи былъ другой сынъ Мономаха, Мстиславъ, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушеніе Олега и прежде чѣмъ онъ могъ стать съ войскомъ на новгородской землѣ, сами отправились на него въ ростовско-суздальскую землю. Олегъ убѣжалъ изъ Суздаля, приказавши въ досадѣ сжечь за собою городъ, и остановился въ Муромѣ. Мстиславъ удовлетворился тѣмъ, что выгналъ Олега изъ ростовско-суздальской земли, которая никогда не была удѣломъ ни Олега, ни отца его; предложилъ Олегу миръ и предоставлялъ ему снестись съ своимъ отцомъ. Мстислава располагало къ уступчивости то, что Олегъ былъ его крестнымъ отцемъ. Олегъ притворно согласился, а самъ думалъ внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали объ его намѣреніи заблаговременно и, вмѣстѣ съ ростовцами и бѣлозерцами, приготовились къ бою. Враги встрѣтились другъ съ другомъ на рѣкѣ Колакшѣ, въ 1096 году. Олегъ увидѣлъ у противниковъ распущенное знамя Владимира Мономаха, подумалъ, что самъ Владимиръ Мономахъ пришелъ съ большою силою на помощь сыну, и убѣжалъ. Мстиславъ съ новгородцами и ростовцами пошелъ по слѣдамъ его, взялъ Муромъ и Рязань, мирно обошелся съ муромцами и рязанцами, только освободилъ людей ростовско-суздальской области, которыхъ Олегъ держалъ въ городахъ Муромѣ и Рязани плѣнниками; послѣ того Мстиславъ послалъ къ своему сопернику такое слово: «не бѣгай болѣе, пошли съ мольбой къ своей братьи; они тебя не лишатъ русской земли». Олегъ обѣщался сдѣлать такъ, какъ предлагалъ ему побѣдитель.

Мономахъ дружелюбно обошелся съ своимъ соперникомъ, и *памятникомъ* тогдашнихъ отношеній его къ Олегу осталось *современное письмо его* къ Олегу, очень любопытное не только потому

что оно объясняетъ во многомъ личность князя Владимира Мономаха, но и потому что вообще оно составляетъ одинъ изъ немногихъ образчиковъ тогдашняго способа выраженія: «Меня—пишетъ онъ—принудилъ написать къ тебѣ сынъ мой, котораго ты крестилъ и который теперь недалеко отъ тебя: онъ прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту и говоритъ такъ: сладимся и примиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ ему мстителями; возложимъ все на Бога; пусть они станутъ предъ Богомъ, мы же русской земли не погубимъ. Я послушался и написалъ: примешь ли ты мое писаніе съ добромъ или съ поруганіемъ, — покажетъ отвѣтъ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя передъ тобою, увидавши кровь его и тѣло его, увянувшее подобно едва распустившемуся цвѣтку, отчего, стоя надъ нимъ, не вникъ ты въ помыслъ души своей и не сказалъ: зачѣмъ это я сдѣлалъ? Зачѣмъ ради кривды этого мечтательнаго свѣта причинилъ себѣ грѣхъ, а отцу и матери слезы? Тебѣ было бы тогда покаяться Богу, а ко мнѣ написать утѣшительное письмо и прислать сноху мою ко мнѣ... она тебѣ не сдѣлала ни добра, ни зла; я бы съ нею оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ. Я не видѣлъ прежде ихъ радости, ни ихъ вѣнчанія; отпусти ее какъ можно скорѣе, я поплачу съ нею за-одно и посажу на мѣстѣ какъ грустную горлицу на сухомъ деревѣ, а самъ утѣшусь о Богѣ. Такъ было и при отцахъ нашихъ. Судъ пришелъ ему отъ Бога, а не отъ тебя! Если бы ты, взявши Муромъ, не трогалъ Ростова, а прислалъ бы ко мнѣ, мы бы уладились; разсуди самъ, тебѣ ли слѣдовало послать ко мнѣ или мнѣ къ тебѣ? Если пришлешь ко мнѣ посла или попа и грамоту свою напишешь съ правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится къ тебѣ, и будемъ жить лучше, чѣмъ прежде; я тебѣ не врагъ, не мститель».

Тогда, наконецъ, состоялось то, что долго замышлялось и никакъ не могло придти къ исполненію. Въ городѣ Любечѣ съѣхались князья Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ, кіевскій Святополкъ, Владимиръ Мономахъ, волынскій князь Давидъ Игоревичъ и червонорусскіе князья Ростиславичи: Володарь и Василько. Съ ними были ихъ дружинники и люди ихъ земель. Цѣль ихъ совѣщанія была—устроить и принять мѣры къ охраненію русскихъ земель отъ половцевъ.

Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Мономахъ.

«Зачѣмъ губимъ мы русскую землю—говорили тогда князья—зачѣмъ враждуемъ между собою? Половцы разоряютъ землю; они радуются тому, что мы другъ съ другомъ воюемъ. Пусть же съ

этихъ поръ будетъ у всѣхъ насъ единое сердце; соблюдемъ свою отчину».

На этомъ съѣздѣ князья положили, чтобы всѣ они владѣли своими волостями: Святополкъ Кіевомъ, Владимиръ удѣломъ отца своего Всеволода: Переяславлемъ, Суздалемъ и Ростовомъ; Олегъ, Давидъ и Ярославъ—удѣломъ Святослава отца ихъ; сѣверскою землею и рязанскою; Давидъ Игоревичъ—Волынью, а Василько и Володарь, городами: Теребовлемъ и Перемышлемъ ъ ихъ землями, составлявшими тотъ край, который впослѣдствіи назывался Галичиною. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что если кто-нибудь изъ князей нападетъ на другого, то всѣ должны будутъ ополчиться на зачинщика междоусобія. «Да будетъ на того крестъ честный и вся земля русская». Такой приговоръ произнесли они въ то время.

До сихъ поръ Владимиръ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Святополку кіевскому. Послѣдній былъ человѣкъ ограниченнаго ума и слабаго характера, и подчинялся Владимиру, какъ вообще люди его свойствъ подчиняются лицамъ болѣе ихъ сильнымъ волею и болѣе ихъ умнымъ. Но извѣстно, что такіе люди склонны подозрѣвать тѣхъ, которымъ они невольно повинуются. Они имъ покорны, но въ душѣ ненавидятъ ихъ. Давидъ Игоревичъ былъ заклятый врагъ теребовльскаго князя Василька и хотѣлъ присвоить себѣ его землю. Возвращаясь на Волынь изъ Любеча, черезъ Кіевъ, онъ увѣрилъ Святополка, что у Василька съ Владимиромъ составился злой умыселъ лишить Святополка кіевской земли. Самъ Василько былъ человѣкъ предпріимчиваго характера; уже онъ водилъ половцевъ на Польшу; затѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сознавался, думалъ идти на половцевъ, но, если вѣрить ему, не думалъ дѣлать ничего дурного русскимъ князьямъ.

Натравленный Давидомъ Святополкъ звалъ къ себѣ Василька на имянины въ то время, когда послѣдній, возвращаясь изъ Любеча домой, проѣзжалъ мимо Кіева и, не заѣзжая въ городъ, остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, отославши свой обозъ впередъ. Одинъ изъ слугъ Василька, или подозрѣвая коварство, или быть можетъ даже предостерегаемый кѣмъ-нибудь, не совѣтовалъ своему князю ѣхать въ Кіевъ: «Тебя хотятъ схватить»—говорилъ онъ. Но Василько понадѣялся на крестное цѣлованіе, немного подумалъ, перекрестился и поѣхалъ.

Было утро 5 ноября. Василько вошелъ въ домъ къ Святополку и *засталъ* у него Давида. Послѣ первыхъ привѣтствій они сѣли. Давидъ *молчалъ*. «*Оставайся* у меня на праздникъ», сказалъ Святополкъ.

—«Не могу, братъ, отвѣчалъ Василько, я уже отослалъ свой обозъ впередъ».—«Ну такъ позавтракай съ нами», сказалъ Святополкъ. Василько согласился. Тогда Святополкъ сказалъ: «Посидите здѣсь, а я пойду велю кое-что приготовить».—Василько остался съ Давидомъ и сталъ-было вести разговоръ съ нимъ, но Давидъ молчалъ и какъ будто ничего не слышалъ. Наконецъ Давидъ спросилъ слугъ: «Гдѣ братъ?»—Стоитъ на сѣняхъ,—отвѣчали ему.—«Я пойду за нимъ, а ты братъ, посиди», сказалъ онъ Васильку и вышелъ. Тотчасъ слуги наложили на Василька оковы и приставили къ нему стражу. Такъ прошла ночь.

На другой день Святополкъ созвалъ вѣче изъ бояръ и людей кіевской земли и сказалъ: «Давидъ говоритъ, что Василько убилъ моего брата Ярополка и теперь совѣщается съ Владиміромъ; хотятъ убить меня и отнять мои города». Бояре и люди кіевскіе сказали: «Ты, князь, долженъ охранять свою голову. Если Давидъ говоритъ правду, пусть Василько будетъ казненъ, а если неправду, то пусть Давидъ приметъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Богомъ».

Отвѣтъ былъ двусмысленный и увертливый. Игумены были смѣлѣе и стали просить за Василька. Святополкъ ссылался на Давида. Самъ Святополкъ готовъ былъ отпустить Василька на свободу, но Давидъ совѣтовалъ ослѣпить его и говорилъ: «Если ты его отпустишь, то не будетъ княженія ни у меня, ни у тебя». Святополкъ колебался, но потомъ совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодѣяніе.

Въ слѣдующую затѣмъ ночь Василька повезли въ оковахъ въ Бѣлгородъ, ввели въ небольшую избу. Василько увидалъ, что ѣхавшій съ нимъ торчинъ сталъ точить ножъ, догадался въ чемъ дѣло, началъ кричать и взывать къ Богу съ плачемъ. Вошли двое конюховъ: одинъ Святополковъ, по имени Сновидъ Изечевичъ, другой Давидовъ — Дмитрій; они постлали коверъ и взялись за Василька, чтобы положить его на коверъ. Василько сталъ съ ними бороться; онъ былъ силенъ; двое не могли съ нимъ справиться; подоспѣли на помощь другіе, связали его, повалили и, снявши съ печи доску, положили на грудь; конюхи сѣли на эту доску; но Василько сбросилъ ихъ съ себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли съ печи другую доску, навалили ее на князя, сами сѣли на доску и придавили до того, что у Василька затрещали кости на груди. Вслѣдъ затѣмъ торчинъ Беренда, овчарь Святополковъ, приступилъ къ операціи: намѣреваясь ударить ножемъ въ глазъ, онъ сперва промахнулся и порѣзалъ Васильку лицо; но потомъ уже удачно вынулъ у него оба глаза одинъ за другимъ. Василько

лишился чувствъ. Его взяли вмѣстѣ съ ковромъ, на которомъ онъ лежалъ, положили на возъ и повезли далѣе по дорогѣ во Владимиръ.

Проѣзжая черезъ городъ Звиждень, привезли его къ какой-то попадьѣ и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надѣла на Василька и горька плакала, тронутая этимъ зрѣлищемъ. Въ это время Василько очнулся и закричалъ: «Гдѣ я?» Ему отвѣчали: «въ Звижденѣ городѣ».—«Дайте воды!» сказалъ Василько. Ему подали воды, онъ выпилъ и мало-по-малу совсѣмъ пришелъ въ себя, вспомнилъ, что́ съ нимъ происходило и ощупавъ на себѣ сорочку спросилъ: зачѣмъ сняли? «Я бы въ этой окровавленной сорочкѣ принялъ смерть и сталъ передъ Богомъ».

Пообѣдавши, злодѣи повезли его во Владимиръ, куда прибыли на шестой день. Давидъ помѣстилъ Василька на дворѣ какого-то владимирскаго жителя Вакѣя и приставилъ къ нему тридцать сторожей подъ начальствомъ двухъ своихъ княжескихъ отроковъ, Улана и Колчка.

Услышалъ объ этомъ прежде другихъ князей Владимиръ Мономахъ и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ нашихъ», говорилъ онъ. Немедленно позвалъ онъ къ себѣ черниговскихъ князей Олега и Давида на совѣщаніе въ Городецъ. «Надобно поправить зло, — говорилъ онъ, — а иначе еще большее зло будетъ, начнетъ братъ брата умерщвлять, и погибнетъ земля русская, и половцы возьмутъ землю русскую». Давидъ и Олегъ Святославичи также пришли въ ужасъ и говорили: «Подобнаго не бывало еще въ родѣ нашемъ». Дѣйствительно не бывало: въ родѣ княжескомъ прежде случались варварскія братоубійства, но ослѣпленій не бывало еще. Этотъ родъ злодѣянія принесла въ варварскую Русь греческая образованность.

Всѣ три князя отправили къ Святополку своихъ мужей съ такимъ словомъ: «Зачѣмъ надѣлалъ ты зла въ русской землѣ, зачѣмъ вергъ ножъ въ братью? Зачѣмъ ослѣпилъ брата? Если бы онъ былъ виноватъ передъ тобою, ты бы долженъ былъ обличить его передъ нами и доказать вину его; онъ былъ бы наказанъ, а теперь скажи: въ чемъ его вина?» Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка и меня хочетъ убить, чтобы захватить волость мою: Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорынье, говорилъ, что у него положена клятва съ Владимиромъ: чтобы Владимиру сѣсть въ Кіевѣ, а

Васильку въ городѣ Владимирѣ. Я поневолѣ оберегалъ свою голову. Не я его ослѣпилъ, а Давидъ; онъ его и увезъ къ себѣ».

«Этимъ не отговаривайся, — отвѣчали князья, — Давидъ его ослѣпилъ, но не въ Давидовомъ городѣ, а въ твоемъ».

Владимиръ съ князьями и дружинами хотѣлъ переходить черезъ Днѣпръ противъ Святополка; Святополкъ въ страхѣ собирался бѣжать, но кіевляне не пустили его и послали къ Владимиру мачиху его и митрополита Николая съ такимъ словомъ:

«Молимъ тебя, князь Владимиръ, и вмѣстѣ съ тобою братію твою князей, не губите русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмутъ землю нашу, которую пріобрѣли отцы ваши и дѣды ваши трудомъ и храбростью; они боролись за русскую землю и чужія земли пріобрѣтали, а вы хотите погубить русскую землю».

Владимиръ очень уважалъ свою мачиху и склонился на ея мольбы. «Правда, сказалъ онъ, отцы и дѣды наши соблюдали русскую землю, а мы хотимъ ее погубить».

Княгиня, возвратившись въ Кіевъ, принесла радостную вѣсть кіевлянамъ, что Владимиръ склоняется на миръ.

Князья стояли на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ бору, и пересылались съ Святополкомъ. Наконецъ послѣднее ихъ слово было таково: «Если это преступленіе Давидово, то пусть Святополкъ идетъ на Давида, пусть либо возьметъ его, либо сгонитъ съ княженія».

Святополкъ цѣловалъ крестъ поступать по требованію Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давидъ, узнавши объ этомъ, сталъ пытаться поладить съ Василькомъ и заставить его самого отклонить отъ Давида опасность, которой подвергался Давидъ за Василька.

Призвалъ ночью Давидъ какого-то Василія, о которомъ разсказъ включенъ въ лѣтопись цѣликомъ. Давидъ сказалъ ему:

«Василько въ эту ночь говорилъ Улану и Колчкѣ, что ему хочется послать отъ себя мужа своего къ князю Владимиру. Посылаю тебя, Василій, иди къ одноименнику своему и скажи ему отъ меня: Если ты пошлешь своего мужа къ Владимиру и Владимиръ воротится, я дамъ тебѣ какой хочешь городъ: либо Всеволожъ, либо Шепель, либо Перемиль.

Василій отправился къ Васильку и передалъ ему рѣчь Давида.

«Я ничего такого не говорилъ, — сказалъ Василько, — но готовъ послать мужа, чтобъ не проливали изъ-за меня крови; дивно только, что Давидъ даетъ мнѣ города свои, а мой Тере-

бовль у него. Ступай къ Давиду и скажи, пусть пришлетъ ко мнѣ Кульмѣя. Я пошлю его къ князю Владимиру». Василій сходилъ къ Давиду и воротившись сказалъ, что Кульмѣя нѣтъ.

Василько сказалъ: «Посиди со мною немного». Онъ велѣлъ слугѣ выдти вонъ и говорилъ Василію:

«Слышу, что Давидъ хочетъ меня отдать ляхамъ, не насытился онъ еще моей кровью; еще больше хочетъ упиться ею. Я много зла надѣлалъ ляхамъ и хотѣлъ еще надѣлать и мстить имъ за русскую землю. Пусть выдаетъ меня ляхамъ; смерти я не боюсь. Скажу только тебѣ по правдѣ. Наказалъ меня Богъ за мое высокомѣріе; ко мнѣ пришла вѣсть, что идутъ ко мнѣ берендичи, печенѣги, торки, и я сказалъ себѣ въ умѣ: какъ будутъ у меня берендичи, печенѣги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мнѣ свою меньшую дружину, а сами пейте-себѣ и веселитесь; я же зимою пойду на лядскую землю, а на лѣто завоюю лядскую землю и отомщу за русскую землю. Потомъ я хотѣлъ овладѣть дунайскими болгарами и поселить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и Владимира идти на половцевъ: либо славу себѣ найду, либо голову сложу за русскую землю; иного помышленія у меня въ сердцѣ не было, ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богомъ и его пришествіемъ, не мыслилъ я никакого зла братьи; но за мое возношеніе низложилъ меня Богъ и смирилъ!»—Неизвѣстно, чѣмъ кончились эти сношенія Давида съ Василькомъ, но вѣроятно Василько остановилъ Владимира, потому что въ этомъ году не было отъ него нападенія на Давида. Наступала пасха. Давидъ не выпустилъ Василька и, напротивъ, хотѣлъ захватить волость ослѣпленнаго; онъ пошелъ туда съ войскомъ, но у Божска встрѣтѣлъ его Володарь. Давидъ былъ такой же трусъ, какъ и злодѣй. Онъ не осмѣлился вступить въ бой и заперся въ Божскѣ. Володарь осадилъ его и послалъ къ нему такое слово: «Зачѣмъ надѣлалъ зла и еще не каешься. Опомнись!» — «Развѣ я это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Давидъ,—развѣ въ моемъ городѣ это сдѣлалось? Виною всему Святополкъ: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сдѣлали со мною того же; поневолѣ пришлось мнѣ пристать къ нему въ совѣтъ, и былъ у него въ рукахъ».

Володарь не перечилъ ему, стараясь только о томъ, какъ бы выручить брата изъ неволи. — «Богъ свидѣтель всему этому,— послалъ онъ сказать Давиду,—а ты выпусти моего брата, и я съ тобою примирюсь».

Давидъ обрадовался, приказалъ привести слѣпого и отдалъ его Володарю. Они заключили миръ и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько съ войскомъ шли на Давида. Они подошли къ городу Всеволожу, взяли его приступомъ и зажгли; жители бѣжали, Василько приказалъ всѣхъ ихъ истреблять и мстилъ за себя невиннымъ людямъ,—замѣчаетъ лѣтописецъ. Василько показалъ, что хотя онъ и былъ несчастенъ, но вовсе не любилъ русской земли въ той мѣрѣ, какъ говорилъ. Братья подошли къ Владиміру. Трусливый Давидъ заперся въ немъ. Братья князья послали къ владимирцамъ такое слово:

«Мы пришли не на вашъ городъ и не на васъ, а пришли мы на враговъ своихъ: на Туряка, Лазаря и Василія,—они подговорили Давида; онъ ихъ послушалъ и сдѣлалъ зло. Если хотите биться за нихъ,—и мы готовы; а не хотите,—такъ выдайте враговъ нашихъ».

Владимирскіе граждане собрались на вѣче и такъ сказали Давиду:

«Выдай этихъ мужей, мы за нихъ не бьемся; за тебя же биться можемъ; если не выдашь,—мы отворимъ городъ, а ты самъ о себѣ промышляй, какъ знаешь».

Давидъ отвѣчалъ: «Ихъ нѣтъ здѣсь, я послалъ ихъ въ Луцкъ; Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, Василій и Лазарь въ Турійскѣ».

«Выдай тѣхъ, кого они хотятъ, крикнули горожане, а не то—мы сдадимся!»

Давиду нечего было дѣлать. Онъ послалъ за своими любимцами: Василіемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ.

Братья Ростиславичи по зарѣ повѣсили Василія и Лазаря передъ городомъ, а сыновья Василька разстрѣляли ихъ стрѣлами. Совершивши казнь, они отступили отъ города.

Послѣ этой расправы, на Давида пошелъ Святополкъ, который до сихъ поръ медлилъ исполненіемъ княжескаго приговора наказать Давида за его злодѣяніе. Давидъ искалъ помощи у польскаго князя Владислава Германа, но послѣдній взялъ съ него деньги за помощь и не помогъ. Послѣ семинедѣльной осады во Владимирѣ, Давидъ сдался и уѣхалъ въ Польшу.

Въ великую субботу 1098 года Святополкъ вошелъ во Владимиръ. Овладѣвши Волынью, кіевскій князь разсчелъ, что не худо такимъ же способомъ овладѣть и волостьми Ростиславичей, за которыя онъ началъ войну съ Давидомъ.

Володарь, предупреждая нападеніе, вышелъ противъ кіевскаго князя и взялъ съ собою слѣпого брата. Враги встрѣтились на урочищѣ, называемомъ Рожново-поле. Когда рати готовы были ударить

другъ противъ друга, вдругъ явился слѣпой Василько съ крестомъ въ рукѣ и кричалъ, обращая рѣчь свою къ Святополку:

«Вотъ крестъ, который ты цѣловалъ передъ тѣмъ, какъ отнялъ у меня зрѣніе! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этотъ честный крестъ разсудитъ насъ!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи побѣдили. Святополкъ бѣжалъ во Владиміръ. Побѣдители не погнались за нимъ. «Съ насъ довольно стать на своей межѣ»,—говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у ихъ врага Давида явилось общее дѣло: защищать себя отъ Святополка, тѣмъ болѣе, что кіевскій князь не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ и, посадивши одного изъ своихъ сыновей, Мстислава во Владимирѣ Волынскомъ, другого, Ярослава, послалъ къ уграмъ (венграмъ) подвигать ихъ на Володаря, а самъ ушелъ въ Кіевъ, вѣроятно замышляя посадить этого самаго Ярослава въ удѣлѣ Ростиславичей, выгнавши послѣднихъ, подобно тому, какъ онъ уже выгналъ Давида. Святополкъ хотѣлъ воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидомъ и Ростиславичами для того, чтобы доставить на ихъ счетъ владѣнія своимъ сыновьямъ. Давидъ прибылъ изъ Польши и сошелся съ Володаремъ. Заклятые враги помирились и Давидъ оставилъ жену свою у Володаря, а самъ отправился нанимать половецкую орду, которою управлялъ воинственный и свирѣпый ханъ Бонякъ. Вѣроятно, Давидъ успѣлъ увѣрить Володаря, что въ самомъ дѣлѣ виной злодѣянія, совершеннаго надъ Василькомъ, былъ не онъ, а Святополкъ.

Володарь сидѣлъ въ Перемышлѣ. Пришли венгры съ своимъ королемъ Коломаномъ, приглашенные Ярославомъ Святополковичемъ, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ѣздить за половцами: онъ встрѣтилъ Боняка гдѣ-то недалеко и привелъ его въ Перемышлю.

Наканунѣ ожидаемой битвы съ венграми, Бонякъ въ полночь отъѣхалъ отъ войска въ поле и сталъ выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волковъ. Таково было половецкое гаданье. «Завтра—сказалъ Бонякъ—мы побѣдимъ угровъ». Дикое предсказаніе половецкаго хана сбылось. Бонякъ—говоритъ современный лѣтописецъ—сбилъ угровь въ мячъ, такъ, какъ соколъ сбиваетъ галокъ. Венгры бѣжали. Много ихъ потонуло и въ Вагрѣ и въ Санѣ. Давидъ двинулся къ Владимиру и овладѣлъ владимирскою волостью. Въ самомъ городѣ сидѣлъ Мстиславъ Святополковичъ съ засадою (гарнизономъ), состоявшею изъ жителей владимирскихъ пригородовъ: берестьянъ, пинянъ и выгошевцевъ.—Давидъ началъ дѣлать приступы: дождемъ сыпались съ обѣихъ сторонъ стрѣлы; осаждающіе закрывались подвижными вежами (башнями); осаж-

денные стояли на стѣнахъ за досками; таковъ былъ тогдашній способъ войны. Въ одну изъ такихъ перестрѣлокъ, 12 іюня 1099 года, стрѣла сквозь скважину доски поразила на смерть князя Мстислава. Осажденные послѣ его смерти терпѣли тягостную осаду до августа, наконецъ, Святополкъ прислалъ къ нимъ на выручку войско. Августа 5 Давидъ не устоялъ въ битвѣ съ присланнымъ войскомъ и бѣжалъ къ половцамъ. Побѣдители не надолго овладѣли Владиміромъ и Луцкомъ. Давидъ, пришедши съ Бонякомъ, отнялъ у нихъ и тотъ и другой городъ.

Намѣреніе Мономаха соединить князей на единое дѣло противъ половцевъ не только не привело къ желанной цѣли, а напротивъ повело къ многолѣтней войнѣ между князьями; для русской земли отъ этого умножилось горе. Однако, на слѣдующій 1100 годъ Мономаху таки удалось опять устроить между князьями совѣщаніе и убѣдить Давида Игоревича отдаться на княжескій судъ. Давидъ самъ прислалъ къ князьямъ пословъ по этому дѣлу. Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей подготовки къ этому дѣлу. 10 августа князья: Владиміръ Мономахъ, Святополкъ, Олегъ съ братомъ Давидомъ сошлись въ Витичевѣ, а черезъ двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на томъ же мѣстѣ и уже тогда былъ съ ними Давидъ Игоревичъ.

«Кому есть на меня жалоба?» спросилъ Давидъ Игоревичъ.

«Ты присылалъ къ намъ—сказалъ Владиміръ—объявилъ, что хочешь жаловаться передъ нами за свою обиду. Вотъ теперь ты сидишь съ братьею на одномъ коврѣ. На кого у тебя жалоба?»

Давидъ ничего не отвѣчалъ.

Тогда князья сѣли на лошадей и стали врознь каждый со своею дружиною. Давидъ Игоревичъ сидѣлъ особо. Князья разсуждали о Давидѣ: сначала каждый князь съ своею дружиною, а потомъ совѣщались между собою и послали Давиду отъ каждаго князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую рѣчь:

«Вотъ что́ говорятъ тебѣ братья: не хотимъ тебѣ дать стола Владимирскаго за то, что ты ввергъ ножъ между насъ, сдѣлалъ то, чего еще не бывало въ русской землѣ; но мы тебя не беремъ въ неволю, не дѣлаемъ тебѣ ничего худого, сиди себѣ въ Бужскѣ и въ Острогѣ; Святополкъ придаетъ тебѣ Дубенъ и Чарторискъ, а Владиміръ даетъ тебѣ 200 гривенъ да еще Олегъ и Давидъ даютъ тебѣ 200 гривенъ».

Потомъ князья послали къ Володарю такое слово:

«Возьми къ себѣ брата своего Василька; будетъ вамъ обоимъ Перемышль. Хотите, живите вмѣстѣ, а не хотите—отпусти Василька къ намъ; мы будемъ его кормить!»

Володарь съ гнѣвомъ принялъ такое предложеніе; Святополкъ и Святославичи хотѣли выгнать Ростиславичей изъ ихъ волости и послали приглашать къ участію въ этомъ предпріятіи Владимира, который, послѣ съѣзда въ Витичевѣ, поѣхалъ въ сѣверныя свои области и былъ на Волгѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ отъ Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь съ нами, то мы будемъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ». Видно, что и на витичевскомъ съѣздѣ Владимиръ не ладилъ съ князьями и не совсѣмъ одобрялъ ихъ постановленія: «Я не могу идти на Ростиславичей—отвѣчалъ онъ имъ—и преступать крестное цѣлованіе. Если вамъ не нравится послѣднее, принимайте прежнее» (т. е. постановленное въ Любечѣ). Владимиръ былъ тогда огорченъ, какъ показываютъ и слова въ его духовной, касающіяся описываемаго событія. По этому поводу онъ счелъ умѣстнымъ привести выраженіе изъ псалтыря: «не ревнуй лукавствующимъ, не завиди творящимъ беззаконіе!»

Въ самомъ дѣлѣ, то, чѣмъ покончили князья свои междоусобія, мало представляло справедливости. Владимиръ не противорѣчилъ имъ во многомъ, потому что желалъ какъ бы то ни было прекратить междоусобія, чтобы собрать силы русскихъ земель противъ общихъ враговъ—половцевъ.

Святополку, какъ кіевскому князю, хотѣлось, подобно своимъ предшественникамъ, власти надъ Новгородомъ и для этого желалъ онъ посадить въ Новгородѣ своего сына, между тѣмъ тамъ уже былъ княземъ сынъ Мономаха Мстиславъ. Владимиръ уступилъ Святополку, а вмѣсто новгородскаго княженія Святополкъ обѣщалъ Мстиславу Владимирское.

Мономахъ призвалъ Мстислава изъ Новгорода въ Кіевъ, но вслѣдъ за Мстиславомъ пріѣхали новгородскіе послы и повели такую рѣчь Святополку:

«Приславшіе насъ велѣли сказать: не хотимъ Святополка и сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Намъ далъ Мстислава Всеволодъ, мы его вскормили, а ты Святополкъ уходилъ отъ насъ».

Святополкъ не могъ ихъ переспорить и не въ состояніи былъ принудить новгородцевъ исполнить его волю. Мстиславъ опять вернулся въ Новгородъ. Новгородъ, по своему мѣстоположенію за неприступными болотами и дремучими лѣсами, чувствовалъ свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцевъ, ни ляховъ; нельзя было съ иноземною помощью овладѣть Новгородомъ.

Съ тѣхъ поръ Владимиръ непрерывно обращалъ свою дѣя-

тельность на огражденіе русской земли отъ половцевъ. Въ 1101 году Владиміръ поднялъ князей противъ нихъ, но половцы, услышавши о сборахъ русскихъ князей, одновременно отъ разныхъ ордъ прислали просьбу о мирѣ. Русскіе согласились на миръ, готовые наказать половцевъ за первое вѣроломство. Въ 1103 году этотъ миръ былъ нарушенъ половцами и Мономахъ побудилъ русскихъ князей предпринять первый наступательный походъ на половецкую землю соединенными силами. Въ лѣтописи этотъ походъ описанъ съ большимъ сочувствіемъ и видно, что онъ сдѣлалъ впечатлѣніе на современниковъ. Кіевскій князь со своею дружиною и Владиміръ со своею сошлись на Долобскѣ (на лѣвой сторонѣ Днѣпра близь Кіева). Князья совѣщались въ шатрѣ. Святополкова дружина была противъ похода. Тогда раздавались такіе голоса: «Теперь весна, какъ можно отрывать смерда отъ пашни; ему надобно пахать».

Но Владиміръ на это возразилъ «удивительно, что вы не жалѣете смерда, а жалѣете лошадь, на которой онъ пашетъ. Начнетъ смердъ пахать, прибѣжитъ половчинъ, и отыметъ у него лошадь и его самого ударитъ стрѣлою, и ворвется въ село, и жену и дѣтей его возьметъ въ полонъ».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить и Святополкъ сказалъ: «я готовъ».

Ты много добра сдѣлаешь — сказалъ ему на это Мономахъ.

Послѣ долобскаго совѣщанія князья стали приглашать черниговскихъ князей принять участіе въ походѣ, а за ними и другихъ князей. Давидъ послушался, а Олегъ отговорился нездоровьемъ. Онъ неохотно ссорился съ половцами, которые помогли ему взять Черниговъ и быть можетъ разсчитывалъ, что дружба съ ними пригодится ему и его дѣтямъ. Прибылъ съ своей дружиной полоцкій князь Давидъ Всеславичъ, прибыли и нѣкоторые другіе князья. Русскіе шли конные и пѣшіе: послѣдніе на ладьяхъ по Днѣпру до Хортицы. Послѣ четырехдневнаго пути степью отъ Хортицы, на урочищѣ, называемомъ Сутѣнь, русскіе 4 апрѣля встрѣтили половцевъ и разбили ихъ на-голову. Половцы потеряли до двадцати князей. Одинъ изъ ихъ князей Белдюзь попался въ плѣнъ и предлагалъ за себя большой выкупъ золотомъ, серебромъ, лошадьми и скотомъ, но Владиміръ сказалъ ему: «много разъ поставляли вы съ нами договоръ, а потомъ ходили воевать русскую землю; зачѣмъ ты не училъ сыновъ своихъ и родъ свой не преступать договора и не проливать христіанской крови?» Онъ приказалъ затѣмъ убить Белдюзя

и разсѣчь по членамъ его тѣло. Русскіе набрали тогда много овецъ, скота, верблюдовъ и невольниковъ.

Въ 1107 году воинственный Бонякъ и старый половецкій князь Шаруканъ думали отмстить русскимъ за прежнее пораженіе, но были разбиты наголову подъ Лубнами. Въ 1109 Владимиръ посылалъ воеводу Димитрія Иворовича къ Дону: русскіе нанесли большое разореніе половецкимъ вежамъ. За это на другой годъ половцы опустошали окрестности Переяславля, а на слѣдующій Владимиръ опять съ князьями предпринялъ походъ, который болѣе всѣхъ другихъ облекся славою въ глазахъ современниковъ. Преданіе связало съ нимъ чудодѣйственныя предзнаменованія. Разсказываютъ, что февраля 11 ночью, надъ печерскимъ монастыремъ появился огненный столбъ: сначала онъ сталъ надъ каменною трапезою, перешелъ оттуда на церковь, потомъ сталъ надъ гробомъ Θеодосія, наконецъ, поднялся по направленію къ востоку и исчезъ. Явленіе это сопровождалось молніею и громомъ. Грамотѣи растолковали, что это былъ ангелъ, возвѣщавшій русскимъ побѣду надъ невѣрными. Весною, Владимиръ съ своими сыновьями, кіевскій князь Святополкъ съ своимъ сыномъ, Ярославъ и Давидъ съ сыномъ, на второй недѣлѣ поста, отправились къ Сулѣ, перешли черезъ Псёлъ, Ворсклу и 23 марта пришли къ Дону, а 27 въ страстной понедѣльникъ разбили на-голову половцевъ на рѣкѣ Сальницѣ и воротились обратно со множествомъ добычи и плѣнниковъ. Тогда, говоритъ лѣтописецъ, слава о подвигахъ русскихъ прошла ко всѣмъ народамъ: грекамъ, ляхамъ, чехамъ и дошла даже до Рима. Съ тѣхъ поръ надолго половцы перестали тревожить русскую землю.

Въ 1113 году умеръ Святополкъ и кіевляне, собравшись на вѣче, избрали Владимира Мономаха своимъ княземъ; но Владимиръ медлилъ; между тѣмъ кіевляне, недовольные поборами своего покойнаго князя, напали на домъ его любимца Путяты и разграбили жидовъ, которымъ потакалъ Святополкъ во время своего княженія, и повѣрялъ собраніе доходовъ. Въ другой разъ послали кіевляне къ Владимиру пословъ съ такою рѣчью: «иди, князь, въ Кіевъ, а не пойдешь, такъ разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри; и будешь ты отвѣчать, если монастыри ограбятъ». Владимиръ прибылъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ по избранію кіевской земли.

Время его княженія до смерти, послѣдовавшей въ 1125 году, было періодомъ самымъ цвѣтущимъ въ древней исторіи кіевской Руси. Уже ни половцы и никакіе другіе иноплеменники не безпокоили русскаго народа. Напротивъ, самъ Владимиръ посылалъ

своего сына Ярополка на Донъ, гдѣ сынъ его завоевалъ у половцевъ три города и привелъ себѣ жену, дочь ясскаго князя, необыкновенную красавицу. Другой сынъ Владимира Мстиславъ съ новгородцами нанесъ пораженіе Чуди на балтійскомъ побережьи, третій сынъ Юрій побѣдилъ на Волгѣ болгаръ. Удѣльные князья не смѣли заводить усобицъ, повиновались Мономаху и въ случаѣ строптивости чувствовали его сильную руку. Владиміръ прощалъ первыя попытки нарушить порядокъ и строго наказывалъ вторичныя. Такъ, напримѣръ, когда Глѣбъ Мстиславичъ, одинъ изъ кривскихъ князей, напалъ на Слуцкъ и сжегъ его: Владиміръ пошелъ на Глѣба войною, но Глѣбъ поклонился Владиміру, просилъ мира и Владиміръ оставилъ его княжить въ Минскѣ; но нѣсколько лѣтъ спустя, вѣроятно за такой же проступокъ, Владиміръ вывелъ Глѣба изъ Минска, гдѣ онъ и умеръ. Точно также въ 1118 году Владиміръ, собравши князей, пошелъ на волынскаго князя Ярослава Святополковича, и когда Ярославъ покорился ему и ударилъ челомъ, онъ оставилъ его во Владимирѣ, сказавъ ему: «всегда иди, когда я тебя позову». Но потомъ Ярославъ напалъ на Ростиславичей и навелъ на нихъ ляховъ; кромѣ того онъ дурно обращался со своею женою; Владиміръ сердился на него и за это. Владиміръ выгналъ Ярослава, отдавши Владиміръ Волынскій своему сыну Андрею. Ярославъ покушался возвратить себѣ Владиміръ съ помощью ляховъ, венгровъ и чеховъ, но не успѣлъ и былъ измѣннически убитъ ляхами.

Не такъ удачны были дѣла Мономаха съ Греціею. Онъ отдалъ дочь свою за Леона, сына византійскаго императора Діогена; но вслѣдъ затѣмъ въ Византіи произошелъ переворотъ. Діогенъ былъ низвергнутъ Алексѣемъ Комненомъ. Леонъ съ помощью тестя хотѣлъ пріобрѣсть себѣ независимую область въ греческихъ владѣніяхъ на Дунаѣ, но былъ умерщвленъ убійцами, подосланными Комненомъ. Леонъ оставилъ сына, для котораго Мономахъ хотѣлъ пріобрѣсть то же самое владѣніе въ Греціи, котораго добивался Леонъ, и сначала воевода Владиміровъ Войтишичъ посадилъ-было Владиміровыхъ посадниковъ въ греческихъ дунайскихъ городахъ, но греки прогнали ихъ, а въ 1122 году Владиміръ помирился съ преемникомъ Алексѣя, Іоанномъ Комненомъ и отдалъ за него внуку свою, дочь Мстислава.

Владиміръ Мономахъ является въ русской исторіи законодателемъ. Еще ранѣе его, при дѣтяхъ Ярослава, въ «Русскую Правду» вошли важныя измѣненія и дополненія. Важнѣйшее изъ измѣненій было то, что месть за убійство была устранена, а вмѣсто того введено наказаніе платежемъ виръ. Это повлекло къ

усложненію законодательства и къ установленію многихъ статей, касающихся разныхъ случаевъ обидъ и преступленій, которыя влекли за собой платежъ виръ въ различномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ различные размѣры вирныхъ платежей назначались за разнаго рода оскорбленія и побои, наносимыя одними лицами другимъ, какъ равно и за покражу разныхъ предметовъ. Независимо отъ платежа виры за нѣкоторыя преступленія, какъ, например, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разрабленію—древнему народному способу наказанія преступника. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ.— При Мономахѣ, на совѣтѣ, призванномъ имъ и составленномъ изъ тысячскихъ: кіевскаго, бѣлогородскаго, переяславскаго и людей своей дружины, постановлено было нѣсколько важныхъ статей, клонившихся къ огражденію благосостоянія жителей. Ограничено произвольное взиманіе рѣзъ (процентовъ), которое при Святополкѣ доходило до большихъ злоупотребленій и вызвало по смерти этого князя преслѣдованіе жидовъ, бывшихъ ростовщиками. При Владимірѣ установлено, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты и если возьметъ три раза, то уже теряетъ самый капиталъ. Кромѣ того постановленъ былъ дозволенный процентъ: 10 кунъ на гривну, что̀ составляло около трети или нѣсколько болѣе, если принимать упоминаемую гривну гривною куна [1]).

Частыя войны и нашествія половцевъ разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а подъ видомъ ихъ были и плуты. Торговыя предпріятія подвергали купца опасностямъ; отъ этого и тѣ, которые давали ему деньги, также находились въ опасности потерять свой капиталъ. Отсюда и высокіе проценты. Нѣкоторые торговцы брали у другихъ купцовъ товары не платя за нихъ деньги впередъ, а выплачивали по выручкѣ съ процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимірѣ положено было различіе между тѣмъ неоплатнымъ купцомъ, который потерпитъ нечаянно отъ огня, отъ воды или отъ непріятеля, и тѣмъ, который испортитъ чужой товаръ или пропьетъ его или «пробьется» т.-е. заведетъ драку, а потомъ долженъ будетъ заплатить виру или «продажу» (низшій видъ виры). При несостоятельности купца слѣдовало принимать во вниманіе: отъ

---

[1]) Гривна была—гривна серебра и гривна кунъ. Гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая въ серебряныхъ кускахъ которые попадаются вѣсомъ отъ 43 до 49 золот., и гривна малая—въ кускахъ, отъ 35 до 32 золот. Семь гривенъ кунъ составляло гривну серебра, слѣдовательно гривна кунъ составляла приблизительно отъ 6 до 7 или отъ 5 до 6 золотниковъ серебра.

какой причины онъ сталъ несостоятеленъ. Въ первыхъ случаяхъ, т.-е. при нечаянномъ разореніи, купецъ не подвергался насилію, хотя не освобождался совершенно отъ платежа долга. Нѣкоторые брали капиталъ отъ разныхъ лицъ, а также и у князей. Въ случаѣ несостоятельности такого торговца, его вели на торгъ и продавали его имущество. При этомъ гость, т.-е. человѣкъ изъ иного города или чужеземецъ, имѣлъ первенство передъ другими заимодавцами, а за нимъ князь, потомъ уже прочіе заимодавцы получали остальное. Набѣги половцевъ, проценщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ—все способствовало тому, что въ массѣ народа умножались бѣдняки, которые, не будучи въ состояніи прокормить себя, шли въ наемники къ богатымъ. Эти люди назывались тогда «закупами». Съ одной стороны эти закупы, взявши отъ хозяина деньги, убѣгали отъ него, а съ другой хозяева взводили на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли и даже обращали въ рабство. Законъ Мономаха дозволялъ закупу жаловаться на хозяина князю или судьямъ, налагалъ опредѣленную пеню за сдѣланныя имъ обиды и утѣсненія, охранялъ его отъ притязанія господина въ случаѣ пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самомъ дѣлѣ закупъ былъ невиноватъ; но за то съ другой стороны—угрожалъ закупу полнымъ рабствомъ въ случаѣ, если онъ убѣжитъ, не исполнивши условія. Кромѣ закуповъ, служащихъ во дворахъ хозяевъ, были закупы «ролейные» (поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу). Они получали плуги и бороны отъ владѣльца, что показываетъ обѣднѣніе народа; хозяева не рѣдко придирались къ такимъ закупамъ подъ предлогомъ, что они испортили данныя имъ земледѣльческія орудія и обращали въ рабство свободныхъ людей. Отсюда возникла необходимость опредѣлить: кто именно долженъ считаться холопомъ. Законодательство Владимира Мономаха опредѣлило только три случая обращенія въ холопство: первый случай, когда человѣкъ самъ добровольно продавалъ себя въ холопы или когда господинъ продавалъ его на основаніи прежнихъ правъ надъ нимъ. Но такая покупка должна была непремѣнно совершаться при свидѣтеляхъ. Второй случай обращенія въ рабство было принятіе въ супружество женщины рабскаго происхожденія (вѣроятно, случалось, что женщины искали освобожденія отъ рабства посредствомъ замужества). Третій случай, когда свободный человѣкъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человѣка (тіунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду). Вѣроятно, это было постановлено потому, что нѣкоторые люди, принявъ

Володарь съ гнѣвомъ принялъ такое предложеніе; Святополкъ и Святославичи хотѣли выгнать Ростиславичей изъ ихъ волости и послали приглашать къ участію въ этомъ предпріятіи Владимира, который, послѣ съѣзда въ Витичевѣ, поѣхалъ въ сѣверныя свои области и былъ на Волгѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ отъ Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь съ нами, то мы будемъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ». Видно, что и на витичевскомъ съѣздѣ Владимиръ не ладилъ съ князьями и не совсѣмъ одобрялъ ихъ постановленія: «Я не могу идти на Ростиславичей—отвѣчалъ онъ имъ—и преступать крестное цѣлованіе. Если вамъ не нравится послѣднее, принимайте прежнее» (т. е. постановленное въ Любечѣ). Владимиръ былъ тогда огорченъ, какъ показываютъ и слова въ его духовной, касающіяся описываемаго событія. По этому поводу онъ счелъ умѣстнымъ привести выраженіе изъ псалтыря: «не ревнуй лукавствующимъ, не завиди творящимъ беззаконіе!»

Въ самомъ дѣлѣ, то, чѣмъ покончили князья свои междоусобія, мало представляло справедливости. Владимиръ не противорѣчилъ имъ во многомъ, потому что желалъ какъ бы то ни было прекратить междоусобія, чтобы собрать силы русскихъ земель противъ общихъ враговъ—половцевъ.

Святополку, какъ кіевскому князю, хотѣлось, подобно своимъ предшественникамъ, власти надъ Новгородомъ и для этого желалъ онъ посадить въ Новгородѣ своего сына, между тѣмъ тамъ уже былъ княземъ сынъ Мономаха Мстиславъ. Владимиръ уступилъ Святополку, а вмѣсто новгородскаго княженія Святополкъ обѣщалъ Мстиславу Владимирское.

Мономахъ призвалъ Мстислава изъ Новгорода въ Кіевъ, но вслѣдъ за Мстиславомъ пріѣхали новгородскіе послы и повели такую рѣчь Святополку:

«Приславшіе насъ велѣли сказать: не хотимъ Святополка и сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Намъ далъ Мстислава Всеволодъ, мы его вскормили, а ты Святополкъ уходилъ отъ насъ».

Святополкъ не могъ ихъ переспорить и не въ состояніи былъ принудить новгородцевъ исполнить его волю. Мстиславъ опять вернулся въ Новгородъ. Новгородъ, по своему мѣстоположенію за неприступными болотами и дремучими лѣсами, чувствовалъ свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцевъ, ни ляховъ; нельзя было съ иноземною помощью овладѣть Новгородомъ.

Съ тѣхъ поръ Владимиръ непрерывно обращалъ свою дѣя-

тельность на огражденіе русской земли отъ половцевъ. Въ 1101 году Владиміръ поднялъ князей противъ нихъ, но половцы, услышавши о сборахъ русскихъ князей, одновременно отъ разныхъ ордъ прислали просьбу о мирѣ. Русскіе согласились на миръ, готовые наказать половцевъ за первое вѣроломство. Въ 1103 году этотъ миръ былъ нарушенъ половцами и Мономахъ побудилъ русскихъ князей предпринять первый наступательный походъ на половецкую землю соединенными силами. Въ лѣтописи этотъ походъ описанъ съ большимъ сочувствіемъ и видно, что онъ сдѣлалъ впечатлѣніе на современниковъ. Кіевскій князь со своею дружиною и Владиміръ со своею сошлись на Долобскѣ (на лѣвой сторонѣ Днѣпра близь Кіева). Князья совѣщались въ шатрѣ. Святополкова дружина была противъ похода. Тогда раздавались такіе голоса: «Теперь весна, какъ можно отрывать смерда отъ пашни; ему надобно пахать».

Но Владиміръ на это возразилъ «удивительно, что вы не жалѣете смерда, а жалѣете лошадь, на которой онъ пашетъ. Начнетъ смердъ пахать, прибѣжитъ половчинъ, и отыметъ у него лошадь и его самого ударитъ стрѣлою, и ворвется въ село, и жену и дѣтей его возьметъ въ полонъ».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить и Святополкъ сказалъ: «я готовъ».

Ты много добра сдѣлаешь — сказалъ ему на это Мономахъ.

Послѣ долобскаго совѣщанія князья стали приглашать черниговскихъ князей принять участіе въ походѣ, а за ними и другихъ князей. Давидъ послушался, а Олегъ отговорился нездоровьемъ. Онъ неохотно ссорился съ половцами, которые помогли ему взять Черниговъ и быть можетъ разсчитывалъ, что дружба съ ними пригодится ему и его дѣтямъ. Прибылъ съ своей дружиной полоцкій князь Давидъ Всеславичъ, прибыли и нѣкоторые другіе князья. Русскіе шли конные и пѣшіе: послѣдніе на ладьяхъ по Днѣпру до Хортицы. Послѣ четырехдневнаго пути степью отъ Хортицы, на урочищѣ, называемомъ Сутѣнь, русскіе 4 апрѣля встрѣтили половцевъ и разбили ихъ на-голову. Половцы потеряли до двадцати князей. Одинъ изъ ихъ князей Белдюзь попался въ плѣнъ и предлагалъ за себя большой выкупъ золотомъ, серебромъ, лошадьми и скотомъ, но Владиміръ сказалъ ему: «много разъ поставляли вы съ нами договоръ, а потомъ ходили воевать русскую землю; зачѣмъ ты не училъ сыновъ своихъ и родъ свой не преступать договора и не проливать христіанской крови?» Онъ приказалъ затѣмъ убить Белдюзя

и разсѣчь по членамъ его тѣло. Русскіе набрали тогда много овецъ, скота, верблюдовъ и невольниковъ.

Въ 1107 году воинственный Бонякъ и старый половецкій князь Шарукань думали отмстить русскимъ за прежнее пораженіе, но были разбиты наголову подъ Лубнами. Въ 1109 Владимиръ посылалъ воеводу Димитрія Иворовича къ Дону: русскіе нанесли большое разореніе половецкимъ вежамъ. За это на другой годъ половцы опустошали окрестности Переяславля, а на слѣдующій Владимиръ опять съ князьями предпринялъ походъ, который болѣе всѣхъ другихъ облекся славою въ глазахъ современниковъ. Преданіе связало съ нимъ чудодѣйственныя предзнаменованія. Разсказываютъ, что февраля 11 ночью, надъ печерскимъ монастыремъ появился огненный столбъ: сначала онъ сталъ надъ каменною трапезою, перешелъ оттуда на церковь, потомъ сталъ надъ гробомъ Ѳеодосія, наконецъ, поднялся по направленію къ востоку и исчезъ. Явленіе это сопровождалось молніею и громомъ. Грамотѣи растолковали, что это былъ ангелъ, возвѣщавшій русскимъ побѣду надъ невѣрными. Весною, Владимиръ съ своими сыновьями, кіевскій князь Святополкъ съ своимъ сыномъ, Ярославъ и Давидъ съ сыномъ, на второй недѣлѣ поста, отправились къ Сулѣ, перешли черезъ Псёлъ, Ворсклу и 23 марта пришли къ Дону, а 27 въ страстной понедѣльникъ разбили на-голову половцевъ на рѣкѣ Сальницѣ и воротились обратно со множествомъ добычи и плѣнниковъ. Тогда, говоритъ лѣтописецъ, слава о подвигахъ русскихъ прошла ко всѣмъ народамъ: грекамъ, ляхамъ, чехамъ и дошла даже до Рима. Съ тѣхъ поръ надолго половцы перестали тревожить русскую землю.

Въ 1113 году умеръ Святополкъ и кіевляне, собравшись на вѣче, избрали Владимира Мономаха своимъ княземъ; но Владимиръ медлилъ; между тѣмъ кіевляне, недовольные поборами своего покойнаго князя, напали на домъ его любимца Путяты и разграбили жидовъ, которымъ потакалъ Святополкъ во время своего княженія, и повѣрялъ собраніе доходовъ. Въ другой разъ послали кіевляне къ Владимиру пословъ съ такою рѣчью: «иди, князь, въ Кіевъ, а не пойдешь, такъ разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри; и будешь ты отвѣчать, если монастыри ограбятъ». Владимиръ прибылъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ по избранію кіевской земли.

Время его княженія до смерти, послѣдовавшей въ 1125 году, было періодомъ самымъ цвѣтущимъ въ древней исторіи кіевской Руси. Уже ни половцы и никакіе другіе иноплеменники не безпокоили русскаго народа. Напротивъ, самъ Владимиръ посылалъ

своего сына Ярополка на Донъ, гдѣ сынъ его завоевалъ у половцевъ три города и привелъ себѣ жену, дочь ясскаго князя, необыкновенную красавицу. Другой сынъ Владимира Мстиславъ съ новгородцами нанесъ пораженіе Чуди на балтійскомъ побережьи, третій сынъ Юрій побѣдилъ на Волгѣ болгаръ. Удѣльные князья не смѣли заводить усобицъ, повиновались Мономаху и въ случаѣ строптивости чувствовали его сильную руку. Владимиръ прощалъ первыя попытки нарушить порядокъ и строго наказывалъ вторичныя. Такъ, напримѣръ, когда Глѣбъ Мстиславичъ, одинъ изъ кривскихъ князей, напалъ на Слуцкъ и сжегъ его: Владимиръ пошелъ на Глѣба войною, но Глѣбъ поклонился Владимиру, просилъ мира и Владимиръ оставилъ его княжить въ Минскѣ; но нѣсколько лѣтъ спустя, вѣроятно за такой же проступокъ, Владимиръ вывелъ Глѣба изъ Минска, гдѣ онъ и умеръ. Точно также въ 1118 году Владимиръ, собравши князей, пошелъ на волынскаго князя Ярослава Святополковича, и когда Ярославъ покорился ему и ударилъ челомъ, онъ оставилъ его во Владимирѣ, сказавъ ему: «всегда иди, когда я тебя позову». Но потомъ Ярославъ напалъ на Ростиславичей и навелъ на нихъ ляховъ; кромѣ того онъ дурно обращался со своею женою; Владимиръ сердился на него и за это. Владимиръ выгналъ Ярослава, отдавши Владимиръ Волынскій своему сыну Андрею. Ярославъ покушался возвратить себѣ Владимиръ съ помощью ляховъ, венгровъ и чеховъ, но не успѣлъ и былъ измѣннически убитъ ляхами.

Не такъ удачны были дѣла Мономаха съ Греціею. Онъ отдалъ дочь свою за Леона, сына византійскаго императора Діогена; но вслѣдъ затѣмъ въ Византіи произошелъ переворотъ. Діогенъ былъ низвергнутъ Алексѣемъ Комненомъ. Леонъ съ помощью тестя хотѣлъ пріобрѣсть себѣ независимую область въ греческихъ владѣніяхъ на Дунаѣ, но былъ умерщвленъ убійцами, подосланными Комненомъ. Леонъ оставилъ сына, для котораго Мономахъ хотѣлъ пріобрѣсть то же самое владѣніе въ Греціи, котораго добивался Леонъ, и сначала воевода Владимировъ Войтишичъ посадилъ-было Владимировыхъ посадниковъ въ греческихъ дунайскихъ городахъ, но греки прогнали ихъ, а въ 1122 году Владимиръ помирился съ преемникомъ Алексѣя, Іоанномъ Комненомъ и отдалъ за него внуку свою, дочь Мстислава.

Владимиръ Мономахъ является въ русской исторіи законодателемъ. Еще ранѣе его, при дѣтяхъ Ярослава, въ «Русскую Правду» вошли важныя измѣненія и дополненія. Важнѣйшее изъ измѣненій было то, что месть за убійство была устранена, а вмѣсто того введено наказаніе платежемъ виръ. Это повлекло къ

усложненію законодательства и къ установленію многихъ статей, касающихся разныхъ случаевъ обидъ и преступленій, которыя влекли за собой платежъ виръ въ различномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ различные размѣры вирныхъ платежей назначались за разнаго рода оскорбленія и побои, наносимыя одними лицами другимъ, какъ равно и за покражу разныхъ предметовъ. Независимо отъ платежа виры за нѣкоторыя преступленія, какъ, напримѣръ, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разрабленію—древнему народному способу наказанія преступника. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ.— При Мономахѣ, на совѣтѣ, призванномъ имъ и составленномъ изъ тысячскихъ: кіевскаго, бѣлогородскаго, переяславскаго и людей своей дружины, постановлено было нѣсколько важныхъ статей, клонившихся къ огражденію благосостоянія жителей. Ограничено произвольное взиманіе рѣзъ (процентовъ), которое при Святополкѣ доходило до большихъ злоупотребленій и вызвало по смерти этого князя преслѣдованіе жидовъ, бывшихъ ростовщиками. При Владимирѣ установлено, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты и если возьметъ три раза, то уже теряетъ самый капиталъ. Кромѣ того постановленъ былъ дозволенный процентъ: 10 кунъ на гривну, что составляло около трети или нѣсколько болѣе, если принимать упоминаемую гривну гривною куна [1]).

Частыя войны и нашествія половцевъ разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а подъ видомъ ихъ были и плуты. Торговыя предпріятія подвергали купца опасностямъ; отъ этого и тѣ, которые давали ему деньги, также находились въ опасности потерять свой капиталъ. Отсюда и высокіе проценты. Нѣкоторые торговцы брали у другихъ купцовъ товары не платя за нихъ деньги впередъ, а выплачивали по выручкѣ съ процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимирѣ положено было различіе между тѣмъ неоплатнымъ купцомъ, который потерпитъ нечаянно отъ огня, отъ воды или отъ непріятеля, и тѣмъ, который испортитъ чужой товаръ или пропьетъ его или «пробьется» т.-е. заведетъ драку, а потомъ долженъ будетъ заплатить виру или «продажу» (низшій видъ виры). При несостоятельности купца слѣдовало принимать во вниманіе: отъ

---

[1]) Гривна была—гривна серебра и гривна кунъ. Гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая въ серебряныхъ кускахъ которые попадаются вѣсомъ отъ 43 до 49 золот., и гривна малая—въ кускахъ, отъ 35 до 32 золот. Семь гривенъ кунъ составляло гривну серебра, слѣдовательно гривна кунъ составляла приблизительно отъ 6 до 7 или отъ 5 до 6 золотниковъ серебра.

какой причины онъ сталъ несостоятеленъ. Въ первыхъ случаяхъ, т.-е. при нечаянномъ разореніи, купецъ не подвергался насилію, хотя не освобождался совершенно отъ платежа долга. Нѣкоторые брали капиталъ отъ разныхъ лицъ, а также и у князей. Въ случаѣ несостоятельности такого торговца, его вели на торгъ и продавали его имущество. При этомъ гость, т.-е. человѣкъ изъ иного города или чужеземецъ, имѣлъ первенство передъ другими заимодавцами, а за нимъ князь, потомъ уже прочіе заимодавцы получали остальное. Набѣги половцевъ, проценщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ—все способствовало тому, что въ массѣ народа умножались бѣдняки, которые, не будучи въ состояніи прокормить себя, шли въ наемники къ богатымъ. Эти люди назывались тогда «закупами». Съ одной стороны эти закупы, взявши отъ хозяина деньги, убѣгали отъ него, а съ другой хозяева взводили на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли и даже обращали въ рабство. Законъ Мономаха дозволялъ закупу жаловаться на хозяина князю или судьямъ, налагалъ опредѣленную пеню за сдѣланныя имъ обиды и утѣсненія, охранялъ его отъ притязанія господина въ случаѣ пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самомъ дѣлѣ закупъ былъ невиноватъ; но за то съ другой стороны—угрожалъ закупу полнымъ рабствомъ въ случаѣ, если онъ убѣжитъ, не исполнивши условія. Кромѣ закуповъ, служащихъ во дворахъ хозяевъ, были закупы «ролейные» (поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу). Они получали плуги и бороны отъ владѣльца, что показываетъ обѣднѣніе народа; хозяева не рѣдко придирались къ такимъ закупамъ подъ предлогомъ, что они испортили данныя имъ земледѣльческія орудія и обращали въ рабство свободныхъ людей. Отсюда возникла необходимость опредѣлить: кто именно долженъ считаться холопомъ. Законодательство Владимира Мономаха опредѣлило только три случая обращенія въ холопство: первый случай, когда человѣкъ самъ добровольно продавалъ себя въ холопы или когда господинъ продавалъ его на основаніи прежнихъ правъ надъ нимъ. Но такая покупка должна была непремѣнно совершаться при свидѣтеляхъ. Второй случай обращенія въ рабство было принятіе въ супружество женщины рабскаго происхожденія (вѣроятно, случалось, что женщины искали освобожденія отъ рабства посредствомъ замужества). Третій случай, когда свободный человѣкъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человѣка (тіунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду). Вѣроятно, это было постановлено потому, что нѣкоторые люди, принявъ

должность, позволяли себѣ разные безпорядки и обманы, и за неимѣніемъ условій, хозяева не могли искать на нихъ управы. Только исчисленные здѣсь люди могли быть обращаемы въ холопы. За долги нельзя было обращать въ холопство и всякій, кто не имѣлъ возможности заплатить, могъ отработать свой долгъ и отойти. Военноплѣнные, повидимому, также не дѣлались холопами, потому что объ этомъ нѣтъ рѣчи въ «Русской Правдѣ» при исчисленіи случаевъ рабства. Холопъ былъ тѣсно связанъ съ господиномъ: господинъ платилъ его долги, а также уплачивалъ цѣну украденнаго его холопомъ. Прежде, при Ярославѣ, за побои, нанесенные холопомъ свободному человѣку, слѣдовало убить холопа, но теперь постановили, что въ такомъ случаѣ господинъ платилъ за раба пеню. Холопъ вообще не могъ быть свидѣтелемъ, но когда не было свободнаго человѣка, тогда принималось и свидѣтельство холопа, если онъ былъ должностнымъ лицомъ у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убійство холопа или рабы безъ вины наказывалось платежемъ князю «продажи». По нѣкоторымъ даннымъ ко временамъ Мономаха слѣдуетъ отнести постановленія о наслѣдствѣ.

Вообще по тогдашнему русскому обычному праву, всѣ сыновья наслѣдовали поровну, а дочерямъ обязывались выдавать приданное при замужествѣ; меньшому сыну доставался отцовскій дворъ. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своимъ имуществомъ по завѣщанію. Въ правахъ наслѣдства бояръ и дружинниковъ и въ правахъ смердовъ существовала та разница, что наслѣдство бояръ и дружинниковъ ни въ какомъ случаѣ не переходило къ князю, а наслѣдство смерда (простого земледѣльца) доставалось князю, если смердъ умиралъ бездѣтнымъ. Женино имѣніе оставалось неприкосновеннымъ для мужа. Если вдова не выходила замужъ, то оставалась полной хозяйкой въ домѣ покойнаго мужа и дѣти не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами съ мужчиной. За убійство или оскорбленія, нанесенныя ей, платилась одинаковая вира, какъ за убійства или оскорбленія, нанесенныя мужчинѣ.

Мѣстомъ суда въ древности были: княжескій дворъ и торгъ, и это означаетъ, что былъ судъ и княжескій, но былъ судъ народный — вѣчевой, и, вѣроятно, постановленія Русской Правды, имѣющія главнымъ образомъ въ виду соблюденіе княжескихъ интересовъ, не обнимали всего вѣчевого суда, который придерживался давнихъ обычаевъ и соображеній, внушенныхъ данными случаями. Доказательствами на судѣ служили: показанія свидѣтелей, при-

сяга и, наконецъ, испытаніе водою и желѣзомъ; но когда было введено послѣднее—мы не знаемъ.

Эпоха Владимира Мономаха была временемъ разцвѣта состоянія художественной и литературной дѣятельности на Руси. Въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ воздвигались новыя каменныя церкви, украшенныя живописью: такъ при Святополкѣ построенъ былъ въ Кіевѣ Михайловскій Золотоверхній монастырь, стѣны котораго существуютъ до сихъ поръ, а близь Кіева—Выдубицкій монастырь на мѣстѣ, гдѣ былъ загородный дворъ Всеволода; кромѣ того Владиміръ передъ смертью построилъ прекрасную церковь на Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ.—Къ этому времени относится составленіе нашей первоначальной лѣтописи. Игуменъ Сильвестръ (около 1115 года) соединилъ въ одинъ сводъ прежде существовавшіе уже отрывки и, вѣроятно, самъ прибавилъ къ нимъ сказанія о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Въ числѣ вошедшихъ въ его сводъ сочиненій были и писанія лѣтописца печерскаго монастыря Нестора, отчего весь Сильвестровъ лѣтописный сводъ носилъ потомъ въ ученомъ мірѣ названіе Несторовой лѣтописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все въ ней писано Нестеромъ и притомъ не все могло быть писано однимъ только человѣкомъ. Мысль описывать событія и разставлять ихъ послѣдовательно по годамъ явилась вслѣдствіе возникшаго знакомства съ византійцами лѣтописцами, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Амартолъ и Малала были тогда извѣстны въ славянскомъ переводѣ. Сильвестръ положилъ начало русскому лѣтописанію и указалъ путь другимъ послѣ себя. Его сводъ былъ продолжаемъ другими лѣтописцами по годамъ и развѣтвился на многія отрасли, сообразно различнымъ землямъ русскаго міра, имѣвшимъ свою отдѣльную исторію. Непосредственнымъ и ближайшимъ по мѣстности продолженіемъ Сильвестрова лѣтописнаго свода была лѣтопись, занимающаяся преимущественно кіевскими событіями и написанная въ Кіевѣ разными лицами, смѣнявшими одно другое. Лѣтопись эта называется «кіевскою»; она захватываетъ время Мономаха, идетъ черезъ все XII столѣтіе и прерывается на событіяхъ начальныхъ годовъ XIII столѣтія.—Во времена Мономаха, вѣроятно, было переведено многое изъ византійской литературы, какъ показываютъ случайно уцѣлѣвшія рукописи, которыя относятъ именно къ концу XI и началу XII вѣка. Изъ нашей первоначальной лѣтописи видно, что русскіе грамотные люди могли читать на своемъ языкѣ Ветхій завѣтъ и житія разныхъ святыхъ.—Тогда же по образцу византійскихъ жиз-

неописателей стали составлять житія русскихъ людей, которыхъ уважали за святость жизни и смерти. Такъ въ это время уже написано было житіе первыхъ основателей печерской обители: Антонія и Өеодосія и положено было преподобнымъ Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ, начало Патерика или сборника житій печерскихъ святыхъ, сочиненія, которое, расширяясь въ объемѣ отъ новыхъ добавленій, составляло впослѣдствіи одинъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія благочестивыхъ людей. Въ этотъ же періодъ написаны были житія св. Ольги и св. Владимира монахомъ Іаковомъ, а также два отличныхъ одно отъ другого повѣствованія о смерти князей Бориса и Глѣба, изъ которыхъ одно приписывается тому же монаху Іакову. Отъ современника Мономахова, кіевскаго митрополита Никифора, родомъ грека, осталось одно Слово и три Посланія: изъ нихъ два обращено къ Владиміру Мономаху, изъ которыхъ одно обличительное противъ латинъ. Тогда уже окончательно образовалось раздѣленіе церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви и греки старались привить къ русскимъ свою ненависть и злобу къ западной церкви. Другой современникъ Мономаха, игуменъ Даніилъ, совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и оставилъ по себѣ описаніе этого путешествія.—Несомнѣнно, кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній собственно религіозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себѣ болѣе или менѣе отпечатокъ стариннаго язычества. Въ случайно уцѣлѣвшемъ поэтическомъ памятникѣ конца XII вѣка: «Слово о полку Игоря» упоминается о пѣвцѣ Боянѣ, который прославлялъ событія старины и между прочимъ событія XI вѣка; по нѣкоторымъ признакамъ можно предположить, что Боянъ воспѣвалъ также подвиги Мономаха противъ половцевъ. Этотъ Боянъ былъ такъ уважаемъ, что потомство прозвано его Соловьемъ стараго времени.—Самъ Мономахъ написалъ «Поученіе своимъ дѣтямъ» или такъ-называемую Духовную. Въ ней Мономахъ излагаетъ подробно событія своей жизни, свои походы, свою охоту на дикихъ коней (зубровъ?), вепрей, туровъ, лосей, медвѣдей, свой образъ жизни, занятія, въ которыхъ видна его неутомимая дѣятельность. Мономахъ даетъ дѣтямъ своимъ совѣты какъ вести себя. Эти совѣты, кромѣ общихъ христіанскихъ нравоученій, подкрѣпляемые множествомъ выписокъ изъ священнаго писанія, свидѣтельствующихъ о начитанности автора, содержатъ въ себѣ нѣсколько чертъ любопытныхъ, какъ для личности характера Мономаха, такъ и для его вѣка. Онъ вовсе не велитъ князьямъ казнить смертью кого бы то ни было.

Если бы даже преступникъ и былъ достоинъ смерти, говоритъ Мономахъ, то и тогда не слѣдуетъ губить души. Видно, что князья въ то время не были окружены царственнымъ величіемъ и были доступны для всѣхъ, кому была до нихъ нужда: «Да не посмѣются приходящіе къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему». Мономахъ поучаетъ дѣтей все дѣлать самимъ, во все вникать, не полагаться на тіуновъ и отроковъ. Онъ завѣщаетъ имъ самимъ судить и защищать вдовъ сиротъ и убогихъ, не давать сильнымъ губить слабыхъ, приказываетъ кормить и поить всѣхъ приходящихъ къ нимъ. Гостепріимство считается у него первою добродѣтелью: «Болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ: посолъ-ли, знатный-ли человѣкъ или простой, всѣхъ угощайте брашномъ и питіемъ, а если можно дарами. Этимъ прославится человѣкъ по всѣмъ землямъ». Онъ завѣщаетъ имъ посѣщать больныхъ, отдавать послѣдній долгъ мертвымъ, помня, что всѣ смертны, всякаго встрѣчнаго обласкать добрымъ словомъ, любить своихъ женъ, но не давать имъ надъ собою власти, почитать старшихъ себя какъ отцовъ, а младшихъ какъ братьевъ, обращаться къ духовнымъ за благословеніемъ, отнюдь не гордиться своимъ званіемъ, помня, что все поручено имъ Богомъ на малое время и не хоронить въ землѣ богатствъ, считая это великимъ грѣхомъ. Относительно войны Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ не полагаться на воеводъ, самимъ наряжать стражу, не предаваться пирамъ и сну въ походѣ, и во время сна въ походѣ не снимать съ себя оружіе, а проходя съ войскомъ по русскимъ землямъ ни въ какомъ случаѣ не дозволять дѣлать вредъ жителямъ въ селахъ или портить хлѣбъ на поляхъ. Наконецъ, онъ велитъ имъ учиться и читать и приводитъ примѣръ отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкамъ.

Мономахъ скончался близь Переяславля у любимой церкви, построенной на Альтѣ 19 мая 1125 года, семидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду. Тѣло его было привезено въ Кіевъ. Сыновья и бояре понесли его къ св. Софіи, гдѣ онъ и былъ погребенъ. Мономахъ оставилъ по себѣ память лучшаго изъ князей. «Всѣ злые умыслы враговъ—говоритъ лѣтописецъ—Богъ далъ подъ руки его; украшенный добрымъ нравомъ, славный побѣдами, онъ не возносился, не величался, по заповѣди Божіей добро творилъ врагамъ своимъ и паче мѣры былъ милостивъ къ нищимъ и убогимъ, не щадя имѣнія своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестіе и за щедрость монастырямъ. Это-то благодушіе, соединенное въ немъ съ энерги-

ческою дѣятельностью и умомъ вознесло его такъ высоко и въ глазахъ современниковъ, и въ памяти потомства.

Вѣроятно, народныя эпическія пѣсни о временахъ кіевскаго князя Владимира Красное Солнышко, такъ-называемыя былины владимирова цикла относятся не къ одному Владимиру Святому, но и ко Владимиру Мономаху, такъ что въ поэтической памяти народа эти два лица слились въ одно. Наше предположеніе можетъ подтверждаться слѣдующимъ: въ Новгородской лѣтописи подъ 1118 годомъ Владимиръ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, княжившимъ въ Новгородѣ, за безпорядки и грабежи призвалъ изъ Новгорода и посадилъ въ тюрьму сотскаго Ставра съ нѣсколькими соумышлиниккми его, новгородскими боярами. Между былинами Владимирова цикла есть одна былина о Ставрѣ бояринѣ, котораго кіевскій князь Владимиръ засадилъ въ погребъ (тюрьмами въ то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, переодѣвшись въ мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впослѣдствіи составилась сказка о томъ, будто византійскій императоръ прислалъ ему знаки царскаго достоинства, вѣнецъ и бармы, и черезъ нѣсколько столѣтій послѣ него спустя московскіе государи вѣнчались вѣнцомъ, который назвали «шапкою» Мономаха.

Разсуждая безпристрастно, нельзя не замѣтить, что Мономахъ въ своихъ наставленіяхъ и въ отрывкахъ о немъ лѣтописцевъ является болѣе безупречнымъ и благодушнымъ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ, въ которыхъ проглядываютъ пороки времени, воспитанія и среды, въ которой онъ жилъ. Таковъ, напримѣръ, поступокъ съ двумя половецкими князьями, убитыми съ нарушеніемъ даннаго слова и правъ гостепріимства; завѣщая сыновьямъ умѣренность въ войнѣ и человѣколюбіе, самъ Мономахъ, однако, мимоходомъ сознается, что при взятіи Минска, въ которомъ онъ участвовалъ, не оставлено было въ живыхъ ни челядина, ни скотины. Наконецъ, онъ хотя и радѣлъ о русской землѣ, но и себя не забывалъ и, наказывая князей дѣйствительно виноватыхъ, отбиралъ ихъ удѣлы и отдавалъ своимъ сыновьямъ. Но за нимъ въ исторіи останется то великое значеніе, что, живя въ обществѣ, едва выходившемъ изъ самаго варварскаго состоянія, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ всякій гонялся за узкими своекорыстными цѣлями, еще почти не понимая святости права и договора, одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы русской земли.

V.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

Во второй половинѣ XII-го вѣка русской исторіи появляются зародыши того хода событій, который развился и установился уже подъ вліяніемъ татарскаго завоеванія. Нашъ древній лѣтописецъ, перечисляя вѣтви словяно-русскаго племени, указываетъ на полянъ, древлянъ, сѣверянъ и т. д., но уже говоря по преданіямъ о событіяхъ IX-го и X-го вѣка, причисляетъ къ системѣ русскаго міра Мерю, страну, населенную финскимъ племенемъ того же имени, занимавшую пространство въ нынѣшнихъ губерніяхъ: владимирской, ярославской, костромской и части московской и тверской, относя наравнѣ съ этимъ народомъ соплеменныя и сосѣднія ему племена: Мурому на югъ отъ Мери и Весь на сѣверъ отъ той же Мери по теченію Шексны и около Бѣлоозера. Уже въ незапамятныя времена словянскіе поселенцы проникали въ страны этихъ народовъ и селились тамъ, какъ это показываютъ словянскія названія города Ростова въ землѣ Мери, и Бѣлоозера въ землѣ Веси. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ ходъ словянской колонизаціи въ этихъ земляхъ; несомнѣнно, что съ принятіемъ христіанства она усиливалась, возникали города съ русскими жителями, а самые туземцы, принимая христіанство, утрачивали вмѣстѣ съ язычествомъ свою народность и постепенно сливались съ русскими, нѣкоторые же покидали свое прежнее отечество и убѣгали далѣе къ востоку. Недавнія раскопки могилъ, произведенныя гр. Уваровымъ въ землѣ Мери, показываютъ, что язычество и древняя народность уже угасали въ XII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ позднѣйшія могилы съ признаками мерянской народности могутъ быть отнесены къ этому періоду. По письменнымъ памятникамъ въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ этихъ мѣстахъ значительное число городовъ, безъ сомнѣнія, русскихъ:—Ростовъ,

Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ, Угличъ, Зубцовъ, Молога, Юрьевъ, Владиміръ, Москву, Ярославль, Тверь, Галичъ-Мерьскій, Городецъ и др. Безпокойства въ южной Руси побуждали ея тамошнихъ жителей переселяться въ эту страну. Народъ Меря стоялъ на низкой степени образованности, не составлялъ самобытнаго политическаго тѣла и притомъ не былъ воинственнымъ, какъ показываетъ скудость оружія въ его могилахъ; оттого-то онъ легко подчинился власти и вліянію русскихъ. Въ этомъ-то краѣ, колонизованномъ пришельцами изъ разныхъ словянорусскихъ земель, образовалась новая вѣтвь словянорусской народности, положившая начало великорусскому народу; вѣтвь эта въ теченіе послѣдующей исторіи охватила всѣ другія народныя вѣтви въ русской землѣ, поглотила многія изъ нихъ совершенно и слила съ собою, а другія вѣтви подчинила своему вліянію. Недостатокъ свѣдѣній о ходѣ русской колонизаціи въ этомъ краѣ составляетъ важнѣйшій, ничѣмъ незамѣнимый, пробѣлъ въ нашей исторіи. Тѣмъ не менѣе однако можно уже въ отдаленныя времена подмѣтить тѣ свойства, которыя вообще составляли отличительные признаки великорусской народности; сплоченіе силъ въ собственной землѣ, стремленіе къ расширенію своихъ жительствъ и къ подчиненію себѣ другихъ земель. Это проглядываетъ уже въ исторіи борьбы Юрія суздальскаго за Кіевъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ. То былъ первый зачатокъ стремленія подчинить русскія земли первенству восточно-русской земли. Юрій хотѣлъ утвердиться въ Кіевѣ, потому что, повидимому, тяготился пребываніемъ въ восточной странѣ; но если мы вникнемъ въ смыслъ событій того времени, то увидимъ, что уже тогда вмѣстѣ съ этимъ соединялось стремленіе русскихъ жителей суздальской земли властвовать въ Кіевѣ. Это видно изъ того, что Юрій, овладѣвъ Кіевомъ, держался въ немъ съ помощью пришедшихъ съ нимъ суздальцевъ. Кіевляне смотрѣли на княженіе Юрія, какъ на чуждое господство, а потому, послѣ смерти Юрія, въ 1157 году, перебили всѣхъ суздальцевъ, которымъ Юрій повѣрилъ управленіе края. Впослѣдствіи сынъ Юрія Андрей не думалъ уже переселяться въ Кіевъ, а хотѣлъ, оставаясь въ суздальской землѣ, властвовать надъ Кіевомъ и прочими русскими землями такимъ образомъ, чтобы суздальская земля пріобрѣла то значеніе первенствующей земли, какое было прежде за Кіевомъ. Съ Андрея начинаетъ обозначаться яркими чертами самобытность суздальско-ростовской земли и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ первенству въ русскомъ мірѣ. Въ эту-то эпоху выступилъ въ первый разъ на историческое поприще народъ велико-

русскій. Андрей былъ первый великорусскій князь; онъ своею дѣятельностью положилъ начало и показалъ образецъ своимъ потомкамъ; послѣднимъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, предстояло совершить то, что намѣчено было ихъ прародителемъ.

Андрей родился въ суздальской или точнѣе ростовско-суздальской землѣ, тамъ провелъ онъ дѣтство и первую юность, тамъ усвоилъ онъ первыя впечатлѣнія, по которымъ сложились у него взгляды на жизнь и понятія. Судьба бросила его въ омутъ безвыходныхъ междоусобій, господствовавшихъ въ Южной Руси. Послѣ Мономаха, который былъ кіевскимъ княземъ по выбору земли, въ Кіевѣ княжили одинъ съ другимъ два сына его, Мстиславъ и Ярополкъ; спора у нихъ за землю не было, и ихъ можемъ мы причислить къ истиннымъ земскимъ избраннымъ князьямъ, какъ и отца ихъ, потому что кіевляне дорожили памятью Мономаха и любили сыновей его. Но въ 1193 году черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ выгналъ третьяго сына мономахова, слабаго и ограниченнаго Вячеслава, и овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ оружія. Этимъ открытъ былъ путь нескончаемой неурядицѣ въ Южной Руси. Всеволодъ держался въ Кіевѣ при помощи своихъ черниговцевъ. Ему хотѣлось упрочить за своимъ родомъ Кіевъ: Всеволодъ предложилъ кіевлянамъ выбрать брата его Игоря. Кіевляне поневолѣ согласились. Но какъ только Всеволодъ умеръ, въ 1146 году, кіевляне избрали себѣ княземъ сына старшаго Мономаховича, Изяслава Мстиславича, низложили Игоря; потомъ, когда за послѣдняго подняли войну его братья, кіевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то, что онъ уже отрекся отъ міра и вступилъ въ печерскій монастырь.

Изяславъ счастливо раздѣлался съ Ольговичами, но противъ него поднялся новый неугомонный соперникъ, дядя его, князь суздальскій Юрій Долгорукій, младшій сынъ Владиміра Мономаха. Началась долголѣтняя борьба, и въ этой борьбѣ участвовалъ Андрей. Дѣла запутывались такъ, что междоусобію, казалось, не будетъ конца. Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то въ руки Изяслава, то въ руки Юрія; кіевляне совершенно сбились съ пути: увѣрятъ Изяслава въ своей готовности умирать за него, а потомъ перевозятъ Юрія черезъ Днѣпръ къ себѣ и заставляютъ бѣжать Изяслава; принимаютъ къ себѣ Юрія и вслѣдъ затѣмъ сносятся съ Изяславомъ, призываютъ Изяслава къ себѣ и прогоняютъ Юрія; вообще, однако, легко уступаютъ всякой силѣ. Кіевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизмѣнно любили Изяслава и ненавидѣли Юрія съ его суздальцами. Въ теченіи этой усобицы Андрей не разъ показывалъ храбрость въ битвахъ, но также не разъ пытался установить

миръ между раздраженными спорившими сторонами; все было напрасно. Въ 1151 году, когда Изяславъ временно взялъ рѣшительный перевѣсъ, Андрей убѣждалъ отца удалиться въ суздальскую землю и самъ прежде него поторопился уйти въ этотъ край—во Владимиръ-на-Клязьмѣ, пригородъ, данный ему отцомъ въ удѣлъ. Но Юрій ни за что не хотѣлъ оставлять юга, опять началъ добиваться Кіева, наконецъ, по смерти Изяслава, въ 1154 г. овладѣлъ имъ и посадилъ Андрея въ Вышгородѣ. Юрію хотѣлось имѣть этого сына близь себя, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы передать ему кіевское княженіе, и съ этою цѣлью онъ назначилъ отдаленные отъ Кіева города Ростовъ и Суздаль меньшимъ своимъ сыновьямъ. Но Андрея не плѣняли никакія надежды въ Южной Руси. Андрей былъ столько же храбръ, сколько и уменъ, столько же разсчетливъ въ своихъ намѣреніяхъ, сколько и рѣшителенъ въ исполненіи. Онъ былъ слишкомъ властолюбивъ, чтобы поладить съ тогдашнимъ складомъ условій въ Южной Руси, гдѣ судьба князя постоянно зависѣла и отъ покушеній другихъ князей, и отъ своенравія дружинъ и городовъ; притомъ, сосѣдство половцевъ — не давало и впередъ никакого ручательства на установленіе порядка въ южнорусскомъ краѣ, потому что половцы представляли собою удобное средство князьямъ, замышлявшимъ добывать себѣ силою города. Андрей рѣшился самовольно бѣжать навсегда въ суздальскую землю. Шагъ былъ важный; современникъ лѣтописецъ счелъ нужнымъ особенно замѣтить, что Андрей рѣшился на это безъ отцовскаго благословенія.

У Андрея, какъ видно, созрѣлъ тогда планъ не только удалиться въ суздальскую землю, но утвердить въ ней средоточіе, изъ котораго можно будетъ ворочать дѣлами Руси. Лѣтопись говоритъ, что съ нимъ въ соумышленіи были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаемъ, что у него было тогда много сторонниковъ какъ и въ суздальской землѣ, такъ и въ кіевской. Первое оказывается изъ того, что въ ростовско-суздальской землѣ любили его и скоро потомъ выказали эту любовь тѣмъ, что посадили княземъ по избранію; о второмъ свидѣтельствуютъ признаки значительнаго переселенія жителей изъ кіевской земли въ суздальскую; но Андрею, дѣйствовавшему въ этомъ случаѣ противъ отцовской воли, нужно было освятить свои поступки въ глазахъ народа какимъ-нибудь правомъ. До сихъ поръ въ сознаніи русскихъ для князей существовало два права — происхожденія и избранія, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно въ Южной Руси. Князья, мимо всякаго старѣйшинства по рожденію, добивались княжескихъ столовъ, а избраніе перестало

быть единодушнымъ выборомъ всей земли и зависѣло отъ военной толпы — отъ дружинъ, такъ что въ сущности удерживалось еще только одно право—право быть князьями на Руси лицамъ изъ рюрикова дома; но какому князю гдѣ княжить,—для того уже не существовало никакого другого права, кромѣ силы и удачи. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашелъ его; это право было высшее непосредственное благословеніе религіи.

Была въ Вышгородѣ въ женскомъ монастырѣ икона св. Богородицы, привезенная изъ Цареграда, писанная, какъ гласитъ преданіе, св. евангелистомъ Лукою. Разсказывали о ней чудеса, говорили, между прочимъ, что, будучи поставлена у стѣны, она ночью сама отходила отъ стѣны и становилась посреди церкви, показывая какъ будто видъ, что желаетъ уйти въ другое мѣсто. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумалъ похитить ее, перенести въ суздальскую землю, даровать такимъ образомъ этой землѣ святыню, уважаемую на Руси, и тѣмъ показать, что надъ этою землею почіетъ особое благословеніе Божіе. Подговоривши священника женскаго монастыря Николая и діакона Нестора, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря и вмѣстѣ съ княгинею и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ суздальскую землю. Путешествіе этой иконы въ суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своемъ она творила исцѣленія. Уже въ головѣ Андрея была мысль поднять городъ Владиміръ выше старѣйшихъ городовъ Суздаля и Ростова, но онъ хранилъ эту мысль до поры до времени въ-тайнѣ, а потому проѣхалъ Владиміръ съ иконою мимо, и не оставилъ ее тамъ, гдѣ, по его плану, ей впослѣдствіи быть надлежало. Но не хотѣлъ Андрей везти ее ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, потому что по его разсчету этимъ городамъ не слѣдовало давать первенства. За десять верстъ отъ Владимира по пути въ Суздаль произошло чудо: кони подъ иконою вдругъ стали; запрягаютъ другихъ посильнѣе, и тѣ не могутъ сдвинуть воза съ мѣста.

Князь остановился; раскинули шатеръ. Князь заснулъ, а поутру объявилъ, что ему являлась во снѣ Божія Матерь съ хартіею въ рукѣ, приказала не везти ея икону въ Ростовъ, а поставить во Владимирѣ; на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло видѣніе, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. Въ память такого видѣнія написана была икона, изображавшая Божію Матерь въ томъ видѣ какъ она явилась Андрею съ хартіей въ рукѣ. Тогда на мѣстѣ видѣнія зало-

жено было село, называемое Боголюбовымъ. Андрей состроилъ тамъ богатую каменную церковь; ея утварь и иконы украшены были драгоцѣнными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Тамъ поставилъ онъ временно икону св. Икону; въ окладѣ, для нея сдѣланномъ Андреемъ, было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра.

Заложенное имъ село Боголюбово сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ и усвоило ему въ исторіи прозвище Боголюбскаго.

Мы не знаемъ, что̀ дѣлалъ Андрей до смерти отца, но безъ сомнѣнія, онъ въ это время велъ себя такъ, что угодилъ всей землѣ. Когда отецъ умеръ въ Кіевѣ послѣ пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушивъ распоряженіе Юрія, отдававшаго Ростовъ и Суздаль меньшимъ сыновьямъ, единодушно избрали Андрея княземъ всей своей земли. Но Андрей не поѣхалъ ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, а основалъ свою столицу во Владимирѣ, построилъ тамъ великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ верхомъ [1]) изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи. Въ этомъ храмѣ поставилъ онъ похищенную изъ Вышгорода икону, которая съ тѣхъ поръ начала носить имя Владимирской.

Съ тѣхъ поръ Андрей явно показалъ свое намѣреніе сдѣлать Владимиръ, бывшій до того времени только пригородомъ, главнымъ городомъ всей земли и поставить его выше старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля. Андрей имѣлъ въ виду то, что въ старыхъ городахъ были старыя преданія и привычки, которыя ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вѣчѣ. Они считали власть князя ниже своей вѣчевой власти; живя въ Ростовѣ или Суздалѣ, Андрей могъ имѣть постоянныя пререканія и долженъ былъ подлаживаться къ горожанамъ, которые гордились своимъ старѣйшинствомъ. Напротивъ, во Владимирѣ, который ему обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, своимъ новымъ старѣйшинствомъ надъ землею, воля народная должна была идти объ руку съ волею князя. Городъ Владимиръ, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андреѣ. Жители его состояли въ значительной степени изъ переселенцевъ, ушедшихъ къ Андрею изъ южной Руси, на новое жительство. На это явно указываютъ названія урочищъ во Владимирѣ; тамъ были рѣка Лыбедь, Печерный городъ, Золотыя Врата съ церковью надъ ними,

---

[1]) По однимъ извѣстіямъ, былъ одинъ куполъ, по другимъ—пять; вѣроятнѣе первое, потому что въ тѣ времена обыкновенно строились церкви съ однимъ верхомъ.

какъ въ Кіевѣ, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей изъ подражанія Кіеву далъ построенной имъ во Владимирѣ церкви десятину отъ своихъ стадъ и отъ торга и сверхъ того городъ Гороховецъ и села. Андрей строилъ много церквей, основывалъ монастыри, не жалѣлъ издержекъ на украшеніе храмовъ. Кромѣ церкви Успенія, возбуждавшей удивленіе современниковъ великолѣпіемъ и блескомъ иконостаса, паникадилъ, стѣнной живописью и обильною позолотою, онъ построилъ во Владимирѣ монастыри Спасскій, Вознесенскій, соборный храмъ Спаса въ Переяславлѣ, церковь св. Өедора Стратилата, которому онъ приписывалъ свое спасеніе во время одной битвы, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ участвовалъ въ княжескихъ междоусобіяхъ на югѣ; церковь Покрова при устьѣ Нерли и много другихъ каменныхъ церквей. Андрей приглашалъ для этого мастеровъ съ Запада, а между тѣмъ начало развиваться и русское искусство, такъ что при андреевѣ преемникѣ русскіе мастера уже безъ пособія иностранцевъ строили и расписывали свои церкви.

Построеніе богатыхъ церквей указываетъ столько же на благосостояніе края, сколько и на политическій тактъ Андрея. Всякая новая церковь была важнымъ событіемъ, возбуждавшимъ вниманіе народа и уваженіе къ ея строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умѣлъ пріобрѣсть любовь его, а тѣмъ самымъ укрѣплялъ свою власть въ народѣ. Въ пріемахъ его жизни современники видѣли набожнаго и благочестиваго человѣка. Его всегда можно было видѣть въ храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ, съ громкими воздыханіями. Хотя его княжескіе тіуны и даже покровительствуемые имъ духовные позволяли себѣ грабительства и безчинства, но Андрей всенародно раздавалъ милостыню убогимъ, кормилъ чернецовъ и черницъ и за то слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію. Нерѣдко по ночамъ онъ входилъ въ храмъ, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами.

Въ то время къ числу благочестивыхъ подвиговъ князя, составлявшихъ его славу, относились и войны его съ невѣрными. По сосѣдству съ волостью Андрея, на Волгѣ, было царство Болгарское. Болгары, народъ финскаго, или, вѣроятнѣе, смѣшаннаго племени, еще въ десятомъ вѣкѣ приняли мугаммеданство. Они давно уже жили не въ ладахъ съ русскими, дѣлали набѣги на русскія области и русскіе князья не разъ ходили биться противъ нихъ: такія битвы считались богоугоднымъ дѣломъ. Андрей два раза воевалъ съ этимъ народомъ, и первый разъ отправился съ

жено было село, называемое Боголюбовымъ. Андрей соорудилъ тамъ богатую каменную церковь; ея утварь и иконы украшены были драгоцѣнными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Тамъ поставилъ онъ временно икону св. Икону; въ окладѣ, для нея сдѣланномъ Андреемъ, было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра.

Заложенное имъ село Боголюбово сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ и усвоило ему въ исторіи прозвище Боголюбскаго.

Мы не знаемъ, что̀ дѣлалъ Андрей до смерти отца, но безъ сомнѣнія, онъ въ это время велъ себя такъ, что угодилъ всей землѣ. Когда отецъ умеръ въ Кіевѣ послѣ пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушивъ распоряженіе Юрія, отдававшаго Ростовъ и Суздаль меньшимъ сыновьямъ, единодушно избрали Андрея княземъ всей своей земли. Но Андрей не поѣхалъ ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, а основалъ свою столицу во Владимирѣ, построилъ тамъ великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ верхомъ [1]) изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи. Въ этомъ храмѣ поставилъ онъ похищенную изъ Вышгорода икону, которая съ тѣхъ поръ начала носить имя Владимирской.

Съ тѣхъ поръ Андрей явно показалъ свое намѣреніе сдѣлать Владимиръ, бывшій до того времени только пригородомъ, главнымъ городомъ всей земли и поставить его выше старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля. Андрей имѣлъ въ виду то, что въ старыхъ городахъ были старыя преданія и привычки, которыя ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вѣчѣ. Они считали власть князя ниже своей вѣчевой власти; живя въ Ростовѣ или Суздалѣ, Андрей могъ имѣть постоянныя пререканія и долженъ былъ подлаживаться къ горожанамъ, которые гордились своимъ старѣйшинствомъ. Напротивъ, во Владимирѣ, который ему обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, своимъ новымъ старѣйшинствомъ надъ землею, воля народная должна была идти объ руку съ волею князя. Городъ Владимиръ, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андреѣ. Жители его состояли въ значительной степени изъ переселенцевъ, ушедшихъ къ Андрею изъ южной Руси, на новое жительство. На это явно указываютъ названія урочищъ во Владимирѣ; тамъ были рѣка Лыбедь, Печерный городъ, Золотыя Врата съ церковью надъ ними,

---

[1]) По однимъ извѣстіямъ, былъ одинъ куполъ, по другимъ—пять; вѣроятнѣе первое, потому что въ тѣ времена обыкновенно строились церкви съ однимъ верхомъ.

какъ въ Кіевѣ, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей изъ подражанія Кіеву далъ построенной имъ во Владимирѣ церкви десятину отъ своихъ стадъ и отъ торга и сверхъ того городъ Гороховецъ и села. Андрей строилъ много церквей, основывалъ монастыри, не жалѣлъ издержекъ на украшеніе храмовъ. Кромѣ церкви Успенія, возбуждавшей удивленіе современниковъ великолѣпіемъ и блескомъ иконостаса, паникадилъ, стѣнной живописью и обильною позолотою, онъ построилъ во Владимирѣ монастыри Спасскій, Вознесенскій, соборный храмъ Спаса въ Переяславлѣ, церковь св. Ѳедора Стратилата, которому онъ приписывалъ свое спасеніе во время одной битвы, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ участвовалъ въ княжескихъ междоусобіяхъ на югѣ; церковь Покрова при устьѣ Нерли и много другихъ каменныхъ церквей. Андрей приглашалъ для этого мастеровъ съ Запада, а между тѣмъ начало развиваться и русское искусство, такъ что при андреевѣ преемникѣ русскіе мастера уже безъ пособія иностранцевъ строили и расписывали свои церкви.

Построеніе богатыхъ церквей указываетъ столько же на благосостояніе края, сколько и на политическій тактъ Андрея. Всякая новая церковь была важнымъ событіемъ, возбуждавшимъ вниманіе народа и уваженіе къ ея строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умѣлъ пріобрѣсть любовь его, а тѣмъ самымъ укрѣплялъ свою власть въ народѣ. Въ пріемахъ его жизни современники видѣли набожнаго и благочестиваго человѣка. Его всегда можно было видѣть въ храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ, съ громкими воздыханіями. Хотя его княжескіе тіуны и даже покровительствуемые имъ духовные позволяли себѣ грабительства и безчинства, но Андрей всенародно раздавалъ милостыню убогимъ, кормилъ чернецовъ и черницъ и за то слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію. Нерѣдко по ночамъ онъ входилъ въ храмъ, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами.

Въ то время къ числу благочестивыхъ подвиговъ князя, составлявшихъ его славу, относились и войны его съ невѣрными. По сосѣдству съ волостью Андрея, на Волгѣ, было царство Болгарское. Болгары, народъ финскаго, или, вѣроятнѣе, смѣшаннаго племени, еще въ десятомъ вѣкѣ приняли мугаммеданство. Они давно уже жили не въ ладахъ съ русскими, дѣлали набѣги на русскія области и русскіе князья не разъ ходили биться противъ нихъ: такія битвы считались богоугоднымъ дѣломъ. Андрей два раза воевалъ съ этимъ народомъ, и первый разъ отправился съ

войскомъ противъ него въ 1164 году. Онъ взялъ съ собою св. икону Богородицы, привезенную изъ Вышгорода; духовенство шло пѣшее и несло ее подъ знаменами. Самъ князь и все войско передъ походомъ причащались св. Тайнъ. Походъ кончился удачно; князь болгарскій бѣжалъ; русскіе взяли городъ Ибрагимовъ (въ нашихъ лѣтописяхъ Бряхимовъ). Князь Андрей и духовные приписывали эту побѣду чудотворному дѣйствію иконы Богородицы; событіе это поставлено было въ ряду многочисленныхъ чудесъ, истекавшихъ отъ этой иконы, и въ память его было установлено празднество съ водосвященіемъ, совершаемое до сихъ поръ 1 августа. Патріархъ цареградскій, по желанію Андрея, утвердилъ этотъ праздникъ тѣмъ охотнѣе, что русское торжество совпало съ торжествомъ греческаго императора Мануила, одержавшаго побѣду надъ Сарацинами, которую приписывали дѣйствію животворящаго креста и хоругви съ изображеніемъ Христа Спасителя.

Но не такъ благосклонно отнесся къ желаніямъ Андрея патріархъ Лука Хризоверхъ, когда Андрей обратился къ нему съ просьбою посвятить въ митрополиты во Владиміръ своего любимца Ѳеодора. Этимъ нововведеніемъ Андрей хотѣлъ рѣшительно возвысить Владиміръ, зависѣвшій отъ ростовской епархіи; тогда Владиміръ не только сталъ бы выше Ростова и Суздаля, а получилъ бы еще первенствующее духовное значеніе въ ряду русскихъ городовъ иныхъ земель. Но патріархи, слѣдуя давнему обычаю восточной церкви, не легко и не сразу соглашались на всякія измѣненія въ порядкѣ церковнаго управленія. И на этотъ разъ не согласился патріархъ на такую важную перемѣну тѣмъ болѣе, что ростовскій епископъ Несторъ былъ еще въ живыхъ и, преслѣдуемый нелюбившимъ его Андреемъ, бѣжалъ тогда въ Цареградъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ однако, 1168 года, любимецъ Андрея Ѳеодоръ, съѣздивъ въ Цареградъ, выхлопоталъ себѣ посвященіе если не въ санъ митрополита, то въ санъ епископа Ростовскаго. По желанію Андрея, онъ хотя числился ростовскимъ, но долженъ былъ жить во Владимірѣ, такъ какъ на это патріархъ далъ дозволеніе. Такимъ образомъ, его любимый Владиміръ, если не могъ въ духовномъ управленіи получить того первенства въ Руси, которое принадлежало Кіеву, по крайней мѣрѣ дѣлался выше Ростова, какъ мѣстопребываніе епископа. Любимецъ Андрея Ѳеодоръ до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Кіевъ, не хотѣлъ знать кіевскаго митрополита: не поѣхалъ къ нему за благословеніемъ и считалъ для себя достаточнымъ поставленіе въ епископы отъ патріарха. Такъ какъ это было нарушеніе давняго порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотѣло ему повиноваться; народъ

волновался. Θеодоръ затворилъ церкви и запретилъ богослуженіе. Если вѣрить лѣтописямъ, то Θеодоръ, по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволялъ себѣ ужасныя варварства: мучилъ непокорныхъ игуменовъ, монаховъ, священниковъ и простыхъ людей, рвалъ имъ бороды, рубилъ головы, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, отбирая имѣнія у своихъ жертвъ. Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что онъ поступалъ такимъ образомъ, не слушая Андрея, посылавшаго его ставиться въ Кіевъ, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить подъ властью такого властолюбиваго князя противъ его воли. Если подобныя варварства не плодъ преувеличенія, то онѣ могли совершаться только съ вѣдома Андрея, или, по крайней мѣрѣ, Андрей смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки своего любимца и пожертвовалъ имъ только тогда, когда увидѣлъ, что народное волненіе возрастаетъ и можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Какъ бы то ни было, Андрей, наконецъ, отправилъ Θеодора къ кіевскому митрополиту, который приказалъ отрубить злодѣю правую руку, отрѣзать языкъ и выколоть глаза. Это—по византійскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владиміръ въ церковномъ отношеніи на степень митрополіи. Тѣмъ не менѣе Андрей въ этомъ отношеніи намѣтилъ заранѣе то, что́ совершилось впослѣдствіи, при его преемникахъ.

Андрей былъ посаженъ на княженіе всею землею, въ ущербъ правамъ меньшихъ братьевъ, которые должны были княжить тамъ по распоряженію родителя. Рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, Андрей предупредилъ всякія со стороны ихъ попытки къ междоусобіямъ, разомъ выгналъ своихъ братьевъ Мстислава, Василька, восьмилѣтняго Всеволода (1162) и удалилъ отъ себя двухъ племянниковъ Ростиславичей. Братья вмѣстѣ съ своею матерью, греческою царевною, отправились въ Грецію, гдѣ греческій императоръ Мануилъ принялъ ихъ дружелюбно. Это изгнаніе не только не было событіемъ противнымъ землѣ, но даже въ лѣтописяхъ оно приписывается какъ-бы земской волѣ. Андрей выгонялъ также и бояръ, которыхъ не считалъ себѣ достаточно преданными. Такія мѣры сосредоточивали въ его рукахъ единую власть надъ всею ростовско-суздальскою землею и черезъ то самое давали этой землѣ значеніе самой сильнѣйшей земли между русскими землями, тѣмъ болѣе, что, будучи избавлена отъ междоусобій, она была въ то время спокойна отъ всякаго внѣшняго вторженія. Но съ другой стороны, эти же мѣры увеличивали число враговъ Андрея, готовыхъ, при случаѣ, погубить его всѣми возможными средствами.

Забравши въ свои руки власть въ ростовско-суздальской землѣ, Андрей ловко пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмѣшиваясь въ междоусобія, происходившія въ другихъ русскихъ земляхъ, онъ хотѣлъ разрѣшать ихъ по своему произволу. Главною и постоянною цѣлью его дѣятельности было унизить значеніе Кіева, лишить древняго старѣйшинства надъ русскими городами, перенеся это старѣйшинство на Владиміръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить себѣ вольный и богатый Новгородъ. Онъ добивался того, чтобы, по своему желанію, отдавать эти два важнѣйшихъ города съ ихъ землями въ княженіе тѣмъ изъ князей, которыхъ онъ захочетъ посадить, и которые, въ благодарность за то, будутъ признавать его старѣйшинство. Когда по смерти Юрія Долгорукаго возникъ споръ за Кіевъ между черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ и Ростиславомъ, братомъ Изяслава Мстиславича, Андрей мирволилъ Изяславу, хотя прежде этотъ князь былъ врагомъ отца его. Въ 1160 году онъ съѣхался съ нимъ на Волокѣ и умыслилъ выгнать ростиславова сына Святослава изъ Новгорода. Въ Новгородѣ уже нѣсколько лѣтъ происходила безурядица; призывали и выгоняли то тѣхъ, то другихъ князей. Незадолго до того, еще при Юріѣ, княжилъ тамъ братъ Андрея Мстиславъ. Въ 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: изъ нихъ перваго посадили въ Новгородѣ, а другого въ Торжкѣ, но и противъ нихъ скоро образовалась въ Новгородѣ враждебная партія. Разсчитывая на помощь этой партіи, Андрей послалъ въ Новгородъ такое требованіе: «Да будетъ вамъ вѣдомо, я хочу искать Новгорода добромъ или зломъ; чтобы вы цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня своимъ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣть». Такой отзывъ усилилъ волненіе въ Новгородѣ, часто стали собираться бурныя вѣча. Сначала новгородцы, руководимые благопріятелями Андрея, придрались къ тому, что Новгородъ содержитъ разомъ двухъ князей и требовали удаленія Давида изъ Торжка. Святославъ исполнилъ требованіе и выслалъ брата изъ Новгородской земли, но послѣ того противники его не оставили Святослава въ покоѣ, подущали противъ него народъ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городищѣ, отправила подъ стражею въ Ладогу; его жену заключили въ монастырь св. Варвары; перековали лицъ, составлявшихъ княжескую дружину, имѣніе ихъ разграбили, а потомъ послали просить у Андрея сына на княженіе. Андрей разсчитывалъ давать имъ по возможности не тѣхъ князей, какихъ они пожелаютъ, а тѣхъ, какихъ

онъ самъ имъ дать захочетъ. Андрей послалъ имъ не сына, а своего племянника Мстислава Ростиславича. Но въ слѣдующемъ году (1161), когда Изяславъ Давидовичъ былъ побѣжденъ Ростиславомъ и убитъ, а Ростиславъ укрѣпился въ Кіевѣ, Андрей поладилъ съ нимъ и приказалъ новгородцамъ взять опять къ себѣ на княженіе того Святослава Ростиславича, котораго они недавно выгнали и притомъ, какъ выражается лѣтописецъ, «на всей волѣ его». Андрею очевидно было все равно, тотъ или другой князь будетъ княжить въ Новгородѣ, лишь бы только этотъ князь былъ посаженъ отъ его руки, чтобы такимъ образомъ для новгородцевъ вошло въ обычай получать себѣ князей отъ суздальскаго князя. Въ 1166 году умеръ кіевскій князь Ростиславъ, человѣкъ податливый, подъ конецъ поладившій съ суздальскимъ княземъ и угождавшій ему. На кіевское княженіе былъ избранъ Мстиславъ Изяславичъ. Кромѣ того, что этотъ князь былъ сынъ ненавистнаго Андрею Изяслава Мстиславича, съ которымъ такъ упорно боролся отецъ его, Андрей лично ненавидѣлъ этого князя, да и Мстиславъ былъ не изъ такихъ, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумалъ показать надъ нимъ власть. У покойнаго Ростислава было пять сыновей: Святославъ, княжившій въ Новгородѣ, Давидъ, Романъ, Рюрикъ и Мстиславъ. Сначала Мстиславъ Изяславичъ былъ съ этими своими двоюродными братьями заодно, но потомъ, къ большому удовольствію Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось изъ-за Новгорода. Новгородцы по прежнему не поладили съ своимъ княземъ Святославомъ и прогнали его, а потомъ послали къ кіевскому Мстиславу просить у него сына. Мстиславъ, не желая ссориться съ Ростиславичами, медлилъ рѣшеніемъ. Тѣмъ временемъ оскорбленный Святославъ обратился къ Андрею; за Святослава стали смоленскіе князья, его братья. Къ нимъ присоединились и полочане, которые прежде не ладили съ Новгородомъ. Тогда Андрей рѣшительно потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобы они вновь приняли изгнаннаго ими Святослава: «Не будетъ вамъ иного князя, кромѣ этого», приказалъ онъ сказать имъ и прислалъ на помощь Святославу и его союзникамъ войско противъ Новгорода. Союзники сожгли Новый Торгъ, опустошали новгородскіе села и перерѣзали сообщеніе Новгорода съ Кіевомъ, чтобы не дать новгородцамъ сойтись съ Мстиславомъ кіевскимъ. Новгородцы почувствовали оскорбленіе своихъ правъ, увидѣли через-чуръ рѣшительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требованія Андрея, но убили посадника Захарія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сторонниковъ Святослава, за тайныя

сношенія съ этимъ княземъ, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всемъ Мстиславу Изяславичу и еще разъ просили у него сына на княженіе. Въ это время кстати кіевскіе бояре Бориславичи успѣли поссорить Мстислава съ двумя Ростиславичами Давидомъ и Рюрикомъ [1]). Когда вслѣдъ затѣмъ новгородцы снова прислали къ Мстиславу просить сына, онъ уже не колебался и послалъ къ нимъ сына своего Романа. Ростиславичи послѣ этого поступка сдѣлались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы идти на Мстислава. Рязанскіе и муромскіе князья уже прежде были съ Андреемъ заодно, соединенные войною противъ болгаръ. Полочане вошли съ нимъ въ союзъ по враждѣ къ Новгороду; на Волыни былъ у него союзникъ дорогобужскій князь Владиміръ, дядя Мстислава, бывшій его соперникомъ за Кіевъ. Андрей тайно снесся съ князьями сѣверскимъ Олегомъ и Игоремъ; въ Переяславлѣ Русскомъ княжилъ братъ Андрея Глѣбъ, неизмѣнно ему преданный; съ Глѣбомъ былъ также другой братъ, молодой Всеволодъ, вернувшійся изъ Цареграда и получившій княженіе въ Остерскомъ Городцѣ въ южной Руси. Всего, такимъ образомъ, было до 11-ти князей съ ихъ дружинами и ратью. Суздальскимъ войскомъ предводительствовалъ сынъ Андрея Мстиславъ и бояринъ Борисъ Жидиславичъ. На сторонѣ Мстислава былъ братъ Андрея Михаилъ, княжившій въ Торжкѣ; не предвидя противъ себя ополченія, Мстиславъ Изяславичъ отправилъ его съ берендѣями на помощь къ сыну въ Новгородъ; но Романъ Ростиславичъ перерѣзалъ ему путь и взялъ въ плѣнъ.

Подручники Андрея съ войсками разныхъ русскихъ земель сошлись въ Вышгородѣ и, въ началѣ марта заложили станъ подъ

---

[1]) Ссора началась изъ-за того, что слуги Ростиславичей украли Мстиславовыхъ коней и наложили на нихъ свои клейма. Бояре Бориславичи, Петръ и Несторъ, увѣрили Давида, что Мстиславъ въ отмщеніе за то хочетъ, зазвавши ихъ на обѣдъ, взять подъ стражу. Черезъ нѣсколько времени Мстиславъ дѣйствительно призвалъ на обѣдъ Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояръ, прежде всего потребовали, чтобы Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, что имъ не будетъ ничего дурного. Мстиславъ обидѣлся; оскорбилась за него и его дружина: „не годится тебѣ крестъ цѣловать,—говорили его дружинники;—безъ нашего вѣдома тебѣ нельзя было ни замыслить, ни сдѣлать того, что они говорятъ, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь къ братьямъ, вѣдаемъ, что ты правъ передъ Богомъ и людьми. Пошли имъ и скажи: я цѣлую вамъ крестъ въ томъ, что не мыслилъ ничего дурного противъ васъ, только вы мнѣ выдайте того, кто на меня клевещетъ“. Обѣ стороны поцѣловали на этомъ другъ другу крестъ, но Давидъ потомъ не исполнилъ желанія Мстислава. „Если я выдамъ тѣхъ, которые мнѣ говорили, — сказалъ онъ, — то впередъ мнѣ никто ничего не скажетъ“. Отъ этого возникла холодность между Мстиславомъ и Ростиславичами.

Кіевомъ, близъ кириловскаго монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь городъ. Вообще кіевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьямъ, приходившимъ добывать Кіевъ силою. И теперь у нихъ достало выдержки только на три дня. Берендѣи и торки, стоявшіе за Мстислава Изяславича, склонны были къ измѣнѣ. Когда враги стали сильно напирать въ тылъ Мстиславу Изяславичу, кіевская дружина сказала ему: «что, князь стоишь, намъ ихъ не пересилить». Мстиславъ бѣжалъ въ Василевъ, не успѣвши взять съ собою жену и сына. За нимъ гнались; по немъ стрѣляли. Кіевъ былъ взятъ 12 марта, въ среду на второй недѣлѣ поста 1169 года, весь разграбленъ и сожженъ въ продолженіи двухъ дней. Не было пощады ни старымъ, ни малымъ, ни полу, ни возрасту, ни церквамъ, ни монастырямъ. Зажгли даже Печерскій монастырь. Вывезли изъ Кіева не только частное имущество, но иконы, ризы и колокола. Такое свирѣпство дѣлается понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ кіевляне перебили у себя всѣхъ суздальцевъ послѣ смерти Юрія Долгорукова; конечно, между суздальцами были люди, мстившіе теперь за своихъ родственниковъ; что же касается до черниговцевъ, то у нихъ уже была давняя вражда къ Кіеву, возраставшая отъ долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достигъ своей цѣли. Древній Кіевъ потерялъ свое вѣковое старѣйшинство. Нѣкогда городъ богатый, заслуживавшій отъ посѣщавшихъ его иностранцевъ названіе второго Константинополя, онъ уже и прежде постоянно утрачивалъ свой блескъ отъ междоусобій, а теперь былъ ограбленъ, сожженъ, лишенъ значительнаго числа жителей, перебитыхъ или отведенныхъ въ неволю, поруганъ и посрамленъ отъ другихъ русскихъ земель, которыя какъ будто мстили ему за прежнее господство надъ ними. Андрей посадилъ въ немъ своего покорнаго брата Глѣба, съ намѣреніемъ и напередъ сажать тамъ такого князя, какого ему будетъ угодно дать Кіеву.

Раздѣлавшись съ Кіевомъ, Андрей послѣдовательно хотѣлъ раздѣлаться и съ Новгородомъ. Тѣ же князья, которые ходили съ нимъ на Кіевъ, съ тѣми же ратями, которыя уничтожили древнюю столицу русской земли, пошли на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Кіевъ. «Не будемъ говорить—разсуждаетъ суздальскій лѣтописецъ, преданный Андрею и его политикѣ — что новгородцы правы, что они издавна отъ прародителей князей нашихъ свободны; а еслибъ и такъ было, то развѣ прежніе князья велѣли имъ преступать

крестное цѣлованіе и ругаться надъ внуками и правнуками ихъ»? Уже въ трехъ церквахъ новгородскихъ на трехъ иконахъ плакала Пресв. Богородица: она предвидѣла бѣду, собиравшуюся надъ Новгородомъ и его землею; она молила Сына своего не предавать новгородцевъ погибели какъ Содомъ и Гоммору, но помиловать ихъ какъ ниневитянъ. Зимою 1170 года явилась грозная рать подъ Новгородомъ—суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. Въ теченіи трехъ дней они устроивали острогъ около Новгорода, а на четвертый начали приступъ. Новгородцы бились храбро, но потомъ стали ослабѣвать. Враги Новгорода, надѣясь на побѣду, заранѣе въ предположеніяхъ дѣлили между собою по жребію новгородскія улицы, женъ и дѣтей новгородскихъ, подобно тому, какъ это сдѣлали съ кіевлянами; но въ ночь со вторника на среду второй недѣли поста,—какъ гласитъ преданіе—новгородскій архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спаса и услышалъ гласъ отъ иконы: «Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стѣны, и она спасетъ Новгородъ». На другой день Іоаннъ съ новгородцами вознесъ икону на стѣну у Загороднаго конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрѣлъ посыпалась на него; икона обратилась назадъ; изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцевъ нашло одурѣніе: они пришли въ безпорядокъ и стали стрѣлять другъ въ друга. Такъ гласитъ преданіе. Князь Романъ Мстиславичъ къ вечеру 25 февраля съ новгородцами побѣдилъ суздальцевъ и ихъ союзниковъ. Современный лѣтописецъ, разсказывая объ этомъ событіи, ничего не говоритъ объ иконѣ, но приписываетъ побѣду «силѣ честнаго креста, заступленію Богородицы и молитвамъ владыки». Враги бѣжали. Новгородцы наловили такъ много суздальцевъ, что продавали ихъ за безцѣнокъ (по 2 нагаты) [1]. Легенда объ избавленіи Новгорода имѣла важное значеніе на будущія времена, поддерживая нравственную силу Новгорода къ борьбѣ его съ суздальскими князьями. Впослѣдствіи она приняла даже общее церковное во всей Руси значеніе: икона, которой приписывали чудотворное избавленіе Новгорода отъ рати Андрея, сдѣлалась подъ именемъ Знаменской одною изъ первоклассныхъ иконъ Божьей Матери, уважаемыхъ всей Русью. Праздникъ въ честь ея былъ установленъ новгородцами 27 ноября;

---

[1]) Въ гривнѣ 20 нагатъ. По исчисленію Карамзина, 6 ногатъ приблизительно равняются 50 к. Т. II, прим. 79.

праздникъ этотъ и до сихъ поръ соблюдается православною русскою церковью.

Вскорѣ, однако, вражда простыла и новгородцы поладили съ Андреемъ. На слѣдующій же годъ они не взлюбили Романа Мстиславича и прогнали отъ себя. Тогда былъ неурожай и сдѣлалась дороговизна въ Новгородѣ. Новгородцамъ нужно было получать хлѣбъ изъ суздальской области, и это было главною причиною скораго мира съ Андреемъ. Съ его согласія они взяли себѣ въ князья Рюрика Ростиславича, а въ 1172 году, прогнавъ его отъ себя, выпросили у Андрея сына Юрія. Новгородъ все-таки остался въ выигрышѣ въ томъ отношеніи, что Андрей долженъ былъ показывать уваженіе къ правамъ Новгорода и хотя посылалъ ему князей, но уже не иначе, какъ на всей волѣ новгородской.

Несмотря на пораженіе, нанесенное Кіеву, Андрею пришлось еще разъ посылать туда войско съ цѣлью удержать его въ своей власти. Посаженный имъ князь Глѣбъ умеръ. Съ согласія Ростиславичей Кіевъ захватилъ-было дядя ихъ Владимиръ Дорогобужскій, бывшій союзникъ Андрея, но Андрей приказалъ ему немедленно выѣхать и объявилъ, что уступаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу, князю кроткаго и покорнаго нрава. «Вы назвали меня своимъ отцомъ — приказалъ Андрей сказать Ростиславичамъ, — хочу вамъ добра и даю Роману брату вашему Кіевъ». Черезъ нѣсколько времени Андрей задумалъ прогнать Романа Ростиславича: былъ ли онъ недоволенъ Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намѣревался посадить туда брата, и потому нужно было ему ихъ выгнать,—какъ бы то ни было, только онъ придрался къ этимъ князьямъ, послалъ къ нимъ своего мечника Михна съ требованіемъ выдачи Григорія Хотовича и двухъ другихъ лицъ: «они — говорилъ онъ — уморили брата моего Глѣба; они всѣ намъ враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не болѣе какъ придирка, не рѣшились выдать людей, которыхъ считали невиновными, и дали имъ средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Онъ писалъ имъ такое грозное слово: «если не живете по моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, а ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлагорода; остается вамъ Смоленскъ: тамъ себѣ дѣлитесь какъ знаете». Романъ повиновался и уѣхалъ въ Смоленскъ. Андрей отдалъ Кіевъ брату Михаилу, съ которымъ помирился. Михаилъ остался пока въ Торческѣ, гдѣ находился прежде на княженіи и послалъ въ Кіевъ брата своего Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Но другіе Ростиславичи

не были такъ безгласны, какъ Романъ. Они отправили къ Андрею посла съ объясненіями; но Андрей не далъ отвѣта. Тогда они ночью вошли въ Кіевъ, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила въ Торческѣ, принудили его отказаться отъ Кіева и довольствоваться Переяславлемъ, который ему уступили, а сами возвратились въ Кіевъ и посадили на кіевскомъ столѣ одного изъ своей среды: Рюрика Ростиславича. Самъ непостоянный Михаилъ, котораго Андрей прочилъ въ Кіевъ, отступилъ снова отъ Андрея и присталъ къ Ростиславичамъ, также какъ онъ противъ Андрея и Ростиславичей уже стоялъ за Мстислава Изяславича. Андрей, услыхавши обо всемъ этомъ, сильно разгнѣвался, а тутъ кстати пришло къ нему предложеніе подать помощь противъ Ростиславичей: черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, помышлявшій во время сумятицы овладѣть Кіевомъ, подстрекалъ Андрея на Ростиславичей; за-одно съ нимъ были и другіе князья Ольговичи. Посолъ, присланный отъ имени этихъ князей, говорилъ Андрею: «кто тебѣ ворогъ, тотъ и намъ ворогъ; мы съ тобой готовы».

Гордый Андрей призвалъ своего мечника Михна и сказалъ: «Поѣзжай къ Ростиславичамъ, скажи имъ вотъ что́: вы не поступаете по моей волѣ; за̀ это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ русской землѣ; а Мстиславу скажи такъ: ты всему зачинщикъ: я не велю тебѣ быть въ русской землѣ».

Михно передалъ Ростиславичамъ порученіе своего князя. Всѣхъ болѣе не стерпѣлъ этой рѣчи Мстиславъ. «Онъ — говоритъ современникъ — отъ юности своей не привыкъ никого бояться кромѣ, единаго Бога. Онъ приказалъ остричь Михну волосы на головѣ и бородѣ и сказалъ: «Ступай къ своему князю и передай отъ насъ своему князю вотъ что: Мы тебя до сихъ поръ считали отцомъ и любили, ты же прислалъ къ намъ такія рѣчи, что считаешь меня не княземъ, а подручникомъ и простымъ человѣкомъ; дѣлай что замыслилъ. Богъ всему судья»!

Андрей пришелъ въ ярость, когда увидѣлъ остриженнаго Михна и услышалъ, что̀ сказалъ Мстиславъ. Большое ополченіе Суздальской земли — ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы и рязанцы, подъ главнымъ начальствомъ сына Андрея Юрія и боярина Жидиславича, пошло въ путь. Андрей, отправляя ихъ, говорилъ: «Изгоните Рюрика и Давида изъ моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не дѣлайте и привезите ко мнѣ.» Къ нимъ пристали новгородцы. Они шли черезъ смоленскую землю; бѣдный Романъ, видя у *себя* такихъ гостей, не могъ сопротивляться и долженъ былъ по.

требованію Андрея, послать съ ними своихъ смольнянъ. Вся эта сила вступила въ черниговскую землю и тамъ соединился съ нею Святославъ Всеволодовичъ съ братьями. Съ другой стороны Андрей подвинулъ на Кіевъ силы полоцкой земли: туровскихъ, пинскихъ и городенскихъ князей, подчиненныхъ Полоцку. Михаилъ Юрьевичъ отступилъ отъ Ростиславичей и вмѣстѣ со Всеволодомъ и двумя племянниками поспѣшилъ овладѣть Кіевомъ. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрикъ заперся въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давида послали въ Галичъ просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополченіе главнымъ образомъ напирало на Вышгородъ, чтобы взять Мстислава, какъ приказалъ Андрей. Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитыхъ, но много раненыхъ. 9 недѣль стояло это ополченіе. Двоюродный братъ Ростиславичей, Ярославъ Изяславичъ Луцкій, пришедшій со всею волынскою землею искалъ для себя старѣйшинства и кіевскаго стола, чего добивался также Святославъ Всеволодовичъ черниговскій, старѣйшій князь въ ополченіи. Самаго Андрея здѣсь не было, чтобы рѣшить этотъ споръ своею могучею волею; а всѣ эти князья, сами того не сознавая, только затѣмъ и явились подъ Вышгородъ, въ чтобы дать возможность Андрею назначить въ Кіевъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Ярославъ, неполадивши съ Святославомъ Всеволодовичемъ, отступился отъ союзниковъ, передался къ Ростиславичамъ и двинулсякъ Бѣлгороду, чтобы, соединившись съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, ударить на осаждающихъ. Въ то же время союзникамъ угрожало прибытіе галичанъ, по призыву Давида, на помощь Ростиславичамъ. Съ своей стороны бо́льшая часть союзниковъ не имѣла ни поводовъ, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневолѣ. Новгородцы, всегда безпокойные и перемѣнчивые, легко охладѣвали къ дѣлу, къ которому приступили мимоходомъ; вѣроятно, также полочане и другія ополченія изъ бѣлорусскихъ городовъ не отличались особеннымъ рвеніемъ, такъ какъ для нихъ въ то время былъ совершенно безразличенъ вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать Кіевъ. Все это вмѣстѣ было причиною того, что какъ только союзники увидали, что сила ихъ враговъ возрастаетъ, то въ станѣ ихъ сдѣлался переполохъ и они ночью, передъ разсвѣтомъ, бѣжали, въ такомъ безпорядкѣ, что многіе, переправляясь черезъ Днѣпръ, утонули. Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, погнался за ними, овладѣлъ ихъ обозомъ и захватилъ плѣнныхъ. Эта побѣда надъ двадцатью князьями и силами столькихъ земель прославила Мстислава Ростиславича между своими современни-

ками и дала ему названіе Храбраго. «Такъ то, — говоритъ лѣтописецъ, — князь Андрей какой былъ умникъ во всѣхъ дѣлахъ, а погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ: распалился гнѣвомъ, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость діаволъ вселяетъ въ сердце человѣку».

Кіевъ былъ уступленъ Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, какъ и слѣдовало ожидать, не долго просидѣлъ въ немъ, и бѣдная старая столица опять начала переходить изъ рукъ въ руки. Но судьба ея не зависѣла уже отъ воли суздальскихъ князей, какъ это хотѣлось Андрею. Въ слѣдующемъ году Ростиславичи готовы были помириться съ Андреемъ, если только на кіевскомъ престолѣ сядетъ братъ ихъ Романъ. Андрею, конечно, было бы пріятнѣе видѣть тамъ покорнаго себѣ Романа, чѣмъ ненавистную вѣтвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовыхъ враговъ мономахова племени; вѣроятно, и Ростиславичи имѣли это въ виду, вступивши съ Андреемъ въ сношенія. Но Андрей медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. «Подождите немного, — сказалъ онъ, — пошлю къ братьямъ своимъ на Русь». Андрей, какъ видно, не рѣшилъ въ своемъ умѣ, въ чью пользу высказать приговоръ. Неожиданная насильственная смерть пресѣкла всѣ его планы.

При всемъ своемъ умѣ, хитрости, изворотливости, Андрей не установилъ ничего прочнаго въ русскихъ земляхъ. Единственнымъ побужденіемъ всей его дѣятельности было властолюбіе; ему хотѣлось создать около себя такое положеніе, въ которомъ бы онъ могъ перемѣщать князей съ мѣста на мѣсто, какъ пѣшки, посылать ихъ съ дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружиться между собою и ссориться и заставить ихъ всѣхъ волею-неволею признавать себя старѣйшимъ и первенствующимъ. Для этой цѣли онъ довольно ловко пользовался неопредѣленными и часто безсмысленными отношеніями князей, существовавшею рознью между городами и землями, возбуждалъ и разжигалъ страсти партій; въ этомъ случаѣ ему оказывали услугу и новгородскія внутреннія неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчужденіе полоцкой земли отъ другихъ русскихъ земель, и родовая непріязнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданныя вспышки въ родѣ ссоры Ростиславичей со Мстиславомъ Изяславичемъ и болѣе всего тѣ дикія противугражданственныя свойства еще неустановившагося общества, при которыхъ люди не умѣютъ согласить личныя цѣли съ общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждою на взаимный грабежъ: все это однако были временныя средства и потому имѣли временный

характеръ. Кромѣ желанія лично властвовать надъ князьями, у Андрея едва ли былъ какой-нибудь идеалъ новаго порядка для русскихъ земель. Что же касается до его отношеній къ собственно суздальско-ростовской волости, то онъ смотрѣлъ на нее какъ будто на особую землю отъ остальной Руси, но которая, однако, должна властвовать надъ Русью. Такимъ образомъ онъ заботился о благосостояніи своей земли, старался обогатить ее религіозною святынею и въ то же время предалъ на разореніе Кіевъ со всѣмъ тѣмъ, что̀ было тамъ изстари святого для всей Руси. Въ какой степени оцѣнила его заботы сама суздальско-ростовская земля, показываетъ его смерть.

Властолюбивый князь, изгнавши братьевъ и тѣхъ бояръ, которые недостаточно ему повиновались, правилъ въ своей землѣ самовластно, забывши, что онъ былъ избранъ народомъ, отягощалъ народъ поборами черезъ своихъ посадниковъ и тіуновъ и по произволу казнилъ смертью всякаго, кого хотѣлъ. Ужасныя варварства, сообщаемыя лѣтописями объ епископѣ Ѳеодорѣ, его любимцѣ, достаточно бросаютъ мрачную тѣнь на эпоху андреева княженія, если бы даже половина того, что̀ разсказывалось, была правда. Андрей, какъ видно, часъ отъ часу становился болѣе и болѣе жестокимъ. Онъ постоянно жилъ въ селѣ Боголюбовѣ; тамъ постигъ его конецъ. Былъ у него любимый слуга Якимъ Кучковичъ. Князь приказалъ казнить его брата. Якимъ сталъ говорить своимъ пріятелямъ: «Сегодня того, другого казнилъ, а завтра казнитъ и насъ: раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ!» Въ пятницу, 28 іюня 1175 года, собрался совѣтъ въ домѣ Кучкова зятя Петра. Было тамъ человѣкъ 20 и въ числѣ ихъ ключникъ Андрея Амбалъ, родомъ ясинъ (ясы — народъ кавказскаго племени; полагаютъ, что это кабардинцы), и еврей Ефремъ Моизичъ. Замѣчательно, (какъ вообще черта подобныхъ людей,) что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имѣютъ поводъ не любить его, онъ, конечно, думалъ обезопасить себя этимъ средствомъ—и ошибся. На совѣтѣ порѣшили убить князя въ эту же ночь. Андрей, по извѣстію одной лѣтописи, спалъ одинъ, заперши дверь, а по другимъ, близъ него находился кощей (мальчикъ). Заговорщики, отправляясь на свое дѣло, зашли прежде въ медушу (погребъ), напились для смѣлости вина и потомъ направились къ ложницѣ Андрея.

— «Господине, господине»! сказалъ одинъ, толкаясь въ дверь.

— «Кто тамъ?» откликнулся Андрей.

«Прокопій», отвѣчали ему. Прокопій былъ вѣрный слуга Андрея.

— «Нѣтъ, паробче, ты не Прокопій», отвѣтилъ, догадавшись, Андрей и бросился искать меча. Былъ у него мечъ св. Бориса, которому онъ приписывалъ особую силу, но меча при немъ не оказалось: Амбалъ ключникъ заранѣе унесъ его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь былъ силенъ, началъ бороться съ ними. Въ потьмахъ убійцы ранили одного изъ своихъ, но потомъ, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили съ нимъ, они ушли, но князь, собравши послѣднія силы, выскочилъ за ними, спустился съ лѣстницы и спрятался подъ сѣни. Убійцы услышали его стоны.

«Князь сошелъ съ сѣней внизъ», закричалъ одинъ.

«Посмотримъ», сказали другіе и бросились назадъ въ ложницу. Князя тамъ не было.

«Мы погибли,—закричали они—скорѣе, скорѣе ищите его!»

Зажгли поспѣшно свѣчи и по слѣдамъ крови на лѣстницѣ нашли князя: онъ сидѣлъ, прижавшись за лѣстничнымъ столбомъ, и молился.

Петръ Кучковичъ отсѣкъ ему правую руку. Князь успѣлъ проговорить: Господи, въ руки твои передаю духъ мой! и окончилъ жизнь.

Уже разсвѣтало. Убійцы нашли Прокопія, княжескаго любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сѣни, набрали золота, драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, разнаго имущества и отправили, взложивши на приготовленныхъ ихъ соумышленниками коней, а сами, надѣвъ на себя княжеское вооруженіе, собрали своихъ: «Что—говорили они—если на насъ пріѣдетъ дружина владимирская?»—«Пошлемъ во Владимиръ», порѣшили злоумышленники.

Они послали къ владимирцамъ, извѣщали о случившемся и велѣли сказать: «Если кто изъ насъ что-нибудь помыслитъ на насъ, то мы съ тѣми покончимъ. Не у насъ однихъ была дума; и ваши есть въ одной думѣ съ нами».

Владимирцы отвѣчали: «кто съ вами въ думѣ, тотъ съ вами пусть и будетъ, а наше дѣло сторона».

Весь домъ Андрея былъ разграбленъ. Такъ поступали, сообразно тогдашнимъ обычаямъ и понятіямъ. Имущество казненнаго общею волею все отдавалось на «потокъ и разграбленіе». Обнаженное тѣло князя было выброшено въ огородъ.

Былъ между слугами князя одинъ кіевлянинъ Кузьмище. Узнавши, что князь убитъ, онъ ходилъ и спрашивалъ то того, то другого: «Гдѣ мой господинъ?»

Ему отвѣчали: «Вонъ тамъ въ огородѣ лежитъ, да не смѣй его трогать. Это тебѣ всѣ говорятъ: хотимъ его бросить собакамъ. А кто приберетъ его, тотъ нашъ врагъ и того убьемъ».

Но Кузьмище не испугался угрозъ, нашелъ тѣло князя и началъ голосить надъ нимъ.

Къ нему шелъ Амбалъ.

«Амбалъ, врагъ — закричалъ, завидѣвши его, Кузьмище — сбрось коверъ или что-нибудь — послать, или чѣмъ-нибудь прикрыть нашего господина!».

«Прочь—сказалъ Амбалъ—мы его выбросимъ псамъ».

«Ахъ ты еретикъ—воскликнулъ Кузьмище—какъ псамъ выбросить? А помнишь-ли, жидъ, въ какомъ платьѣ ты пришелъ сюда? Ты весь въ бархатѣ стоишь, а князь лежитъ голый! Сдѣлай-же милость, брось что-нибудь».

Амбалъ бросилъ ему коверъ и корзно (верхній плащъ). Кузьмище обернулъ ими тѣло убитаго и пошелъ въ церковь.

«Отоприте божницу!» сказалъ Кузьмище людямъ, которыхъ тамъ встрѣтилъ. Эти люди были уже на-радости пьяны. Они отвѣчали: «брось его тутъ въ притворѣ. Вотъ нашелъ еще себѣ печаль съ нимъ!»

Кузьмище положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ его корзномъ, и причитывалъ надъ нимъ такъ:

«Уже, господине, тебя твои паробки не знаютъ, а прежде, бывало, гость придетъ изъ Царьграда или изъ иныхъ сторонъ русской земли, а то хоть и латининъ, христіанинъ-ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его въ церковь и на полаты, пусть видятъ всѣ истинное христіанство и крестятся; и болгары и жиды и всякая погань—всѣ, видѣвшіе славу Божію и церковное украшеніе, плачутъ о тебѣ; а эти не велятъ тебя въ церкви положить».

Тѣло Андрея лежало два дни и двѣ ночи въ притворѣ. Духовенство не рѣшалось отперетъ церковь и совершать надъ нимъ панихиды. На третій день пришелъ игуменъ монастыря Козьмы и Даміана, обратился къ боголюбскимъ клирошанамъ и говорилъ:

«Долго-ли намъ смотрѣть на старѣйшихъ игуменовъ? Долго-ли этому князю такъ лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложимъ его въ гробъ, пусть лежитъ здѣсь, пока злоба перестанетъ: тогда пріѣдутъ изъ Владимира и понесутъ его туда».

По совѣту его, отперли церковь, положили тѣло въ каменный гробъ, пропѣли надъ нимъ панихиду. Этому, какъ видно, никто уже не мѣшалъ.

Между тѣмъ оказалось, что убійцы совершили поступокъ, угодный очень многимъ. Правленія Андрея было ненавидимо. Народъ, услыхавши, что его убили, бросился не на убійцъ, а напротивъ сталъ продолжать начатое ими. Боголюбовцы разграбили весь княжій домъ, въ которомъ накоплено было золота, серебра, дорогихъ одеждъ, перебили его дѣтскихъ и мечниковъ (посыльныхъ и стражу), досталось и мастерамъ, которыхъ собиралъ Андрей, заказывая имъ работу.

Грабежъ происходилъ и во Владимирѣ, но тамъ одно духовное лицо, по имени Микулица (быть можетъ тотъ самый попъ Никола, который помогъ въ 1155 году Андрею похитить въ Вышгородѣ икону Богородицы), въ ризахъ прошелъ по городу съ чудотворною иконою; это произвело такое впечатлѣніе, что волненіе улеглось. Вѣсть объ убіеніи Андрея скоро разошлась по землѣ: вездѣ народъ волновался, нападалъ на княжескихъ посадниковъ и тіуновъ, которые всѣмъ омерзѣли способами своего управленія; ихъ домы ограбили, а иныхъ и убили.

Не ранѣе какъ чрезъ шесть дней послѣ смерти князя, владимирцы, какъ-бы опомнившись, порѣшили привезти тѣло убитаго. 5 іюля они отправили игумена богородицкаго монастыря Ѳеодула, съ деместникомъ (уставщикомъ) Лукою и съ носильщиками за тѣломъ въ Боголюбово, а Микулицѣ сказали: собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы, станьте съ образомъ Богородицы передъ Серебряными воротами и ждите князя! — Серебряными воротами назывались тѣ ворота города, которыя выходили на дорогу въ Боголюбово:—съ противоположной стороны были Золотыя ворота.

Народная толпа вышла изъ города. Когда похоронное шествіе стало приближаться, показалось княжеское знамя, послышалось погребальное пѣніе, тогда злоба уступила мѣсто печали; вспомнили, что за умершимъ были не одни дурныя дѣла, но были и добрыя, вспомнили его усердіе къ храмамъ, и оплакивали князя.

Его погребли въ церкви св. Богородицы. Несомнѣнно, что ненависть къ Андрею не была удѣломъ одной незначительной партіи, но была раздѣляема народомъ. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тѣло князя оставалось непогребеннымъ цѣлую недѣлю и народъ, услыхавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убійцъ его, а на его довѣренныхъ и слугъ. Но, съ другой стороны, если поступки этого князя, руководимаго безмѣрнымъ властолюбіемъ, возбудили къ себѣ злобу народа, то все-таки его дѣятельность въ своемъ основаніи со-

гласовалась съ духомъ и характеромъ той - земли, которой онъ былъ правителемъ. Это всего яснѣе можно видѣть изъ послѣдующихъ событій и всей исторіи ростовско-суздальскаго края до самаго татарскаго нашествія.

Ростовцы и суздальцы, въ особенности первые, были недовольны Андреемъ за предпочтеніе, оказываемое городу Владиміру и чувство досады тотчасъ прорвалось послѣ смерти Андрея. Первые пригласили племянниковъ Андрея, Ростиславичей, которые, не смѣя явиться во владѣніяхъ дяди, проживали въ рязанской землѣ; а владимірцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшаго въ Черниговѣ. Дошло-было дѣло до междоусобія; ростовцы взяли верхъ, принудили владимирцевъ принять одного изъ Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимирцахъ такъ: «Они наши холопы и каменьщики: мы ихъ городъ сожжемъ или посадника въ немъ отъ себя посадимъ». Но посаженные князья Ростиславичи, угождая однимъ ростовцамъ, вооружили противъ себя несправедливыми поборами и владимирцевъ и всю землю. «Мы вольныхъ князей принимаемъ къ себѣ», говорили владимирцы. По этой причинѣ, когда владимирцы прогнали отъ себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили къ себѣ Михаила, то вся земля была на сторонѣ города Владимира. Михаилъ вскорѣ умеръ и владимирцы на вѣчѣ выбрали меньшого сына Юрія Долгорукаго Всеволода (крестное имя его было Димитрій). Ростовцы попытались подняться противъ него съ Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошелъ противъ Всеволода рязанскій князь Глѣбъ, однако былъ разбитъ на-голову и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Ростиславичами и ростовскими боярами, которые ихъ поддерживали. Глѣбъ умеръ въ тюрьмѣ. Озлобленіе владимирцевъ противъ Ростиславичей было такъ велико, что они покусились-было ослѣпить ихъ противъ воли Всеволода. Причина этого озлобленія объясняется тѣмъ, что Ростиславичи, вмѣстѣ съ рязанцами, навели на землю половцевъ. Съ тѣхъ поръ волненія надолго утихаютъ въ ростовско-суздальской землѣ. По всему видно, что и въ Ростовѣ партія, ненавидѣвшая городъ Владиміръ, искавшая власти и первенства надъ всею землею, состояла главнымъ образомъ изъ бояръ, которые не могли пріобрѣсти любви всего народа и увлечь его за собою. Въ самомъ Ростовѣ жители вязали бояръ и отдавали ихъ Всеволоду. Послѣ того, какъ съ пораженіемъ рязанцевъ разсѣяна была партія ростовскихъ бояръ, враждебная Всеволоду, Ростовъ оставался спокоенъ. Всеволодъ княжилъ долго (до 1212 года) и во многомъ продолжалъ политику Андрея, хотя поступалъ съ гораздо большею умѣрен-

ностью и мягкостью. Въ ростовско-суздальской землѣ онъ былъ вообще любимъ народомъ. По отношенію къ Новгороду онъ пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и вліяніе надъ нимъ. Но онъ уступалъ новгородцамъ въ случаѣ крайняго упорства съ ихъ стороны и всегда показывалъ видъ, что уважаетъ новгородскую волю. Замѣчательно, при этомъ, что Всеволодъ въ дѣлахъ съ Новгородомъ долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ не по личному побужденію, а по желанію дружины. Такимъ образомъ, когда онъ, неполадивши съ новгородцами, осадилъ Торжокъ и уже готовъ былъ отступить и помириться, дружина кричала: «князь, мы не цѣловаться съ ними пришли», и Торжокъ былъ взятъ и сожженъ. По многимъ чертамъ видно, что мысль о подчиненіи Новгорода была мыслью всей ростовско-суздальской земли, а не однихъ князей ея, и оттого-то впослѣдствіи новгородцы съ такимъ озлобленіемъ воевали не съ одними князьями, а вообще съ суздальцами и ненавидѣли ихъ даже тогда, когда ладили съ ихъ князьями. Съ другой стороны, Всеволодъ поддерживалъ первенство надъ рязанскими князьями, а въ 1208 году, воспользовавшись безурядицей въ рязанской землѣ, посадилъ тамъ сына своего Ярослава. Но такъ какъ разомъ съ этимъ княземъ наводнили рязанскую землю суздальцы и взяли въ свои руки все управленіе, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своихъ князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли изъ терпѣнія, поднялись всею землею, заковали суздальцевъ и засадили въ погреба, гдѣ многіе задохлись. Поэтому Всеволодъ не въ состояніи былъ удержать рязанской земли за собою.

Князь Всеволодъ пользовался уваженіемъ и въ южной Руси, мирилъ между собою ссорившихся южнорусскихъ князей и даже въ отдаленномъ Галичѣ одинъ князь отдавался ему подъ покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобіе, возбужденное главнымъ образомъ новгородцами. Но въ 1219 году, по смерти старшаго сына Всеволода, Константина, посаженъ былъ во Владимирѣ на княженіи второй сынъ его Юрій, и ростовско-суздальская земля до самаго татарскаго нашествія была избавлена отъ княжескихъ междоусобій. Достойно замѣчанія, что въ этой землѣ княжило разомъ нѣсколько князей, братьевъ и племянниковъ Юрія, но всѣ они дѣйствовали за-одно. Всѣ они управляли въ согласіи съ народомъ и самая власть ихъ зависѣла отъ народа. Такимъ образомъ, когда Всеволодъ распредѣлилъ удѣлы между своими сыновьями и Ярославу отдалъ Переяславль-Залѣсскій, то Ярославъ, пріѣхавши въ этотъ городъ и созвавши народъ въ

соборной церкви св. Спаса, сказалъ: «Братья переяславцы! Отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня отдалъ вамъ на руки. Скажите, братья, желаете ли имѣть меня своимъ княземъ?» Переяславцы отвѣчали: «Очень хотимъ, пусть такъ будетъ. Ты нашъ господинъ». И всѣ цѣловали ему крестъ.

Это былъ періодъ благосостоянія восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русскіе не нуждались болѣе въ иностранныхъ мастерахъ: у нихъ были свои зодчіе и иконописцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось тамъ и книжное просвѣщеніе. Ростовскій владыка Кириллъ составилъ книгохранилище; подъ его руководствомъ переводились съ греческаго и переписывались разныя сочиненія, принадлежащія духовной литературѣ. Нѣсколько рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи, показываютъ, что искусство переписыванія доходило до значительнаго изящества. Княжна черниговская Евфросинія, дочь Михаила Всеволодовича, завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учила грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела къ монастырской жизни, а потому вращалась только въ избранномъ кругу духовныхъ, мало проникала въ народную массу, не обнимала жизненныхъ потребностей, но при всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что ростовско-суздальская земля и съ этими бѣдными начатками просвѣщенія стояла тогда выше южныхъ земель, гдѣ прежде появившіеся зачатки всякой умѣлости погибали отъ внутреннихъ неурядицъ и половецкихъ разореній. Время Юрія было также періодомъ значительнаго расширенія Руси на сѣверо-востокъ. На мѣстѣ соединенія рѣкъ: Сухони и Юга построенъ былъ городъ Устюгъ, вскорѣ получившій важное торговое значеніе. Камскіе болгары было-завладѣли имъ, но Юрій разбилъ ихъ, заставилъ заключить миръ, отпустить всѣхъ плѣнниковъ, дать заложниковъ и утвердить миръ клятвою. Съ другой стороны русскіе двигались по Волгѣ, вошли въ землю мордовскую и при сліяніи Оки съ Волгою основали Нижній-Новгородъ. Управляемая многими князьками, Мордва не въ силахъ была устоять противъ натиска русскаго племени; тогда какъ одни мордовскіе князьки искали помощи болгаръ противъ русскихъ, другіе, захваченные въ расплохъ, отдавались русскимъ князьямъ въ подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», т.-е. присягу). Такъ, въ 1228 году князья двухъ мордовскихъ племенъ Мокши и Эрзи: Пуреша и Пургасъ, отчаянно воевали между собою. Пуреша сдѣлался ротникомъ князя Юрія и просилъ у него помощи противъ своего соперника, а Пур-

гасъ приглашалъ къ себѣ на помощь противъ Пуреши болгарскаго князя, но болгарскій князь не успѣлъ ничего сдѣлать, а русскіе вошли въ землю Пургаса Эрзю (называемая въ лѣтописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву въ неприступные дремучіе лѣса. Въ 1230 году Пургасъ покусился-было на Нижній-Новгородъ, но былъ отбитъ, а сынъ Пуреши напалъ на него съ половцами и въ конецъ опустошилъ его волость. Эти событія сильно способствовали русской колонизаціи на востокѣ. Инородцы покидали свои прежнія жилища, бѣжали на югъ или удалялись за Волгу, а остатки ихъ, удерживаясь въ прежней землѣ, принимали крещеніе и скоро передѣлывались въ русскихъ. Восточно-русская народная стихія, расширяясь далѣе на востокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимала въ себя иноплеменную кровь и, такимъ образомъ, сохраняя основаніе славянской народности, являлась все болѣе и болѣе смѣшанною съ другими. Такъ развивался и устанавливался типъ великорусскаго народа.

VI.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ.

Въ первой четверти XIII вѣка выдается блестящими чертами дѣятельность князя Мстислава Мстиславича, прозваннаго современниками «Удатнымъ», а позднѣйшими историками «Удалымъ». Эта личность можетъ по справедливости назваться образцомъ характера, какой только могъ выработаться условіями жизни дотатарскаго удѣльно-вѣчевого періода. Этотъ князь пріобрѣлъ знаменитость не тѣмъ, чѣмъ другія передовыя личности того времени, которыхъ жизнеописанія мы представляемъ. Онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не далъ новаго поворота ходу событій, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя. Это былъ, напротивъ, защитникъ старины, охранитель существующаго, борецъ за правду, но за ту правду, которой образъ сложился уже прежде. Его побужденія и стремленія были также неопредѣленны, какъ стремленія, управлявшія его вѣкомъ. Его доблести и недостатки носятъ на себѣ отпечатокъ всего, что̀ въ совокупности выработала удѣльная жизнь. Это былъ лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ; и въ этомъ отношеніи жизнь его выражала современное ему общество.

Въ тѣ времена сынъ наслѣдовалъ въ глазахъ современниковъ честь или безчестіе своего отца. Каковъ былъ отецъ, такимъ заранѣе готовы были считать сына. Этимъ опредѣлялось нравственное значеніе князя при вступленіи его въ дѣятельность. Отъ него всегда ожидали продолженія отцовскихъ дѣлъ, и только дальнѣйшая судьба зависѣла отъ его собственныхъ поступковъ. Отецъ этого князя Мстиславъ Ростиславичъ пріобрѣлъ такую добрую память, какою пользовались рѣдкіе изъ князей. Онъ

былъ сынъ Ростислава Мстиславича смоленскаго князя, правнукъ Мономаха, прославился богатырскою защитою Вышгорода, отбиваясь отъ властолюбивыхъ покушеній Андрея Боголюбскаго, а потомъ,будучи призванъ новгородцами, одержалъ блестящую побѣду надъ чудью, храбро и неутомимо отстаивалъ свободу Великаго Новгорода и пользовался восторженною любовью новгородцевъ. Въ 1180 году онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Новгородѣ и былъ единственный изъ выбранныхъ новгородскихъ князей, которымъ досталась честь быть погребеннымъ въ св. Софіи. Память его до такой степени была драгоцѣнна для новгородцевъ, что гробъ его сталъ предметомъ поклоненія и онъ впослѣдствіи причисленъ былъ къ лику святыхъ. Современники прозвали его «Храбрымъ», и это названіе осталось за нимъ въ исторіи. И не только храбростью — отличался онъ и благочестіемъ и дѣлами милосердія, — всѣми качествами, которыми въ глазахъ его вѣка могла украшаться княжеская личность. До какой степени современники любили этого князя—показываетъ отзывъ лѣтописца: кромѣ общихъ похвалъ, воздаваемыхъ и другимъ князьямъ по лѣтописному обычаю, говоря о немъ, лѣтописецъ употребляетъ такія выраженія, которыя явно могутъ быть отнесены только къ нему одному: «Онъ всегда порывался на великія дѣла. И не было земли въ Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила его. И не можетъ вся земля русская забыть доблести его. И черные-клобуки не могутъ забыть приголубленія его». Эта-то слава родителя, эта-то любовь къ нему новгородцевъ и всей русской земли проложили путь къ еще большей славѣ его сыну.

Мстиславъ Мстиславичъ дѣлается извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что, помогая дядѣ своему Рюрику противъ черниговскаго князя Всеволода, храбро защищалъ противъ него Торческъ, но принужденъ былъ уйти изъ южной Руси. Онъ получилъ удѣлъ въ Торопцѣ, составлявшемъ часть смоленской земли и долго проживалъ тамъ, не выказавъ себя ничѣмъ особеннымъ. Онъ былъ уже не первой молодости и имѣлъ замужнюю дочь, когда новгородскія смятенія вывели его на блестящее поприще.

Великій Новгородъ давно вошелъ въ тѣсную связь, но вмѣстѣ и въ столкновеніе съ суздальско-ростовскою землею и съ владимирскими князьями, получившими первенство въ этой землѣ. Со времени Андрея Боголюбскаго князья эти стремились наложить руку на Новгородъ, стараясь, чтобы въ Новгородѣ были князья изъ ихъ дома и оставались ихъ подручниками. Новгородъ упорно отстаивалъ свою свободу, но никакъ не могъ развязаться съ владимирскими князьями, потому что въ самомъ Новгородѣ

была партія, ради выгодъ тянувшая къ суздальской землѣ. Къ этому побуждали новгородцевъ ихъ торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бѣдна земледѣльческими произведеніями. Благосостояніе Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущною потребностью находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ такою землею, откуда онъ могъ получать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и разныя сырыя произведенія, служившія предметомъ вывоза за границу, особенно воскъ, и куда съ своей стороны новгородцы могли сбывать заморскіе товары. Кіевская Русь приходила въ упадокъ: она была безпрестанно опустошаема кочевниками и сильно разстроена, какъ княжескими междоусобіями, такъ и пораженіемъ, нанесеннымъ Кіеву Андреемъ Боголюбскимъ; суздальско-ростовская земля, напротивъ, сравнительно съ другими землями, болѣе удалена была отъ нападенія иноплеменниковъ, менѣе страдала отъ междоусобій, приходила въ цвѣтущее состояніе, наполнялась жителями, и естественно стала удобнымъ краемъ для торговли. Притомъ же она была сравнительно ближе къ Новгороду другихъ плодородныхъ земель, и сообщеніе съ нею представляло болѣе удобствъ. Всякая вражда Новгорода съ князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйствѣ Новгорода и его торговыхъ интересахъ; поэтому-то въ Новгородѣ были всегда богатые и вліятельные люди, хотѣвшіе, во что бы то ни стало, находиться въ ладахъ съ этимъ краемъ. Суздальскіе князья хорошо понимали такую зависимость новгородскихъ интересовъ отъ ихъ владѣній, и потому смѣло дозволяли себѣ насильственные поступки по отношенію къ Новгороду. Во все время продолжительнаго княженія суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, Новгородъ не любилъ этого князя, ссорился съ нимъ, но отвязаться отъ него не могъ. Съ своей стороны Всеволодъ, чтобы не ожесточить новгородцевъ, временами льстилъ ихъ самолюбію, оказывалъ наружное уваженіе къ свободѣ Великаго Новгорода, а потомъ, при случаѣ, заставлялъ ихъ чувствовать свою желѣзную руку. Въ 1209 году, угождая благопріятствующей ему партіи, онъ вывелъ изъ Новгорода старшаго своего сына Константина и послалъ другого сына, Святослава, безъ вольнаго избранія, какъ будто желая показать, что имѣетъ право назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Но въ Новгородѣ, кромѣ партіи, которая склонялась ради собственныхъ выгодъ къ суздальскому князю, была постоянно противная партія, которая ненавидѣла вообще князей суздальской земли и не хотѣла, чтобъ оттуда приходили князья на княженіе въ Новгородъ. Эта партія взяла тогда верхъ и обра-

тилась на своихъ противниковъ, — сторонниковъ суздальскихъ князей. Народъ низложилъ посадника Дмитра, обвинилъ его въ отягощеніи людей, разграбилъ и сжегъ дворы богачей, державшихся изъ корысти суздальской партіи; а Всеволодъ, въ отмщеніе за такую народную расправу, приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его волости, отбирать у нихъ товары и не велѣлъ пускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 году.

Въ это время какъ-бы внезапно является въ новгородской землѣ торопецкій князь Мстиславъ. Въ древнихъ извѣстіяхъ не видно, чтобы его призывалъ кто-нибудь. Мстиславъ является борцомъ за правду, а правда для Новгорода была сохраненіе его старинной вольности. Зимою нежданно напалъ Мстиславъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и новоторжскаго посадника, державшагося суздальской стороны, заковалъ, отправилъ въ Новгородъ и приказалъ сказать новгородцамъ такое слово:

«Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ: пришелъ къ вамъ, услыхавши, что князья дѣлаютъ вамъ насиліе; жаль мнѣ своей отчины»!

Новгородцы воодушевились, умолкли партіи, притаились корыстныя побужденія. Всѣ волею - неволею стали заодно. Князя Святослава, сына всеволодова, съ его дворянами посадили подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали къ Мстиславу съ честною рѣчью: «иди, князь, на столъ».

Мстиславъ прибылъ въ Новгородъ и былъ посаженъ на столѣ. Собралось ополченіе новгородской земли: Мстиславъ повелъ его на Всеволода, но когда онъ дошелъ до Плоской—къ нему явились послы Всеволода съ такимъ словомъ отъ своего князя: «Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ; отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и исправлю сдѣланный вредъ».

Всеволодъ былъ остороженъ и умѣлъ во-время уступить. Мстиславу не за что было драться. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ. Мстиславъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши ни капли крови.

Въ слѣдующемъ году (1211), по настоянію Мстислава, былъ смѣненъ новгородскій владыка Митрофанъ, сторонникъ князя суздальскаго. Хотя онъ былъ поставленъ и съ согласія вѣча, но по предложенію Всеволода; и потому его выборъ казался тогда несвободнымъ. Его низложили и сослали въ Торопецъ, наслѣдственный удѣлъ Мстислава. На его мѣсто избрали Антонія изъ Ху-

тынскаго монастыря. Въ мірѣ онъ былъ бояринъ и назывался Добрыня Ядрейковичъ, ходилъ въ Цареградъ на поклоненіе святыни и описалъ свое путешествіе, а по возвращеніи постригся въ монахи; это былъ человѣкъ противный суздальской партіи. Мстиславъ ѣздилъ по новгородской землѣ, учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви; потомъ предпринималъ два похода на Чудь вмѣстѣ со псковичами и торопчанами. Въ первый—взялъ онъ чудскій городъ Оденпе. Во второй—подчинилъ Новгороду всю чудскую землю вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ далъ двѣ трети новгородцамъ, а треть своимъ дворянамъ (дружинѣ).

По возвращеніи Мстислава изъ чудского похода, къ нему пришло приглашеніе изъ южной Руси рѣшить возникшее тамъ междоусобіе. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, дядя Мстислава, умеръ. Черниговскій князь Всеволодъ, прозванный Чермнымъ, выгналъ изъ кіевской земли рюриковыхъ сыновей и племянниковъ, и самъ овладѣлъ Кіевомъ: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Галичѣ народнымъ судомъ повѣсили его родственниковъ Игоревичей; Всеволодъ обвинялъ изгнанныхъ кіевскихъ князей въ соучастіи и принялъ на себя видъ мстителя за казненныхъ. Изгнанники обратились къ Мстиславу. Снова представился Мстиславу случай подняться за правду. Линія Мономаховичей издавна княжила въ Кіевѣ; народная воля земли не разъ заявляла себя въ ихъ пользу. Ольговичи, напротивъ, покушались на Кіевъ и овладѣвали имъ только съ помощью насилія. Мстиславъ собралъ вѣче и сталъ просить новгородцевъ оказать помощь его изгнаннымъ родственникамъ.

Новгородцы въ одинъ голосъ закричали: «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!»

Мстиславъ съ новгородцами и своею дружиною двинулся къ Смоленску. Тамъ присоединились къ нему смольняне. Ополченіе пошло далѣе, но тутъ на дорогѣ новгородцы не поладили съ смольнянами. Одного смольнянина убили въ ссорѣ, а потомъ несогласіе дошло до того, что новгородцы не хотѣли идти далѣе. Какъ ни убѣждалъ ихъ Мстиславъ, новгородцы ничего не слушали; тогда Мстиславъ поклонился имъ и, распростившись съ ними дружелюбно, продолжалъ путь съ своей дружиной и смольнянами.

Новгородцы опомнились. Собралось вѣче. Посадникъ Твердиславъ говорилъ: «братья, какъ наши дѣды и отцы страдали за русскую землю, такъ и мы пойдемъ съ своимъ княземъ». Всѣ опять пошли за Мстиславомъ, догнали его и соединились съ нимъ.

Между тѣмъ оказалось, что убійцы совершили поступокъ, угодный очень многимъ. Правленія Андрея было ненавидимо. Народъ, услыхавши, что его убили, бросился не на убійцъ, а напротивъ сталъ продолжать начатое ими. Боголюбовцы разграбили весь княжій домъ, въ которомъ накоплено было золота, серебра, дорогихъ одеждъ, перебили его дѣтскихъ и мечниковъ (посыльныхъ и стражу), досталось и мастерамъ, которыхъ собиралъ Андрей, заказывая имъ работу.

Грабежъ происходилъ и во Владимирѣ, но тамъ одно духовное лицо, по имени Микулица (быть можетъ тотъ самый попъ Никола, который помогъ въ 1155 году Андрею похитить въ Вышгородѣ икону Богородицы), въ ризахъ прошелъ по городу съ чудотворною иконою; это произвело такое впечатлѣніе, что волненіе улеглось. Вѣсть объ убіеніи Андрея скоро разошлась по землѣ: вездѣ народъ волновался, нападалъ на княжескихъ посадниковъ и тіуновъ, которые всѣмъ омерзѣли способами своего управленія; ихъ домы ограбили, а иныхъ и убили.

Не ранѣе какъ чрезъ шесть дней послѣ смерти князя, владимирцы, какъ-бы опомнившись, порѣшили привезти тѣло убитаго. 5 іюля они отправили игумена богородицкаго монастыря Ѳеодула, съ деместникомъ (уставщикомъ) Лукою и съ носильщиками за тѣломъ въ Боголюбово, а Микулицѣ сказали: собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы, станьте съ образомъ Богородицы передъ Серебряными воротами и ждите князя! — Серебряными воротами назывались тѣ ворота города, которыя выходили на дорогу въ Боголюбово:—съ противоположной стороны были Золотыя ворота.

Народная толпа вышла изъ города. Когда похоронное шествіе стало приближаться, показалось княжеское знамя, послышалось погребальное пѣніе, тогда злоба уступила мѣсто печали; вспомнили, что за умершимъ были не одни дурныя дѣла, но были и добрыя, вспомнили его усердіе къ храмамъ, и оплакивали князя.

Его погребли въ церкви св. Богородицы. Несомнѣнно, что ненависть къ Андрею не была удѣломъ одной незначительной партіи, но была раздѣляема народомъ. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тѣло князя оставалось непогребеннымъ цѣлую недѣлю и народъ, услыхавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убійцъ его, а на его довѣренныхъ и слугъ. Но, съ другой стороны, если поступки этого князя, руководимаго безмѣрнымъ властолюбіемъ, возбудили къ себѣ злобу народа, то все-таки его дѣятельность въ своемъ основаніи со-

гласовалась съ духомъ и характеромъ той земли, которой онъ былъ правителемъ. Это всего яснѣе можно видѣть изъ послѣдующихъ событій и всей исторіи ростовско-суздальскаго края до самаго татарскаго нашествія.

Ростовцы и суздальцы, въ особенности первые, были недовольны Андреемъ за предпочтеніе, оказываемое городу Владиміру и чувство досады тотчасъ прорвалось послѣ смерти Андрея. Первые пригласили племянниковъ Андрея, Ростиславичей, которые, не смѣя явиться во владѣніяхъ дяди, проживали въ рязанской землѣ; а владимірцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшаго въ Черниговѣ. Дошло-было дѣло до междоусобія; ростовцы взяли верхъ, принудили владимірцевъ принять одного изъ Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимірцахъ такъ: «Они наши холопы и каменьщики: мы ихъ городъ сожжемъ или посадника въ немъ отъ себя посадимъ». Но посаженные князья Ростиславичи, угождая однимъ ростовцамъ, вооружили противъ себя несправедливыми поборами и владимірцевъ и всю землю. «Мы вольныхъ князей принимаемъ къ себѣ», говорили владимірцы. По этой причинѣ, когда владимірцы прогнали отъ себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили къ себѣ Михаила, то вся земля была на сторонѣ города Владиміра. Михаилъ вскорѣ умеръ и владимірцы на вѣчѣ выбрали меньшого сына Юрія Долгорукаго Всеволода (крестное имя его было Димитрій). Ростовцы попытались подняться противъ него съ Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошелъ противъ Всеволода рязанскій князь Глѣбъ, однако былъ разбитъ на-голову и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Ростиславичами и ростовскими боярами, которые ихъ поддерживали. Глѣбъ умеръ въ тюрьмѣ. Озлобленіе владимірцевъ противъ Ростиславичей было такъ велико, что они покусились-было ослѣпить ихъ противъ воли Всеволода. Причина этого озлобленія объясняется тѣмъ, что Ростиславичи, вмѣстѣ съ рязанцами, навели на землю половцевъ. Съ тѣхъ поръ волненія надолго утихаютъ въ ростовско-суздальской землѣ. По всему видно, что и въ Ростовѣ партія, ненавидѣвшая городъ Владиміръ, искавшая власти и первенства надъ всею землею, состояла главнымъ образомъ изъ бояръ, которые не могли пріобрѣсти любви всего народа и увлечь его за собою. Въ самомъ Ростовѣ жители вязали бояръ и отдавали ихъ Всеволоду. Послѣ того, какъ съ пораженіемъ рязанцевъ разсѣяна была партія ростовскихъ бояръ, враждебная Всеволоду, Ростовъ оставался спокоенъ. Всеволодъ княжилъ долго (до 1212 года) и во многомъ продолжалъ политику Андрея, хотя поступалъ съ гораздо большею умѣрен-

ностью и мягкостью. Въ ростовско-суздальской землѣ онъ былъ вообще любимъ народомъ. По отношенію къ Новгороду онъ пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и вліяніе надъ нимъ. Но онъ уступалъ новгородцамъ въ случаѣ крайняго упорства съ ихъ стороны и всегда показывалъ видъ, что уважаетъ новгородскую волю. Замѣчательно, при этомъ, что Всеволодъ въ дѣлахъ съ Новгородомъ долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ не по личному побужденію, а по желанію дружины. Такимъ образомъ, когда онъ, неполадивши съ новгородцами, осадилъ Торжокъ и уже готовъ былъ отступить и помириться, дружина кричала: «князь, мы не цѣловаться съ ними пришли», и Торжокъ былъ взятъ и сожженъ. По многимъ чертамъ видно, что мысль о подчиненіи Новгорода была мыслью всей ростовско-суздальской земли, а не однихъ князей ея, и оттого-то впослѣдствіи новгородцы съ такимъ озлобленіемъ воевали не съ одними князьями, а вообще съ суздальцами и ненавидѣли ихъ даже тогда, когда ладили съ ихъ князьями. Съ другой стороны, Всеволодъ поддерживалъ первенство надъ рязанскими князьями, а въ 1208 году, воспользовавшись безурядицей въ рязанской землѣ, посадилъ тамъ сына своего Ярослава. Но такъ какъ разомъ съ этимъ княземъ наводнили рязанскую землю суздальцы и взяли въ свои руки все управленіе, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своихъ князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли изъ терпѣнія, поднялись всею землею, заковали суздальцевъ и засадили въ погреба, гдѣ многіе задохлись. Поэтому Всеволодъ не въ состояніи былъ удержать рязанской земли за собою.

Князь Всеволодъ пользовался уваженіемъ и въ южной Руси, мирилъ между собою ссорившихся южнорусскихъ князей и даже въ отдаленномъ Галичѣ одинъ князь отдавался ему подъ покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобіе, возбужденное главнымъ образомъ новгородцами. Но въ 1219 году, по смерти старшаго сына Всеволода, Константина, посаженъ былъ во Владимирѣ на княженіи второй сынъ его Юрій, и ростовско-суздальская земля до самаго татарскаго нашествія была избавлена отъ княжескихъ междоусобій. Достойно замѣчанія, что въ этой землѣ княжило разомъ нѣсколько князей, братьевъ и племянниковъ Юрія, но всѣ они дѣйствовали за-одно. Всѣ они управляли въ согласіи съ народомъ и самая власть ихъ зависѣла отъ народа. Такимъ образомъ, когда Всеволодъ распредѣлилъ удѣлы между своими сыновьями и Ярославу отдалъ Переяславль-Залѣсскій, то Ярославъ, пріѣхавши въ этотъ городъ и созвавши народъ въ

соборной церкви св. Спаса, сказалъ: «Братья переяславцы! Отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня отдалъ вамъ на руки. Скажите, братья, желаете ли имѣть меня своимъ княземъ?» Переяславцы отвѣчали: «Очень хотимъ, пусть такъ будетъ. Ты нашъ господинъ». И всѣ цѣловали ему крестъ.

Это былъ періодъ благосостоянія восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русскіе не нуждались болѣе въ иностранныхъ мастерахъ: у нихъ были свои зодчіе и иконописцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось тамъ и книжное просвѣщеніе. Ростовскій владыка Кириллъ составилъ книгохранилище; подъ его руководствомъ переводились съ греческаго и переписывались разныя сочиненія, принадлежащія духовной литературѣ. Нѣсколько рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи, показываютъ, что искусство переписыванія доходило до значительнаго изящества. Княжна черниговская Евфросинія, дочь Михаила Всеволодовича, завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учила грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела къ монастырской жизни, а потому вращалась только въ избранномъ кругу духовныхъ, мало проникала въ народную массу, не обнимала жизненныхъ потребностей, но при всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что ростовско-суздальская земля и съ этими бѣдными начатками просвѣщенія стояла тогда выше южныхъ земель, гдѣ прежде появившіеся зачатки всякой умѣлости погибали отъ внутреннихъ неурядицъ и половецкихъ разореній. Время Юрія было также періодомъ значительнаго расширенія Руси на сѣверо-востокъ. На мѣстѣ соединенія рѣкъ: Сухони и Юга построенъ былъ городъ Устюгъ, вскорѣ получившій важное торговое значеніе. Камскіе болгары было-завладѣли имъ, но Юрій разбилъ ихъ, заставилъ заключить миръ, отпустить всѣхъ плѣнниковъ, дать заложниковъ и утвердить миръ клятвою. Съ другой стороны русскіе двигались по Волгѣ, вошли въ землю мордовскую и при сліяніи Оки съ Волгою основали Нижній-Новгородъ. Управляемая многими князьками, Мордва не въ силахъ была устоять противъ натиска русскаго племени; тогда какъ одни мордовскіе князьки искали помощи болгаръ противъ русскихъ, другіе, захваченные въ расплохъ, отдавались русскимъ князьямъ въ подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», т.-е. присягу). Такъ, въ 1228 году князья двухъ мордовскихъ племенъ Мокши и Эрзи: Пуреша и Пургасъ, отчаянно воевали между собою. Пуреша сдѣлался ротникомъ князя Юрія и просилъ у него помощи противъ своего соперника, а Пур-

гасъ приглашалъ къ себѣ на помощь противъ Пуреши болгарскаго князя, но болгарскій князь не успѣлъ ничего сдѣлать, а русскіе вошли въ землю Пургаса Эрзю (называемая въ лѣтописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву въ неприступные дремучіе лѣса. Въ 1230 году Пургасъ покусился-было на Нижній-Новгородъ, но былъ отбитъ, а сынъ Пуреши напалъ на него съ половцами и въ конецъ опустошилъ его волость. Эти событія сильно способствовали русской колонизаціи на востокѣ. Инородцы покидали свои прежнія жилища, бѣжали на югъ или удалялись за Волгу, а остатки ихъ, удерживаясь въ прежней землѣ, принимали крещеніе и скоро передѣлывались въ русскихъ. Восточно-русская народная стихія, расширяясь далѣе на востокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимала въ себя иноплеменную кровь и, такимъ образомъ, сохраняя основаніе славянской народности, являлась все болѣе и болѣе смѣшанною съ другими. Такъ развивался и устанавливался типъ великорусскаго народа.

VI.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ.

Въ первой четверти XIII вѣка выдается блестящими чертами дѣятельность князя Мстислава Мстиславича, прозваннаго современниками «Удатнымъ», а позднѣйшими историками «Удалымъ». Эта личность можетъ по справедливости назваться образцомъ характера, какой только могъ выработаться условіями жизни дотатарскаго удѣльно-вѣчевого періода. Этотъ князь пріобрѣлъ знаменитость не тѣмъ, чѣмъ другія передовыя личности того времени, которыхъ жизнеописанія мы представляемъ. Онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не далъ новаго поворота ходу событій, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя. Это былъ, напротивъ, защитникъ старины, охранитель существующаго, борецъ за правду, но за ту правду, которой образъ сложился уже прежде. Его побужденія и стремленія были также неопредѣленны, какъ стремленія, управлявшія его вѣкомъ. Его доблести и недостатки носятъ на себѣ отпечатокъ всего, что̀ въ совокупности выработала удѣльная жизнь. Это былъ лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ; и въ этомъ отношеніи жизнь его выражала современное ему общество.

Въ тѣ времена сынъ наслѣдовалъ въ глазахъ современниковъ честь или безчестіе своего отца. Каковъ былъ отецъ, такимъ заранѣе готовы были считать сына. Этимъ опредѣлялось нравственное значеніе князя при вступленіи его въ дѣятельность. Отъ него всегда ожидали продолженія отцовскихъ дѣлъ, и только дальнѣйшая судьба зависѣла отъ его собственныхъ поступковъ. Отецъ этого князя Мстиславъ Ростиславичъ пріобрѣлъ такую добрую память, какою пользовались рѣдкіе изъ князей. Онъ

былъ сынъ Ростислава Мстиславича смоленскаго князя, правнукъ Мономаха, прославился богатырскою защитою Вышгорода, отбиваясь отъ властолюбивыхъ покушеній Андрея Боголюбскаго, а потомъ,будучи призванъ новгородцами, одержалъ блестящую побѣду надъ чудью, храбро и неутомимо отстаивалъ свободу Великаго Новгорода и пользовался восторженною любовью новгородцевъ. Въ 1180 году онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Новгородѣ и былъ единственный изъ выбранныхъ новгородскихъ князей, которымъ досталась честь быть погребеннымъ въ св. Софіи. Память его до такой степени была драгоцѣнна для новгородцевъ, что гробъ его сталъ предметомъ поклоненія и онъ впослѣдствіи причисленъ былъ къ лику святыхъ. Современники прозвали его «Храбрымъ», и это названіе осталось за нимъ въ исторіи. И не только храбростью — отличался онъ и благочестіемъ и дѣлами милосердія, — всѣми качествами, которыми въ глазахъ его вѣка могла украшаться княжеская личность. До какой степени современники любили этого князя—показываетъ отзывъ лѣтописца; кромѣ общихъ похвалъ, воздаваемыхъ и другимъ князьямъ по лѣтописному обычаю, говоря о немъ, лѣтописецъ употребляетъ такія выраженія, которыя явно могутъ быть отнесены только къ нему одному: «Онъ всегда порывался на великія дѣла. И не было земли въ Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила его. И не можетъ вся земля русская забыть доблести его. И черные клобуки не могутъ забыть приголубленія его». Эта-то слава родителя, эта-то любовь къ нему новгородцевъ и всей русской земли проложили путь къ еще большей славѣ его сыну.

Мстиславъ Мстиславичъ дѣлается извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что, помогая дядѣ своему Рюрику противъ черниговскаго князя Всеволода, храбро защищалъ противъ него Торческъ, но принужденъ былъ уйти изъ южной Руси. Онъ получилъ удѣлъ въ Торопцѣ, составлявшемъ часть смоленской земли и долго проживалъ тамъ, не выказавъ себя ничѣмъ особеннымъ. Онъ былъ уже не первой молодости и имѣлъ замужнюю дочь, когда новгородскія смятенія вывели его на блестящее поприще.

Великій Новгородъ давно вошелъ въ тѣсную связь, но вмѣстѣ и въ столкновеніе съ суздальско-ростовскою землею и съ владимирскими князьями, получившими первенство въ этой землѣ. Со времени Андрея Боголюбскаго князья эти стремились наложить руку на Новгородъ, стараясь, чтобы въ Новгородѣ были князья изъ ихъ дома и оставались ихъ подручниками. Новгородъ упорно отстаивалъ свою свободу, но никакъ не могъ развязаться съ владимирскими князьями, потому что въ самомъ Новгородѣ

была партія, ради выгодъ тянувшая къ суздальской землѣ. Къ этому побуждали новгородцевъ ихъ торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бѣдна земледѣльческими произведеніями. Благосостояніе Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущною потребностью находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ такою землею, откуда онъ могъ получать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и разныя сырыя произведенія, служившія предметомъ вывоза за границу, особенно воскъ, и куда съ своей стороны новгородцы могли сбывать заморскіе товары. Кіевская Русь приходила въ упадокъ: она была безпрестанно опустошаема кочевниками и сильно разстроена, какъ княжескими междоусобіями, такъ и пораженіемъ, нанесеннымъ Кіеву Андреемъ Боголюбскимъ; суздальско-ростовская земля, напротивъ, сравнительно съ другими землями, болѣе удалена была отъ нападенія иноплеменниковъ, менѣе страдала отъ междоусобій, приходила въ цвѣтущее состояніе, наполнялась жителями, и естественно стала удобнымъ краемъ для торговли. Притомъ же она была сравнительно ближе къ Новгороду другихъ плодородныхъ земель, и сообщеніе съ нею представляло болѣе удобствъ. Всякая вражда Новгорода съ князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйствѣ Новгорода и его торговыхъ интересахъ; поэтому-то въ Новгородѣ были всегда богатые и вліятельные люди, хотѣвшіе, во что бы то ни стало, находиться въ ладахъ съ этимъ краемъ. Суздальскіе князья хорошо понимали такую зависимость новгородскихъ интересовъ отъ ихъ владѣній, и потому смѣло дозволяли себѣ насильственные поступки по отношенію къ Новгороду. Во все время продолжительнаго княженія суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, Новгородъ не любилъ этого князя, ссорился съ нимъ, но отвязаться отъ него не могъ. Съ своей стороны Всеволодъ, чтобы не ожесточить новгородцевъ, временами льстилъ ихъ самолюбію, оказывалъ наружное уваженіе къ свободѣ Великаго Новгорода, а потомъ, при случаѣ, заставлялъ ихъ чувствовать свою желѣзную руку. Въ 1209 году, угождая благопріятствующей ему партіи, онъ вывелъ изъ Новгорода старшаго своего сына Константина и послалъ другого сына, Святослава, безъ вольнаго избранія, какъ будто желая показать, что имѣетъ право назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Но въ Новгородѣ, кромѣ партіи, которая склонялась ради собственныхъ выгодъ къ суздальскому князю, была постоянно противная партія, которая ненавидѣла вообще князей суздальской земли и не хотѣла, чтобъ оттуда приходили князья на княженіе въ Новгородъ. Эта партія взяла тогда верхъ и обра-

тилась на своихъ противниковъ, — сторонниковъ суздальскихъ князей. Народъ низложилъ посадника Дмитра, обвинилъ его въ отягощенiи людей, разграбилъ и сжегъ дворы богачей, державшихся изъ корысти суздальской партiи; а Всеволодъ, въ отмщенiе за такую народную расправу, приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его волости, отбирать у нихъ товары и не велѣлъ пускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 году.

Въ это время какъ-бы внезапно является въ новгородской землѣ торопецкiй князь Мстиславъ. Въ древнихъ извѣстiяхъ не видно, чтобы его призывалъ кто-нибудь. Мстиславъ является борцомъ за правду, а правда для Новгорода была сохраненiе его старинной вольности. Зимою нежданно напалъ Мстиславъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и новоторжскаго посадника, державшагося суздальской стороны, заковалъ, отправилъ въ Новгородъ и приказалъ сказать новгородцамъ такое слово:

«Кланяюсь св. Софiи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ къ вамъ, услыхавши, что князья дѣлаютъ вамъ насилiе; жаль мнѣ своей отчины»!

Новгородцы воодушевились, умолкли партiи, притаились корыстныя побужденiя. Всѣ волею-неволею стали заодно. Князя Святослава, сына всеволодова, съ его дворянами посадили подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали къ Мстиславу съ честною рѣчью: «иди, князь, на столъ».

Мстиславъ прибылъ въ Новгородъ и былъ посаженъ на столѣ. Собралось ополченiе новгородской земли: Мстиславъ повелъ его на Всеволода, но когда онъ дошелъ до Плоской—къ нему явились послы Всеволода съ такимъ словомъ отъ своего князя: «Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ; отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и исправлю сдѣланный вредъ».

Всеволодъ былъ остороженъ и умѣлъ во-время уступить. Мстиславу не за что было драться. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ. Мстиславъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши ни капли крови.

Въ слѣдующемъ году (1211), по настоянiю Мстислава, былъ смѣненъ новгородскiй владыка Митрофанъ, сторонникъ князя суздальскаго. Хотя онъ былъ поставленъ и съ согласiя вѣча, но по предложенiю Всеволода; и потому его выборъ казался тогда несвободнымъ. Его низложили и сослали въ Торопецъ, наслѣдственный удѣлъ Мстислава. На его мѣсто избрали Антонiя изъ Ху-

тынскаго монастыря. Въ мірѣ онъ былъ бояринъ и назывался Добрыня Ядрейковичъ, ходилъ въ Цареградъ на поклоненіе святыни и описалъ свое путешествіе, а по возвращеніи постригся въ монахи; это былъ человѣкъ противный суздальской партіи. Мстиславъ ѣздилъ по новгородской землѣ, учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви; потомъ предпринималъ два похода на Чудь вмѣстѣ со псковичами и торопчанами. Въ первый—взялъ онъ чудскій городъ Оденпе. Во второй—подчинилъ Новгороду всю чудскую землю вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ далъ двѣ трети новгородцамъ, а треть своимъ дворянамъ (дружинѣ).

По возвращеніи Мстислава изъ чудского покода, къ нему пришло приглашеніе изъ южной Руси рѣшить возникшее тамъ междоусобіе. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, дядя Мстислава, умеръ. Черниговскій князь Всеволодъ, прозванный Чермнымъ, выгналъ изъ кіевской земли рюриковыхъ сыновей и племянниковъ, и самъ овладѣлъ Кіевомъ: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Галичѣ народнымъ судомъ повѣсили его родственниковъ Игоревичей; Всеволодъ обвинялъ изгнанныхъ кіевскихъ князей въ соучастіи и принялъ на себя видъ мстителя за казненныхъ. Изгнанники обратились къ Мстиславу. Снова представился Мстиславу случай подняться за правду. Линія Мономаховичей издавна княжила въ Кіевѣ; народная воля земли не разъ заявляла себя въ ихъ пользу. Ольговичи, напротивъ, покушались на Кіевъ и овладѣвали имъ только съ помощью насилія. Мстиславъ собралъ вѣче и сталъ просить новгородцевъ оказать помощь его изгнаннымъ родственникамъ.

Новгородцы въ одинъ голосъ закричали: «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!»

Мстиславъ съ новгородцами и своею дружиною двинулся къ Смоленску. Тамъ присоединились къ нему смольняне. Ополченіе пошло далѣе, но тутъ на дорогѣ новгородцы не поладили съ смольнянами. Одного смольнянина убили въ ссорѣ, а потомъ несогласіе дошло до того, что новгородцы не хотѣли идти далѣе. Какъ ни убѣждалъ ихъ Мстиславъ, новгородцы ничего не слушали; тогда Мстиславъ поклонился имъ и, распростившись съ ними дружелюбно, продолжалъ путь съ своей дружиной и смольнянами.

Новгородцы опомнились. Собралось вѣче. Посадникъ Твердиславъ говорилъ: «братья, какъ наши дѣды и отцы страдали за русскую землю, такъ и мы пойдемъ съ своимъ княземъ». Всѣ опять пошли за Мстиславомъ, догнали его и соединились съ нимъ.

Они повоевали города черниговскіе по Днѣпру, взяли приступомъ Рѣчицу, подошли подъ Вышгородъ. Тутъ произошла схватка. Мстиславъ одолѣлъ. Двое князей ольгова племени попались въ плѣнъ. Вышегородцы отворили ворота. Тогда Всеволодъ Чермный увидѣлъ, что дѣло его проиграно, и бѣжалъ за Днѣпръ, а кіевляне отворили ворота и поклонились князю Мстиславу. На кіевскомъ столѣ былъ посаженъ его двоюродный братъ Мстиславъ Романовичъ. Установивши рядъ въ Кіевѣ, Мстиславъ отправился къ Чернигову, простоялъ подъ городомъ двѣнадцать дней, заключилъ миръ и взялъ со Всеволода дары, какъ съ побѣжденнаго.

Онъ со славою вернулся въ Новгородъ, и самъ великій Новгородъ возвышался его подвигами, такъ какъ новгородская сила рѣшала судьбу отдаленныхъ русскихъ областей.

Но у Мстислава было слишкомъ много охоты къ трудамъ и подвигамъ, притомъ не по душѣ ему было и то, что въ Новгородѣ не исчезала партія, расположенная къ суздальской землѣ. Явилось ко Мстиславу посольство изъ Польши, куда уже проникла его слава. Краковскій князь Лешко приглашалъ его отнять Галичъ у венгровъ, которые, пользуясь смутами въ галицкой землѣ, посадили тамъ своего королевича.

Мстиславъ на вѣчѣ поклонился Великому Новгороду и сказалъ: «Есть у меня дѣла на Руси; а вы вольны въ князьяхъ».

Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Галичъ съ дружиною.

Въ Галичѣ именемъ несовершеннолѣтняго венгерскаго королевича Коломана правили венгерскій воевода Бенедиктъ Лысый и бояринъ Судиславъ, глава боярской партіи, призвавшей венгровъ. Мстиславъ выгналъ ихъ обоихъ изъ Галича, сѣлъ въ этомъ городѣ и обручилъ дочь свою Анну за Данила, княжившаго во Владимирѣ-Волынскомъ. Данило былъ сынъ Романа, два раза княжившаго въ Галичѣ, и самъ въ юности уже не разъ былъ призываемъ и изгоняемъ галичанами.

Скоро пришлось Мстиславу поссориться съ Лешкомъ, который пригласилъ его въ Галичъ. Князь Данило обратился къ Мстиславу съ жалобою на Лешка, что онъ захватилъ себѣ часть волынской земли, и просилъ содѣйствія, чтобъ отнять у него свое достояніе. Мстиславъ, всегда вѣрный данному слову, отвѣчалъ: «Лешко мой другъ, я не могу подняться на него; ищи себѣ иныхъ друзей!» Тогда Данило расправился самъ и отнялъ у польскаго князя присвоенный имъ край. Лешко думалъ, что Мстиславъ мирволитъ поступкамъ своего зятя, заключилъ союзъ съ венграми и сталъ воевать разомъ и противъ Мстислава и противъ Данила. Мстиславовы воеводы, которые должны

были первые отражать враговъ, вели дѣла плохо и сдали венграмъ и полякамъ Перемышль и Городокъ (Гродекъ). Мстиславъ оставилъ оборонять Галичъ князя Данила и его двоюроднаго брата Александра Бѣльзскаго, а самъ сталъ на Зубри. Александръ не послушалъ и ушелъ, а Данило храбро отбивался въ городѣ; но когда враги, оставивши осаду, двинулись на Мстислава, Мстиславъ приказалъ Данилу выдти изъ Галича. Данило геройски пробивался сквозь непріятельскую силу съ бояриномъ Глѣбомъ Зеремѣевичемъ и другими и съ большимъ трудомъ, терпя при этомъ голодъ, соединился съ Мстиславомъ. Похваливъ зятя за мужество, Мстиславъ сказалъ ему: «иди, князь, теперь въ свой Владимиръ, а я пойду къ половцамъ, будемъ мстить за свое посрамленіе.»

Но Мстиславъ отправился не къ половцамъ, а на сѣверъ. Пришла къ нему вѣсть, что князья опять творятъ насиліе надъ его дорогимъ Новгородомъ, и онъ поспѣшилъ выручить его изъ бѣды.

По уходѣ Мстислава изъ Новгорода, тамъ взяла верхъ суздальская партія: руководимая торговыми интересами, она рѣшила призвать къ себѣ княземъ одного изъ сыновей всеволодовыхъ Ярослава, человѣка нрава крутого. Къ нему отправились посадникъ, тысячскій и десять старѣйшихъ купцовъ. Владыка Антоній, хотя и не расположенный внутренно къ такой перемѣнѣ, долженъ былъ встрѣчать новаго князя съ почетомъ.

Этотъ князь тотчасъ же началъ расправляться съ недоброжелателями и противниками, приказалъ схватить двухъ изъ нихъ, Якуна Зуболомича и Ѳому Доброщинича новоторжскаго посадника, и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь; затѣмъ, по наущенію Ярослава на вѣчѣ, сторонники его разграбили домъ тысячскаго Якуна, схватили жену его, и князь взялъ подъ стражу его сына. Противная ему партія взволновалась. Пруссы (жители прусской улицы) убили Евстрата и сына его Луготу, вѣроятно сторонниковъ Ярослава. Разсерженный такою народною расправою, Ярославъ оставилъ на Городищѣ намѣстника Хотя Григоровича, а самъ ушелъ въ Торжокъ и задумалъ большое дѣло «обратить Торжокъ въ Новгородъ».

Городъ Новый Торгъ или Торжокъ; новгородскій пригородъ, въ предшествовавшее время получилъ важное торговое значеніе. Новоторжцы стали соперничать съ новгородцами и естественно желали большей или меньшей независимости отъ Новгорода. Положеніе Торжка было таково, что добрыя отношенія съ суздальской землею были для его жителей крайнею необходимостью. Какъ

только у Новгорода наступалъ разладъ съ суздальскими князьями и начинались враждебныя дѣйствія со стороны послѣднихъ противъ Новгорода, прежде всего доставалось Торжку: суздальскіе князья захватывали этотъ пограничный городъ новгородской земли. Такъ въ 1181 году Всеволодъ Юрьевичъ, разсорившись съ новгородцами, не въ силахъ былъ добраться до самаго Новгорода, но взялъ Новый Торгъ и разорилъ его. И прежде бывали примѣры, что тѣ новгородскіе князья, которые были подручниками суздальскихъ князей, будучи изгнаны изъ Новгорода, уходили въ Торжокъ, и находили себѣ тамъ упоръ, чтобы съ помощью получаемою изъ суздальской земли вредить Новгороду. (Такъ въ 1196 году поступилъ князь Ярославъ Владимировичъ). На этотъ разъ Ярославъ Всеволодовичъ поступалъ рѣшительнѣе. У него уже былъ примѣръ въ суздальской землѣ, гдѣ князья подняли значеніе пригорода Владимира и унизили достоинство старыхъ городовъ: Ростова и Суздаля. По примѣру отца и дяди, Ярославъ хотѣлъ произвести то же въ новгородской землѣ: сдѣлать Новый Торгъ столицею земли, а Новгородъ низвести на степень пригорода. Обстоятельства помогали ему. Въ новгородской землѣ морозъ побилъ хлѣбъ; сдѣлалась дороговизна, страшная для бѣдныхъ людей. Ярославъ не пускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Въ Новгородѣ начался голодъ. Родители изъ-за куска хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство. Люди умирали съ голоду на площадяхъ, на улицахъ; мертвые валялись по дорогамъ и собаки терзали ихъ. Новгородцы послали къ князю Ярославу просить его къ себѣ, но Ярославъ ничего не отвѣчалъ имъ и задержалъ посланныхъ. Новгородцы вторично послали къ этому князю съ такою рѣчью: «Иди въ свою отчину къ св. Софіи, а не хочешь идти — такъ скажи». Ярославъ снова задержалъ посланныхъ и ничего не сказалъ Новгороду, но на этотъ разъ только позаботился о томъ, что бы вывезти оттуда свою жену, дочь Мстислава Мстиславича. Онъ велѣлъ останавливать на дорогахъ новгородскихъ гостей и держалъ ихъ въ Торжкѣ. Тогда, по словамъ лѣтописца, въ Новгородѣ была великая печаль и вопль.

Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ снова явился Мстиславъ выручать Великій Новгородъ, счастливо избѣгнувъ отряда изъ ста новгородцевъ посланнаго Ярославомъ не допускать Мстислава до города. Этотъ отрядъ самъ передался Мстиславу. 11 февраля 1216 года Удалой прибылъ въ Новгородъ, приказалъ схватить и заковать ярославовыхъ дворянъ, пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ на вѣче, поцѣловалъ крестъ Великому Новгороду и

сказалъ: «Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій Новгородъ!».— «На жизнь и на смерть готовы съ тобой!», отвѣчали новгородцы.

Прежде всего Мстиславъ отправилъ къ Ярославу священника Юрія, изъ церкви Іоанна на Торговищѣ, съ такою рѣчью: «Сынъ мой, отпусти мужей и гостей новгородскихъ, уйди изъ Новаго Торга и возьми со мною любовь!». Ярославъ не только отпустилъ священника безъ мирнаго слова, но, какъ-бы въ поруганіе надъ требованіемъ своего тестя, приказалъ заковать захваченныхъ новгородцевъ и отправить въ заточеніе по разнымъ городамъ, а товары и имущество роздалъ своей дружинѣ. Число такихъ узниковъ, вѣроятно преувеличенное, лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ.

Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Новгородъ, Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился посреди народа и сказалъ:

«Идемъ, братья, поищемъ мужей своихъ, вашу братью, вернемъ волости ваши, да не будетъ Новый Торгъ Великимъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! Гдѣ св. Софія—тутъ и Новгородъ; и въ многомъ Богъ и въ маломъ Богъ и правда!»

Новгородцы были не одни. По призыву Мстислава за нихъ шли псковичи съ братомъ Мстислава Владиміромъ, а впослѣдствіи присоединились и смольняне съ племянникомъ Мстислава Владиміромъ Рюриковичемъ. На счастье новгородцамъ, въ самой суздальской землѣ послѣ смерти Всеволода Юрьевича, шелъ тогда споръ между старшимъ сыномъ его Константиномъ ростовскимъ и меньшимъ Юріемъ, которому отецъ, вопреки правамъ старшаго брата, завѣщалъ старѣйшинство въ суздальской землѣ. Мстиславъ объявилъ, что, защищая новгородское дѣло, онъ въ то же время заступается за правду и въ суздальской землѣ хочетъ возстановить права старѣйшаго брата.

1-го марта 1216 года ополченіе двинулось въ походъ черезъ Селигеръ, а дня черезъ два нѣсколько знатныхъ новгородцевъ бѣжало къ Ярославу, забравъ съ собою свои семьи, которымъ бы пришлось плохо отъ народнаго негодованія. Проходя черезъ торопецкую землю, Мстиславъ позволилъ своимъ воинамъ собирать кормъ для себя и лошадей, но строго запрещалъ трогать людей. Братъ Ярослава Святославъ прибылъ-было помогать брату, но Мстиславъ прогналъ его отъ Ржева. Слѣдуя далѣе, Мстиславъ взялъ Зубцовъ, на рѣкѣ Вазузѣ соединился съ смольнянами, и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ, послалъ, отъ имени своего,

союзныхъ князей и Новгорода, предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: «Не хочу мира; пошли, такъ идите — сто нашихъ будетъ на одного вашего!»

«Ты, Ярославъ, съ силою, а мы съ крестомъ!», сказали тогда между собою союзные князья.

Новгородцы кричали: «Идти къ Торжку!». — «Нѣтъ, не къ Торжку», отвѣчалъ Мстиславъ. «Если пойдемъ къ Торжку, то опустошимъ новгородскую землю; пойдемъ лучше къ Переяславлю; есть у насъ тамъ третій другъ».

Новгородцы не знали, гдѣ Ярославъ: въ Твери или Торжкѣ; пошли къ Твери и начали разорять и жечь села. Ярославъ услыхалъ объ этомъ и ушелъ въ Тверь, но узнавши, что враги идутъ дальше въ суздальскую землю, убѣжалъ въ Переяславль. Мстиславъ отправилъ боярина Явольда къ Константину ростовскому съ вѣстью, а самъ съ новгородцами шелъ въ саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шешю и Дубну, а псковичи и смольняне взяли городъ Коснятинъ. По дорогѣ къ нимъ прибылъ посланный отъ Константина съ поклономъ. Онъ посылалъ союзникамъ 500 человѣкъ ратниковъ въ помощь. Скоро ледъ сталъ таять. Они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю, провѣдавши, что Ярославъ уже тамъ. У городища на рѣкѣ Сарѣ апрѣля 9-го, въ великую субботу, пришелъ къ нимъ Константинъ съ своими ростовцами. Князья взаимно цѣловали крестъ, отрядили псковичей къ Ростову, а сами, отпраздновавъ пасху, подошли къ Переяславлю. Ярослава уже тамъ не было: онъ ушелъ къ брату Юрію во Владиміръ, гдѣ готовилось большое ополченіе.

Вся суздальская земля вооружилась; изъ селъ погнали на войну земледѣльцевъ. Къ суздальцамъ пристали муромцы, городчане и бродники (послѣднимъ именемъ назывались сбродныя шайки восточныхъ степей). «Сынъ шелъ на отца, братъ на брата, рабы на господъ», говоритъ лѣтописецъ, намекая на то, что въ суздальскомъ ополченіи были новоторжцы и даже новгородцы, съ новгородцами противъ суздальской земли шли ростовцы съ своимъ княземъ.

Собранное суздальское ополченіе расположилось на рѣкѣ Гзѣ; Мстиславъ съ новгородцами и Владиміръ со псковичами стали у Юрьева, а Константинъ съ ростовцами сталъ на рѣкѣ Липицѣ. Мстиславъ послалъ сотскаго Ларіона къ Юрію:

«Кланяемся тебѣ, отъ тебя намъ нѣтъ обиды. Обида намъ отъ Ярослава».

Князь Юрій отвѣчалъ: «Мы одинъ человѣкъ съ братомъ Ярославомъ».

Тогда Мстиславъ послалъ того же Ларіона къ Ярославу съ такимъ словомъ: «Освободи мужей моихъ новгородцевъ и новоторжцевъ, верни волости новгородскія, чтó ты занялъ, Волокъ отдай; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, а крови проливать не будемъ».

Ярославъ отвѣчалъ: «Мира не хотимъ; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, какъ рыбы на сухо».

Услышали отъ Ларіона рѣчь эту новгородцы и Мстиславъ опять послалъ сказать князьямъ: «Братья Юрій и Ярославъ! Мы пришли не кровь проливать; не дай Богъ дойти до этого; мы пришли управиться между собою; мы одного племени: дадимъ старѣйшинство Константину и посадимъ его во Владимирѣ, а вамъ вся суздальская земля».

«Скажи братьямъ нашимъ Мстиславу и Владимиру,—отвѣчали Ярославъ и Юрій, «придти-то вы пришли, а куда-то думаете уйти? а брату Константину скажи: Пересиль насъ: твоя будетъ вся земля»!.

Самонадѣянные суздальскіе князья заранѣе хвалились будущею побѣдою и учредили у себя въ шатрѣ пиръ съ боярами. Нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ смущало то, что на сторонѣ противниковъ была правда, освященная старыми обычаями. Одинъ изъ нихъ, Творимиръ, обратился къ князьямъ съ такою рѣчью:

«Князья Юрій и Ярославъ! Меньшая братья въ вашей воли; но, какъ по моему гаданію,—то лучше бы вамъ взять миръ и дать старѣйшинство Константину! Не смотрите, что ихъ меньше, чѣмъ нашихъ; ростиславова племени князья мудры, рядны и храбры, и мужи ихъ новгородцы и смольняне дерзки въ бою; а про Мстислава Мстиславича сами знаете, что храбрость дана ему паче всѣхъ; подумайте, господа».

Молодымъ князьямъ не полюбилась такая рѣчь. За то другіе бояре, помоложе, льстили имъ и говорили такъ: «Князья Юрій и Ярославъ! Никогда того не бывало, ни при отцахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ, чтобы кто вошелъ ратью въ сильную суздальскую землю и вышелъ бы изъ нея цѣлъ; да хоть бы вся русская земля пошла на насъ: и галицкая, и кіевская, и смоленская, и черниговская и новгородская и рязанская, да и тогда ничего съ нами не подѣлаютъ; а что эти полки,—тамъ мы ихъ сѣдлами закидаемъ!»

Понравились такія слова князьямъ. Они созвали бояръ и начальныхъ людей и сказали имъ такую рѣчь:

«Самъ товаръ пришелъ въ руки: достанутся вамъ кони, брони, платье; а кто человѣка возьметъ живьемъ,—самъ убитъ будетъ; хоть у кого и золотомъ будетъ шито оплечье,—и того бей; двойная отъ насъ будетъ награда! Не оставимъ живымъ никого. А кто изъ полку убѣжитъ, да поймаемъ его, того прикажемъ вѣшать и распинать; а кто изъ князей попадетъ къ намъ въ руки, такъ ужъ мы о нихъ тогда потолкуемъ».

Отпустивши людей, князья вернулись въ свой шатеръ и въ несомнѣнной надеждѣ на побѣду стали дѣлить между собою волости побѣжденныхъ; и сказалъ Юрій: «Мнѣ, братъ Ярославъ, володимирскую и ростовскую землю, а тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дадимъ черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же!» Лѣтописецъ говоритъ, что они даже писали грамоты въ такомъ смыслѣ, и эти грамоты, послѣ одержанной надъ ними побѣды, попали въ руки смольнянамъ.

Мстиславъ съ новгородцами, псковичами и смольнянами стоялъ все еще у Юрьева. Онъ не совсѣмъ довѣрялъ ростовскому князю; хотя общіе виды соединили ростовскаго князя съ новгородцами, но онъ все-таки былъ одинъ изъ суздальскихъ князей и если бы братья съ нимъ поладили, то и онъ, быть можетъ, пошелъ бы за-одно съ ними, когда дѣло приняло бы исключительно смыслъ борьбы всей суздальской земли съ новгородской.

Вечеромъ послѣ пира, происходившаго у суздальскихъ князей, прибылъ отъ нихъ ко Мстиславу гонецъ съ приглашеніемъ выступать на бой къ Липицѣ. Война имѣла видъ какъ-бы поединка; враги сходились на бой въ заранѣе условленное мѣсто.

Мстиславъ и его союзники пригласили тотчасъ Константина, потолковали съ нимъ обстоятельно и привели къ крестному цѣлованію: онъ присягнулъ въ томъ, что не перейдетъ къ братьямъ и не измѣнитъ союзникамъ. Вслѣдъ за тѣмъ ночью новгородцы и ихъ союзники двинулись къ Липицѣ.

Суздальскіе полки также выступили ночью; въ станѣ Константина заиграли на трубахъ и ратники его дружно крикнули. Тогда, если вѣрить новгородскому сказанію, на суздальцевъ нашелъ переполохъ и сами князья, такъ недавно въ воображеніи дѣлившіе между собою волости побѣжденныхъ, чуть-было не побѣжали.

На разсвѣтѣ новгородцы съ союзниками были уже на Липицѣ. Враговъ, вызывавшихъ ихъ на бой въ это мѣсто, гдѣ была равнина, тамъ не было: они перешли черезъ лѣсъ и стали на горѣ, которая называлась Авдова гора. Тогда новгородцы и

ихъ союзники также пошли отъ рѣки Липицы въ сторону и стали на горѣ, которая называлась Юрьева. Внизу подъ нею протекалъ ручей, называемый Тунегъ, а на другой сторонѣ долины была гора Авдова, гдѣ стояли суздальцы. Нѣсколько времени враги смотрѣли другъ на друга при утреннемъ солнцѣ и не начинали битвы. Мстиславъ все еще сохранялъ видъ, что вышелъ на брань только по крайней необходимости, что виною всему упрямство и несправедливость суздальскихъ князей, и что онъ самъ всегда предпочитаетъ миръ брани. Онъ еще разъ отправилъ къ Юрію трехъ мужей съ такимъ словомъ:

«Дай миръ, а не дашь мира, то либо вы отсюда отступите на ровное мѣсто и мы на васъ пойдемъ, либо мы отступимъ къ Липицѣ, а вы на насъ нападайте».

Юрій отвѣчалъ:

«Мира не принимаю и не отступлю; вы прошли черезъ нашу землю, такъ развѣ этой заросли не перейдете».

Суздальскіе князья приказали внизу заплести плетень и вбить кольевъ: они думали, что враги ударятъ на нихъ ночью.

Получивъ отвѣтъ отъ Юрія, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ, удалую молодежь, и пустилъ ихъ открывать битву. Молодцы бились усердно до вечера: тогда былъ большой вѣтеръ и сдѣлалось очень холодно. Воины Мстислава досадовали, что враги уклоняются отъ рѣшительнаго боя.

Утромъ союзники рѣшили идти къ Владиміру и начали сниматься.

Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ лагерѣ суету и стремительно стали сходить съ горы, думая ударить новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ; но новгородцы тотчасъ обратились на нихъ.

Тутъ князья начали держать совѣтъ. Ростовскій князь сказалъ: «Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ возьмутъ въ тылъ, а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города».

Въ отвѣтъ на это Мстиславъ возразилъ: «Братья, гора намъ не можетъ помочь и гора не побѣдитъ насъ; воззрите на силу честнаго креста и на правду: пойдемъ къ нимъ!».

Воодушевленные его словами союзные князья стали устанавливать ратныхъ въ боевой порядокъ. Съ своей стороны суздальцы, видя, что противники нейдутъ далѣе, сами стали устанавливаться. Новгородцы со Мстиславомъ и псковичи съ своимъ княземъ занимали средину, на одномъ краѣ стояли смольняне, на другомъ — ростовцы съ Константиномъ. У Константина были славные витязи Александръ Поповичъ съ слугою Торопомъ и

Добрыня Рѣзаничъ, по прозванію «Золотой Поясъ». Напротивъ псковичей сталъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были бѣжавшіе новгородцы и новоторжцы, съ ними стояли муромцы, городчане и бродники. Противъ Мстислава и новгородцевъ стояла вся суздальская земля съ княземъ Юріемъ, а противъ Константина и ростовцевъ его меньшіе братья.

Мстиславъ, проѣзжая передъ рядами новгородцевъ, говорилъ: «Братья! мы вошли въ землю сильную: воззримъ на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдешь: забудемъ, братья, женъ, дѣтей и дома свои: идите на бой, какъ кому любо умирать, кто на конѣ, кто пѣшій!».

«Мы на коняхъ не хотимъ умирать,—мы будемъ биться пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ!» говорили новгородцы.

Новгородцы сбросили съ себя верхнее платье, сапоги и босые побѣжали впередъ съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали смольняне, но, сбросивъ сапоги, обвили себѣ ноги. Смольнянами предводительствовалъ Иворъ Михайловичъ; онъ ѣхалъ верхомъ, такъ, чтобы его видѣли ратные. За нимъ слѣдовали князья съ дружиною также на коняхъ. Съ противной стороны устремились въ бой пѣшіе ярославовы люди. Иворъ проѣзжалъ черезъ заросль и подъ нимъ споткнулся конь; пѣшіе новгородцы опередили его и сцѣпились съ непріятелемъ: пошли въ дѣло дубины и топоры. Поднялся страшный крикъ. Суздальцы побѣжали; новгородцы подсѣкли стягъ (знамя) Ярослава. Затѣмъ подоспѣлъ Иворъ со смольнянами. Добрались до другого стяга. Князья съ дружинами оставались позади. Тутъ Мстиславъ, увидя, что молодцы зашли слишкомъ далеко и непріятельская сила можетъ окружить и смять ихъ, закричалъ: «не дай-Богъ, братья, выдавать этихъ добрыхъ людей!». И онъ пустился впередъ сквозь свою пѣхоту; за нимъ послѣдовали другіе князья. Настала жестокая сѣча. Юрій и Ярославъ бѣжали, бросивъ свой обозъ. Быть можетъ, это было сдѣлано въ надеждѣ, что противники бросятся на грабежъ, а тѣмъ временемъ можно будетъ обратиться и ударить на нихъ. Но Мстиславъ закричалъ: «братья новгородцы, не бросайтесь на обозъ, а бейте ихъ; не то—они вернутся и смятутъ насъ». Новгородцы послушались и продолжали крѣпко сражаться, а смольняне оставили бой и начали грабить обозъ. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, поражая направо и налѣво топоромъ, который былъ у него привязанъ къ рукѣ поворозкою (снуркомъ).

Все пошло въ разсыпную; много суздальцевъ пало подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ, много утонуло во

время бѣгства, много раненыхъ прибѣжало во Владимиръ, Переяславль, Юрьевъ и тамъ умерло. «Такова-то была», говоритъ лѣтописецъ, «слава Юрія и Ярослава; напрасна была ихъ похвальба: въ прахъ обратились сильные полки ихъ». Семнадцать знаменъ Юрія, тринадцать Ярослава и до ста трубъ и бубенъ достались побѣдителямъ. Шестьдесятъ человѣкъ было взято въ плѣнъ; убитыхъ враговъ лѣтописецъ насчитываетъ 9203, а у новгородцевъ и смольнянъ было убито только 5 человѣкъ: цифры, разумѣется, баснословныя. Несомнѣнно только то, что суздальцы были разбиты на-голову.

Эта замѣчательная битва происходила въ четвергъ 21 апрѣля 1216 года.

Прежде всѣхъ бѣжалъ Ярославъ; Юрій послѣдовалъ за нимъ: онъ загналъ трехъ коней, прискакалъ безъ сѣдла на четвертомъ во Владимиръ въ полдень того-же дня, босой и въ одной рубашкѣ. Въ городѣ оставались одни попы, чернецы, женщины и дѣти, народъ невоинственный. Увидя своихъ, они обрадовались: думали, что возвращаются побѣдители; вѣдь и прежде увѣряли ихъ: «наши одолѣютъ!» Но не побѣдителемъ вернулся Юрій; растерянный ѣздилъ онъ вокругъ стѣнъ города и кричалъ: «укрѣпляйте городъ». Тогда вмѣсто веселія поднялся плачъ. Ввечеру усилилось смятеніе, когда съ несчастнаго побоища стали собираться бѣглецы: кто былъ раненъ, а кто нагъ и босъ. И всю ночь продолжали они сходиться одинъ за другимъ.

На утро князь собралъ вѣче и говорилъ: «братья владимирцы, затворимся въ городѣ и станемъ отбиваться».

«Съ кѣмъ затворимся?» возражали ему. «Братья наши избиты, другіе въ плѣнъ взяты, а тѣ, что прибѣжали, безоружны: съ кѣмъ станемъ на бой?»

«Все это я знаю», говорилъ Юрій. «Прошу только не выдавайте меня, не выдавайте меня ни Мстиславу, ни брату моему Константину! Лучше я самъ по своей волѣ выѣду изъ города». Владимирцы обѣщали.

Союзники подступили къ городу, въ воскресенье 29 апрѣля, и объѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ во Владимирѣ. Новгородцы хотѣли взять городъ приступомъ, но Мстиславъ не пустилъ ихъ; на другую ночь опять сдѣлался пожаръ; смольняне хотѣли идти на приступъ, но ихъ остановилъ князь Владимиръ Рюриковичъ. Неизвѣстно, что̀ было причиною этихъ пожаровъ: случай-ли, зажигательство въ пользу осаждающихъ, или метаніе огня черезъ стѣну. Но послѣ второго

пожара Юрій прислалъ поклонъ князьямъ и велѣлъ сказать: «Не дѣлайте мнѣ зла сегодня; завтра я выѣду изъ города». На утро Юрій съ двумя меньшими братьями явился къ Мстиславу и его союзникамъ и сказалъ: «Братья, кланяюсь вамъ и челомъ бью: животъ оставьте и хлѣбомъ накормите; а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!». Юрій поднесъ дары князьямъ и они помирились съ нимъ.

Мстиславъ далъ такое рѣшеніе: Константину взять Владиміръ, а Юрію отдать Радиловъ-Городецъ.

Немедленно изготовили ладьи и насады. Въ нихъ сѣла дружина князя Юрія; одна ладья ожидала самаго князя съ его женой. Юрій помолился въ послѣдній разъ въ церкви Богородицы, поклонился гробу отца и сказалъ: «Суди Богъ брату моему Ярославу: онъ меня довелъ до этого!» Съ нимъ отправился владыка.

Во Владиміръ въѣхалъ Константинъ. Граждане вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и цѣловали ему крестъ въ вѣрности. Онъ щедро одарилъ своихъ союзниковъ: новгородцевъ, псковичей и смольнянъ.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища бѣжалъ въ Переяславль такъ скоро, что загналъ четырехъ коней, а на пятомъ прискакалъ въ городъ. Въ порывѣ досады онъ приказалъ перековать всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какіе только были въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Новгородцевъ велѣлъ онъ бросить въ погреба и тѣсныя избы; ихъ было человѣкъ полтораста и многіе изъ нихъ задохлись; пятнадцать человѣкъ смольнянъ держали въ заключеніи особо и они всѣ остались живы.

Мстиславъ съ союзниками 3 мая подходилъ къ Переяславлю. Рядомъ съ нимъ шелъ съ своимъ полкомъ и Константинъ. Недопустивши ихъ до Переяславля, Ярославъ самъ добровольно вышелъ и явился къ брату своему Константину.

«Братъ и господинъ», сказалъ онъ: «я въ твоей волѣ; не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владиміру, самъ накорми меня хлѣбомъ».

Константинъ взялся примирить Мстислава съ Ярославомъ. Ярославъ послалъ щедрые дары князьямъ и новгородцамъ. Но Мстиславъ не пошелъ къ городу, не хотѣлъ видѣть Ярослава, а потребовалъ только, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные новгородцы, какіе остались въ живыхъ, были немедленно отпущены на свободу и доставлены къ нему. Требованіе побѣдителя было исполнено. Напрасно по-

слѣ того Ярославъ посылалъ ко Мстиславу съ мольбою отпустить жену. «По правдѣ меня крестъ убилъ!» сознавался онъ. Мстиславъ оставался непреклоненъ и уѣхалъ съ дочерью въ Новгородъ.

Этою побѣдоносною войною Мстиславъ утвердилъ за Новгородомъ высокое нравственное значеніе и показалъ, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ новгородцами установилъ рядъ въ суздальской землѣ, какъ прежде сдѣлалъ онъ это въ кіевской съ тѣми-же новгородцами. Ни одинъ князь не сдѣлалъ того для новгородцевъ, что̀ сдѣлалъ для нихъ Мстиславъ Удалой; но они, какъ показываетъ послѣдующая исторія, мало воспользовались его заслугами.

Въ слѣдующемъ году, оставивъ жену и сына въ Новгородѣ, Мстиславъ ходилъ съ новгородскими боярами въ Кіевъ, быть можетъ для приготовленія къ будущему походу въ Галичъ, а по возвращеніи изъ Кіева въ Новгородъ взялъ подъ стражу Станимира съ сыномъ. Вѣроятно, суздальская партія оживала и противъ Мстислава замышлялись козни. Мстиславъ, впрочемъ, вско̀рѣ отпустилъ его. Тоже вслѣдъ затѣмъ произошло въ Торжкѣ, гдѣ посаженъ былъ сынъ Мстислава Василій. Мстиславъ взялъ тамъ подъ стражу Борислава Некуришинича, но также простилъ его и отпустилъ. Эти случаи показываютъ, что и Мстиславъ, послѣ всего сдѣланнаго имъ для Новгорода, не могъ надѣяться долго оставаться тамъ въ ладу со всѣми: у него были зложелатели. Въ это время скончался въ Торжкѣ сынъ его Василій: тѣло его привезли въ Новгородъ и погребли близь дѣдовскаго гроба въ св. Софіи. Оплакавши сына, удалой князь вскорѣ послѣ того явился на вѣчѣ и сказалъ:

«Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь у гроба отца моего, у св. Софіи»!

Новгородцы упрашивали его остаться съ ними. Все было напрасно. Мстиславъ уѣхалъ, и навсегда. Не привелось ему лечь у св. Софіи.

Галичъ, оставленный Мстиславомъ, находился въ это время въ рукахъ венгровъ. Тамъ снова былъ посаженъ королевичъ Коломанъ, а главнымъ воеводою былъ назначенъ банъ Фильній, который въ лѣтописяхъ нашихъ называется «Филя прегордый». Онъ относился съ крайнимъ презрѣніемъ къ русскимъ, сравнивалъ ихъ съ глиняными горшками, а себя съ камнемъ, приговаривая: «Одинъ камень много горшковъ побиваетъ». Была еще у него и другая поговорка: острый мечъ, борзый конь — много

Руси! (т.-е. покорю). Высокомѣріе его раздражало галичанъ и онъ не довѣрялъ имъ. Мстиславъ Удалой между тѣмъ пригласилъ половцевъ и шелъ на Галичъ (1218). Съ нимъ былъ Владимиръ Рюриковичъ, недавно помогавшій ему въ борьбѣ съ Суздальской землею. Услыхавши объ этомъ, Фильній укрѣпилъ Галичъ и внутри города обратилъ въ крѣпость церковь св. Богородицы, чтó еще болѣе раздражило противъ него русскихъ, видѣвшихъ въ этомъ оскорбленіе святыни. Поляки помогали венграмъ. Не допуская Мстислава до города, Фильній, взявши съ собою галицкаго боярина Судислава и другихъ, вышелъ на встрѣчу Мстиславу. Поляки составляли правую сторону его войска, а галичане и венгры лѣвую. Русская рать также раздѣлилась на двѣ половины. Одною начальствовалъ Мстиславъ, другою—Владимиръ, а половцы стали въ отдаленіи, чтобы ударить на непріятеля тогда, когда сцѣпятся съ ними русскіе. Мстиславъ замѣтилъ, что поляки стоятъ на довольно далекомъ разстояніи отъ венгровъ, сообразилъ чтó слѣдуетъ дѣлать, вдругъ отдѣлился отъ Владимира, и отошелъ на возвышеніе, тамъ онъ укрѣплялъ свою рать именемъ честнаго креста. Владимиръ сильно роптал̃ъ на него за это и говорилъ, что Мстиславъ погубитъ все русское войско. Поляки стремительно ударили на Владимира, обратили его въ бѣгство и погнались за нимъ, такъ что венгерское войско скрылось у него изъ глазъ. Но тогда-то Мстиславъ и половцы разомъ бросились на венгровъ. Сѣча была злая, русскіе побѣдили венгровъ. Самъ Фильній былъ взятъ въ плѣнъ; всѣ его венгры упали духомъ. Поляки, прогнавши Владимира, набравши добычи, возвращались со множествомъ плѣнныхъ и пѣли побѣдныя пѣсни, не зная, чтó сдѣлалось съ союзниками, какъ вдругъ наткнулись на побѣдителей, а съ другой стороны бѣжавшіе русскіе обратились на нихъ же. Поляки были совершенно разбиты. Половцы забирали побѣжденныхъ въ плѣнъ, жадно бросались на лошадей, оружіе и одежды, но русскіе, по приказанію Мстислава, не кидаясь на добычу, били враговъ безъ всякой пощады. Вопль и крики убиваемыхъ достигали до Галича. По всему полю валялись тѣла, никѣмъ не погребаемыя; вода въ рѣкѣ побагровѣла отъ крови.

Мстиславъ, взявши съ собою плѣннаго Фильнія, требовалъ сдачи Галича и обѣщалъ полную пощаду. Самъ Фильній послалъ съ своей стороны совѣтъ сдаться, такъ какъ никакой надежды на побѣду не было. Три раза посылалъ Мстиславъ и предлагалъ сдаться. Но венгры, сидѣвшіе въ Галичѣ, упорствовали и даже выгоняли изъ города галичанъ съ женами и дѣтьми, изъ боязни измѣны и вмѣстѣ *для того,* чтобы не кормить ихъ во время осады. Тогда Мстиславъ

объявилъ, что теперь уже не будетъ никакой пощады осажденнымъ. Венгры, при своей самонадѣянности, такъ были оплошны, что обращали вниманіе только на одни ворота, а между тѣмъ русскіе сдѣлали подкопъ, подземнымъ путемъ проникли въ городъ, отбили отъ воротъ венгровъ, ошеломленныхъ внезапностью, и отворили Мстиславу ворота.

Рано утромъ Мстиславъ вступилъ въ Галичъ. Коломанъ съ женою и знатнѣйшіе венгры съ своими женами заперлись въ церкви св. Богородицы. Мстиславъ подошелъ къ церкви и требовалъ сдачи. Венгры не сдавались. Жажда томила ихъ. Мстиславъ самъ послалъ Коломану сосудъ холодной воды. Венгры благодарили за такое великодушіе, дѣлили между собою воду чуть-ли не по каплѣ, но все-таки не сдавались. Наконецъ, когда ихъ сталъ одолѣвать голодъ, они отворили церковныя двери, умоливши Мстислава даровать имъ по крайней мѣрѣ жизнь. Венгерскіе бароны съ своими женами и нѣсколько поляковъ достались въ плѣнъ половцамъ и русскимъ. Самого плѣннаго Коломана съ женою Мстиславъ отправилъ въ Торческъ. Галицкая земля съ восторгомъ признала побѣдителя своимъ княземъ. Поселяне добивали разбѣжавшихся съ битвы венгровъ. Русскіе величали Мстислава «своимъ свѣтомъ», называли «сильнымъ соколомъ», говорили, что самъ Богъ поручилъ ему мечъ для усмиренія гордыхъ иноплеменниковъ. Бояре, державшіеся венгровъ, отдавались на милость побѣдителя. Главнѣйшій изъ нихъ, Судиславъ, пришелъ къ Мстиславу, обнималъ его колѣна и просилъ помилованія. Мстиславъ не только простилъ его, но даже далъ въ управленіе Звенигородъ. Данило пріѣхалъ къ тестю съ малою дружиною и поздравлялъ его. Они пировали и радовались; и радовалась съ ними вся галицкая земля.

Венгерскій король Андрей, услышавши о несчастіи, постигшемъ сына, отправилъ къ Мстиславу требованіе отпустить плѣнника, въ противномъ случаѣ грозилъ послать огромное войско. Но Мстислава нельзя было испугать угрозами. Онъ отвѣчалъ: что побѣда зависитъ отъ Бога и онъ, Мстиславъ, надѣяеь на Бога, готовъ встрѣтить непріятельскія силы. Король мало-по-малу оставилъ свой горделивый тонъ: супруга его особымъ посольствомъ умоляла Мстислава сжалиться и отпустить сына. Съ своей стороны бояре, вскорѣ замѣтившіе слабыя стороны характера Мстислава, пріобрѣли на него вліяніе и всячески располагали къ миру съ венгерскимъ королемъ. Мстиславъ, при всей своей храбрости и воинственности, всегда былъ расположенъ къ миру и при-

бѣгалъ къ войнѣ только тогда, когда противники не хотѣли мириться на условіяхъ, которыя онъ признавалъ согласными съ правдой. Въ 1221 году Мстиславъ не только помирился съ венграми и поляками, но заключилъ дружественный договоръ съ венгерскимъ королемъ, обручилъ дочь свою Марію съ его сыномъ Андреемъ, и отдалъ будущему зятю во владѣніе Перемышль.

Но черезъ два года судьба призывала Мстислава къ иному подвигу. Въ то время, какъ русскіе князья и дружины ихъ тратили силы въ междоусобіяхъ, въ невѣдомыхъ восточныхъ странахъ совершались великіе перевороты. На сѣверной границѣ китайской имперіи ханъ Темучинъ, властитель монголовъ, народа прежде подвластнаго татарамъ-ніучамъ, сдѣлался самъ повелителемъ многочисленныхъ татарскихъ племенъ, разорилъ часть китайской имперіи и взялъ Пекинъ, потомъ обратился на западъ, завоевалъ и разорилъ могущественную и цвѣтущую имперію турковъ харазскихъ [1]) и положилъ основаніе обширнѣйшей имперіи, когда-либо существовавшей въ Азіи. Онъ владѣлъ неизмѣримыми пространствами отъ Амура до Волги, повелѣвалъ множествомъ народовъ, составлявшихъ его военную силу и былъ прозванъ Чингисъ-Ханомъ, т.-е. великимъ ханомъ. Его завоевательныя движенія достигли до половцевъ. Татары столкнулись съ половцами на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ половцы были за-одно съ аланами (жителями Дагестана). Чтобы отвлечь половцевъ отъ этого союза, преводители полчища, посланнаго Чингисъ-Ханомъ, сначала коварно сдружились съ ними, увѣривши ихъ, что татары, будучи одного съ ними племени, не хотятъ дѣйствовать противъ нихъ враждебно. Половцы довѣрились имъ и отстали отъ алановъ; но потомъ монголы, раздѣлавшись съ аланами, покорили и половцевъ. Половецкіе князья, уже крещеные, Юрій Кончаковичъ и Данило Кобяковичъ были убиты. Татары гнались за ихъ товарищами до вала Половецкаго, отдѣлявшаго землю половецкую отъ русской.

Половецкій ханъ Котянъ, тесть Мстислава Удалого, прибѣжалъ въ Галичъ къ зятю съ страшнымъ извѣстіемъ, что идетъ съ востока несметная сила невѣдомыхъ завоевателей: «Сегодня отняли нашу землю, завтра ваша взята будетъ», говорилъ онъ.

Мстиславъ разослалъ вѣстниковъ къ разнымъ русскимъ князьямъ и созывалъ ихъ для совѣта объ общемъ дѣлѣ въ Кіевъ. Много князей съѣхалось туда. Тамъ были Мстиславъ Романовичъ кіевскій, Мстиславъ Удалой галицкій, Мстиславъ черниговскій, Даніилъ Ро-

---

[1]) Бухара, Самаркандъ, Гератъ, Балкъ, Хива и проч.

мановичъ волынскій, Михаилъ Всеволодовичъ, сыны Всеволода Чермнаго и многіе другіе. Только суздальскій Юрій не пріѣхалъ на совѣтъ. Ханъ Котянъ щедро одарилъ русскихъ князей: конями, верблюдами, буйволами и невольницами, а другой князь половецкій Бастый принялъ св. крещеніе. Мстиславъ Удалой умолялъ русскихъ князей спѣшить на помощь половцамъ: «Если мы имъ не поможемъ,—говорилъ онъ,—то половцы пристанутъ къ врагамъ, и сила ихъ станетъ больше». Послѣ долгихъ совѣщаній князья рѣшили соединенными силами идти въ походъ. «Лучше встрѣтить врага въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей говорили русскіе».

Сборное мѣсто назначено было на днѣпровскомъ островѣ, называемомъ Варяжскій (вѣроятно Хортица). Туда стекались съ своими князьями кіевляне, черниговцы, смольняне, галичане, волынцы. Весь Днѣпръ покрылся ихъ ладьями. Изъ Курска, Трубчевска, Путивля шли туда князья съ своими дружинами, сухопутьемъ на коняхъ, а тысяча галичанъ съ воеводами Юріемъ Домажиричемъ и Держикраемъ Володиславичемъ проплыли по Днѣстру въ море и, вступивши въ Днѣпръ, стали у рѣки Хортицы.

У Заруба явились къ русскимъ князьямъ татарскіе послы съ такимъ словомъ: «Слыхали мы, что вы идете противъ насъ, послушавши половцевъ, а мы вашей земли не трогали, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ; не на васъ пришли, но пришли по волѣ Божіей на холоповъ и конюховъ своихъ половцевъ. Вы возьмите съ нами миръ; коли побѣгутъ къ вамъ,—гоните отъ себя и забирайте ихъ имѣніе; мы слышали, что и вамъ они надѣлали много зла; мы ихъ и за это бьемъ».

Но князья, вмѣсто отвѣта, перебили пословъ. Безъ сомнѣнія, они поступили такимъ образомъ оттого, что половцы разсказали имъ, какъ татары коварно обманули ихъ: предложили дружбу, чтобы разъединить съ аланами, потомъ напали на нихъ самихъ.

Сборъ происходилъ въ апрѣлѣ 1224 года. Когда всѣ сошлись, ополченіе двинулось внизъ по Днѣпру и стало станомъ, не доходя Олешья. Тутъ пришли къ нимъ другіе татарскіе послы и говорили такъ: «Вы послушали половцевъ и перебили пословъ нашихъ; теперь идете на насъ, ну такъ идите; мы васъ не трогали: надъ всѣми нами Богъ».

Князья на этотъ разъ отпустили пословъ невредимыми. Передовые татарскіе отряды стали появляться у Днѣпра. Мстиславъ Удалой перешелъ черезъ Днѣпръ съ 1000 чел. воиновъ. Съ нимъ пошли Данило Романовичъ, Мстиславъ Нѣмой, Олегъ Курскій и другіе молодые князья. Они разбили и обратили въ бѣгство сторожевой отрядъ. Бѣглецы запрятали своего воеводу Геме-

бега въ яму въ какомъ-то половецкомъ курганѣ. Половцы отыскали его тамъ и упросили Мстислава позволить имъ убить его. Мстиславъ шелъ далѣе.

Между тѣмъ въ станѣ русскихъ на Днѣпрѣ происходили толки о томъ каковы враги. Юрій Домажиричъ говорилъ: «Они отличные стрѣлки и отличные воины». Другіе же возражали ему: «Нѣтъ, это народъ простой, хуже половцевъ». Молодые князья торопили старыхъ идти впередъ: «Мстиславъ и ты, другой Мстиславъ, пойдемте на нихъ».

Во вторникъ 21 мая русскіе снялись со стана и пошли въ степь. Они вскорѣ встрѣтились съ татарскимъ отрядомъ. Русскіе стрѣлки разсѣяли его и имъ досталось въ добычу множество скота. Восемь дней шли они до рѣки Калки, гдѣ снова встрѣтили татарскій отрядъ, который, побившись съ ними, скрылся. Мстиславъ Удалой, опередивши князей, приказалъ Данилу перейти Калку, и самъ перешелъ вслѣдъ за нимъ съ задней стражей. Вдругъ предъ ними предстали татарскія полчища. «Вооружайтесь» закричалъ Мстиславъ. Русскіе вступили въ бой. Двадцати-трехлѣтній Данило бросился впередъ и былъ раненъ въ грудь, но, не замѣтивши этого, продолжалъ сражаться. Храбро бились и Мстиславъ Нѣмой и Олегъ курскій. Но сила татарская одолѣла ихъ; Данило обратилъ своего коня назадъ; за нимъ побѣжали другіе. Бѣжалъ и Мстиславъ Удалой въ первый разъ въ своей жизни.

Между тѣмъ остальные русскіе князья перешли черезъ Калку, расположились станомъ и выслали впередъ Яруна съ половцами. Татары стремительно ударили на половцевъ. Половцы бросились назадъ, обратились на русскій станъ и смяли его. Русскіе еще не успѣли вооружиться, началась страшная рѣзня; русскіе, приведенные въ безпорядокъ половцами, бѣжали.

Во время этого всеобщаго бѣгства русскихъ одинъ Мстиславъ Романовичъ не двигался съ мѣста, сталъ на высокомъ каменистомъ берегу Калки съ зятемъ своимъ Андреемъ и дубровицкимъ княземъ Александромъ. Большая часть татаръ преслѣдовала бѣгущихъ, а одинъ отрядъ съ бродниками окружилъ трехъ храбрыхъ князей, которые огородили себя кольями и отбивались отъ нихъ неустанно три дня и три ночи. Трудно стало татарамъ одолѣть ихъ силой, и они прибѣгли къ коварству. Какой-то Плоскыня, воеводствовавшій надъ бродниками, уговорилъ князей сдаться татарамъ на выкупъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что они останутся живы. Князья повѣрили и вышли, но Плоскыня тотчасъ связалъ ихъ и выдалъ татарамъ. Татары, взявши укрѣп-

леніе, перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а связанныхъ князей положили подъ доски, и сами сѣли на доскахъ обѣдать. Такъ кончили жизнь свою несчастные князья.

Татары гнались за бѣгущими до самаго Днѣпра и по дорогѣ убили шестерыхъ князей, и въ томъ числѣ Мстислава черниговскаго. Мстиславъ Удалой избѣжалъ погони и, достигши Днѣпра, истребилъ огнемъ и пустилъ по рѣкѣ стоявшія у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарамъ переправиться черезъ рѣку, а самъ съ остатками разбитыхъ вернулся въ Галичъ[1]).

Пораженіе князей навело на Русь всеобщій ужасъ, который усиливался отъ внезапности появленія невѣдомаго врага. Впечатлѣніе, произведенное на умы этимъ событіемъ, наглядно отражается въ словахъ современнаго лѣтописца: «Пришли—говоритъ о[illegible]—невѣдомые народы, о которыхъ никто хорошо не знаетъ, [illegible]ни такіе и откуда пришли и какимъ языкомъ говорятъ и [illegible] они племени и какая у нихъ вѣра; одни говорятъ, что [illegible] татары, а иные—таурмены, а другіе—печенѣги». [illegible] толковали, что это тѣ самые народы, о которыхъ го[illegible]дій Патарскій: «Гедеонъ когда-то загналъ ихъ въ пуст[illegible]скую, между востокомъ и сѣверомъ, и они должны выдти [illegible]едъ концемъ свѣта и поплѣнить много земель».

Посл[illegible] постигшаго Мстислава на Калкѣ, положеніе его въ [illegible] было прочнымъ; бояре не любили его и строили к[illegible] него, да и онъ самъ, по своему простодушію, дѣла[illegible]ъ жертвою ихъ козней. Въ слѣдующемъ 1225 году [illegible]ыло не поссорили съ зятемъ его Даниломъ. Князь А[illegible]бѣльзскій, человѣкъ коварный, ненавидѣвшій Данила, [illegible] Мстиславу, будто зять хочетъ убить его и подстрекае[illegible] ляховъ. Вспыльчивый Мсти-

[1]) Лѣтописецъ представляетъ [illegible] виновникомъ бѣдствія русскихъ на Калкѣ, говоря, что онъ изъ зависти н[illegible] обоихъ Мстиславовъ о татарахъ въ то время, когда Даніилъ схватился съ [illegible] но это обвиненіе едва ли можно признать справедливымъ. Не говоримъ уже о томъ, что такая черта противорѣчитъ характеру Мстислава, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ прежнихъ его дѣяній, самый ходъ событій таковъ, что поведеніе Мстислава въ этотъ день легко объясняется иными побужденіями. Мстиславъ, шедши впереди прочихъ князей, нѣсколько дней уже не имѣлъ съ ними сношеній. Перейдя черезъ Калку, онъ встрѣтилъ татарскія полчища неожиданно; ему пришлось сразиться съ непріятелемъ такъ внезапно и его отрядъ былъ такъ малочисленъ, что, прежде чѣмъ давать знать князьямъ, нужно было думать о собственномъ спасеніи. Справедливѣе можно было бы поставить въ упрекъ Мстиславу излишнюю удаль и неблагоразуміе, при которомъ онъ, человѣкъ уже немолодой и опытный, пошелъ впередъ съ горячею молодежью, не раздумывая о томъ, что можетъ встрѣтить на пути, и наткнулся на силы непріятеля, далеко превосходящія его собственныя.

славъ поддался клеветнику. Дошло дѣло до войны Данило, въ отмщеніе Александру, опустошилъ бѣльзскую землю и разбилъ отрядъ Мстислава, посланный на помощь Александру. Раздраженный Мстиславъ приглашалъ уже было половецкаго хана Котяна, но къ счастью клевета открылась. Подосланный къ Мстиславу Александромъ какой-то Янъ началъ предъ нимъ лгать такъ неискусно, что Мстиславъ увидѣлъ обманъ. Тесть и зять помирились и Мстиславъ, въ знакъ дружбы, подарилъ Данилу рѣдкаго жеребца и одарилъ Данилову жену Анну, свою дочь. Съ этой поры онъ уже не ссорился съ Даниломъ

Но въ Галичѣ безпокойства не кончались. Во 1226 году одинъ бояринъ, Жирославъ, наговорилъ своей братьѣ боярамъ, будто Мстиславъ приглашаетъ своего тестя Котяна съ тѣмъ, чтобы побить бояръ. Бояре повѣрили и скрылись въ Карпатскія горы, откуда извѣстили Мстислава о томъ, что̀ имъ сказалъ Жирославъ. Мстиславъ послалъ къ нимъ духовную особу по имени Тимоѳея. Тимоѳей поклялся боярамъ, что князь ничего не замышляетъ противъ нихъ и первый разъ слышитъ объ этомъ. Онъ убѣдилъ бояръ пріѣхать къ Мстиславу. Мстиславъ обличилъ передъ ними Жирослава и прогналъ его отъ себя.

Наконецъ, бояре успѣли-таки выжить Мстислава изъ Галича. Королевичъ Андрей, которому Мстиславъ обручилъ свою дочь и отдалъ Перемышль, по наущенію боярина Семьюнка, бѣжалъ къ отцу и подстрекалъ его отнять у Мстислава Галичъ. Бояре съ своей стороны представляли королю, что они не хотятъ Мстислава, а желаютъ Андрея. Король пошелъ съ войскомъ въ Галичину. Поляки съ воеводою Пакославомъ помогали ему. Взявши Перемышль и Звенигородъ, король не посмѣлъ ѣхать въ Галичъ: волхвы предрекли ему, что если онъ увидитъ Галичъ, то не будетъ живъ. Король началъ забирать галицкіе пригороды. Ему удалось взять Теребовль, Тихомлю, но подъ Кременцомъ онъ былъ отбитъ и повернулъ назадъ къ Звенигороду. Здѣсь вышелъ противъ него Мстиславъ, вступилъ въ бой и разбилъ его. Король быстро убѣжалъ во-свояси. Мстиславъ сообразилъ, что ему не ужиться съ боярами и хотѣлъ отдать Галичъ Данилу, но бояре Судиславъ и Глѣбъ Іеремѣевичъ, игравшіе тогда главную роль между боярами, остановили его. «Ни тебя, ни Данила не хотятъ бояре—говорили они,—отдай обрученную дочь твою за королевича Андрея и посади его въ Галичъ; отъ него всегда можешь взять его обратно, когда захочешь, а отдашь Данилу—во вѣки не будетъ тебѣ Галича!».

Мстиславъ, всегда уважавшій волю земли, поступилъ такъ,

какъ желали эти люди, бывшіе тогда, по своей силѣ, представителями земли. Мстиславъ отдалъ дочь свою Андрею и вмѣстѣ съ нею Галичъ, а самъ удержалъ за собою Понизье и уѣхалъ въ Торческъ. Вскорѣ онъ раскаялся въ своей довѣрчивости, такъ какъ Данила ненавидѣли только бояре, а простой галицкій народъ желалъ его. Сознавши это, Мстиславъ черезъ посла данилова Демьяна послалъ такое слово Данилу: «сынъ! согрѣшилъ я, не далъ тебѣ Галича.» Глѣбъ Веремѣевичъ старался всѣми силами не допустить Мстислава видѣться съ Даниломъ и передать въ руки его землю, и домъ, и дѣтей.

На слѣдующій послѣ того годъ (1228) Мстиславъ скончался: изъ Торческа поѣхалъ онъ въ Кіевъ, заболѣлъ на пути и умеръ, успѣвши постричься въ схиму по тогдашнему обычаю благочестивыхъ князей. По извѣстію польскаго историка, тѣло его погребено было въ Кіевѣ въ *церкви св. Креста*, имъ построенной [1]).

[1]) Въ настоящее время этой церкви нѣтъ и могила Мстислава неизвѣстна.

VII.

КНЯЗЬ ДАНИЛО РОМАНОВИЧЪ ГАЛИЦКІЙ.

Въ XIII вѣкѣ весь ходъ историческихъ событій въ югозападной Руси долгое время вращается около личности Даніила Галицкаго. Чтобы понять значеніе этой личности въ свое время, необходимо бросить взглядъ на предшествовавшія событія въ этомъ краѣ.

Югозападная Русь, Галичина, какъ во внутреннемъ строѣ своей жизни, такъ и по внѣшней обстановкѣ, находилась въ такихъ условіяхъ, при которыхъ все болѣе и болѣе слабѣла связь, соединявшая ее съ остальными русскими землями. Хотя и здѣсь не угасало сознаніе народнаго сродства съ послѣдними; но исторія указывала имъ различные между собою пути: это видно уже въ XII вѣкѣ.

Галицкая земля до 1188 года находилась въ княженіи рода Ростислава Владимировича (внука Ярослава I). Володарь, сынъ Ростислава, по смерти несчастнаго Василька, сдѣлался единымъ княземъ и передалъ послѣ себя (1141) власть сыну своему Владимиру, обыкновенно называемому Владимиркомъ. Ему наслѣдовалъ сынъ Ярославъ, названный въ полку Игоревѣ «Осмомысломъ». Соединенная въ однихъ рукахъ, галицкая страна была долго избавлена отъ внутреннихъ княжескихъ междоусобій, и, благодаря счастливымъ условіямъ своей природы, находилась, сравнительно съ другими русскими землями, въ цвѣтущемъ состояніи. Власть княжеская совсѣмъ не имѣла здѣсь монархической силы. Князь былъ княземъ по старой славянской идеѣ; видно, что завоеваніе русскими князьями этой хорватской земли и присоединеніе ея къ общей системѣ русскихъ земель подъ властью единаго княжескаго рода не измѣнили древнихъ общественныхъ

привычекъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависимы отъ вѣча. Но само вѣче находилось въ рукахъ богатыхъ и сильныхъ владѣтелей земель—бояръ. Они, какъ видно, успѣли до того возвыситься надъ остальною массою народа, что исключительно управляли дѣлами страны. Впрочемъ, есть извѣстія о томъ, что люди незнатнаго происхожденія попадали въ бояре, изъ чего надобно полагать, что галицкая аристократія основывалась не столько на знатности родовъ, сколько на удачѣ и богатствѣ. Галицкіе князья находились въ такой зависимости отъ вѣча, что оно судило не только ихъ политическую дѣятельность, но и домашнюю жизнь. Такимъ образомъ, когда Ярославъ, не взлюбивши своей жены Ольги, взялъ себѣ въ любовницы какую-то Анастасью, галичане не стерпѣли такого соблазна, сожгли Анастасью и принудили князя жить съ законною женою. Всѣ попытки Ярослава удалить своего законнаго сына и передать наслѣдство незаконному остались напрасны. Ярославъ умеръ въ 1187 году. Галичане, вопреки его завѣщанію, изгнали этого незаконнаго сына, Олега, и поставили княземъ законнаго—Владимира. Но и этотъ князь вскорѣ подвергся строгому суду вѣча за свое соблазнительное поведеніе; онъ былъ преданъ пьянству, не любилъ совѣтниковъ, насиловалъ чужихъ женъ и дочерей, взялъ себѣ въ жены попадью отъ живого мужа и прижилъ съ нею двоихъ сыновей. Галичане такъ вознегодовали, что нѣкоторые хотѣли взять князя подъ стражу и казнить; но другіе потребовали отъ него развода съ попадьею, предлагая ему достать жену по нраву. Владимиръ, опасаясь за жизнь своей возлюбленной попадьи, убѣжалъ вмѣстѣ съ нею и дѣтьми въ Венгрію, а галичане призвали вмѣсто него князя изъ сосѣдней волынской земли—Романа Мстиславича [1]) (1188). Говорятъ, что самъ Романъ тайно дѣйствовалъ въ Галичѣ въ свою пользу, добиваясь избранія. Этотъ князь, умный и сильный волею, не долго удержался въ Галичѣ: король венгерскій Бѣла I, къ которому-было обратился изгнанный Владиміръ за помощью, заключилъ послѣдняго въ башню, завоевалъ Галичъ, посадилъ тамъ сына своего Андрея. Романъ принужденъ былъ бѣжать въ свой Владимиръ-Волынскій. Успѣхамъ венгровъ способствовало то, что въ самомъ Галичѣ образовалась партія, искавшая себѣ выгодъ отъ венгерской власти. Непрочно, однако, оказалось тамъ и могущество иноземцевъ; будучи католиками, они очень скоро

[1]) Внука кіевскаго князя Изяслава Мстиславича, извѣстнаго въ исторіи своей упорной борьбой сначала съ суздальцами, а потомъ съ Юріемъ Долгорукимъ. Родъ Романа шелъ отъ Мстислава, старшаго сына Мономаха.

успѣли раздражить противъ себя народъ неуваженіемъ къ православной религіи. Владиміръ, между тѣмъ, убѣжалъ изъ своего заключенія и съ помощью польскаго короля Казиміра Справедливаго снова овладѣлъ Галичемъ въ 1190 году. Тогда Владиміръ, чувствуя свое положеніе до крайности шаткимъ, обратился къ суздальскому князю Всеволоду и отдавался ему подъ начало, обѣщая навсегда быть въ его волѣ со всѣмъ Галичемъ: установлялась, повидимому, тѣсная связь между противоположными окраинами тогдашняго русскаго міра; но это явленіе не имѣло никакихъ прочныхъ послѣдствій, такъ какъ ничего прочнаго не было тогда въ отношеніяхъ русскихъ князей между собою. По смерти Владиміра, Романъ, уже не по вольному избранію, а съ помощью польской рати и оружія, добылъ себѣ снова Галичъ въ 1198 году.

По извѣстію польскаго писателя Кадлубка, Романъ жестоко отмстилъ своимъ недоброжелателямъ въ Галичѣ: онъ ихъ четверилъ, разстрѣливалъ, зарывалъ живьемъ въ землю и казнилъ другими изысканными муками, а тѣхъ, которые успѣвали убѣжать, приглашалъ воротиться, обѣщая разныя милости. Но когда нѣкоторые вернулись, то Романъ, сдержавъ сначала данное слово и осыпавши ласками и милостями легковѣрныхъ, находилъ предлогъ обвинить ихъ въ чемъ-нибудь и предавалъ мучительной казни. «Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть», приговаривалъ Романъ. Онъ навелъ такой страхъ на галичанъ, что тѣ просили польскаго короля, чтобъ онъ управлялъ ими самъ, или черезъ своихъ намѣстниковъ. Всѣ эти извѣстія о жестокостяхъ Романа находятся исключительно у польскаго историка, но не встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ Романъ поэтически представляется удалымъ богатыремъ, страшнымъ, подобно Мономаху, только для невѣрныхъ иноплеменниковъ: «Онъ ходилъ по заповѣдямъ Божіимъ — говоритъ о немъ русскій современникъ — побѣждалъ поганыхъ язычниковъ, устремлялся на нихъ какъ левъ, гнѣвенъ какъ рысь, губителенъ какъ крокодилъ, пролеталъ по ихъ землѣ какъ орелъ»... И въ самомъ дѣлѣ этотъ князь и въ другихъ случаяхъ показалъ свою силу и дѣятельность. Послѣ долгой борьбы и междоусобій въ кіевской Руси, онъ наконецъ успокоилъ ее, на время удержавъ въ своей власти; самъ онъ не сдѣлался кіевскимъ княземъ, но посадилъ въ Кіевѣ своимъ подручникомъ племянника. Не разъ побивалъ онъ половцевъ, побѣждалъ ятвяговъ и литву [1]). Мно-

[1]) У польско-литовскихъ историковъ сохранилось сказаніе, будто онъ запрягалъ побѣжденныхъ литовцевъ въ плуги, заставлялъ ихъ расчищать лѣса и обработывать

гаго еще можно было ожидать отъ такого князя для судьбы юго-западной Руси. Но въ 1205 году Романъ поссорился съ польскимъ княземъ Лешкомъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Завихвостомъ.

Романъ оставилъ по себѣ молодую вдову съ двумя малолѣтными сыновьями. Старшему Данилу было тогда четыре года, а младшій Василько былъ еще на рукахъ кормилицы.

На первыхъ порахъ галичане признали княземъ старшаго сына романова и клялись вѣрно охранять его. Но удержаться младенцу въ такой безпокойной странѣ было рѣшительно невозможно. Галичина представляла слишкомъ лакомый кусокъ какъ для русскихъ князей, такъ и для иноплеменныхъ сосѣдей, а галицкіе бояре не отличались постоянствомъ, были падки на выгоды и далеко не всѣ могли любить племя романово. Покушенія на Галичину начали слѣдовать за покушеніями. Сперва попытался овладѣть ею отецъ первой жены Романа, князь Рюрикъ Ростиславичъ кіевскій, котораго Романъ, послѣ варварскаго разоренія Кіева наведенными Рюрикомъ половцами, заманилъ къ себѣ на совѣтъ и постригъ въ монастырѣ. Теперь этотъ самый Рюрикъ, услыхавши, что Романа нѣтъ на свѣтѣ, снялъ съ себя монашеское одѣяніе, собралъ свою кіевскую дружину, нанялъ половцевъ и бросился на Галичъ. Вдова Романа обратилась подъ защиту названнаго брата и друга ея покойнаго мужа. Этотъ названный братъ былъ прежній соперникъ Романа—тотъ венгерскій королевичъ Андрей, который нѣкогда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ прогналъ его изъ Галича; впослѣдствіи, когда Романъ въ другой разъ овладѣлъ Галичемъ, они подружились, назвались братьями и постановили между собою такой уговоръ: если кто изъ нихъ умретъ прежде, то другой будетъ заботиться о его семьѣ.

Андрей только-что получилъ теперь венгерскую корону и не забылъ своего обѣщанія, даннаго Роману. Онъ свидѣлся съ княгинею въ Санокѣ и обласкавши Данила, какъ родного сына, далъ ему войско на помощь противъ Рюрика. Рюрикъ бѣжалъ обратно въ Кіевъ.

Но въ слѣдующемъ году семьѣ Романа грозила новая бѣда. Въ Черниговѣ собрался княжескій съѣздъ: стеклись на совѣща-

---

землю, и будто, по этому поводу, на Руси о немъ составилась пословица: „Злѣ Романе робишь, что литвиномъ орешь". Но это извѣстіе, передаваемое уже въ XVI вѣкѣ, болѣе чѣмъ черезъ 300 лѣтъ послѣ Романа, не имѣетъ никакой исторической достовѣрности, тѣмъ болѣе, что у русскихъ того времени, смотрѣвшихъ на литву, какъ на враговъ, не могла удержаться пословица, охуждавшая суровость Романа надъ врагами.

ніе потомки Олега черниговскаго; къ нимъ присталъ смоленскій князь съ сыновьями; порѣшили они нанять половцевъ и идти добывать галицкую землю. По пути присталъ къ нимъ Рюрикъ съ сыновьями и племянниками, поднявши съ собою жившихъ въ кіевской землѣ берендѣевъ [1]). Союзники вошли въ совѣтъ и съ поляками, съ которыми еще не былъ у галичанъ заключенъ миръ по смерти Романа. Вдова опять обратилась къ Андрею, но пока изъ Венгріи пришла вспомогательная сила, она увидала себя въ такомъ положеніи, что оставаться на мѣстѣ казалось опаснымъ. Съ одной стороны русскіе и половцы, съ другой—поляки, да и самъ Галичъ заволновался, и много въ Галичѣ было такихъ, отъ которыхъ можно было ждать, что ее выдадутъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Она убѣжала съ дѣтьми во Владиміръ-Волынскій, наслѣдственный удѣлъ ея мужа. Галичане раздѣлились на партіи. Верхъ въ Галичѣ взялъ тогда бояринъ Володиславъ: изгнанный нѣкогда Романомъ, онъ проживалъ въ сѣверской землѣ, спознался съ тамошними князьями Игоревичами и теперь подалъ галичанамъ совѣтъ пригласить ихъ на княженіе. Игоревичи находились тогда въ томъ ополченіи, которое шло на Галичъ; получивши приглашеніе, ночью скрылись они изъ союзнаго стана и явились въ Галичъ. Старшій братъ Владиміръ Игоревичъ посаженъ былъ на галицкомъ столѣ; другому брату Роману дали Звенигородъ. Оставался третій Святославъ, безъ мѣста. Тогда Игоревичи послали какого-то попа во Владиміръ-Волынскій съ такою рѣчью къ владимирцамъ: «Выдайте намъ Романовичей и примите княземъ Святослава, а то—города вашего на свѣтѣ не будетъ!» Владимирцы, услышавши это, пришли въ такую ярость, что хотѣли убить попа, присланнаго къ нимъ съ этимъ предложеніемъ. Нашлись благоразумные, говорившіе, что нельзя убивать посла. Однако, эти благоразумные говорили такъ потому, что готовы были исполнить требованіе Игоревичей. Княгиня это провѣдала и, посовѣтовавшись съ бояриномъ Мирославомъ, дядькою Данила, убѣжала изъ города ночью, тайкомъ черезъ стѣнное отверстіе, боясь выдти черезъ ворота. Мирославъ несъ Данила, кормилица Василька. Съ ними былъ еще какой-то священникъ. Они бѣжали къ Лешку, отдавались подъ покровительство человѣка, который еще считался съ ними во враждѣ. Польскій князь принялъ ихъ съ рыцарскимъ великодушіемъ; княгиню съ Василькомъ оставилъ у себя, а Данила съ польскимъ бояриномъ Вячеславомъ Лысымъ отправилъ къ Андрею венгерскому и приказалъ сказать такъ: «Я не помянулъ злобы

---

[1]) Вѣтвь тюркскаго племени, близкая къ торкамъ, печенѣгамъ, чернымъ клобукамъ.

Романа, а ты былъ его другъ; ты клялся защищать ихъ; они теперь въ изгнаніи: пойдемъ, вернемъ ихъ достояніе».

Но Лешко, однако, на дѣлѣ оказалъ для Романовичей менѣе участія, чѣмъ на словахъ: правда, онъ выгналъ изъ Владимира Святослава Игоревича, пріѣхавшаго туда послѣ бѣгства княгини, но отдалъ княженіе не дѣтямъ Романа, а родному племяннику Романа Александру Всеволодовичу, такъ какъ Лешко былъ женатъ на дочери его Гремиславѣ; Василька Лешко отпустилъ съ матерью въ Брестъ. Берестяне сами выпросили его себѣ княземъ, были довольны, и говорили, что «они какъ будто видятъ у себя великаго Романа».

Андрей венгерскій, послѣ бѣгства вдовы Романа, разсудилъ, что нельзя удержать Данила на княженіи и не мѣшалъ водворенію Игоревичей въ Галичѣ; но Игоревичи сами вскорѣ поссорились за свою добычу: Романъ Игоревичъ съ помощью другого брата своего прогналъ третьяго, Владимира, и овладѣлъ Галичемъ, но потомъ, по приказанію Андрея, венгерскій воевода Бенедиктъ Бора схватилъ Романа въ банѣ, отправилъ въ Венгрію и сталъ самъ управлять Галичемъ. Въ короткое время Бенедиктъ раздражилъ галичанъ разными насиліями и своимъ распутствомъ такъ, что, по приглашенію галичанъ, опять явились Игоревичи, прогнали Бенедикта и раздѣлили между собою Галичину, на этотъ разъ уже не ссорясь между собою какъ прежде, и уступили княженіе въ Галичѣ старшему изъ своей среды брату Владимиру. Тогда, думая упрочить за собою власть, Игоревичи составили планъ истребить тѣхъ бояръ, которые, по своему непостоянству, казались имъ опасными. Коварный замыселъ надъ нѣкоторыми удался, но въ числѣ обреченныхъ на убійство былъ ихъ прежній благодѣтель бояринъ Володиславъ, по милости котораго они получили княженіе въ странѣ. Володиславъ впору узналъ о грозящей бѣдѣ, съ другими боярами успѣлъ убѣжать къ Андрею, и просилъ теперь на княженіе въ Галичъ Данила, проживавшаго у венгерскаго короля. Король далъ войско на помощь Данилу. Прежде всѣхъ сдался Перемышль и выдалъ Святослава Игоревича. Звенигородъ защищался, но сдался, послѣ того какъ Романъ Игоревичъ, бѣжавши оттуда, былъ схваченъ на мосту. Князь Владимиръ Игоревичъ счастливо убѣжалъ изъ Галича. Отрока Данила посадили на отеческомъ столѣ.

Плѣнныхъ Игоревичей осудили народнымъ судомъ и повѣсили— событіе, выходившее изъ ряду обычныхъ событій на Руси въ то время.

Малолѣтный Данило не долго могъ удержаться среди бояръ, хотѣвшихъ править его именемъ. Въ Галичъ прибыла мать Да-

нила, которую онъ не узналъ послѣ долгой разлуки. Бояре поспѣшили ее выпроводить, изъ боязни, чтобы она не отняла у нихъ власти. Когда Данило въ слезахъ бросился за матерью, одинъ изъ нихъ схватилъ за поводъ коня его. Раздраженный отрокъ ударилъ мечомъ коня и ранилъ. Мать сама вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣдила его остаться въ Галичѣ, а сама уѣхала въ Бѣльзъ.

Услыхалъ объ этомъ король Андрей, поспѣшилъ съ войскомъ и привелъ обратно мать Данила въ Галичъ, а боярина Володислава, главнаго виновника ея изгнанія, увелъ съ собою въ Венгрію въ оковахъ. Но какъ только Андрей удалился, бояре опять составили заговоръ противъ Данила и призвали на княженіе пересопницкаго князя Мстислава. Данило долженъ былъ бѣжать. Андрей на этотъ разъ не могъ уже помочь ему, потому что въ это время въ самой Венгріи произошло возмущеніе, стоившее жизни королевѣ.

Призванный Мстиславъ пересопницкій въ свою очередь не усидѣлъ въ Галичѣ. Изъ Венгріи прибылъ отпущенный Андреемъ Володиславъ и тогда въ Галичѣ, послѣ недавней казни князей, произошло событіе, также небывалое на Руси со времени утвержденія рюрикова дома: бояринъ Володиславъ, не принадлежавшій къ княжескому роду, назвался княземъ въ Галичѣ. Но ему не дано было начать новаго княжескаго дома. Лешко, принявъ сторону Данила, согналъ съ княженія Володислава и заточилъ. Володиславъ умеръ въ заточеніи. Галичъ остался безъ правителя.

Казалось тогда, что ни Данилу и никакому другому русскому князю невозможно было усидѣть въ этомъ безпокойномъ городѣ. Лешко предложилъ Андрею посадить тамъ малолѣтнаго сына Андреева Коломана, обручивъ его съ трехлѣтней дочерью Лешка Соломіею. Это дѣло устроилъ воевода Пакославъ, показывавшій до сихъ поръ расположеніе къ романову семейству. Въ удовлетвореніе романовичей, наслѣдственный удѣлъ Романа Владиміръ былъ отнятъ у Александра бѣльзскаго и отданъ Данилу (1214), котораго хотѣли имѣть княземъ и владимирскіе бояре. Такимъ образомъ, въ рукахъ Данила была теперь значительная часть Волыни. Города: Камянецъ, Тихомля и Перемиль отошли къ Романовичамъ.

Съ тѣхъ поръ Данило надолго былъ лишенъ Галича. Имъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой, который отдалъ за Данила дочь свою Анну [1]).

---

[1]) См. жизнеописаніе Мстислава Удалого.

Данило собиралъ подъ свою власть волынскую землю и возвратилъ отъ поляковъ Берестье, Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и всю такъ-называемую тогда «Украину», т.-е. часть Волыни, прилегавшую къ Польшѣ по лѣвой сторонѣ Буга. Слѣдствіемъ этого была война, въ которую невольно впутался Мстиславъ Удалой. Хотя она велась сначала неудачно для Данила и Мстислава, но пріобрѣтенный Даниломъ край все-таки остался за нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ Данило помирился съ Лешкомъ и обратился на Александра бѣльзскаго, который отступилъ отъ него во время обороны Галича и всячески вредилъ ему. За вѣроломство князя по тогдашнимъ понятіямъ должна была отвѣчать его земля. Данило и Василько напали на Бѣльзъ ночью и произвели тамъ страшное опустошеніе. Въ памяти жителей надолго осталась эта ночь подъ именемъ «злой». По просьбѣ Мстислава Данило оставилъ Александра въ покоѣ.

Въ 1224 году Данило, вмѣстѣ съ другими князьями, участвовалъ въ страшной для русскихъ битвѣ при Калкѣ, велъ себя геройски и былъ раненъ въ грудь. Онъ такъ увлекся тогда битвой, что долго не замѣчалъ своей раны и замѣтилъ ее только тогда, когда, бѣжавши, сталъ пить.

Вернувшись домой и оправившись отъ ранъ, Данило вновь принялся расширять свои владѣнія. Князь Мстиславъ пересопницкій, владѣвшій Луцкомъ, отдалъ Данилу свою отчину, поручивши ему сына, который вскорѣ умеръ. Луцкомъ поспѣшилъ овладѣть Ярославъ, сынъ двоюроднаго брата Романа Ингваря, нѣкогда княжившаго въ Луцкѣ. Данило, ѣдучи на богомолье въ Жидичинъ, встрѣтилъ Ярослава Ингварича на дорогѣ. Бояре подавали совѣтъ схватить его. Данило съ негодованіемъ отвергъ такую коварную мѣру: «Я ѣду на богомолье — этого не сдѣлаю», отвѣчалъ онъ. Но возвратившись во Владиміръ, онъ послалъ своихъ бояръ въ Луцкъ. Они схватили Ярослава, а потомъ овладѣли Луцкомъ. Данило хотя и далъ въ другомъ мѣстѣ удѣлъ Ярославу, но уже въ качествѣ своего подручника. Въ это же время Данило отнялъ у него Дорогобужъ, а у пинскихъ князей—Чарторыйскъ, плѣнивши сыновей пинскаго князя Ростислава. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Данило дѣйствовалъ заодно съ Василькомъ, съ которымъ онъ всю жизнь былъ нераздѣленъ и неразлученъ— примѣръ очень рѣдкій въ исторіи русскихъ князей.

Въ 1228 году, по смерти Мстислава Удалого, Данило овладѣлъ Понизьемъ.

Такое возвышеніе Данила возбудило противъ него цѣлый

союзъ русскихъ князей. Ростиславъ пинскій сердился на него за отнятіе Чарторыйска, за плѣнъ сыновей и возбуждалъ противъ него Владимира Рюриковича; послѣдній помнилъ насильственное постриженіе своего отца Романомъ. Къ союзу пристали черниговскіе и сѣверскіе князья. Но Данило услыхалъ объ этомъ во́-время и пригласилъ ляховъ, которыми начальствовалъ расположенный къ нему воевода Пакославъ. Союзные князья осадили Камянецъ и ничего не могли сдѣлать, тѣмъ болѣе что приглашенный ими половецкій князь Котянъ перешелъ на сторону Данила. Они принуждены были отступить. Данило погнался за ними, но кіевскіе и черниговскіе бояре пріѣхали къ нему отъ своихъ князей и убѣдили помириться. Такимъ образомъ Данило уничтожилъ всѣ замыслы соперниковъ, и этотъ успѣхъ еще болѣе поднялъ его въ ряду русскихъ князей; не только всѣ прежнія области остались за ними, но и пинскіе князья сдѣлались его подручниками, а Владиміръ Рюриковичъ съ этихъ поръ является постояннымъ другомъ и союзникомъ Данила.

Въ 1229 году убитъ былъ въ Польшѣ союзникъ Данила Лешко. Данило отправился помогать брату его Конраду противъ Владислава (князя опольскаго), оставивъ подручника своего князя пинскаго оберегать предѣлы Волыни отъ вторженія ятвяговъ. Русскіе зашли вглубь Польши такъ далеко, какъ еще никогда не заходили; они вмѣстѣ съ сторонниками Конрада осадили Калишъ и почти безъ боя принудили его сдаться Конраду. Тогда русскіе и поляки заключили между собою такое условіе: «Если между ними будутъ впередъ усобицы, то русскіе не должны брать въ плѣнъ польскихъ простыхъ людей (челяди), а поляки — русскихъ».

На возвратномъ пути изъ этого похода Данило услыхалъ, что бояринъ Судиславъ, властвовавшій въ Галичѣ именемъ королевича, думалъ воспользоваться тѣмъ, что Данило зашелъ такъ далеко въ Польшу и въ его отсутствіе хотѣлъ овладѣть Понизьемъ. Но какъ только Судиславъ вышелъ изъ Галича, недовольные имъ галичане отправили посольство къ Данилу и просили прибыть къ нимъ какъ можно скорѣе, пока не вернулся Судиславъ. Данило, отправивши противъ Судислава тысячьскаго Демьяна съ войскомъ задерживать его, самъ съ многочисленною дружиною поспѣшилъ на зовъ галичанъ, стараясь предупредить Судислава, и на третій день достигъ Галича. Но какъ ни спѣшилъ Данило, Судиславъ успѣлъ избѣгнуть стычки съ Демьяномъ, ранѣе Данила вошелъ въ Галичъ и затворился въ немъ. Данилу приходилось добывать Галичъ осадою. Къ счастію Данило успѣлъ овладѣть загороднымъ дворомъ Судислава и нашелъ тамъ много

продовольствія для своего войска: это дало ему возможность рѣшиться на продолжительную осаду. Онъ расположился станомъ въ Углиничахъ, на другой сторонѣ Днѣстра. Тысячьскій Демьянъ и старикъ Мирославъ привели къ нему нѣсколькихъ бояръ галицкой земли, склонившихся на его сторону; прибыли къ нему свѣжія силы изъ волынской земли. Данилу нужно было перейти на другой берегъ, чтобъ окружить городъ. Осажденные старались не допустить его до этого, дѣлали вылазки и бились на льду; но въ это время рѣка стала вскрываться; напрасно Семьюнко, котораго современникъ по наружному виду сравниваетъ съ красной лисицей, зажегъ мостъ на Днѣстрѣ, чтобы затруднить Данилу переходъ черезъ рѣку. Къ счастью Данила пожаръ угасъ при самомъ концѣ моста, Данило съ усиленною ратью перешелъ рѣку и обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ временемъ, по его призыву, стекался къ нему народъ изъ галицкой земли отъ Боброка до Ушицы и Прута. Видимо земля была за Данила. Это заставило осажденныхъ сдаться. Данило вошелъ въ городъ. Помня давнюю дружбу съ королемъ венгерскимъ Андреемъ, онъ отпустилъ королевича свояка своего домой и самъ проводилъ его до Днѣстра. Съ королевичемъ ушелъ и Судиславъ. Народъ металъ на него каменья и кричалъ: «Вонъ, вонъ, мятежникъ земли»! Такимъ образомъ, Данило, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, снова былъ признанъ княземъ въ городѣ, откуда былъ изгнанъ еще будучи ребенкомъ.

Оскорбительно было для венгерской чести удаленіе королевича. Судиславъ усиленно подстрекалъ венгровъ возвратить потерянный Галичъ. И вотъ, сынъ Андрея, Бѣла, собралъ большое войско и пошелъ черезъ Карпаты. Но тутъ начались непрерывные дожди. Лошади вязли въ грязи, люди бросали лошадей и пробирались высокими мѣстами. Съ большимъ трудомъ добрались они до Галича. Данила тамъ не было; онъ напередъ вышелъ изъ города приглашать на помощь поляковъ и половецкаго хана Котяна, оставивши въ Галичѣ тысячьскаго Демьяна. Венгерскій посолъ, подъѣхавъ къ городу, громко возгласилъ галичанамъ: «Люди галицкіе! вамъ велитъ сказать великій король венгерскій: не слушайтесь Демьяна; пусть Данило не надѣется на Бога и свои силы. Столько странъ побѣдилъ нашъ король и не удержится противъ него Галичъ!» Демьянъ держался крѣпко; галичане стояли за Данила: Данило уже подходилъ къ Галичу съ собраннымъ войскомъ. Между тѣмъ дожди не переставали, у венгерцевъ отъ постоянной сырости развалилась обувь, открылись болѣзни и смертность. Иные умирали, сидя на конѣ, другіе—у разведенныхъ

огней; иной испускалъ дыханіе, поднося кусокъ мяса ко рту... Отъ дождей сильно разлился Днѣстръ. «Злую игру сыгралъ онъ венграмъ»,—говорили современники. Король снялъ осаду и пошелъ къ Пруту. Дожди преслѣдовали его. Венгерцы погибали на дорогѣ.

Но едва только, благодаря непогодѣ, Данило избавился отъ враговъ, какъ опять начались противъ него въ самомъ Галичѣ боярскія крамолы. Зачинщикомъ и подстрекателемъ бояръ былъ все тотъ же Александръ бѣльзскій, постоянно тайный врагъ Данила. Бояре обращались такъ неуважительно съ князьями, что однажды на пиру какой-то бояринъ залилъ Данилу лицо виномъ. Данилъ стерпѣлъ это. Вслѣдъ затѣмъ, произошелъ такой случай. Василько, находясь въ собраніи бояръ, въ шутку обнажилъ мечъ на одного, называемаго въ лѣтописи «слугою королевскимъ». Тотъ схватился за щитъ. Бояре послѣ этого бѣжали. Князья удивились этому бѣгству, не понимая въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько времени, когда Василько уѣхалъ во Владиміръ, одинъ бояринъ, по имени Филиппъ, приглашалъ Данило къ себѣ на пиръ въ Вишню. Данило поѣхалъ, но на дорогѣ его встрѣтилъ посланный отъ Демьяна съ такими словами: «Не ѣзди, князь, на пиръ; бояринъ Филиппъ съ княземъ Александромъ хотятъ убить тебя». Данило вернулся. Говорили, будто бояре Молибоговичи, подстрекаемые Александромъ бѣльзскимъ, совѣщались произвести пожаръ, чтобы въ суматохѣ убить Романовичей, но приключеніе съ Василькомъ внушило имъ опасеніе, что Романовичи провѣдали о заговорѣ и оттого то они разбѣжались. Василько, по приказанію Данила, занялъ Бѣльзъ (удѣлъ Александра), а посланный сѣдельничій его, Иванъ Михайловичъ, схватилъ Молибоговичей съ ихъ соучастниками, всего 28 человѣкъ. Данило простилъ имъ; быть можетъ, улики были недостаточны и все ограничивалось подозрѣніями.

Великодушіе не помогло Данилу. Узналъ онъ, что бояре опять строютъ противъ него козни съ Александромъ. Данило съ восемнадцатью вѣрныхъ себѣ «отроковъ» созвалъ вѣче и спрашивалъ галичанъ: «Хотите ли быть вѣрными мнѣ? я пойду на враговъ моихъ!» Всѣ закричали: «Мы вѣрны Богу и тебѣ, господинъ!» Сотскій Микула привелъ при этомъ пословицу Романа, отца Данила: «Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть». Данило пошелъ въ Перемышль, но тѣ, которые шли за нимъ, не были на дѣлѣ ему вѣрны. Князь Александръ съ боярами уже успѣлъ бѣжать въ Венгрію, гдѣ ждалъ его Судиславъ. По ихъ подстрекательству, король Андрей съ сыновьями, Бѣлою и Андреемъ,

двинулись на Галичъ. Бояринъ Давидъ Вышатичъ, по убѣжденію своей тещи, преданной Судиславу, сдалъ королю Ярославль. Затѣмъ другой бояринъ, Климята, посланный съ войскомъ противъ венгровъ, передался врагамъ; за нимъ измѣнили и прочіе бояре.

Данило долженъ былъ покинуть Галичъ и ушелъ въ Кіевъ набирать войско у своего союзника, кіевскаго князя Владимира, а король, водворилъ снова сына своего Андрея въ Галичѣ, но не надолго. Данило съ Владимиромъ кіевскимъ и половцами два раза разбилъ венгровъ и пошелъ прямо къ Галичу. Бояре, видя, что успѣхъ клонится на сторону Данила, стали переходить къ нему. Первый примѣръ подалъ бояринъ Глѣбъ Зеремѣевичъ. Данило обласкалъ ихъ, раздавалъ имъ волости, думалъ хотя на время привязать ихъ себѣ. Князь Александръ бѣльзскій отступилъ отъ венгровъ, присталъ къ Данилу и испросилъ у него прощенія. Данило осадилъ Галичъ, стоялъ подъ нимъ 9 недѣль, ожидая заморозовъ, когда можно будетъ перейти по льду черезъ Днѣстръ. Осажденные стали терпѣть голодъ. Судиславъ, находясь съ королевичемъ, успѣлъ соблазнить коварнаго Александра: прельщенный обѣщаніями получить Галичъ, Александръ, недавно приставшій къ Данилу, опять измѣнилъ ему и передался къ осажденнымъ; но осажденнымъ отъ этого не стало легче. Королевичъ Андрей умеръ въ осадѣ. Тогда всѣ галичане порѣшили на вѣчѣ призвать Данила, и одинъ изъ прежнихъ враговъ его, Семьюнка Красный, выѣхалъ къ Данилу просить его въ городъ. Судиславъ и князь Александръ успѣли убѣжать: Судиславъ—къ венграмъ, Александръ хотѣлъ-было искать защиты у тестя своего, кіевскаго князя, но Данило гнался за нимъ три дня и три ночи, не зная сна, догналъ его у Полоннаго и схватилъ въ Хоморскомъ лѣсу. Неизвѣстно, чтó сдѣлалъ Данило съ этимъ человѣкомъ, такъ безчестно поступавшимъ съ нимъ много разъ—но съ тѣхъ поръ имя его не упоминается въ лѣтописяхъ.

Въ это время въ нашей исторіи являются мимоходомъ загадочные и до сихъ поръ необъясненные бологовскіе князья, владѣвшіе берегами Буга. Такъ какъ край этотъ совершенно ускользаетъ изъ лѣтописныхъ повѣствованій о прежнихъ событіяхъ и нѣтъ возможности отыскать происхожденія этихъ князей въ развѣтвленіи рюрикова дома, то, по всему видно, это были князья иныхъ древнихъ, родовъ, остававшіеся неподвластными Рюриковичамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ еще и то, что самъ Данило въ переговорахъ о нихъ съ поляками называетъ ихъ «особными» князьями. Овладѣвши Понизьемъ, Данило хотѣлъ под-

чинить ихъ своей власти; они были постоянно его противниками и при всякомъ случаѣ принимали сторону его враговъ.

Избавившись отъ венгровъ, Данило долженъ былъ еще долго бороться съ русскими князьями за Галичъ. Тогда какъ князь кіевскій Владиміръ помогалъ Данилу, черниговскій князь Михаилъ, вступившій въ союзъ съ бологовскими князьями, напалъ на кіевскія владѣнія и подошелъ къ Кіеву. Данило поспѣшилъ на выручку союзника. Четыре мѣсяца вмѣстѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ, воевалъ онъ черниговскую землю и, возвращаясь назадъ черезъ Полѣсье, услыхалъ, что враги его навели половцевъ на кіевскую землю. Войско Данила было очень утомлено и старый Мирославъ, бывшій дядька его отсовѣтовалъ ему идти на нихъ. Даже самъ князь кіевскій раздѣлялъ мнѣніе старика; но вѣрный себѣ, Данило сказалъ имъ: «Воину, устремившемуся на брань, слѣдуетъ или побѣдить или пасть. Не говорилъ ли я вамъ прежде самъ, что надо дать отдыхъ усталымъ войскамъ? А теперь—нечего бояться! Пойдемъ!» У Торческа произошла кровопролитная битва (въ 1234). Данило дрался отчаянно, пока подъ нимъ не убили его гнѣдого коня. Его воины обратились въ бѣгство; самъ Данило долженъ былъ послѣдовать за ними. Кіевскій князь и Мирославъ были взяты въ плѣнъ. Лѣтописецъ приписываетъ это несчастіе тайной измѣнѣ бояръ Молибоговичей.

Провѣдавши о несчастіи Данила, бояре галицкіе пригласили на княженіе Михаила черниговскаго, и тотъ занялъ Галичъ. Несмотря на добродушіе Данила, бояре галицкіе никакъ не могли полюбить его. Они видѣли въ немъ князя, который, какъ только утвердится, тотчасъ сломитъ ихъ силу и это будетъ тѣмъ удобнѣе, что простой народъ оказывалъ Данилу расположеніе. Бояре, захвативши въ свои руки всю Галичину, подѣлили между собою всѣ доходы, хотѣли или лучше быть вовсе безъ князя, или имѣть такого, который находился бы у нихъ совершенно въ рукахъ. Но того и другаго достигнуть имъ было трудно, потому что хотя всѣ они и дорожили своимъ сословнымъ могуществомъ, но жили между собою въ несогласіи. Одинъ тѣснилъ и толкалъ другого; у каждаго являлись свои виды и, потому одинъ хотѣлъ того князя, другой — иного; всякій надѣялся посредствомъ князя возвыситься надъ своими соперниками.

Михаилъ не долго удержался въ Галичѣ. Отправившись по своимъ дѣламъ въ Кіевъ, оставилъ онъ въ Галичѣ сына своего Ростислава (1235). Данило находился въ построенномъ имъ Холмѣ, когда къ нему пришла вѣсть изъ Галича, что Михаилъ выѣхалъ изъ города и галичане хотятъ Данила. Простымъ жи-

телямъ черезъчуръ опротивили боярскія смуты и они приняли твердое рѣшеніе не поддаваться болѣе наущенію бояръ, а держаться крѣпко за Данила для собственной пользы. Данило смѣло подъѣхалъ къ Галичу. Жители стояли толпою на стѣнѣ. Данило обратился къ нимъ: «О мужи галицкіе, долго ли еще будете терпѣть державу иноплеменныхъ князей?» Всѣ они въ одинъ голосъ закричали: «Вотъ онъ нашъ держатель, Богомъ данный»!—«И всѣ—говоритъ лѣтописецъ—пустились къ нему, какъ пчелы къ маткѣ». Епископъ Артемій и дворскій [1]) Григорій сначала удерживали народъ, но видя, что ничего не сдѣлаютъ, со слезами на глазахъ, и, по выраженію того же лѣтописца, — «осклабляясь и облизывая губы», вышли къ князю Данилу, поклонились и сказали: «приди, князь Данило, прими городъ»! Данило вошелъ въ городъ и воткнулъ знамя свое на нѣмецкихъ воротахъ въ знакъ побѣды. Съ торжествомъ вступилъ онъ въ церковь Богородицы и принялъ столъ отца своего. Бояре кланялись ему въ ноги и просили прощенья:—«Согрѣшили—говорили они,—чужого князя держали».—Данило отвѣчалъ: «вы получите милость, только впередъ такъ не дѣлайте, чтобы вамъ не было хуже». Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію.

Такимъ образомъ Данило, послѣ многолѣтнихъ трудовъ и непрестанной борьбы, сдѣлался властителемъ всей Галичины и Волыни. Онъ понялъ, что въ Галичѣ нельзя ему имѣть постояннаго пребыванія, и поселился въ построенномъ имъ Холмѣ. Однажды, ранѣе этого времени, ѣздивши на любимую имъ охоту, пріѣхалъ Данило на мѣсто, которое ему очень понравилось. «Какъ называется это мѣсто?», спросилъ онъ. «Холмъ» — отвѣчали ему. «Пусть здѣсь будетъ городъ Холмъ», сказалъ онъ и посвятилъ будущій городъ св. Іоанну Златоусту, такъ какъ въ тѣ времена всякій новый городъ посвящался какому-нибудь святому. Здѣсь построилъ онъ себѣ усадьбу и красивую церковь св. Іоанна. По его призыву начали стекаться туда жители съ разныхъ сторонъ. Здѣсь власть Данила была тверже и безопаснѣе, не то, что въ старомъ городѣ; здѣсь не было преданій, противныхъ княжескимъ видамъ. Всѣ получали свое жительство по милости князя и потому были привязаны къ нему ради собственныхъ выгодъ. Удалиться изъ стараго города въ новый было въ то время удобнымъ средствомъ князю для своего спокойствія и безопасности. Здѣсь могъ онъ жить, окруженный вѣрною дружиною, не страшась боярскихъ козней, отъ которыхъ было трудно уберечься, живучи среди бояръ.

---

[1]) *Выборная городская* правительственная должность.

Власть Данила распространялась и на кіевскую землю; наконецъ, онъ подчинилъ себѣ и самый Кіевъ, который, будучи отнятъ у Владимира Рюриковича (умершаго въ 1236) Ярославомъ суздальскимъ, переходилъ потомъ изъ рукъ въ руки, наконецъ былъ захваченъ Даниломъ, но это было уже наканунѣ страшнаго потрясенія, переворотившаго весь строй русской исторіи.

Уже татары подъ предводительствомъ монгольскаго хана Батыя внука Чингисханова опустошили и завоевали восточную Русь. Русскіе вездѣ защищались геройски: не сдался ни одинъ городъ, ни одинъ князь; но защита эта была безтолковая и потому совсѣмъ безуспѣшная. Прежде всего въ 1237 году совершенное опустошеніе постигло рязанскую землю. Всѣ города этой земли были истреблены до тла; страна обезлюдѣла, а между тѣмъ суздальско-ростовская земля не выручала ее изъ бѣды и вслѣдъ за нею подверглась тому же жребію. Татары сожгли Москву (тогда еще бывшую только пригородомъ Владимира)и истребили въ ней стараго и малаго. 7 февраля 1238 года истребленъ былъ Владиміръ. Здѣсь въ соборной церки погибла семья князя Юрія Всеволодовича со множествомъ бояръ и народа. Татарскія полчища разсѣялись по землѣ, разоряли города и села, вездѣ истребляли жителей. 4 марта того же года, князь Юрій Всеволодовичъ съ другими князьями своей земли вступилъ въ отчаянную битву съ татарами на берегу Сити, но былъ пораженъ и убитъ. Опустошивши восточную Русь, Батый хотѣлъ идти на Новгородъ, но дремучіе лѣса и болота не допустили его. Татары разорили одинъ только Торжокъ и поворотили на югъ. Вездѣ Батый встрѣчалъ отчаянное сопротивленіе. Небольшой городъ Козельскъ защищался семь недѣль и когда былъ взятъ, то въ немъ татары пролили столько крови, что малолѣтный тамошній князь Василій захлебнулся кровью. Въ 1239 году они взяли и сожгли Черниговъ и приближались къ Кіеву. Племянникъ Батыя Менгу-Тимуръ, любовался красотою Кіева изъ Песочнаго городка на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Каменная стѣна верхняго города, изъ-за которой мелькали позолоченные верхи Десятинной церкви, Св. Софіи и Михайловскаго монастыря, цвѣтныя черепичныя кровли княжескихъ теремовъ, направо, внизу, вдоль Днѣпра Подолъ со множествомъ церквей, налѣво, Никольскій монастырь, величественная Печерская обитель и Выдубицкій монастырь, отрѣзанные отъ города и другъ отъ друга дремучимъ лѣсомъ, раскинувшимся по крутой горѣ— вотъ что поражало тогда глаза степного хищника. Онъ отправилъ въ Кіевъ пословъ требовать сдачи. Послы были убиты.

Завоеватели отступили съ намѣреніемъ придти на слѣдующій годъ и наказать кіевлянъ.

Въ концѣ 1240 года прибыла страшная сила Батыя, перейдя, вѣроятно, по льду черезъ Днѣпръ. Татарское полчище облегло верхній городъ (занимавшій мѣсто нынѣшняго стараго города). За предѣлами его къ рѣкѣ Лыбеди были посады, конечно тогда до тла истребленные. На югъ по направленію къ никольскому и печерскому монастырямъ былъ густой лѣсъ. Лѣтописецъ говоритъ, что полчище враговъ было до того огромно, что въ городѣ нельзя было разслышать словъ отъ скрипа телегъ татарскихъ, рева верблюдовъ и ржанія коней. Батый началъ свой приступъ къ Лядскимъ воротамъ, находившимся на южной сторонѣ. Татары день и ночь били пороками стѣны, и, наконецъ, пробили ихъ. Кіевляне отчаянно защищали остатокъ стѣнъ, пока, наконецъ, татары не сбили ихъ со стѣнъ и сами не вошли на стѣны. Тогда кіевляне столпились у Десятинной церкви и въ одну ночь возвели около нея укрѣпленіе. Когда завоеватели стали разрушать и эти укрѣпленія, кіевляне, съ своимъ имуществомъ, кто что успѣлъ схватить, взбирались на верхъ церкви и отбивались оттуда до послѣдней возможности; наконецъ, подъ ними рухнули стѣны церковныя, по сказанію лѣтописца отъ тяжести, но вѣроятнѣе всего подбитыя татарскими пороками.

О разрушеніи Подола мы не имѣемъ извѣстій, но несомнѣнно, что весь городъ Кіевъ превращенъ былъ тогда въ кучу развалинъ. Надобно также полагать, что значительная часть жителей заранѣе бѣжала, такъ какъ прихода татаръ давно ждали.

Оставленный Даниломъ въ городѣ тысячскій Дмитрій, весь израненный, достался татарамъ, но Батый велѣлъ его пощадить, вѣроятно для того, чтобы воспользоваться имъ при дальнѣйшихъ походахъ.

Завоевательныя полчища Батыя двинулись отъ Кіева на западъ, истребляя и разрушая все на пути своемъ. Городъ Колодяжный (нынѣшній Ладыжинъ), вопреки примѣру другихъ русскихъ городовъ, сдался добровольно, въ надеждѣ быть пощаженнымъ. Но татары истребили въ немъ всѣхъ жителей, хотя не рѣдко въ подобныхъ случаяхъ они оказывали побѣжденнымъ пощаду. Всѣ волынскіе города подверглись разоренію; только Кременецъ, расположенный на неприступной горѣ, не поддался татарамъ. Во Владимирѣ истреблены были поголовно всѣ жители. Застигнутые въ расплохъ, русскіе кидали свои жилища въ городахъ и селахъ, скрывались въ лѣсахъ или бѣжали, сами не зная куда. Данило въ это время былъ въ Венгріи: еще не

слыхавъ ничего о приближеніи татаръ, онъ отправился въ Венгрію для сватовства своего сына, которое на тотъ разъ не удалось ему. Въ его отсутствіе татары разорили опустѣлый Галичъ. Тысячскій Дмитрій, желая спасти свою землю отъ дальнѣйшаго разоренія, убѣдилъ Батыя спѣшить въ Венгрію и представлялъ, что, въ противномъ случаѣ, венгры и нѣмцы соберутся на него съ большою силою. Завоеватели раздѣлились на двѣ части: одни черезъ Карпаты пошли въ Венгрію, другіе черезъ Польшу въ Силезію и Моравію, откуда черезъ три года вернулись назадъ въ свои степи.

Данило пріѣхалъ изъ Венгріи, не зная, гдѣ находится его семья и братъ, и отправился въ Польшу. Тамъ свидѣлся онъ съ княгиней и Василькомъ, которые укрывались въ Польшѣ отъ татаръ. Мазовскій князь Болеславъ предоставилъ изгнанникамъ городъ Вышгородъ, гдѣ Данило пробылъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что татаръ уже нѣтъ въ его волости.

Возвращаясь въ свою землю, онъ хотѣлъ остановиться въ Дрогичинѣ, но тамошній намѣстникъ не пустилъ своего князя; вѣроятно, онъ былъ заодно съ боярами, которые думали воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы опять начать свои козни противъ князя. Данило съ братомъ Василькомъ отправился затѣмъ къ Берестью, но не могъ приблизиться къ городу отъ смрада гніющихъ тѣлъ. То же представилось имъ во Владимирѣ; тамъ не встрѣтили они ни одной души; всѣ церкви были наполнены грудами труповъ. Видно, что жители, во время нашествія татаръ, искали убѣжища въ церквахъ и тамъ погибали. Данилу пришлось отстраивать жилища и собирать разогнанные остатки населенія.

Между тѣмъ галицкіе бояре, захвативши въ свои руки всю землю, думали править ею самовольно. Но теперь они уже не сладили съ волею Данила. Бояринъ Доброславъ и Судьичъ, поповъ внукъ, самовольно захватили Понизье, а Григорій Васильевичъ овладѣлъ горною страною перемышльскою. Эти бояре отъ себя раздавали волости и доходы разнымъ своимъ подручникамъ; такъ у Доброслава было двое подручниковъ: Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (какъ говоритъ лѣтописецъ), которымъ этотъ бояринъ поручилъ Коломыю, дававшую прежде князю большой доходъ солью. Къ счастью Данила эти бояре жили между собою во враждѣ и, ненавидя своего князя, доносили ему другъ на друга. Такимъ образомъ Доброславъ обвинялъ передъ Даниломъ Григорія. Пользуясь ихъ враждою, Данило, не вѣря ни тому ни другому, приказалъ схватить обоихъ и послалъ своего печатника Кирилла сдѣлать опись

всѣмъ грабительствамъ и злоупотребленіямъ бояръ во время ихъ управленія.

Неугомонный, задорный сынъ черниговскаго князя Ростиславъ Михайловичъ въ свою очередь продолжалъ безпокоить Даніила. Въ то время, когда Кириллъ производилъ осмотръ въ Понизьи, Ростиславъ, соединившись съ князьями бологовскими, пытался-было овладѣть Бакотою въ Понизьи, но не успѣлъ. За это Данило расправился съ бологовскими князьями, которые вывели его наконецъ изъ терпѣнія. Онъ въ особенности былъ золъ на нихъ за то, что они поладили съ татарами. Татары оставили покойно этихъ князей въ землѣ ихъ для того, чтобы они сѣяли на нихъ пшеницу и просо. Продолжая злобствовать противъ Данила, они надѣялись на покровительство татаръ. Данило имѣлъ право упрекать ихъ въ неблагодарности къ себѣ, такъ какъ ранѣе этого времени онъ избавилъ ихъ изъ рукъ мазовецкаго князя Болеслава и даже чуть-было не воевалъ изъ-за нихъ съ Болеславомъ. Теперь, наказывая ихъ за союзъ съ Ростиславомъ, онъ вступилъ съ войскомъ въ ихъ землю, взялъ и предалъ огню города ихъ: Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Божьскій и Дядьковъ. Ростиславъ безпокоилъ Данила до самаго 1249 года. Онъ женился на дочери венгерскаго короля Бѣлы и съ помощью тестя надѣялся овладѣть Галичемъ. Въ эти распри вмѣшались и поляки, такъ какъ другая дочь Бѣлы была за княземъ Болеславомъ; на этомъ основаніи Данило помогалъ сопернику Болеслава Конраду, женатому на его родственницѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ мелкихъ дракъ произошло рѣшительное сраженіе 1249 года.

Ростиславъ съ войскомъ, составленнымъ изъ русскихъ, венгровъ и болеславовыхъ поляковъ, подступилъ къ городу Ярославлю. Венграми начальствовалъ воевода Фильній, прозванный русскими «прегордый Филя», тотъ самый, который былъ нѣкогда разбитъ Мстиславомъ Удалымъ. Хвастливый Ростиславъ говорилъ: «Если бы я зналъ, гдѣ теперь Данило и Василько, съ десятью воинами поѣхалъ бы на нихъ!» Между тѣмъ онъ устроилъ военную игру (турниръ) и сразился съ какимъ-то Воршемъ. Подъ нимъ споткулся конь; Ростиславъ упалъ и повредилъ себѣ плечо. Это сочтено было дурнымъ предзнаменованіемъ. Тѣмъ временемъ Данило съ Василькомъ шли противъ него. За ними на помощь слѣдовали литва и поляхи конрадовой стороны; тутъ было также нѣсколько русскихъ князей, пришедшихъ на службу къ Данилу. Имъ на дорогѣ также было предзнаменованіе: надъ ихъ войскомъ собралась цѣлая туча орловъ и вороновъ и съ крикомъ кружилась надъ войскомъ: «Это знаменіе на добро»—говорили русскіе. Битва прои-

зошла 17 августа. Венгерскій воевода Фильній находился въ заднемъ полку и, держа въ рукахъ знамя, кричалъ: «Русь плохо бьется; выдержимъ ихъ первый напоръ: они не вытерпятъ сѣчи на долгое время». Но Данило ударилъ своимъ полкомъ и смялъ его. Знамя Фильнія было отнято и разодрано пополамъ. Молодой сынъ Данила, Левъ, изломилъ объ его доспѣхи копье свое. Съ другой стороны поляки, указывая на русскихъ, кричали. «Погонимъ великія бороды!».—«Лжете»—закричалъ имъ Василько—Богъ намъ помощникъ!» Поляки по своему обычаю закричали «керылѣшь» (киріэ элейсонъ) и дружно бросились на Василька, но русскіе отбили ихъ и обратили въ бѣгство. Ростиславъ увидѣлъ, что и венгры и поляки бѣгутъ, побѣжалъ самъ. Побѣда была вполнѣ на сторонѣ Данила. Воевода Фильній былъ схваченъ Андреемъ дворскимъ, приведенъ къ Данилу и убитъ. Тогда же былъ казненъ взятый въ плѣнъ бояринъ Володиславъ, зачинщикъ смутъ. Ростиславъ съ тѣхъ поръ уже не дѣлалъ болѣе покушенія на галикій столъ. Тесть его Бѣла далъ ему въ удѣлъ Мачву на Савѣ, и послѣ того его имя уже не встрѣчается въ русской исторіи.

На слѣдующій годъ Данило примирился съ венгерскимъ королемъ, при посредствѣ митрополита Кирилла, и король отдалъ за сына данилова Льва дочь свою. Свадьбу праздновали въ Изволинѣ и Данило, въ знакъ мира, привелъ съ собою и отдалъ королю венгерскихъ плѣнниковъ, взятыхъ во время ярославской битвы.

Такъ, наконецъ, Данило успокоилъ и себя и свои земли, какъ отъ венгровъ, такъ и отъ русскихъ князей. Много труда и усилій, много тяжелыхъ лѣтъ и неутомимаго терпѣнія стоило ему это успокоеніе. Теперь онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей въ словянскомъ мірѣ. До сихъ поръ онъ не считалъ себя данникомъ хана. Монгольскія полчища пока только прошли по южной Руси разрушительнымъ ураганомъ, оставивши по себѣ, хотя ужасные, но скоро-поправимые слѣды. Участь другихъ русскихъ князей, казалось, миновала Данила. Но не такъ вышло на дѣлѣ, какъ казалось. Въ 1250 году прибыли послы отъ Батыя съ грознымъ словомъ: «Дай Галичъ!»

Данило запечалился. Занятый безпрестанными войнами съ своими соперниками, онъ не успѣлъ укрѣпить городовъ своихъ и не былъ въ состояніи дать отпоръ татарскому полчищу, если бы оно пошло на него. Обсудивши свое положеніе, Данило сказалъ: «Не дамъ полуотчины своей, самъ поѣду къ хану». Въ самомъ дѣлѣ Данилу приходилось, уступивши Галичъ, не только потерять землю, пріобрѣтенную такими многолѣтними кровавыми усиліями, но ему угрожала большая бѣда: отнявши Галичъ, мон-

голы не оставили бы его въ покоѣ съ остальными владѣніями; и потому благоразумнѣе было заранѣе признать себя данникомъ хана, чтобы удержать свою силу на будущее время, когда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно будетъ заговорить иначе съ завоевателями Руси. 26 октября выѣхалъ Данило въ далекій путь.

Проѣзжая чрезъ Кіевъ, Данило остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ къ себѣ соборныхъ старцевъ и монаховъ, просилъ помолиться о немъ, отслужилъ молебенъ Архистратигу Михаилу, и напутствуемый благословеніями игумена сѣлъ въ ладью и отправился въ Переяславль. Здѣсь встрѣтили его татары. Ханскій темникъ [1]) Куремса проводилъ его въ дальнѣйшій путь. Тяжело и страшно было ѣхать Данилу. Съ грустью смотрѣлъ онъ на языческіе обряды монголовъ, владычествовавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде господствовало христіанство. Его страшили слухи, что монголы заставятъ православнаго князя кланяться кусту, огню и умершимъ прародителямъ. Слѣдуя по степи, доѣхалъ онъ до Волги. Здѣсь встрѣтилъ его нѣкто Сунгуръ и сказалъ: «Братъ твой кланялся кусту и тебѣ придется кланяться».—«Дьяволъ говоритъ твоими устами,—сказалъ разсерженный Данило—чтобъ Богъ загородилъ твои уста и не слышалъ бы я такого слова!».

Батый позвалъ его къ себѣ и, къ утѣшенію Данила, его не заставляли дѣлать ничего такого, что бы походило на служеніе идоламъ.

«Данило,—сказалъ ему Батый—отчего ты такъ долго не приходилъ ко мнѣ? Теперь ты пришелъ и хорошо сдѣлалъ. Пьешь ли наше молоко, кобылій кумысъ?»

«До сихъ поръ не пилъ, а прикажешь—буду пить».

Батый сказалъ ему: «Ты уже нашъ татаринъ, пей наше питье.»

Данило выпилъ, и сказалъ, что пойдетъ поклониться ханьшѣ. Батый отвѣтилъ: «иди».

Данило поклонился ханьшѣ и Батый послалъ ему вина со словами: «Не привыкли вы пить кумысъ, пей вино».

Данило пробылъ 25 дней въ Ордѣ и былъ отпущенъ милостиво. Батый отдалъ ему его владѣнія въ вотчину. Родные и близкіе встрѣтили его по возвращеніи съ радостью и вмѣстѣ съ грустью: они радовались, видя, что онъ воротился живъ и здоровъ, и скорбѣли объ его униженіи. Вмѣстѣ съ своимъ княземъ вся русская земля чувствовала это униженіе и оно-то прорвалось въ воз-

---

[1]) Предводитель десятитысячнаго войска.

гласѣ современника-лѣтописца: «О злѣе зла честь татарская! Данило Романовичъ, князь великій, обладавшій русскою землею, Кіевомъ, Волынью, Галичемъ и другими странами, нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь трепещетъ и угрозъ страшится!»

Подчиненіе хану, хотя съ одной стороны унижало князей, но за то съ другой укрѣпляло ихъ власть. Ханъ отдавалъ Данилу, какъ и другимъ князьямъ, земли его въ вотчину. Прежде Данило, какъ и прочіе князья, называлъ свои земли отчинами, но это слово имѣло другое значеніе, чѣмъ впослѣдствіи слово вотчина. Прежде оно означало не болѣе, какъ нравственное право князя править и княжить тамъ, гдѣ княжили его прародители. Но это право зависѣло еще отъ разныхъ условій: отъ воли бояръ и народа, отъ удачи соперниковъ, въ которыхъ не было недостатка, отъ иноплеменнаго сосѣдства и отъ всякихъ случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь, князь, поклонившись хану, предавалъ ему свое княженіе въ собственность, какъ завоевателю, и получалъ его обратно, какъ наслѣдственное владѣніе; теперь онъ имѣлъ право на покровительство и защиту со стороны того, кто далъ ему владѣніе. Никто не могъ отнять у него княженія, кромѣ того, отъ кого онъ получилъ его. Вѣчевое право, выражаемое волею ли бояръ, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь могъ всегда припугнуть непокорныхъ татарами. Сосѣдній князь не отваживался уже такъ смѣло, какъ прежде, выгонять другого князя, потому что послѣдній могъ искать защиты въ сильной Ордѣ. Князья становились государями. Это положеніе сразу поняли восточные князья и потому такъ легко примирились съ новымъ порядкомъ вещей. Но Данило слишкомъ привыкъ къ прежнему строю жизни, чтобы примириться съ новымъ положеніемъ. Онъ былъ гораздо ближе къ европейскимъ понятіямъ, чѣмъ восточные князья. Стыдъ рабскаго положенія не могъ для него ничѣмъ выкупаться. Его задушевною мыслью стало освобожденіе отъ постыднаго ига.

Цѣль эта могла быть достигнута въ будущемъ какъ матеріальнымъ усиленіемъ Данила, такъ и возвышеніемъ его нравственнаго значенія въ ряду европейскихъ владѣтелей. Вся остальная жизнь Данила была посвящена этой идеѣ и, какъ увидимъ, неудачно.

Дружба и союзъ съ королемъ венгерскимъ вовлекли Данила въ дѣла западной Европы. Послѣ смерти австрійско-штирійскаго герцога Фридриха, венгерскій король хотѣлъ не допустить нѣмецкаго императора взять себѣ Австрію и Штирію, страны, оставав-

шіяся теперь безъ владѣтеля. Король въ 1252 году пригласилъ на помощь Данила. Дѣло уладилось было черезъ императорскихъ пословъ въ Пожгѣ. Здѣсь Данило видѣлся съ нѣмецкими послами, которые удивлялись необычному для нихъ вооруженію русскихъ: ихъ конямъ, одѣтымъ въ кожаные доспѣхи и ихъ блестящему, татарскому, оружію. Самъ Данило ѣхалъ рядомъ съ королемъ, одѣтый порусски; сѣдло подъ нимъ было обито чистымъ золотомъ, стрѣлы и сабля позолоченные съ узорами. На немъ былъ «кожухъ» (конечно не тулупъ, такъ какъ тогда былъ знойный день) греческой матеріи, украшенный кружевами и золотой тесьмой; и былъ князь обутъ въ зеленыхъ сафьянныхъ сапогахъ, вышитыхъ золотомъ. Его превосходный породистый конь возбуждалъ удивленіе и похвалы. «Твой пріѣздъ, по обычаю русскихъ князей, дороже мнѣ тысячи серебра», сказалъ ему въ привѣтствіе венгерскій король. Вскорѣ послѣ того поднялся новый споръ за австрійско-штирійское наслѣдство. У покойнаго Фридриха было двѣ дочери: одна изъ нихъ была за Оттокаромъ, сыномъ чешскаго короля Вацлава, а другая, по имени Гертруда, была вдова маркграфа баденскаго. Оттокаръ, съ согласія партіи, державшей его сторону въ Австріи, хотѣлъ овладѣть всѣмъ наслѣдствомъ. Гертруда обратилась къ покровительству Бѣлы. Здѣсь при дворѣ его познакомился съ нею сынъ Данила, Романъ, и женился на ней. Такимъ образомъ у Данила возникло притязапіе утвердить сына въ обладаніи Австріею и Штиріею. Для завѣтныхъ цѣлей Данила удача въ томъ случаѣ имѣла бы большое значеніе. Въ союзѣ съ Бѣлою и зятемъ Бѣлы Болеславомъ Стыдливымъ польскимъ княземъ, Данило совершилъ противъ Оттокара походъ въ чешскія владѣнія, въ землю опавскую (Троппау). Походъ этотъ, безплодный по своимъ послѣдствіямъ, замѣчателенъ только тѣмъ, что, по выраженію лѣтописца, ни одинъ русскій князь не заходилъ такъ далеко на западъ.

Даниловы союзники, поляки, въ этой войнѣ вели себя очень не храбро, такъ что Данилу пришлось усовѣщевать ихъ. Наконецъ, потерявши терпѣніе, онъ сказалъ имъ: «Если хотите, идите прочь, а я останусь съ малою дружиною». Самъ Данило страдалъ тогда сильною глазною болѣзнью, но все-таки неутомимо разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечемъ, собиралъ и ободрялъ воиновъ. Союзники, не взявши города Опавы, овладѣли только городкомъ Насилье (Носельтъ), потомъ заставили чешскаго воеводу Герборта прислать мечъ Данилу въ знакъ покорности. Война эта, по всеобщему тогдашнему обычаю, сопровождалась варварскимъ разореніемъ края, но Данило смягчалъ ея жестокость. Такимъ

образомъ, взявши городъ Насилье, онъ только освободилъ своихъ плѣнниковъ и не велѣлъ никому дѣлать зла.

Роману Даниловичу и впослѣдствіи не удалось овладѣть Австріею. Бѣла измѣнилъ своимъ видамъ относительно Романа. Оставивши у себя при дворѣ сына Гертруды отъ перваго брака, онъ задумалъ женить его на своей дочери и предоставить ему спорныя владѣнія, а потому и покинулъ безъ помощи Романа, боровшагося въ Австріи съ Оттокаромъ. Осажденный въ Нейбургѣ близь Вѣны, Романъ вмѣстѣ съ женою терпѣлъ недостатокъ, напрасно ожидая выручки отъ Бѣлы. Тогда Оттокаръ сдѣлалъ ему такое предложеніе: «Оставь короля угорскаго: онъ тебѣ много обѣщаетъ, но ничего не исполнитъ; ты мнѣ своякъ: раздѣлимъ землю пополамъ; а что я говорю правду, въ томъ ставлю тебѣ свидѣтелей: папу и двѣнадцать епископовъ». Но Романъ слѣдовалъ нравственнымъ правиламъ отца своего, никогда не измѣнявшаго своимъ союзникамъ, и сказалъ: «Я далъ обѣщаніе королю угорскому своему тестю: не могу тебя послушать. Стыдно и грѣшно не исполнять даннаго слова». Сама жена вооружала его противъ Бѣлы: «Онъ взялъ моего сына къ себѣ—говорила она—хочетъ забрать нашу землю, а мы за него здѣсь голодъ терпимъ». Романъ былъ непреклоненъ. Преданная имъ женщина тайкомъ пробиралась изъ Нейбурга въ Вѣну и приносила имъ пищу. Наконецъ, какой-то Веренгеръ вывелъ ихъ изъ осады и Романъ отправился къ отцу.

Планъ Данила съ этой стороны окончательно рушился.

Удачнѣе шли дѣла Данила на сѣверѣ. Ятвяги, народъ воинственный, дикій и жестокій, жившій въ лѣсахъ и болотахъ нынѣшней гродненской губерніи, дѣлали опустошительные набѣги на русскія области и уводили множество плѣнниковъ, которыхъ держали въ тяжеломъ рабствѣ. Данило проникъ въ ихъ трущобы, разорилъ ихъ поселенія и освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, наконецъ, умертвилъ въ битвѣ ихъ князя Стеконта, подчинилъ ихъ своей власти и наложилъ на нихъ дань.

Удачно также шли дѣла его съ литвою. Этотъ народъ, когда-то покорный русскимъ князьямъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія нѣмецкими рыцарями, хотѣвшими жестокими мѣрами распространить между нимъ крещеніе. Столкновеніе съ этими новыми врагами пробудило спящія силы литвиновъ, и они не только упорно и мужественно отбивались отъ враговъ, но сдѣлались воинственнымъ и завоевательнымъ народомъ. Литва начала расширяться насчетъ Руси. Одинъ изъ ея князей, Миндовгъ, заложилъ свою столицу Новогродокъ на русской землѣ и сдѣлался сильнѣйшимъ княземъ во всей Литвѣ. Двое племянниковъ его: Тевтивиллъ и

Эдивидъ сдѣлались князьями—одинъ полоцкимъ, другой смоленскимъ, а дядя ихъ Викинтъ витебскимъ. Миндовгъ хотѣлъ подчинить ихъ своей власти; тогда они обратились за помощью къ Данилу. Данило, послѣ смерти первой жены своей Анны, женился на сестрѣ Тевтивилла и Эдивида, и теперь горячо принялъ ихъ сторону. Чтобы усмирить Миндовга, Данило заключилъ союзъ съ Ригою; вооружилъ противъ Миндовга половину жмуди (вѣтвь литовцевъ) и ятвяговъ и стѣснилъ Миндовга такъ, что послѣдній, съ намѣреніемъ разорвать союзъ Данила съ нѣмцами, изъявилъ желаніе принять католическую вѣру. Въ 1252 году онъ крестился въ присутствіи папскаго легата и магистра нѣмецкаго ордена, и былъ коронованъ королемъ. Крещеніе его было притворное: онъ въ душѣ оставался язычникомъ. Вскорѣ Миндовгъ убѣдился, что союзъ его съ нѣмцами приведетъ его къ порабощенію и что гораздо лучше будетъ сойтись съ русскими. Онъ помирился съ племянниками и предложилъ миръ и родственный союзъ Данилу, отдавши свою дочь за сына данилова Шварна. Союзъ этотъ устроилъ сынъ Миндовга, знаменитый Воишелкъ: сперва кровожадный и жестокій, этотъ литовскій князь потомъ принялъ христіанство, постригся въ монахи и сдѣлался строгимъ отшельникомъ. Преданный Данилу, онъ привелъ къ нему сестру свою, будущую жену Шварна. Миръ былъ закрѣпленъ тѣмъ, что старшему сыну Роману предоставили Новогродокъ, Слонимъ и Волковыйскъ, съ обязанностью, однако, признавать первенство Миндовга.

Но всѣ эти успѣхи были недостаточны для цѣлей Данила. Ему нужно было пріобрѣсть значеніе и силу въ Европѣ, заручиться надеждою на помощь со стороны Запада въ то время, когда онъ открыто рѣшится дѣйствовать противъ татаръ. Для этой цѣли нужно было сойтись ему съ такою центральною силою, которая двигала всѣмъ западнымъ міромъ. Такою центральною силою казался ему папа. Постоянныя и долгія сношенія съ западными католическими государями неизбѣжно должны были внушить ему высокое мнѣніе о могуществѣ духовнаго римскаго престола, хотя въ то время это могущество въ сущности не могло произвести того, что́ производило столѣтіемъ ранѣе. Сношенія съ папою начались еще съ 1246 года. Данило изъявлялъ желаніе отдать себя подъ покровительство св. Петра, чтобы идти подъ благословеніемъ римскаго престола, вмѣстѣ съ западнымъ христіанствомъ, на монголовъ. Послѣдствіемъ этого обращенія былъ цѣлый рядъ папскихъ посольствъ и буллъ. Желая прежде всего устроить присоединеніе русской церкви, папа Иннокентій IV по-

слалъ къ Данилу доминиканскихъ монаховъ Алексѣя Гецелона и другихъ для совѣщанія о вѣрѣ и для постояннаго пребыванія при русскомъ князѣ, писалъ цѣлый рядъ буллъ, называлъ въ нихъ Данила королемъ, дозволялъ русскимъ сохранять ненарушимо служеніе литургіи на просфорахъ и соблюдать всѣ обряды греческой церкви и предлагалъ, между прочимъ, короновать его королемъ. Но Данило имѣлъ въ виду только одно: существенную помощь Запада для освобожденія Руси отъ монголовъ, а потому не поддавался ни на какія уловки «Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ,—говорилъ онъ папскому послу?—татары не перестаютъ дѣлать намъ зло; зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи»! Въ 1249 году, потерявши надежду на помощь папы, Данило изгналъ епископа Альберта, котораго папа назначилъ главою духовенства въ южной Руси. Папскій легатъ съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Тѣмъ и кончились тогда сношенія Данила съ папою. Въ 1252 году, король венгерскій помирилъ Данила съ Римомъ и сношенія съ папою возобновились. Въ 1253 году папа издалъ буллу ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи, призывающую ихъ къ крестовому походу противъ татаръ, а въ слѣдующемъ 1254 году буллу къ архіепископу, епископамъ и другимъ духовнымъ особамъ Эстоніи и Пруссіи, чтобы они проповѣдывали крестовый походъ противъ татаръ. Въ глазахъ Данила вся восточная Европа готова была подняться противъ завоевателей Руси. Тогда же папа отправилъ пословъ къ Данилу съ королевскою короною, но Данило не очень горячо хватался за эту папскую милость. Когда онъ, возвращаясь изъ чешскаго похода, свидѣлся съ этими послами въ Краковѣ, то сказалъ имъ: «Не годится мнѣ видѣться съ вами въ чужой землѣ. Послѣ»! Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Русь папскій легатъ Опизо съ королевскимъ вѣнцомъ, скипетромъ и съ щедрыми обѣщаніями помощи противъ татаръ. Данило и теперь еще колебался; но его убѣдили принять предложеніе папы, съ одной стороны:—его мать, а съ другой—польскіе князья Болеславъ и Земовитъ. Послѣдніе съ своими вельможами обѣщали Данилу, какъ только онъ приметъ вѣнецъ, тотчасъ идти противъ татаръ. Данило былъ торжественно коронованъ въ Дрогичинѣ и помазанъ папскимъ легатамъ (1255). Его успокоили увѣренія легата, что «папа уважаетъ греческую церковь, проклинаетъ тѣхъ, кто осуждаетъ ея обряды и намѣренъ скоро собрать соборъ для соединенія церквей».

Въ томъ же году начались непріязненныя дѣйствія съ татарами. Неизвѣстно, дошелъ ли до монголовъ слухъ, что на западѣ

собираются идти на нихъ, или же ихъ раздражило то, что Данило укрѣплялъ свои города. Ханскій темникъ Куремса подступилъ къ Бакотѣ. Ее сдалъ татарамъ Милѣй, вѣроятно русскій, и назначенъ былъ въ ней отъ татаръ баскакомъ. Данило, занятый въ то время дѣлами въ Литвѣ, послалъ въ Бакоту сына своего Льва. Левъ отвоевалъ Бакоту и привелъ плѣннаго Милѣя къ отцу. Измѣнникъ успѣлъ умилостивить князей. Левъ самъ поручился за него и Данило, понадѣявшись на его увѣренія въ вѣрности, отпустилъ Милѣя, а послѣдній тотчасъ же отдалъ Бакоту опять татарамъ. Куремса подступилъ къ Кременцу, но не взялъ его. Нашелся русскій князь, увидавшій возможность воспользоваться гнѣвомъ татаръ противъ Данила для своихъ выгодъ: то былъ Изяславъ, князь новгородъ-сѣверскій, племянникъ тѣхъ Игоревичей, которые нѣкогда были повѣшены въ Галичѣ; онъ предложилъ татарамъ овладѣть Галичемъ и просилъ ихъ помощи. Куремса сказалъ ему: «какъ ты пойдешь на Галичъ? лютъ князь Данило, убьетъ тебя»! Изяславъ не послушался совѣта и пошелъ въ Галичъ. Услышавши объ этомъ, Данило послалъ туда съ отрядомъ сына своего Романа, а самъ у Грубѣшова съ своими людьми охотился за вепрями, собственноручно убилъ троихъ звѣрей рогатиной и отдалъ мясо воинамъ: «Если встрѣтятся вамъ хотя бы татары,—говорилъ онъ имъ,—не бойтесь!» Видно, что татары своимъ однимъ именемъ наводили ужасъ на русскихъ. Романъ напалъ на Изяслава такъ неожиданно, что тотъ, не будучи въ силахъ ни защищаться, ни убѣжать, взобрался на церковь и тамъ сидѣлъ три дня, а на четвертый, не стерпѣвъ жажды, сдался и былъ приведенъ къ Данилу.

Куремса, человѣкъ слабый и недѣятельный, не трогалъ долго Данила. Это ободрило русскаго князя. Онъ рѣшился отобрать у татаръ русскіе города до самаго Кіева. Литовскій князь Миндовгъ далъ обѣщаніе дѣйствовать съ нимъ заодно. Данило отправилъ войско подъ начальствомъ сыновей своихъ: Шварна и Льва и воеводы Діонисія Павловича. Діонисій взялъ Межибожье; Левъ занялъ берега Буга и выгналъ оттуда татаръ; отряды Данила и Василька завоевали Бологовскій край, а Шварно овладѣлъ всѣми городами на востокъ по рѣкѣ Тетереву до Жидичева. Бѣлобережцы, чернятинцы, бологовцы съ своей стороны прислали пословъ своихъ къ Данилу, но городъ Звягель, обѣщавшій принять къ себѣ данилова тіуна, измѣнилъ и не сдавался. Данило самъ отправился вслѣдъ за своимъ сыномъ Шварномъ, взялъ Звягель приступомъ и разселилъ его жителей. Въ это время литовцы, вмѣсто того, чтобы помогать Данилу и

идти съ нимъ по обѣщанію къ Кіеву, начали грабить и разорять его владѣнія около Луцка, совершенно неожиданно для Данила. Посланный противъ нихъ дворскій Олекса, наказалъ ихъ жестоко, загнавъ и потопивши въ озеро. Но измѣна литовцевъ остановила дальнѣйшія движенія Данила.

Вражда татарамъ была объявлена. Куремсы двинулись на Луцкъ, но этотъ городъ стоялъ на островѣ и жители заранѣе истребили мостъ; татары черезъ рѣку Стырь хотѣли пускать камни въ городъ, но поднялась сильная буря и изломала ихъ пороки. Съ тѣхъ поръ Куремса не нападалъ на Данила. Но въ 1260 году на мѣсто Куремсы былъ назначенъ другой темникъ, по имени Бурандай, человѣкъ суровый, воинственный.

Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Данилу обѣщали на помощь силы крестоваго похода, но обѣщаніе не исполнялось; Данило, между тѣмъ, понадѣявшись на помощь съ Запада, раздразнилъ татаръ и былъ теперь предоставленъ собственнымъ силамъ. Бурандай явился съ огромнымъ войскомъ на Волынь, не дѣлалъ никакихъ укоровъ Данилу за его послѣднія дѣйствія, а послалъ приказаніе идти съ нимъ на Литву. Данило радъ былъ и тому, что могъ на время избавиться отъ такихъ гостей, и отправилъ на Литву къ Бурандаю брата своего Василька. Недавняя измѣна литовцевъ, остановившая успѣхи Данила, оправдываетъ поступокъ его. Татары разсѣялись по Литвѣ, жгли и опустошали ее. Бурандай, какъ будто довольный послушаніемъ Василька, ласково отпустилъ его во Владиміръ. Но въ слѣдующемъ 1261 году, возвратившись изъ Литвы, Бурандай послалъ къ Романовичамъ такое грозное посланіе: «Встрѣчайте меня, если вы въ мирѣ со мною, а кто меня не встрѣтитъ—съ тѣмъ я въ войнѣ». Василько въ то время справлялъ свадьбу своей дочери съ черниговскимъ княземъ, и, оставивши свадебный пиръ, долженъ былъ ѣхать на поклонъ къ грозному темнику. Данило не поѣхалъ къ нему и послалъ на мѣсто себя сына Льва и холмскаго владыку Ивана.

Посланные явились къ Бурандаю подъ Шумскомъ и принесли ему дары. Бурандай встрѣтилъ ихъ грозно и началъ кричать на Василька, и Льва. Владыка совершенно оторопѣлъ отъ страха. Наконецъ Бурандай сказалъ князьямъ: «Если хотите жить съ нами въ мирѣ, размечите всѣ ваши города».

Помощи надѣяться было неоткуда; при малѣйшемъ упорствѣ Бурандай задержалъ бы князей и пустилъ бы татаръ истреблять въ краѣ старыхъ и малыхъ. Приходилось уступить.

Левъ разметалъ укрѣпленія города Львова, имъ самимъ по-

строеннаго и города Стожка, недавно воздвигнутаго Даниломъ, а Василько послалъ приказаніе уничтожить укрѣпленія Кременца и Луцка. Самъ Бурандай отправился съ Василькомъ во Владиміръ, желая быть свидѣтелемъ разрушенія укрѣпленій столицы волынскаго края. Не дойдя до этого города, татарскій темникъ остановился ночевать на Житанѣ и сказалъ Васильку: «Иди и размечи свой городъ».

Василько, прибывши къ Владиміру, увидѣлъ, что въ скоромъ времени нельзя разобрать всѣхъ стѣнъ до пріѣзда Бурандая и потому приказалъ зажечь ихъ. Бурандай, пріѣхавши вслѣдъ за нимъ, съ радостью смотрѣлъ, какъ потухали сгорѣвшія стѣны, обѣдалъ затѣмъ у Василька, обошелся съ нимъ милостиво и на ночь выѣхалъ изъ города, а утромъ послалъ къ Васильку татарина Баймура, который сказалъ ему такъ: «Василько, приказалъ мнѣ Бурандай раскопать твой городъ».

«Дѣлай то, что тебѣ приказано»!—отвѣчалъ Василько.

Баймуръ раскопалъ владимирскіе окопы: это знаменовало побѣду татаръ надъ русскими.

Вслѣдъ затѣмъ Бурандай призвалъ Василька и приказалъ, собравъ бояръ и слугъ, идти на Холмъ.

Данила уже не было тогда въ его столицѣ. Владыка Иванъ пріѣхалъ туда впередъ и разсказалъ Данилу о томъ, что слышалъ отъ Бурандая въ Шумскѣ. Данило бѣжалъ въ Венгрію. Сопротивляться ему противъ татаръ было невозможно, а унижаться и раболѣпствовать было слишкомъ невыносимо.

Городъ Холмъ былъ хорошо укрѣпленъ пороками и самострѣлами; бояре и горожане готовы были отражать приступъ. Бурандай сказалъ Васильку: «Это городъ твоего брата, ступай къ горожанамъ, уговори ихъ сдаться». Вмѣстѣ съ нимъ отправилъ онъ троихъ татаръ и толмача съ приказаніемъ наблюдать, что́ будетъ говорить Василько съ русскими.

Василько набралъ въ руки камешковъ и, придя подъ городъ съ татарами, началъ кричать такъ: «Эй ты, холопъ Константинъ и ты, другой холопъ Лука Иванковичъ, это городъ брата моего и мой, сдавайтесь»! и съ этими словами трижды бросилъ камни о земь.

Бояринъ Константинъ, стоя на стѣнѣ съ горожанами, понялъ, что́ означало это бросаніе камней: Василько, не смѣя сказать словами того, что́ хотѣлъ, давалъ имъ знакъ, чтобы они не дѣлали того, что́ онъ имъ приказывалъ на словахъ.

«Ступай прочь—закричалъ бояринъ Константинъ,—а то мы тебя хватимъ камнемъ въ лицо; ты уже теперь не братъ своему брату, а врагъ его».

Татары разсказали Бурандаю то что̀ слышали, и Бурандай былъ очень доволенъ Василькомъ. Брать укрѣпленные города осадою было не въ духѣ татаръ, и потому-то татары такъ настаивали, чтобы въ покоренной ими землѣ не было укрѣпленныхъ мѣстъ. Татары отступили.

Бурандай приказалъ Васильку идти съ собой на Польшу. Василько поневолѣ долженъ былъ опять повиноваться и быть свидѣтелемъ и участникомъ разоренія края. Татары взяли приступомъ Судомиръ (Сендомиръ) и перебили всѣхъ жителей, не щадя ни пола, ни возраста, когда послѣдніе выбѣжали въ поле изъ разореннаго города. Надѣлавши опустошеній въ Польшѣ, Бурандай удалился въ свои становища въ приднѣпровской украинѣ.

Итакъ, всѣ задушевныя предположенія Данила разрушились. Западъ обманулъ его. Онъ долженъ былъ понять, что съ этой стороны нельзя ждать Руси спасенія отъ татаръ. Его сношенія съ папою не привели ни къ какому желанному результату, ни для него, ни для папы. Данило хотѣлъ помощи противъ завоевателей и, только ради этой помощи, искалъ покровительства папы; папская политика имѣла въ виду одно: обольстить русскихъ и подчинить ихъ церковь своей власти, въ какомъ бы матеріальномъ положеніи они ни оставались. Понятно, что Данило, видя себя обманутымъ со стороны Запада, и видя безсиліе папы для своихъ цѣлей, не хотѣлъ болѣе знать его. Папа Александръ IV еще въ 1257 году писалъ ему буллу съ горькими укорами за то, что онъ не оказываетъ никакого повиновенія папскому престолу и грозилъ церковнымъ проклятіемъ. Данило уже не обращалъ вниманія на эти угрозы. Въ этомъ дѣлѣ Данило велъ себя вполнѣ честно и безукоризненно: онъ не хитрилъ, а говорилъ открыто, что ему нужна дѣйствительная помощь противъ враговъ и только подъ этимъ условіемъ обѣщалъ признать духовную власть римскаго первосвященника, притомъ не иначе, какъ тогда, когда будетъ созванъ соборъ, долженствующій установить соединеніе церквей. Ни того, ни другого не было сдѣлано со стороны папы, который въ сущности не въ состояніи былъ исполнить того, что́ обѣщалъ. Понятно, что Данило могъ считать свою совѣсть спокойною, отвернувшись отъ папы.

Обнаженная отъ своихъ укрѣпленій, Русь стала болѣе прежняго открытою для литовскихъ набѣговъ. Литовцы, отмщая русскимъ за татарскій походъ, сдѣлали вторженіе въ ихъ землю, но были прогнаны и разбиты Василькомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1262 г. въ Литвѣ произошелъ переворотъ: Миндовгъ, обратив-

шійся опять къ язычеству, былъ убитъ. Сынъ его Войшелкъ, оставивъ на время монашескій чинъ, принялъ званіе литовскаго князя, перебилъ враговъ Миндовга и готовился снова идти въ монастырь, предоставляя княженіе сыну Данила Шварну. Среди этихъ событій въ 1264 году Данило, еще прежде впавшій въ болѣзнь, скончался въ Холмѣ и погребенъ тамъ въ построенной имъ церкви Богородицы.

Въ судьбѣ этого князя было что-то трагическое. Многаго добился онъ, чего не достигалъ ни одинъ южнорусскій князь и съ такими усиліями, которыхъ не вынесъ бы другой. Почти вся южная Русь, весь край, населенный южно-русскимъ племенемъ, былъ въ его власти; но не успѣвши освободиться отъ монгольскаго ига и дать своему государству самостоятельнаго значенія, Данило тѣмъ самымъ не оставилъ и прочныхъ залоговъ самостоятельности для будущихъ временъ. По отношенію къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, какъ и вообще во всей своей дѣятельности, Данило всегда отважный, неустрашимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный и добросердечный до наивности, былъ менѣе всего политикъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы не видимъ и слѣда хитрости, даже той хитрости, которая не допускаетъ людей попадаться въ обманъ. Этотъ князь представляетъ совершенную противоположность съ осторожными и разсчетливыми князьями восточной Руси, которые, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ, усвоивали отъ отцовъ и дѣдовъ путь хитрости и насилія, и привыкли не разбирать средствъ для достиженія цѣли.

Не прошло ста лѣтъ послѣ Данила, и въ то время, какъ въ восточной Руси возникали прочныя начала государственнаго единенія, южная Русь—явившись еще въ XIII вѣкѣ на короткое время въ образѣ государства подъ властью князя, получившаго титулъ монарха между европейскими государями—не только распалась, но сдѣлалась добычею чужеземцевъ. Къ такой судьбѣ безпорно приводило ее географическое положеніе, близкое сосѣдство съ Европою. Восточною частью южной Руси завладѣли литовцы, западною—поляки, и, по соединеніи послѣднихъ между собою въ одну державу, Южная Русь на многіе вѣка была оторвана отъ русской семьи, подвергаясь насильственному давленію чуждыхъ стихій и выбиваясь изъ-подъ ихъ гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усиліями народа. Но личность Данила Галицкаго тѣмъ не менѣе остается благородною, наиболѣе возбуждающею къ себѣ сочувствіе личностью во всей древней русской исторіи.

VIII.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКІЙ.

XIII вѣкъ былъ періодомъ самаго ужаснаго потрясенія для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ бесчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, разорили, обезлюдили бóльшую часть Руси и поработили остатокъ народоселенія; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ западнаго католичества. Задачею политическаго дѣятеля того времени было поставить Русь по возможности въ такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу, и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости можетъ назваться истиннымъ представителемъ своего вѣка.

Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Отрочество и юность его большею частью протекли въ Новгородѣ. Отецъ его Ярославъ всю жизнь то ссорился съ новгородцами, то опять ладилъ съ ними. Нѣсколько разъ новгородцы прогоняли его за крутой нравъ и насиліе и нѣсколько разъ приглашали снова, какъ бы не въ состояніи обойтись безъ него. Князь Александръ уже въ молодыхъ лѣтахъ подвергался тому же вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1228 году, оставленный съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, съ двумя княжескими мужами, въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ бѣжать, не выдержавъ поднявшагося въ то время междоусобія — явленія обычнаго въ вольномъ Новгородѣ. Въ 1230 году юноша снова вернулся въ Новгородъ съ отцомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, долго не покидалъ Новгорода. Съ 1236 года начинается его самобытная дѣятельность. Отецъ его Яро-

славъ уѣхалъ въ Кіевъ; Александръ посаженъ былъ княземъ въ Великомъ Новѣгородѣ. Черезъ два года (1238) Новгородъ праздновалъ свадьбу своего молодого князя: онъ женился на Александрѣ, дочери Брячислава полоцкаго, какъ кажется послѣдняго изъ Рогволодовичей, скоро замѣненныхъ въ Полоцкѣ литовскими князьками. Вѣнчаніе происходило въ Торопцѣ. Князь отпраздновалъ два свадебныхъ пира, называемыхъ тогда «кашею» — одинъ въ Торопцѣ, другой въ Новгородѣ, какъ бы для того чтобы сдѣлать новгородцевъ участниками своего семейнаго торжества. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, а голосъ его, по выраженію современника, «гремѣлъ передъ народомъ какъ труба.» Вскорѣ важный подвигъ предстоялъ ему.

Вражда нѣмецкаго племени съ словянскимъ принадлежитъ къ такимъ всемірнымъ историческимъ явленіямъ, которыхъ начало недоступно изслѣдованію, потому что оно скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. При всей скудости свѣдѣній нашихъ, мы не разъ видимъ въ отдаленной древности признаки давленія нѣмецкаго племени надъ словянскимъ. Уже съ IX вѣка въ исторіи открывается непрерывное многовѣковое преслѣдованіе словянскихъ племенъ; нѣмцы порабощали ихъ, тѣснили къ востоку и сами двигались за ними, порабощая ихъ снова. Пространный прибалтійскій край, нѣкогда населенный многочисленными словянскими племенами, подпалъ насильственному нѣмецкому игу для того, чтобы потерять до послѣднихъ слѣдовъ свою народность. За прибалтійскими словянами къ востоку жили литовскія и чудскія племена, отдѣлявшія первыхъ отъ ихъ русскихъ соплеменниковъ. Къ этимъ племенамъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка проникли нѣмцы въ образѣ воинственной общины подъ знаменемъ религіи и, такимъ образомъ, стремленіе нѣмцевъ къ порабощенію чужихъ племенъ соединилось съ распространеніемъ христіанской вѣры между язычниками и съ подчиненіемъ ихъ папскому престолу. Эта воинственная община былъ рыцарскій орденъ крестоносцевъ, раздѣлявшійся на двѣ вѣтви: орденъ Тевтонскій или св. Маріи и, позже его основанный въ 1202 году, орденъ Меченосцевъ, предназначенный для поселенія въ чудскихъ и леттскихъ краяхъ, сосѣднихъ съ Русью. Оба эти ордена, впослѣдствіи, соединились для совокупныхъ дѣйствій.

Полоцкій князь Владиміръ, по своей простотѣ и недальновидности, самъ уступилъ пришельцамъ Ливонію (нынѣшнія прибалтійскія губерніи) и этимъ поступкомъ навелъ на сѣверную Русь продолжительную борьбу съ исконными врагами словянскаго племени.

Властолюбивые замыслы нѣмцевъ послѣ уступки имъ Ливоніи обратились на сѣверную Русь. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на западѣ врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самаго христіанства.

Борьба Новгорода съ нѣмцами была неизбѣжна. Новгородцы еще прежде владѣли значительнымъ пространствомъ земель, населенныхъ чудью и постоянно, двигаясь на западъ, стремились къ подчиненію чудскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они распространяли между послѣдними православіе болѣе мирнымъ, хотя и болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ западные рыцари. Какъ только нѣмцы утвердились въ Ливоніи, тотчасъ начались нескончаемыя и непрерывныя столкновенія и войны съ Новгородомъ; и такъ шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникамъ, не хотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ, и потому-то въ глазахъ западнаго христіанства сами представлялись поборниками язычниковъ и врагами христовой вѣры. Такія же столкновенія явились у новгородцевъ съ католическою Швеціею по поводу Финляндіи, куда съ одной стороны проникали новгородцы съ православнымъ крещеніемъ, а съ другой шведы съ западнымъ католичествомъ; споръ между обѣими сторонами былъ также и за земное обладаніе финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждалъ, какъ нѣмцевъ, такъ и шведовъ, къ такому же покоренію сѣверной Руси, какимъ уже было покореніе Ливоніи и Финляндіи. Въ завоеванной Ливоніи нѣмцы насильно обращали къ христіанству язычниковъ; точно также приневоливали они принимать католичество крещенныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало: они насиловали совѣсть и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которыхъ отцы еще прежде прибытія рыцарей водворились въ Ливоніи.

Силы ордена меченосцевъ увеличились отъ соединенія съ тевтонскимъ орденомъ. Между тѣмъ рыцари, по рѣшенію папы, должны были уступить датчанамъ часть Ливоніи (Гаррію и Вирландію), а папа предоставилъ имъ вознаградить себя за это покореніемъ русскихъ земель. Вслѣдствіе этого, по призыву дерптскаго епископа Германа, рыцари и съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ бросились на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей Ярославъ Владимировичъ велъ враговъ на своихъ соотечественниковъ. Въ 1240 году нѣмцы овладѣли Псковомъ: между псковитянами нашлись измѣнники; одинъ изъ нихъ Твердила Иванковичъ сталъ управлять городомъ отъ нѣмецкой руки.

Между тѣмъ на Новгородъ ополчились шведы. Папская булла поручала шведамъ начать походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Въ Швеціи, вмѣсто больнаго короля управлялъ тогда зять его Биргеръ. Этотъ правитель Биргеръ самъ взялъ начальство надъ священнымъ ополченіемъ противъ русскихъ. Въ войскѣ его были шведы, норвежцы, финны и много духовныхъ особъ съ ихъ вассалами. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ ко князю Александру объявленіе войны надменное и грозное. «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою».

У новгородцевъ война также приняла религіозный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги, возбужденные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ помолился у св. Софьи и выступилъ съ новгородскою ратью къ устью Волхова. Къ нему пристали ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы вошли въ Неву и бросили якорь въ устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги въ расплохъ: прежде всего слѣдовало взять этотъ новгородскій пригородъ, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій Новгородъ. Въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ не медлилъ и, предупредивши ихъ, приблизился къ Ижорѣ въ воскресенье 15-го іюля (1240). Шведы не ждали непріятелей и расположились спокойно; ихъ шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде, чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь своею богатырскою удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золото верхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу: «возложилъ ему печать на лицо», говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненныхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на свои шнеки чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море [1]).

[1]) У новгородцевъ былъ обычай ставить стражу при впаденіи Невы въ море. Начальство надъ этой стражей было тогда поручено какому-то крещенному вожа-

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заранѣе считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣшней петербургской, отчасти олонецкой губерніи); они отдавали страны эти католичеству и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 года эзельскій епископъ по имени Генрихъ заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее, рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригородъ Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по неволѣ приставали къ нимъ; тѣ которые не хотѣли — разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали тридцати верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ и не на чемъ было пахать поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси, — Александръ не противился.

Немедлено отправился онъ съ новгородцами очищать новго-

нину (принадлежавшему къ Води народу чудскаго или финскаго племени, населявшему нынѣшнюю петербургскую губернію) Пельгусію, получившему въ крещеніи имя Филиппа. Пельгусій былъ очень благочестивъ и богоугоденъ, соблюдалъ посты и потому сдѣлался способнымъ видѣть видѣнія. Когда шведы явились, онъ пошелъ къ Александру извѣстить о ихъ прибытіи и разсказалъ ему, какъ стали шведы. „Мнѣ было видѣніе — сказалъ онъ—когда я еще стоялъ на вскрай моря; только что стало восходить солнце, услышалъ я шумъ страшный по морю и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ; одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ; на краю ихъ ладьи сидѣли гребцы и работали веслами, ихъ одѣвала мгла и нельзя было различить лика ихъ, но я услышалъ, какъ сказалъ Борисъ мученикъ брату своему св. Глѣбу: „брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!“ И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба; и мнѣ стало страшно, такъ что я трепеталъ; и насадъ отошелъ изъ глазъ у меня.—„Не говори же этого никому другому“, сказалъ ему Александръ. Такое благочестивое преданіе осталось объ этомъ событіи.

родскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова освободилъ его отъ нѣмцеъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣетниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ двинулся на встрѣчу врагамъ и у скалы, называемой Вороній камень на Узмени, произошла другая битва не менѣе знаменитая Невской, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ: «Ледовое побоище». Враги встрѣтились въ субботу 5 апрѣля при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ до Суболичскаго берега.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близь коня его вели знатныхъ рыцарей; за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. На встрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ орденомъ въ кровавыя столкновенія, но уже мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель, о порабощеніи ихъ наравнѣ съ Ливоніею, которое подвергло бы ихъ участи прибалтійскихъ словянъ,—навсегда оставила нѣмцевъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ на равнѣ съ язычниками, избрали другой путь, въ надеждѣ подчинить себѣ Русь, — путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столько же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы.

Такимъ образомъ, папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 (булла писана въ 1248) двухъ кардиналовъ Гальда и Гемонта. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ

этого подчиненія и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Въ лѣтописяхъ есть отвѣтъ Александра папѣ, явно сочиненный впослѣдствіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ на отрѣзъ. Посольство это повлекло за собою въ послѣдующей русской исторіи множество подобныхъ посольствъ также безполезныхъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью; но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ нельзя было и думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ подъ власти монголовъ. Надобно было избрать другіе пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русскихъ политическихъ людей — другіе идеалы. Оставалось отдаться на великодушіе побѣдителей, кланяться имъ, признать себя ихъ рабами и тѣмъ самымъ, какъ для себя такъ и для своихъ потомковъ, усвоить рабскія свойства. Это было тѣмъ легче, что монголы, безжалостно истреблявшіе все, что имъ сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны къ покорнымъ. Александръ, какъ передовой человѣкъ своего вѣка, понялъ этотъ путь и вступилъ на него. Еще отецъ его Ярославъ отправился въ Орду, но не воротился оттуда. Его путешествіе не могло служить образцомъ, потому что не могло назваться счастливымъ: говорили даже, что его отравили въ Ордѣ. Александръ совершилъ свое путешествіе съ такимъ успѣхомъ, что оно послужило образцомъ и примѣромъ для поведенія князей.

Наши лѣтописцы говорятъ, что Батый самъ приказалъ Александру въ качествѣ князя новгородскаго явиться къ себѣ и далъ приказъ въ такихъ выраженіяхъ: «мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: ты-ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? но если хочешь сохранить за собою землю свою, прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего». Александръ пріѣхалъ въ волжскую орду вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ въ 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старѣйшаго князя оставалось незанятымъ и отъ воли побѣдителей зависѣло дать его тому или другому.

Монголы жили тогда еще совершенно кочевою жизнью, хотя

и окружали себя роскошью цивилизаціи тѣхъ странъ, которыя они покорили и опустошили. Еще постоянныхъ городовъ у нихъ на Волгѣ не было; за то были такъ сказать подвижные огромные города, состоявшіе изъ разбитыхъ по прихоти властелина кибитокъ, перевозимыхъ на телегахъ съ мѣста на мѣсто. Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ устраивался и существовалъ болѣе или менѣе долгое время многолюдный кочевой городъ. Являлись ремесла и торговля; потомъ — по приказанію хана все укладывалось и огромный обозъ въ нѣсколько сотъ и тысячъ телегъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ, скота, съ табунами лошадей, двигался для того, чтобы, черезъ нѣсколько дней пути, опять расположиться станомъ. Въ такой станъ прибыли наши князья. Ихъ заставили, по обычаю, пройти между двумя огнями для очищенія отъ зловредныхъ чаръ, которыя могли пристать къ хану. Выдержавши это очищеніе, они допускались къ хану, передъ которымъ они должны были явиться съ обычными земными поклонами. Ханъ принималъ завоеванныхъ подручниковъ въ разрисованной войлочной палаткѣ, на вызолоченномъ возвышеніи, похожемъ на постель, съ одною изъ своихъ женъ, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по правую руку его сидѣли мужчины, по лѣвую женщины. Батый принялъ нашихъ князей ласково и сразу понялъ, что Александръ, о которомъ уже онъ много слышалъ, выходитъ по уму своему изъ ряду прочихъ русскихъ князей.

По волѣ Батыя Ярославичи должны были отправиться въ Большую Орду къ великому хану. Путь нашимъ князьямъ лежалъ черезъ необозримыя степныя пространства Средней Азіи. Ханскіе чиновники сопровождали ихъ и доставляли перемѣнныхъ лошадей. Они видѣли недавно разоренные города и остатки цивилизаціи народовъ, порабощенныхъ варварами. До монгольскаго погрома многія изъ этихъ странъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, а теперь были въ развалинахъ и покрыты грудами костей. Порабощенные остатки народонаселенія должны были служить завоевателямъ. Вездѣ была крайняя нищета и нашимъ князьямъ не разъ приходилось переносить голодъ; не мало терпѣли они тамъ отъ холода и жажды. Только немногіе города, и въ томъ числѣ Ташкентъ, уцѣлѣли. У самого Великаго хана была столица Кара-Корумъ, городъ многолюдный, обнесенный глиняной стѣной съ четырьмя воротами. Въ немъ были большія зданія для ханскихъ чиновниковъ и храмы разныхъ вѣроисповѣданій. Тутъ толпились пришельцы всевозможныхъ націй, покоренныхъ монголами; были и европейцы: французы и нѣмцы, приходившіе

сюда съ европейскимъ знаніемъ ремеслъ и художествъ — самая пестрая смѣсь племенъ и языковъ. За городомъ находился обширный и богатый ханскій дворецъ, гдѣ ханъ зимою и лѣтомъ на торжественныя празднества являлся какъ божество, сидя съ одною изъ своихъ женъ на возвышеніи, украшенномъ массою золота и серебра. Но осѣдлое житье въ одномъ мѣстѣ было не во вкусѣ монголовъ. Являясь только по временамъ въ столицу, великій ханъ, какъ и волжскіе ханы, проводилъ жизнь переѣзжая съ мѣста на мѣста съ огромнымъ обозомъ: тамъ, гдѣ ему нравилось, располагались станомъ, раскидывались безчисленныя палатки и одна изъ нихъ, обитая внутри листовымъ золотомъ и украшенная драгоцѣнностями, отнятыми у побѣжденныхъ народовъ, служила мѣстопребываніемъ властелина. Возникалъ многолюдный городъ и исчезалъ, появляясь снова въ иномъ мѣстѣ. Все носило видъ крайняго варварства, смѣшаннаго съ нелѣпой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшіе опрятность даже порокомъ, питавшіеся такою грязною пищею, которой одно описаніе возбуждаетъ омерзеніе, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по волѣ Бога обладателями всей вселенной.

Намъ неизвѣстно, гдѣ именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получилъ княженіе во Владимирѣ, Александру дали Кіевъ; повидимому, въ этомъ было предпочтеніе Александру, такъ какъ Кіевъ былъ старше Владимира, но кіевская земля была въ тѣ времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александръ могъ быть только по имени великимъ княземъ. Вѣроятно, монголы сообразили, что Александръ, будучи умнѣе другихъ, могъ быть для нихъ опасенъ и потому не испытавши его вѣрности не рѣшились дать ему тогда Владимиръ, съ которымъ соединялось дѣйствительное старѣйшинство надъ покоренными русскими землями.

Посѣщеніе монголовъ должно было многому научить Александра и во многомъ измѣнить его взгляды. Онъ познакомился близко съ завоевателями Руси и понялъ, съ какой стороны съ ними ужиться возможно. Свирѣпые по всему, что́ сопротивлялось имъ, монголы требовали одного — раболѣпнаго поклоненія. Это было въ ихъ нравахъ и понятіяхъ, какъ и вообще у азіатскихъ народовъ. Чрезвычайная сплоченность силъ, безусловное повиновеніе старшимъ, совершенная безгласность отдѣльной личности и крайняя выносливость — вотъ качества, способствовавшія монголамъ совершать свои завоеванія, каче-

ства совершенно противоположныя свойствамъ тогдашнихъ русскихъ, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умѣли сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь съ непобѣдимыми завоевателями, оставалось и самимъ усвоить ихъ качества. Это было тѣмъ удобнѣе, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправѣ жить на счетъ побѣжденныхъ, не думали насиловать ни ихъ вѣры, ни ихъ народности. Напротивъ, они оказывали какую-то философскую терпимость къ вѣрѣ и пріемамъ жизни побѣжденныхъ, но покорныхъ народовъ. Поклоняясь единому Богу, съ примѣсью грубѣйшихъ суевѣрій, естественно свойственныхъ варварскому состоянію умственнаго развитія, они не только дозволяли свободное богослуженіе иновѣрцамъ, но и отзывались съ извѣстнымъ уваженіемъ о всѣхъ вѣрахъ вообще. Проницательный умъ Александра, вѣроятно, понялъ также, что покорность завоевателю можетъ доставить такія выгоды князьямъ, какихъ они не имѣли прежде.

До тѣхъ поръ князья наши волею-неволею должны были раздѣлять власть свою съ народною властью вѣча или подбирать себѣ сторонниковъ въ рядахъ народа. Собственно они были только правителями, а не владѣльцами, не вотчинниками, не государями. Монголы, какъ по своимъ понятіямъ, такъ и по разсчету естественно усиливали власть и значеніе князей на счетъ вѣча: легче и удобнѣе имъ было вести дѣло съ покорными князьями, чѣмъ съ непостоянными собраніями вѣчъ. Вотъ отчего всѣ русскіе князья, побивши челомъ хану, получали тогда свои княженія въ вотчину и власть ихъ въ большей части русскихъ земель очень скоро подавила древнее вѣчевое право. Званіе старѣйшаго князя было прежде почти номинальнымъ: его слушались только тогда, когда хотѣли, теперь же это званіе вдругъ получило особую важность потому, что старѣйшаго самъ ханъ назначалъ быть выше прочихъ князей.

Александръ не поѣхалъ въ данный ему Кіевъ, а отправился въ Новгородъ. Пока онъ не былъ старѣйшимъ, еще онъ ладилъ съ новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми отъ татаръ, но чрезъ два года произошелъ на Руси переворотъ.

Андрей не удержался на владимирскомъ княженіи. Этотъ князь не могъ такъ скоро измѣнить понятій и чувствованій, свойственныхъ прежнему русскому строю и шедшихъ въ разрѣзъ съ потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сдѣлаться рабомъ. Въ это время онъ женился на дочери Данила Галицкаго, который еще не кланялся хану, не призналъ себя его

данникомъ и искалъ средствъ избавиться отъ этой тяжелой необходимости. Лѣтописныя извѣстія объ этихъ событіяхъ до того сбивчивы, что не даютъ намъ возможности, какъ и чѣмъ Андрей вооружилъ противъ себя побѣдителей. Но извѣстно, что въ 1252 году Александръ отправился въ волжскую орду и тамъ получилъ старѣйшинство и владимирское княженіе отъ Сартака, управлявшаго дѣлами за дряхлостью отца своего Батыя. Андрей, посовѣтовавшись съ своими боярами, счелъ лучшимъ бѣжать въ чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него подъ начальствомъ Неврюя и другихъ предводителей, догнали его подъ Переяславлемъ и разбили. Андрей убѣжалъ въ Новгородъ, но тамъ его не приняли; изгнанникъ черезъ Псковъ и Колывань (Ревель) убѣжалъ съ женою въ Швецію. Татары опустошили Переяславль и разсѣялись по землѣ, истребляя людей и жилища, уводя плѣнныхъ и скотъ, такъ какъ по правилу монгольскому, да и вообще какъ вездѣ дѣлалось въ тѣ времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. Въ это время схвачена была и убита жена князя Ярослава Ярославича. Александръ, получивъ старѣйшинство, сѣлъ во Владимирѣ и на первый разъ пришлось ему отстраивать церкви и людскія жилища, разоренныя полчищемъ Неврюя.

Съ этихъ поръ Александръ, чувствуя свое старѣйшинство и силу, готовый найти поддержку въ Ордѣ, поднялъ голову и иначе показалъ себя, что въ особенности видно въ его отношеніяхъ къ Новгороду. Живя во Владимирѣ, Александръ поставилъ княземъ въ Новгородѣ сына своего Василія. Въ 1255 году новгородцы не взлюбили Василія и прогнали его, призвавши вмѣсто него брата Александрова Ярослава, князя тверского, жившаго тогда во Псковѣ. Явленіе совершенно обычное, множество разъ повторявшееся; и самъ Александръ, испытывая то же въ былое время, уходилъ изъ Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся въ Новгородѣ по призыву и мирился съ новгородцами. Но на этотъ разъ Александръ уже не спустилъ Великому Новгороду. Василій убѣжалъ въ Торжокъ, гдѣ жители были за него. Отецъ тотчасъ собралъ въ своей владимирской землѣ рать и отправился въ Торжокъ съ тѣмъ, чтобы по своей волѣ опять возстановить сына на княженіи. Призванный князь Ярославъ убѣжалъ изъ Новгорода. Новгородъ остался безъ князя и какой-то перевѣтчикъ Ратишка далъ объ этомъ знать великому князю. Александръ съ Василіемъ пошелъ на Новгородъ.

Между тѣмъ внутри Новгорода происходила безладица. Прорвалась не разъ проявлявшаяся въ его исторіи вражда лучшихъ

или вящихъ людей и меньшихъ,—иначе бояръ и черни. Посадникомъ былъ тогда Ананія, представитель и любимецъ меньшихъ людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближенія великаго князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и отъ св. Ильи противъ Городища, ограждая Торговую (на правомъ берегу Волхова) сторону, которая была главнымъ образомъ мѣстопребываніемъ меньшихъ людей. Но нѣкоторые вящіе люди замышляли иное: изъ нихъ составилась партія подъ начальствомъ Михалки Степановича, человѣка коварнаго и своекорыстнаго, смекнувшаго, что наступаютъ иныя времена, и сообразившаго на чьей сторонѣ сила. Въ тревогѣ собрались новгородцы на вѣче на обычномъ мѣстѣ у св. Николая (Дворищенскаго). «Братья—говорили они между собою—а что если князь скажетъ: выдайте моихъ враговъ»? Тогда меньшіе по прадѣдовскому обычаю «цѣловали Богородицу» на томъ, чтобы стоять всѣмъ на животъ и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявшій убить Ананію и какими бы то ни было путями сдѣлаться самому посадникомъ, убѣжалъ съ своими единомышленниками въ Юрьевъ монастырь. Разнеслась вѣсть, что вящіе хотятъ напасть на Новгородъ и бить меньшихъ. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его дворъ, но тутъ заступился за него посадникъ Ананія. Онъ послалъ предостеречь своего тайнаго врага и когда разсвирѣпѣвшіе новгородцы кричали: убить Михалку, Ананія сказалъ имъ: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ отъ Александра съ такими словами: «Выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите, я вамъ не князь: иду на городъ ратью»! Новгородцы послали къ Александру владыку Далмата и тысячскаго Клима: «князь, иди на свой столъ, а злодѣевъ не слушай; не гнѣвайся на Ананію и на всѣхъ мужей новгородскихъ».

Владыка и тысячскій возвратились съ отказомъ. Александръ упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вѣчѣ: «Если князь такое задумалъ съ нашими клятвопреступниками,—пусть имъ судитъ Богъ и св. Софія, а на князя мы не кладемъ грѣха!». Всѣ вооружились и три дня стояли наготовѣ. Выдавать міромъ своихъ было для новгородцевъ неслыханнымъ безчестнымъ дѣломъ. Александръ разсудилъ, что раздражать долѣе народъ и доводить дѣло до драки нѣтъ нужды, когда главная цѣль его можетъ быть достигнута болѣе мирнымъ соглашеніемъ, и послалъ сказать новгородцамъ: «я не буду держать на васъ гнѣва; пусть только Ананія лишится посадничества».

Ананія лишился посадничества и новгородцы примирились съ Александромъ. Александръ прибылъ въ Новгородъ и былъ радушно встрѣченъ народомъ, издавна знавшимъ его. Василій былъ возстановленъ на княженіи. Новгородцы въ угодность Александру поставили посадникомъ Михалка.

Это событіе, несмотря на черты, слишкомъ обычныя въ новгородскомъ строѣ жизни, имѣло однако важное и новое значеніе въ новгородской исторіи. Новгородцы выгоняли князей своихъ, иногда терпѣли отъ нихъ и, забывая старое, опять приглашали, какъ, напр., было съ Ярославомъ отцомъ Александра, но то дѣлалось по новгородской волѣ, при обычномъ непостоянствѣ новгородцевъ. Не было еще примѣра, чтобы великій князь силою заставилъ принять только-что изгнаннаго ими князя. Александръ показалъ новгородцамъ, что надъ ихъ судьбою есть внѣшняя сила, повыше ихъ вѣча и ихъ партій—сила власти старѣйшаго князя всей Руси, поставленнаго волею могущественныхъ иноземныхъ завоевателей и владыкъ русской земли. Правда, что Александръ, вступивши въ Новгородъ, обласкалъ новгородцевъ, заключилъ съ ними миръ на всей вольности новгородской, но въ проявленіи его могучей воли слышались уже предвѣстники дальнѣйшаго наложенія на Новгородъ великокняжеской руки.

Черезъ нѣсколько времени Новгородъ увидалъ въ своихъ стѣнахъ того же Александра, уже не такъ мирно улаживающаго свои недоумѣнія съ новгородской вольностью. Въ Ордѣ произошелъ переворотъ: Батый умеръ. Сынъ его Сартакъ былъ умерщвленъ дядею Берке, объявившимъ себя ханомъ. Послѣдній ввѣрилъ дѣла Руси своему намѣстнику Улагчи. Тогда пришла вѣсть, что ханъ посылаетъ своихъ чиновниковъ для переписи народа и собиранія дани. Александръ поспѣшилъ въ Орду, думая предотвратить грядущія бѣдствія; русскихъ страшилъ не самый платежъ дани; они покорялись необходимости платить ее черезъ своихъ князей, но долгое пребываніе татаръ въ землѣ русской наводило всеобщій страхъ. Александръ не успѣлъ умилостивить хана. Въ землю рязанскую, муромскую и суздальскую явились татарскіе численники, ставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ, переписывали жителей для обложенія ихъ поголовною данью, не включали въ перепись только духовныхъ лицъ. Вводилось, такимъ образомъ, чуждое управленіе внутри Руси. Народу было очень тяжело. Въ слѣдующемъ 1257 году Александръ вновь отправился въ Орду съ братьями своими: Ярославомъ тверскимъ, и суздальскимъ Андреемъ, съ которыми, недавно неладивши, помирился. Улагчи требовалъ,

чтобы Новгородъ также подвергся переписи и платежу дани. Какъ ни близокъ былъ Александру Новгородъ, но онъ счелъ за лучшее покориться. Между тѣмъ въ Новгородъ уже достигла вѣсть о томъ, что туда идутъ татарскіе численники. Все лѣто тамъ была тревога и смятеніе. Новгородъ не былъ до сихъ поръ покоренъ, подобно прочимъ русскимъ землямъ, татарскимъ оружіемъ, и не помышлялъ, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань, наравнѣ съ покоренными. Вящіе люди и въ томъ числѣ посадникъ Михалка, готорые угождать силѣ для своихъ выгодъ и сохраненія своихъ богатствъ, уговаривали новгородцевъ покориться, но меньшіе слышать объ этомъ не хотѣли. Ихъ любимецъ Ананія скончался въ августѣ. Волненіе послѣ его смерти усилилось и, наконецъ, ненавистный для меньшихъ, насильно поставленный противъ ихъ воли, Михалко былъ убитъ. Князь Василій раздѣлялъ чувства новгородцевъ. Наконецъ, прибылъ въ Новгородъ Александръ съ татарскими послами, требовать десятины и тамги. Василій съ одной стороны не смѣлъ противиться отцу, съ другой — стыдился измѣнить новгородскому дѣлу и бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы наотрѣзъ отказались платить дань, но ласково приняли ханскихъ пословъ и отпустили домой съ честью и дарами. Этимъ Великій Новгородъ заявлялъ, что онъ относится съ уваженіемъ къ ханской власти, но не признаетъ ее надъ собою. Тогда Александръ выгналъ своего сына изо Пскова и отправилъ въ суздальскую землю, а нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ, стоявшихъ за-одно съ меньшими и имѣвшихъ, по его мнѣнію, вліяніе на Василія, схватилъ и наказалъ безчеловѣчнымъ образомъ: инымъ обрѣзалъ носы, другимъ выкололъ глаза и т. п.

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости въ угоду поработителямъ отъ того самого князя, который нѣкогда такъ блистательно защищалъ независимость Новгорода отъ другихъ враговъ.

Зимою (съ 1258 на 1259 годъ) прибылъ съ низу Михайло Пинещиничъ и объявилъ новгородцамъ, что ханскіе полки идутъ на Новгородъ и будутъ добывать его оружіемъ, если новгородцы не согласятся на перепись. Вѣсть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собою разумѣется, что ханъ не согласился бы удовольствоваться дарами. Вѣсть эта нагнала такой страхъ, что съ перваго раза новгородцы согласились. Вѣроятно, объ этомъ было дано знать въ Орду, потому что тою же зимою прибыли въ Новгородъ ханскіе чиновники: Беркай и Касачикъ, съ женами

и множество татаръ. Они остановились на Городищѣ [1]) и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидя необычное зрѣлище, снова возмутились. Бояре, наблюдая свои корыстныя цѣли, уговаривали народъ смириться и быть покорнымъ, но меньшіе собирались у св. Софіи и кричали: «умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе». Тогда татары стали бояться за свою жизнь и Александръ приставилъ посадничьяго сына и боярскихъ дѣтей стеречь ихъ по ночамъ. Такое положеніе скоро наскучило татарамъ и они объявили рѣшительно: «давайте намъ число или мы побѣжимъ прочь». Вящіе люди стали домогаться уступки. Тогда въ Новгородѣ распространилась молва, что вящіе хотятъ вмѣстѣ съ татарами напасть на Новгородъ. Толпы народа собирались на Софійской сторонѣ поближе къ св. Софіи и кричали: «положимъ головы у св. Софіи». Наконецъ, на другой день Александръ выѣхалъ изъ Городища съ татарами. Тогда вящіе люди убѣдили наконецъ меньшихъ не противиться и не навлекать на Новгородъ неминуемой бѣды. Они — говоритъ лѣтописецъ — себѣ дѣлали добро, а меньшимъ людямъ зло: дань одинаково распредѣлялась, какъ на богатыхъ такъ и на бѣдныхъ! Александръ прибылъ въ городъ съ татарами. Ханскіе чиновники ѣздили по улицамъ, переписывали дворы и, сдѣлавъ свое дѣло, удалились. Александръ посадилъ на княженіе сына своего Дмитрія и уѣхалъ во Владиміръ.

Съ тѣхъ поръ Новгородъ, хотя не видалъ послѣ у себя татарскихъ чиновниковъ, но участвовалъ въ платежѣ дани, доставляемой великимъ князьямъ хану отъ всей Руси. Эта повинность удерживала Новгородъ въ связи съ прочими русскими землями.

Но не въ одномъ Новгородѣ—и въ покоренныхъ русскихъ земляхъ прежнія свободныя привычки не вынесли еще рабства и утѣсненія. Монгольскую дань взяли тогда на откупъ хивинскіе купцы, носившіе названіе бесерменъ — люди мугамеданской вѣры. Способъ сбора дани былъ очень отяготителенъ. Въ случаѣ недоимокъ, откупщики насчитывали большіе проценты, а при совершенной невозможности платить, брали людей въ неволю. Кромѣ того, они раздражали народъ неуваженіемъ къ христіанской вѣрѣ. Народъ вскорѣ пришелъ въ ожесточеніе; въ городахъ: Владимирѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Ярославлѣ и другихъ по старому обычаю зазвонили на вѣче и по народному рѣшенію перебили откупщиковъ дани. Въ числѣ ихъ въ Ярославлѣ былъ

---

[1]) Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Новгорода, гдѣ по преданію былъ городъ прежде Новгорода.

одинъ природный русскій по имени Изосимъ. Прежде онъ былъ монахъ, пьяный и развратный, съѣздивши въ Орду, принялъ тамъ мугамеданство и, воротившись въ отечество, сдѣлался откупщикомъ дани, безжалостно утѣснялъ своихъ соотечественниковъ и нагло ругался надъ святынею христіанской церкви. Ярославцы убили его и бросили трупъ на растерзаніе собакамъ и воронамъ. За то въ Устюгѣ одинъ природный татаринъ, будучи также сборщикомъ дани, спасся отъ общей бѣды. Его звали Буга. Въ Устюгѣ онъ взялъ себѣ наложницу, дочь одного тамошняго обывателя, по имени Марію, которая полюбила его и заранѣе извѣстила о грозившей ему опасности. Буга изъявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ его. Онъ былъ названъ въ крещеніи Іоанномъ, женился на Маріи, навсегда остался на Руси и пріобрѣлъ всеобщую любовь. Память его осталась навсегда въ мѣстныхъ преданіяхъ, а воспоминаніе о бесерменахъ до сихъ поръ слышится въ бранномъ словѣ: бусурманъ, которымъ русскій человѣкъ называетъ некрещеныхъ, а инода только неправославныхъ людей.

Само собою разумѣется, что это событіе возбудило гнѣвъ властителей Руси. Въ Ордѣ уже собирали полки наказывать мятежниковъ; Александръ поспѣшилъ въ Орду. Кромѣ сбора дани, русскимъ угрожала еще иная тягость:—помогать войскомъ татарамъ въ ихъ войнахъ съ другими народами.

Тогда въ волжской Ордѣ происходило важное преобразованіе. Ханъ Берке принялъ мугамеданство, которое быстро распространилось въ его народѣ, тѣмъ легче, что и прежде въ полчищахъ монголовъ большинство народовъ имъ покоренныхъ и за нихъ воевавшихъ исповѣдывало мугамеданство. Въ тоже время кочевая жизнь мало-по-малу начала смѣняться осѣдлою. На Волгѣ строился Кипчакъ, обширный городъ, который ханъ украшалъ всѣмъ великолѣпіемъ, какое только было возможно при его могуществѣ. Ханъ Берке оказался болѣе милостивъ къ русскимъ чѣмъ можно было даже ожидать. Онъ не только простилъ русскимъ избіеніе бесерменовъ, (которыхъ погибель, какъ народа подвластнаго, не могла раздражать его въ той мѣрѣ, въ какой подѣйствовало бы на него избіеніе ханскихъ чиновниковъ), но по просьбѣ Александра освободилъ русскихъ отъ обязанности идти на войну. Александръ, однако, прожилъ тогда въ Ордѣ всю зиму и лѣто и это заставляетъ предполагать, что не сразу удалось ему пріобрѣсти такую милость для своихъ соотечественниковъ. Возвращаясь оттуда по Волгѣ больнымъ, онъ остановился въ Нижнемъ Новгородѣ, черезъ силу продолжалъ путь далѣе, но прі-

ѣхавъ въ Городецъ окончательно слегъ, и принявъ схиму скончался 14 ноября 1263 года.

Тѣло его встрѣчено народомъ близь Боголюбова и было похоронено во Владимирѣ въ церкви Рождества Богородицы. Говорятъ, что митрополитъ Кириллъ, услыхавши во Владимирѣ о смерти Александра, громко сказалъ: «Зашло солнце земли русской». Духовенство болѣе всего уважало и цѣнило этого князя. Его угодливость хану, умѣнье ладить съ нимъ, твердое намѣреніе держать Русь въ повиновеніи завоевателямъ и тѣмъ самымъ отклонять отъ русскаго народа бѣдствія и разоренія, которыя постигали бы его при всякой попыткѣ къ освобожденію и независимости,—все это вполнѣ согласовалось съ ученіемъ, всегда проповѣдуемымъ православными пастырями: считать цѣлью нашей жизни загробный міръ, безропотно терпѣть всякія несправедливости и угнетенія, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневолѣ признаваемой.

IX.

МОСКОВСКІЕ КНЯЗЬЯ БРАТЬЯ ДАНИЛОВИЧИ.

У Александра Невскаго было четыре сына: старшій, Василій, княжилъ въ юности въ Новгородѣ, а впослѣдствіи въ Костромѣ, гдѣ и умеръ. Димитрій и Андрей вели между собою кровавый споръ за великое княженіе; послѣдній отличился тѣмъ, что дважды наводилъ на Русь татаръ, которые произвели въ ней ужаснѣйшія опустошенія (1282 и 1294 гг.), отозвавшіяся на цѣлыя десятилѣтія. Четвертый сынъ Невскаго, Даніилъ остался послѣ отца ребенкомъ. Ему въ удѣлъ досталась Москва.

Даніилъ былъ первый князь, поднявшій значеніе этого города, бывшаго до сихъ поръ незначительнымъ пригородомъ Владиміра. Участвуя въ междоусобіяхъ своихъ братьевъ, Даніилъ хитростью взялъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина, воспользовавшись измѣною рязанскихъ бояръ, и держалъ его въ неволѣ. Это событіе было первымъ проявленіемъ тѣхъ пріемовъ самоусиленія, которыми такъ отличалась Москва, теперь только-что возникавшая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Даніилъ положилъ зачатокъ тому расширенію владѣній, которое такъ послѣдовательно вели всѣ его преемники. Племянникъ Даніила Иванъ Дмитріевичъ переяславскій, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ ему Переяславль. Даніилъ тотчасъ захватилъ его и отстоялъ отъ посягательствъ брата своего Андрея.

Даніилъ умеръ въ 1303 году, принявъ передъ смертью схиму. По лѣтописнымъ извѣстіямъ онъ погребенъ былъ въ деревянной церкви св. Михаила, которая стояла на мѣстѣ нынѣшняго Архангельскаго собора въ Москвѣ; а преданіе, записанное въ его Житіи, помѣщаетъ его могилу въ Даніиловомъ монастырѣ будто-бы имъ основанномъ. Какъ-бы то ни было, имя Даніила было въ боль-

шомъ уваженіи у его потомковъ, какъ родоначальника дома московскихъ князей [1]).

Даніилъ оставилъ сыновей: Юрія, Ивана, Александра, Бориса и Аѳанасія. Изъ нихъ Юрій и Иванъ по своей дѣятельности были важнѣйшими людьми въ исторіи Руси въ XIV вѣкѣ. Они подняли значеніе Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрѣшить ихъ преемникамъ въ послѣдующія времена.

Великій князь Андрей Александровичъ умеръ въ 1304 году. Званіе великаго князя, которое при новыхъ условіяхъ татарскаго господства, сдѣлалось гораздо важнѣе и знаменательнѣе, чѣмъ было прежде, зависѣло исключительно отъ воли хана, верховнаго повелителя и истиннаго государя русской земли. Собственно никакихъ правъ, принадлежащихъ въ этомъ отношеніи тому или другому князю, той или другой княжеской вѣтви—не существовало. Князья могли считаться между собою старѣйшинствомъ; но эти счеты уже и въ прежнія времена, до татаръ, перестали быть обязательными, такъ что дѣйствительное старѣйшинство признавалось несомнѣннымъ только по отношенію къ возрасту. Въ Ордѣ эти счеты еще менѣе могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, могъ назначить великимъ княземъ. Но въ Ордѣ, какъ вообще въ азіатскихъ деспотическихъ государствахъ, милость властителя и доступъ къ нему покупались угожденіемъ и задариваньемъ близкихъ къ царю вельможъ; и русскій князь, искавшій въ Ордѣ какой-бы то ни было ханской милости, а тѣмъ болѣе первенствующаго сана, долженъ былъ достигать своей цѣли, во-первыхъ, обѣщаніемъ большого выхода (дани) хану, а во-вторыхъ, подарками и подкупомъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ при ханскомъ дворѣ вліяніе. Отъ этого выходило, что собственно званіе великаго

[1]) Разсказываютъ, что послѣ того, какъ сынъ Даніила, Иванъ перенесъ построенную отцемъ его обитель внутрь Кремля при сооруженной имъ церкви Спаса на Бору, могила Даніила оставалась неизвѣстною до самаго Ивана III. Этотъ великій князь ѣхалъ однажды съ своею дружиною вдоль Москвы-рѣки, мимо того мѣста, гдѣ прежде былъ положенъ Даніилъ; вдругъ подъ однимъ изъ отроковъ споткнулся конь и передъ нимъ явился невѣдомый ему князь и сказалъ: „Я господинъ мѣсту сему, князь Даніилъ Московскій, здѣсь положенный, скажи великому князю Ивану: ты самъ себя утѣшаешь, а меня забылъ". Съ этихъ поръ московскіе князья начали совершать панихиды по своемъ прародителѣ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ разсказываетъ преданіе, были и другія видѣнія. Князь Иванъ Васильевичъ построилъ Даниловъ монастырь, на мѣстѣ, гдѣ считали погребеннымъ Даніила и гдѣ по преданію стоялъ прежде монастырь, поставленный Даніиломъ; а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ открыты были его мощи.

князя было продажнымъ. Его могъ пріобрѣсть тотъ изъ князей, у кого въ рукахъ было болѣе богатствъ, и кто обладалъ умѣніемъ употребить эти богатства кстати. Не переставая зависѣть отъ произвола хана, званіе великаго князя могло однако утвердиться въ одной княжеской линіи и сдѣлаться фактически наслѣдственнымъ. Нужно было только, чтобы овладѣвшій этимъ званіемъ умѣлъ скоплять въ рукахъ своихъ богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположеніе къ себѣ вліятельныхъ лицъ въ Ордѣ и подготовить своему сыну пріобрѣтеніе этого званія послѣ своей смерти. Вмѣстѣ съ такимъ возвышеніемъ одной княжеской вѣтви неизбѣжно поднималась-бы и получала въ ряду русскихъ земель первенство и та земля, гдѣ княжила эта болѣе счастливая княжеская вѣтвь. Городъ Владиміръ почти потерялъ уже признаки первенства: князья, получавшіе отъ хана старѣйшинство, не обязаны были пребывать во Владимірѣ; они могли быть великими князьями и жить въ прежнихъ своихъ удѣлахъ. Теперь-то для Руси предстоялъ важный вопросъ: въ какомъ городѣ утвердится великокняжеское достоинство, переходя отъ одного князя къ другому князю той-же земли. Въ будущемъ—этому городу предстояло великое значеніе. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась; признаки разложенія были ощутительны. Уже на берегахъ Чернаго моря возникла другая Орда, отложившаяся отъ волжской иначе Золотой, Орда Нагая, не хотѣвшая признавать власти волжскихъ хановъ. Это было началомъ дальнѣйшихъ отложеній и распаденія монгольской монархіи. Въ самой волжской Ордѣ достоинство хана перестало переходить правильнымъ путемъ и подвергалось насильственнымъ переворотамъ. Ханъ Тудай-Менгу былъ умерщвленъ своими племянниками, которые въ свою очередь были умерщвлены ихъ двоюроднымъ братомъ Тохтою, сыномъ Менгу-Тимура. Эти событія были уже предвѣстниками того, что впослѣдствіи сдѣлалось въ Ордѣ обычнымъ дѣломъ. Пока еще Орда была сильна, власть великаго князя могла утвердиться въ одной княжеской вѣтви и въ одной изъ русскихъ земель, именно только при посредствѣ этой ордынской силы; но разъ получивши въ Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнетъ, потому что въ самой Руси долженъ былъ устроиться такой порядокъ, который получитъ значеніе обычая. Однимъ изъ способовъ усиленія такой власти было то непремѣнное условіе, что съ возвышеніемъ князей неизбѣжно должны были приливать въ ихъ землю военныя силы изъ другихъ земель, а слѣдовательно другія земли ослабѣвали и князья

ихъ невольно должны были уступать тому, кто дѣлался сильнѣе ихъ средствами. Русскіе бояре приняли обычай переходить туда, гдѣ князь былъ сильнѣе и. гдѣ слѣдовательно имъ предстояло болѣе выгоды. Бояре приходили въ такомъ случаѣ не одни, но тянули за собою и людей, составлявшихъ ихъ дружину и получившихъ въ эти времена названіе дѣтей боярскихъ. Съ паденіемъ Орды естественно должно было замѣнить для Руси хана то лицо, которому прежніе ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь-бы только тѣ, которые получали эту силу, умѣли усвоить отъ поколѣнія къ поколѣнію искусство поддерживать свое значеніе. Начало XIV вѣка было той роковой эпохой, когда былъ поставленъ къ разрѣшенію вопросъ: какая изъ княжескихъ линій выдвинется выше всѣхъ, и какая русская земля съ своимъ главнымъ городомъ сдѣлается средоточіемъ русскаго міра и будетъ стягивать къ себѣ разрозненныя его части?

По смерти Андрея тотчасъ началъ добиваться великокняжескаго достоинства двоюродный братъ его Михаилъ Ярославичъ тверской, сынъ Ярослава, брата Александра Невскаго. Но ему явился соперникъ московскій князь Юрій Даниловичъ. Тверскіе бояре, по повелѣнію своего князя, хотѣли заступить Юрію путь въ Орду и схватить его на дорогѣ, но не успѣли въ этомъ; Юрій пробрался въ Орду инымъ путемъ.

Пока два соперника тягались въ Ордѣ за великое княженіе, на Руси во имя ихъ уже происходили усобицы. Князь Иванъ Даниловичъ отстаивалъ Переяславль отъ тверичей. Противъ него пошелъ съ тверичами бывшій его бояринъ Акинѳъ, который не захотѣлъ въ Москвѣ быть ниже другого боярина Родіона Нестеровича, прибывшаго въ Москву изъ Кіева съ тысячью семьюстами человѣкъ дружины или дѣтей боярскихъ. Акинѳъ съ сыновьями перешелъ къ тверскому князю. Произошла кровопролитная свалка; москвичи одержали верхъ, и бояринъ Родіонъ собственноручно убилъ своего личнаго врага Акинѳа, воткнулъ голову его на копье и принесъ своему князю Ивану Даниловичу.

Въ Ордѣ взялъ верхъ тверской князь Михаилъ; Юрій тогда не въ состояніи былъ обѣщать хану выходу болѣе своего соперника. По возвращеніи въ Русь Михаилъ (1305) тотчасъ пошелъ войною къ Москвѣ на Юрія: вѣроятно, его побуждали къ этому и дѣти убитаго Акинѳа. Тверской князь не могъ взять Москвы и заключилъ миръ съ московскими князьями. Но взаимная злоба отъ этого не улеглась.

Не успѣвши добиться великаго княженія, Юрій избиралъ другіе пути къ усиленію своей власти и своей Москвы. Уже

тотчасъ послѣ смерти отца, онъ захватилъ Можайскъ и привелъ плѣннымъ въ Москву тамошняго князя Святослава. Въ 1306 году онъ удушилъ рязанскаго князя Константина, взятаго въ плѣнъ отцомъ его Даніиломъ и содержавшагося въ Москвѣ въ неволѣ. Московскій князь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ присвоить себѣ и Рязань; но это не удалось ему: молодой рязанскій князь Ярославъ выпросилъ у хана ярлыкъ на рязанское княженіе. Юрій все-таки не остался въ проигрышѣ и присоединилъ къ Москвѣ Коломну, принадлежавшую до того времени рязанской землѣ. Съ братомъ своимъ Иваномъ Юрій всю жизнь жилъ дружно, но съ другими братьями, Александромъ и Борисомъ, не поладилъ до того, что они убѣжали въ Тверь къ его непримиримому врагу. Этотъ врагъ въ 1308 году еще разъ покусился на Москву, и опять не взялъ ее. Взаимная злоба еще болѣе усилилась послѣ этого новаго нападенія на Москву и, наконецъ, прорвалась отчаянною борьбою по поводу Новгорода.

Со времени татарскаго завоеванія Новгородъ, пользуясь своею внутреннею самостоятельностью, принужденъ былъ допускать у себя пребываніе на Городищѣ великокняжескихъ намѣстниковъ и платить великому князю дань въ качествѣ участія въ общемъ платежѣ выхода хану. Съ этихъ поръ отношенія между Новгородомъ и великимъ княземъ всегда были натянутыя и нерѣдко дѣлались открыто враждебными. Великіе князья, пользуясь правомъ взиманія выхода, старались какъ можно больше сорвать съ Новгорода и какъ можно тяжелѣе наложить на него свою руку. Съ своей стороны Новгородъ старался допустить у себя какъ можно менѣе вліянія и власть великаго князя. Отсюда рядъ договоровъ Новгорода съ великими князьями; въ этихъ договорахъ мы видимъ постоянное стремленіе Новгорода всѣми силами избавиться отъ притязаній великихъ князей и оградить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто-бы ни былъ великимъ княземъ, отношенія между имъ и Новгородомъ были, въ сущности, почти одинаковы и до самаго паденія Великаго Новгорода въ концѣ XV вѣка не было ни одного великаго князя, за исключеніемъ Юрія Даниловича, съ которымибы новгородцы находились въ дружелюбной и искренней связи. Съ Михаиломъ тверскимъ трудно было поладить Новгороду по причинѣ его придирчиваго и корыстолюбиваго характера. Какъ видно, они съ самаго начала не любили этого князя, не хотѣли, чтобы онъ получалъ великое княженіе и выразили это нежеланіе передъ поѣздкой его въ Орду. Когда Михаилъ возвратился изъ Орды, новгородцы приняли его намѣстниковъ и заключили

съ нимъ договоръ, по которому великому князю, по старинѣ, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредствомъ своихъ, а не новгородскихъ мужей, не дозволялось кромѣ того: пріобрѣтать въ новгородской области, какъ князю, такъ его княгинѣ, боярамъ и всѣмъ подданнымъ, селъ и угодій, выводить новгородскихъ людей въ свою волость, брать ихъ въ залогъ, давать безъ посадника грамоты, раздавать волости, творить судъ безъ посадника, отнимать волости у новгородскихъ мужей, стѣснять новгородскую торговлю и т. п. Эта грамота опредѣляла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.

Но въ 1312 году Михаилъ тверской поссорился съ Новгородомъ, вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ, захватилъ пограничныя новгородскія волости: Торжокъ и Бѣжичи (Бѣжецкъ) и не пропускалъ въ Новгородъ подвозъ хлѣба, въ которомъ была большая нужда въ Новгородѣ, недавно пострадавшемъ отъ сильнаго пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида въ Тверь. Михаилъ согласился на миръ только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривенъ (около 700 фунтовъ серебра). По заключеніи мира Михаилъ вновь отправилъ къ новгородцамъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, поплатившись такою данью, окончательно озлобились противъ Михаила и въ слѣдующемъ 1313 году, когда Михаилъ поѣхалъ въ Орду поклониться новому хану Узбеку, рѣшились поступить такъ, какъ дѣлывалось у нихъ встарь: призвать къ себѣ иного, вольнаго князя; они обратились къ Юрію Даниловичу. Московскій князь отправилъ къ нимъ предварительно своего боярина Ѳеодора Ржевскаго, который схватилъ михайловыхъ намѣстниковъ, посадилъ ихъ подъ стражу на владычнемъ дворѣ, а самъ повелъ новгородцевъ на Волгу противъ Твери. За отсутствіемъ Михаила вышелъ противъ нихъ съ войскомъ сынъ его Дмитрій. Обѣ стороны, простоявъ до морозовъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги, заключили миръ. Условія этого мира неизвѣстны, но они были выгодны для Новгорода. Передъ заговѣньемъ прибылъ въ Новгородъ избранный князь Юрій съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ. Новгородцы посадили его на столъ и радовались; въ этомъ видѣли они возрожденіе своей вольности.

Но не долго довелось имъ радоваться. Весною 1315 года пришло отъ хана Юрію приказаніе явиться въ Орду. Должно быть Михаилъ нажаловался на него хану. Юрій не смѣлъ ослушаться и поѣхалъ, а въ Новгородѣ оставилъ брата своего Аѳанасія.

Тѣмъ временемъ Михаилъ возвращался на Русь не только обласканный ханомъ, но и велъ съ собою татаръ карать непокорный Новгородъ. Къ нимъ присоединилась, по приказанію Ханскому рать низовской земли. Михаилъ осадилъ Торжокъ. Новгородцы съ княземъ Аѳанасіемъ отправились къ Торжку. Произошла кровопролитная сѣча. Новгородцы потеряли много убитыхъ и, наконецъ, не выдержавъ, заперлись въ Торжкѣ. «Выдайте мнѣ князя Аѳанасія и князя Ѳеодора ржевскаго, а потомъ я съ вами стану мириться», послалъ сказать новгородцамъ Михаилъ. Новгородцы отвѣчали: «Не выдадимъ князя Аѳанасія, но умремъ честно за святую Софію». Михаилъ вторично послалъ къ нимъ требованіе: «Такъ выдайте князя Ѳеодора ржевскаго». Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, не хотѣли выдавать его, а выдали поневолѣ и заключили миръ, обязавшись заплатить двѣнадцать тысячъ гривенъ серебра. Послѣ заключенія мира, Михаилъ пригласилъ къ себѣ князя Аѳанасія и новгородскихъ бояръ, и вѣроломно отправилъ ихъ въ Тверь заложниками платежа. Вдобавокъ Михаилъ ограбилъ остальныхъ новгородцевъ и новоторжцевъ, отнявъ у нихъ доспѣхи, оружіе и коней. Послѣ такого притѣсненія, новгородцы отправили своихъ пословъ въ Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этихъ пословъ на дорогѣ.

Такой миръ могъ только еще больше раздражить новгородцевъ. Война съ тверскимъ княземъ вспыхнула въ 1317 году. Намѣстники Михаила выѣхали изъ Новгорода. Михаилъ пошелъ на Новгородъ со всею низовскою землею [1]), а новгородцы укрѣпили свой городъ острогомъ по обѣимъ сторонамъ Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корѣла, жители Русы, ижора и водь. Но до Новгорода по неудобству путей Михаилу было добраться трудно. Дойдя до Устьанъ, Михаилъ поворотилъ назадъ и былъ жестоко наказанъ за свою смѣлость. Войско его заблудилось среди озеръ и болотъ и умирало отъ голода. Воины поѣли всѣхъ своихъ лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитовъ, многіе перемерли отъ стужи и только жалкіе остатки вернулись домой съ своимъ княземъ, пѣшіе и больные. Думая, что великій князь будетъ теперь сговорчивѣе, новгородцы отправили къ нему вла-

[1]) Низовскою землею назывался въ собственномъ смыслѣ край внизъ по теченію Волги, но новгородцы давали этому названію болѣе широкое значеніе, включая въ него суздальско-ростовскую землю съ ея развѣтвленіями, а впослѣдствіи даже Москву.

дыку Давида, и умоляли отпустить ихъ коварно-задержанныхъ братьевъ. Михаилъ сначала упрямился, но потомъ помирился съ новгородцами въ Торжкѣ, когда услыхалъ, что Юрій возвратился изъ Орды и идетъ на него. Новгородцы съ своей стороны заключили миръ, потому что не знали гдѣ Юрій и не догадывались что онъ близко. Въ договорѣ, заключенномъ въ это время, говорится о возвращеніи плѣнныхъ, но не упоминается о платежѣ серебра, такъ что, вѣроятно, дань, наложенная Михаиломъ на Новгородъ подъ Торжкомъ, не была ему никогда уплачена.

Юрій, отправившись въ Орду по приказанію Узбека, еще въ 1315 году, прожилъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, что̀ онъ тамъ дѣлалъ, но послѣдствіемъ такого долгаго пребыванія было то, что Юрій вошелъ въ милость къ Узбеку и женился на его сестрѣ Кончакѣ, которая приняла въ крещеніи имя Агаѳіи. Самъ Узбекъ былъ мугамеданинъ, но, вѣрный преданіямъ предковъ, оказывалъ уваженіе ко всякимъ вѣрамъ, а съ христіанами былъ особенно милостивъ; при немъ въ Сараѣ жило много христіанъ: они отправляли свободно свое богослуженіе и имѣли тамъ мѣстнаго епископа. Съ такою терпимостью вполнѣ согласовалось то обстоятельство, что онъ породнился съ русскимъ княземъ и позволилъ своей сестрѣ принять вѣру своего мужа.

Юрій велъ теперь (1317 г.) на своего врага татаръ подъ начальствомъ татарскаго князя Кавгадыя, ѣхавшаго съ нимъ въ качествѣ татарскаго посла. Послы отъ хана бывали часто на Руси въ тѣ времена,—иные только подъ видомъ пословъ шатались по Руси. Всѣ они были настоящими бичами жителей. Когда имъ съ своими татарами приходилось идти посреди русскаго населенія, они на каждомъ шагу желали показать, что они господа, а русскіе рабы, грабили, дѣлали всякаго рода насилія жителямъ. Такъ было и теперь. Суздальскіе князья, сообразивши, что Юрій въ милости у царя, пристали къ нему; но это не помѣшало татарамъ безчинствовать на пути въ Костромѣ, Ростовѣ, Дмитровѣ и Клинѣ. Съ татарами были хивинцы и мордва. Путь ихъ лежалъ въ тверскую землю. Юрій хотѣлъ наказать своего противника. Если, проходя по суздальской землѣ, татары не слишкомъ уважали собственность и личность русскаго человѣка, то вступивши въ тверскую землю, они безъ разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которыхъ захватывали въ свои руки. Михаилъ выступилъ противъ нихъ, и 22 декабря 1317 года встрѣтился съ ними за сорокъ верстъ отъ Твери на урочищѣ, называемомъ Бортенево.

Рать Юрія была разбита. Самъ Юрій ушелъ въ Торжокъ; братъ его Борисъ, жена Агаѳія и Кавгадый попались въ плѣнъ.

Юрій изъ Торжка прибѣжалъ въ Новгородъ. Если извѣстіе о походѣ Юрія на Тверь не могло придти въ пору къ новгородцамъ и побудить ихъ подать помощь Юрію, то теперь они дружно принялись за дѣло своего союзника; къ нимъ присоединились псковичи. Съ новгородскимъ ополченіемъ пошелъ и новгородскій владыка Давидъ. Недавно былъ заключенъ новгородцами миръ съ Михаиломъ; нападать на Михаила было безчестно; поэтому новгородцы рѣшили прежде послать къ Михаилу требованіе сдѣлать все угодное Юрію, а вступить съ нимъ въ войну предполагали только тогда, когда онъ откажетъ.

Михаилъ былъ сговорчивъ, потому что боялся ханскаго гнѣва. Отпустить жену Юрія было невозможно: она умерла въ плѣну; говорили, что ее тамъ уморили зельемъ. Михаилъ выдалъ Юрію только тѣло ея, которое отвезено было для погребенія въ Ростовъ, въ церковь пресв. Богородицы. При посредствѣ новгородцевъ, соперники порѣшили на томъ, чтобы имъ обоимъ идти въ Орду. Кавгадый, находясь въ плѣну у Михаила, увѣрилъ его, что онъ помогалъ Юрію и напалъ на Михаила безъ ханскаго дозволенія.

По своемъ освобожденіи изъ тверского плѣна, Кавгадый соединился съ Юріемъ и они положили между собою совѣтъ собрать всѣхъ князей низовскихъ (т.-е. суздальско-ростовской земли), пригласить бояръ отъ русскихъ городовъ, въ особенности отъ Новгорода, и ѣхать въ Орду съ обвиненіемъ на Михаила. Такъ и сдѣлалось. Всѣ они поѣхали къ Узбеку. Михаилъ, услышавши, что на него собирается такая гроза, послалъ въ Орду сына своего Константина, а самъ нѣсколько времени раздумывалъ, что ему дѣлать и наконецъ рѣшился пуститься въ путь. Онъ отправился съ сыновьями: Димитріемъ и Александромъ. Во Владимирѣ встрѣтилъ онъ ханскаго посла Ахмыла, который ѣхалъ къ нему.

«Зоветъ тебя царь — сказалъ Ахмылъ — ступай скорѣе. Если не поспѣешь черезъ мѣсяцъ, то ханъ уже назначилъ послать войско на тебя и на твой городъ. Кавгадый оговорилъ тебя передъ ханомъ, увѣряетъ, что ты не пріѣдешь въ Орду».

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ѣздить, а послать въ Орду еще одного изъ сыновей. «Не васъ, дѣтей моихъ, требуетъ царь къ себѣ—сказалъ Михаилъ—головы моей онъ хочетъ. Если я уклонюсь, вотчина моя будетъ полонена и множество христіанъ перебито. И послѣ того придется мнѣ умереть, такъ ужъ лучше

положить свою душу за многія души!» Онъ отправился и 6-го сентября 1318 года достигъ устья Дона; тамъ былъ тогда ханъ Узбекъ съ ордою, по обычаю предковъ странствовавшій передвижными городами. Тамъ встрѣтилъ Михаила сынъ его Константинъ. Михаилъ по обычаю поднесъ дары царю, царицѣ и вельможамъ. Узбекъ приказалъ приставить къ Михаилу, какъ къ подсудимому, приставовъ, но велѣлъ обращаться съ нимъ почтительно.

Такъ прошло полтора мѣсяца. Наконецъ, ханъ приказалъ князьямъ разсудить дѣло Михаила Ярославича съ Юріемъ и представить хану: тогда ханъ оправданнаго пожалуетъ, а виновнаго казнитъ. И вотъ, по такому повелѣнію, собрались въ кибитку князья и положили разныя грамоты, свидѣтельствующія о преступности Михаила. Его обвиняли въ томъ, что онъ бралъ дани съ городовъ, управляемыхъ этими князьями и не отдавалъ царю[1]). На этомъ судѣ былъ и Кавгадый и старался всѣми способами очернить Михаила. Черезъ недѣлю Михаила поставили на другомъ судѣ (должно быть уже чисто татарскомъ) и тутъ ему произнесли такое обвиненіе: «не давалъ царевой дани, бился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню жену юріеву».

Послѣ этого осужденія, къ Михаилу приставили стражу, состоящую изъ семи человѣкъ отъ семи князей. Князю Михаилу на шею надѣли тяжелую колоду, которая столько же причиняла мученія, сколько означала поруганіе. Ханъ отправился въ походъ противъ Персіи; Михаила потащили за нимъ въ обозѣ. Когда ханъ на степи во время похода расположился станомъ и въ станѣ открылся торгъ, Кавгадый приказалъ поставить всенародно Михаила съ колодою и созвать заимодавцевъ, т.-е. тѣхъ, которые жаловались на его несправедливые поборы. Это былъ правежъ, обычай, который, впослѣдствіи, вошелъ въ русское судопроизводство: неисправнаго должника выставляли на торгу и били по ногамъ. Не видно, чтобъ Михаила при этомъ били; но колода на шеѣ имѣла смыслъ муки правежа. «Знай, Михаилъ — сказалъ ему Кавгадый — таковъ у нашего

[1]) Хотя въ сказаніи объ убіеніи Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагаютъ, что Михаила судили татарскіе вельможи, но по смыслу выходитъ, что слово „ордынскіе" прибавлено послѣ, и здѣсь идетъ рѣчь о русскихъ князьяхъ. Татарскіе князья не могли обвинять Михаила въ томъ, что онъ бралъ съ ихъ городовъ дань, такъ какъ Михаилъ не могъ брать дани ни съ какихъ татарскихъ городовъ, тогда какъ дѣйствительно съ русскихъ городовъ бралъ Михаилъ дань въ званіи великаго князя для выхода въ Орду. Кромѣ того, въ этомъ же сказаніи говорится, что Юрій, уѣзжая судиться съ Михаиломъ, пригласилъ князей низовскихъ и бояръ отъ городовъ, которые должны были судить Михаила.

царя обычай: какъ разсердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажетъ положить на него колоду, а какъ гнѣвъ его минетъ, то по прежнему чтитъ его; такъ и съ тобой будетъ: минетъ твоя тягота, и ты будешь у царя еще въ большей чести». Кавгадый велѣлъ сторожамъ поддерживать колоду, висѣвшую на шеѣ Михаила, чтобы облегчить его. Наконецъ, послѣ двадцатишестидневнаго томленія за рѣкою Терекомъ, по ту сторону горъ, 22-го ноября въ середу, Кавгадый и Юрій Даниловичъ съ людьми своими подъѣхали къ вежѣ (кибиткѣ), гдѣ находился несчастный Михаилъ; въ кибитку вошли убійцы, повалили князя на землю и одинъ русскій, по имени Романецъ, вонзилъ ножъ въ сердце страдальца. Когда Юрій и Кавгадый вошли въ кибитку и увидѣли обнаженное тѣло Михаила, Кавгадый съ суровымъ видомъ сказалъ Юрію: «вѣдь онъ тебѣ старѣйшимъ братомъ былъ, словно отецъ: для чего же тѣло его лежитъ брошенное и голое!» Юрій приказалъ прикрыть трупъ епанчею. Видно, что ханъ колебался исполнить приговоръ суда, но Юрій настаивалъ и добивался смерти Михаила.

Юрій мстилъ Михаилу и послѣ смерти его: юріевы бояре, которые повезли на Русь тѣло убитаго, не допускали ставить это тѣло въ церквахъ, а ставили въ хлѣву. Его привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ.

Юрій, получивъ отъ хана великое княженіе, возвратился въ Русь съ большою честью; онъ везъ съ собою, какъ плѣнныхъ, сына михаилова Константина, его бояръ и слугъ. Вдова Михаила и другіе сыновья его, узнавши о печальномъ концѣ тверскаго князя, обратились къ Юрію съ просьбою отдать имъ тѣло убитаго для погребенія въ Твери. Юрій согласился, но прежде поломался надъ ними. Одинъ изъ сыновей убитаго князя, Александръ, ѣздилъ за тѣломъ отца въ Москву. Михаила погребли въ церкви Спаса въ Твери.

Старшій сынъ Михаила Димитрій (названный въ родословной: Грозныя Очи) злобствовалъ на Юрія за смерть отца, но принужденъ былъ до поры до времени смириться. Въ 1321 году, при посредствѣ тверского епископа Варсонофія, между Димитріемъ и Юріемъ заключенъ былъ миръ; тверской князь заплатилъ двѣ тысячи гривенъ серебра и обязался не искать великаго княженія.

Юрій, сдѣлавшись великимъ княземъ, послалъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія, но послѣ смерти послѣдняго въ 1322 году самъ переѣхалъ въ Новгородъ и остался въ немъ. Онъ, повидимому, уступилъ Москву брату Ивану, и, считаясь великимъ княземъ, жилъ въ Новгородѣ. Юрій любилъ Новгородъ и новго-

родцы любили Юрія. Онъ воевалъ за новгородцевъ съ шведами, построилъ городъ Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), заключилъ отъ имени Новгорода миръ съ шведскимъ королемъ и счастливо прогонялъ литву, дѣлавшую частые набѣги на новгородскія владѣнія; въ 1324 году, по поводу оскорбленій, причиненныхъ новгородскимъ промышленникамъ устюжанами, Юрій съ новгородцами ходилъ въ Устюгъ, взялъ этотъ городъ и заключилъ съ устюжанами миръ, выгодный для новгородцевъ. Здѣсь онъ навсегда простился съ ними: они отправились домой, а Юрій, доѣхавъ до Камы, спустился внизъ этой рѣкой въ Орду. Его позвали.

Димитрій Михайловичъ тверской обвинялъ Юрія въ томъ, что онъ, взявши выходъ съ тверскихъ князей, не отдалъ его татарскому послу, а уѣхалъ съ деньгами въ Новгородъ [1]). Юрій, прибывшій въ Орду 21-го ноября 1325 года, былъ умерщвленъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ. Тѣло Юрія было привезено въ Москву и предано землѣ митрополитомъ Петромъ и архіепископомъ новгородскимъ Моисеемъ. Ханъ казнилъ убійцу, но не ранѣе, какъ спустя десять мѣсяцевъ послѣ убійства.

Братъ Юрія Иванъ, по прозванію Калита (отъ обычая носить съ собою кошелекъ съ деньгами для раздачи милостыни), оставался долго въ тѣни при старшемъ братѣ, но когда Юрій получилъ великое княженіе и уѣхалъ въ Новгородъ, Москва оставлена была въ полное управленіе Ивана; съ этихъ-то поръ онъ вступаетъ на историческое поприще. Восемнадцать лѣтъ его правленія были эпохою перваго прочнаго усиленія Москвы и ея возвышенія надъ русскими землями. Главнымъ способомъ къ этому усиленію было то, что Иванъ особенно умѣлъ ладить съ ханомъ, часто ѣздилъ въ Орду, пріобрѣлъ особенное расположеніе и довѣріе Узбека и оградилъ свою московскую землю отъ вторженія татарскихъ пословъ, которые, — какъ уже сказано выше, — называясь этимъ именемъ, ѣздили по Руси, дѣлали безчинства и опустошенія. Въ то время, когда другія русскія земли поражены были этимъ несчастіемъ и, кромѣ того, подвергались другимъ бѣдствіямъ, владѣнія московскаго князя оставались спокойными, наполнялись жителями и, сравнительно съ другими русскими землями, находились въ цвѣтущемъ состояніи. «Перестали

---

[1]) Вообще событія этого времени и отношенія къ Ордѣ, какъ Юрія, такъ и Димитрія, для насъ остаются неясными по причинѣ скудости источниковъ. Есть извѣстіе, что Димитрій получилъ великое княженіе; мы не знаемъ навѣрно: утвердилъ ли ханъ Узбекъ на княженіи Димитрія, разсердившись на Юрія, самъ ли Димитрій присвоилъ себѣ имя великаго князя, или его ошибочно такъ называли лѣтописцы.

поганые воевать русскую землю — говоритъ лѣтописецъ — перестали убивать христіанъ; отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости, и отъ насилія татарскаго; и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ».

Городъ Москва расширялся въ княженіе Ивана. Кромѣ Кремля, составлявшаго ея центръ или внутреннее укрѣпленіе, посадъ за предѣлами Кремля уже при Иванѣ былъ обнесенъ дубовою стѣною. Вокругъ Москвы одно за другимъ возникали села.

Бояре оставляли другихъ князей, переходили къ московскому князю и получали отъ него земли съ обязанностью службы; за боярами слѣдовали вольные люди, годные къ оружію. Такимъ образомъ, сосѣдніе князья слабѣли и поневолѣ должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. Въ Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселеніе не врагами, не господами, а принимали крещеніе и становились русскими. Въ числѣ такихъ татарскихъ выходцевъ былъ мурза Четъ, родоначальникъ фамиліи Годуновыхъ и предокъ Бориса, царствовавшаго на русскомъ престолѣ. Иванъ заботился о внутренней безопасности, строго преслѣдовалъ и казнилъ разбойниковъ и воровъ; и тѣмъ самымъ онъ далъ возможность ѣздить торговымъ людямъ по дорогамъ. Москва тогда уже наполнялась торговцами съ разныхъ сторонъ. На устьѣ Мологи возникла славная въ тѣ времена моложская ярмарка, куда съѣзжались купцы съ востока и запада. Оживляя народное благосостояніе, эта ярмарка доставляла доходы великому князю.

Въ первыхъ же годахъ своего правленія Иванъ далъ Москвѣ нравственное значеніе переводомъ митрополичьей каѳедры изъ Владиміра въ Москву. Еще въ XIII столѣтіи русскіе первосвятители нашли невозможнымъ оставаться въ Кіевѣ, въ краѣ малолюдномъ, въ опустошенномъ и обнищаломъ городѣ, гдѣ древняя святыня находилась въ запустѣніи, гдѣ Десятинная церковь лежала въ развалинахъ, гдѣ отъ св. Софіи оставались однѣ стѣны, а печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты: Кириллъ и Максимъ, хотя и считались кіевскими, но не жили въ Кіевѣ, вели странническую жизнь и болѣе всего пребывали во Владимірѣ. По смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьяго престола. Одинъ изъ сѣверной Руси, владимирскій игуменъ Геронтій, другой изъ южной Руси—Петръ, игуменъ ратскій, родомъ волынецъ. Галицкій князь Юрій Львовичъ, внукъ Данила, послалъ Петра въ Константинополь для посвященія, съ цѣлью утвердить у себя митрополію въ Галичинѣ. Петръ былъ предпочтенъ Геронтію, получилъ санъ митрополита

(1308), но вмѣсто того, чтобы жить въ южной Руси, удержавъ титулъ кіевскаго митрополита, переселился на сѣверъ во Владиміръ; однако и тутъ не жилъ постоянно, а переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, поставляя духовныхъ. Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ Петръ совершилъ поѣздку въ Орду къ Узбеку и получилъ отъ него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство съ своими семействами и со всѣми лицами, принадлежащими къ духовному вѣдомству, освобождалось отъ всякой дани и ограждалось отъ какихъ бы то ни было обидъ и притѣсненій со стороны ханскихъ чиновниковъ и подданныхъ.

Во время своихъ обычныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто Петръ сошелся съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ и полюбилъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ его Москву. Здѣсь онъ сталъ проживать по-долгу, заботился объ украшеніи Москвы святынею храмовъ и 4 августа 1325 года, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, заложилъ первую каменную церковь въ Москвѣ Успенія Богородицы (нынѣшній Успенскій соборъ). Этотъ храмъ долженъ былъ сдѣлаться главною святынею Москвы и перенести на нее то благословеніе, которое нѣкогда давала городу Владимиру построенная Андреемъ подобная церковь Богоматери во Владимирѣ. Близъ мѣста, на которомъ долженъ былъ стоять жертвенникъ, Петръ собственноручно устроилъ себѣ гробъ. «Богъ благословитъ тебя— говорилъ онъ Калитѣ—и поставитъ выше всѣхъ другихъ князей, и распространитъ городъ этотъ паче всѣхъ другихъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ во вѣки; и руки его взыдутъ на плещи враговъ вашихъ; и будутъ жить въ немъ святители, и кости мои здѣсь положены будутъ». Эти пророческія слова, переходя по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію, помнились и приводились для поддержанія могущества и величія Москвы. Въ слѣдующемъ 1326 году 21 декабря Петръ скончался, оставшись навсегда въ воспоминаніи потомковъ святымъ покровителемъ Москвы, первымъ виновникомъ ея нравственнаго возвышенія. Иванъ, исполняя завѣщаніе Петра, окончилъ постройку храма Успенія; кромѣ этого храма онъ построилъ каменную церковь Архангела Михаила, на мѣсто прежней деревянной, и завѣщалъ себя похоронить въ ней: это былъ нынѣшній Архангельскій соборъ, послужившій мѣстомъ погребенія для всѣхъ потомковъ Ивана. Близъ своихъ палатъ Иванъ основалъ монастырь св. Преображенія и построилъ въ немъ каменную церковь (единственную изъ московскихъ церквей, которой стѣны до сихъ поръ существуютъ отъ тѣхъ временъ въ церкви Спаса на Бору) и кромѣ

того церковь Іоанна Лѣствичника, на мѣстѣ нынѣшней колокольни Ивана Великаго. Стремленію Ивана поднять церковное значеніе Москвы способствовало то, что преемникъ Петра, Ѳеогностъ, поселился въ Москвѣ, а за нимъ, впослѣдствіи, всѣ митрополиты одинъ за другимъ пребывали въ этомъ городѣ и такимъ образомъ сообщили ему значеніе столицы всей русской церкви.

Иванъ Даниловичъ во все продолженіе своего княженія ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, съ одной стороны, увеличить свои московскія владѣнія, а съ другой — имѣть первенствующее вліяніе на князей въ прочихъ русскихъ земляхъ. Въ этомъ случаѣ помогла ему болѣе всего вновь вспыхнувшая вражда съ Тверью. Тамъ княжилъ другой сынъ Михаила тверского, Александръ. Послѣ казни брата, Александръ — какъ говоритъ лѣтописецъ—носилъ имя великаго князя [1]). Татары, какъ видно, не довѣряли Александру и находили нужнымъ особенно наблюдать надъ Тверью. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій чиновникъ Чолканъ съ вооруженною толпою татаръ, выгналъ Александра съ его двора и расположился въ немъ, какъ хозяинъ. Это естественно возбудило страхъ и ропотъ въ народѣ. Начали толковать, что татары хотятъ перебить русскихъ князей, управлять Русью посредствомъ своихъ чиновниковъ и насильно обращать христіанъ въ бусурманскую вѣру. Татары, по привычкѣ обращаться съ русскими, какъ съ рабами, дѣлали въ Твери разныя безчинства. 15 августа поднялся мятежъ противъ татаръ. По однимъ извѣстіямъ, самъ Александръ возбуждалъ тверичей изъ мести за своего отца и брата, по другимъ же онъ, напротивъ, приказывалъ имъ терпѣть, но неожиданный случай произвелъ вспышку въ народѣ. Татары хотѣли отнять у діакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Діаконъ сдѣлалъ кличъ къ народу, который уже прежде былъ раздраженъ наглостью татаръ. Ударили въ вѣчевой колоколъ, народъ собрался и перебилъ Чолкана и его татаръ. Только немногіе табунщики успѣли уйти и дали знать въ Ордѣ о происшествіи.

Мщеніе было неизбѣжно. Князь Иванъ Даниловичъ, услышавши о томъ, что сдѣлалось въ Твери, наскоро побѣжалъ въ

[1]) Фактъ этотъ представляется намъ до крайности страннымъ; какимъ образомъ Узбекъ, убивши отца и брата Александра, могъ повѣрить этому князю старѣйшинство на Руси? Такъ какъ болѣе старыя редакціи нашихъ лѣтописей ничего ровно не говорятъ о назначеніи его великимъ княземъ, а извѣстія объ этомъ назначеніи находятся только въ позднѣйшихъ редакціяхъ, то мы бы отвергли этотъ фактъ какъ ложный, если бы насъ въ этомъ случаѣ не останавливала новгородская грамота, изъ которой видно, что новгородцы въ 1327 году признавали надъ собою власть Александра въ качествѣ старѣйшаго или великаго князя. Во всякомъ случаѣ въ этомъ есть что-то для насъ неизвѣстное и непонятное.

Орду и оттуда въ званіи старѣйшаго князя шелъ съ татарами наказывать Тверь. Татарская рать была подъ предводительствомъ пяти темниковъ. Иванъ Даниловичъ потребовалъ, чтобы суздальскій князь присоединился къ нему, суздальскій князь не посмѣлъ ослушаться. Рать зимою вошла въ тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старыхъ, и малыхъ; иныхъ брала въ неволю; другіе, лишенные пріюта, замерзали. Такъ разорены были Кашинъ и Тверь. Князь Александръ съ братомъ Константиномъ ушелъ въ Новгородъ; новгородцы не приняли Александра; онъ бѣжалъ въ Псковъ. Тѣмъ временемъ татары, вѣроятно не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на новоторжскую землю, принадлежащую Новгороду, и опустошили ее. Дѣло разъяснилось тогда, когда монгольскіе послы прибыли въ Новгородъ и получили тамъ 2000 гривенъ серебра и много даровъ.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдѣла, что цѣлое полстолѣтіе носила на себѣ слѣды этого погрома.

Расправившись съ Тверью, Иванъ поѣхалъ въ Орду явиться къ Узбеку. Узбекъ очень хвалилъ его и съ тѣхъ поръ положеніе Ивана стало еще крѣпче. Тогда же явился къ Узбеку съ поклономъ братъ Александра Константинъ. Узбекъ принялъ и его милостиво, не помянулъ вины, которую считалъ за братомъ его, утвердилъ на тверскомъ княженіи, но приказалъ Ивану, и съ нимъ всѣмъ русскимъ князьямъ, отыскать Александра и представить въ Орду на расправу. По ханскому приказу, Иванъ, въ 1329 году, съ митрополитомъ, суздальскимъ княземъ и двумя тверскими князьями братьями Александра, прибылъ въ Новгородъ и оттуда послалъ къ Александру пословъ. Во Псковъ поѣхалъ самъ новгородскій владыка Моисей съ нѣкоторыми знатными новгородцами; онъ убѣждалъ Александра ѣхать добровольно въ Орду, «не давать христіанъ на погибель поганымъ». Александръ совсѣмъ-было согласился, но псковичи удержали его и говорили: «Не ѣзди, господине, въ Орду; чтобы съ тобою ни было, за одно умремъ съ тобою!»

Иванъ Даниловичъ, получивши отказъ, поднялъ всю землю новгородскую и пошелъ ратью на Псковъ, а митрополитъ Өеогностъ въ угожденіе Ивану наложилъ на псковичей проклятіе и отлученіе отъ церкви.

Тогда Александръ сказалъ псковичамъ: «Братья и друзья мои! пусть не будетъ на васъ изъ-за меня проклятія и отлученія; я уѣду, а вы цѣлуйте крестъ не выдавать моей княгини».

Александръ уѣхалъ въ Литву, а псковичи послали пословъ къ Ивану съ такимъ словомъ: «Князь Александръ уѣхалъ, весь

Псковъ кланяется тебѣ, князю великому, отъ мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малыя дѣти». Это было первое заявленіе покорности Пскова Москвѣ, новый шагъ къ возвышенію значенія московскаго князя.

Иванъ удовольствовался этимъ заявленіемъ и митрополитъ снялъ со псковичей проклятіе, употребивши свою духовную власть въ пользу видовъ московскаго князя. Обстоятельства продолжали благопріятствовать Москвѣ. Александръ хотя вернулся во Псковъ и прожилъ тамъ десять лѣтъ, но былъ уже безсиленъ; его братъ Константинъ, управляя разоренною тверскою землею, угождалъ московскому князю, любимцу царя, такъ какъ страшился повторенія надъ своею областью того, что она испытала при его братѣ. Въ собственно-московской землѣ Иванъ уже владѣлъ Можайскомъ, Коломною, Рузою, Звенигородомъ, Серпуховымъ, къ ней присоединялся и Переяславль съ своею волостью. Князья другихъ русскихъ земель поставлены были въ такое положеніе, что должны были подчиняться Ивану съ своими землями. Суздальскій князь Александръ Васильевичъ и всѣ другіе удѣльные князья ростовско-суздальской земли стали его подручниками. По смерти Александра Васильевича Иванъ удержалъ за собою Владимиръ, а новый суздальскій князь Константинъ Васильевичъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему оставилъ московскій князь. Иванъ отдалъ одну изъ своихъ дочерей за Василія Давидовича ярославскаго, а другую за Константина ростовскаго и самовластно распоряжался удѣлами своихъ зятьевъ. «Горе, горе городу Ростову и князьямъ его — говоритъ одно старинное сказаніе; — отнялась у нихъ власть и княженіе; и не мало было ростовцевъ, которые поневолѣ отдавали москвичамъ имущество свое, терпѣли побои и язвы на тѣлѣ своемъ». Посланный въ Ростовъ отъ Ивана Даниловича бояринъ Кочева свирѣпствовалъ надъ жителями, какъ будто надъ завоеванными, и одного старѣйшаго боярина, по имени Аверкія, приказалъ всенародно повѣсить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не въ одномъ Ростовѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ, подпавшихъ подъ власть москвичей, которые, гдѣ только могли, показывали себя высокомѣрными господами надъ прочими русскими людьми. Эти поступки вывели изъ терпѣнія ярославскаго князя; несмотря на родство свое съ московскимъ княземъ, онъ соединился противъ него съ Александромъ Михайловичемъ тверскимъ. Князья рязанскіе поневолѣ должны были повиноваться Ивану Даниловичу и ходить съ своею ратью куда онъ имъ прикажетъ: Иванъ былъ въ чести у хана, а рязанская земля находилась на пути

изъ Орды въ Москву и за строптивость своихъ князей первая могла подвергнуться жестокой карѣ отъ орды, требовавшей повиновенія Москвѣ. Города: Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ были пріобрѣтены Иваномъ посредствомъ купли отъ князей. Кромѣ того онъ покупалъ и промѣнивалъ села въ разныхъ мѣстахъ: около Костромы, Владимира и Ростова, на рѣкѣ Масѣ, Киржачѣ и даже въ новгородской землѣ вопреки новгородскимъ грамотамъ, запрещавшимъ князьямъ покупать тамъ земли. Онъ заводилъ въ новгородской землѣ слободы, населялъ ихъ своими людьми, и такимъ образомъ имѣлъ возможность внѣдрять тамъ свою власть и этимъ путемъ.

Новгородъ, находившійся пока въ дружбѣ съ Москвою, скоро испыталъ на себѣ плоды ея усиленія, которому онъ такъ содѣйствовалъ. Новгородцы слишкомъ много оказали услугъ московскимъ князьямъ: казалось, нужно было пройти долгому времени и явиться очень важнымъ причинамъ и непредвидѣннымъ столкновеніямъ, чтобы между Новгородомъ и Москвою могло вспыхнуть несогласіе. Но Иванъ не задумывался въ выборѣ средствъ для своихъ выгодъ. Въ 1332 году возвратился онъ изъ Орды, гдѣ достаточно поистратился на подарки, и сталъ пріискивать средствъ, какъ бы и чѣмъ ему вознаградить себя. Онъ вспомнилъ, что у новгородцевъ есть закамское серебро. Въ сибирскихъ странахъ съ незапамятныхъ временъ велось добыванiе руды и обработка металловъ. До сихъ поръ такъ-называемыя чудскія копи по берегамъ Енисея служатъ памятниками древней умѣлости народовъ алтайскаго племени. Новгородъ, владѣвшій сѣверовостокомъ нынѣшней европейской Россіи, подъ названіемъ Заволочья (береговъ Двины), Печоры и Перми, и частью азіатской Россіи подъ именемъ Югры, получалъ оттуда серебро отчасти путемъ торговыхъ сношеній, отчасти же посредствомъ дани, взносимой туземцами подчиненной Новгороду пермской страны. Иванъ Даниловичъ потребовалъ отъ Новгорода этого серебра, которое въ то время называлось закамскимъ серебромъ, и, чтобы имѣть въ рукахъ своихъ залогъ своего требованія, захватилъ Торжокъ и Бѣжецкій-Верхъ съ ихъ волостями неожиданно и вѣроломно, не объявивши Новгороду, что онъ считаетъ мирный договоръ почему-нибудь нарушеннымъ. Въ Новгородѣ тогда происходили внутреннія смятенія: въ одинъ годъ смѣнили двухъ посадниковъ, ограбили дворы и села двухъ бояръ; вѣроятно, эти волненія состояли въ связи съ тогдашними непріязненными поступками московскаго князя, такъ какъ всегда во время размолвокъ съ великими князьями въ Новгородѣ были лица, считавшіеся ихъ сторонниками и благопріятелями и за то

испытывавшіе озлобленіе раздраженнаго народа. На другой годъ Иванъ Даниловичъ повторилъ свое требованіе, вошелъ въ Торжокъ съ подручными себѣ князьями земель суздальской и рязанской и сидѣлъ въ Торжкѣ около двухъ мѣсяцевъ. Новгородцы посылали къ нему дружелюбное посольство, просили пріѣхать въ Новгородъ мирно, но Иванъ не хотѣлъ слушать ихъ и уѣхалъ прочь. Новгородскимъ волостямъ не легко было отъ его посѣщенія. Иванъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Городища, и такимъ образомъ находился уже въ открытой враждѣ съ Новгородомъ, «въ розратьѣ», какъ тогда говорили.

Тогда новгородцы принялись укрѣплять свой городъ; владыка строилъ каменныя стѣны дѣтинца; юрьевскій архимандритъ возводилъ около своего монастыря стѣны, а между тѣмъ еще разъ новгородцы пытались поладить съ московскимъ княземъ. Владыка Василій поѣхалъ къ нему - съ двумя новгородскими боярами и тзасталъ его въ Переяславл. Отъ лица Новгорода онъ предлагалъ великому князю пятьсотъ рублей серебра и просилъ, чтобы великій князь отступился отъ слободъ, заведенныхъ имъ на новгородской землѣ, противно договору, имъ же утвержденному крестнымъ цѣлованіемъ. Иванъ Даниловичъ не послушалъ его.

Тогда новгородцы пожалѣли, что въ угоду московской власти такъ преслѣдовали тверского князя. Александръ жилъ въ Псковѣ: Новгородцы изъ-за него были не владахъ со Псковомъ; новгородскій владыка семь лѣтъ не бывалъ въ Псковѣ и наказывалъ своимъ пастырскимъ неблагословеніемъ Псковъ непослушный Новгороду и великому князю; теперь онъ отправился въ Псковъ, былъ тамъ принятъ съ честью, благословилъ князя Александра и крестилъ у него сына Михаила. Этого было недостаточно. Новгороду нуженъ былъ сильный союзникъ, который бы могъ составить противовѣсъ могуществу московскому, и Новгородъ сошелся тогда съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, завоевавшимъ почти всю западную Русь: онъ, заступившись за Новгородъ, одинъ могъ остановить Ивана. Въ октябрѣ 1333 года пріѣхалъ въ Новгородъ сынъ Гедимина Наримонтъ, нареченный при крещеніи Глѣбомъ и избранный новгородцами на княженіе. По обычаю своихъ дѣдовъ новгородцы посадили его на столѣ у св. Софіи и дали ему въ отчину и дѣдину Ладогу, Орѣховскій городъ, Корѣльскъ и половину Копорья.

Иванъ Даниловичъ между тѣмъ снова съѣздилъ въ Орду, и, воротившись назадъ въ 1334 году, сталъ податливѣе. Если путешествіе московскаго князя въ Орду пугало новгородцевъ, такъ какъ они думали, что князь хочетъ подвинуть на нихъ татар-

скую силу, то съ своей стороны Иванъ, человѣкъ характера невоинственнаго, хотя и хитрый, тревожно смотрѣлъ на дружбу новгородцевъ съ его заклятымъ врагомъ Александромъ и еще болѣе на союзъ ихъ съ Гедиминомъ. Новгородъ, хотя и готовился отразить насильственныя покушенія Москвы, былъ не прочь помириться съ нею: новгородцы не могли быть увѣрены, что Гедиминъ заступится за нихъ въ такой мѣрѣ чтобы воевать съ ханомъ, да и при помощи Гедимина не легко было отважиться Новгороду на борьбу съ ордою и съ силами русскихъ земель, находившихся подъ рукою Ивана Даниловича; притомъ же призванный новгородцами Наримонтъ оказывался мало способнымъ къ доблестнымъ подвигамъ и къ геройской защитѣ земли, пригласившей его такъ радушно. Владыка Василій, еще до возвращенія Ивана изъ Орды, ѣздилъ къ митрополиту Θеогносту, видѣлся съ нимъ во Владимирѣ и располагалъ его дѣйствовать на Ивана примирительно. По своемъ возвращеніи изъ Орды Иванъ Даниловичъ, кромѣ другихъ соображеній, побуждаемый къ миру и митрополитомъ, принялъ новгородскаго посла Варθоломея Юрьевича уже не такъ, какъ онъ принималъ прежнихъ пословъ, не высокомѣрно, а любовно, и вслѣдъ затѣмъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ 16 февраля 1334 года. Въ Новгородѣ примиреніе съ великимъ княземъ произвело большую радость. Люди, расположенные къ Москвѣ и несмѣвшіе до сихъ поръ проявить своего расположенія, теперь взяли верхъ и оказывали вліяніе на народъ. Въ угоду московскому князю новгородцы готовы были вмѣстѣ съ москвичами идти войною на Псковъ и доставать оттуда князя Александра Михайловича. Они забыли и недавно показанное неуваженіе московскаго князя ко всякаго рода договорамъ и крестному цѣлованію, и свою недавнюю дружбу со псковичами, вынужденную поступками московскаго князя. До войны со Псковомъ не дошло, но послѣ этого новгородцы со псковичами остались не въ мирныхъ отношеніяхъ. Иванъ Даниловичъ позвалъ къ себѣ въ Москву новгородскаго владыку, посадника, тысячскаго, бояръ и оказывалъ имъ большія почести. Казалось, возстановились самыя прочныя дружелюбныя отношенія между Новгородомъ и Москвою.

Но прошло три года, и въ 1337 году Иванъ Даниловичъ, опять нарушивши договоръ, послалъ войско свое въ двинскую землю съ цѣлью овладѣть этимъ важнымъ краемъ; покушеніе его не удалось; посланное войско вернулось оттуда пораженное со срамомъ. Новгородцы тогда опять обратились къ псковичамъ, владыка Василій отправился въ Псковъ, но уже его приняли тамъ не такъ,

какъ прежде; псковичи научены были опытомъ, какъ новгородцы въ бѣдѣ обращаются къ нимъ, а потомъ, когда думають, что бѣда для нихъ минула, готовы идти на нихъ вмѣстѣ съ тѣми, противъ которыхъ прежде искали опоры. Они не хотѣли дать владыкѣ «подъѣзда» или части судныхъ пошлинъ, которыя собиралъ владыка въ свою пользу. Архіепископъ проклялъ псковичей.

Десять лѣтъ прожилъ Александръ Михайловичъ во Псковѣ, и несносна была ему изгнанническая судьба. Думалъ онъ и передумывалъ что дѣлать ему. Жаль ему было дѣтей и потомковъ своихъ, которые должны были не только лишиться владѣнія, но мало-по-малу выдти изъ рода князей. Продолжало, вѣроятно, томить его и то, что псковичи, даровавшіе ему пріютъ у себя, изъ-за него подвергались проклятію отъ своего архіепископа. Еще въ 1336 году отправилъ онъ въ Орду сына своего Өеодора, узнать: есть ли надежда ему получить прощеніе и милость хана Узбека. Өеодоръ, возвратившись изъ Орды, принесъ утѣшительныя извѣстія. Тогда въ 1337 году Александръ отправилъ посольство къ митрополиту Өеогносту и просилъ отъ него благословенія идти въ Орду. Өеогность далъ ему благословеніе, вѣроятно въ то время, когда не было близко него Ивана Даниловича, иначе послѣдній не допустилъ бы до этого. Александръ отправился въ Орду и явился прямо передъ Узбекомъ.

Наши лѣтописи представляютъ Александра произносящимъ такую рѣчь передъ царемъ своимъ: «Господинъ самовластный (вольный) царь! если я и много дурного сдѣлалъ тебѣ, то теперь пришелъ къ тебѣ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть. Какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!»

Узбеку очень понравилась такая прямота и вмѣстѣ рабская покорность. «Видите ли,—сказалъ Узбекъ окружающимъ его (такъ передаютъ лѣтописи)—какъ Александръ Михайловичъ смиренною мудростью избавилъ себя отъ смерти».

Узбекъ простилъ Александра, оказалъ ему большой почетъ у себя и отпустилъ на Русь съ правомъ сѣсть на столѣ въ отеческой Твери. Двое вельможъ татарскихъ, Киндякъ и Авдулъ, провожали его. Братъ Константинъ, владѣвшій Тверью, добровольно уступилъ ее Александру.

Возвращеніе Александра было страшнымъ ударомъ для московскаго князя. Если его заклятый врагъ, котораго онъ по приказанію хана преслѣдовалъ и добивался взять живьемъ для казни, теперь пріобрѣлъ милость того же хана, то отсюда могло произойти то, что помилованный князь поддѣлается къ хану и постарается въ свою очередь насолить своему сопернику. Иванъ

Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду, взялъ съ собою сыновей, чтобы представить хану, какъ будущихъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и старался всѣми мѣрами очернить и оклеветать тверского князя. Ему удалось. Узбекъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Истрочея, звать Александра.

Истрочей, по приказанію Узбека и по наставленію Ивана, принялъ передъ Александромъ самый ласковый видъ и говорилъ:

«Самовластный царь Узбекъ зоветъ тебя съ сыномъ Θеодоромъ; царь сдѣлаетъ для тебя много хорошаго; ты примешь великое княженіе и большой почетъ тебѣ будетъ».

Но Александръ догадался, что тутъ что-то не такъ. «Если я пойду въ Орду, говорилъ онъ своимъ, то буду преданъ смерти, а если не пойду, то придетъ татарская рать и много христіанъ будетъ убито и взято въ плѣнъ, и на меня вина падетъ: лучше мнѣ одному принять смерть».

И онъ началъ снаряжаться въ Орду и послалъ впередъ сына своего Θеодора узнать, что значитъ этотъ призывъ и чего можетъ онъ ждать въ Ордѣ. А между тѣмъ тверскіе бояре, разсудивъ, что служить московскому князю выгоднѣе, отъѣзжали отъ Александра къ его врагу. Къ этому, быть можетъ, побуждало ихъ еще и то, что Александръ воротился изъ Пскова съ новыми боярами и между прочимъ съ иноземцами; такъ былъ у него въ чести нѣмецъ Матвѣй Доль: и старымъ боярамъ не по сердцу было стать ниже этихъ новичковъ и пришельцевъ.

Θеодоръ не пріѣхалъ обратно; его удержали въ Ордѣ, но онъ извѣстилъ отца, что царь Узбекъ гнѣвается на него. Возврата не было Александру. Если онъ рѣшится бѣжать куда-нибудь по прежнему, то сынъ въ Ордѣ долженъ будетъ выпить за него горькую чашу. Онъ поѣхалъ въ Орду. Иванъ Даниловичъ, обдѣлавъ свои дѣла, воротился домой и наблюдалъ, чтó станется съ его соперникомъ, которому онъ, насколько силъ его было, подготовилъ гибель.

Осталось преданіе, что когда Александръ Михайловичъ плылъ по Волгѣ, тогда поднимался противный вѣтеръ и относилъ его судно назадъ, какъ будто давая несчастному князю предсказаніе, что будетъ ему бѣда тамъ, куда онъ держитъ путь. Когда Александръ Михайловичъ проплылъ съ большимъ трудомъ черезъ русскія земли, вѣтеръ пересталъ обращать его судно назадъ. Поѣхали одновременно съ нимъ князья: ярославскій и бѣлозерскій, ненавидѣвшіе Ивана Даниловича и готовые защищать Александра Михайловича; но никто не могъ ему тогда пособить: Ивану Даниловичу болѣе всѣхъ вѣрилъ властитель Руси и, вѣроятно,

Иванъ Даниловичъ представилъ этому властителю какіе-то убѣдительные доводы противъ тверского князя, если Узбекъ такъ скоро измѣнилъ къ послѣднему свою милость.

Когда заранѣе осужденный на смерть князь прибылъ въ Орду, сынъ Ѳеодоръ первый со слезами извѣстилъ его, что дѣла плохи. Затѣмъ татары, расположенные къ нему, сказали: «Царь хочетъ тебя убить! Тебя крѣпко оклеветали передъ нимъ!»—«Что же я буду дѣлать! отвѣчалъ Александръ. Если Богъ захочетъ предать меня смерти, кто же можетъ меня избавить?»

Александръ привезъ дары царю, царицѣ, вельможамъ. Прошелъ мѣсяцъ въ тревожномъ ожиданіи. 26 ноября 1338 года сказали Александру, что черезъ три дня ему будетъ конецъ. Александръ употребилъ это время на молитву. Наконецъ, насталъ роковой день. Отслушавъ заутреню, Александръ послалъ къ царицѣ узнать, что̀ его ожидаетъ, а самъ сѣлъ на коня и ѣздилъ, разспрашивая: долго ли ему ждать смерти. Ему сообщили, что черезъ часъ придетъ ему смерть. Александръ воротился въ свой шатеръ, обнялъ сына и своихъ бояръ, и причастился св. Тайнъ. Слуги его прибѣжали съ извѣстіемъ, что идутъ палачи, посланцы ханскіе: Берканъ и Черкасъ. Александръ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Его схватили, сорвали съ него одежды и повели нагого со связанными руками къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу, сидѣвшему на конѣ. «Убейте!» крикнулъ Тавлугбегъ. Татары повалили на землю Александра и сына его Ѳеодора, убили ихъ, а потомъ отрубили имъ головы. Александровы бояре и слуги въ страхѣ разбѣжались, но потомъ, съ дозволенія татаръ, взяли тѣла убитыхъ своихъ князей и повезли въ Тверь, гдѣ оба князя положены были рядомъ съ другими двумя, также убитыми въ Ордѣ.

Иванъ Даниловичъ радовался. Смерть Александра не только избавляла его отъ непримиримаго врага, но была новымъ свидѣтельствомъ чрезвычайнаго довѣрія къ нему хана Узбека. Иванъ Даниловичъ могъ быть надеженъ не только за себя, но и за сыновей своихъ. Онъ оставилъ ихъ въ Ордѣ. Послѣ смерти Александра они воротились изъ Орды съ большою честью. Великая радость, великое веселіе было тогда въ Москвѣ. Иванъ Даниловичъ, унижая ненавистную Тверь, приказалъ снять съ церкви тверского Спаса колоколъ и привезти въ Москву.

Когда Александръ Михайловичъ вошелъ было въ милость у хана, Иванъ Даниловичъ, испугавшись этого, постарался поладить съ новгородцами и отправилъ къ нимъ сына Андрея. Всѣ притязанія его на Заволочье были тогда оставлены; нокогда Александра

убили, Иванъ, увѣрившись, что онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, крѣпокъ ханскимъ благоволеніемъ, опять заговорилъ инымъ языкомъ съ новгородцами. Новгородцы привезли ему свою часть ордынскаго выхода. «Этого мало,—сказалъ имъ Иванъ,—царь съ меня еще больше запросилъ, такъ вы мнѣ дайте запросъ царевъ!» — «Такъ и сначала никогда не бывало», отвѣчали новгородцы, «ты, господинъ, цѣловалъ крестъ Новугороду поступать по старымъ пошлинамъ новгородскимъ, по грамотамъ прадѣда своего Ярослава Владимировича». Иванъ не слушалъ, приказалъ своимъ намѣстникамъ уѣхать съ Городища и готовился идти на Новгородъ. Призваннаго новгородцами князя Наримонта (Глѣба) уже не было тамъ; ему не по вкусу былъ новгородскій хлѣбъ; онъ ушелъ въ свою Литву и утвердился княземъ въ Пинскѣ. Новгородцамъ надобно было искать другого князя. Но опасность войны съ Москвою на этотъ разъ миновала Новгородъ.

Пришло Ивану ханское приказаніе идти съ войскомъ въ другую сторону, противъ смоленскаго князя Ивана Александровича (племени Ростислава Мстиславича отъ сына его Давида), не хотѣвшаго повиноваться хану. Съ этою цѣлью прибылъ въ Москву ханскій посолъ Тавлугбегъ. По его требованію Иванъ Даниловичъ послалъ на Смоленскъ разныхъ подручныхъ князей и московскую рать подъ начальствомъ своихъ воеводъ, но самъ не пошелъ на войну. Этотъ походъ окончился ничѣмъ; хорошо укрѣпленный Смоленскъ не былъ взятъ; осаждавшее его полчище отступило черезъ нѣсколько дней осады. Иванъ опять сталъ помышлять о Новгородѣ, но тутъ постигла его смертельная болѣзнь. 31 марта 1341 года онъ умеръ, принявъ передъ смертью схиму, и на другой день былъ погребенъ въ построенной имъ церкви Архангела Михаила, оставивши своимъ преемникамъ изъ рода въ родъ завѣтъ продолжать прочно поставленное имъ дѣло возвышенія Москвы и распространенія ея власти надъ всѣми русскими землями.

X.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ.

Монашество послѣ Ѳеодосія продолжало расширяться; гдѣ только распространялось христіанство, тамъ возникали и монастыри. Одни изъ нихъ строились и поддерживались князьями и богатыми частными лицами, другіе, по образцу, оставленному кіево-печерскимъ монастыремъ, созидались отшельниками, которые сначала уходили въ пустынныя мѣста, а потомъ славою своихъ подвиговъ невольно привлекали къ себѣ товарищей и послѣ обыкновенно дѣлались настоятелями образуемыхъ такимъ образомъ обителей. Послѣдняго рода монастыри представляють особенную важность для исторіи, потому что такіе монастыри привлекали населеніе въ пустынныя мѣста и были одними изъ главныхъ двигателей русской колонизаціи. Гдѣ являлся монастырь, тамъ около него образовывалось село или даже многолюдный посадъ; расчищались дикія лѣсныя мѣста, обработывались поля, а около нѣкоторыхъ монастырей учреждались ярмарки, образовывалось средоточіе промысла и торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ пролагались новые пути сообщенія. Сами монахи вначалѣ подавали примѣръ трудолюбія и хозяйственности. Благочестивый обычай отдавать монастырямъ села дѣлалъ монастыри не только религіозными, но и хозяйственными учрежденіями. Надобно вообще замѣтить, что этотъ обычай, ослаблявшій впослѣдствіи строгость монашеской жизни и даже развращавшій монастыри, имѣлъ въ свое время благодѣтельныя послѣдствія: жители монастырскихъ волостей пользовались сравнительно бо̀льшею безопасностью, такъ какъ съ одной стороны князья, воюя между собою, изъ религіознаго страха нерѣдко щадили ихъ, не щадя другихъ волостей, а при монгольскомъ владычествѣ монастырскія волости находились въ наиболѣе благопріят-

номъ положеніи: огражденные ханами, насколько исполнялись ханскія повелѣнія, отъ поборовъ и разореній, монастыри умножались непрерывно; но съ половины XIV вѣка умноженіе ихъ является въ несравненно большемъ размѣрѣ противъ прежнихъ временъ; на Руси дѣлается замѣтнымъ сильное стремленіе къ монастырской жизни, и это стремленіе избираетъ для себя преимущественно послѣдній изъ указанныхъ нами способовъ основанія монастырей. Отшельники убѣгаютъ отъ людей въ дикія мѣста; къ нимъ присоединяются другіе; основывается обитель; народъ стремится туда на поклоненіе, возникаетъ около обители поселеніе; въ свою очередь изъ этой обители выходятъ отшельники, удаляются въ новыя дикія мѣста, основываютъ тамъ другія обители и также привлекаютъ къ себѣ населеніе и т. д. Этимъ путемъ весь дикій, неприступный сѣверъ съ его непроходимыми лѣсами и болотами до самаго Ледовитаго моря усѣевается монастырями, и къ нимъ, какъ къ средоточіямъ жизни, приливаютъ колоніи смѣлыхъ и трудолюбивыхъ жителей, готовыхъ на тяжелую борьбу съ негостепріимною природою. Независимо отъ общаго аскетическаго духа, всегда господствовавшаго въ религіозныхъ воззрѣніяхъ православной Руси, въ XIV столѣтіи были причины, особенно способствовавшія распространенію и процвѣтанію монашества. Въ это именно время кипчакскіе ханы выразили свою милость къ русской церкви; Узбекъ и Чанибекъ оградили своими грамотами не только собственно духовенство, но вообще всѣхъ людей, принадлежащихъ къ церковному вѣдомству. Тогда было приманчиво быть причисленнымъ къ церкви; это былъ единственный путь достигнуть болѣе спокойной жизни. Въ то время, какъ суровые отшельники осуждали себя на произвольную нищету, къ основаннымъ ими обителямъ стремились люди, желавшіе сохранить свое скромное достояніе, или безопасно пользоваться плодами тяжелаго труда своего. Одни, надѣвая на себя монашеское платье и дѣйствительно или же только видимо удалялись отъ семейной жизни, другіе отдавали себя монастырямъ съ семьями. Была еще и другая временная причина, увлекавшая многихъ къ монашеству. То была страшная зараза, опустошавшая нѣсколько разъ русскія земли въ XIV вѣкѣ и описываемая современниками такими ужасными красками, что едва ли даже можно принимать буквально ихъ извѣстія: во всякомъ случаѣ, при всѣхъ преувеличеніяхъ, несомнѣнно, что эта зараза, нѣсколько разъ повторявшаяся, долго наводила ужасъ на русскихъ людей и обращала ихъ чувства и помышленія къ благочестію. И прежде было въ обычаѣ, что русскій человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, думалъ загладить свои грѣхи

постриженіемъ въ монахи и даже въ схиму; теперь, когда никто не могъ быть увѣреннымъ, что на другой день не подвергнется внезапной смерти, многіе и въ молодыхъ лѣтахъ поступали такъ, какъ отцы ихъ поступали, чувствуя смертельную болѣзнь, постригались въ монахи и отдавали въ монастыри свои имущества. Объ этомъ сохранились положительныя извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ. «Тогда—говоритъ лѣтописецъ, описавшій моръ 1352 года—многіе, промышляя о своемъ животѣ и душѣ, шли въ монастырь и постригались въ мнишескій чинъ, сподобляясь ангельскому чину, и такъ предавали душу свою пришедшимъ за ними Ангеламъ, а тѣла свои отдавали гробу; другіе же, готовясь въ домахъ своихъ на исходъ души, отдавали имущества свои церквамъ и монастырямъ... Иные отъ богатства давали монастырямъ и церквамъ села, рыбныя ловли, исады, чтобы имѣть по себѣ вѣчную память». Наконецъ, примѣръ однихъ увлекалъ другихъ; усилившееся въ XIV вѣкѣ стремленіе къ основанію монастырей сдѣлалось обычаемъ на долгое время; оно уже продолжалось и въ послѣдующіе вѣка, и русская жизнь усвоила себѣ этотъ способъ колонизаціи сплошь до XVII вѣка. Этотъ способъ отразился и въ исторіи раскола. Монастыри оказывали великое нравственное вліяніе на народную жизнь; многіе изъ ихъ основателей пріобрѣли по смерти повсемѣстное уваженіе; толпы народа стекались у ихъ мощей и это въ извѣстной степени способствовало сплоченію нравственныхъ силъ народа, что̀ въ особенности оказывалось тамъ, гдѣ святые чествовались не мѣстно, не одною какою нибудь семьею, а всею Русью. Такое значеніе прежде всего имѣла святыня кіевская; послѣ нея второе мѣсто занимала святыня московской земли.

Ранѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ святыхъ, явившихся въ московской землѣ, пріобрѣлъ народное уваженіе всей Руси преподобный Сергій, основатель знаменитой Троицко-сергіевской Лавры, получившій въ глазахъ великорусскаго народа значеніе покровителя, заступника и охранителя государства и церкви. Кромѣ того личность Сергія представляется исторически важною потому, что онъ былъ отцомъ множества обителей; нѣкоторыя изъ нихъ были основаны при его жизни, а еще болѣе возникло ихъ послѣ смерти Сергія, основанныхъ его сподвижниками и учениками, или же учениками его учениковъ.

Жизнь Сергія, можно сказать, служитъ самымъ полнымъ образцомъ жизни и дѣятельности всѣхъ подобныхъ ему основателей монашескихъ общинъ его времени. Всѣ они въ главныхъ чертахъ представляютъ съ нимъ подобіе, при всѣхъ отличіяхъ личныхъ ха-

рактеровъ и условій мѣстности и времени. Замѣчательно, что этотъ святой мужъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи покровителемъ Москвы и ея властителей, происходилъ изъ рода, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ изъ родной земли отъ начинавшихся проявленій московской власти. Въ біографіи «братьевъ Даниловичей» мы говорили о притѣсненіяхъ, которыя терпѣлъ при Иванѣ Калитѣ подчиненный Москвѣ Ростовъ. Тогда въ числѣ бѣжавшихъ отъ начальства москвичей былъ бояринъ Кириллъ, человѣкъ знатнаго и богатаго рода, обѣднѣвшій подобно многимъ отъ поборовъ, отъ платежа выходовъ, отъ разорительныхъ посѣщеній ханскихъ пословъ и невольныхъ путешествій съ князьями въ Орду. Кириллъ съ супругою своею Маріею и сыновьями: Стефаномъ, Варѳоломеемъ и Петромъ перешелъ въ Радонежъ (въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшней Лавры), удѣлъ, оставленный Иваномъ Калитою сыну своему Андрею. Въ тотъ вѣкъ владѣльцы старались привлечь къ себѣ населеніе изъ другихъ волостей и давали пришедшимъ разныя льготы; такъ поступалъ и князь Андрей. Двое сыновей Кирилла, Стефанъ и Петръ, женились, но средній Варѳоломей, одаренный поэтическимъ воображеніемъ и наклонностью къ созерцательной жизни, съ отрочества порывался въ монастырь. Тяжелые труды подвижника, неустанная молитва и внутренняя борьба съ искушеніями молодой жизни представлялись привлекательными его горячей и крѣпкой натурѣ. Родители удерживали его: «Потерпи немного—говорили они ему—мы стары, бѣдны и немощны, братья твои болѣе заботятся о своихъ женахъ, нежели о насъ. Послужи намъ, проводи насъ во гробъ, а тамъ дѣлай, что хочешь». Вскорѣ они, чувствуя приближеніе кончины, постриглись и умерли. Старшій братъ Стефанъ лишился жены и пошелъ въ монастырь. Варѳоломей уступилъ женатому брату Петру свою часть наслѣдства, покинулъ отеческій домъ и отправился по окрестностямъ искать мѣста для пустыннаго житья. Онъ сначала уговорилъ идти съ собою брата своего Стефана и, вмѣстѣ съ нимъ, построилъ деревянную келью и церковь въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ богатый троицкій соборъ Сергіевской Лавры; по просьбѣ Стефана митрополитъ Ѳеогностъ отправилъ священниковъ освятить новую церковь во имя св. Троицы. Но вскорѣ Стефанъ оставилъ своего брата: ему тяжело показалось одинокое житіе. Онъ уѣхалъ въ Москву въ Богоявленскій монастырь и скоро сдѣлался тамъ игуменомъ, затѣмъ духовникомъ великаго князя Симеона, тысячскаго и разныхъ бояръ. Варѳоломей обратился къ какому-то игумену Митрофану, принялъ отъ него постриженіе подъ именемъ Сергія, такъ какъ въ день, когда совершилось это постриженіе, праздновалась па-

мять мучениковъ: Сергія и Вакха. Ему было тогда двадцать три года. Событіе это совершилось въ первыхъ годахъ княженія Симеона.

Сергій остался одинъ въ лѣсу, пробылъ тамъ болѣе года, подвергаясь чрезвычайнымъ лишеніямъ, опасности быть растерзаннымъ звѣрьми, страдая отъ видѣній, неразлучныхъ съ мукою подобнаго уединенія. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ такомъ-то мѣстѣ въ лѣсу спасается труженикъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ, и строили около него келіи. Они служили въ деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, для литургіи приглашали по временамъ сосѣдняго священника, а черезъ нѣсколько времени убѣдили Сергія принять игуменство надъ ними, угрожая разойтись, если онъ не согласится. Сергій, послѣ долгихъ отказовъ, былъ рукоположенъ въ священники и назначенъ игуменомъ отъ переяславскаго епископа Аѳанасія. Такъ положено было начало Троицко-Сергіевскаго монастыря.

Сначала новооснованный монастырь былъ крайне бѣденъ; въ немъ было всего двѣнадцать братій и, по скудости средствъ къ содержанію, болѣе этого числа братіи не допускалось; положено было правиломъ принимать новаго брата только тогда, когда выбудетъ кто-нибудь изъ числа двѣнадцати. Богослуженіе нерѣдко отправлялось у нихъ при свѣтѣ березовой лучины, а иногда литургія не могла совершаться по недостатку вина. Игуменъ, однако, строго запретилъ ходить и просить милостыню и постановилъ правиломъ, чтобы всѣ жили отъ своего труда или отъ добровольныхъ, невыпрошенныхъ даяній. Самъ Сергій показывалъ собою примѣръ трудолюбія: пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова, во всемъ служилъ братіи, ни на минуту не предавался праздности, а питался хлѣбомъ и водою. Чрезвычайно крѣпкое и здоровое тѣлосложеніе способствовало ему переносить такой образъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ строгъ и къ другимъ, требовалъ отъ братіи такой же суровой жизни, какую велъ самъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, положеніе монастыря улучшилось. Молва о святой жизни Сергія и его братіи расходилась все болѣе и болѣе, и вотъ пришелъ къ нимъ изъ Смоленска архимандритъ Симонъ. Онъ принесъ съ собою значительное имущество, которое пожертвовалъ въ монастырь Сергія. За нимъ прибылъ братъ Сергія, Стефанъ, и привелъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Ивана, котораго отдалъ подъ начало Сергія; послѣдній тотчасъ постригъ его, назвавши Ѳеодоромъ. Съ этихъ поръ Сергій не ограничивалъ числа братій въ своемъ монастырѣ, постригалъ всякаго желающаго, подвергнувъ предвари-

тельно строгому испытанію. Въ монастырь все болѣе и болѣе стало приходить богомольцевъ: были между ними нищіе-странники, которыхъ нужно было кормить, но были князья, воеводы и богатые люди, дававшіе на монастырь богатые вклады. О Сергіи распространилось мнѣніе, что онъ одаренъ свыше даромъ пророчества. Несмотря на эту славу, Сергій продолжалъ вести прежній простой образъ жизни и съ равною любовью обращался какъ съ князьями, которые обогащали монастырь, такъ и съ бѣдняками, питавшимися отъ монастыря.

Между тѣмъ пустынныя окрестности обители стали заселяться: уже во времена княженія Ивана Ивановича возникъ около монастыря посадъ, а за нимъ заводились села и починки; люди вырубали лѣса и обращали дикую землю въ обработанную. Эти новопоселенцы въ своихъ взаимныхъ дѣлахъ обращались къ Сергію, какъ къ судьѣ и миротворцу. Жизнеописатель Сергія, замѣчая, что вообще въ обычаѣ сильныхъ было обижать убогихъ и присвоивать чужое у сосѣдей, разсказываетъ такой случай: одинъ житель монастырскаго посада взялъ у другого кабана себѣ на пищу и не заплатилъ за него денегъ. Обиженный прибѣгнулъ къ Сергію. Сергій призвалъ къ себѣ обидчика и сказалъ ему такъ: «Чадо мое, вѣришь ли ты, что есть Богъ? знай же, что онъ отецъ сиротамъ и вдовицамъ, судья праведнымъ и грѣшнымъ; тѣ, кто грабятъ другихъ и недовольны дарованнымъ отъ благости Божіей, безпрестанно желаютъ чужого, тѣ сами обнищаютъ и домы ихъ опустѣютъ и забудется сила ихъ и въ будущей жизни ждетъ ихъ безконечное мученіе. Отдай же тому сиротѣ то, что ему слѣдуетъ, и впередъ такъ не поступай». Виновный послушался.

При княженіи Донского о Сергіи знали уже въ Константинополѣ, и патріархъ Филоѳей прислалъ ему крестъ, парамандъ и схиму и грамоту на введеніе общежитія. Съ этихъ поръ Троицкій монастырь сдѣлался общежительнымъ.

Уваженіе къ Сергію побуждало великаго князя Димитрія нѣсколько разъ обращаться къ нему. Въ 1365 году, по поводу спора Димитрія Константиновича суздальскаго съ его братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ, по повелѣнію Димитрія московскаго и митрополита Алексія, Сергій ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, затворилъ въ немъ всѣ церкви и тѣмъ принудилъ Бориса уступить брату. Въ 1385 году Сергій, уже престарѣлый, устроилъ вѣчный миръ между непримиримыми до того врагами: Димитріемъ московскимъ и Олегомъ рязанскимъ. Но самую громкую славу пріобрѣло его отношеніе къ Куликовской битвѣ. Димитрій,

собираясь идти на Мамая, ѣздилъ къ нему за благословеніемъ. Сергій предрекъ ему побѣду и возбуждалъ, какъ великаго князя такъ и весь русскій народъ, на священную брань за свободу Руси. Когда предсказаніе сбылось и русскіе побѣдили, святость Сергія возвысилась еще болѣе. Впослѣдствіи сложилось преданіе, будто святой игуменъ благословилъ идти на брань двухъ иноковъ своей обители: Александра Пересвѣта, бывшаго боярина, и Ослябя; и оба они пали въ битвѣ. Такъ какъ объ этомъ событіи нѣтъ извѣстія ни въ древнемъ Житіи Сергія, ни въ старыхъ лѣтописныхъ редакціяхъ, то едва-ли можно признать его исторически вѣрнымъ; но оно, утвердясь въ воображеніи потомковъ, имѣло важное нравственное вліяніе, возвышавшее, въ памяти потомковъ, какъ Сергія, такъ и его монастырь.

Митрополитъ Алексій передъ смертью призвалъ Сергія къ себѣ и хотѣлъ передать ему послѣ себя митрополію. Сергій рѣшительно отказался и даже долго не хотѣлъ принять золотого креста отъ Алексія: «я отъ юности не носилъ золота, а въ старости тѣмъ болѣе подобаетъ мнѣ пребывать въ нищетѣ», говорилъ Сергій. Несмотря на все свое смиреніе, Сергій, однако, возвышалъ свой голосъ въ церковныхъ дѣлахъ. Когда по смерти Алексія Димитрій хотѣлъ возвести на митрополичій престолъ своего любимца Митяя, Сергій открыто говорилъ противъ него.

Кромѣ троицкой обители, Сергій еще при своей жизни былъ основателемъ нѣсколькихъ монастырей. Однажды у него произошла размолвка съ старшимъ братомъ Стефаномъ во время вечерняго богослуженія. Стефанъ, стоя на лѣвомъ клиросѣ, спросилъ канонарха: «Кто тебѣ далъ эту книгу?» «Игуменъ,» отвѣчалъ канонархъ. «Кто здѣсь игуменъ,—сказалъ Стефанъ;—не я ли первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ?» Сергій услыхалъ эти слова, и, окончивши вечерню, не зашелъ въ келью, а направилъ путь въ Махрищенскій монастырь къ своему другу кіевлянину Стефану, основателю Махрищенскаго монастыря; посовѣтовавшись съ нимъ, Сергій вознамѣрился поселиться на пустынномъ берегу рѣки Киржачи и основать тамъ новый монастырь. Братія Троицкаго монастыря принялись искать своего игумена, и когда сдѣлалось извѣстнымъ гдѣ онъ находится, то нѣкоторые изъ нихъ, одинъ за другимъ, стали переселяться къ нему. Сергій испросилъ у митрополита Алексія разрѣшенія построить церковь во имя Благовѣщенія. Когда разнеслась вѣсть, что Сергій основываетъ другую обитель, къ нему стеклось много людей, и монаховъ и мірскихъ: они добровольно работали надъ постройкою церкви и келій; князья и бояры давали денежныя пособія на устроеніе новаго монастыря; но по

усиленной просьбѣ троицкой братіи митрополитъ Алексій приказалъ Сергію возвратиться къ Троицѣ, а въ новопостроенномъ монастырѣ поставить одного изъ своихъ учениковъ. Сергій поставилъ тамъ игуменомъ Романа и съ тѣхъ поръ основался монастырь Благовѣщенія на Киржачѣ (покровскаго уѣзда во владимирской губерніи). Изъ нынѣшнихъ московскихъ монастырей Андроньевъ и Симоновъ основаны были св. Сергіемъ. Первый построенъ былъ на берегахъ рѣки Яузы по желанію митрополита Алексія, въ память его избавленія отъ морской бури во время плаванія изъ Цареграда, и посвященъ во имя Нерукотвореннаго Спаса. Сергій поставилъ въ немъ своего любимаго ученика и земляка Андроника. Этотъ монастырь сдѣлался вскорѣ знаменитою школою иконописанія для всей Руси. Симоновъ монастырь во имя Успенія Богородицы былъ основанъ, по благословенію Сергія и подъ его руководствомъ, племянникомъ его Ѳеодоромъ, который впослѣдствіи былъ владыкою въ Ростовѣ. Преподобный Сергій посѣщалъ свою родину Ростовъ и въ окрестностяхъ его (въ 15 верстахъ) устроилъ на берегахъ рѣки Устьи Борисоглѣбскій монастырь. Въ 1365 году, путешествуя въ Нижній по дѣлу между Димитріемъ и Борисомъ, онъ основалъ монастырь Георгіевскій на рѣкѣ Клязьмѣ (въ гороховскомъ уѣздѣ). Въ 1374 году, по желанію князя Владимира Андреевича, Сергій въ двухъ верстахъ отъ Серпухова заложилъ Зачатейскій Высоцкій монастырь на рѣкѣ Нарѣ и поставилъ тамъ настоятелемъ ученика своего Аѳанасія. По желанію Димитрія Донского Сергій въ 1378 году основалъ монастырь Дубенскій на Стромени (въ 30 верстахъ на юговостокъ отъ Лавры), а въ 1380 (въ 40 верстахъ отъ Лавры и на сѣверозападъ отъ нея) другой Дубенскій Успенскій, въ память Куликовской битвы. Въ Коломнѣ былъ имъ построенъ монастырь Голутвенскій въ честь Богоявленія Господня. Во всѣ эти монастыри онъ поставилъ настоятелями своихъ учениковъ.

Нѣсколько знаменитыхъ монастырей въ разныхъ мѣстахъ Руси было воздвигнуто его учениками. Одинъ изъ учениковъ Павелъ, происходившій изъ знатнаго московскаго рода, по благословенію Сергія, удалился изъ Троицкаго монастыря въ дремучій Комельскій лѣсъ на рѣкѣ Грязовицѣ и долгое время жилъ «въ липовомъ дуплѣ на подобіе птицы», а потомъ перешелъ на рѣку Нурму (вологодской губерніи) и тамъ основалъ Обнорскую обитель. Другой ученикъ Сергія Аврамій, съ его благословенія, основалъ четыре монастыря близь Галича (костромской губерніи): Успенскій на Озерѣ, Поясоположенскій, Покровскій чухломской и Собора Богоматери на рѣкѣ Вичѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ

послѣ смерти Сергія, въ 40 верстахъ отъ Галича, ученикъ его Іаковъ основалъ Желѣзно-борскій Предтеченскій монастырь. Ученикъ Сергія Меѳодій основалъ Николаевскій монастырь на рѣкѣ Песношѣ (въ 15 верстахъ отъ Дмитрова). Послѣ смерти Сергія, одинъ изъ любимыхъ учениковъ его Савва, бывшій нѣсколько лѣтъ преемникомъ Сергія на игуменствѣ въ Троицкомъ монастырѣ, вышелъ оттуда и основалъ свой собственный монастырь на горѣ Сторожѣ (въ звенигородскомъ уѣздѣ), который сдѣлался однимъ изъ уважаемыхъ на Руси монастырей подъ именемъ монастыря Саввы Сторожевскаго. Св. Димитрій прилуцкій, хотя не былъ ученикомъ св. Сергія, но живя въ переяславской горицкой обители, приходилъ бесѣдовать съ Сергіемъ и съ его благословенія удалился на сѣверъ, гдѣ близь Вологды основалъ монастырь Прилуцкій, который сдѣлался разсадникомъ монашескаго житья въ сѣверовосточныхъ странахъ. Собесѣдникомъ св. Сергія былъ также знаменитый Стефанъ, просвѣтитель Перми. Объ отношеніяхъ его къ Сергію осталось такое преданіе: когда Стефанъ ѣхалъ изъ Перми въ Москву мимо Троицкаго монастыря, хотя вдалекѣ отъ него, то поклонился въ ту сторону гдѣ былъ монастырь. Сергій сидѣлъ тогда за трапезой, и будучи прозорливъ, всталъ и поклонился въ ту сторону, гдѣ тогда находился св. Стефанъ. Въ память этого событія до сихъ поръ въ Троицкой Лаврѣ остался обычай братіи вставать съ мѣста послѣ третьей перемѣны кушанья за трапезой.

Изъ сергіевыхъ учениковъ мы укажемъ на Ѳерапонта и въ особенности на Кирилла бѣлозерскаго; оба они были основателями монашества въ пустынныхъ сѣверныхъ краяхъ, сосѣднихъ съ Бѣлоозеромъ. Первый основалъ монастырь Ѳерапонтовъ, второй—Кирилло-бѣлозерскій монастырь, пріобрѣвшій особенную знаменитость въ XV и XVI в., славный своею богатою библіотекою. Ученики Кирилла бѣлозерскаго были въ свою очередь важными распространителями монашества. Таковы были между прочими Діонисій глушицкій и Корнилій комельскій, основатели монастырей въ дикихъ вологодскихъ странахъ. Не говоримъ уже о многихъ другихъ, которые, не будучи учениками Сергія или его учениковъ, были возбуждаемы его примѣромъ и всеобщимъ распространившимся стремленіемъ къ основанію монастырей въ пустынныхъ странахъ.

Сергій скончался, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ 1392 году, а по нѣкоторымъ—въ 1397 году. Послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ онъ, говорятъ, дожилъ до 78 лѣтъ. Непосредственнымъ преемникомъ его былъ Никонъ, а за нимъ Савва сторожевскій, о которомъ было говорено выше.

Основанная Сергіемъ Троицкая обитель осталась до сихъ поръ первенствующею среди всѣхъ другихъ, построенныхъ какъ имъ и его учениками, такъ и послѣдующими основателями монастырей. Великіе князья и цари имѣли обычай ежегодно ѣздить къ Троицѣ на праздникъ Пятидесятницы и, кромѣ того, считали долгомъ отправляться туда передъ каждымъ важнымъ дѣломъ, нерѣдко пѣшкомъ, и просить содѣйствія и заступничества чудотворца Сергія. Великія событія смутнаго времени въ особенности возвысили историческое значеніе Троицкой Лавры.

XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ДОНСКОЙ.

Первенство Москвы, которому начало положили братья Даниловичи, опиралось, главнымъ образомъ, на покровительствѣ могущественнаго хана. Иванъ Калита былъ силенъ между князьями русскими и заставлялъ ихъ слушаться себя именно тѣмъ, что всѣ знали объ особенной милости къ нему хана и потому боялись его. Онъ умѣлъ воспользоваться какъ нельзя лучше такимъ положеніемъ. При двухъ преемникахъ его условія были все тѣ же. Ханъ Узбекъ, а по смерти сынъ его Чанибекъ, давали старѣйшинство московскимъ князьямъ одному за другимъ. Съ 1341 года по 1353 былъ великимъ княземъ старшій сынъ Калиты Симеонъ, а съ 1353 по 1359 другой сынъ Иванъ. Оба князя ничѣмъ важнымъ не ознаменовали себя въ исторіи. Послѣдній, какъ по уму, такъ и по характеру, былъ личностью совершенно ничтожною. Но значеніе Москвы для прочихъ князей держалось въ эти два княженія временною милостью хана къ московскимъ князьямъ. По смерти Ивана Москва подвергалась большой опасности потерять это значеніе. Преемникомъ Ивана былъ девятилѣтній Димитрій; тутъ-то оказалось, что стремленіе къ возвышенію Москвы не было дѣломъ однихъ князей, что понятія и поступки московскихъ князей были выраженіемъ той среды, въ которой они жили и дѣйствовали. За малолѣтняго Димитрія стояли московскіе бояре; большею частью это были люди, по своему происхожденію, не принадлежавшіе Москвѣ; отчасти они сами, а отчасти ихъ отцы и дѣды пришли съ разныхъ сторонъ и нашли себѣ въ Москвѣ общее отечество; они-то и ополчились дружно за первенство Москвы надъ Русью. То обстоятельство, что они приходили въ Москву съ разныхъ сторонъ и не имѣли между собою иной политической связи, кромѣ

того, что всѣхъ ихъ пріютила Москва,—способствовало ихъ взаимному содѣйствію въ интересахъ общаго для нихъ новаго отечества. Въ это время въ Ордѣ произошелъ переломъ, съ котораго быстро началось ея окончательное паденіе. Чанибека убилъ сынъ его Бердибекъ, а Бердибека убилъ полководецъ Наврусъ и объявилъ себя ханомъ. Суздальскій князь Димитрій Константиновичъ отправился въ Орду и получилъ тамъ великое княженіе. За него стояли новгородцы, чувствовавшіе тягость московскаго первенства, такъ какъ по слѣдамъ Калиты, сынъ его Симеонъ тѣснилъ Новгородъ и обиралъ, выдумавши новый родъ поборовъ съ черныхъ людей новоторжской волости подъ именемъ «чернаго бора» (т.-е. побора). Суздальскій князь, пріѣхавши съ ханскимъ ярлыкомъ, сѣлъ на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ, и этому городу опять, повидимому, предстояло возвратить себѣ отнятое Москвою первенство. Но покровитель суздальскаго князя Наврусъ былъ въ свою очередь убитъ другимъ полководцемъ Хидыремъ, и послѣдній объявилъ себя ханомъ. Московскіе бояре повезли къ нему десятилѣтняго Димитрія Ивановича. Было естественно новому повелителю измѣнить распоряженія прежняго: онъ далъ ярлыкъ на княженіе Димитрію. Такимъ образомъ, на этотъ разъ уже не лицо московскаго князя, неспособнаго по малолѣтству управлять, а сама Москва, какъ одна изъ земскихъ единицъ, пріобрѣтала первенствующее значеніе среди другихъ земель и городовъ на Руси; прежде ее возвышало то, что ея князь былъ по волѣ хана старѣйшимъ, а теперь наоборотъ—малолѣтный князь дѣлался старѣйшимъ именно потому, что былъ московскимъ княземъ. Но Хидырь былъ вскорѣ умерщвленъ своимъ сыномъ, котораго также немедленно убили. Орда раздѣлилась. Сильный темникъ Мамай выставилъ ханомъ какого-то Абдула, а сарайскіе вельможи—Хидырева брата Мюрида. Москвичамъ показалось сначала, что партія Мюрида сильнѣе, и они выхлопотали у него ярлыкъ для Димитрія, но въ слѣдующемъ 1362 году они увидѣли, что партія Мамая беретъ верхъ, и тотчасъ обратились къ нему и получили для Димитрія ярлыкъ на великое княженіе отъ имени Абдула. Такимъ образомъ, несовершеннолѣтній московскій князь былъ утвержденъ разомъ двумя соперниками, готовыми растерзать другъ друга. Мюридъ, узнавши, что московскій князь получилъ ярлыкъ отъ его врага, послалъ ярлыкъ суздальскому князю. Началась было междоусобная война между двумя соискателями. Но у Димитрія суздальскаго въ то же время началась ссора съ своимъ братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ и Димитрій Константиновичъ, желая по смерти брата своего Андрея овладѣть Нижнимъ-Новго-

родомъ, помирился съ Москвою; при ея помощи онъ утвердилъ за собой Нижній-Новгородъ. Въ 1365 году пятнадцатилѣтній Димитрій сочетался бракомъ съ его дочерью Евдокіею.

Уже во время несовершеннолѣтія Димитрія бояре отъ его имени распоряжались судьбою удѣльныхъ князей. Въ 1363 году они стѣснили ростовскаго князя и выгнали князей: галицкаго и стародубскаго изъ ихъ волостей. Гонимые и тѣснимые Москвою, князья прибѣгали къ суздальскому князю, но, послѣ примиренія съ Москвою, самъ суздальскій князь призналъ надъ собою первенство московскаго.

Въ числѣ тогдашнихъ руководителей дѣлами безспорно занималъ важное мѣсто митрополитъ Алексій, уважаемый не только Москвою, но и въ Ордѣ, такъ какъ еще прежде онъ исцѣлилъ жену Чанибека, Тайдулу, и на него смотрѣли какъ на человѣка, обладающаго высшею чудотворною силою. Подъ его благословеніемъ составленъ былъ въ 1364 году договоръ между Димитріемъ московскимъ и его двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ, получившимъ въ удѣлъ Серпуховъ. Этотъ договоръ можетъ до извѣстной степени служить образчикомъ тогдашнихъ отношеній зависимыхъ князей къ старѣйшему :Владимиръ Андреевичъ имѣлъ право распоряжаться своею волостью, какъ вотчинникъ, но обязанъ былъ повиноваться Димитрію, давать ему дань, слѣдуемую хану, считать врагами враговъ великаго князя, участвовать съ своими боярами и слугами во всѣхъ походахъ, предпринимаемыхъ Димитріемъ, получая отъ него во время походовъ жалованье. Бояре изъ удѣловъ обоихъ князей могли переходить свободно; но это позволеніе не простиралось на остальныхъ жителей; князья не имѣли права покупать имѣній въ чужомъ удѣлѣ и, въ случаѣ тяжбъ между жителями того и другого удѣла, производился совмѣстный судъ, какъ-бы между особыми государствами, а если судьи обѣихъ сторонъ не могли между собою согласиться, то назначался судъ третейскій. Такимъ образомъ въ то время, когда Москва возвышалась надъ прочими русскими землями и распоряжалась ихъ судьбою, въ самой московской землѣ возникало удѣльное дробленіе, естественно замедлявшее развитіе единовластія, но въ то же время и принимались мѣры, чтобы, при такомъ дробленіи, сохранялась верховная власть лица, княжившаго въ самой Москвѣ.

Личность великаго князя Димитрія Донского представляется по источникамъ неясною. Мы видимъ, что въ его отрочествѣ, когда онъ никакъ не могъ дѣйствовать самостоятельно, бояре вели дѣла точно въ такомъ же духѣ, въ какомъ бы ихъ велъ

того, что всѣхъ ихъ пріютила Москва,—способствовало ихъ взаимному содѣйствію въ интересахъ общаго для нихъ новаго отечества. Въ это время въ Ордѣ произошелъ переломъ, съ котораго быстро началось ея окончательное паденіе. Чанибека убилъ сынъ его Бердибекъ, а Бердибека убилъ полководецъ Наврусъ и объявилъ себя ханомъ. Суздальскій князь Димитрій Константиновичъ отправился въ Орду и получилъ тамъ великое княженіе. За него стояли новгородцы, чувствовавшіе тягость московскаго первенства, такъ какъ по слѣдамъ Калиты, сынъ его Симеонъ тѣснилъ Новгородъ и обиралъ, выдумавши новый родъ поборовъ съ черныхъ людей новоторжской волости подъ именемъ «чернаго бора» (т.-е. побора). Суздальскій князь, пріѣхавши съ ханскимъ ярлыкомъ, сѣлъ на великокняжескомъ столѣ во Владимирѣ, и этому городу опять, повидимому, предстояло возвратить себѣ отнятое Москвою первенство. Но покровитель суздальскаго князя Наврусъ былъ въ свою очередь убитъ другимъ полководцемъ Хидыремъ, и послѣдній объявилъ себя ханомъ. Московскіе бояре повезли къ нему десятилѣтняго Димитрія Ивановича. Было естественно новому повелителю измѣнить распоряженія прежняго: онъ далъ ярлыкъ на княженіе Димитрію. Такимъ образомъ, на этотъ разъ уже не лицо московскаго князя, неспособнаго по малолѣтству управлять, а сама Москва, какъ одна изъ земскихъ единицъ, пріобрѣтала первенствующее значеніе среди другихъ земель и городовъ на Руси; прежде ее возвышало то, что ея князь былъ по волѣ хана старѣйшимъ, а теперь наоборотъ—малолѣтный князь дѣлался старѣйшимъ именно потому, что былъ московскимъ княземъ. Но Хидырь былъ вскорѣ умерщвленъ своимъ сыномъ, котораго также немедленно убили. Орда раздѣлилась. Сильный темникъ Мамай выставилъ ханомъ какого-то Абдула, а сарайскіе вельможи—Хидырева брата Мюрида. Москвичамъ показалось сначала, что партія Мюрида сильнѣе, и они выхлопотали у него ярлыкъ для Димитрія, но въ слѣдующемъ 1362 году они увидѣли, что партія Мамая беретъ верхъ, и тотчасъ обратились къ нему и получили для Димитрія ярлыкъ на великое княженіе отъ имени Абдула. Такимъ образомъ, несовершеннолѣтній московскій князь былъ утвержденъ разомъ двумя соперниками, готовыми растерзать другъ друга. Мюридъ, узнавши, что московскій князь получилъ ярлыкъ отъ его врага, послалъ ярлыкъ суздальскому князю. Началась было междоусобная война между двумя соискателями. Но у Димитрія суздальскаго въ то же время началась ссора съ своимъ братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ и Димитрій Константиновичъ, желая по смерти брата своего Андрея овладѣть Нижнимъ-Новго-

родомъ, помирился съ Москвою; при ея помощи онъ утвердилъ за собой Нижній-Новгородъ. Въ 1365 году пятнадцатилѣтній Димитрій сочетался бракомъ съ его дочерью Евдокіею.

Уже во время несовершеннолѣтія Димитрія бояре отъ его имени распоряжались судьбою удѣльныхъ князей. Въ 1363 году они стѣснили ростовскаго князя и выгнали князей: галицкаго и стародубскаго изъ ихъ волостей. Гонимые и тѣснимые Москвою, князья прибѣгали къ суздальскому князю, но, послѣ примиренія съ Москвою, самъ суздальскій князь призналъ надъ собою первенство московскаго.

Въ числѣ тогдашнихъ руководителей дѣлами безспорно занималъ важное мѣсто митрополитъ Алексій, уважаемый не только Москвою, но и въ Ордѣ, такъ какъ еще прежде онъ исцѣлилъ жену Чанибека, Тайдулу, и на него смотрѣли какъ на человѣка, обладающаго высшею чудотворною силою. Подъ его благословеніемъ составленъ былъ въ 1364 году договоръ между Димитріемъ московскимъ и его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, получившимъ въ удѣлъ Серпуховъ. Этотъ договоръ можетъ до извѣстной степени служить образчикомъ тогдашнихъ отношеній зависимыхъ князей къ старѣйшему :Владимиръ Андреевичъ имѣлъ право распоряжаться своею волостью, какъ вотчинникъ, но обязанъ былъ повиноваться Димитрію, давать ему дань, слѣдуемую хану, считать врагами враговъ великаго князя, участвовать съ своими боярами и слугами во всѣхъ походахъ, предпринимаемыхъ Димитріемъ, получая отъ него во время походовъ жалованье. Бояре изъ удѣловъ обоихъ князей могли переходить свободно; но это позволеніе не простиралось на остальныхъ жителей; князья не имѣли права покупать имѣній въ чужомъ удѣлѣ и, въ случаѣ тяжбъ между жителями того и другого удѣла, производился совмѣстный судъ, какъ-бы между особыми государствами, а если судьи обѣихъ сторонъ не могли между собою согласиться, то назначался судъ третейскій. Такимъ образомъ въ то время, когда Москва возвышалась надъ прочими русскими землями и распоряжалась ихъ судьбою, въ самой московской землѣ возникало удѣльное дробленіе, естественно замедлявшее развитіе единовластія, но въ то же время и принимались мѣры, чтобы, при такомъ дробленіи, сохранялась верховная власть лица, княжившаго въ самой Москвѣ.

Личность великаго князя Димитрія Донского представляется по источникамъ неясною. Мы видимъ, что въ его отрочествѣ, когда онъ никакъ не могъ дѣйствовать самостоятельно, бояре вели дѣла точно въ такомъ же духѣ, въ какомъ бы ихъ велъ

и совершеннолѣтній князь. Лѣтописи, уже описывая его кончину, говорятъ, что онъ во всемъ совѣтовался съ боярами и слушался ихъ, что бояре были у него какъ князья; также завѣщалъ онъ поступать и своимъ дѣтямъ. Отъ этого невозможно отдѣлить: что изъ его дѣйствій принадлежитъ собственно ему, и что его боярамъ; по нѣкоторымъ чертамъ можно даже допустить, что онъ былъ человѣкъ малоспособный, и потому руководимый другими; и этимъ можно отчасти объяснить тѣ противорѣчія въ его жизни, которыя бросаются въ глаза, то смѣшеніе отваги съ нерѣшительностью, храбрости съ трусостью, ума съ безтактностью, прямодушія съ коварствомъ, что выражается во всей его исторіи.

Изъ всѣхъ князей другихъ русскихъ земель всѣхъ опаснѣе для Москвы казался Михаилъ, сынъ Александра Михаиловича тверского. Онъ естественно питалъ родовую ненависть къ московскимъ князьямъ и былъ при этомъ человѣкъ предпріимчивый, упрямаго и крутого нрава. Бывши сначала княземъ въ Микулинѣ, онъ овладѣлъ Тверью, назывался великимъ княземъ тверскимъ и, въ качествѣ старѣйшаго, хотѣлъ подчинить своей власти своихъ ближайшихъ родственниковъ, князей тверской земли. Между нимъ и его дядею Василіемъ кашинскимъ возникъ споръ за владѣніе умершаго князя Семена Константиновича, который завѣщалъ его Михаилу Александровичу. Такъ какъ дѣло по завѣщанію касалось церкви, то дѣло это разбиралъ тверской епископъ Василій и рѣшилъ въ пользу Михаила Александровича. Первопрестольникъ русской церкви митрополитъ Алексій, сильно радѣвшій о величіи Москвы и ея выгодахъ, былъ очень недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и призвалъ Василія въ Москву. Современники говорятъ, что тверской епископъ потерпѣлъ тамъ большія «протори». Между тѣмъ Василію кашинскому послали изъ Москвы рать на помощь противъ Михаила Александровича, и Василій отправился силою выгонять своего племянника изъ Твери, но у Михаила Александровича также былъ могучій покровитель, зять его, литовскій великій князь Ольгердъ, женатый на сестрѣ его Іуліяніи. Кашинцы и москвичи не взяли Твери, а только успѣли надѣлать разоренія тверской волости, какъ явился Михаилъ съ литовскою помощью. Дядя и стоявшій за дядю племянникъ князь Іеремій уступили во всемъ Михаилу и цѣловали крестъ повиноваться ему, но Іеремій немедленно послѣ того бѣжалъ въ Москву и умолялъ московскаго князя распорядиться тверскими удѣлами.

Москвичи придумали инымъ способомъ расправиться съ Михаиломъ. Митрополитъ Алексій и великій князь приглашали

«любовно» Михаила пріѣхать въ Москву на третейскій судъ. Митрополитъ увѣрилъ его своимъ пастырскимъ словомъ въ безопасности. Михаилъ пріѣхалъ: его взяли подъ стражу и разлучили съ боярами, которыхъ также заточили. Но Москва не воспользовалась этимъ поступкомъ, а напротивъ, только повредила себѣ. Вскорѣ послѣ того прибыли изъ Орды татарскіе послы: неизвѣстно, требовали ли они освобожденія Михаила или же москвичи боялись, что татарамъ будетъ непріятенъ этотъ поступокъ; только Михаилъ былъ выпущенъ и, какъ говорятъ, его принудили цѣловать крестъ на томъ, чтобы повиноваться московскому князю. Москва тѣмъ временемъ овладѣла Городкомъ (на рѣкѣ Старицѣ). Московскій князь послалъ туда князя Іеремія, а вмѣстѣ съ этимъ княземъ и своего намѣстника.

Съ этихъ поръ Михаилъ рѣшился во что бы то ни стало отмстить Москвѣ и нанести ей жестокій ударъ. Онъ въ особенности обвинялъ митрополита Алексія: «Я всего болѣе любилъ митрополита и довѣрялъ ему,—говорилъ Михаилъ,—а онъ такъ посрамилъ меня и поругался надо мною».

Михаилъ отправился въ Литву къ Ольгерду и побудилъ его идти на Москву. Раздраживши Михаила, москвичи не сообразили, что онъ можетъ навести на Москву опаснаго врага, и не приняли никакихъ мѣръ обороны. Въ Москвѣ узнали о нашествіи Ольгерда только тогда, когда литовскій князь уже приближался съ войскомъ къ границѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, разными литовскими князьями, смоленскою ратью и Михаиломъ тверскимъ. Въ обычаѣ этого воинственнаго князя было: не говорить заранѣе никому, куда собирается идти на войну, совершать походы скорые и нападать внезапно. Князья, подручные Димитрію, не успѣли по его призыву явиться на защиту Москвы. Оставалось обороняться силами одной московской земли: Димитрій выслалъ противъ врага воеводу Димитрія Минина, а Владиміръ Андреевичъ—Акинѳа Шубу. Литовцы на пути своемъ жгли, грабили селенія, истребляли людей; высланная московская рать была ими разбита въ прахъ, 21 декабря 1368 года на рѣкѣ Тростнѣ, воеводы пали въ битвѣ. «Гдѣ есть великій князь съ своею силою?» спрашивалъ Ольгердъ плѣнныхъ. Всѣ въ одинъ голосъ давали такой отвѣтъ: «Князь въ городѣ своемъ Москвѣ, а рати не успѣли собраться къ нему». Ольгердъ поспѣшилъ прямо къ Москвѣ. Великій князь Димитрій, князь Владиміръ Андреевичъ, митрополитъ, бояре со множествомъ народа заперлись въ Кремлѣ, который былъ только-что передъ тѣмъ укрѣпленъ каменною стѣною. Москвичи сами сожгли по-

садъ около Кремля. Ольгердъ три дня и три ночи простоялъ подъ стѣнами Кремля. Взять его приступомъ было трудно, а морить осажденныхъ голодомъ Ольгердъ не рѣшался, такъ какъ зимою стоять долгое время въ открытомъ полѣ было бы слишкомъ тяжело для осаждающихъ; притомъ же на выручку Москвѣ могли подоспѣть рати подручныхъ князей. Ольгердъ приказалъ сжечь кругомъ Москвы все, что еще не было сожжено самими русскими. Тогда, кромѣ посада, обнесеннаго дубовою стѣною, за предѣлами этого посада было поселеніе, носившее названіе Загородье, а за Москвою-рѣкою другое, называемое Зарѣчье. Литовцы сожгли все, не щадя ни церквей, ни монастырей; возвращаясь назадъ, они разоряли московскую волость, жгли строенія, грабили имущества, забирали скотъ, убивали или гнали въ плѣнъ тѣхъ людей, которые не успѣвали спастись отъ нихъ въ лѣса. По извѣстію современника, Москва потерпѣла отъ Ольгерда такое бѣдствіе, какого не испытывала со времени нашествія Батыя. Таковы были послѣдствія неловкой московской политики: хотя москвичи и дѣйствовали въ духѣ, указанномъ Калитою, но способами до крайности неудачными; думая сломить силу опаснаго тверского князя, они сдѣлали его еще опаснѣе для себя и легкомысленно навлекли на свою землю бѣду отъ новаго врага, который, до этого времени постоянно занятый другими войнами и дѣлами собственной страны, не дѣлалъ никакихъ покушеній на московскую землю.

Этимъ дѣло не окончилось. Москва за разореніе, нанесенное ей литовцами, хотѣла вознаградить себя разореніемъ земель: тверской и смоленской. Сначала москвичи и съ ними волочане (то-есть Волока-Ламскаго) пограбили смоленскую волость, въ отмщеніе за то, что смольняне ходили съ литовцами на Москву; а потомъ великій князь московскій послалъ объявить войну тверскому. Михаилъ Александровичъ тотчасъ убѣжалъ въ Литву. Московская рать два раза вступала въ тверскую землю, разоряла села и волости, взяла, подъ начальствомъ самаго Димитрія, Зубцовъ и Микулинъ. Москвичи погнали тогда изъ тверской земли множество плѣнныхъ и скота въ свою разоренную литовцами землю. Плѣнные изъ тверской земли замѣняли въ московской землѣ тѣхъ людей, которыхъ угнали литовцы въ свою сторону. Тверичи были «смирены до зѣла», по выраженію лѣтописца.

Ольгердъ на этотъ разъ не могъ дать скорой помощи шурину, потому что занятъ былъ войною съ Орденомъ. Михаилъ Тверской, услыхавши о бѣдствіи своей земли, сильно опечалился и принялъ намѣреніе, вѣроятно, съ согласія Ольгерда, инымъ путемъ отмстить своему врагу. Онъ отправился въ Орду и безъ

труда выхлопоталъ себѣ тамъ великокняжеское достоинство отъ Мамантъ-Салтана, хана, посаженнаго Мамаемъ, но объ этомъ узнали въ Москвѣ и поставили заставы, чтобы изловить Михаила на возвратномъ пути. Къ счастію у Михаила были доброжелатели въ Москвѣ; они дали ему знать и онъ опять пробрался въ Литву. По усиленной просьбѣ жены своей, Ольгердъ рѣшился наконецъ помогать ея брату. Онъ двинулся на московскую землю съ братомъ Кейстутомъ, литовскими князьями, Святославомъ смоленскимъ и Михаиломъ тверскимъ. Простоявъ нѣсколько дней у Волока и не взявши его, литовцы пришли къ Москвѣ 6 декабря 1370 года. Димитрій заперся въ Кремлѣ, но Владиміръ Андреевичъ, собравъ свою рать, стоялъ въ Перемышлѣ. Съ нимъ были заодно рати: рязанская и пронская. Литовцы пожгли часть только-что возобновленнаго посада и окрестныя и села, но простоявъ 8 дней подъ Кремлемъ, Ольгердъ заключилъ съ московскимъ княземъ перемиріе до Петрова дня; онъ хотѣлъ даже вѣчнаго мира и предлагалъ родственный союзъ, обѣщая выдать дочь свою Елену за князя Владиміра Андреевича. Но дѣло на этотъ разъ пока ограничилось однимъ перемиріемъ. Въ этотъ годъ была необыкновенно теплая зима, преждевременно наступила оттепель и распустились рѣки; пути испортились; отступать было трудно; а между тѣмъ на Ольгерда русскіе готовились ударить съ тыла. Кромѣ того, Ольгерда торопили домой дѣла съ нѣмецкимъ Орденомъ. Всѣ эти обстоятельства побудили его оставить дѣло Михаила.

Лишенный помощи зятя, тверской князь опять отправился въ Орду. На этотъ разъ ему предлагали тамъ татарское войско, но онъ не рѣшился подвергать русскія земли разоренію, соображая, что въ такомъ случаѣ возбудитъ къ себѣ всеобщую ненависть русскихъ. Михаилъ думалъ, что достаточно будетъ одного ханскаго посла съ ярлыкомъ, повелѣвающимъ русскимъ признавать Михаила великимъ княземъ, но Орда до того ослабѣла отъ внутреннихъ междоусобій, что ее уже не боялись, какъ прежде, и Димитрій московскій приводилъ къ присягѣ владимірцевъ и жителей другихъ городовъ сохранять ему вѣрность, не обращая вниманія на татарскіе ярлыки, повелѣвающіе повиноваться тверскому князю; самъ Димитрій сталъ съ войскомъ въ Переяславлѣ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Михаилъ съ ханскимъ посломъ Сарыходжею прибылъ къ городу Владиміру; владимірцы не пустили ихъ. Сарыххода звалъ Димитрія во Владиміръ слушать ярлыкъ; Димитрій отвѣчалъ ему такъ: «Къ ярлыку не ѣду, на великое княженіе не пущу, а тебѣ послу цареву путь чистъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ дары Сарыходжѣ. Сарыходжа оставилъ Михаила и поѣхалъ въ Москву. Его приняли тамъ съ такимъ почетомъ и такъ щедро одарили, что онъ совершенно перешелъ на сторону Димитрія, уговорилъ его ѣхать къ Мамаю и обѣщалъ ходатайствовать за него.

Михаилъ съ досады разорилъ Мологу, Угличъ, Бѣжицкій-Верхъ и вернулся въ Тверь, а въ Орду выслалъ сына своего Ивана. Тогда, по общему совѣту съ митрополитомъ и боярами, Димитрій самъ отправился вмѣстѣ съ Андреемъ ростовскимъ и московскими боярами и слугами искать милости Мамая. Митрополитъ Алексій проводилъ его до Оки и благословилъ на путь. Несмотря на то, что Димитрій уже раздражилъ Мамая, еще не трудно было пріобрѣсть его благосклонность, потому что Мамай былъ милостивъ къ тому, кто давалъ ему больше. Димитрій привезъ ему обильные дары; притомъ же Сарыходжа настраивалъ его въ пользу Димитрія. Москва, несмотря на разореніе, нанесенное Ольгердомъ, была все еще очень богата въ сравненіи съ прочими русскими землями; сборы ханскихъ выходовъ обогащали ея казну. Димитрій не только имѣлъ возможность подкупить Мамая, но даже выкупилъ за 10,000 рублей серебра [1]) Ивана, сына Михаилова, удержаннаго въ Ордѣ за долгъ и взялъ его себѣ въ заложники въ Москву: тамъ этотъ князь находился въ неволѣ на митрополичьемъ дворѣ до выкупа. Димитрій получилъ отъ хана ярлыкъ на княженіе и даже Мамай сдѣлалъ ему такую уступку, что положилъ брать дань въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ платилось при Узбекѣ и Чанибекѣ; а Михаилу Мамай послалъ сказать такъ: «Мы дали тебѣ великое княженіе; мы давали рать и силу, чтобы посадить тебя на великомъ княженіи; а ты рати и силы нашей не взялъ, говорилъ, что своею силою сядешь на великомъ княженіи; сиди теперь съ кѣмъ любо, а отъ насъ помощи не ищи!»

Михаилъ снова обратился въ Литву. На Ольгерда была, повидимому, надежда плоха: во время поѣздки Димитрія въ Орду прибыли въ Москву послы ольгердовы и обручили съ Владимиромъ Андреевичемъ ольгердову дочь Елену, а слѣдующею зимою совершилась ихъ свадьба. За то Михаилъ уговорилъ Кейстута, сына его Витовта, Андрея Ольгердовича полоцкаго и другихъ литовскихъ князей идти съ нимъ на московскую землю. Димитрій въ это время расправлялся съ Олегомъ рязанскимъ, вѣроятно благопріятствовавшимъ Михаилу. Этотъ князь не менѣе твер-

---

[1]) Тогдашній рубль приблизительно равнялся гривнѣ, т.-е., полуфунту серебра.

ского питалъ родовую непріязнь къ московскому княжескому роду, преемственно переходившую отъ прадѣда, нѣкогда задушеннаго въ Москвѣ Юріемъ Даниловичемъ. Рязанцы ненавидѣли москвичей за ихъ надменность и высокомѣрное обхожденіе съ русскими другихъ земель. Москвичи называли ихъ «полуумными людищами»; рязанцы обзывали москвичей «трусами» и говорили, что «противъ нихъ надо брать на войну не оружіе, а веревки, чтобъ вязать ихъ». Олегъ потерпѣлъ пораженіе при Скорнищевѣ; Димитрій овладѣлъ Рязанью и отдалъ ее князю Владиміру пронскому въ надеждѣ, что новый князь будетъ ему повиноваться, но отъ этого не произошло никакой пользы для Москвы: Димитрій долженъ былъ обратиться на Михаила, который приближался съ литовскою ратью, а Олегъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, выгналъ пронскаго князя и сталъ по прежнему княжить въ Рязани.

Весною 1372 года, Михаилъ съ литовцами захватилъ по дорогѣ у новгородцевъ Торжокъ, посадилъ тамъ своего намѣстника, а потомъ ворвался въ московскую землю, покушался взять Переяславль, но былъ отбитъ, взявши, однако, Дмитровъ. Литовцы сожгли много селеній, наловили плѣнниковъ... Тѣмъ дѣло кончилось.

Михаилъ возвратился въ тверскую землю и принудилъ кашинскаго князя дѣйствовать съ нимъ заодно, потомъ двинулся на Торжокъ, узнавши, что новгородцы выгнали оттуда его намѣстниковъ, которыхъ онъ тамъ только-что посадилъ. Его союзники литовцы не слишкомъ дружелюбно обращались съ тверскою землею, когда проходили черезъ нее: Михаилъ долженъ былъ все терпѣть, и спѣшилъ только скорѣе вывести ихъ изъ своихъ владѣній въ новоторжскую волость.

У новгородцевъ были съ Михаиломъ давнія недоразумѣнія. Тверскіе бояре покупали земли въ новгородской землѣ, а тверской князь, считая себя господиномъ надъ этими боярами, показывалъ притязанія на ихъ владѣнія, несмотря на то, что онѣ находились въ чертѣ новгородской волости. Новгородъ долго и напрасно добивался прекращенія этихъ злоупотребленій. Кромѣ того, когда Михаилъ собирался искать великаго княженія въ Ордѣ, новгородцы, недовольные Москвою, обѣщали признать его великимъ княземъ, если его утвердитъ ханъ, но теперь не хотѣли знать его, когда услыхали, что великимъ княземъ остается Димитрій. По этимъ-то поводамъ Михаилъ захватилъ Торжокъ. Когда до него дошла вѣсть, что новгородцы не только выгнали его намѣстниковъ, но и пограбили тверскихъ купцовъ, Михаилъ сильно озлобился на Новгородъ, и, оставивши войну съ Москвою, устре-

милъ всѣ свои силы противъ новгородцевъ. 31 мая 1372 года онъ подошелъ къ Торжку, требовалъ выдать тѣхъ, которые ограбили тверскихъ купцовъ, и принять вновь его намѣстниковъ. Начальствовалъ въ Торжкѣ новгородскій воевода Александръ Абакумовичъ, удалой предводитель ушкуйниковъ [1]); онъ отказалъ Михаилу наотрѣзъ, вышелъ въ битву противъ него и палъ въ ней со многими товарищами. Новгородцы покинули Торжокъ и бѣжали въ Новгородъ, а тверичи и литовцы въ это время успѣли зажечь посадъ. Случилась буря, множество новоторжцевъ погибло въ пламени, другіе бросались въ воду, а тѣхъ, которые попадались въ плѣнъ непріятелю, убивали и мучили съ особеннымъ поруганіемъ. «Тверичи, говоритъ лѣтописецъ, обнажали честныхъ женщинъ и дѣвицъ и заставляли ихъ отъ стыда бросаться въ воду». Тогда ограбили и сожгли всѣ церкви, и весь Торжокъ былъ стертъ съ лица земли. Варварски мстилъ Михаилъ новгородцамъ, но за то нажилъ себѣ въ нихъ опасныхъ мстителей на будущее время.

Михаилъ возвратился съ добычею въ Тверь, долженъ былъ дожидаться прихода Димитрія, и опять умолялъ Ольгерда о помощи. Сестра его еще разъ уговорила мужа заступиться за брата, несмотря на родство его съ московскимъ княземъ, тѣмъ болѣе, что выданная за Владимира Андреевича Елена была дочь Ольгерда отъ перваго брака. Ольгердъ пошелъ съ войскомъ на Москву лѣтомъ 1373 года. Этимъ походомъ онъ временно остановилъ походъ Димитрія на Тверь. Михаилъ присоединился къ Ольгерду. Москвичи на этотъ разъ не были такъ оплошны, какъ прежде, и не допустили враговъ къ Москвѣ. Они встрѣтили Ольгерда у Любутска (близъ Калуги). Обѣ рати долго простояли по обѣимъ сторонамъ крутого оврага, но битвы между ними не произошло. Великіе князья московскій и литовскій заключили перемиріе. Димитрій обязался не безпокоить Михаила въ Твери, а Михаилъ не долженъ былъ искать великаго княженія, обязался возвратить все похищенное въ землѣ Димитрія и вывесть оттуда своихъ намѣстниковъ, а если тверской князь не выполнитъ своихъ обѣщаній и если на него окажется какая-нибудь жалоба въ Ордѣ, то Ольгердъ не будетъ за него заступаться.

Михаилъ, лишившись въ другой разъ помощи Ольгерда, повидимому, не могъ уже скоро надѣяться на нее; а все-таки онъ не оставилъ своей борьбы съ Москвою. Случилось, что

---

[1]) Ушкуйники были удалые новгородскіе молодцы, ѣздившіе разбойничать по Камѣ и Волгѣ.

люди, пришедшіе изъ Москвы, сами подстрекали его. Въ Москвѣ умеръ послѣдній тысячскій Василій Вельяминовъ. Великій князь рѣшился упразднить этотъ важный древній санъ вѣчевой Руси. Тысячскій выбирался землею мимо князя, предводительствовалъ земскою ратью, былъ представителемъ земской силы, опорою вѣчевого строя. Эта старинная должность съ ея правами стояла въ разрѣзъ съ самовластными стремленіями князей; она также не по сердцу была и боярамъ, которые окружали князя, хотѣли быть его единственными совѣтниками и раздѣлять съ нимъ управленіе землею, не обращаясь къ волѣ народной громады. У послѣдняго тысячскаго остался старшій сынъ Иванъ, недовольный новыми распоряженіями. Съ нимъ заодно былъ богатый купецъ Некоматъ, торговавшій такъ-называемымъ суровскимъ товаромъ (то-есть, дорогимъ, краснымъ). Они оба убѣжали въ Тверь къ Михаилу и побуждали его опять добиваться великаго княженія. Михаилъ препоручилъ имъ же выхлопотать для него новый ярлыкъ въ Ордѣ, а самъ уѣхалъ въ Литву, пытаясь все-таки найти тамъ себѣ пособіе. Изъ Литвы Михаилъ скоро вернулся съ одними обѣщаніями, но 14 іюля 1375 года Некоматъ привезъ ему ярлыкъ на великокняжеское достоинство и Михаилъ, не думая долго, послалъ объявить войну Димитрію. Онъ надѣялся сокрушить московскаго князя силами Орды и Литвы и обманулся жестоко.

За Димитрія, кромѣ силъ московской и владимирской волостей, ополчились подручные Москвѣ князья, обязанные помогать ей на войнѣ. Его тесть, князь суздальскій, съ братьями и дѣтьми велъ рати суздальскія, нижегородскія и городецкія, шли князья: ростовскіе, ярославскіе; кромѣ того къ Москвѣ пристали тогда князья: смоленскій, и южные: изъ древней земли вятичей: новосильскій, оболенскій, тарусскій. Послѣдніе не хотѣли подчиняться власти литовской и потому добровольно признавали надъ собою первенство Москвы и вступили въ число ея подручниковъ. Были еще въ этомъ ополченіи и князья только по имени, называвшіеся именами бывшихъ удѣловъ, такъ какъ ихъ удѣлы находились въ рукахъ другихъ князей, поставленныхъ Ольгердомъ: такъ, напримѣръ, стародубскій и брянскій: а иные, какъ бѣлозерскій и моложскій, не были уже владѣтелями своихъ удѣловъ, непосредственно присоединенныхъ къ Москвѣ, и находились на службѣ у великаго московскаго князя: эта участь впослѣдствіи постигла безразлично и всѣхъ удѣльныхъ князей. Наконецъ, за Димитрія былъ тогда Новгородъ, съ радостью увидѣвшій возможность отмстить Михаилу за разореніе Торжка. Новгородцы такъ горячо броси-

лись помогать Москвѣ, что на призывъ Димитрія въ три дня собрали свою рать. Русскіе князья, какъ и вообще русскіе люди въ то время негодовали на тверского князя за то, что онъ поднимаетъ смуту, призываетъ на Русь литовцевъ и, главное, возбуждаетъ Мамая; уже тогда на Руси созрѣло сознаніе, что приходитъ пора не кланяться татарамъ, а помѣряться съ ними силами. «Мамай дышетъ яростью на всѣхъ насъ—говорили тогда,—если мы спустимъ тверскому князю, то онъ, соединившись съ Мамаемъ, надѣлаетъ намъ бѣды».

Въ августѣ 1375 года, Димитрій съ союзниками вступилъ въ тверскую землю, взялъ Микулинъ, осадилъ Тверь. Онъ простоялъ тамъ четыре недѣли, а между тѣмъ его воины жгли въ тверской области селенія, травили на поляхъ хлѣбъ, убивали людей или гнали ихъ въ плѣнъ. Михаилъ, не дождавшись ниоткуда помощи, выслалъ владыку Евфимія къ Димитрію просить мира. Казалось, пришла самая благопріятная минута покончить навсегда тяжелую и разорительную борьбу съ непримиримымъ врагомъ, уничтожить тверское княженіе, присоединить тверскую землю непосредственно къ Москвѣ и тѣмъ самымъ обезпечить съ этой стороны внутреннее спокойствіе Руси. Но Димитрій удовольствовался вынужденнымъ смиреніемъ врага, который въ крайней бѣдѣ готовъ былъ согласиться на какой угодно унизительный договоръ, лишь бы оставалась возможность его нарушить въ будущемъ. Михаилъ обязался за себя и своихъ наслѣдниковъ находиться въ такихъ отношеніяхъ къ Москвѣ, въ какихъ былъ Владимиръ Андреевичъ, считать московскаго князя старѣйшимъ, ходить на войну или посылать своихъ воеводъ по приказанію московскаго князя, не искать и не принимать отъ хана великокняжескаго достоинства, отречься отъ союза съ Ольгердомъ и не помогать ему, если онъ пойдетъ на смоленскаго князя за его участіе въ войнѣ противъ Твери. Михаилъ обязывался не вступаться въ дѣла кашинской земли и, такимъ образомъ, тверская земля раздѣлялась съ этихъ поръ на двѣ независимыя половины, и власть Михаила Александровича простиралась только на одну изъ этихъ половинъ. Въ удовлетвореніе Новгороду, тверского князя обязали возвратить церковное и частное имущество, пограбленное въ Торжкѣ, и освободить всѣхъ новгородскихъ людей, которыхъ онъ закабалилъ себѣ посредствомъ грамотъ. Михаилъ обязался возвратить Новгороду всѣ земли, купленныя его боярами и всѣ товары, когда-либо захваченные у новгородскихъ гостей. Наконецъ, что̀ всего важнѣе въ этомъ договорѣ, постановлено было по отношенію къ татарамъ, что если рѣшено будетъ жить

съ ними въ мирѣ и давать имъ выходъ, то и Михаилъ долженъ давать, а если татары пойдутъ на Москву или на Тверь, то обѣимъ сторонамъ быть заодно противъ нихъ; если же московскій князь самъ захочетъ идти противъ татаръ, то и тверской долженъ идти вмѣстѣ съ московскимъ. Такимъ образомъ, Москва, возвысившись прежде исключительно татарскою силою, теперь уже имѣла настолько собственной силы, что обязывала князей другихъ земель повиноваться ей и въ войнѣ противъ самихъ татаръ.

Несчастные бѣглецы, подстрекнувшіе Михаила на новую борьбу съ Димитріемъ, были, по договору, преданы Михаиломъ на произволъ судьбы. Всѣмъ другимъ боярамъ и слугамъ обѣихъ земель предоставлялся вольный отъѣздъ и князья не должны были «вступаться» въ ихъ села, а имѣнія Ивана и Некомата предоставлялись безъ изъятія московскому князю. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того ихъ самихъ заманили хитростью и привезли въ Москву. Тамъ, на Кучковомъ полѣ (гдѣ теперь Срѣтенскій монастырь) 30-го августа 1379 года надъ ними была совершена публичная смертная казнь, насколько извѣстно—первая въ Москвѣ. Народъ съ грустью смотрѣлъ на смерть Ивана, красиваго молодца; вмѣстѣ съ головою Ивана отсѣкались для него всѣ завѣтныя преданія старинной вѣчевой свободы. Казнь его, однако, не помѣшала братьямъ его служить Димитрію и воеводствовать у него.

Усмиреніе тверского князя раздражило Ольгерда, но не противъ Димитрія, а противъ смоленскаго князя, за то, что послѣдній, котораго онъ считалъ уже своимъ подручникомъ, участвовалъ въ войнѣ противъ Михаила. Ольгердъ опустошилъ въ отмщеніе смоленскую землю и взялъ много людей въ плѣнъ. Гораздо сильнѣе раздражился за Тверь Мамай и притомъ на всѣхъ вообще русскихъ князей: онъ видѣлъ явное пренебреженіе къ своей власти; его послѣдній ярлыкъ, данный Михаилу, былъ поставленъ русскими ни во что. Тогда одинъ татарскій отрядъ напалъ на нижегородскую землю, объявляя ей наказаніе за то, что рать ея ходила на тверскую землю; другой отрядъ за то же самое опустошилъ землю новосильскую. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1377 году, татарскій царевичъ Арапша, изъ мамаемой Орды сдѣлалъ опять нападеніе на нижегородскую землю. Соединенная суздальская и московская рать по собственной оплошности была разбита у рѣки Пьяны, и послѣдствіемъ этого пораженія было взятіе и разореніе Нижняго-Новгорода. Наконецъ, въ 1378 году Мамай послалъ мурзу Бегича на великаго князя. Ополченіе его шло черезъ рязанскую землю. Великій князь предупредилъ Бегича, перешедши Оку, вступилъ въ ря-

занскую землю; здѣсь, на берегахъ рѣки Вожи, 11-го августа, татары были разбиты на голову.

Здѣсь сподвижникомъ Димитрія явился ольгердовъ сынъ Андрей. Ольгерда уже не было въ живыхъ. Воинственный князь не только принялъ христіанство, но передъ смертью постригся въ монахи и умеръ, какъ говорятъ, схимникомъ. Андрей Ольгердовичъ неполадилъ съ преемникомъ отца, своимъ единокровнымъ братомъ Ягелломъ, и бѣжалъ во Псковъ, гдѣ былъ посаженъ княземъ, а потомъ со псковичами служилъ Москвѣ противъ татаръ. Послѣ вожской битвы этотъ князь, вмѣстѣ съ Владимиромъ Андреевичемъ и съ воеводою (называемымъ въ лѣтописяхъ иногда и княземъ) Димитріемъ Михайловичемъ Боброкомъ, волынцемъ, взяли бывшіе подъ властью Литвы города Трубчевскъ и Стародубъ въ сѣверской землѣ съ ихъ волостями. Братъ Андрея, князь Димитрій Ольгердовичъ, княжившій въ Брянскѣ и Трубчевскѣ, также недовольный Ягелломъ, отдался добровольно подъ руку великаго князя, который далъ ему Переяславль-Залѣсскій со всѣми пошлинами, т.-е. доходами княжескими. Эти враждебныя отношенія къ Литвѣ вызвали со стороны преемника ольгердова Ягелла вражду противъ Москвы и заставили его войти въ союзъ противъ нея съ Мамаемъ.

Послѣ вожской битвы Мамай прежде всего подвергнулъ карѣ рязанскую землю, за то, что пораженіе татаръ произошло въ рязанской землѣ. Татарскія полчища ворвались туда, разорили много селъ, угнали въ плѣнъ много людей и сожгли Переяславль рязанскій. Олегъ не успѣлъ собрать своихъ силъ и убѣжалъ, а потомъ, чтобы не подвергать вновь опасности своей волости, поѣхалъ къ хану, поклонился ему и обѣщалъ вѣрно служить Мамаю противъ Москвы.

Мамай престалъ уже возводить на престолъ призрачныхъ хановъ для того, чтобъ управлять подъ ихъ именемъ: самъ онъ назвался ханомъ. Димитрій не повиновался ему; русскіе оказывали явное пренебреженіе къ татарскому могуществу: это раздражило Мамая до крайности. Онъ замыслилъ проучить непокорныхъ рабовъ, напомнить имъ батыевщину, поставить Русь въ такое положеніе, чтобъ она долго не посмѣла помышлять объ освобожденіи отъ власти хановъ. Мамай собралъ всю силу волжской Орды, нанялъ хивинцевъ, буртасовъ, ясовъ, вошелъ въ союзъ съ генуэзцами, основавшими свои поселенія на Черномъ морѣ, и заключилъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ договоръ заодно напасть на московскаго великаго князя. И Олегъ рязанскій посылалъ отъ себя своего боярина къ Ягеллу, совѣщался о томъ, чтобъ

литовскій князь прибылъ въ срокъ на Донъ для соединенія съ Мамаемъ; но въ то же время Олегъ рязанскій посылалъ извѣстить Димитрія о замыслахъ Мамая и Ягелла. Димитрію уже прежде было извѣстно объ этихъ замыслахъ. Когда Мамай, лѣтомъ 1380 года заложивъ свой станъ при устьѣ рѣки Воронежа, назначалъ тамъ сборное мѣсто для своихъ полчищъ и ждалъ Ягелла, Димитрій собиралъ подручныхъ князей на общее дѣло защиты Руси. Желаніе раздѣлаться съ поработителями настолько уже созрѣло и овладѣло народными чувствами русскаго народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратныхъ и понуждать къ скорѣйшему прибытію. Кромѣ тверского князя, непримиримаго врага Москвы, да кромѣ Олега, который поневолѣ долженъ былъ держаться Мамая изъ разсчета спасти свою землю, всѣ русскіе князья и всѣ русскія земли охотно готовы были участвовать въ предстоявшей борьбѣ русскаго народа съ татарами. Съ Димитріемъ были силы земли московской, владимирской, суздальской, ростовской, нижегородской, бѣлозерской, муромской, псковичи съ своимъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ, брянцы съ братомъ Андрея Димитріемъ Ольгердовичемъ. Лѣтопись говоритъ, что у Димитрія набралось тогда 150,000 воиновъ. Если это число и преувеличено, то все-таки ополченіе, готовое выступить противъ Мамая, было, вѣроятно, очень велико, какъ можно судить по всеобщему сочувствію русскихъ къ этому дѣлу.

Митрополита Алексія уже не было въ живыхъ. Онъ скончался въ 1378 году. Этотъ архипастырь, главнѣйшій совѣтникъ Димитрія, во все время своего первосвятительства употреблялъ свою духовную власть для возвышенія Москвы и служилъ ея интересамъ. Такой образъ дѣйствій навлекъ на него враговъ. Послѣ задержанія Михаила Александровича въ Москвѣ, тверской князь жаловался на коварство Алексія цареградскому патріарху Каллисту и требовалъ надъ нимъ соборнаго суда. Съ своей стороны Ольгердъ жаловался тому же патріарху, что Алексій, посвятивъ себя исключительно Москвѣ, не хочетъ вовсе знать ни Кіева, ни всего литовскаго княжества. Патріархъ требовалъ Алексія къ себѣ на судъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ему, для избѣжанія такого суда, помириться съ Михаиломъ и съ Ольгердомъ. «Мы — писалъ онъ Алексію — рукоположили тебя митрополитомъ всей Руси, а не одной какой-нибудь ея части». Митрополитъ не обращалъ вниманія на эти убѣжденія. Послѣ смерти Каллиста такія же жалобы на Алексія обращались и преемнику Каллиста патріарху Филоѳею. Ольгердъ, между прочимъ, обвинялъ митрополита въ томъ, что онъ разрѣшаетъ отъ крестнаго цѣлованія тѣхъ,

которые убѣгаютъ изъ Литвы въ Москву, на оборотъ предаетъ проклятію тѣхъ, которые не хотятъ служить московскому, князю и благословляетъ послѣдняго на кровопролитіе. Филоѳей и писалъ къ Алексію увѣщанія и требовалъ его на судъ: все было напрасно. Алексій твердо служилъ московскимъ видамъ, не хотѣлъ посѣщать ни Кіева, ни литовскихъ владѣній; наконецъ, по просьбѣ Ольгерда, въ 1376 году патріархъ посвятилъ въ санъ кіевскаго митрополита серба Кипріана, который еще прежде, будучи посланъ отъ патріарха для провѣрки жалобъ на Алексія, заявилъ себя недоброжелателемъ послѣднему. Новый митрополитъ покушался было оторвать Новгородъ отъ власти Алексія, но это не удалось ему: новгородцы сказали, что они тогда признаютъ митрополитомъ Кипріана, когда его признаетъ великій князь московскій. Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ, управлялъ церковью въ областяхъ, подчиненныхъ литовскому великому князю, а по смерти Алексія попытался было пріѣхать въ Москву, но Димитрій прогналъ его. Великій князь представилъ для рукоположенія въ митрополиты природнаго москвича, давняго своего любимца архимандрита Михаила, извѣстнаго подъ именемъ «Митяя». Московскому князю не хотѣлось имѣть въ Москвѣ иныхъ первосвятителей, кромѣ такихъ, какихъ само московское правительство будетъ представлять патріарху для посвященія. Но тогдашнее московское духовенство не терпѣло Митяя; самъ преподобный Сергій не благоволилъ къ нему; не смотря, однако, на это, все-таки Димитрій отправилъ Митяя въ Цареградъ въ полной надеждѣ на успѣхъ, потому что преемникъ Филоѳея патріархъ Макарій не терпѣлъ Кипріана и готовъ былъ исполнить желаніе московскаго великаго князя. Такимъ образомъ въ то время, когда приходилось Димитрію идти на войну, Москва оставалась безъ митрополита: и это обстоятельство лишало предпринимаемый походъ обычнаго первосвятительскаго благословенія; но Димитрій обратился за благословеніемъ къ преподобному Сергію, хотя и былъ съ нимъ въ размолвкѣ по поводу Митяя. Сергій пользовался всеобщимъ уваженіемъ; его молитвамъ приписывали большую силу; за нимъ признавали даръ пророчества. Сергій не только ободрилъ Димитрія, но и предсказалъ ему побѣду. Такое предсказаніе, сдѣлавшись извѣстнымъ, сильно возбудило въ войскѣ отвагу и надежду на побѣду.

Димитрій выступилъ изъ Москвы въ Коломну въ августѣ; русскія силы отовсюду приставали къ нему. Въ это время пришли къ нему послы отъ Мамая съ требованіемъ «выхода» въ томъ размѣрѣ, въ какомъ русскіе платили дань при Узбекѣ и Чанибекѣ, но Димитрій отвѣчалъ, что онъ готовъ дать только такую

дань, какую постановилъ въ свою послѣднюю поѣздку въ Орду. 20 августа коломенскій епископъ Герасимъ благословилъ Димитрія идти противъ «окаяннаго сыроядца Мамая, нечестиваго Ягелла и отступника Олега» и Димитрій двинулся изъ Коломны на устье Лопастны; здѣсь пристали къ нему Владиміръ Андреевичъ и остальные отряды московскаго ополченія. 26 и 27 августа русскіе перевезлись черезъ Оку и пошли по рязанской землѣ къ Дону. На пути прискакалъ къ Димитрію гонецъ отъ преподобнаго Сергія съ благословенною грамотою: «Иди, господинъ,—писалъ Сергій, иди впередъ, Богъ и св. Троица поможетъ тебѣ!»

6 сентября русскіе увидѣли Донъ. Мамай уже шелъ отъ Воронежа на встрѣчу русской рати. Всѣ русскіе полки съ своими князьями и воеводами выстроились въ боевомъ порядкѣ, въ своихъ мѣстныхъ одеждахъ. Тогда князья, бояре и воеводы стали держать совѣтъ. Одни говорили: «перейдемъ черезъ Донъ», другіе: «не ходи, князь, врагъ силенъ; съ татарами литва и рязанцы». Болѣе всѣхъ побуждали русскихъ идти впередъ литовскіе князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи. «Если—говорили они—останемся здѣсь, то слабо будетъ войско русское, а перейдемъ черезъ Донъ, такъ всѣ будутъ биться мужественно, не надѣясь спастись бѣгствомъ; одолѣемъ татаръ—будетъ тебѣ, князь, и всѣмъ слава, а если они перебьютъ насъ, то всѣ умремъ одною смертью!» Димитрій согласился съ ними. 7 сентября онъ приказалъ наскоро мостить мосты черезъ Донъ и искать броду, а 8-го въ субботу на зарѣ русскіе уже были на другой сторонѣ рѣки и при солнечномъ восходѣ двигались стройно впередъ къ устью рѣки Непрядвы.

День былъ пасмурный; густой туманъ разстилался по полямъ, но часу въ десятомъ стало ясно. Около полудня показалось несметное татарское полчище. Сторожевые (передовые) полки русскихъ и татаръ сцѣпились между собою, и самъ Димитрій выѣхалъ вмѣстѣ съ своею дружиною «на первый суймъ» открывать битву. По старинному прадѣдовскому обычаю слѣдовало, чтобы князь, какъ предводитель, собственнымъ примѣромъ возбуждалъ въ воинахъ отвагу. Побившись не долго съ татарами, Димитрій вернулся назадъ устроивать полки къ битвѣ. Въ первомъ часу началась сѣча, какой, по выраженію лѣтописца, не бывало на Руси. На десять верстъ огромное Куликово поле было покрыто воинами. Кровь лилась какъ дождевые потоки; все смѣшалось; битва обратилась въ рукопашную схватку, трупъ валился на трупъ, тѣло русское на татарское, татарское на русское; тамъ татаринъ гнался за русскимъ, тамъ русскій за тата-

риномъ. Въ московской рати было много небывалыхъ въ бою: на нихъ нашелъ страхъ и пустились они въ бѣгство. Татары съ страшнымъ крикомъ ринулись за ними и били ихъ на повалъ. Дѣло русскихъ казалось проиграннымъ, но къ тремъ часамъ по полудни все измѣнилось.

Въ дубравѣ на западной сторонѣ поля стоялъ избранный русскій отрядъ, отъѣхавшій туда заранѣе для засады. Имъ предводительствовали князь Владиміръ Андреевичь и волынецъ Димитрій Михайловичъ Боброкъ, пріѣхавшій изъ литовскихъ областей служить Москвѣ. Увидѣвши, что русскіе пустились бѣжать, а татары погнались за ними, Владиміръ Андреевичъ порывался ударить на враговъ, но разсудительный Боброкъ удержалъ его до тѣхъ поръ, пока татарская рать, стремившись въ погоню за русскими, не повернулась къ нимъ окончательно тыломъ. Тогда на счастье русскимъ, вѣтеръ, дувши до того времени въ лицо сидѣвшимъ въ засадѣ, измѣнилъ свое направленіе. «Вотъ теперь часъ пришелъ, господинъ князь—сказалъ Боброкъ—подвизайтесь отцзи и братья, дѣти и друзья». Весь отрядъ стремительно бросился на татаръ, которые никакъ не ожидали нападенія сзади [1]). Бѣгущіе русскіе ободрились и бросились на татаръ. Тогда въ свою очередь на полчище Мамая нашелъ паническій страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ татары бросали свое оружіе покинули свой станъ, стада, обозъ и бѣжали опромстью. Множество ихъ перетонуло въ рѣкѣ. Бѣжалъ самъ тучный Мамай, бѣ-

---

[1]) Извѣстіе о засадѣ взято изъ повѣсти о мамаевомъ побоищѣ, которая существуетъ во множествѣ отдѣльныхъ списковъ и также вошла цѣликомъ въ никоновскій сводъ лѣтописи. Повѣсть эта заключаетъ въ себѣ множество явныхъ выдумокъ, анахронизмовъ, равнымъ образомъ и преданій, образовавшихся въ народномъ воображеніи о куликовской битвѣ уже позже. Эта повѣсть вообще въ своемъ составѣ никакъ не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ, но извѣстіе о засадѣ мы считаемъ себя вправѣ признавать достовѣрнымъ не только по своему правдоподобію, но по соображенію съ разсказомъ въ старѣйшихъ спискахъ лѣтописи. Въ послѣднихъ, такъ же какъ и въ повѣсти, говорится что, русскіе обратились въ бѣгство и татары гнались за ними, а потомъ въ девятомъ часу дня (т. е. въ третьемъ или въ три часа по нашему времясчисленію) дѣло измѣнилось внезапно и, неизвѣстно по какой причинѣ, татары въ свою очередь обратились въ бѣгство. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну заступничеству Ангеловъ съ Архистратигомъ Михаиломъ и св. воинамъ: Георгію, Димитрію, Борису и Глѣбу. Разсматривая событія съ земной точки зрѣнія, мы невольно должны придти къ такому заключенію, что подобная перемѣна обстоятельствъ могла всего скорѣе произойти отъ движенія русскихъ въ тылъ непріятеля и, такимъ образомъ, извѣстіе о засадѣ дополняетъ для насъ то, о чемъ мы и безъ того должны были догадываться, тѣмъ болѣе, что въ описаніи самой битвы по старѣйшимъ спискамъ ничего не говорится о дѣйствіяхъ Владиміра Андреевича, тогда какъ и по предъидущимъ событіямъ мы знаемъ, что онъ былъ храбрѣйшій изъ тогдашнихъ князей.

жали всѣ его князья. Русскіе гнали татаръ верстъ на тридцать до рѣки Красивой Мечи.

Побѣда была совершенная, но за то много князей, бояръ и простыхъ воиновъ пало на полѣ битвы [1]). Самъ великій князь хотя не былъ раненъ, когда открывалъ битву съ татарами «на первомъ суймѣ», но доспѣхъ на немъ былъ помятъ [2]). Похоронивши своихъ убитыхъ, великій князь съ своимъ ополченіемъ не преслѣдовалъ болѣе разбитаго врага, а вернулся съ торжествомъ въ Москву и хотѣлъ немедленно послать войско въ рязанскую землю, чтобы разорить ее за измѣну Олега; но рязанцы пріѣхали къ нему съ поклономъ, извѣщали, что князь ихъ бѣжалъ и изъявляли желаніе быть въ послушаніи у московскаго князя. Димитрій отправилъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ.

Мамай, бѣжавши въ свои степи, столкнулся тамъ съ новымъ врагомъ: то былъ Тохтамышъ, ханъ заяицкой Орды, потомокъ Батыя. Онъ шелъ отнимать у Мамая престолъ волжской Орды, какъ похищенное достояніе батыевыхъ потомковъ. Союзникъ Мамая Ягелло, не поспѣвши впору помогать ему противъ Димит-

---

[1]) Князь Ѳеодоръ Романовичъ бѣлозерскій и сынъ его Иванъ, князь Ѳеодоръ тарускій, братъ его Мстиславъ, князь Димитрій Монастыревъ, Семенъ Михайловичъ Микула сынъ Василья тысячскаго, Михайло, Иванъ, сыны Акинѳовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Серкизовъ, Тимоѳей Васильевичъ (другой сынъ тысячскаго) Акатьевичи называемые Волуи, Михайло Бренокъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликовъ, Дмитрій Миничъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшій прежде бояринъ брянскій и многіе другіе.

[2]) Въ «повѣсти о мамаевомъ побоищѣ» разсказывается, будто Димитрій еще предъ битвою надѣлъ свою княжескую „подволоку" (мантію) на своего любимца Михаила Бренка, самъ же въ одеждѣ простого воина замѣшался въ толпѣ, а впослѣдствіи, когда Бренокъ въ великокняжеской одеждѣ былъ убитъ и битва кончилась, Димитрій былъ найденъ лежащимъ въ дубравѣ подъ срубленнымъ деревомъ, покрытый его вѣтвями, едва дышащій, но безъ ранъ. Такое переряживаніе могло быть только изъ трусости, съ цѣлью подставить на мѣсто себя другого, во избѣжаніе опасности, грозившей великому князю, котораго черное знамя и особая одежда издали отличали отъ другихъ:] естественно врагамъ было всего желательнѣе убить его, чтобы лишить войско главнаго предводителя. Если принимать это сказаніе, то надобно будетъ допустить, что Димитрій перерядился въ простого воина подъ предлогомъ биться съ татарами заурядъ съ другими, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыться отъ битвы въ лѣсъ. Судя по поведенію Димитрія во время случившагося позже нашествія татаръ на Москву, можно было бы допустить вѣроятіе такого разсказа; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ той же повѣсти говорится, что русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и начали искать великаго князя уже возвратившись съ погони. Искали его долго, наконецъ нашли лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ мѣста побоища до рѣки Мечи верстъ тридцать слишкомъ; неужели, пока русскіе гнали татаръ до Мечи и возвращались оттуда (вѣроятно возвращались они медленно вслѣдствіе усталости и обремененные добычей), Димитрій, не будучи раненымъ, все это время пролежалъ подъ „срубленнымъ деревомъ"? Очевидная нелѣпость!

рія, услыхалъ о куликовскомъ пораженіи, поспѣшно вернулся въ Литву и оставилъ Мамая на произволъ судьбы. Тохтамышъ разбилъ Мамая на берегахъ Калки и объявилъ себя владѣтелемъ волжской Орды. Мамай бѣжалъ въ Кафу (нынѣшняя Ѳеодосія на восточномъ берегу Крыма) и тамъ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, воцарившись въ Сараѣ, отправилъ дружелюбное посольство къ Димитрію объявить, что общаго врага ихъ нѣтъ болѣе и что онъ, Тохмамышъ, теперь владыка кипчакской орды и всѣхъ подвластныхъ ей странъ. Димитрій отпустилъ этихъ пословъ съ большою честью и дарами; но не изъявлялъ знаковъ рабской покорности. На другой годъ Тохтамышъ отправилъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ царевича Акхозю съ требованіемъ покорности и дани; Акхозя, доѣхавши до Нижняго, не посмѣлъ ѣхать въ Москву. Это показываетъ, что въ Москвѣ считали дѣло съ Ордою поконченнымъ и не боялись ея, но между тѣмъ тамъ по сокрушеніи Мамая не брали никакихъ мѣръ ни къ дальнѣйшему истребленію, ни даже къ собственной оборонѣ.

Въ слѣдующемъ 1382 году Тохтамышъ двинулся наказывать Русь за попытку освободиться отъ татаръ. Онъ началъ съ того, что послалъ слугъ своихъ въ Болгары, приказалъ ограбить тамъ русскихъ купцовъ и задержать, чтобы они не дали вѣсти въ Москву, а суда ихъ привезти къ себѣ на перевозъ. Переправившись черезъ Волгу, Тохтамышъ намѣревался сдѣлать такой быстрый набѣгъ, чтобы захватить Москву въ расплохъ; по всему видно, онъ принялъ въ соображеніе оплошность русскихъ, слишкомъ возгордившихся своими побѣдами. Путь татаръ шелъ къ рязанской землѣ; князь суздальскій, чтобы избавить свою нижегородскую землю отъ разоренія, отправилъ къ Тохтамышу двухъ сыновей своихъ Василія и Семена изъявить покорность; но Тохтамышъ не позволялъ своимъ татарамъ тратить время на обычныя разоренія по пути и такъ спѣшилъ, что нижегородскіе князья съ трудомъ успѣли догнать его. На границахъ рязанской земли встрѣтилъ Тохтамыша рязанскій князь Олегъ, билъ ему челомъ и изъявлялъ готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы: онъ увѣрялъ, что есть полная возможность взять Москву и захватить въ ней Димитрія. Ставши проводникомъ у татаръ, Олегъ намѣренно повелъ ихъ такъ, чтобы миновать рязанскую землю; онъ навелъ ихъ на Серпуховъ, который былъ истребленъ.

Вѣсть о походѣ Тохтамыша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла къ Димитрію прежде, чѣмъ татары приблизились къ Москвѣ. Димитрій съ воеводами и ратью выѣхалъ изъ столицы, соединился съ нѣкоторыми князьями и совѣщался, какъ имъ отражать врага.

Внезапность нашествія произвела такое впечатлѣніе, что князья, воеводы и бояре совсѣмъ потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недовѣріе; великій князь убоялся идти на встрѣчу хану, поворотилъ назадъ и, покинувши Москву на произволъ судьбы, бѣжалъ съ Переяславль, оттуда съ Ростовъ, а оттуда въ Кострому.

Отправленный Димитріемъ въ Царьградъ для посвященія въ митрополиты, Митяй утонулъ на пути, а одинъ изъ его спутниковъ Пименъ, составивъ подложную грамоту отъ имени великаго князя, былъ посвященъ цареградскимъ патріархомъ, но по прибытіи въ Москву подвергся гнѣву Димитрія и былъ сосланъ къ Чухлому. Тогда великій князь пригласилъ въ Москву Кипріана и призналъ его первосвятителемъ: это было въ 1381 году. Теперь, во время нашествія татаръ, этотъ митрополитъ оставался въ Москвѣ. Кипріанъ былъ чужеземецъ, не могъ имѣть на народъ такого вліянія, какое оказалъ бы митрополитъ русскій по происхожденію, да и самъ Кипріанъ былъ чуждъ національныхъ русскихъ интересовъ и думалъ прежде всего о себѣ. Когда дошла вѣсть въ Москву, что великій князь убѣжалъ, народъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Грозный врагъ не сегодня-завтра долженъ появиться, а въ столицѣ не было ни князя ни воеводъ. Одни кричали, что надобно затвориться въ Кремлѣ, другіе хотѣли бѣжать. Зазвонили во всѣ колокола на вѣче. Поднялся вопль. Народъ кричалъ: затворять ворота и не пускать никого изъ города. Митрополитъ и бояре бросились первые изъ города: ихъ выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убѣгать другіе, то ворота затворили; одни стали у воротъ съ рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бѣгущихъ, а другіе метали на нихъ камни со стѣнъ. Наконецъ, это смятеніе нѣсколько утишилъ пріѣхавшій въ Москву князь Остѣй, ольгердовъ внукъ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить часть народа, и затворился въ Кремлѣ съ тѣми, которые рѣшились остаться; бояре, купцы суконники и сурожане сносили въ Кремль свои товары; кромѣ москвичей въ городъ набѣжалъ народъ изъ окрестностей: всѣ надѣялись на крѣпость каменныхъ стѣнъ и спѣшили въ Кремль съ своими пожитками; женщины съ дѣтьми толпами бѣжали туда же. По позднѣйшимъ спискамъ лѣтописи, сами москвичи сожгли тогда посадъ около Кремля.

23 августа, въ понедѣльникъ, подъѣхали передовые татарскіе конники къ кремлевскимъ стѣнамъ. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ. «Здѣсь ли великій князь Димитрій?» спрашивали татары. Имъ отвѣчали: «Нѣтъ.» Татары объѣхали кругомъ Кремля, осматривали рвы, стѣны, бойницы, заборолы, ворота. Въ городѣ

благочестивые люди молились Богу, наложили на себя пост, лись во грѣхахъ, причащались Св. Таинъ, а удалые мо вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ меды, доставали изъ скихъ кладовыхъ дорогіе сосуды и напивались изъ нихъ д дрости: «Что намъ татары—говорили они во хмѣлю.—не б поганыхъ: у насъ городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворот лѣзныя. Не долго простоять подъ городомъ! Страхъ на найдетъ съ двухъ сторонъ: изъ города мы ихъ будемъ би сзади князья наши на нихъ устремятся».

Пьяные взлѣзали на стѣны, кричали на татаръ, ругали, ш и всячески оскорбляли ихъ и ихъ царя: а разраженные татары м на нихъ саблями, показывая видъ, какъ будутъ рубить ихъ. Мос разхрабрились такъ думая, что татаръ всего столько и пришло, с они ихъ видѣли подъ стѣнами. Но къ вечеру появилась вся орд громада съ ихъ царемъ, и тутъ многіе храбрецы приш ужасъ. Началась перестрѣлка: стрѣлы изобильно летали съ с сторонъ, словно дождь. Татарскіе стрѣлки были искуснѣ скихъ: наѣздники на своихъ легкихъ коняхъ скакали взадъ и вп то приближались къ стѣнамъ, то удалялись отъ нихъ, на всемъ пускали стрѣлы въ стоявшихъ на стѣнахъ москвичей и не; промаха: много русскихъ на забороладхъ падало отъ стрѣ татарскихъ. Другіе татары тащили лѣстницы, приставляли къ ст и лѣзли на стѣны; москвичи обдавали ихъ кипяткомъ, броса нихъ каменья, бревна, поражали самострѣлами. Одинъ москви конникъ, поимени Адамъ, заприметивъ татарина, знатнаго по ударилъ его изъ самострѣла стрѣлою прямо въ сердце. Этотъ та былъ сынъ одного мурзы, любимецъ хана. Смерть его нанесл шую скорбь Тохтамышу. Три дня повторяли татары свои при граждане упорно отбивали ихъ. Наконецъ, Тохтамышъ сообр что не взять ему Кремля силою: онъ порѣшилъ взять его коварс На четвертый день въ полдень подъѣхали къ стѣнамъ знатн мурзы и просили слова. Съ ними стояли двое сыновей суздал князя, шурья великаго князя. Мурзы сказали: «Царь нашъ пр показнить своего холопа Димитрія, а онъ убѣжалъ; при вамъ царь сказать, что онъ не пришелъ разорять своего а хочетъ соблюсти его, и ничего отъ васъ не требуетъ,— выйдите къ нему съ честью и дарами. Отворите городъ; васъ пожалуетъ!» Суздальскіе князья говорили: «Намъ пон мы ваши христіанскіе князья: мы ручаемся за то, что это пр Москвичи положились на слово русскихъ князей, отворили и вышли мѣрнымъ ходомъ; впереди князь Остѣй, за нимъ дары, потомъ шли духовные въ облаченіи, съ иконами и кре

за ними бояре и народъ. Татары, давши москвичамъ выдти изъ воротъ, бросились на нихъ и начали рубить саблями безъ разбора. Прежде всѣхъ палъ Остѣй. Духовные, умирая, выпускали изъ рукъ кресты и иконы: татары топтали ихъ ногами. Истребляя кого попало направо и налѣво, ворвались они въ средину Кремля: одни черезъ ворота, другіе по лѣстницамъ черезъ стѣны. Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дѣти метались въ безпамятствѣ туда и сюда; напрасно думали они избавиться отъ смерти; множество ихъ искало спасенія въ церквахъ, но татары разбивали церковныя двери, врывались въ храмъ и истребляли всѣхъ отъ мала до велика. По извѣстію лѣтописца, рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока у татаръ не утомились плечи, не иступились сабли. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары—все было ограблено. Тогда истреблено множество книгъ, снесенныхъ со всего города въ соборныя церкви: вѣроятно, въ это время погибло безвозвратно много памятниковъ древней литературы, которые представили бы намъ въ гораздо болѣе ясномъ свѣтѣ нашу прошедшую духовную жизнь, еслибы уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ городъ былъ зажженъ. Огонь истреблялъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣжать татарскаго меча. Такъ покаравши Москву, татары отступили отъ нея.

Страшное зрѣлище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было въ ней ни одной живой души; кучи труповъ лежали повсюду на улицахъ среди обгорѣлыхъ бревенъ и пепла, и растворенныя церкви были завалены тѣлами убитыхъ.

Некому было ни отпѣвать мертвыхъ, ни оплакивать ихъ, ни звонить по нимъ.

Татары разсѣялись и по другимъ городамъ: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другіе шли къ Дмитрову, иные къ Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль: жители, покинувши свой городъ, спаслись въ судахъ посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились давно забытыя времена Батыя, съ тою разницею, что въ батыевщину русскіе князья умирали съ своимъ народомъ, а теперь глава Руси сидѣлъ запершись въ Костромѣ съ своею семьею, другіе князья или также прятались, или спѣшили раболѣпствомъ получить пощаду у разгнѣваннаго владыки. Только одинъ Владимиръ Андреевичъ не измѣнилъ себѣ: выѣхавши изъ Волока, ударилъ онъ на татарскій отрядъ, разбилъ его на-голову и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ

рія, услыхалъ о куликовскомъ пораженіи, поспѣшно вернулся въ Литву и оставилъ Мамая на произволъ судьбы. Тохтамышъ разбилъ Мамая на берегахъ Калки и объявилъ себя владѣтелемъ волжской Орды. Мамай бѣжалъ въ Кафу (нынѣшняя Ѳеодосія на восточномъ берегу Крыма) и тамъ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, воцарившись въ Сараѣ, отправилъ дружелюбное посольство къ Димитрію объявить, что общаго врага ихъ нѣтъ болѣе и что онъ, Тохмамышъ, теперь владыка кипчакской орды и всѣхъ подвластныхъ ей странъ. Димитрій отпустилъ этихъ пословъ съ большою честью и дарами; но не изъявлялъ знаковъ рабской покорности. На другой годъ Тохтамышъ отправилъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ царевича Акхозю съ требованіемъ покорности и дани; Акхозя, доѣхавши до Нижняго, не посмѣлъ ѣхать въ Москву. Это показываетъ, что въ Москвѣ считали дѣло съ Ордою поконченнымъ и не боялись ея, но между тѣмъ тамъ по сокрушеніи Мамая не брали никакихъ мѣръ ни къ дальнѣйшему истребленію, ни даже къ собственной оборонѣ.

Въ слѣдующемъ 1382 году Тохтамышъ двинулся наказывать Русь за попытку освободиться отъ татаръ. Онъ началъ съ того, что послалъ слугъ своихъ въ Болгары, приказалъ ограбить тамъ русскихъ купцовъ и задержать, чтобы они не дали вѣсти въ Москву, а суда ихъ привезти къ себѣ на перевозъ. Переправившись черезъ Волгу, Тохтамышъ намѣревался сдѣлать такой быстрый набѣгъ, чтобы захватить Москву въ расплохъ; по всему видно, онъ принялъ въ соображеніе оплошность русскихъ, слишкомъ возгордившихся своими побѣдами. Путь татаръ шелъ къ рязанской землѣ; князь суздальскій, чтобы избавить свою нижегородскую землю отъ разоренія, отправилъ къ Тохтамышу двухъ сыновей своихъ Василія и Семена изъявить покорность; но Тохтамышъ не позволялъ своимъ татарамъ тратить время на обычныя разоренія по пути и такъ спѣшилъ, что нижегородскіе князья съ трудомъ успѣли догнать его. На границахъ рязанской земли встрѣтилъ Тохтамыша рязанскій князь Олегъ, билъ ему челомъ и изъявлялъ готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы: онъ увѣрялъ, что есть полная возможность взять Москву и захватить въ ней Димитрія. Ставши проводникомъ у татаръ, Олегъ намѣренно повелъ ихъ такъ, чтобы миновать рязанскую землю; онъ навелъ ихъ на Серпуховъ, который былъ истребленъ.

Вѣсть о походѣ Тохтамыша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла къ Димитрію прежде, чѣмъ татары приблизились къ Москвѣ. Димитрій съ воеводами и ратью выѣхалъ изъ столицы, соединился съ нѣкоторыми князьями и совѣщался, какъ имъ отражать врага.

Внезапность нашествія произвела такое впечатлѣніе, что князья, воеводы и бояре совсѣмъ потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недовѣріе; великій князь убоялся идти на встрѣчу хану, поворотилъ назадъ и, покинувши Москву на произволъ судьбы, бѣжалъ съ Переяславль, оттуда съ Ростовъ, а оттуда въ Кострому.

Отправленный Димитріемъ въ Царьградъ для посвященія въ митрополиты, Митяй утонулъ на пути, а одинъ изъ его спутниковъ Пименъ, составивъ подложную грамоту отъ имени великаго князя, былъ посвященъ цареградскимъ патріархомъ, но по прибытіи въ Москву подвергся гнѣву Димитрія и былъ сосланъ къ Чухлому. Тогда великій князь пригласилъ въ Москву Кипріана и призналъ его первосвятителемъ: это было въ 1381 году. Теперь, во время нашествія татаръ, этотъ митрополитъ оставался въ Москвѣ. Кипріанъ былъ чужеземецъ, не могъ имѣть на народъ такого вліянія, какое оказалъ бы митрополитъ русскій по происхожденію, да и самъ Кипріанъ былъ чуждъ національныхъ русскихъ интересовъ и думалъ прежде всего о себѣ. Когда дошла вѣсть въ Москву, что великій князь убѣжалъ, народъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Грозный врагъ не сегодня-завтра долженъ появиться, а въ столицѣ не было ни князя ни воеводъ. Одни кричали, что надобно затвориться въ Кремлѣ, другіе хотѣли бѣжать. Зазвонили во всѣ колокола на вѣче. Поднялся вопль. Народъ кричалъ: затворять ворота и не пускать никого изъ города. Митрополитъ и бояре бросились первые изъ города: ихъ выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убѣгать другіе, то ворота затворили; одни стали у воротъ съ рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бѣгущихъ, а другіе метали на нихъ камни со стѣнъ. Наконецъ, это смятеніе нѣсколько утишилъ пріѣхавшій въ Москву князь Остѣй, ольгердовъ внукъ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить часть народа, и затворился въ Кремлѣ съ тѣми, которые рѣшились остаться; бояре, купцы суконники и сурожане сносили въ Кремль свои товары; кромѣ москвичей въ городъ набѣжалъ народъ изъ окрестностей: всѣ надѣялись на крѣпость каменныхъ стѣнъ и спѣшили въ Кремль съ своими пожитками; женщины съ дѣтьми толпами бѣжали туда же. По позднѣйшимъ спискамъ лѣтописи, сами москвичи сожгли тогда посадъ около Кремля.

23 августа, въ понедѣльникъ, подъѣхали передовые татарскіе конники къ кремлевскимъ стѣнамъ. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ. «Здѣсь ли великій князь Димитрій?» спрашивали татары. Имъ отвѣчали: «Нѣтъ.» Татары объѣхали кругомъ Кремля, осматривали рвы, стѣны, бойницы, заборолы, ворота. Въ городѣ

благочестивые люди молились Богу, наложили на себя постъ, ка-лись во грѣхахъ, причащались Св. Таинъ, а удалые моло-дцы вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ меды, доставали изъ бо-ярскихъ кладовыхъ дорогіе сосуды и напивались изъ нихъ для удали: «Что намъ татары—говорили они во хмѣлю,—не боимся поганыхъ; у насъ городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворота же-лѣзныя. Не долго простоятъ подъ городомъ! Страхъ на нихъ найдетъ съ двухъ сторонъ: изъ города мы ихъ будемъ бить, а сзади князья наши на нихъ устремятся».

Пьяные взлѣзали на стѣны, кричали на татаръ, ругали, плевали и всячески оскорбляли ихъ и ихъ царя; а раздраженные татары махали на нихъ саблями, показывая видъ, какъ будутъ рубить ихъ. Москвичи разхрабрились такъ думая, что татаръ всего столько и пришло, сколько они ихъ видѣли подъ стѣнами. Но къ вечеру появилась вся ордынская громада съ ихъ царемъ, и тутъ многіе храбрецы пришли въ ужасъ. Началась перестрѣлка; стрѣлы изобильно летали съ обѣихъ сторонъ, словно дождь. Татарскіе стрѣлки были искуснѣе рус-скихъ: наѣздники на своихъ легкихъ коняхъ скакали взадъ и впередъ, то приближались къ стѣнамъ, то удалялись отъ нихъ, на всемъ скаку пускали стрѣлы въ стоявшихъ на стѣнахъ москвичей и недѣлали промаха; много русскихъ на заборолахъ падало отъ стрѣлъ та-тарскихъ. Другіе татары тащили лѣстницы, приставляли къ стѣнамъ и лѣзли на стѣны; москвичи обдавали ихъ кипяткомъ, бросали на нихъ каменья, бревна, поражали самострѣлами. Одинъ москвичъ су-конникъ, поимени Адамъ, заприметивъ татарина, знатнаго по виду, ударилъ его изъ самострѣла стрѣлою прямо въ сердце. Этотъ татаринъ былъ сынъ одного мурзы, любимецъ хана. Смерть его нанесла боль-шую скорбь Тохтамышу. Три дня повторяли татары свои приступы. граждане упорно отбивали ихъ. Наконецъ, Тохтамышъ сообразилъ, что не взять ему Кремля силою; онъ порѣшилъ взять его коварствомъ. На четвертый день въ полдень подъѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшіе мурзы и просили слова. Съ ними стояли двое сыновей суздальскаго князя, шурья великаго князя. Мурзы сказали: «Царь нашъ пришелъ показнить своего холопа Димитрія, а онъ убѣжалъ; приказалъ вамъ царь сказать, что онъ не пришелъ разорять своего улуса, а хочетъ соблюсти его, и ничего отъ васъ не требуетъ,—только выйдите къ нему съ честью и дарами. Отворите городъ; царь васъ пожалуетъ!» Суздальскіе князья говорили: «Намъ повѣрьте: мы ваши христіанскіе князья; мы ручаемся за то, что это правда». Москвичи положились на слово русскихъ князей, отворили ворота и вышли мѣрнымъ ходомъ; впереди князь Остѣй, за нимъ несли дары, потомъ шли духовные въ облаченіи, съ иконами и крестами,

а за ними бояре и народъ. Татары, давши москвичамъ выдти изъ воротъ, бросились на нихъ и начали рубить саблями безъ разбора. Прежде всѣхъ палъ Остѣй. Духовные, умирая, выпускали изъ рукъ кресты и иконы: татары топтали ихъ ногами. Истребляя кого попало направо и налѣво, ворвались они въ средину Кремля: одни черезъ ворота, другіе по лѣстницамъ черезъ стѣны. Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дѣти метались въ безпамятствѣ туда и сюда; напрасно думали они избавиться отъ смерти; множество ихъ искало спасенія въ церквахъ, но татары разбивали церковныя двери, врывались въ храмъ и истребляли всѣхъ отъ мала до велика. По извѣстію лѣтописца, рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока у татаръ не утомились плечи, не иступились сабли. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары—все было ограблено. Тогда истреблено множество книгъ, снесенныхъ со всего города въ соборныя церкви: вѣроятно, въ это время погибло безвозвратно много памятниковъ древней литературы, которые представили бы намъ въ гораздо болѣе ясномъ свѣтѣ нашу прошедшую духовную жизнь, еслибы уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ городъ былъ зажженъ. Огонь истреблялъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣжать татарскаго меча. Такъ покаравши Москву, татары отступили отъ нея.

Страшное зрѣлище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было въ ней ни одной живой души; кучи труповъ лежали повсюду на улицахъ среди обгорѣлыхъ бревенъ и пепла, и растворенныя церкви были завалены тѣлами убитыхъ.

Некому было ни отпѣвать мертвыхъ, ни оплакивать ихъ, ни звонить по нимъ.

Татары разсѣялись и по другимъ городамъ: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другіе шли къ Дмитрову, иные къ Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль: жители, покинувши свой городъ, спаслись въ судахъ посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились давно забытыя времена Батыя, съ тою разницею, что въ батыевщину русскіе князья умирали съ своимъ народомъ, а теперь глава Руси сидѣлъ запершись въ Костромѣ съ своею семьею, другіе князья или также прятались, или спѣшили раболѣпствомъ получить пощаду у разгнѣваннаго владыки. Только одинъ Владиміръ Андреевичъ не измѣнилъ себѣ: выѣхавши изъ Волока, ударилъ онъ на татарскій отрядъ, разбилъ его на-голову и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ

риномъ. Въ московской рати было много небывалыхъ въ бою: на нихъ нашелъ страхъ и пустились они въ бѣгство. Татары съ страшнымъ крикомъ ринулись за ними и били ихъ на повалъ. Дѣло русскихъ казалось проиграннымъ, но къ тремъ часамъ по полудни все измѣнилось.

Въ дубравѣ на западной сторонѣ поля стоялъ избранный русскій отрядъ, отъѣхавшій туда заранѣе для засады. Имъ предводительствовали князь Владиміръ Андреевичъ и волынецъ Димитрій Михайловичъ Боброкъ, пріѣхавшій изъ литовскихъ областей служить Москвѣ. Увидѣвши, что русскіе пустились бѣжать, а татары погнались за ними, Владиміръ Андреевичъ порывался ударить на враговъ, но разсудительный Боброкъ удержалъ его до тѣхъ поръ, пока татарская рать, стремившись въ погоню за русскими, не повернулась къ нимъ окончательно тыломъ. Тогда на счастье русскимъ, вѣтеръ, дувши до того времени въ лицо сидѣвшимъ въ засадѣ, измѣнилъ свое направленіе. «Вотъ теперь часъ пришелъ, господинъ князь—сказалъ Боброкъ—подвизайтесь отцзи и братья, дѣти и друзья». Весь отрядъ стремительно бросился на татаръ, которые никакъ не ожидали нападенія сзади [1]). Бѣгущіе русскіе ободрились и бросились на татаръ. Тогда въ свою очередь на полчище Мамая нашелъ паническій страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ татары бросали свое оружіе покинули свой станъ, стада, обозъ и бѣжали опромстью. Множество ихъ перетонуло въ рѣкѣ. Бѣжалъ самъ тучный Мамай, бѣ-

---

[1]) Извѣстіе о засадѣ взято изъ повѣсти о мамаевомъ побоищѣ, которая существуетъ во множествѣ отдѣльныхъ списковъ и также вошла цѣликомъ въ никоновскій сводъ лѣтописи. Повѣсть эта заключаетъ въ себѣ множество явныхъ выдумокъ, анахронизмовъ, равнымъ образомъ и преданій, образовавшихся въ народномъ воображеніи о куликовской битвѣ уже позже. Эта повѣсть вообще въ своемъ составѣ никакъ не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ, но извѣстіе о засадѣ мы считаемъ себя вправѣ признавать достовѣрнымъ не только по своему правдоподобію, но по соображенію съ разсказомъ въ старѣйшихъ спискахъ лѣтописи. Въ послѣднихъ, такъ же какъ и въ повѣсти, говорится что, русскіе обратились въ бѣгство и татары гнались за ними, а потомъ въ девятомъ часу дня (т. е. въ третьемъ или въ три часа по нашему времясчисленію) дѣло измѣнилось внезапно и, неизвѣстно по какой причинѣ, татары въ свою очередь обратились въ бѣгство. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну заступничеству Ангеловъ съ Архистратигомъ Михаиломъ и св. воинамъ: Георгію, Димитрію, Борису и Глѣбу. Разсматривая событія съ земной точки зрѣнія, мы невольно должны придти къ такому заключенію, что подобная перемѣна обстоятельствъ могла всего скорѣе произойти отъ движенія русскихъ въ тылъ непріятеля и, такимъ образомъ, извѣстіе о засадѣ дополняетъ для насъ то, о чемъ мы и безъ того должны были догадываться, тѣмъ болѣе, что въ описаніи самой битвы по старѣйшимъ спискамъ ничего не говорится о дѣйствіяхъ Владиміра Андреевича, тогда какъ и по предъидущимъ событіямъ мы знаемъ, что онъ былъ храбрѣйшій изъ тогдашнихъ князей.

жали всѣ его князья. Русскіе гнали татаръ верстъ на тридцать до рѣки Красивой Мечи.

Побѣда была совершенная, но за то много князей, бояръ и простыхъ воиновъ пало на полѣ битвы [1]). Самъ великій князь хотя не былъ раненъ, когда открывалъ битву съ татарами «на первомъ суймѣ», но доспѣхъ на немъ былъ помятъ [2]). Похоронивши своихъ убитыхъ, великій князь съ своимъ ополченіемъ не преслѣдовалъ болѣе разбитаго врага, а вернулся съ торжествомъ въ Москву и хотѣлъ немедленно послать войско въ рязанскую землю, чтобы разорить ее за измѣну Олега; но рязанцы пріѣхали къ нему съ поклономъ, извѣщали, что князь ихъ бѣжалъ и изъявляли желаніе быть въ послушаніи у московскаго князя. Димитрій отправилъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ.

Мамай, бѣжавши въ свои степи, столкнулся тамъ съ новымъ врагомъ: то былъ Тохтамышъ, ханъ заяицкой Орды, потомокъ Батыя. Онъ шелъ отнимать у Мамая престолъ волжской Орды, какъ похищенное достояніе батыевыхъ потомковъ. Союзникъ Мамая Ягелло, не поспѣвши впору помогать ему противъ Димит-

---

¹) Князь Өеодоръ Романовичъ бѣлозерскій и сынъ его Иванъ, князь Өеодоръ тарускій, братъ его Мстиславъ, князь Димитрій Монастыревъ, Семенъ Михайловичъ Микула сынъ Василья тысячскаго, Михайло, Иванъ, сыны Акинөовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Серкизовъ, Тимоөей Васильевичъ (другой сынъ тысячскаго) Акатьевичи называемые Волуи, Михайло Бренокъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликовъ, Дмитрій Миничъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшій прежде бояринъ брянскій и многіе другіе.

²) Въ «повѣсти о мамаевомъ побоищѣ» разсказывается, будто Димитрій еще предъ битвою надѣлъ свою княжескую „подволоку“ (мантію) на своего любимца Михаила Бренка, самъ же въ одеждѣ простого воина замѣшался въ толпѣ, а впослѣдствіи, когда Бренокъ въ великокняжеской одеждѣ былъ убитъ и битва кончилась, Димитрій былъ найденъ лежащимъ въ дубравѣ подъ срубленнымъ деревомъ, покрытый его вѣтвями, едва дышащій, но безъ ранъ. Такое переряживаніе могло быть только изъ трусости, съ цѣлью подставить на мѣсто себя другого, во избѣжаніе опасности, грозившей великому князю, котораго черное знамя и особая одежда издали отличали отъ другихъ;) естественно врагамъ было всего желательнѣе убить его, чтобы лишить войско главнаго предводителя. Если принимать это сказаніе, то надобно будетъ допустить, что Димитрій перерядился въ простого воина подъ предлогомъ биться съ татарами заурядъ съ другими, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыться отъ битвы въ лѣсъ. Судя по поведенію Димитрія во время случившагося позже нашествія татаръ на Москву, можно было бы допустить вѣроятіе такого разсказа; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ той же повѣсти говорится, что русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и начали искать великаго князя уже возвратившись съ погони. Искали его долго, наконецъ нашли лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ мѣста побоища до рѣки Мечи верстъ тридцать слишкомъ; неужели, пока русскіе гнали татаръ до Мечи и возвращались оттуда (вѣроятно возвращались они медленно вслѣдствіе усталости и обремененные добычей), Димитрій, не будучи раненымъ, все это время пролежалъ подъ „срубленнымъ деревомъ“? Очевидная нелѣпость!

рія, услыхалъ о куликовскомъ пораженіи, поспѣшно вернулся въ Литву и оставилъ Мамая на произволъ судьбы. Тохтамышъ разбилъ Мамая на берегахъ Калки и объявилъ себя владѣтелемъ волжской Орды. Мамай бѣжалъ въ Кафу (нынѣшняя Ѳеодосія на восточномъ берегу Крыма) и тамъ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, воцарившись въ Сараѣ, отправилъ дружелюбное посольство къ Димитрію объявить, что общаго врага ихъ нѣтъ болѣе и что онъ, Тохмамышъ, теперь владыка кипчакской орды и всѣхъ подвластныхъ ей странъ. Димитрій отпустилъ этихъ пословъ съ большою честью и дарами; но не изъявлялъ знаковъ рабской покорности. На другой годъ Тохтамышъ отправилъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ царевича Акхозю съ требованіемъ покорности и дани; Акхозя, доѣхавши до Нижняго, не посмѣлъ ѣхать въ Москву. Это показываетъ, что въ Москвѣ считали дѣло съ Ордою поконченнымъ и не боялись ея, но между тѣмъ тамъ по сокрушеніи Мамая не брали никакихъ мѣръ ни къ дальнѣйшему истребленію, ни даже къ собственной оборонѣ.

Въ слѣдующемъ 1382 году Тохтамышъ двинулся наказывать Русь за попытку освободиться отъ татаръ. Онъ началъ съ того, что послалъ слугъ своихъ въ Болгары, приказалъ ограбить тамъ русскихъ купцовъ и задержать, чтобы они не дали вѣсти въ Москву, а суда ихъ привезти къ себѣ на перевозъ. Переправившись черезъ Волгу, Тохтамышъ намѣревался сдѣлать такой быстрый набѣгъ, чтобы захватить Москву въ расплохъ; по всему видно, онъ принялъ въ соображеніе оплошность русскихъ, слишкомъ возгордившихся своими побѣдами. Путь татаръ шелъ къ рязанской землѣ; князь суздальскій, чтобы избавить свою нижегородскую землю отъ разоренія, отправилъ къ Тохтамышу двухъ сыновей своихъ Василія и Семена изъявить покорность; но Тохтамышъ не позволялъ своимъ татарамъ тратить время на обычныя разоренія по пути и такъ спѣшилъ, что нижегородскіе князья съ трудомъ успѣли догнать его. На границахъ рязанской земли встрѣтилъ Тохтамыша рязанскій князь Олегъ, билъ ему челомъ и изъявлялъ готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы: онъ увѣрялъ, что есть полная возможность взять Москву и захватить въ ней Димитрія. Ставши проводникомъ у татаръ, Олегъ намѣренно повелъ ихъ такъ, чтобы миновать рязанскую землю; онъ навелъ ихъ на Серпуховъ, который былъ истребленъ.

Вѣсть о походѣ Тохтамыша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла къ Димитрію прежде, чѣмъ татары приблизились къ Москвѣ. Димитрій съ воеводами и ратью выѣхалъ изъ столицы, соединился съ нѣкоторыми князьями и совѣщался, какъ имъ отражать врага.

Внезапность нашествія произвела такое впечатлѣніе, что князья, воеводы и бояре совсѣмъ потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недовѣріе; великій князь убоялся идти на встрѣчу хану, поворотилъ назадъ и, покинувши Москву на произволъ судьбы, бѣжалъ съ Переяславль, оттуда съ Ростовъ, а оттуда въ Кострому.

Отправленный Димитріемъ въ Царьградъ для посвященія въ митрополиты, Митяй утонулъ на пути, а одинъ изъ его спутниковъ Пименъ, составивъ подложную грамоту отъ имени великаго князя, былъ посвященъ цареградскимъ патріархомъ, но по прибытіи въ Москву подвергся гнѣву Димитрія и былъ сосланъ къ Чухлому. Тогда великій князь пригласилъ въ Москву Кипріана и призналъ его первосвятителемъ: это было въ 1381 году. Теперь, во время нашествія татаръ, этотъ митрополитъ оставался въ Москвѣ. Кипріанъ былъ чужеземецъ, не могъ имѣть на народъ такого вліянія, какое оказалъ бы митрополитъ русскій по происхожденію, да и самъ Кипріанъ былъ чуждъ національныхъ русскихъ интересовъ и думалъ прежде всего о себѣ. Когда дошла вѣсть въ Москву, что великій князь убѣжалъ, народъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Грозный врагъ не сегодня-завтра долженъ появиться, а въ столицѣ не было ни князя ни воеводъ. Одни кричали, что надобно затвориться въ Кремлѣ, другіе хотѣли бѣжать. Зазвонили во всѣ колокола на вѣче. Поднялся вопль. Народъ кричалъ: затворять ворота и не пускать никого изъ города. Митрополитъ и бояре бросились первые изъ города: ихъ выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убѣгать другіе, то ворота затворили; одни стали у воротъ съ рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бѣгущихъ, а другіе метали на нихъ камни со стѣнъ. Наконецъ, это смятеніе нѣсколько утишилъ пріѣхавшій въ Москву князь Остѣй, ольгердовъ внукъ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить часть народа, и затворился въ Кремлѣ съ тѣми, которые рѣшились остаться; бояре, купцы суконники и сурожане сносили въ Кремль свои товары; кромѣ москвичей въ городъ набѣжалъ народъ изъ окрестностей: всѣ надѣялись на крѣпость каменныхъ стѣнъ и спѣшили въ Кремль съ своими пожитками; женщины съ дѣтьми толпами бѣжали туда же. По позднѣйшимъ спискамъ лѣтописи, сами москвичи сожгли тогда посадъ около Кремля.

23 августа, въ понедѣльникъ, подъѣхали передовые татарскіе конники къ кремлевскимъ стѣнамъ. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ. «Здѣсь ли великій князь Димитрій?» спрашивали татары. Имъ отвѣчали: «Нѣтъ.» Татары объѣхали кругомъ Кремля, осматривали рвы, стѣны, бойницы, заборолы, ворота. Въ городѣ

благочестивые люди молились Богу, наложили на себя постъ, к
лись во грѣхахъ, причащались Св. Таинъ, а удалые моло
вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ меды, доставали изъ бо
скихъ кладовыхъ дорогіе сосуды и напивались изъ нихъ для
дрости: «Что намъ татары—говорили они во хмѣлю,—не бо
поганыхъ; у насъ городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворота
лѣзныя. Не долго простоятъ подъ городомъ! Страхъ на н
найдетъ съ двухъ сторонъ: изъ города мы ихъ будемъ бить,
сзади князья наши на нихъ устремятся».

Пьяные взлѣзали на стѣны, кричали на татаръ, ругали, плева
и всячески оскорбляли ихъ и ихъ царя; а раздраженные татары маха
на нихъ саблями, показывая видъ, какъ будутъ рубить ихъ. Москви
разхрабрились такъ думая, что татаръ всего столько и пришло, сколь
они ихъ видѣли подъ стѣнами. Но къ вечеру появилась вся ордынск
громада съ ихъ царемъ, и тутъ многіе храбрецы пришли в
ужасъ. Началась перестрѣлка; стрѣлы изобильно летали съ обѣи
сторонъ, словно дождь. Татарскіе стрѣлки были искуснѣе рус
скихъ: наѣздники на своихъ легкихъ коняхъ скакали взадъ и впередъ
то приближались къ стѣнамъ, то удалялись отъ нихъ, на всемъ ска
пускали стрѣлы въ стоявшихъ на стѣнахъ москвичей и недѣла
промаха; много русскихъ на заборолахъ падало отъ стрѣлъ та
тарскихъ. Другіе татары тащили лѣстницы, приставляли къ стѣна
и лѣзли на стѣны; москвичи обдавали ихъ кипяткомъ, бросали н
нихъ каменья, бревна, поражали самострѣлами. Одинъ москвичъ су
конникъ, поимени Адамъ, запримѣтивъ татарина, знатнаго по виду,
ударилъ его изъ самострѣла стрѣлою прямо въ сердце. Этотъ татаринъ
былъ сынъ одного мурзы, любимецъ хана. Смерть его нанесла боль-
шую скорбь Тохтамышу. Три дня повторяли татары свои приступы
граждане упорно отбивали ихъ. Наконецъ, Тохтамышъ сообразилъ
что не взять ему Кремля силою; онъ порѣшилъ взять его коварствомъ.
На четвертый день въ полдень подъѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшіе
мурзы и просили слова. Съ ними стояли двое сыновей суздальскаго
князя, шурья великаго князя. Мурзы сказали: «Царь нашъ пришелъ
показнить своего холопа Димитрія, а онъ убѣжалъ; приказалъ
вамъ царь сказать, что онъ не пришелъ разорять своего улуса,
а хочетъ соблюсти его, и ничего отъ васъ не требуетъ,—только
выйдите къ нему съ честью и дарами. Отворите городъ; царь
васъ пожалуетъ!» Суздальскіе князья говорили: «Намъ повѣрьте:
мы ваши христіанскіе князья; мы ручаемся за то, что это правда».
Москвичи положились на слово русскихъ князей, отворили ворота
и вышли мѣрнымъ ходомъ; впереди князь Остѣй, за нимъ несли
дары, потомъ шли духовные въ облаченіи, съ иконами и крестами,

а за ними бояре и народъ. Татары, давши москвичамъ выдти изъ воротъ, бросились на нихъ и начали рубить саблями безъ разбора. Прежде всѣхъ палъ Остѣй. Духовные, умирая, выпускали изъ рукъ кресты и иконы: татары топтали ихъ ногами. Истребляя кого попало направо и налѣво, ворвались они въ средину Кремля: одни черезъ ворота, другіе по лѣстницамъ черезъ стѣны. Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дѣти метались въ безпамятствѣ туда и сюда; напрасно думали они избавиться отъ смерти; множество ихъ искало спасенія въ церквахъ, но татары разбивали церковныя двери, врывались въ храмъ и истребляли всѣхъ отъ мала до велика. По извѣстію лѣтописца, рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока у татаръ не утомились плечи, не иступились сабли. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары—все было ограблено. Тогда истреблено множество книгъ, снесенныхъ со всего города въ соборныя церкви: вѣроятно, въ это время погибло безвозвратно много памятниковъ древней литературы, которые представили бы намъ въ гораздо болѣе ясномъ свѣтѣ нашу прошедшую духовную жизнь, еслибы уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ городъ былъ зажженъ. Огонь истреблялъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣжать татарскаго меча. Такъ покаравши Москву, татары отступили отъ нея.

Страшное зрѣлище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было въ ней ни одной живой души; кучи труповъ лежали повсюду на улицахъ среди обгорѣлыхъ бревенъ и пепла, и растворенныя церкви были завалены тѣлами убитыхъ.

Некому было ни отпѣвать мертвыхъ, ни оплакивать ихъ, ни звонить по нимъ.

Татары разсѣялись и по другимъ городамъ: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другіе шли къ Дмитрову, иные къ Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль: жители, покинувши свой городъ, спаслись въ судахъ посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились давно забытыя времена Батыя, съ тою разницею, что въ батыевщину, русскіе князья умирали съ своимъ народомъ, а теперь глава Руси сидѣлъ запершись въ Костромѣ съ своею семьею, другіе князья или также прятались, или спѣшили раболѣпствомъ получить пощаду у разгнѣваннаго владыки. Только одинъ Владиміръ Андреевичъ не измѣнилъ себѣ: выѣхавши изъ Волока, ударилъ онъ на татарскій отрядъ, разбилъ его на-голову и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ

подвигъ такъ подѣйствовалъ на хана, что онъ началъ отступать назадъ къ рязанской землѣ, опасаясь, чтобы русскіе, собравшись съ силами, не ударили на него: вотъ доказательство, что это нашествіе не имѣло бы такого печальнаго исхода для Москвы и всей Руси, если бы русскіе не были такъ оплошны и великій князь своимъ постыднымъ бѣгствомъ не предалъ своего народа на растерзаніе варварамъ. Татары, возвращаясь въ Орду черезъ рязанскую землю, не пощадили владѣній своего союзника, разорили ихъ и увели изъ рязанской земли много плѣнныхъ. Олегъ бѣжалъ.

Димитрій вмѣстѣ съ Владимиромъ Андреевичемъ прибывши въ Москву, тотчасъ занялся погребеніемъ мертвыхъ, чтобы предупредить заразу. Онъ давалъ отъ восьмидесяти погребенныхъ тѣлъ по рублю и пришлось ему заплатить 300 рублей. Этотъ счетъ показываетъ, что въ Кремлѣ погибло отъ татарскаго меча 24,000 человѣкъ, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Потомъ мало-по-малу начали собираться остатки населенія и отстраивать сожженный городъ. Тогда, за невозможностью мстить татарамъ, Димитрій обратилъ мщеніе на рязанскую землю: московская рать вступила въ эту землю и въ конецъ разорила ее безъ всякаго милосердія, хуже татаръ. Олега въ ней не было.

Кипріанъ былъ вызванъ изъ Твери. Онъ явился 7 октября; великій князь Димитрій укорялъ митрополита за малодушное бѣгство, хотя самъ былъ виновенъ въ этомъ болѣе Кипріана. Прежняя ненависть великаго князя къ этому митрополиту возобновилась не столько оттого, что Кипріанъ бѣжалъ, какъ оттого, что онъ бѣжалъ именно въ Тверь къ заклятому врагу Димитрія. Кипріанъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ Кіевъ, а Димитрій позвалъ на русскую митрополію сосланнаго Пимена; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не взлюбивши опять Пимена, отправилъ для посвященія въ митрополиты епископа суздальскаго Діонисія и вмѣстѣ съ нимъ послалъ просьбу о низложеніи Пимена. Здѣсь въ первый разъ является произволъ великаго московскаго князя въ духовныхъ дѣлахъ. Онъ, какъ самовластный государь, считаетъ себя вправѣ выбирать себѣ по нраву кандидатовъ въ митрополиты, отправлять въ заточеніе, возводить ихъ на каѳедру снова, когда захочетъ почтить своей милостью, и опять подвергать опалѣ.

Князья русскіе, напуганные страшною карою надъ Москвою, одинъ за другимъ ѣздили въ Орду кланяться хану. Надежда на свободу блеснула для русскихъ на короткое время и была уничтожена малодушіемъ Димитрія. Ханъ, уходя изъ Москвы, задержалъ при себѣ одного изъ сыновей суздальскаго князя Василія,

а другого отправилъ къ отцу; онъ какъ видно, не довѣрялъ покорности димитріева тестя и потому счелъ нужнымъ взять къ себѣ его сына въ заложники. Димитрій Константиновичъ, чтобъ показать свою покорность, по веснѣ отправилъ Симеона къ хану съ поклономъ и дарами. Туда же поѣхалъ сынъ Бориса городецкаго Иванъ, а за нимъ поѣхалъ и отецъ его Борисъ и выпросилъ себѣ нижегородское княженіе послѣ скончавшагося въ это время Димитрія Константиновича (1383). Затѣмъ Михаилъ Александровичъ тверской съ сыномъ Александромъ отправился въ Орду окольною дорогою, чтобы не попасться въ руки Димитрія: онъ надѣялся вновь выпросить себѣ великое княженіе. Но Димитрій весною отправилъ къ хану сына своего Василія. Василій былъ удержанъ въ Ордѣ заложникомъ вѣрности и 8,000 рублей долга, насчитаннаго на Димитрія. Московскій князь такъ усердно унижался тогда передъ ханомъ, что Тохтамышъ объявилъ ему свою царскую милость, но въ наказаніе наложилъ на его владѣнія тяжелую дань въ такомъ большомъ размѣрѣ, что со всякой деревни приходилось платить по полтинѣ, а въ тѣ времена деревня состояла изъ двухъ дворовъ, а иногда изъ одного. Городамъ приходилось давать золото. Но этого было мало: по-прежнему стали шататься на Руси ханскіе послы и безчинствовать надъ жителями. Уступчивость московскаго князя была причиною, что тверской князь, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ добиться великаго княженія. «Я свои улусы самъ знаю—сказалъ ему ханъ—каждый князь русскій пусть служитъ мнѣ по старинѣ, а что мой улусникъ провинился предо мною, такъ я его поустрашилъ, а теперь онъ мнѣ служитъ правдою». Тохтамышъ никому не хотѣлъ давать потачки и не довѣрялъ тверскому князю, несмотря на всѣ его поклоны; отпустивши его въ Тверь, онъ удержалъ въ Ордѣ сына его Александра. Должно быть Тохтамышъ разсчиталъ, что Димитрій, заявившій себя такимъ малодушнымъ трусомъ во время нашествія татарскаго хана на Москву, управляя разоренною землею, менѣе представлялъ опасности, чѣмъ предпріимчивый и упрямый тверской князь. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1385 году) сынъ Димитрія Донского Василій убѣжалъ изъ Орды, пробрался въ Молдавію, а оттуда въ Литву; но не такъ удалась попытка Василія, сына суздальскаго князя: онъ былъ пойманъ татарами, приведенъ въ Орду и тамъ, по выраженію лѣтописца, «принялъ большую истому».

Вражда московскаго князя съ Олегомъ прекратилась въ 1385. Поводомъ къ уступчивости со стороны Димитрія было то, что Олегъ, овладѣвши снова рязанскою землею, взялъ Коломну, и по-

сланная противъ него московская рать ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Миръ былъ заключенъ при посредствѣ преподобнаго Сергія. Въ утвержденіе этого мира, названнаго «вѣчнымъ», сынъ Олега Ѳеодоръ женился на дочери Димитрія. Лѣтописцы наши постоянно рисуютъ этого Олега самыми черными красками и надѣляютъ его всякими ругательствами, но разсуждая безпристрастно, мы должны признать, что этотъ князь былъ ничѣмъ не хуже другихъ. Онъ скорѣе былъ несчастенъ, чѣмъ преступенъ передъ судомъ исторіи. Ни одна русская земля въ то время не терпѣла столько разореній какъ рязанская. Ее, какъ мы видѣли, безпрестанно опустошали то татары, то москвичи. Олегу приходилось избирать изъ двухъ золъ меньшее. Послѣ того, какъ рязанскую землю разорили татары за пораженіе при Вожѣ, нанесенное имъ москвичами, Олегъ присталъ къ Мамаю поневолѣ, потому что иначе, прежде чѣмъ бы пришли къ нему на помощь русскіе изъ другихъ земель, онъ бы принужденъ былъ съ однѣми силами своей земли выдерживать напоръ всей мамаевой орды. То же повторилось и съ Тохтамышемъ. Заботливость, съ какою Олегъ удалилъ отъ своей земли татаръ во время этого нашествія, показываетъ его любовь къ своимъ подвластнымъ. За то и рязанцы любили его.

Татарское разореніе Москвы и обязанность платить тяжелую дань естественно довели казну великаго князя до скудости и Димитрій задумалъ поправить ее насчетъ Новгорода. Были благовидныя причины напасть на новгородцевъ. Въ послѣднее время сильно разгулялась новгородская вольница: ушкуйники два раза ограбили Кострому, нападали на Ярославль, на Нижній, на Вятку, и не только поживлялись чужимъ добромъ, но хватали людей и продавали въ неволю восточнымъ купцамъ. Эти поступки возбуждали вездѣ по Руси негодованіе и потому-то подъ знаменами великаго князя съ охотою стали противъ Новгорода рати 29-ти городовъ; даже изъ волостей новгородскихъ: Торжка, Бѣжичей, Вологды были рати съ Димитріемъ и только большіе люди новоторжскіе (вѣроятно и изъ другихъ волостей) оставались вѣрны Новгороду и убѣгали въ Новгородъ. Походъ предпринятъ былъ зимою передъ праздникомъ Рождества Христова въ 1386 году. Великій князь двинулся со всѣми своими ратями, на пути сожигая и разоряя села новгородской земли. Новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ просить мира. Димитрій не хотѣлъ ихъ слушать, шелъ далѣе и въ началѣ января 1387 года расположился за пятнадцать верстъ отъ Новгорода. Новгородцы въ отчаяніи зажгли около города посады. Сгорѣло 24 монастыря. Са-

мый городъ наскоро укрѣпили острогомъ по земляному валу. Новгородцы еще разъ послали къ великому князю посольство съ владыкою Алексіемъ. «Господинъ князь — говорилъ Алексій — я тебя благословляю, великій Новгородъ бьетъ тебѣ челомъ: пусть не будетъ кровопролитія между нами, а за вину людей своихъ, что ходили на Волгу, Новгородъ заплатитъ тебѣ 8,000 рублей». Димитрій не принялъ просьбы, грозилъ идти далѣе и взять Новгородъ. Страшный переполохъ произошелъ тогда въ Новгородѣ, когда прибылъ туда владыка съ такимъ извѣстіемъ. Всѣ рѣшились защищаться до послѣдняго. Въ Новгородѣ начальствовалъ тогда призванный новгородцами на княженіе литовскій князь Патрикій Наримонтовичъ (племянникъ Ольгерда). 10 января разнесся слухъ, что великій князь приблизился къ Жилотугу (одному изъ протоковъ Волхова на восточной сторонѣ города). Всѣ годные къ войнѣ, и пѣшіе и конные, бросились за городъ, а между тѣмъ еще разъ послали къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять человѣкъ житьихъ людей отъ пяти концовъ города. Димитрій, разсудивши, что его упорство доведетъ Новгородъ до отчаянія, пересталъ ломаться и согласился на миръ. Новгородъ положилъ заплатить 8,000 рублей, изъ которыхъ 3,000 отсчитали тотчасъ же, а остальные предоставили великому князю взять съ Заволочья (двинская земля), потому что заволочане также участвовали въ поволжскихъ разбояхъ и посылали туда своихъ новгородскихъ бояръ для собиранія этихъ денегъ. Это была пеня за разбой, но кромѣ того великій князь выговорилъ для себя еще и черный боръ (каждогодную подать съ черныхъ людей, собираемую великокняжескими намѣстниками черезъ особыхъ чиновниковъ, называемыхъ «черноборцами»). Заключивши миръ на такихъ условіяхъ, великій князь повернулъ назадъ, но посѣщеніе его тяжело отозвалось на всей новгородской землѣ: много мужчинъ, женщинъ и дѣтей увели москвичи въ неволю; много ограбленныхъ ратными людьми и выгнанныхъ изъ своихъ пепелищъ новгородцевъ погибло отъ стужи.

Тогда какъ Москва прикрѣпляла къ себѣ Новгородъ наложеніемъ на него дани, на западѣ отнимали у Москвы власть надъ Смоленскомъ. Въ Литвѣ произошелъ важный переворотъ: сынъ Ольгерда, литовскій великій князь Ягелло, въ 1386 году женился на польской королевѣ Ядвигѣ, принялъ католичество, крестилъ въ римско-католическую вѣру своихъ языческихъ литовскихъ подданныхъ и сдѣлался главою какъ Польши, такъ и всей Литвы и западной Руси съ ея удѣльными князьями. Съ этихъ поръ начинается постепенное соединеніе великаго княже-

ства литовскаго съ Польшею и распространеніе католичества въ западной Руси въ ущербъ православію. Подручникъ Ягелла, братъ его Скыргайло, человѣкъ свирѣпый, получивши отъ Ягелла право на Полоцкъ, схватилъ находившагося тамъ князя Андрея Ольгердовича, и убилъ сына его; тогда другъ Андрея, Святославъ, смоленскій князь, сталъ мстить за Андрея и производилъ жестокія разоренія въ Литвѣ, но потомъ былъ разбитъ Скыргайломъ и его братьями и палъ въ битвѣ. Побѣдители хотя и дали княженіе въ смоленской землѣ сыну Святослава Юрію, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ подручникомъ Ягелла. Это было предвѣстіемъ дальнѣйшаго покоренія Смоленска: оно совершилось уже по смерти Димитрія (въ 1404 году), когда Витовтъ прогналъ князя Юрія и посадилъ въ Смоленскѣ своихъ намѣстниковъ. (При Димитріи Смоленскъ съ своею землею нѣсколько времени признавалъ первенство Москвы, но со вступленіемъ на княженіе Василія Москва надолго лишилась его).

Димитрій скончался 19 мая 1389 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Онъ оставилъ великимъ княземъ сына Василія, надѣлилъ другихъ сыновей удѣлами и обязалъ ихъ находиться подъ рукой старѣйшаго брата, великаго князя.

Княженіе Димитрія Донского принадлежитъ къ самымъ несчастнымъ и печальнымъ эпохамъ исторіи многострадальнаго русскаго народа. Безпрестанныя разоренія и опустошенія, то отъ внѣшнихъ враговъ, то отъ внутреннихъ усобицъ, слѣдовали одни за другими въ громадныхъ размѣрахъ. Московская земля, не считая мелкихъ разореній, была два раза опустошена литовцами, а потомъ потерпѣла нашествіе орды Тохтамыша; рязанская—страдала два раза отъ татаръ, два раза отъ москвичей и была приведена въ крайнее разореніе; тверскую—нѣсколько разъ разоряли москвичи; смоленская—терпѣла и отъ москвичей, и отъ литовцевъ; новгородская—понесла разореніе отъ тверичей и москвичей. Къ этому присоединялись физическія бѣдствія. Страшная зараза, отъ которой русская земля страдала въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка, наравнѣ со всею Европою, повторялась и въ княженіе Димитрія съ большою силою въ разныхъ мѣстахъ Руси. Въ 1363—64 годахъ она поражала Нижній-Новгородъ съ его волостью, потомъ Переяславль, Владиміръ, Тверь, Суздаль, Дмитровъ, Ростовъ, Можайскъ, Волокъ и другіе города. Изъ описаній признаковъ, сопровождавшихъ смерть пораженныхъ заразою, видно, что въ тѣ времена свирѣпствовало разомъ нѣсколько эпидемическихъ болѣзней. У однихъ больныхъ дѣлалась опухоль железъ на разныхъ частяхъ тѣла; у другихъ являлось кровохарканье;

гретьи чувствовали сперва жаръ, потомъ ознобъ. Смерть постигала больного обыкновенно въ теченіе одного или двухъ дней болѣзни; рѣдкіе доживали до третьяго дня. Живые не успѣвали хоронить мертвыхъ. Въ одну могилу приходилось сваливать по сту и полтораста труповъ. Въ Бѣлозерскѣ вымерли всѣ жители; земля опустѣла. Подобное бѣдствіе повторялось и въ другіе годы. Въ 1387 году, въ Смоленскѣ,—если только вѣрить разсказу лѣтописи, вѣроятно, преувеличенному,—былъ такой сильный моръ, что осталось всего пять человѣкъ, которые вышли изъ города и затворили за собою ворота. Вслѣдъ затѣмъ моръ поразилъ Псковъ, а потомъ Новгородъ. Къ заразѣ присоединялись неоднократныя засухи, какъ, напримѣръ, въ 1365, 1371 и 1373 г., которыя влекли за собою голодъ и, наконецъ, пожары — обычное явленіе на Руси. Если мы примемъ во вниманіе эти бѣдствія, соединявшіяся съ частыми разореніями жителей отъ войнъ, то должны представить себѣ тогдашнюю восточную Русь страною малолюдною и обнищалою. Самъ Димитрій не былъ княземъ, способнымъ мудростью правленія облегчить тяжелую судьбу народа; дѣйствовалъ ли онъ отъ себя или по внушеніямъ бояръ своихъ,—въ его дѣйствіяхъ виденъ рядъ промаховъ. Слѣдуя задачѣ подчинить Москвѣ русскія земли, онъ не только не умѣлъ достигать своихъ цѣлей, но даже упускалъ изъ рукъ то, что ему доставляли сами обстоятельства; онъ не уничтожилъ силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умѣлъ и поладить съ ними такъ, чтобъ они были заодно съ Москвою для общихъ русскихъ цѣлей; Димитрій только раздражалъ ихъ и подвергалъ напрасному разоренію ни въ чемъ неповинныхъ жителей этихъ земель; раздражилъ Орду, но не воспользовался ея временнымъ разореніемъ, не предпринялъ мѣръ къ оборонѣ противъ опасности; и послѣдствіемъ всей его дѣятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться передъ издыхающей Ордой.

ЮЖНАЯ РУСЬ

и

КАЗАЧЕСТВО ДО ВОЗСТАНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Статья вторая и послѣдняя.

Избраніе Владислава было чрезвычайно важною эпохою для православія, но преимущественно для казаковъ. Возстановленіе православной іерархіи было ихъ дѣломъ; оно совершено было прежде ими въ противность тогдашняго правительства, въ противность всей шляхетской націи и, однако, эта нація должна была признать ихъ смѣлое дѣло законнымъ. Новый король, нуждавшійся въ нихъ въ то время, потому что уже начиналась война съ Московскимъ государствомъ, показалъ къ нимъ самое благосклонное вниманіе [1]. Отпуская казацкихъ пословъ, 18-го ноября, онъ имъ далъ такое посланіе къ войску запорожскому: «Объявляемъ нашу королевскую милость старшому, атаманамъ и всѣмъ молодцамъ войска запорожскаго. Еще при жизни блаженной памяти нашего родителя мы видѣли отъ вашихъ милостей расположеніе къ нашей особѣ; въ разныхъ мѣстахъ вы жертвовали за насъ жизнію, и теперь, по смерти родителя нашего, продолжаете быть такими же и оказываете намъ неизмѣнную преданность. Мы принимаемъ это съ благодарностію и обѣщаемъ при всякомъ случаѣ сохранять въ своей памяти ваше мужество и расположеніе къ намъ. Такъ-какъ мы съ согласія чиновъ Короны польской и великаго княжества Литовскаго избраны, по волѣ Божіей, королемъ, чего желали и вы, то увѣрены, что, радуясь этому, вы будете намъ вѣрны и послушны, будете стараться вашею службою и рыцарскими подвигами, когда послѣдуетъ отъ насъ повелѣніе, заслужить нашу милость, и въ настоящихъ обстоятельствахъ Рѣчи Посполитой,

---

[1] Р. И. П. Б. IV. № 22.

какъ только позоветъ васъ коронный гетманъ противъ нашего непріятеля, не соблюдающаго присяги и мира, не станете медлить, а поспѣшите, по указанію, къ услугамъ намъ и Рѣчи Посполитой. Вы уже испытали нашу королевскую милость въ уравненіи правъ отцовъ вашей греческой вѣры съ отцами унитами, и на будущее время мы будемъ это поддерживать, а васъ за труды ваши обѣщаемъ вознаградить. Что касается до другихъ просьбъ, внесенныхъ вашими послами, предъ коронаціею, то мы оставляемъ ихъ, сообразно посполитому праву, до будущаго времени и разсудимъ о томъ съ панами сенаторами. Сколько позволитъ законъ и справедливость, вы не будете забыты милостію нашею. Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ, а мы, увѣряя васъ въ неизмѣнной нашей милости, желаемъ вамъ отъ Бога добраго здоровья».

Видно, что Владиславъ въ это время понялъ, какое важное значеніе могутъ имѣть казаки для королевской власти. Но королевское благоволеніе не могло ихъ защитить отъ вражды къ нимъ всего дворянства, которая усилилась съ этого времени: на казаковъ смотрѣли какъ на стихію опасную для республиканской свободы шляхетства, такую стихію, которою легко могъ воспользоваться монархизмъ, а его очень боялось шляхетство. Несмотря на то, что казачество выиграло въ томъ, что Рѣчь Посполитая признала возстановленную имъ православную іерархію, оно не могло быть довольно и съ этой стороны. Домогательство казаковъ участвовать на сеймахъ было отвергнуто и трудно было возобновлять его. Самая свобода греческой религіи должна была существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Владиславъ предоставлялъ равную свободу какъ унитамъ, такъ и православнымъ: казалось, что̀ могло быть справедливѣе? Но оказывалось, что за унитовъ было безъ малаго все дворянство Рѣчи Посполитой, а за православіе, кромѣ безгласной, порабощенной громады простого народа, небольшая часть дворянства, еще не успѣвшаго утратить вѣры отцовъ своихъ, да казаки, то-есть тѣ изъ народа, которые стремились вырваться изъ порабощенія, освященнаго закономъ и, слѣдовательно, стать на борьбу съ закономъ, властію, государствомъ. Пока унія, источникъ раздоровъ, раздвоявшій народъ русскій, не была уничтожена, всѣ льготы и привиллегіи православію не могли имѣть большой силы. Такъ-какъ сеймъ постановилъ однѣ церкви отдать православнымъ, другія унитамъ, то нужна была еще коммисія для разбора: какія церкви должны быть православными, и какія унитскими. Вмѣстѣ съ церквами, шла рѣчь и о церковныхъ имуществахъ. Это по-

вело къ спорамъ, въ которыхъ та сторона, за какую была сила шляхетскаго большинства, всегда брала верхъ. По челобитью русскихъ—говоритъ украинскій лѣтописецъ—никакого облегченія не получили [1]. Въ февралѣ 1633 года, во время коронаціи, примасъ, возлагая корону на Владислава, напомнилъ ему, что, получая корону и помазаніе отъ римско-католической церкви, король долженъ охранять и распространять римско-католическую вѣру и не считать всенароднымъ правомъ тѣхъ уступокъ, которыя онъ, для всеобщаго спокойствія, обѣщалъ еретикамъ [2]. Это показывало, что непринадлежащимъ къ римско-католическому исповѣданію надобно было ожидать всевозможнѣйшаго противодѣйствія со стороны духовенства, не считавшаго гражданскихъ постановленій обязательными для церкви. Въ послѣдній день коронаційнаго сейма прочитанъ былъ дипломъ, который король давалъ въ пользу православныхъ для успокоенія католиковъ: было сказано, что эта свобода имъ дается до будущаго сейма, и притомъ тогда только, если королевскій посолъ упроситъ на то соизволенія папы. Несмотря на такія условія, католики встрѣтили это съ негодованіемъ. Надобно было канцлеру приложить къ диплому печать. Коронный канцлеръ, самъ будучи духовнымъ лицомъ, отказалъ, король обратился къ литовскому Альбрихту Радзивиллу. Этотъ панъ прежде счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ своимъ духовнымъ отцомъ, и будучи приглашенъ королемъ, сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, потому что духовный отецъ не разрѣшаетъ ему. «Вашъ духовный отецъ — сказалъ ему Владиславъ—способенъ только поправлять часы (этимъ точно отличался духовникъ Радзивилла), а не его дѣло мѣшаться въ то, что̀ можетъ волновать Рѣчь Посполитую». — Я, сказалъ Радзивиллъ послѣ сильныхъ домогательствъ короля — во всемъ прочемъ повинуюсь вашему величеству, а тамъ, гдѣ идетъ дѣло о святой римско-католической вѣрѣ, не могу поступить противъ совѣсти никоимъ образомъ.— «Я вамъ ничего не дамъ», сказалъ выведенный изъ терпѣнія король.—«Какъ угодно вашему величеству», сказалъ Радзивиллъ, и сѣлъ на свое кресло. «Когда—сказалъ король—сдѣлается вакантная печать коронная или литовская, отдамъ ее еретику». Это очень поразило ревностныхъ католиковъ.

Но примасъ, хотя духовное лицо, а за нимъ епископы, угождая новому королю, брали на свои души грѣхъ выдачи диплома и упросили литовскаго подканцлера приложить печать къ

[1] Лѣт. Самовидца. 4.
[2] Pam. do panow. Żygm. T. 1. 203.

диплому, а за нимъ согласился и великій литовскій канцлеръ Радзивиллъ, но для охраненія своей католической репутаціи занесъ въ краковскія гродскія книги манифестацію, что онъ поступилъ такъ только въ качествѣ министра, а не по собственному убѣжденію, и притомъ присоединилъ оговорку, что дипломъ этотъ быть можетъ дѣйствителенъ единственно съ папскимъ согласіемъ.

На слѣдующемъ сеймѣ (1634) дозволено схизматикамъ отправлять свободно богослуженіе [1]. Католики-фанатики были очень недовольны. Но болѣе всего лишало силы по отношенію къ православію всѣ сеймовыя и королевскія распоряженія то, что дворянство русское продолжало покидать вѣру отцовъ и русскую народность. Защита православія, оказанная на сеймѣ дворянствомъ, не представляла ничего прочнаго, когда дѣти тѣхъ, которые тогда стояли за православіе и даже тѣ самыя лица, которыя числились православными, перешли въ католичество. Такъ, между прочимъ, православная церковь понесла большую потерю, когда отступилъ отъ нее князь Іеремія Вишневецкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ и неисчислимыхъ поселеній въ южнорусскомъ краѣ. Неудивительно, что эту потерю глубоко почувствовали ревнители православнаго благочестія. Къ намъ дошло письмо, писанное по этому поводу кіевскимъ митрополитомъ Исаіею, полное огорченія: «Милостивый князь! — взывалъ онъ къ отступнику—сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего христіанства исполнились скорбію, когда мы увидѣли, что ваша княжеская милость, вожделѣнная утѣха наша, отрекаетесь отъ древней греческой религіи, религіи вашихъ предковъ и родителей. Плачетъ и сѣтуетъ церковь Божія, мать наша, ибо ваша княжеская милость изволите презирать ее. Мы съ великимъ упованіемъ ожидали желаннаго утѣшенія, а обрѣли, сверхъ чаянія, печаль.... Всѣмъ намъ вѣдомо, милостивый князь, какими страшными клятвами, условіями, обязательствами, связала васъ относительно религіи родительница вашей княжеской милости, отходя отъ міра сего. На чью душу падетъ грѣхъ, Господь то знаетъ. Но мы знаемъ, что отцовская клятва сушитъ, а материнская искореняетъ. Какое утѣшеніе, какую пользу получаютъ тѣ, которые, для суеты сего ничтожнаго міра, отступаютъ отъ своей древней религіи? Развѣ не видимъ этого очами своими? Что у насъ творится? Спросилъ бы я всѣхъ — зачѣмъ отрекаются отъ древней греческой вѣры, зачѣмъ пренебрегаютъ ею? Если для мудрости

---

[1] Pam. Albr. Radziw. 1. 23.

міра сего, то мудрость міра есть глупость передъ Богомъ, по слову апостола. Если думаютъ убѣгать заблужденія, то, по милости Божіей, въ церкви христовой еще не найдено заблужденій и не можетъ найтись; скорѣе тамъ оно найдется, гдѣ каждый годъ что нибудь прибавятъ или убавятъ. Если же для славы міра сего,—то это маловажное дѣло!» Припомнивъ отступнику предковъ его, которымъ греческая религія не помѣшала быть славными въ исторіи, митрополитъ коснулся того побужденія, которое, дѣйствуя на легкомысленныхъ, болѣе всего располагало русскихъ дворянъ къ отступничеству. «Недоброжелательные наши противники—выражается митрополитъ — говорятъ, что греческая вѣра есть вѣра холопская. Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то и апостолы и патріархи и всѣ святые отцы восточной церкви, которыхъ мы почитаемъ великими — были холопской вѣры». Въ заключеніе митрополитъ, отъ имени всей церкви, умоляетъ князя обратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ и утѣшить всѣхъ, и пророчитъ ему, въ такомъ случаѣ, подъ сѣнію родительскаго благословенія благополучіе въ земной жизни и вѣчный животъ по кончинѣ [1]. Но то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Іеремія не только не возвратился къ вѣрѣ своихъ предковъ, но и сдѣлался свирѣпымъ гонителемъ ея. И никто изъ отступниковъ русскихъ дворянъ не возвращался назадъ. Православная церковь теряла родъ за родомъ и, по мѣрѣ того, какъ русскіе дворяне дѣлались измѣнниками и гонителями восточнаго православія, казаки дѣлались его единственными защитниками и мстителями.

Въ это время выступила въ нѣдрѣ русскаго православія энергическая личность. То былъ Петръ Могила. Митрополитъ Исаія Копинскій (который изъ архимандритовъ устинскаго монастыря принялъ этотъ санъ по смерти Іова Борецкаго въ 1631 году) послалъ этого человѣка, находившагося въ санѣ печерскаго архимандрита, на сеймъ ходатайствовать о свободѣ вѣры. Ученый, горячій, владѣвшій даромъ убѣжденія такъ же хорошо, какъ владѣлъ прежде мечомъ, когда служилъ въ войскѣ, вкрадчивый и хитрый, потомокъ молдавскихъ князей и, слѣдовательно, аристократъ по рожденію, этотъ человѣкъ во время сейма овладѣлъ умами своихъ единовѣрцевъ дворянъ, давалъ имъ совѣты, подвигалъ къ настойчивости, и такъ ихъ очаровалъ, что всѣ видѣли въ немъ залогъ спасенія вѣры. Престарѣлый Исаія всѣмъ показался неспособнымъ болѣе нести пастырское бремя; положили отрѣшить его и избрали Петра ми-

---

[1] Акты Зап. Росс. IV, 526.

трополитомъ. Король утвердилъ его. Тогда Петръ послалъ ректора кіевскихъ школъ Исаію Трофимовича въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ, а самъ отправился во Львовъ, и тамъ волошскій митрополитъ, по патріаршему соизволенію, посвятилъ его въ санъ кіевскаго митрополита. Петръ испросилъ у короля привиллегію на преобразованіе кіевской школы, находившейся при братскомъ монастырѣ, въ коллегію, и, пріѣхавъ въ Кіевъ, низвергъ Исаію Копинскаго и отправилъ его на смиренное пребываніе въ Печерскомъ монастырѣ [1]. Современный лѣтописецъ Ерличъ [2] повѣствуетъ, что это сдѣлано было очень грубо и жестоко. «Престарѣлаго и хвораго Исаію — говоритъ этотъ православный, но ополяченный дворянинъ—схватили въ одной волосяницѣ, положили на лошадь словно какой-нибудь мѣшокъ, повезли въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ, въ великой нищетѣ и униженіи, печально провелъ остатокъ жизни: это сдѣлано съ нимъ для того, чтобъ онъ не безпокоилъ Петра Могилы духовнымъ и свѣтскимъ судомъ и не искалъ правъ своихъ». По извѣстію того же лѣтописца, Петръ Могила былъ человѣкъ жадный и жестокій и истязалъ бичами монаховъ Николаевскаго монастыря, допрашивая у нихъ, гдѣ спрятаны монастырскія деньги. Нѣкоторые отъ его жестокости переходили въ унію. Но извѣстія Ерлича если могутъ быть справедливы, какъ сообразныя съ духомъ тогдашнихъ польскихъ нравовъ, то въ равной степени могутъ быть ложны или преувеличены, потому что самъ лѣтописецъ вообще мало соблюдалъ критики въ обращеніи съ тѣмъ, что до него доходило въ его время, да кромѣ того еще и потому, что Ерличъ, какъ дворянинъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ къ нимъ благосклоненъ и постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Ерличъ разсказываетъ, что митрополитъ отправилъ къ казакамъ печерскаго чернеца Никодима Силича, обвинивъ его въ наклонности въ уніи, а казаки у себя сдѣлали этому монаху казацкое увѣщаніе, продержавъ шестнадцать недѣль подлѣ пушекъ, а потомъ выпустили. По словамъ Грондскаго, [3] незадолго предъ смертію, Петръ Могила ободрялъ казаковъ къ возстанію. Было ли точно такъ или нѣтъ — во всякомъ случаѣ видно, что современное дворянство считало его благопріятелемъ казаковъ; этого было достаточно, чтобъ очернить имя его. Несомнѣнно, Петръ ока-

---

[1] Опис. Кіево-соф. соб. и ист. кіевск. іер. 170.
[2] Latop. Jerl. 1. 56.
[3] Hist. belli cos. polon. 51.

залъ важныя услуги православію. Онъ укрѣпилъ древнія стѣны Софійскаго храма, открылъ основаніе Десятинной церкви и возобновилъ ее, доставилъ благочестію предметы поклоненія древней святынѣ, напечаталъ нѣсколько нужныхъ для православія книгъ, но самая важная заслуга его была — открытіе коллегіи, перваго высшаго учебнаго заведенія въ русской землѣ, имѣвшаго важное вліяніе на развитіе умственнаго образованія русскаго народа въ грядущія времена [1].

По восшествіи на престолъ Владислава, началась война съ Московскимъ государствомъ. Казаки участвовали въ ней.

Въ числѣ рыцарей, заслужившихъ тогда похвалу отъ короля, по извѣстію одной малорусской лѣтописи [2], былъ Богданъ Хмельницкій, получившій отъ короля саблю за храбрость: черезъ двадцать-одинъ годъ послѣ того, онъ замѣтилъ, что сабля сія порочитъ Богдана. Но въ то же время, когда одни казаки воевали противъ москвитянъ, другіе ихъ братья отправились на Черное Море. Предводитель этой экспедиціи былъ Сулима. Казаки плавали по Азовскому Морю, воротились въ Черное, разграбили при устьѣ Днѣстра Аккерманъ, Килію и Измаилъ на устьѣ Дуная, грабили, раззоряли села и деревни [3]. Неизвѣстно, это ли событіе вооружило снова турокъ противъ Польши, или же оно не предваряло побѣга турокъ и татаръ на польскія владѣнія, но только во всякомъ случаѣ оно дало имъ поводъ оправдываться въ нарушеніи міра. Польское войско было занято войною въ Московіи; на южныхъ границахъ стоялъ Конецпольскій съ небольшимъ отрядомъ войска: обстоятельство это обѣщало туркамъ большія выгоды. Абазъ-паша, правитель Бессарабіи, родомъ русинъ, ренегатъ, вторгнулся съ татарами въ польскія области; это полчище ограбило и разорило окрестности Каменца и ушло въ Молдавію. Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ, стоявшій близь Бара, погнался за ними: въ войскѣ его были и казаки, вездѣ поспѣвавшіе воевать. Орда была разсѣяна. Конецпольскій сталъ у Каменца. Въ октябрѣ 1633 года Абазъ-паша аттаковалъ его и, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, ушелъ и началъ возбуждать турецкое правительство къ войнѣ съ Польшею. Между тѣмъ московское правительство искало содѣйствія Турціи противъ Польши [4]. Польскій посолъ Тршебинскій пріѣхалъ для объясненій къ Константинополь и былъ принятъ сухо. Дворъ жаловался на нарушеніе міра, указывая на новые казац-

[1] Пам. кіевск. ком. II. 1. 103.
[2] Сказ. о Гетм. укр. до Богд. Хм.
[3] Лѣт. пов. о Мал. Росс. 141.
[4] Pam. do pan. Żygm. III. I. 222.

кіе разбои по морю. Падишахъ требовалъ дани отъ поляковъ. Ничто (говоритъ турецкій историкъ) не могло удержать падишаха отъ предпріятія вести войну. Невѣрнымъ отказали въ мірѣ, и только по великодушію, польскому послу возвратиться въ отечество [1]. Въ Адріанополѣ падишахъ назначилъ уже шегріара (главнокомандующаго) на предстоящую войну. Но войны на этотъ разъ не было.

Поляки поспѣшили помириться съ Московскимъ государствомъ. Поляновскій договоръ прекратилъ войну. Польскіе историки говорятъ, что падишахъ тогда склонился къ миру потому, что не надѣялся болѣе на союзъ съ московскимъ государствомъ [2].

Восточные писатели помѣщаютъ это событіе въ 1633 году и говорятъ, что 28 шевала (13 апрѣля) падишахъ получилъ извѣстіе, что ляхи, занятые войною съ москвитянами, желаютъ отдаться съ покорностію на волю падишаха [3], но это извѣстіе несправедливо, ибо война поляковъ съ москвитянами началась только въ октябрѣ 1633 года. Польскіе историки помѣщаютъ это событіе въ 1634 году. Стоя въ Адріанополѣ, падишахъ, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія, послалъ Шагинь-агу въ Польшу для объясненій; послѣдній прибылъ въ Варшаву въ іюлѣ 1634 г. [4]. По восточнымъ источникамъ [5] польскій король изъявилъ согласіе быть покорнымъ волѣ падишаха, а польскій историкъ говоритъ, что турецкій посолъ объяснилъ, что нападеніе Абазъ-паши сдѣлано безъ воли падишаха и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на казацкіе разбои [6]. Положили, что падишахъ накажетъ Абазъ-пашу, а поляки усмирятъ казаковъ; на этихъ условіяхъ заключили мирный договоръ. Со стороны Оттоманской Порты дано обѣщаніе удержать татаръ отъ нападеній на Польшу и наказывать ихъ; польское же правительство обязалось совершенно изгнать казаковъ съ днѣпровскихъ острововъ [7].

Султанъ, въ знакъ своей справедливости, приказалъ казнить смертью Абазъ-пашу, какъ виновника раздора.

Полякамъ надлежало теперь принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію казацкихъ морскихъ походовъ, для взаимнаго спокойствія какъ Польши, такъ и Турціи. Собственно забота о

---

[1] Collect. 87.
[2] Pam. do pan. Żygm. III. I. 227.
[3] Collect. 193.
[4] Pam. do pan. Żygm. III. I. 227.
[5] Collect. 193.
[6] Pam. do pan. Żygm. III. I. 228.
[7] Collect. 124. 190.

преграждении пути казакамъ изъ Днѣпра въ Черное море падала не на поляковъ, а на турокъ, потому что устьемъ Днѣпра владѣли послѣдніе. Давно уже была построена крѣпость Очаковъ съ сосѣдними укрѣпленіями для того, чтобъ можно было обстрѣливать устье Днѣпра и не допускать казаковъ выходить въ море. Но въ началѣ XVII-го вѣка отъ плохой поддержки эти укрѣпленія разсыпались. Въ 1626 году турецкое правительство занялось возобновленіемъ и поправкою устьднѣпровскихъ укрѣпленій: назначили построить двѣ крѣпости на обѣихъ сторонахъ Днѣпра [1]. По извѣстію Боплана, видѣвшаго это мѣсто въ 1635 году [2], Очаковъ вмѣщалъ въ себѣ до двухъ тысячъ жителей, имѣлъ укрѣпленный замокъ съ якорнымъ мѣстомъ для галеръ, которыя стояли тамъ для укрощенія казаковъ. На югъ отъ Очакова былъ другой замокъ, обстрѣливавшій Днѣпръ, а на другомъ берегу башня, гдѣ турецкая стража давала знать галерамъ о тревогѣ. Наконецъ, для большей безопасности, были протянуты поперегъ Днѣпра цѣпи. Казаки, по выраженію Боплана, смѣялись надъ этими средствами. Составивъ флотилію изъ чаекъ и достигнувъ близости устья, казаки скрывались въ камышахъ, верстахъ въ двадцати (въ трехъ или четырехъ миляхъ) отъ турецкихъ галеръ и дожидались темныхъ ночей предъ новолуніемъ, и тогда прокрадывались посреди турецкихъ галеръ. Иногда они рубили толстыя деревья и пускали съ сучьями по водѣ прямо на цѣпи, протянутыя чрезъ рѣку, а сами кричали; турки, не видя ночью ничего, но замѣчая, что цѣпи трогались, полагали, что это казацкія чайки, наткнулись на цѣпи и палили по нимъ усердно, а тѣмъ временемъ казаки проплыли, извиваясь между шхерами [3]. Ихъ грабежи и раззоренія не обходились даромъ; часто турецкія галеры гнались за ними въ погоню, иногда удавалось казакамъ уклониться отъ опасности и потомъ напасть въ расплохъ и одержать верхъ, но часто они терпѣли пораженія. На возвратномъ пути они умѣли безопасно достигнуть Днѣпра — Словуты, какъ они называли эту рѣку на своемъ поэтическомъ языкѣ. На востокъ отъ Очакова былъ заливъ, близь котораго находилась низкая лощина; казаки входили въ этотъ заливъ, и оттуда по лощинѣ переносили свои суда съ добычею въ Днѣпръ; двѣсти или триста человѣкъ несли каждую чайку [4]. Чтобъ укрощеніе казацкихъ разбоевъ было дѣйствительнѣе, надобно было воспрепятствовать стекаться бѣглецамъ изъ Украины

---

[1] Ibid. 182.
[2] Опис. Укр. Бопл. 9.
[3] Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. I. 48.
[4] Опис. Укр. Бопл. 67.

въ Запорожье и для того уничтожить народонаселеніе южно-днѣпровскаго края. Это падало на поляковъ.

Съ этою цѣлью коронный гетманъ Конецпольскій въ 1635 г. заложилъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ; трудъ этотъ возложенъ на французскаго офицера Левассёра де-Боплана, автора любопытнаго описанія Украины. Мѣсто выбрано было выше пороговъ, ниже Самары и Князева острова [1]. Въ новопостренной крѣпости поставленъ гарнизонъ, подъ начальствомъ француза полковника Маріона [2].

Въ августѣ того же года, изъ морскаго похода возвращался Сулима. Казаки увидѣли небывалый замокъ. Сулима бросился на него въ расплохъ; казаки перебили весь гарнизонъ, не пощадивъ и командира.

Важныя событія готовились въ Украинѣ; имъ предшествовала, по замѣчанію русскаго лѣтописца, большая радуга на западѣ [3].

Онъ не пускалъ казаковъ не только воевать, но даже ловить рыбу и держалъ въ крѣпости человѣкъ двадцать схваченныхъ молодцевъ.

Донесли Конецпольскому о поступкѣ Сулимы. Новое возмущеніе поднималось. Сулима стоялъ гдѣ-то въ окопахъ, вѣроятно, по обычаю всѣхъ возмущавшихся гетмановъ, скликая къ себѣ толпы. Къ нему пришли реэстровые казаки. Ихъ посланецъ явился къ предводителю возстанія. «Ляхи хотятъ насъ всѣхъ истребить. Примите насъ къ себѣ: будемъ защищаться вмѣстѣ», говорилъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поляки начали проводить рѣзкую черту между реэстровыми и нереэстровыми; и первыхъ, только въ маломъ числѣ, почитали за законное сословіе, а послѣднихъ за своевольныхъ, между реэстровыми и нереэстровыми возникло недовѣріе. Послѣдніе были изъ простонародія, и самовольство дѣлало ихъ казаками. Реэстровые хотя часто соединялись съ ними, но всегда такое соединеніе навлекало на нихъ неудовольствіе и гоненіе правительства. «Присягните намъ, что у васъ нѣтъ дурнаго умысла», сказали имъ.

Они присягнули. Вооруженная толпа ихъ, многочисленнѣе той, которая была подъ начальствомъ Сулимы, вступила въ окопы [4]. Они были подосланы Конецпольскимъ [5]. Для избѣжанія кровопролитія, хотя бы и безполезнаго для нереэстровыхъ, но всетаки не безвреднаго для реэстровыхъ, реэстровые въ другой

[1] Ibid. 19.
[2] Львск. лѣт. Жур. Мин. Нар. Пр. 1838. Апр.
[3] Сказ. о Гетм. до Богд. Хм.
[4] Львовск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. Апр.
[5] Опис. Укр. Бопл. 20.

разъ поклялись, что старшинамъ не будетъ ничего дурнаго. Но потомъ Сулиму съ пятью старшинами заковали въ цѣпи. Осенью ихъ отправили въ Варшаву на сеймъ. Сеймъ этотъ происходилъ въ ноябрѣ 1635 года. Турецкій и татарскій посланники находились уже въ Варшавѣ и жаловались на казаковъ. «Если хотите мира съ нами (говорили они), скорѣе чините судъ и расправу надъ злодѣями; нынѣшній годъ уже пять разъ ходили на море! Шесть старшинъ были приговорены къ смерти»; львовская лѣтопись говоритъ, что четыремъ отрубили головы [1]. Литовскій канцлеръ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ говоритъ [2], что Сулимѣ отрубили голову, потомъ разрубили его тѣло на четыре части и развѣсили на четырехъ концахъ города. Передъ казнію, онъ просилъ похоронить съ нимъ золотой образъ, который папа Павелъ V когда-то прислалъ ему за то, что онъ, разбивши турецкую галеру, послалъ въ даръ папѣ триста плѣнныхъ турокъ. Радзивиллъ говоритъ, что Сулима обратился въ католичество, но это не помогло ему, и онъ долженъ былъ подвергнуться той же участи, какъ и его товарищи, оставшіеся въ православіи.

Реэстровые получили похвалу отъ короля за то, что не пристали къ Сулимѣ и выдали непослушныхъ. Въ видѣ милости положили увеличить казацкое сословіе еще одною тысячью, но за то, кромѣ ихъ, никому не дозволяли именоваться казакомъ, и всѣхъ выписанныхъ изъ реэстровъ и не попавшихъ туда, несмотря на самовольное принятіе на себя казацкаго званія, обязывали повиноваться панамъ, въ имѣніяхъ которыхъ они жили. Тогда паны жестоко наказывали непокорныхъ. Гетманъ Конецпольскій получилъ предписаніе разставить кварцяное войско въ Украинѣ; жолнеры обращались съ народомъ грубо и своевольно. Ми-сь-мо людъ рицерськи — кричали украинцы — тому сь мо не привикли; то намъ не звичай!» Но и реэстровые казаки также не удовольствовались похвалами; имъ не платили жалованья и только водили обѣщаніями, притомъ же ихъ хотѣли держать въ рукахъ. Кварцяное войско, по приказанію короннаго гетмана, заняло Корсунъ, который, по старому обычаю, былъ мѣстомъ для казацкой арматы (артиллеріи). Одинъ изъ начальниковъ польскихъ отрядомъ, сынъ подольскаго воеводы, вошелъ въ Корсунъ и расположилъ свой отрядъ и свою челядь въ домахъ жителей, считавшихъ себя уже издавна казаками, и сверхъ того насильственно овладѣлъ мѣстечками: Бузыномъ, Вороне, Пивами и Лозами, которыми издавна владѣлъ кіевскій Николаевскій мона-

[1] Львск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. Апр.
Опис. Укр. Бопл. 20.

стырь. Это раздражило реэстровыхъ: связь съ выписчиками и вообще съ народомъ не могла быть подавлена сословными интересами до такой степени, чтобъ неудовольствіе народа не находило отголоска въ реэстровыхъ казакахъ.

Въ 1636 г. казаки обратились съ жалобами къ королю; посланниками ихъ были сотники: черкасскій—Барабашъ, и чигиринскій — Зиновій-Богданъ Хмельницкій.

Тогда посредникомъ между казаками и правительствомъ выступилъ Адамъ Кисель, ораторъ за православіе на сеймахъ. Онъ считалъ себя искуснымъ дипломатомъ. Переговариваясь съ казаками, онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ расположеніи, назначалъ имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили, назначалъ другіе, между тѣмъ завелъ между ними шпіоновъ, ссорилъ между собою старшинъ, подкупалъ подарками, и, такимъ образомъ, тянулъ время. Простые казаки собирались составить чернецкую (т.-е. изъ черни, безъ старшинъ) раду, а за подобными радами слѣдовали у казаковъ возмущенія. Кисель всѣми мѣрами ихъ удерживалъ отъ этого и водилъ обѣщаніями. Старшимъ, какъ титуловали его поляки, или гетманомъ, какъ величали его сами казаки, былъ у нихъ тогда Василь Томиленко, патріотъ, прямодушный простакъ, управляемый лукавымъ писаремъ своимъ Онушкевичемъ, угодникомъ Киселя и пановъ. Дождавшись до праздника св. Иліи срока, указаннаго Киселемъ для уплаты казакамъ жалованья, и не получивши этого жалованья, казаки не рѣшались собирать, какъ грозили, чернецкой рады, въ которой могли участвовать уже и не казаки, а неопредѣленное число поспольства. Они принудили своего старшаго созвать на рѣкѣ Русавѣ вальную (генеральную) раду, въ которой, при старшинахъ, участвовали всѣ простые реэстровые казаки. Кисель, узнавши объ этомъ, отправился туда самъ.

То было въ первыхъ числахъ августа 1636 года.

«Намъ обѣщали деньги въ маѣ» — говорили казаки — «а не доставляютъ и въ августѣ; мы много потерпѣли, оставаясь безъ денегъ; на море намъ ходить не позволяютъ, а мы оттуда получали себѣ пропитаніе; мы и братьевъ своихъ воевали и непокорныхъ выдали подъ мечъ его величества, и за то теперь отъ урядовъ и подстаростъ переносимъ утѣсненія и оскорбленія; и денегъ намъ не даютъ». Старшины безуспѣшно пытались усмирить волненіе. Одни кричали: идемъ на Запорожье, а оттуда на море! Другіе кричали: идемъ на города, на уряды (власти), которые насъ обижаютъ! Вырвали изъ рукъ у Томиленка камышину и хоругвь и кричали: собирать чернецкую раду! Но этотъ шумъ произвели выписчики, которые затесались

на раду; реэстровые были умѣреннѣе и, послѣ нѣсколькихъ часовъ шума, Киселю удалось уговорить ихъ подождать до праздника Рождества Богородицы.

«Будемъ еще ждать — сказали наконецъ реэстровые — да только, если намъ не заплатятъ и тогда нашего жалованья, и не удовлетворятъ за тѣ обиды, которыя намъ дѣлали уряды, такъ мы заберемъ армату и уйдемъ на Запорожье».

Послѣ того прошелъ еще мѣсяцъ. Денегъ не было. «Съ казаками — писалъ тогда Кисель къ коронному гетману — могутъ удаться три способа: они уважаютъ духовныхъ греческой религіи и любятъ богослуженіе, хотя сами больше походятъ на татаръ, чѣмъ на христіанъ; вовторыхъ, на нихъ дѣйствуетъ страхъ королевскаго имени, а втретьихъ, они любятъ взять тамъ, гдѣ можно достать. Сообразно этому, я употребилъ съ ними три способа». Кисель обдаривалъ старшинъ и наобѣщалъ ихъ потомству разныхъ благъ и правъ, потомъ убѣдилъ митрополита послать къ казакамъ двухъ игуменовъ, и тѣ уговаривали лыцарей именемъ православной вѣры не подниматься изъ-за корысти на Рѣчь Посполитую и не навлекать бѣды на церковь, мать свою. Наконецъ, Кисель составилъ фальшивое письмо отъ короля къ себѣ и послалъ его Томиленку, показывая видъ, что дѣлаетъ это не по обязанности, а изъ расположенія къ казацкой старшинѣ. Въ этомъ письмѣ отъ лица короля высказывались укоры казакамъ за то, что они, не довѣряя королевскому обѣщанію, собирались устроивать чернецкую раду и бѣжать на Запорожье; слѣдовали затѣмъ увѣренія въ непремѣнной присылкѣ денегъ, а потомъ угрозы въ случаѣ непокорства и непослушанія. Посылая копію съ такого письма, Кисель совѣтовалъ казакамъ отправить депутатовъ на предстоящій сеймъ и просить огражденія отъ обидъ, сохраненія своихъ правъ и исправной уплаты жалованья.

Но эти уловки не предупредили волненія. Осенью, не дождавшись жалованья, чигиринскій полкъ взбунтовался и выступилъ къ Крылову; прочіе полки еще колебались. Но изо всѣхъ полковъ собирались охотники идти на Запорожье, съ тѣмъ, чтобы оттуда выплыть на море; выписчики толпами приставали къ реэстровымъ и сообщали имъ мятежный духъ. Казаки снова установились въ Корсунѣ, когда имъ было это запрещено, и армата перенесена была въ Черкасы по приказанію коронпаго гетмана, потомъ захватили четыре кіевскихъ пушки, взяли свою армату изъ Черкасъ и перевезли въ Крыловъ.

Но морской походъ въ этомъ году не состоялся: ограничились выходомъ нѣсколькихъ чаекъ. Наступила осень; время было не-

удобное для плаванія по Черному морю. Притомъ же казакамъ предстояла надежда воевать и съ дозволенія правительства. Крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, которые, находясь подъ начальствомъ мурзъ Кантемировъ, не повиновались хану, и въ то же время были врагами Польши, безпрестанно дѣлая нападенія на польскія области. По этому поводу, крымскій ханъ вошелъ съ Польшею въ дружескія сношенія и правительство дозволяло казакамъ подать ему помощь. Посланникъ Рѣчи Посполитой Дзершекъ повезъ хану обычные упоминки и на дорогѣ прибылъ къ казакамъ, которымъ было приказано проводить его. Сначала его приняли не слишкомъ доброжелательно. «Не годится — говорилъ ему Томиленко — чтобъ ваша милость везъ упоминки хану, когда еще не уплачено жалованье казакамъ: для хана у васъ деньги есть, а для казаковъ ихъ нѣтъ!» Однако, Дзершекъ былъ отпущенъ, когда казакамъ блеснула надежда на войну; толпа удальцовъ отправилась помогать хану: то были все выписчики и запорожцы. Ими предводительствовалъ Карпъ Павловичъ Гудзанъ, носившій у казаковъ прозвище Павлюкъ и подъ этимъ прозвищемъ извѣстный въ исторіи. Одна малорусская лѣтопись говоритъ, что его звали также Павлюкъ Баюнъ, и Полурусъ, потому что онъ былъ крещеный турокъ. По извѣстію современнаго стихотворца-историка, этотъ удалой казакъ служилъ уже прежде у крымскаго хана и помогалъ ему противъ донскихъ казаковъ при взятіи Азова. Онъ былъ участникомъ Сулимы и, по просьбѣ канцлера, избавился отъ казни. Съ этимъ предводителемъ отправились къ хану подобные ему удальцы. Но были и такіе, которые въ то время пошли на войну съ цѣлію не помогать хану, а разорять его подданныхъ, пользуясь тѣмъ, что изъ Крыма вышла съ ханомъ военная сила.

Эти обстоятельства удержали казаковъ и отъ похода на море и отъ возстанія на нѣкоторое время. Старшины уговорили тѣхъ, которые были посмирнѣе и оставались дома, подождать, и отправили на сеймъ просьбу, чрезъ тѣхъ же сотниковъ, какъ и прежде: черкасскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго—Зиновія-Богдана Хмельницкаго.

Требованія ихъ въ этой просьбѣ были умѣренны и касались болѣе одного реэстроваго сословія. Покоряясь постановленіямъ кураковской коммисіи, хотя всегда несносной для казаковъ, лыцари просили только, чтобъ имъ отдали задержанное по ихъ разсчету за четыре года жалованье, чтобъ коммисія, которая пріѣдетъ для пересмотра реэстра, вписывала, на мѣсто убылыхъ товарищей, другихъ по желанію казаковъ, чтобъ армата

ихъ содержалась на казенный счетъ и имъ вольно было посылать на селитренные заводы за порохомъ и въ рудокопни за желѣзомъ для починки орудій. О своихъ утѣсненіяхъ отъ пановъ они писали такъ: «не довольно того, что выгоняютъ насъ изъ шляхетскихъ имѣній, не допускаютъ насъ жительствовать и въ имѣніяхъ вашего величества, и Богъ вѣдаетъ, сколько уже казаковъ ушло съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ московской землѣ. Прогоняютъ съ безчестіемъ пословъ нашихъ; не оказываютъ намъ правосудія, не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не позволяютъ продавать и покупать горилки, пива и меда, даже на свадьбы и крестины нельзя намъ приготовлять напитковъ, да притомъ еще паны старосты между собою ссорятся, другъ на друга наѣзжаютъ, а намъ, казакамъ, достается: насъ бьютъ; дворы, оставшіеся послѣ казаковъ, умершихъ на службѣ его величества, хотя и должны были оставаться съ казацкими правами, но свидѣтель панъ подкоморій Черниговскій, что какъ только не станетъ на свѣтѣ какого-нибудь товарища, такъ тотчасъ старосты и подстаросты ограбятъ его имущество, а вдову выгонятъ изъ дома, и стариковъ, которые уже, по дряхлости, негодны къ службѣ, не уважаютъ, грабятъ и обижаютъ».

На такую просьбу казаки получили очень непріятный отвѣтъ. Считая слѣдуемое казакамъ жалованье только за три года, а не за четыре, имъ, отъ имени короля, отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, въ правѣ покупать мѣста въ городахъ для поселенія и, ради сохраненія выгодъ владѣльцевъ, въ правѣ приготовлять себѣ напитки, объявляли, что въ казацкіе реэстры на будущее время будутъ записываться только тѣ, которые будутъ угодны старостамъ, по представленію послѣднихъ, а не по желанію самихъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялся казакамъ выговоръ за самовольное вторженіе въ Корсунъ, за неудовольствія, распространившіяся въ войскѣ, и строго подтверждалось, чтобъ ни одна чайка не осмѣливалась появляться на морѣ, а всѣ, невошедшіе въ реэстръ, должны служить панамъ безпрекословно.

Въ апрѣлѣ 1637 года прибыли къ казакамъ коммисары Станиславъ Потоцкій и Адамъ Кисель вмѣстѣ съ скарбовымъ писаремъ, который привезъ жалованье казацкому войску. Когда собрали раду, то сразу увидали, что на нее собралось, вмѣсто того числа, въ какомъ должны были состоять реэстровые, болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Замѣтили, сверхъ того, что деньги не успокоятъ казаковъ, что ихъ просьбы о жалованьѣ болѣе предлогъ къ неудовольствіямъ, имѣющимъ другіе источники.

Надобно было исключить лишнихъ—сдѣлать *выписъ*, но коммисары не рѣшились приступить къ этому, боясь, чтобъ тотчасъ не сдѣлалось открытаго бунта. Произвели только *пописъ*, тоесть записку въ реэстръ семи тысячъ человѣкъ; это продолжалось нѣсколько дней сряду. Наконецъ, третьяго мая снова собрали всѣ полки на вальную раду. Казаки подняли шумъ, требовали возвратить имъ Корсунъ для арматы, не хотѣли отдавать назадъ четырехъ захваченныхъ ими кіевскихъ пушекъ. Коммисары не въ силахъ были ихъ успокоить, и только дали имъ совѣтъ обратиться снова къ королю съ просьбою объ этомъ, а сами отговаривались тѣмъ, что должны исполнять данную имъ инструкцію. Наконецъ, велѣно было казакамъ присягнуть. «Зачѣмъ насъ заставляютъ присягать — закричали казаки — мы уже прежде присягали и сохраняемъ присягу».

Тутъ Потоцкій обратился къ нимъ съ такою энергическою рѣчью:

«Напрасно волнуетесь, паны молодцы; еслибы пришлось Рѣчи Посполитой извлечь мечъ противъ васъ, она извлечетъ его и изгладитъ самое имя ваше. Пусть на этихъ мѣстахъ обитаютъ дикіе звѣри въ пустыняхъ вмѣсто мятежнаго народа. Вы уйдете на Запорожье. Что же изъ этого? Женъ и дѣтей своихъ оставите здѣсь; стало быть нужно будетъ воротиться, и тогда придется подклонить головы подъ мечъ Рѣчи Посполитой. Если же вы стращаете насъ, что уйдете куда-нибудь подалѣе — на Донъ, напримѣръ, такъ это неправда. Днѣпръ—ваше отечество. Другаго Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь — свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра, — чей Днѣпръ, того и казаки! Теперь, прощайте, мы ѣдемъ къ его величеству и скажемъ, что вы бунтуете».

Нѣкоторые изъ казаковъ расчувствовались такъ, что прослезились. Томиленко положилъ свою булаву и камышину и сказалъ:

«Челомъ бью всему войскому запорожскому. Возвращаю урядъ свой».

Съ этими словами онъ удалился изъ рады.

Казаки стояли въ недоумѣніи, и не знали что̀ имъ дѣлать: выбирать ли новаго старшаго, или просить прежняго принять снова свое достоинство. Сторона Томиленки одержала верхъ. Казаки позвали своего гетмана и убѣждали его не покидать уряда. «Не хотимъ измѣнять его величеству и Рѣчи Посполитой», сказали они: — «но пусть прежде панъ коронный гетманъ присягнетъ».

«Панъ коронный гетманъ прежде васъ не будетъ присягать», отвѣчали коммисары.

Смятеніе продолжалось до вечера; наконецъ, казаки присягнули, поднявши пальцы кверху, на основаніи кураковскаго договора. Какого-то Грибовскаго, который кричалъ отважнѣе всѣхъ, Томиленко приказалъ приковать къ пушкѣ. Онъ потомъ убѣжалъ изъ войска и скрылся на Запорожьѣ.

Послѣ этой рады, Кисель писалъ къ коронному гетману, что для того, чтобы держать казаковъ въ послушаніи — лучшее средство имѣть въ казацкомъ войскѣ шпіоновъ, и зная все, что̀ у нихъ дѣлается, подкупать, при надобности, старшинъ, но постоянно ссорить ихъ между собою, чтобъ не допустить между казаками единства и согласія. Черезъ нѣсколько недѣль оказалось, что мѣры эти не всегда бываютъ дѣйствительными.

Павлюкъ воротился съ войны, въ которой, по его выраженію, казаки съ малыми силами побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля. Услыхавши, что̀ творится на Украинѣ, онъ, съ толпой удалыхъ, налетѣлъ на Черкасы, забралъ тамъ орудія и увезъ на Запорожье. «Тутъ имъ слѣдуетъ быть!» сказалъ онъ.

Томиленко оставался въ нерѣшимости. Душою онъ былъ приверженъ къ казацкой свободѣ и склоненъ былъ пристать къ Павлюку; но какъ человѣкъ старый, не видѣлъ и не надѣялся успѣха: реэстровые казаки смотрѣли на возстаніе двусмысленно; только самые отважные и молодые не скрывали сочувствія къ поступку выписчиковъ. Томиленко извѣстилъ короннаго гетмана о поступкѣ Павлюка и счелъ приличнымъ въ своемъ донесеніи отозваться съ огорченіемъ о панѣ канцлерѣ, по милости котораго Павлюкъ остался въ живыхъ. Томиленко не скрывалъ, что съ реэстровымъ войскомъ легко было отбить армату у Павлюка, который налетѣлъ на нее съ двухсотеннымъ отрядомъ, но извинялся тѣмъ, что слушался приказаній короннаго гетмана, запретившаго казакамъ ссориться между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Томиленко отправилъ къ Павлюку двухъ казаковъ съ совѣтомъ покориться и возвратить взятыя орудія.

16-го іюня Павлюкъ отвѣчалъ Томиленку изъ Микулина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сичъ; онъ писалъ, что казаковъ огорчило безчестіе, нанесенное казацкой арматѣ, и казаки, по милости Божіей, не сдѣлавъ никому оскорбленія, перенесли ее на приличное для ней мѣсто, въ Запорожье, гдѣ предки ихъ прославились своими подвигами; притомъ же пребываніе арматы въ волостяхъ требуетъ ея содержанія, которое падаетъ на бѣдныхъ жителей, и безъ того уже отягощенныхъ постоемъ квар-

цянаго войска, вопреки кураковской коммисіи, потому что жолнерамъ не слѣдуетъ занимать квартиръ далѣе Бѣлой Церкви. «Сознайтесь, писалъ Павлюкъ, когда армата наша стояла въ волостяхъ, то и выписы были часты, изъ шляхетскихъ имѣній выгоняли или подчиняли панской юрисдикціи нашихъ товарищей и вдовъ казацкихъ, а чуть какой-нибудь казацкій товарищъ провинится, паны уряды клевещутъ на цѣлое войско передъ короннымъ гетманомъ, а коронный гетманъ передъ его величествомъ». Павлюкъ отказывался возвратить орудія, выражаясь, что мертваго изъ могилы назадъ не носятъ, и приглашалъ, напротивъ, всѣхъ реэстровыхъ прибыть къ нимъ съ остальными орудіями. «Но сохрани васъ Боже, прибавлялъ Павлюкъ, если вы захотите быть нашими врагами и, вмѣстѣ съ жолнерами, поднимете руки на женъ и дѣтей нашихъ и на наши имущества: ваши жены, дѣти и имущества достанутся намъ въ руки, прежде, чѣмъ наши вамъ: но мы этого вовсе не хотимъ; у насъ и у васъ одна родная земля, и лучше намъ жить заодно въ братствѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Павлюкъ разослалъ по Украинѣ универсалъ, которымъ призывалъ весь народъ въ казачество. «Всякъ, кто пожелаетъ быть казакомъ, — было сказано въ немъ — не долженъ быть принужденъ къ подданству панамъ». Подобныя приглашенія были какъ нельзя болѣе по сердцу русскому народу въ Украинѣ; многіе, услышавъ ихъ, тотчасъ бѣжали въ Запорожье. Томиленко продолжалъ оставаться въ нерѣшимости, не отправлялъ назадъ павлюковыхъ посланцевъ, присланныхъ къ нему съ письмомъ, и сообщилъ коронному гетману объ универсалѣ, которымъ Павлюкъ бунтуетъ народъ. 9-го іюля Павлюкъ написалъ Томиленку другое письмо, требовалъ возвращенія своихъ посланцевъ, по прежнему убѣждалъ реэстровыхъ соединиться съ выписчиками въ одно тѣло, такъ чтобъ столицею казачества была Сичъ: тамъ бы находилась казацкая армата, тамъ бы жили старшины, а казаки могутъ проживать гдѣ кому угодно— въ Сичѣ ли, или въ Украинѣ,—въ селахъ и хуторахъ, съ своими семьями занимаясь хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ — пойдутъ ли къ нему реэстровые или нѣтъ, Павлюкъ просилъ дать ему извѣстіе, когда кварцяные жолнеры двинутся на него съ оружіемъ.

Сочувствіе къ Павлюку и его выписчикамъ возрастало между реэстровыми. Томиленко все еще не смѣлъ раздѣлять его явно, но и не противодѣйствовалъ ему. Тогда угодники панской власти, вѣроятно, дѣйствуя по наущенію Киселя, старавшагося, по собственному его признанію, производить между казаками раз-

доры, подобрали кружокъ казаковъ, собрали раду на рѣкѣ Русавѣ и потребовали къ себѣ Томиленка. Тамъ низложили его съ достоинства и дали старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ великоруссу, преданному панскимъ видамъ. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ отрѣшили ненадежныхъ старшинъ и замѣстили ихъ другими лицами, настроенными и подкупленными заранѣе. Писарь Онушкевичъ, должно быть заправлявшій этогою интригою, остался въ своемъ званіи при новомъ старшомъ. Окончивъ свое дѣло, послали къ коронному гетману утвержденія новоизбраннаго казацкаго начальника.

Конецпольскій утвердилъ его, но утвержденіе не застало въ живыхъ Савву Кононовича.

Вѣсть о переворотѣ передана была въ Сичу скорѣе, чѣмъ коронному гетману.

Павлюкъ, услышавъ, что Томиленка замѣнилъ Кононовичъ, немедленно вышелъ съ своими выписчиками, сталъ кошемъ у Крылова и отправилъ въ Переяславль отрядъ, по извѣстію одного современнаго дневника польскаго, подъ начальствомъ чигиринскаго полковника Карпа Скидана и Семена Быховца.

Посланный отрядъ переправился черезъ Днѣпръ, ночью ворвался въ Переяславль внезапно, когда тамъ никому не снилось о такомъ посѣщеніи. Схватили Савву Кононовича, писаря Хведора Онушкевича и новопоставленныхъ старшинъ, заковали и повезли за Днѣпръ; все это сдѣлано было съ такою быстротою, что переяславскіе казаки не спохватились отстаивать свое наначальство. Въ Крыловѣ, на радѣ, поставили узниковъ посреди майдана, по казацкому обычаю, выговорили имъ преступленія ихъ противъ войска, измѣну казацкому дѣлу и казнили. Кононовича и Онушкевича разстрѣляли; другихъ предали смерти инымъ способомъ.

По всему видно, къ этому событію относится народная пѣсня о Савѣ Чаломъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ украинской поэзіи; это можно предполагать въ особенности по тѣмъ варіантамъ, въ которыхъ измѣнника Саву не убиваютъ, какъ въ другихъ варіантахъ, казаки тотчасъ же въ его собственномъ домѣ, а везутъ въ кандалахъ и предаютъ смерти на казацкой радѣ.

Та же рада, которая, состоя изъ выписчиковъ, судила Савву Кононовича и другихъ старшинъ реэстроваго казацкаго войска, провозгласила казацкимъ гетманомъ Карпа Павловича Гудзана или Павлюка. Томиленко, добровольно уступая ему старшинство, остался его товарищемъ и другомъ.

Но въ ту же ночь, когда выписчики такъ ловко схватили

Савву съ нѣкоторыми единомышленниками, другіе изъ послѣднихъ успѣли убѣжать: главнымъ изъ ускользнувшихъ былъ реэстровый товарищъ Ильяшъ Караимовичъ, родомъ армянинъ, какъ говоритъ о немъ украинская лѣтопись, а можетъ быть еврей караимъ, какъ можно судить по его прозвищу. Онъ такъ былъ ловокъ и счастливъ, что не только спасся самъ, но еще схватилъ и увезъ съ собою двухъ казаковъ изъ отряда, приходившаго въ Переяславль за Саввою—Смольчугу и Ганжу, и доставилъ ихъ коронному гетману. Тамъ, подъ пыткою, эти два плѣнника сообщили полякамъ подробное извѣстіе о томъ, что затѣвали мятежники. Своевольно составленныя шайки—показывали они—будутъ нападать на домы шляхетскихъ особъ и казаковъ, преданныхъ Рѣчи Посполитой; уже нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограбили; уже нѣкоторые бѣжали изъ своихъ имѣній. Будутъ жечь костёлы и убивать католическихъ духовныхъ, искоренять унію, думаютъ соединиться противъ поляковъ съ донскими казаками, наконецъ, думаютъ отдаться московскому царю и признать его государемъ надъ всею Украиною. Другіе удальцы бѣгутъ въ Запорожье и тамъ строятъ чайки, чтобъ выходить на море. Такія недобрыя вѣсти принесли Конецпольскому плѣнные казаки Смольчуга и Ганжа.

Стоя тогда въ Барѣ, Конецпольскій задумалъ прежде заманить къ себѣ Павлюка съ товарищами хитростію, и послалъ къ нему двухъ ротмистровъ, Комаровскаго и Сокола: чрезъ нихъ онъ извѣщалъ Павлюка, что Рѣчь Посполитая ожидаетъ войны съ Турціею, приглашалъ, по этому поводу, явиться къ нему въ войско и вмѣстѣ съ тѣмъ отпустить схваченныхъ, какъ онъ узналъ, въ Переяславлѣ старшинъ.

Обращаясь такъ снисходительно съ мятежниками, Конецпольскій 3-го сентября издалъ универсалъ ко всѣмъ старостамъ, подстаростамъ, державцамъ, намѣстникамъ владѣльцевъ и вообще ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ (урядамъ) въ Украинѣ, и въ этомъ универсалѣ говорилось такъ: «Всѣхъ тѣхъ, которые пристали къ мятежникамъ и не воротятся на свои мѣста жительства, не считая казаками, присылайте ко мнѣ, а если ихъ нельзя будетъ поймать, то карайте ихъ женъ и дѣтей, истребляйте ихъ жилища: пусть лучше крапива растетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, чѣмъ будутъ распложаться измѣнники короля и Рѣчи Посполитой».

Павлюкъ, оставаясь съ своимъ войскомъ подъ Крыловымъ, 21-го сентября послалъ Конецпольскому два отвѣта: одинъ былъ отъ него, другой отъ писаря войсковаго Стефана Домарадскаго.

Павлюкъ представлялъ совершенное имъ дѣло въ такомъ видѣ: Нѣсколько десятковъ человѣкъ, безъ вѣдома и согласія всего войска, составили раду на рѣкѣ Русавѣ и низложили со старѣйшинства заслуженнаго и почтеннаго Василія Томиленка, отставили достойныхъ и почтенныхъ старшинъ и полковниковъ, дали начальство человѣку недостойному и неспособному и чужеземцу москвитину Саввѣ, выбрали такихъ-же какъ онъ старшинъ. Савва самовольно забралъ пушки, принадлежавшія Трехтемировскому монастырю, и слѣдовательно, посягнулъ на церковное достояніе, называлъ запорожцевъ и выписчиковъ измѣнниками, грозилъ идти на нихъ съ своими единомышленниками и искоренить ихъ, дѣлалъ народу разныя оскорбленія. Это побудило насъ къ тому, что мы послали схватить Савву съ его единомышленниками, судили и казнили по своему обычному войсковому праву. — «Мы бы рады были — писалъ писарь — по требованію вашей милости выпустить Савву, только это трудно: онъ убитъ; невозможно было удержать войска». Павлюкъ увѣрялъ коронпаго гетмана, что выписчики взяли пушки и завезли на Запорожье въ тѣхъ видахъ, чтобы, сообразно желанію правительства, не пропускать своевольныхъ людей на Черное море, изъявлялъ свою готовность служить королю и Рѣчи Посполитой, порицалъ прежнихъ гетмановъ, допускавшихъ татаръ причинять въ Украинѣ опустошенія, и въ доказательство своей бдительности и способности охранять край, прислалъ нѣсколько плѣнныхъ татаръ, взятыхъ недавно при погромѣ своевольнаго татарскаго загона, появившагося въ украинскихъ предѣлахъ. Что касается до требованія коронпаго гетмана явиться къ нему, подъ предлогомъ ожидаемой войны, то Павлюкъ на это отвѣчалъ, что пусть прежде коронный гетманъ пришлетъ ему отъ имени короля знаки — хоругвь, булаву, бунчукъ, бубны, ссылаясь на старинный обычай, по которому польскіе короли всегда такъ поступали съ казаками, когда призывали ихъ на войну. Иными словами — это значило, чтобы польское правительство утвердило Павлюка въ званіи казацкаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ признало бы казаками всю толпу бѣглыхъ хлоповъ, стекавшихся къ нему въ неопредѣленномъ числѣ, а слѣдовательно тѣмъ не только уничтожалась кураковская коммисія, которою поляки такъ дорожили, но совершенно подрывались бы права старостъ и дѣдичныхъ пановъ въ Украинѣ, ибо каждый подданный могъ тогда самовольно назваться казакомъ и панъ терялъ право и надъ его личностію и надъ его имуществомъ и наконецъ надъ своею землею, которая составляла грунтъ, данный непокорному хлопу: по тогдашнему народному понятію

тотъ участокъ земли, на которомъ сидитъ и который обрабатываетъ земледѣлецъ, былъ его достояніемъ во всякомъ случаѣ. Вдобавокъ, въ письмѣ писаря требовалось возвращеніе свободы Смольчугѣ и Ганжѣ, какъ невиннымъ людямъ.

Конецпольскій отвѣчалъ казакамъ, что, требуя себѣ знаковъ, подобно тому, какъ нѣкогда получали короли съ казаками, они нарушаютъ обязанность подданныхъ и осмѣливаются предписывать законы своему государю; коронный гетманъ повелѣвалъ собственно казакамъ быть послушными не тому старшому, кого они сами выберутъ, а тому, кого имъ дадутъ, и пребывать въ границахъ повиновенія, указанныхъ кураковскимъ договоромъ. Онъ оправдывалъ Савву Кононовича и его товарищей и выражался такъ: «невинная кровь вашихъ товарищей и старшинъ вопіетъ объ отмщеніи и повергнетъ васъ въ гибель. Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на ваши своевольства, но болѣе не станетъ ихъ сносить; она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно кураковскому договору, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить ваши своевольства, но истребить навсегда имя казацкое».

Послѣ такого отвѣта Павлюку не оставалось ничего, какъ вступить въ открытую вражду съ поляками. Оставаться въ предѣлахъ кураковскаго договора значило оставить народъ, стекавшійся къ нему, на произволъ панству; по кураковскому договору, казацкое званіе принадлежало однимъ реэстровымъ, а реэстровые набирались по рекомендаціи старостъ и подстаростъ и недавно были приведены въ опредѣленный комплектъ, слѣдовательно, выписчикамъ, изъ которыхъ состояло павлюково войско, не было уже мѣста. Павлюкъ и его товарищи не только не могли оставаться при тѣхъ должностяхъ, которыя себѣ они присвоили, но еще должны были ожидать наказанія отъ польской власти за убійство Саввы, которое отнюдь не оправдывалось короннымъ гетманомъ, какъ того домогался-было Павлюкъ. Въ этихъ видахъ Павлюкъ издалъ универсалъ, призывающій всю Украину къ вооруженію.

Универсалъ этотъ во многихъ копіяхъ былъ разосланъ въ города, мѣстечки, села: казакамъ, посланнымъ съ нимъ, велѣно спѣшить день и ночь.

Содержаніе универсала было таково:

«Карпъ Павловичъ Гудзанъ, полковникъ войска его королевскаго величества, старшой на всей Украинѣ и на Заднѣпріи. Панамъ атаманамъ городовымъ и всему товариществу нашему,

жительствующему какъ въ городахъ его королевскаго величества такъ и въ княжескихъ, шляхетскихъ и всему вообще посполитому народу рода христіанскаго, жительствующему въ Украинѣ, на Заднѣпріи и во всей Сиверщинѣ: желаемъ отъ Бога добраго здоровья и во всемъ счастливаго благополучія. Дошло до насъ вѣрное извѣстіе, что непріятели нашего христіанскаго народа русскаго и нашей древней греческой вѣры, ляхи, задумавши зло и забывши страхъ Божій, идутъ въ Украину и за Днѣпръ и хотятъ какъ войско его королевскаго величества, такъ и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ обратить въ ничто, пролить кровь христіанскую, учинить поруганіе надъ женами и дѣтьми нашими и окончательно насъ поработить; поэтому именемъ моимъ и старшинства моего и именемъ всего войска запорожскаго повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, отъ мала до велика, кто только называетъ себя товарищемъ и хранитъ святую благочестивую истинную вѣру, покинувши всѣ свои занятія, и немедленно собирались ко мнѣ. Поручаю васъ Богу. Изъ Лубы. 11-го октября 1637 года».

Это воззваніе нашло себѣ въ то время особенно воспріимчивую почву. Кромѣ того, что южнорусскій народъ всегда радъ былъ возможности подняться на пановъ,—въ этотъ годъ былъ неурожай и вслѣдствіе его настала дороговизна; бѣдняки голодали; священники, по причинѣ дороговизны хлѣба, разрѣшали въ постъ ѣсть мясо, а голодъ, какъ извѣстно, всегда наилучшій товарищъ народнымъ мятежамъ. На призывъ Павлюка прежде всего и охотнѣе всѣхъ отозвались на лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ-называемыя новыя слободы, населенныя бѣглецами съ правой стороны; они искали тамъ избавленія отъ панской юрисдикціи и отъ панщины, но не могли найти этого на долгое время нигдѣ, куда только досягалъ строй Рѣчи Посполитой. Эти слободы расположены были вдоль Днѣпра до Кременчуга и ниже; изъ оныхъ поселеній жители первые стали прибѣгать къ Павлюку. Вслѣдъ затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ стали собираться шайки; закричали: на свободу, на свободу! — говоритъ современникъ, — зашумѣла въ кабакахъ горилка, одни спѣшили къ Павлюку и Скидану, другіе стали расправляться съ шляхтою и съ жидами. Нападетъ такая шайка на панскій дворъ, ограбятъ державцовъ или ихъ намѣстниковъ, отнимаютъ у нихъ камышины, знаки власти, даютъ имъ въ руки въ насмѣшку кіи и приказываютъ доставлять себѣ одежду, лошадей, запасы, порохъ, оружіе. Владѣльцы получали отъ полковника Скидана увѣщанія не препятствовать своимъ подданнымъ идти въ казаки. Въ имѣніяхъ Киселя образовалась

сильная шайка подъ начальствомъ Мурки и Носка. Кисель убѣжалъ. Сосѣди его бѣжали.

Самъ Павлюкъ, по написаніи универсала, отправился въ Сѣчъ, а въ Украинѣ остался Скиданъ, избранный въ достоинство чигиринскаго полковника на радѣ, избравшей Павлюка старшимъ.

Съ своей стороны Конецпольскій, услышавъ о смятеніи, приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стянуть войско, разставленное по квартирамъ на правой сторонѣ Днѣпра. Потоцкій приказалъ отрядамъ собираться въ Паволочь, куда прибылъ и самъ. Но пока войско собралось, наступилъ ноябрь. Прошелъ срокъ платежа жалованья. Жолнеры стали требовать уплаты, иначе отказывались отъ службы и грозили составлять конфедераціи. Кромѣ жалованья, ихъ волновала еще и другая причина: многихъ изъ нихъ, за своевольства и безчинства, требовали къ суду; придираясь къ жалованью, они хотѣли, чтобы за то, что они согласятся ждать, имъ дали экземпты, т.-е. изъятія отъ суда. Вѣсть о такомъ безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ придала бодрости русскимъ. Скиданъ, называя себя опекуномъ всей Украины, продолжалъ разсылать во всѣ стороны универсалъ за универсаломъ — и къ народу, и къ реэстровымъ казакамъ, призывалъ всѣхъ, кто только хочетъ быть товарищемъ, спѣшить какъ возможно скорѣе и на конѣ и пѣшкомъ добывать правъ и свободы противъ *душмановъ* ляховъ, враговъ вѣры. Въ Нѣжинѣ, староствѣ Потоцкаго, русскіе, составлявшіе городскую стражу, отказали старостѣ въ повиновеніи, покидали свои знамена, привлекли къ себѣ толпу сосѣднихъ хлоповъ и ушли къ Скидану. Возстаніе охватило Вишневеччину—средину тогдашней лѣвобережной Украины, названной такъ отъ находившихся тамъ имѣній, принадлежавшихъ князьямъ Вишневецкимъ. Въ Полтавѣ организовался отрядъ подъ предводительствомъ Остранина, подобный отрядъ шелъ къ Скидану изъ Гадяча. На правой сторонѣ Днѣпра полки чигиринскій, а на лѣвой переяславскій первые изъ реэстровыхъ перешли на сторону возстанія. Остальные еще колебались: Скиданъ грозилъ имъ смертію, если они не пристанутъ къ нему. Народное негодованіе уже постигало всякаго, кто не сочувствуетъ общему дѣлу. Но съ другой стороны близость польскаго войска держала въ страхѣ правобережную Украину: 26-го ноября Потоцкій издалъ къ реэстровымъ универсалъ, приказывалъ ловить мятежниковъ и самимъ присоединяться къ войску! «Если же будетъ иначе—кончалъ онъ свой универсалъ—то знайте, что ваши жены и дѣти погибнутъ и вы сами падете подъ мечами войска его королевскаго величества». Когда польское войско собралось въ Паволочи, корсунскій полкъ,

устрашенный угрозами Потоцкаго, прислалъ изъявленіе покорности и готовности бить мятежниковъ; но потомъ, когда услыхали казаки, что въ польскомъ войскѣ безладица, корсунцы перешли къ Скидану и онъ назначилъ въ Корсунѣ раду на 29-ое ноября. Бѣлоцерковскій полкъ сначала покорился, когда Потоцкій прибылъ въ Бѣлую церковь: казаки вышли къ нему на встрѣчу, кланялись до земли въ знакъ покорности. Потоцкій сначала по начальнически накричалъ на нихъ, а потомъ приказывалъ склонять къ повиновенію казаковъ другихъ полковъ. Но когда онъ уѣхалъ изъ Бѣлой церкви въ Паволочь, бѣлоцерковцы, ободренные слухомъ о безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ, ушли къ Скидану. За ними Кіевскій полкъ ушелъ къ нему же по Днѣпру. Русскіе, полагая большую надежду на безладицу, возникшую между поляками, стали роптать на Павлюка, зачѣмъ онъ остается долго въ Сичѣ и пропускаетъ удобное время напасть на враговъ. Назначенная Скиданомъ въ Корсунѣ рада была нестройная, шумная и притомъ на нее явилось немного, кричали противъ Скидана и Павлюка. Скиданъ ушелъ изъ Корсуна въ Мошны и оттуда 4-го декабря пустилъ еще универсалъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Карпъ Скиданъ, полковникъ и опекунъ всей Украины. Панамъ молодцамъ, черни войска запорожскаго, товарищамъ и братьямъ моимъ милымъ, даю вамъ знать, что я послалъ васъ звать на корсунскую раду, но увидѣлъ, что васъ мало послушныхъ. Теперь, зная, что ляхи наступаютъ войною и на вѣру нашу, и на вольность нашего войска, приказываю подъ смертною казнію, чтобы всѣ и пѣшіе и конные поскорѣе собирались въ Мошны давать отпоръ бездушнымъ непріятелямъ нашимъ».

Со дня на день ожидали русскіе Павлюка съ нетерпѣніемъ и начинали уже терять надежду, и поговаривали даже, что Павлюкъ не прідетъ, а останется въ Запорожьѣ; но Павлюкъ наконецъ явился съ запорожцами. Причина его медленности объяснилась. Онъ сносился съ крымскимъ ханомъ, которому оказалъ недавно услугу, и умолялъ его подать помощь казакамъ, но ханъ отказалъ казакамъ и сообщилъ о томъ польскому правительству, выставляя свое доброжелательство къ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, Павлюкъ, ожидая ханскаго отвѣта, дѣйствительно пропустилъ драгоцѣнное время, когда польское войско страдало неурядицей и легко было, напавши внезапно, побить его. Потоцкій, между тѣмъ, утишилъ волненіе между своими жолнерами, убѣдилъ ихъ ждать жалованья три недѣли, и когда они

успокоились, выступилъ съ войскомъ въ Корсунъ. Оставшіеся тамъ жители изъявили передъ поляками покорность. По украинскимъ извѣстіямъ, жолнеры опустошали и предавали поруганію церкви, умерщвляли жонъ и дѣтей. «Все это хлопская неправда», говорили послѣ поляки о такихъ извѣстіяхъ. Потоцкій прежде, чѣмъ расправляться оружіемъ съ мятежниками, написалъ къ нимъ универсалъ, гдѣ убѣждалъ ихъ сжалиться надъ собственною кровью, опомниться и просить прощенья и пощады, пока еще остается время и возможность получить милосердіе отъ короля. «Но мои просьбы—писалъ послѣ того Потоцкій—не смягчили ихъ упрямства. Они болѣе вѣрили въ универсалы Скидана, которые летали повсюду одинъ за другимъ». Скиданъ, на универсалъ Потоцкаго, отвѣчалъ ему: «Казаки уже не дозволятъ болѣе выписывать себя, уменьшать свое сословіе да дурачить себя коммисіями». «Нечего дѣлать, сказалъ Потоцкій—кто словъ не слушаетъ, того побоями вразумляютъ».

Передъ вечеромъ 5-го (15) декабря польское войско перешло рѣку Рось черезъ Шахновъ мостъ, направляясь къ деревнѣ Кумейкамъ. Передовой отрядъ, подъ начальствомъ Лаща, въ числѣ тысячи пятисотъ человѣкъ, отдѣлился отъ главнаго корпуса войска и пошелъ впередъ для взятія языковъ. Онъ подходилъ къ самымъ Мошнамъ, гдѣ стояло казацкое войско, схватилъ тамъ нѣсколько языковъ, но одинъ изъ его солдатъ перебѣжалъ къ казакамъ и разсказалъ имъ, что еще нѣсколько польскихъ хоругвей не успѣли примкнуть къ своему войску и идутъ позади. Павлюкъ, по этому извѣстію, задумалъ обойдти польское войско, завладѣть переправой на рѣкѣ Роси и перерѣзать путь заднимъ хоругвямъ. Казаки всѣмъ таборомъ пошли вслѣдъ за Лащомъ, который поспѣшно присоединился къ своему войску. Пойманные имъ языки объявили, что у Павлюка и Скидана около двадцати тысячъ и они дожидаются на помощь съ съ лѣвой стороны Днѣпра ополченія подъ начальствомъ кіевлянина Кизима. Пушекъ у нихъ восемь.

По этимъ вѣстямъ Потоцкій приказалъ немедленно выступать. Польское войско двинулось впередъ таборомъ, состоявшимъ изъ возовъ, поставленныхъ въ десять рядовъ.

6-го (16) декабря поляки увидали казацкое войско, которое заходило имъ въ бокъ. Кисель, русскій по происхожденію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воздыханій, увидя своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. «Славные люди—говорилъ онъ — какъ смѣло, какъ бодро идутъ на смерть! Зачѣмъ идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ христова креста!»

«Сегодня день русскаго Николая! говорили нѣкоторые: — св. Николай—патронъ нашего гетмана. Счастливое предзнаменованіе!

— Не могу долѣе терпѣть хлопскаго нахальства, сказалъ Потоцкій, и приказалъ ударить на казаковъ.

Хлопы зажгли деревню Кумейки: они думали, что дымъ будетъ безпокоить поляковъ, и ошиблись: вѣтеръ дулъ на казаковъ.

Стремительно бросилась на казаковъ польская пѣхота, грянули пушки, понеслось пять конныхъ хоругвей одна за другою, и во мгновеніе—доносилъ послѣ того Потоцкій—едва успѣешь прочитать «Ave Maria» (радуйся благодатная Марія), поляки прошибли казацкій таборъ въ двухъ мѣстахъ. Считая себя уже побѣдителями, поляки кричали: «сдайтесь! сдайтейсь! Просите милосердія!» Хлопы въ отвѣтъ имъ кричали: «не сдадимся ляхамъ! Одинъ на одномъ свои головы положимъ». Часть казацкой конницы тотчасъ убѣжала; польская конница погналась на нею, но не догнала, только нѣкоторыхъ изрубила въ погони. Пѣшіе русскіе изъ частей разбитаго табора состроили тѣснѣйшій, и защищались отчаянно. Потоцкій приказалъ зажечь сѣно на казацкихъ возахъ; огонь дошелъ скоро до пороха, лежавшаго на другихъ возахъ; лишенные пороха, русскіе отбивались оглоблями, дугами, осколками телегъ, и чуть какому-нибудь поляку приходилось упасть съ лошади, тотчасъ хлопы на него бросались и терзали поляка на части, хотя вслѣдъ затѣмъ налетали на хлоповъ поляки и изрубливали ихъ въ куски. Ожесточенная рѣзня длилась до сумерокъ. Вечеромъ изстрѣленные, изрубленные недобитки покинули побѣдителямъ шесть пушекъ и ушли къ заднимъ; тамъ изъ остатковъ табора составили еще тѣснѣйшій таборъ, и поставили свои двѣ оставшіяся у нихъ пушки. Потоцкій намѣревался всю ночь освѣщать ихъ, по собственному его выраженію, а между тѣмъ, послалъ къ нимъ предложеніе, чтобъ они сдались и просили милосердія.

Отвѣта не было. Поляки стали палить, но съ казацкой стороны не послѣдовало ни одного выстрѣла.

Тогда Потоцкій самъ поѣхалъ по разбитому казацкому табору, и среди труповъ, валявшихся въ изобиліи, наткнулся на раненыхъ, которые сказали ему, что казаки, пользуясь темнотою, ушли со всѣмъ таборомъ къ Боровицѣ, оставивши своихъ раненыхъ на произволъ судьбы. Казацкія лошади, пораженныя польскими пулями, метались въ разныя стороны безъ сѣдоковъ.

Вслѣдъ затѣмъ явилось къ польному гетману нѣсколько

реэстровыхъ; они просили прощенія, увѣряли, что находились въ казацкомъ таборѣ поневолѣ, предлагали свои услуги и просили, чтобъ имъ позволили, вмѣстѣ съ поляками, преслѣдовать своихъ пораженныхъ единовѣрцевъ. «Вы не прежде можете служить отечеству, какъ очистившись, напередъ, присягою», отвѣчалъ имъ польный гетманъ.

Позволивъ своему войску отдохнуть, Потоцкій еще разъ послалъ къ казакамъ универсалъ: именемъ короля обѣщалъ онъ имъ прощеніе, если они раскаятся и начнутъ просить милосердія; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ поступить такъ, какъ ему Богъ положитъ на сердце, и какъ укажетъ долгъ рыцарской отваги. Къ этому универсалу приложилъ свое посланіе Кисель: онъ совѣтовалъ казакамъ выдать зачинщиковъ возстанія, и ручался, что король даруетъ имъ прощеніе.

На другой день Потоцкій послалъ своего племянника, Станислава Потоцкаго, впередъ; тотъ дошелъ до Боровицы надъ Днѣпромъ, и узналъ, что изъ-за Днѣпра подходитъ казакамъ новое подкрѣпленіе.

Тогда польный гетманъ двинулъ свой обозъ къ Мошнамъ по грустному полю казацкаго погрома, гдѣ на снѣжной равнинѣ пестрѣли багровыя полосы крови, и куда только можно было окинуть взоромъ, по полю, болоту, по лѣсу, вездѣ виднѣлись человѣческія тѣла, отрубленныя головы, руки, ноги, лошадиные трупы, осколки возовъ, брошенное оружіе, обгорѣлыя бревна деревни Кумеекъ. Когда поляки ушли далѣе, хлопы похоронили тѣла русскихъ воиновъ, и насыпали—говоритъ современникъ—надъ ними высокія могилы на память грядущимъ временамъ, дабы знали потомки, что подъ ними лежатъ казацкія головы, павшія въ несчастный день св. Николая, покровителя земли Русской.

Въ казацкомъ таборѣ подъ Боровицей было неладно. По разбитіи казаковъ подъ Кумейками, Скиданъ и другой полковникъ, Чечуга, увидали, что дѣло ихъ пропадаетъ: не желая доставаться панамъ, и, надѣясь сохранить себя для будущаго возстанія, они убѣжали. Павлюкъ оставался на мѣстѣ, и думалъ перенести обозъ на лѣвый берегъ и подкрѣпить себя свѣжими силами. Но тутъ пришли въ казацкій таборъ универсалъ Потоцкаго и посланіе Киселя. Реэстровые возмутились, взваливали всю бѣду на Павлюка, кричали, что онъ ихъ подвелъ, взбунтовалъ обѣщаніями, а самъ ушелъ въ Сичу, и тамъ пропустилъ удобное время. Нашлись ораторы, которые доказывали, что слѣдуетъ выдать полякамъ Павлюка; этимъ можно загладить вину свою, а сопротивляться долѣе и безразсудно и безполезно.

Ихъ сталъ удерживать одинъ изъ старшинъ, Дмитро Томашевичъ-Гуня, котораго совѣту и распорядительности казаки одолжены были тѣмъ, что ушли изъ-подъ Кумеекъ. Казаки провозгласили его своимъ старшимъ, и взяли подъ стражу Павлюка и Томиленка. Гуня не взялъ на себя старшинства цѣною выдачи полякамъ прежнихъ предводителей. Казаки избрали какого-то Снирскаго.

(10-го) 20-го декабря Потоцкій появился подъ Боровицею.

Поляки дали залпъ по казакамъ.

Выписчики стали-было отвѣчать выстрѣлами, но реэстровые выкинули мирное знамя, и послали сказать Потоцкому, что они готовы просить милосердія и выдадутъ зачинщиковъ.

Потоцкій обѣщалъ имъ помилованіе, но съ условіемъ, если они приведутъ къ нему Павлюка, Скидана, Томиленка и прочихъ старшинъ.

Выписчики бросились бѣжать: одни по степи, другіе къ Днѣпру, и многіе тутъ же утонули въ Днѣпрѣ, потому что, по причинѣ теплой зимы, Днѣпръ дурно замерзъ. Тогда убѣжали Гуня и полковникъ Хвилоненко. Реэстровые привели къ Потоцкому скованными Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого. «А гдѣ же Скиданъ?» закричалъ на нихъ Потоцкій. «Нема, дмухнувъ кудись!» отвѣчали реэстровые. Вмѣсто нихъ чигиринцы представляли двухъ сотниковъ своего полка: Кузю и Курила, которые недавно отличались тѣмъ, что сожгли нѣсколько шляхетскихъ усадьбъ и перебили въ нихъ хозяевъ. «Знать не хочу! кричалъ Потоцкій:—чтобъ мнѣ былъ Скиданъ: даю вамъ три дни срока; доставьте его или живаго, или мертваго!»

(14-го) 24-го декабря польный гетманъ приказалъ собраться казакамъ на раду, и выслалъ къ нимъ коммисаровъ, своего племянника и Киселя. Когда эти коммисары прибыли въ назначенное мѣсто надъ Днѣпромъ, казацкіе довбиши взяли бубенъ польскаго гетмана и ударили въ него, созывая раду. Явились ихъ тысячи. Коммисары говорили имъ рѣчь:

«Вы сдѣлали преступленіе, которому подобнаго не было на свѣтѣ отъ вѣка-вѣковъ; вы не только подняли руки свои на войско вашего государя, но еще хотѣли привлечь на насъ татаръ: мы объ этомъ получили подробное извѣстіе. Все мы знаемъ. Такъ ли?»

Казаки подтвердили, что дѣйствительно Павлюкъ сносился съ ханомъ.

«За такую измѣну — продолжали коммисары — вы сами себѣ подписали приговоръ собственною вашею кровью; вы въ

бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ вольности, право избирать изъ среды себя старшихъ, погубили и самое имя казацкое. Теперь у васъ долженъ быть уже иной порядокъ. Если вамъ даруется жизнь, то это вы должны приписать великодушію его величества короля къ побѣжденнымъ».

Впереди стоялъ избранный казаками старшій.

Коммисары сказали ему:

«Положи бунчукъ, булаву, печать, всѣ полковники и старшина тоже положите ваши знаки; вамъ дадутся другіе начальники».

Избранные начальники повиновались.

«Слѣдуетъ — продолжали коммисары — повѣрить реэстры, чтобъ узнать: кто изъ васъ погибъ; дѣти измѣнниковъ не будутъ включены въ казацкіе ряды, но это будетъ на вальной радѣ, которая соберется послѣ того, какъ о васъ сдѣлается постановленіе на сеймѣ, а до того времени вы будете слушать пана Ильиша Караимовича и повиноваться ему во всемъ».

Вмѣстѣ съ Караимовичемъ назначены были въ полки полковниками люди, такъ же, какъ и онъ, преданные правительству, но только временно, до сеймоваго постановленія, а въ заключеніе казакамъ велѣли присягнуть; казаки все исполнили, и дали отъ себя присяжный листъ, достопамятный тѣмъ, что онъ былъ подписанъ Богданомъ Хмельницкимъ, бывшимъ въ это время войсковымъ писаремъ. Въ дневникѣ современника Окольскаго (источника, впрочемъ, не вездѣ безукоризненной вѣрности) присяжный листъ этотъ приведенъ въ такомъ видѣ:

«Мы, наинижайшіе подножки его королевской милости нашего милостиваго пана, свѣтлѣйшаго сената и всей Рѣчи Посполитой, нашихъ милостивцевъ вѣрные подданные: Левко Будновскій и Лютай—войсковые асаулы, полковники: черкасскій Яковъ Гегнивый, канѣвскій—Андрей Лагода, чигиринскій—Григорій Хомовичъ, корсунскій—Максимъ Нестеренко, переяславскій — Ильяшъ Караимовичъ, бѣлоцерковскій—Ячына, яблоновскій—Терешко, судьи: Богданъ и Каша, и писарь Богданъ Хмельницкій, затѣмъ всѣ сотники, атаманы и братія чернь, молодцы войска его королевской милости запорожскаго, на будущія времена даемъ сіе свидѣтельство какъ для насъ, такъ и для нашихъ потомковъ, на вѣчную память о карѣ нашихъ преступленій противъ непобѣдимаго величества его королевской милости нашего милостиваго пана и всей Рѣчи Посполитой, и о милосердіи надъ нами. По наущенію старшихъ своихъ, мы, забывъ кураковскій договоръ, написанный нашею кровью по-

рядокъ, установленный въ войскѣ запорожскомъ г. великимъ коронньмъ гетманомъ краковскимъ каштелляномъ Станиславомъ на Конецполѣ Конецпольскимъ и нашу присягу, сначала недостойно убили старшину нашу, данную намъ на русавской радѣ именемъ его королевской милости гг. королевскими коммисарами, черниговскимъ подкоморіемъ и носовскимъ старостою Адамомъ изъ Брусилова Киселемъ, и брацлавскимъ воеводичемъ полковникомъ его королевской милости Станиславомъ изъ Потока Потоцкимъ, сдѣлавъ набѣгъ на Черкасы, взяли тамъ запорожскую армату, а потомъ, сверхъ постановленнаго по реэстру съ дозволенія его королевской милости и Рѣчи Посполитой, числа семи тысячъ казаковъ, набравши къ себѣ поспольство (простонародіе), дерзнули съ старшимъ своимъ Павлюкомъ вступить въ битву съ короннымъ войскомъ, состоящимъ подъ начальствомъ ясновельможнаго пана брацлавскаго воеводы польнаго короннаго гетмана, присланнымъ для укрощенія нашего несчастнаго бунта. На полѣ битвы, между Мошнами и Кумейками, Господь Богъ совершилъ надъ нами свой справедливый приговоръ: таборъ нашъ былъ отъ короннаго рыцарства разорванъ, артиллерія наша взята, мы утратили знамена, камышины и всѣ отъ давнихъ временъ заслуженныя отличія, полученныя отъ ихъ милостей королей и Рѣчи Посполитой, большая часть нашего войска пала въ битвѣ, а остатокъ его г. ясновельможный гетманъ догналъ подъ Боровицею, по справедливому суду божію, осадилъ, осыпалъ окопами, и хотѣлъ истребить приступомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибли прежніе старшины; тогда мы всѣ, бывшіе съ нашимъ старшимъ въ боровицкой осадѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ до конца не пролилась христіанская кровь и головы наши могли еще быть полезны Рѣчи Посполитой, просили ясновельможнаго польнаго короннаго гетмана о милосердіи, чрезъ посредство ихъ милостей гг. коммисаровъ, еще прежде устроившихъ наше войско и давшихъ намъ старшину, выдали Павлюка, Томиленка и нѣкоторыхъ другихъ, а Скидана, зачинщика того же возмущенія, убѣжавшаго, всѣ обязуемся отыскать и отдать въ руки г. польнаго короннаго гетмана. За наше преступленіе г. ясновельможный польный коронный гетманъ не захотѣлъ дать и назначить намъ старшаго надъ нашимъ войскомъ изъ среды нашей, какъ прежде было въ обычаѣ, оставляя это до дальнѣйшей воли его величества короля и Рѣчи-Посполитой, но только у насъ избраны были полковники, а до времени главное начальство поручено г. Ильяшу, переяславскому полковнику, который никогда не участвовалъ въ бунтахъ, и находился при

коронномъ войскѣ. Посему мы, оставаясь въ такомъ порядкѣ на дальнѣйшее время, для испрошенія милосердія и милости его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой, назначили изъ своей среды пословъ, какъ къ его королевской милости, свѣтлѣйшему сенату и всей Рѣчи Посполитой, такъ и къ ясновельможному г. великому коронному гетману краковскому коштелляну Станиславу на Конецполѣ Конецпольскому. Что же касается Запорожья, морскихъ челновъ и обычной стражи, то мы обязываемся быть готовыми и идти въ походъ, какъ только послѣдуетъ приказаніе ясновельможныхъ господъ гетмановъ коронныхъ и назначенныхъ коммисаровъ для сожженія челновъ и изведенія изъ Запорожья черни, какая тамъ окажется сверхъ числа, назначеннаго для тамошней стражи. Касательно нашихъ реэстровъ, приведенныхъ въ безпорядокъ настоящимъ нашимъ пораженіемъ, мы отдаемся на волю и милосердіе его величества и всей Рѣчи Посполитой, а также коронныхъ гетмановъ, оставаясь въ томъ числѣ, въ какомъ оставили насъ гг. коммисары, въ такомъ порядкѣ, какого потребуетъ милосердіе его величества, и пребывая на вѣчныя времена въ вѣрности, службѣ и подданствѣ Рѣчи Посполитой, въ чемъ, поднявъ руки къ небу, присягаемъ и для вѣчной и нескончаемой памяти о карѣ, постигшей насъ за наши преступленія, дабы на будущія времена подобныхъ бунтовъ не было, такъ и о милосердіи, надъ нами показанномъ, даемъ настоящее писаніе и кровавое обязательство за войсковою печатью и за подписомъ войсковаго писаря. Это обязательство должно всегда находиться при войсковыхъ реэстрахъ, дабы мы всегда помнили и о карѣ надъ нами, и о милосердіи его королевскаго величества и всей Рѣчи Посполитой. Писано въ полной радѣ подъ Боровицею наканунѣ Рождества Христова лѣта Господня 1637 г. Богданъ Хмельницкій именемъ всего войска его королевской милости собственноручно съ приложеніемъ печати».

Это обязательство, написанное и, вѣроятно, сочиненное во свидѣтельство на будущія времена, какъ въ этомъ писаніи говорится, человѣкомъ, который черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, на челѣ казаковъ и русскаго народа нанесъ жесточайшій ударъ шляхетской Рѣчи Посполитой, дѣйствительно можетъ оставаться на грядущія времена свидѣтельствомъ того, какъ лживы, безплодны, и безсильны всякіе договоры, постановленія, законоположенія, когда они составляются въ разрѣзъ со всемогущею логикою событій и ходомъ историческихъ задачъ. По отобраніи присяги отъ казаковъ, польный гетманъ намѣревался провести первые дни праздника на мѣстѣ, но въ тотъ

же день вечеромъ дали ему знать, что къ рѣкѣ Ирклею подходитъ шайка мятежниковъ на помощь Павлюку подъ предводительствомъ Кизима; и Потоцкій счелъ нужнымъ предупредить его: въ первый день праздника онъ отправилъ за Днѣпръ отрядъ въ шесть тысячъ съ своимъ племянникомъ. Ему приказано было узнать, какъ велики силы Кизима, и если можно будетъ, то и расправиться съ нимъ. Но Кизимъ успѣлъ узнать о печальной судьбѣ Павлюка и повернулъ къ Лубнамъ.

Молодой Потоцкій выступилъ 25-го числа, съ нимъ отправились и реэстровые. Казаки, какъ будто съ ними ничего не бывало, выступали въ праздничномъ видѣ—играли на свистѣлкахъ, били въ бубны, подлѣ ихъ начальника Ильяша Караимовича несли бунчукъ подъ бѣлымъ знаменемъ съ двумя хвостами на рогатинѣ. За нимъ и за молодымъ Потоцкимъ, 26-го числа, и самъ польный гетманъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Днѣпра. Реэстровые, отправившись быстро впередъ, неожиданно для Потоцкаго, поймали Кизима и привезли его, скованнаго, къ гетману. Вѣроятно, онъ былъ схваченъ хитростію или выданъ своими.

Въ послѣднихъ числахъ декабря (н. с.) польный гетманъ съ войскомъ стоялъ у Переяслявля. Ильяшъ совѣтовалъ идти на поднѣпровскія слободы и разорить это гнѣздо мятежа, но Потоцкій отложилъ такое предпріятіе подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде надобно было испросить королевскаго разрѣшенія на разореніе цѣлаго края; притомъ же тогда продолжалось, какъ до него доходили слухи, возмущеніе въ верхнихъ краяхъ лѣвобережной Украины. Онъ отправился въ свое староство Нѣжинъ. «По дорогѣ — писалъ онъ — мои глаза увидали ужасные слѣды грабежей и убійствъ; хлопство недавно лило кровь шляхетскую и священническую; теперь испуганные поселяне, застигнутые приходомъ польскихъ войскъ, выдавали мятежниковъ, и вмѣстѣ съ ними святыни ограбленныхъ костёловъ, драгоцѣнности, набранныя въ домахъ убитыхъ шляхтичей». Когда уже Кизимъ попался въ плѣнъ, его сынъ, не зная объ отцовской судьбѣ, съ толпою хлоповъ ворвался въ Лубны, перерѣзалъ шляхетскую челядь князя Вишневецкаго, сжегъ бернардинскій монастырь, изрубилъ монаховъ и разбросалъ собакамъ тѣла ихъ. Но недолго тѣшился молодецъ; черезъ нѣсколько дней послѣ того и онъ попался въ плѣнъ и былъ закованъ вмѣстѣ съ отцомъ. Слѣдуя къ Нѣжину, Потоцкій сажалъ мятежниковъ на колъ, такъ что вся дорога была уставлена казненными, словно вѣхами. «Надобно навести на

всѣхъ страхъ — говорилъ польный гетманъ — десятокъ сотнѣ, сотня тысячѣ пусть показываетъ примѣръ». По собственному его признанію, онъ затѣмъ только и ѣздилъ въ Нѣжинъ, чтобъ доставить себѣ удовольствіе повидать на колахъ русскихъ хлоповъ.

Въ Нѣжинѣ нѣсколько дней происходили казни. «Я изъ васъ восковыхъ сдѣлаю!» кричалъ Потоцкій. «Если ты панъ-гетманъ будешь отыскивать и казнить виновныхъ — говорили ему русскіе, — то разомъ посади на̀ колъ все Поднѣпріе и Заднѣпріе».

Польный гетманъ разставилъ свое войско на лѣвой сторонѣ Днѣпра, поручилъ надъ нимъ начальство племяннику, а самъ уѣхалъ въ Пруссію.

Проѣзжая черезъ Кіевъ, онъ приказалъ посадить на колъ Кизима вмѣстѣ съ сыномъ на горѣ Киселевкѣ, передъ стѣнами замка. Павлюкъ, Томиленко, Иванъ Злый и еще какіе-то два ихъ товарища доставлены были въ оковахъ въ Варшаву.

Въ февралѣ 1638 г. собрался сеймъ. Послы заявляли крайнее ожесточеніе противъ казаковъ и требовали стереть ихъ съ лица земли. Присвоеніе Павлюкомъ старшинства не только надъ казацкимъ сословіемъ, но и надъ всею Украиною, поляки толковали такъ, что этотъ мятежникъ покушался оторвать Украину отъ польской короны и сдѣлаться самому государемъ: поэтому приговорили надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палку въ качествѣ царственнаго жезла или скипетра. Кисель горячо заступался за жизнь преступниковъ. «Они сдались добровольно— говорилъ онъ—я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, несмотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ Киселя не уважили. Но король отмѣнилъ комическую казнь, приготовленную Павлюку: ему и его сообщникамъ, привезеннымъ въ Варшаву вмѣстѣ съ нимъ, отрубили головы, и потомъ взоткнули ихъ на колы. Сеймъ опредѣлилъ, что казаки, за непослушаніе и частыя возмущенія, должны потерять свои привиллегіи, дарованныя имъ прежними королями, и, впослѣдствіи, слѣдуетъ уничтожить ихъ совершенно какъ сословіе, но чтобы слишкомъ не раздражить русскій народъ, положили скрыть это намѣреніе до времени и ограничиться на первый разъ тѣмъ, чтобы лишить казаковъ права избирать себѣ начальниковъ, а дать имъ начальствующихъ лицъ изъ преданныхъ Рѣчи Посполитой лю-

дей и преимущественно изъ шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено овладѣть Запорожьемъ и устроить тамъ постоянную сторожу, дабы не допустить сборовъ народа и для морскихъ походовъ и для возмущенія Украины. Реэстровыхъ казаковъ вообще хотѣли поставить въ кругъ строго опредѣленныхъ обязанностей — стеречь Низъ Днѣпра отъ чужихъ и своихъ; по очереди два полка на третій годъ должны стоять на Запорожьѣ и наблюдать, чтобъ съ юга татарскіе загоны не переправлялись черезъ Днѣпръ и не вторгались въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполитой, а съ сѣвера своевольные хлопы не приходили на Низъ съ намѣреніемъ, составивши въ днѣпровскихъ лугахъ и камышахъ полчища, назадъ идти въ Украину и произвести тамъ возмущеніе. Казаки должны были находиться подъ властію короннаго гетмана и состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ не выбраннаго старшаго, какъ прежде, а назначеннаго правительствомъ коммисара. Чтобъ остановить разливъ казачества на всю Украину, положено очертить казацкое мѣстопребываніе чрезъ сеймовыхъ коммисаровъ, и впослѣдствіи отнюдь не допускать приписовъ новыхъ земель къ казацкому вѣдомству. Въ это время къ суровымъ мѣрамъ противъ казаковъ, но въ то же время и къ сохраненію ихъ на случай, располагали поляковъ требованія Турціи и Крымскаго хана уничтожить казаковъ до тла. Турецкій императоръ писалъ къ польскому королю: «Если вы теперь не уничтожите казаковъ на днѣпровскихъ островахъ и не истребите ихъ вовсе, то невозможно вамъ будетъ удерживать ихъ набѣговъ на наши счастливыя владѣнія, а потому, знайте: отселѣ, если хоть одинъ челнъ появится на Чорномъ морѣ, то это будетъ нарушеніемъ мира и тогда всѣ провинціи и волости Рѣчи Посполитой будутъ обращены въ прахъ». Крымскій ханъ поздравлялъ короля съ побѣдами надъ своевольными казаками, но въ то же время предостерегалъ, что разсѣянные польскими силами, они снова собираются на днѣпровскихъ островахъ и думаютъ нападать на татаръ, а потому побуждалъ короля, для сохраненія спокойствія и мира между поляками и татарами, истребить казаковъ. «Несправедливо будетъ — выражалъ онъ — если эти мятежники начнутъ опять нарушать между нами дружбу; нашъ татарскій народъ то и дѣло, что колетъ намъ глаза этою дружбою, и жалуется на казаковъ; поэтому, если хотите съ нами жить въ согласіи, то пусть вовсе не будетъ ни одного казака на днѣпровскихъ островахъ и присылайте намъ упоминки; а еслибы у васъ не доставало войска для истребленія казачества, то извольте написать — по мѣрѣ надобности мы пришлемъ свое войско для уничтоженія обоюднаго нашего непріятеля». Изъ этихъ отзывовъ

поляки поняли, что мусульманскіе сосѣди Польши боятся казаковъ, а такъ-какъ, при всей досадѣ на казацкое своеволіе, поляки все-таки не могли положиться на прочность дружбы съ мусульманами и казаки, въ случаѣ разрыва съ послѣдними, были для Польши очень полезны, то самыя сильныя требованія мусульманскихъ державъ объ уничтоженіи казаковъ побуждали поляковъ сохранять ихъ существованіе на окраинѣ своего королевства до поры до времени, но поставивъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ имъ трудно было бы дѣлать своевольные набѣги на Турцію и Крымъ и поднимать къ возстанію русское населеніе Украины.

Казаки отправили на сеймъ пословъ своихъ, Романа Половца, Іосифа Пашкевича и Данила Пуловича съ просьбою, въ которой увѣряли, что пристали къ мятежникамъ поневолѣ, и просили возвратить имъ прежнія права.

Имъ отвѣчали: «казаки своими послѣдними поступками заслужили того, чтобъ ихъ совершенно уничтожить, но король по своему благодушію, оставляетъ ихъ существованіе, но чтобъ не возникли впередъ своевольства и бунты, и чтобъ злые люди не находили способовъ вовлекать ихъ въ дурныя предпріятія, необходимымъ оказалось дать войску запорожскому другую ординацію».

Вслѣдъ за послами, возвратившимися съ такимъ зловѣщимъ отвѣтомъ, прибыли въ Украину коммисары и въ половинѣ февраля 1638 г. собрали вальную раду подъ Трехтемировымъ и приказали казакамъ присягать, но не такъ, какъ это дѣлалось прежде, что всѣ разомъ поднимали вверхъ пальцы, а каждый казакъ одинъ за другимъ долженъ былъ выходить и присягать за себя отдѣльно. Присягу давали они въ томъ, что будутъ слушаться правительства, не станутъ ходить на море, не будутъ заводить чернечихъ радъ, не осмѣлятся принимать никого въ свое сословіе и будутъ готовы укрощать своеволіе хлоповъ, когда только потребуется. По произведенному реэстру оказалось, что подъ Кумейками пало всего на всего шесть тысячъ русскихъ, и выбыло тысяча-двѣсти реэстровыхъ: убылыя мѣста не были пополнены; явно показалось, что поляки желаютъ, чтобъ казаковъ было поменьше. Объявили казакамъ, что дѣти убитыхъ подъ Кумейками никогда не наслѣдуютъ званія отцовъ своихъ. Два казацкихъ полка, образовавшіеся передъ тѣмъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, Миргородскій и Яблоновскій, были уничтожены. Чигиринскій и Бѣлоцерковскій полки должны были отправляться съ полковникомъ Мелецкимъ, оставленнымъ въ званіи коммисара надъ казаками, на Запорожье, чтобъ выгнать и вывесть

оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться на Запорожьѣ, въ качествѣ сторожи. Объявлено казакамъ, что о дальнѣйшемъ ихъ устройствѣ на будущія времена будетъ учинено постановленіе на сеймѣ.

Полковникъ Мелецкій отправился съ казаками на Запорожье. Прибывши туда уже во второй половинѣ марта, когда рѣки были въ полномъ разливѣ, онъ послалъ къ запорожцамъ старшихъ казаковъ объявить имъ королевскую милость, и требовалъ выдачи Скидана, Чечуги и другихъ зачинщиковъ бывшаго возстанія, убѣжавшихъ изъ-подъ Боровицы. Но запорожцы заковали присланныхъ отъ Мелецкаго казаковъ и оставили на берегу Днѣпра письменный отвѣтъ Мелецкому очень неутѣшительнаго содержанія, какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи. Мелецкій попытался-было дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ, но тотчасъ убѣдился, что это невозможно: реэстровые неохотно шли противъ своихъ иноземцевъ и нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же перешли къ запорожцамъ. «Еслибы — писалъ Мелецкій — я не былъ очень остороженъ, то меня непремѣнно бы убили». Онъ поспѣшилъ убраться изъ Запорожья. Тогда запорожцы выбрали старшимъ полтавца Остранина, который, во время возстанія Павлюка, организовалъ для него шайку въ полтавщинѣ. Немедленно отправили универсалы по Украинѣ, и сами вслѣдъ выступали изъ Запорожья туда же; атаманъ Гуня отправилъ къ крымскому султану Калгѣ просьбу о помощи противъ поляковъ. Между тѣмъ поляки, занявши войскомъ своимъ лѣвый берегъ Днѣпра, считали себя окончательно побѣдителями. До сихъ поръ, говорили они, обширныя степи и захолустья Украины были извѣстны только казацкимъ старшинамъ да полковникамъ; теперь ихъ узналъ каждый нашъ цюра (оруженосецъ); теперь, въ случаѣ бунта, войску не придется выступать въ далекій походъ; войско всегда на готовѣ, находясь посреди мятежной страны. Жолнеры дѣлали безчинства выше мѣры и предѣловъ; повсюду виднѣлись висѣлицы съ трупами и колья со взоткнутыми на нихъ головами, въ городахъ и селахъ слышались стоны бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ за то единственно, что они русскаго рода; церкви того вѣроисповѣданія, во имя котораго русскіе поднимали оружіе, предавались поруганію. Отъ такихъ утѣсненій народъ толпами бѣжалъ въ Московское государство, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія; другіе бѣжали въ Сичь, а третьи кланялись поляку, по выраженію современника, какъ волкъ, упавшій въ яму, явно передъ нимъ проклинали «дружину», а втайнѣ готовили своимъ братьямъ продовольствіе и порохъ.

Весною, когда только стали одѣваться зеленью лѣса, разнесся слухъ, что Остранинъ и Скиданъ съ запорожцами идутъ изъ Сичи въ Украину: часть ихъ ополченія плыла на лодкахъ, часть слѣдовала сухопутьемъ. Украина заволновалась. Въ Нѣжинѣ, гдѣ находилось главное мѣстопребываніе оставленнаго начальникомъ надъ войскомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, Станислава Потоцкаго, русскіе начали съ того, что ночью сняли съ кольевъ взоткнутыя головы своихъ братій и ушли къ Остранину. Потоцкій пошелъ съ коронными войсками и реэстровыми казаками, состоявшими подъ начальствомъ Ильяша Караимовича, наперерѣзъ Остранину. Восемьдесять человѣкъ реэстровыхъ были поставлены на караулѣ близь Кременчуга. Остранинъ напалъ на нихъ и истребилъ большую часть; двадцать человѣкъ ушло. Кременчугъ и прилежащія къ нему слободы Пива, Максимовка, Чорная Диброва и др. взбунтовались и пристали къ Остранину. Усиливая свое ополченіе, Остранинъ дошелъ до Голтвы при впаденіи Хорола въ Пселъ, посреди овраговъ, болотъ и лѣсовъ: мѣстность была удобна для защиты. Самый городъ, окруженный оградой изъ частокола, заключалъ въ срединѣ замокъ, огражденный также кольями; съ трехъ сторонъ его защищала рѣка съ утесистыми берегами; пространство отъ берега до городской стѣны было изрѣзано рытвинами и водомоинами, покрытыми кустарникомъ, и только единственная дорога вела съ моста на Пселѣ въ ворота замка. Эту естественную защиту казаки дополнили искусственными средствами, насыпавъ передъ городскою оградою валъ, пересѣкающій дорогу, ведущую съ моста въ ворота. Съ четвертой стороны, посреди неровнаго лѣсистаго мѣстоположенія, былъ протянутъ также высокій валъ, усаженный постоянно воинами; передъ этимъ валомъ находились старыя укрѣпленія; казаки обратили ихъ въ шанцы и поставили на нихъ пушки. Въ довершеніе всего, на высокихъ крышахъ городскихъ строеній сидѣли чародѣи и чаровницы, которые должны были смотрѣть въ даль и чародѣйственными заклинаніями отводить по вѣтру непріятельскій огонь и выстрѣлы.

Поляки подступили къ Голтвѣ 5-го мая. Пѣхотинцы тотчасъ же выкопали валъ отъ рѣки до рѣки и устроили предъ нимъ шанцы. Осмотрѣвъ мѣстность, предводитель въ тотъ же день, предъ вечеромъ, приказалъ готовить мостъ на Пселѣ и отрядилъ два полка нѣмецкой пѣхоты и реэстровыхъ казаковъ, чтобъ захватить мостъ на Пселѣ по дорогѣ, ведущей въ ворота замка. Но казаки сожгли мостъ и отбили реэстровыхъ съ

большимъ урономъ; самъ предводитель послѣднихъ Ильяшъ воротился раненый.

Сумерки прекратили дѣло. Ночью Потоцкій приказалъ поскорѣе дѣлать мостъ, замѣтивъ, что Голтва приступнѣе со стороны Псела. Казаки надѣялись на рѣку и не заботились здѣсь объ искусственной защитѣ, такъ-какъ съ той стороны, которая не была ограждена рѣкою, Потоцкій составилъ планъ окружить Голтву съ двухъ сторонъ: за рѣку послалъ нѣмецкую пѣхоту, а остальныхъ рѣшился повести на штурмъ прямо на валъ. Казаки составили планъ также съ двухъ сторонъ предупредить нападеніе непріятеля. Остранинъ обратилъ одну часть войска въ ту сторону, гдѣ были нѣмцы, а другой велѣлъ зайдти въ бокъ польскому войску, завалить пути деревьями, колодами, накопать рытвинъ и, пробравшись ярами, стать въ тылу поляковъ. «Холопье коварство», какъ называетъ эти дѣйствія русскихъ польскій современный дневникъ: «удалось лучше, чѣмъ благородные планы дворянъ». Мостъ еще не былъ конченъ, а уже разсвѣтало. Изъ казацкихъ шанцовъ грянули выстрѣлы; поляки отвѣчали имъ также изъ своихъ пушекъ. Перестрѣлка разгоралась, а между тѣмъ на другой сторонѣ сильная толпа казаковъ ринулась на нѣмцевъ. Поляки хотѣли подать нѣмцамъ помощь, но увидѣли вокругъ себя колоды, рытвины, и вдругъ на нихъ сзади бросились казаки. Все польское войско спѣшило обратиться на этихъ казаковъ, но казаки быстро ушли въ яръ, а нѣмцы, оставленные на произволъ судьбы, погибли всѣ до единаго, «лучше рѣшаясь (говоритъ современникъ) пропасть, чѣмъ сдаться». Поляки отступили. Потеря ихъ была очень велика: кромѣ двухъ нѣмецкихъ ротъ, совершенно истребленныхъ, семь хоругвей были разбиты; другія также потеряли много воиновъ. Окольскій, описывая это событіе, удивляется, почему, при полной справедливости поляковъ въ этой войнѣ, Богъ въ самомъ началѣ послалъ на нихъ такую неудачу. «Я думаю (разсуждаетъ онъ), что Богъ устроилъ такъ для того, что многіе изъ нашихъ пановъ, живучи далеко отъ Украины, считали войны съ холопами неважными, называли казаковъ панскими овчарами и мясниками и не признавали славы тѣхъ, которые ихъ побѣждали; за то Богъ насъ и наказалъ; ибо хотя между казаками нѣтъ ни сенаторовъ, ни князей, ни воеводъ, и хотя они холопы, однако такіе холопы, которые достойны быть Квинтами-Цинцинатами, еслибъ права contra plebejos (противъ простаго народа) не препятствовали имъ».

«Ляхи ушли постыдно — говорилъ своимъ казакамъ Остранинъ — и намъ теперь лучше всего двинуться за ними къ Луб-

намъ: тамъ и шляхи есть, и товарищество надойдетъ, и живность будетъ, и сборъ людской и оборона удобнѣе, чѣмъ здѣсь». Казаки вышли изъ-подъ Голтвы и погнались за Потоцкимъ. 14-го мая поляки остановились у Сулы подъ Лубнами. Остранинъ ожидалъ успѣха и оживлялъ своихъ казаковъ надеждою прибытія свѣжихъ силъ. Полковникъ Скиданъ, отправленный къ Чернигову, долженъ былъ явиться съ новонабранными дружинами; изъ степей шелъ къ нему другой отрядъ подъ начальствомъ Путивльца; третій отрядъ велъ къ нему Сикирявый; четвертый, изъ-подъ Кіева, Солома. Толпа русскихъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, сбѣгалась къ нему изъ сосѣднихъ селеній. Между тѣмъ, надѣясь, что если ему удалось разъ справиться съ поляками, то удастся и въ другой, Остранинъ, полагая, что свѣжіе отряды явятся къ нему во время битвы, рѣшился еще разъ отважиться на битву и, двинувшись прямо къ польскому стану, сталъ противъ него, готовый принять новое нападеніе. Казаки распрягли лошадей, прицѣпили колесо къ колесу и заиграли на трубахъ и бубнахъ. Поляки бросились на нихъ. Сраженіе открылось съ обѣихъ сторонъ густою стрѣльбою, потомъ поляки атаковали казацкій таборъ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ день въ польскомъ войскѣ отважнѣе и пламеннѣе дѣйствовали реэстровые казаки, еще недавно подъ Кумейками бившіеся за вѣру и родину противъ поляковъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые теперь опять ополчились подъ тѣмъ же знаменемъ. Реэстровые были закрыты гуляй-городинами — деревяннымъ заборомъ на колесахъ. Битва длилась цѣлый день; русскіе защищались съ неослабнымъ мужествомъ до темной ночи. Поляки оставили нападеніе съ тѣмъ, чтобъ возобновить его на другой день.

Но солнце не освѣтило для нихъ казацкаго табора. Остранинъ отступилъ передъ разсвѣтомъ черезъ болото.

Поляки послали за нимъ въ погоню отрядъ подъ начальствомъ Гамицкаго, который верстъ за пятнадцать отъ Лубенъ напалъ неожиданно на русскій отрядъ Путивльца, Мурки и Рипки, шедшихъ на помощь къ Остранину. Русскіе, по обычаю, оцѣпили свои возы, поднявъ оглобли въ видѣ копій, и составили изъ возовъ таборъ. Поляки развернулись передъ ними кругомъ, начали палить на нихъ изъ орудій, а гусарскія хоругви пробивали таборъ своими налетами. Русскіе защищались упорно цѣлый день до ночи, но у нихъ не было воды; они ожидали, что Остранинъ подастъ имъ помощь, а Остранинъ не выручалъ ихъ. Сдѣлалось въ таборѣ волненіе. Рѣшили просить у поляковъ мира и послали къ Потоцкому какого-то Василевича.

«Хотя вы недостойны никакого милосердія», отвѣчали имъ, «но вамъ даруется жизнь; выдайте своихъ старшинъ». И казаки, говорятъ современники, оплакали своего Путивльца и другихъ: «нехай твоя голова за вси наши голови!» — говорили они — «прощай, нашъ господарю!» Они выдали предводителей и положили оружіе. Тогда, несмотря на данное Потоцкимъ обѣщаніе сохранить жизнь положившимъ оружіе, жолнеры бросились на нихъ и перебили всѣхъ до единаго. Злоба противъ русскихъ была такъ велика, что тогда не считали священными никакихъ обязательствъ, данныхъ имъ, и современный дневникъ, описывая это событіе, находитъ поступокъ поляковъ очень умѣстнымъ, потому что иначе мятежники увеличили бы число вооруженнаго народа.

Поляки продолжали стоять обозомъ подъ Лубнами и дожидались свѣжихъ силъ изъ-за Днѣпра. Къ нимъ между прочимъ долженъ былъ придти князь Іеремія Вишневецкій съ своимъ войскомъ.

Тѣмъ временемъ Остранинъ дошелъ до Лохвицы, потомъ до Миргорода, набралъ тамъ пороху, который для него изготовили, и воротился къ Лукомлю на Сулѣ ниже Лубенъ верстъ за двадцать-пять, и тамъ сталъ обозомъ, сильно окопавшись. Его силы значительно увеличивались. Изъ слободъ на Хоролѣ, на Пселѣ, прибѣгали къ нему жители; Роменщина доставила ему нѣсколько тысячъ хлопства. Онъ высылалъ изъ своего обоза отряды, чтобъ захватить на Днѣпрѣ переправы и не допускать къ полякамъ новыхъ силъ. Скиданъ отправился къ Переяславлю; русскіе истребили паромы и всякія перевозныя снасти, захватили Ржищевъ, Трехтемировъ, Стайки и Триполье. Другой отрядъ подъ начальствомъ Нестора Бардаченка отправился къ Кіеву. Но поляки узнали объ этомъ и послали туда же другимъ путемъ реэтровыхъ казаковъ, подъ начальствомъ Захарія и Залѣсскаго. Въ Кіевѣ въ то время было войско Лаща и татары князя Корецкаго. Русскіе стали рубить и жечь байдаки и челны на Днѣпрѣ, но съ одной стороны на нихъ ударили реэстровые, съ другой лащовщики; Бардаченко съ своими молодцами засѣлъ-было на островѣ у Чарторьи, но его вытѣснили оттуда и онъ уплылъ внизъ по Днѣпру. $^{20}/_{30}$ мая Іеремія Вишневецкій прибылъ къ Днѣпру и сталъ переправляться.

Остранинъ, услыша объ этомъ, перешелъ на другую сторону Сулы и сталъ на Слѣпородѣ, болотистой рѣчкѣ, между Яблоновымъ и Лубнами. Онъ ожидалъ Скидана, который долженъ былъ придти изъ-за Днѣпра со свѣжими силами и порохомъ, и отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Сикиряваго къ польскому

лагерю набрать вѣстей, захватить лошадей и, если можно, зажечь Лубны. Но въ это время, 27-го мая (8-го іюня), прибылъ въ обозъ Потоцкаго князь Вишневецкій и поляки двинулись на Остранина къ Слѣпороду. Остранинъ, не допуская къ себѣ непріятеля, ушелъ опять къ Лукомлю. Между тѣмъ, Сикирявый, поглядѣвши около Лубенъ, воротился назадъ къ Слѣпороду, думая, что Остранинъ еще тамъ, и наткнулся на таборъ реэстровыхъ казаковъ: онъ счелъ этотъ таборъ за свой и прямо въ него въѣхалъ; но увидѣвши, что это непріятели, обратился назадъ; реэстровые бросились на его отрядъ, разогнали его, а самаго Сикиряваго взяли въ плѣнъ. Окольскій говоритъ, что онъ имѣлъ славу чародѣя, умѣвшаго заговаривать оружіе, и его взяли на дубѣ, куда онъ влѣзъ. Подвергнутый допросу, онъ далъ такое свѣдѣніе: «Остранинъ думаетъ бѣжать въ московскую землю; онъ уже отправилъ въ Бѣлгородъ жену и дѣтей; изъ-подъ Лукомля онъ два раза покушался уйти, да чернь его не пускала».

Послѣ взятія Сикирявого поляки напали на русскій отрядъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ у Сикирявого; онъ засѣлъ въ пасѣкѣ; русскіе защищались отчаянно, отбили нападенія и въ глазахъ поляковъ пошли къ Остранину; но другой отрядъ, какъ говорятъ поляки, человѣкъ въ тысячу, не такъ легко отдѣлался отъ нихъ: они загнали его въ болото, вытаскивали оттуда казаковъ по одиночкѣ и рубили головы.

Узнавши о погибели Сикирявого и объ усиленіи польскаго войска, Остранинъ хотѣлъ-было идти на востокъ къ московской границѣ, но чернь требовала, чтобъ онъ велъ ее внизъ къ Днѣпру, на тотъ берегъ, гдѣ надѣялись увеличенія силъ своихъ отъ присоединенія къ нимъ тамошнихъ русскихъ жителей. Поляки переправились черезъ Сулу у Лукомля по мосту, оставленному казаками, и погнались за Остраниномъ. 14-го іюня они догнали его подъ Жовнинымъ, слободою князя Вишневецкаго. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, уже въ сумерки поляки прорвали таборъ, отняли у русскихъ четыре пушки и много возовъ съ продовольствіемъ. Тогда Остранинъ съ частью конницы переправился вплавь черезъ Сулу и бѣжалъ. Полковники Кудра и Романъ Пешта сомкнули таборъ наскоро и заключили въ него три польскія хоругви, которыя туда вскочили, но Вишневецкій ударилъ на таборъ, три раза былъ отбитъ, три раза возобновлялъ нападеніе, и напослѣдокъ прорвалъ снова таборъ и освободилъ заключенныя въ срединѣ табора хоругви, успѣвшія выскочить оттуда съ значительнымъ, однако, урономъ.

Военное поприще Остранина здѣсь кончилось. Едва-ли неудача въ битвѣ была причиною его бѣгства. Прежніе его подвиги подъ Голтвою и подъ Лубнами не показываютъ въ немъ человѣка трусливаго десятка, да и теперь казаки вообще не падали еще духомъ. Вѣроятно, внутреннія несогласія были причиною этого. Вслѣдъ за тѣмъ, казаки избрали предводителемъ Дмитра Томашевича-Гуню и, быть можетъ, соперничество съ этимъ другимъ вождемъ удалило Остранина. Гуня, какъ извѣщаетъ дневникъ Окольскаго, еще въ февралѣ изъ Запорожья сносился съ крымскимъ султаномъ Калгою и именовалъ себя гетманомъ. Но потомъ, какъ намъ извѣстно, гетманомъ сталъ называться Остранинъ, послѣ Остранина же опять Гуня. Эти обстоятельства побуждаютъ догадываться, что въ казацкомъ войскѣ господствовали партіи и раздоры, и партія Гуни прогнала теперь Остранина, такъ какъ весною партія Остранина, назвавшагося гетманомъ послѣ Гуни, одержала верхъ надъ послѣднимъ.

15-го іюня Вишневецкій принялся штурмовать казацкій таборъ.

Тогда русскіе послали сказать полякамъ, чтобъ имъ прежде всего выдали Ильяша Караимовича и шесть старшинъ, начальниковъ реэстровыхъ казаковъ, возвратили пушки и знамена, взятыя подъ Кумейками, и утвердили старшинами тѣхъ, которыхъ они сами захотятъ, а потомъ уже обѣщались толковать о прочемъ. Поляки послали къ нимъ для переговоровъ хорунжаго Дзика.

— Если вы хотите милости, сказалъ Дзикъ: — то зачѣмъ такъ упорно бьетесь съ короннымъ войскомъ?

— Какъ вашу милость зовутъ? спросили казаки.

— Дзикъ! отвѣчалъ хорунжій.

— Иды жъ, Дзику, сказали казаки: — и шчобъ дзиковиня зъ тебе не було!

Едва Дзикъ ушелъ на пушечный выстрѣлъ, какъ двѣ тысячи выстрѣловъ послѣдовали за нимъ на поляковъ. «Такъ-то (замѣчаетъ полякъ-современникъ) ни шляхетскіе титулы, ни высокія достоинства, ни мысль объ обширности владѣній пановъ не могли обуздать холопьяго упрямства, ополчившагося подъ предлогомъ вольности и сохраненія жизни».

Казаки не думали унывать. Они дожидались съ часу на часъ Скидана изъ-за Днѣпра и вслѣдъ за нимъ другихъ партій. Поляки также получили вѣсть, что польный гетманъ разбилъ партіи мятежниковъ на правой сторонѣ Днѣпра, прибывшія къ Кіеву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнали о надеждахъ казаковъ. По-

тоцкій и Вишневецкій, главные распорядители въ войскѣ, отправили нѣсколько хоругвей къ Днѣпру, чтобъ препятствовать приставать къ берегу русскимъ партіямъ. Для этого достаточно было небольшихъ отрядовъ, потому что, стоя на берегу, поляки имѣли выгоды предъ казаками, которые плыли по Днѣпру и должны были принимать выстрѣлы съ берега. Въ то же время предводители рѣшились продолжать стычки съ казаками въ таборѣ, съ надеждою взять его или, по крайней мѣрѣ, обезсиливать до прихода польнаго гетмана. Такъ шли дѣла до 20-го іюня; поляки на днѣпровскихъ берегахъ всякій день уничтожали казацкія партіи. Скиданъ, на котораго казаки полагали надежду, въ сильной схваткѣ съ реэстровыми былъ раненъ, отправленъ въ Чигиринъ и на пути попался въ плѣнъ полякамъ; другія партіи не доходили до табора: ихъ разсѣевали, чолны съ запасами топили.

Наконецъ, казаки, услышавъ, что въ польское войско скоро явится польный гетманъ и приведетъ съ собою свѣжее войско, нашли неудобнымъ мѣсто, гдѣ они стояли; они ожидали еще вспомогательныхъ силъ изъ-за Днѣпра: надобно было стать къ нему поближе; казаки снялись и въ виду враговъ двинулись на югъ. Поляки напирали на нихъ; казаки отбивались отъ нихъ искусно и храбро и шли *оборонною рукою*, какъ говорили тогда, къ чести Гуни, которому отдавали справедливость и непріятели. Такъ, наконецъ, они благополучно дошли до устья Старицы, впадающей въ Днѣпръ. Здѣсь казаки поспѣшно окопались.

22-го іюня вечеромъ прибылъ въ польскій обозъ польный гетманъ съ остальнымъ кварцянымъ войскомъ. Онъ двинулся за казаками и окружилъ ихъ таборъ, поставленный подъ защитою болотъ и лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ много дней не переставали стычки одна за другою. У поляковъ было больше средствъ, тогда какъ казаки были отрѣзаны отъ сухопутья. По сторонамъ польскіе отряды нападали и истребляли вооруженныя толпы хлоповъ, спѣшившихъ на помощь осажденному русскому войску, и не допускали въ русскій таборъ продовольствія. Русскіе терпѣли голодъ. Но полякамъ также скоро стало несносно стоять надъ ними. По причинѣ неурожая, уже нѣсколько лѣтъ поражавшаго лѣвобережную Украину, дороговизна была чрезвычайная; былъ недостатокъ корма для лошадей и оттого много ихъ пало; много жолнеровъ отъ плохой пищи и безпрестанныхъ трудовъ лежало больными, много было раненыхъ. Эти обстоятельства побудили польнаго гетмана написать къ

осажденнымъ универсалъ: онъ имъ предлагалъ милосердіе, если они сдадутся.

15-го іюля Гуня благодарилъ польнаго гетмана, и посылая своихъ пословъ, писалъ между прочимъ такъ:

«Слезно и покорно просимъ вашу милость пана нашего милостиваго оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ, въ которыхъ мы были обвинены, а вмѣстѣ и того, чтобъ насъ оставили пользоваться древними нашими правами и вольностями, дарованными намъ отъ польскихъ королей по силѣ кураковской коммисіи и переяславской транзакціи, дабы, также, по совершившемся между нами примиреніи съ нами не поступали такъ, какъ подъ Боровицею, чтобъ не было измѣны и убійствъ, ибо хотя мы сами тамъ не были, но слыхали и видѣли множество членовъ, взоткнутыхъ на колья въ разныхъ украинскихъ городахъ, что̀ намъ на вѣки памятно будетъ. По этой-то причинѣ, подвергая жизнь свою опасности, мы не прибѣгали къ вашей милости; теперь же, когда ваша милость прислали намъ свое обѣщаніе, то мы просимъ покорно сжалиться надъ нами: забудьте наши проступки, примите и введите насъ въ милость его величества въ такомъ же порядкѣ для службы, какъ прежде было, и мы желаемъ оставаться безъ всякаго измѣненія правъ нашихъ и вольностей, а равнымъ образомъ объ успокоеніи нашей греческой религіи просимъ. А какъ намъ сообщаютъ, что ваша милость хотите насъ оставить въ какомъ-то новомъ порядкѣ, то мы просимъ объявить о томъ нашимъ посланцамъ».

Польный гетманъ, между тѣмъ, получилъ надежду на скорое прибытіе свѣжихъ силъ, продовольствія и артиллеріи съ французскимъ инженеромъ Бопланомъ. Онъ объявилъ, что о прежнихъ правахъ рѣчи нѣтъ, а они должны повиноваться конституціи сеймовой. «Мы не нарушаемъ вашихъ правъ — сказалъ Потоцкій—но такова воля его величества и Рѣчи Посполитой».

Нѣсколько назначенныхъ имъ коммисаровъ пріѣхали въ казацкій таборъ со спискомъ конституціи. Гуня далъ знакъ, чтобъ казаки были готовы на раду. Собралась толпа. Очистился майданъ. Положили бубны и бунчукъ и разостлали копну сѣна. Гуня посадилъ поляковъ подлѣ себя; подали хлѣба, горилки, вареной рыбы. Гуня сперва выпилъ воды: такъ слѣдовало по казацкому обычаю. Потомъ пили горилку, и самъ Гуня испилъ за здравіе польнаго гетмана и всего рыцарства. Когда убрали питье и ѣду, предводитель казаковъ всталъ и сказалъ толпѣ казаковъ: «Паны молодцы! ихъ милости принесли намъ королевскую волю!» Прочитали конституцію, толпа зашумѣла. Гуня, обратившись къ коммисарамъ, просилъ повременить, пока усмирится волненіе.

Будете плакать и жалѣть, сказали коммисары, вы раздражаете такого доброжелательнаго пана.

Тогда польный гетманъ (говоритъ дневникъ) началъ дѣйствовать по примѣру Перикла, опустошавшаго лакедемонскія жилища; онъ разослалъ отряды по окрестностямъ и приказалъ истреблять русскія селенія, не щадя ни пола, ни возраста.

Узнавши объ этомъ, Гуня написалъ польному гетману такое письмо:

«Видя вокругъ насъ невыразимыя кровопролитія, мы не можемъ разумѣть прихода вашей милости иначе, какъ только такъ, что ваша милость переправился чрезъ Днѣпръ противъ запорожскаго войска не для мирныхъ сношеній, а для того, чтобъ всѣхъ истреблять до конца, ибо, распустивъ отряды, которые тѣшатся невинною христіанскою кровью и поступаютъ съ нами, какъ съ непріятелями св. креста и злодѣями, показываешь, что у васъ нѣтъ ни правды, ни страха Божія. Вы бы воевали уже съ однимъ запорожскимъ войскомъ, жертвующимъ жизнью, по волѣ Высочайшаго Бога, за наши кровавыя заслуги, но оставили бы въ покоѣ несчастный народъ, котораго вопли и невинная кровь взываютъ о мести къ Богу и насъ къ тому же побуждаютъ! За наши права и вольности, данныя намъ издавна королями польскими, права, добытыя саблею, а не чѣмъ-нибудь другимъ, и теперь нарушаемыя измѣнниками, мы готовы лучше умереть и одинъ за другимъ положить головы, чѣмъ довольствоваться такимъ договоромъ, какой былъ подъ Кумейками. Мы не желаемъ кровопролитія; и чтобъ насъ никто не обвинялъ, мы не хотимъ биться съ вашею милостію; но кто будетъ на насъ наступать, противъ того и мы будемъ обороняться. Удостой, ваша милость, обойтись съ нами такъ, чтобъ это было согласно и съ честью вашей милости и безъ стѣсненія, какъ насъ самихъ, такъ и бѣднаго невиннаго народа».

Польный гетманъ отвѣчалъ въ тотъ же день:

«Давнія ваши права вы потеряли чрезъ ваше своеволіе и посягательство на величество короля; но будете имѣть такія права, какія вамъ дастъ Рѣчь Посполитая».

Казаки опять написали:

«Хотимъ тѣхъ правъ, какія имѣли прежде».

Гуня просилъ гетмана не довѣрять реэстровымъ. «Вони хлибъ сіль зъ нами илы, и насъ зрадили, то и вашу милость зрадять!» писалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ съ высокихъ шанцевъ польскія пушки палили въ казацкій лагерь; пѣхота безпрестанно возобновляла приступы; конница стояла наготовѣ. Поляки хотѣли обезсилить

казаковъ и истощить ихъ пороховые запасы; казаки, съ своей стороны, не уступали непріятелямъ въ дѣятельности, хотѣли утомить коронное войско; показывая свою непреклонность, они надѣялись, что польскіе жолнеры, по обычному своеволію, соскучивъ неудачами и продолжительностью осады, начнутъ уходить изъ войска, а между тѣмъ сами ожидали сильнаго подкрѣпленія, которое долженъ былъ привести къ нимъ по Днѣпру Филоненко. Гуня ободрялъ ихъ своею смѣлостью и распорядительностью: онъ не прятался сзади, шелъ впереди, и однажды польный гетманъ во время вылазки приказалъ направить на него выстрѣлы изъ трехъ пушекъ; но вмѣсто казацкаго гетмана былъ убитъ казакъ, который несъ передъ нимъ бунчукъ. Въ отплату, на другой день, Гуня, примѣтивъ польскаго гетмана, выстрѣлилъ въ него, но попалъ въ коня. Съ каждымъ днемъ возрастало воинственное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ. Поляки построили высокую батарею, съ которой можно было бы доставать до средины обоза; но, по совѣту Гуни, 22-го іюля ночью молодцы выскочили изъ своего обоза, прокрались къ шанцамъ, вмѣшались въ толпу реэстровыхъ казаковъ, узнали военный сигналъ, розданный въ тотъ день по войску, и передали его своему предводителю. Тогда толпа казаковъ вышла изъ обоза и подошла къ батареѣ. Отряженные на батарею окликаютъ ихъ. Они произносятъ сигналъ. Думая, что это реэстровые казаки, посланные за языкомъ, поляки спрашиваютъ: «есть языкъ?»—«И не одинъ!» отвѣчаютъ казаки, и вслѣдъ за тѣмъ они бросаются на батарею, умерщвляютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, овладѣваютъ батареею, принимаются ее портить и заклепывать пушки. Но тревога быстро распространилась по лагерю и со всѣхъ сторонъ съ криками бѣжали воины къ батареѣ; казаки должны были уходить.

Еще послѣ того продолжались нѣсколько времени однообразныя схватки. Но полякамъ, какъ и казакамъ, съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Жолнеры роптали на гетмана. «Что жь это?» кричали они: «мы будемъ вѣрно здѣсь зимовать и основывать колонію на Днѣпрѣ?». Они стали убѣгать. Казаки также терпѣли голодъ. «Прійде тутъ не співати, а вити, якъ собаці; хліба нема, борошна мало, тільки вода, та трохи шкапини» (лошадинаго мяса), говоритъ польскій дневникъ, изображая ропотъ казаковъ ихъ языкомъ. Они ждали къ себѣ на помощь свѣжихъ войскъ съ полковникомъ Филоненкомъ, но Филоненка не было какъ не было, а другой отрядъ, шедшій къ нимъ, подъ предводительствомъ кіевлянина Саввы, былъ разбитъ и предводитель взятъ въ плѣнъ. Русскіе еще разъ рѣшились вступить въ перегово-

ры. Въ послѣдній день іюля Гуня написалъ письмо къ польному гетману, изъявлялъ желаніе примириться и снова просилъ не довѣрять реэстровымъ казакамъ, которыхъ называлъ недовирками. Гетманъ послалъ къ нимъ офицеровъ для переговоровъ. «Пусть (говорили имъ русскіе) коронное войско не вноситъ намъ новаго порядка, который учрежденъ послѣдней конституціей; пусть казаки останутся при своихъ прежнихъ правахъ, а мы не хотимъ принимать назначеннаго надъ нами коммисара». «Постановленіе сейма (возражали имъ)—твердыня правъ вашихъ и свободы. Коммисары будутъ охранять васъ отъ своевольства черни и произвола жолнеровъ. Вы откроете себѣ двери ко всякой милости короля и Рѣчи Посполитой».

«Посланцы (замѣчаетъ дневникъ) говорили пространно и краснорѣчиво и увидѣли, что сказка глухому сказывалась».

Послѣ продолжительныхъ преній, 2-го августа, Гуня написалъ польному гетману новое письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе отдаться на волю короля.

«Сжалься, вельможный милостивый панъ (писалъ онъ), оставь насъ въ цѣлости. Пока послы наши не возвратятся отъ его милости короля, нашего милостиваго господина, въ это время мы не только коммисару, но хлопцу будемъ повиноваться и уважать его, если узнаемъ, что такова воля его величества, которой не станемъ противиться. А теперь просимъ покорно не мучь насъ, добродѣй!»

Съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ особѣ короля, вѣнценосца, русскіе вообще соединяли ненависть къ сеймовому правленію и хотѣли, чтобъ воля короля была выше сейма. Такое направленіе, разумѣется, было противно польскому дворянству, которое тогда болѣе, чѣмъ прежде старалось ограничить власть короля.

Въ тотъ же самый день казаки узнали, что давно ожидаемый Филоненко, наконецъ, приближается: но, къ несчастью ихъ, и поляки тогда же узнали о томъ же. Польскій гетманъ тотчасъ отрядилъ на правый берегъ значительныя подкрѣпленія подъ командой Лаща и краковскаго воеводы, а 4-го августа объявилъ генеральный штурмъ.

Казаки отбивались дружно и удачно, и удивляли враговъ своими военными хитростями. Около окоповъ вырыты были круглыя ямы и не одинъ полякъ падалъ т да стремглавъ; лежавшіе на брюхѣ казаки палили въ непріятеля по ногамъ, или хватали его живьемъ; другіе, выскочивъ изъ обоза, смѣшивались съ реэстровыми, посылали выстрѣлы по направленію къ табору; потомъ, давши пройти впередъ полякамъ, палили по

ніе отческой вѣры, толпами переселялись туда и водворя-
сь на привольныхъ и плодоносныхъ поляхъ нынѣшней Кур-
й и Харьковской губерній. Остранинъ съ своими казаками
лился въ Чугуевѣ, но въ 1641 году новопоселенцы взбун-
ись, умертвили его, и убѣжали въ прежнее свое отече-

ежду тѣмъ, въ этомъ ихъ отечествѣ, по укрощеніи каза-
безъ удержу изливалась шляхетская злоба надъ русскимъ
ъ за то, что ему не по душѣ было шляхетское влады-
«Церкви и церковные обряды жидамъ запродали — гово-
аинская лѣтопись — дѣтей казацкихъ въ котлахъ ва-
камъ перси деревомъ вытискали» [2]. То же повѣ-
ругой лѣтописецъ: «что мучительство Фараоне про-
чому тиранству? Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ
емъ изгнетаху и иная неисповѣдимая творяху бѣ-
этихъ варварствахъ того времени сохранилось из-
великорусскихъ актахъ: «Польскіе и литовскіе люди
евъ) христіанскую вѣру нарушили, и церкви ихъ
аая въ хоромы пожигаютъ, и пищальное зеліе на-
въ пазуху, зажигаютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣ-
ихъ и всякое строенье разорили и пограбили» [4].
е въ силахъ были шевельнуться: они сами стали
. «Ни чести имъ, ни славы не было — говоритъ
тописецъ [5] — бѣда ихъ сталась хуже турецкой нево-
и всѣ старшины шляхтичи обращались съ ними
и, приказывали топить себѣ печи, ходить за ло-
аками, чистить дворы свои. То же дѣлали съ
и подстаросты». Польскій лѣтописецъ [6], соглас-
ѣстіями, говоритъ: «коммисары и полковники
кое жалованье, обращались съ казаками, какъ
, обогащались на счетъ казаковъ, а между
азачества дало вольный проходъ татарамъ
той». Въ 1640 году, въ февралѣ, крымскіе
рай около Переяславля, Корсуня, и обшир-
хъ. Забирали людей и скотъ, сожигали
и возвращались домой, не опасаясь по-
й гетманъ, Конецпольскій, узнавъ

объ этомъ не въ пору, и явился съ войскомъ, но уже не могъ до
гнать татаръ, которые увели съ собою до тридцати тысячъ плѣн
никовъ и унесли множество добычи. Такую-то пользу Рѣчь По
политая получила отъ укрощенія казаковъ: одно несчастіе н
рода. Прежде казаки охраняли край отъ татаръ и стоили м
лыхъ издержекъ; теперь же приходилось держать наемное во
ско съ большими издержками. Все это дѣлалось въ уго
украинскимъ старостамъ и дѣдичнымъ владѣльцамъ, которы
допустивъ къ себѣ жидовъ, отдавали имъ въ аренду, [
прибытка, все, и въ томъ числѣ церкви; жиды держали у
ключи отъ церквей и всякій, кто имѣлъ надобность совег
бракъ или крещеніе, долженъ былъ платить жиду-аренд
Впослѣдствіи это до того стало омерзительно хлопамъ
они, соединившись съ казаками, взбунтовались и омы
мощніе края шляхетскою кровью. То же говоритъ одинъ
ско-католическій священникъ, написавшій въ 1648 году пра
учительную брошюру для своей паствы, испытавшей уже мо
щую руку Богдана Хмельницкаго. «Увлекаемые непомѣрною р
кошью, распространившеюся во всей Польшѣ, паны утѣсня
бѣдныхъ подданныхъ, продаютъ ихъ въ работы жидамъ,
давая имъ въ аренды имѣнія, а въ Украинѣ не дозволя
схизматикамъ вступать въ бракъ и крестить младенцевъ
заплативъ жиду особаго налога; а это особенно дурно пот
что жиды ищутъ дѣтской крови» [1].

Коронный гетманъ Конецпольскій, вмѣстѣ съ францу
инженеромъ Бопланомъ, отправился въ Кодакъ и ос
тамъ цѣлый мѣсяцъ, пока крѣпость не приведена была
вонительное положеніе [2]. Казаки были призваны пос
на укрѣпленія. «Каковъ кажется вамъ Кодакъ?» спросил
насмѣшливо коронный гетманъ. — «Что человѣчес
созидается, то человѣческими руками разруша
ему полатини [3] чигиринскій сотникъ Богданъ

Н.

[1] Jawor niebiesky Lublinu okaza

[2] Опис. Укр. Бопл.

[3] Annal. Polon. Clim. I. 21. (М

основанная варягами, не могла удержаться въ образѣ монархіи и скоро приняла федеративный строй, т.-е. разбилась на нѣсколько земель съ княжествами, соединенныхъ единствомъ правящаго княжескаго рода и главенствомъ великаго князя. Это связующее средство было, однако, слабо для того, чтобъ удержать федеративный строй; гораздо сильнѣе и прочнѣе была внутренняя связь—единой вѣры, единаго церковнаго и книжнаго языка и сознанія единства происхожденія, выражаемой общимъ для всѣхъ названіемъ русскихъ. Со второй половины XII вѣка Южная Русь начинаетъ уже мало по малу жить отдѣльно отъ сѣверной и восточной. Она сама была раздѣлена на нѣсколько княженій, управляемыхъ народными сходками (вѣчами) и князьями, которые хотя и принадлежали къ одному роду, но возводимы и смѣняемы были чаще не по праву преемничества, а по прихоти военнаго сословія. Кромѣ славянскихъ поселенцевъ, въ Южную Русь внѣдрились тюркскія племена подъ именемъ торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, черныхъ клобуковъ; впослѣдствіи они до извѣстной степени вошли въ составъ южнорусской народности и внесли въ нее азіатскую стихію.

Монгольское нашествіе обезлюдило русскую или кіевскую землю и вообще восточная часть южнорусской земли, гдѣ еще въ XII вѣкѣ существовало названіе украина, стала надолго пустою или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно малолюдною. Народонаселеніе сгущалось на западѣ—на Волынѣ и въ Червоной Руси: туда перенесенъ былъ и центръ политической дѣятельности. При князьяхъ Романѣ и сынѣ его Данилѣ, видимъ попытки утвердить и объединить южнорусскій народъ, но внутреннія несогласія, неустройства и вмѣшательства сосѣдей (поляковъ и венгровъ) не допустили до этого. Въ XIV вѣкѣ западная часть Южной Руси, т.-е. Червоная Русь соединилась съ Польшею, а та, которая лежала на востокъ отъ ней, вошла въ составъ новообразовавшагося государства русскаго, подъ властью князей литовскаго рода, отчего и назвалось оно великимъ княжествомъ литовскимъ.

Польша долго и постоянно стремилась къ тому, чтобъ присоединить къ себѣ это государство, и достигала этой цѣли тѣмъ, что на польскій престолъ выбирались русско-литовскіе князья. Одинъ изъ нихъ, Казимиръ Ягеллоновичъ, въ 1476 году уничтожилъ удѣльное кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ: въ Руси вводилось устройство, заимствованное изъ Польши. Установлены чины воеводъ, каштеляновъ, старостъ, дарованы русскому дворянству права польскаго дворянства. По польскому образцу, вольные города, мѣстечки, села раздавались старостамъ въ пожизненное владѣніе, что неизбѣжно убивало

древнее вѣчевое общинное самоуправленіе. То былъ первый важный шагъ къ тому тѣсному сближенію русскаго дворянства съ польскими обычаями и нравами, которое, наконецъ, привело его къ совершенному ополяченію и къ раздѣленію съ остальнымъ народомъ.

Скоро, вслѣдъ за тѣмъ, появились казаки, которымъ, со временемъ, суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія рускаго народа.

Казачество—безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе казакъ, означающее потатарски бродягу, вольнаго воина, наѣздника. По основаніи крымскаго царства и по занятіи ордами черноморскихъ странъ, татарскіе наѣздники стали безпокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ — московскаго и литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ казакахъ. Такъ Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою [1]. Въ 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану, что на литовскія области нападаютъ перекопскіе казаки, а въ 1516 году крымскій ханъ Махметъ-Гирей объяснялъ тому же литовскому государю, что происшедшее передъ тѣмъ нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было своевольными татарами бѣлогородскими казаками. [2] Нѣсколько позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, извѣстны были казаки татарскіе: въ грамотѣ 1561 года, писанной черкасскому старостѣ, этотъ великій князь литовскій сообщаетъ, что перекопскій царь писалъ къ нему о двадцати-четырехъ казакахъ бѣлогородскихъ, которые пожелали вступить въ службу литовскаго государя. Приложенныя при этой грамотѣ имена двадцати-четырехъ казаковъ—всѣ татарскія [3]. Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усвоивать и тѣ способы и пріемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и, такимъ образомъ, у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ

---

[1] Дѣла Моск. Арх. Ин. Дѣлъ.

[2] Dwa. Lata dziejów naszych. 1. 41.

[3] Акты Ю. и З. Р. II. 157.

военныхъ людей: въ московскомъ государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и неплатившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжамъ* (поземельная единица), имѣвшіе однако свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею [1]. Они не были воины: изъ другихъ, нѣсколько позднѣйшихъ актовъ видно, что они занимались возкою соли и пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же московскаго государства, на нижней Волгѣ—казаками (1582 г.) назывались вольные работники на судахъ—то, что̀ послѣ на Волгѣ называлось бурлаки. Нанимаясь къ какому нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гулящіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами [2]. Отличіе тѣхъ и другихъ казаковъ явно высказывается въ актахъ того времени; такъ напр. запрещается изъ казаковъ, находившихся на купеческихъ судахъ, брать въ казаки (а казаковъ бы есте съ судовъ у нихъ въ стрѣльцы и казаки не имали [3]. Такимъ образомъ, слово «казакъ» въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало въ обширномъ смыслѣ то, что̀ иначе называлось — гулящій человѣкъ, т.-е. не связанный тягломъ. Это значеніе подходитъ къ тому, какое и теперь во многихъ мѣстахъ Великой Россіи даютъ слову «казакъ», выражая имъ вольнаго, чаще бездомовнаго работника.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ литовскому государству, названіе «казакъ» означало воина, но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею; такъ въ грамотѣ, данной подъ 1499 годомъ кіевскимъ мѣщанамъ, говорится о казакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу [4]. При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ было два рода казаковъ: однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей; другіе собирались въ вольныя шайки и выбирали сами себѣ предводителей. Первые назывались по имени своего старосты и предводителя, такъ-какъ въ московскомъ государствѣ работавшіе на судахъ казаки назывались именемъ хозяина судна, на которомъ они слу-

---

[1] Акты Арх. Экс. 1. 303.
[2] Акты А. Э. 1. 347.
[3] Акты Ист. 1. 436.
[4] Акты Зап. Р. 1. № 170.

жили. Такъ подъ 1503 г. мы встрѣчаемъ черкасскихъ Княжь-Дмитровыхъ казаковъ [1]. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. 1516-й годъ обозначается историками какъ періодъ уже значительной дѣятельности казаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями казачества были хмѣльницкій староста Предславъ Лянскоронскій, черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, которому приписывали первому устройство казаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, и князь Дмитрій Вишневецкій, знаменитый, впослѣдствіи, своими покушеніями на Крымъ и Молдавію и своею трагическою кончиною въ Царьградѣ. Ядромъ казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, находившіеся долгое время подъ старостинскою властью Евстафія Дашковича, которому польскіе историки даютъ титулъ «знаменитаго казака». Обязанностью казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украйнѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной ногѣ. Такъ, въ уставной грамотѣ кіевскимъ мѣщанамъ, вмѣнялось ихъ въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами [2]. Не будучи, такимъ образомъ, воинами, подобно казакамъ, мѣщане, несли сверхъ того повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военнаго сословія, освобождались отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ военной. Что̀ для казаковъ составляло привиллегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними хлопы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ-то образовалось другаго рода казачество — вольное, неподчиненное существовавшему по закону управленію. Ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась запорожская Сича.

Когда собственно возникла эта славная впослѣдствіи община — нѣтъ точныхъ указаній. Въ 1527 году, вѣроятно, не существовало за порогами постояннаго казацкаго населенія: крымскій ханъ Саипъ Гирей жалуется на казаковъ, черкасскихъ и каневскихъ, которые *становились* подъ улусами татарскими на Днѣпрѣ и нападали на татаръ [2]. По этому поводу онъ гро-

[1] Арх. Юго-з. Р. т. 1. ч. 3. ст. 1.
[2] Акты Ю. и З. Р. 1. 128.
[3] Солов. Ист. V. 359.

зилъ напасть на Черкасы и Каневъ, но не говорилъ ни о какомъ казацкомъ гнѣздѣ ниже по Днѣпру, а объ немъ онъ долженъ былъ прежде всего упомянуть, еслибъ оно въ то время существовало. Въ 1533 году Евстафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ о необходимости держать постоянную казацкую сторожу въ двѣ тысячи человѣкъ на днѣпровскихъ островахъ, и кромѣ того, нѣсколько сотъ конныхъ для доставки имъ продовольствія. Историкъ Бѣльскій говоритъ, что на сеймѣ, по этому поводу, ничего не было сдѣлано [1]. Такимъ образомъ, и въ этомъ году, повидимому, еще не было Сичи. Въ шестомъ десятилѣтіи XVI вѣка, князь Дмитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ [2]. Появленіе казацкой селидьбы на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того, казаки, по извѣстію Бѣльскаго, имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько извѣстно намъ, о ея существованіи первый разъ являются указанія въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ, нетолько ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшкиваютъ*, то-есть обитаютъ [3].

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые, какъ показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленіемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное и пріучало ихъ дѣлаться отважными мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было

---

[1] Kronika Xięga. V.
[2] Ак. Ю. и З. Р. II. 148.
[3] Арх. Югоз. Р. 1. ч. 3. стр. 4.

образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле нетолько за рыбою и звѣрьми, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ-называемая, сирома̀, то-есть сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копейка во всякое время. Другіе возвращались на Украину, но уже не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ судьба опредѣлила имъ быть до того времени, то-есть нести мѣщанскія и сельскія повинности; они оставались и сами себя называли казаками: по тогдашнимъ понятіямъ, кто былъ воинъ и подвергалъ себя безпрестанно опасностямъ войны, тотъ уже тѣмъ самымъ ставилъ себя выше другихъ и не хотѣлъ нести повинностей, которыя должны были падать исключительно на мирное народонаселеніе, какъ бы въ вознагражденіе за охраненіе своего жительства отъ опасностей. Недовольство, существовавшее между мѣщанами въ тѣ времена, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается жалобами мѣщанъ на воеводъ и старостъ. Такъ, въ 1523 году, кіевскіе мѣщане жаловались на своего воеводу Андрея Немировича, что онъ имъ оказываетъ разныя несправедливости, заставляетъ ходить съ собою въ походъ пѣшихъ, отнимаетъ у нихъ лошадей и вооруженіе и раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и наказываетъ ихъ въ случаѣ, когда плѣнный убѣжитъ, хотя бы мѣщанинъ не имѣлъ умысла выпустить его, тогда-какъ по закону, въ подобныхъ случаяхъ, не слѣдовало мѣщанину чинить наказанія; воевода, сверхъ того, присвоиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, посылаетъ мѣщанъ на черныя работы, которыя не слѣдовало возлагать на мѣщанъ. На такую жалобу не послѣдовало отъ великаго князя ничего, кромѣ нравоученія воеводѣ, чтобы онъ впередъ такъ не дѣлалъ и не присвоивалъ себѣ суда надъ мѣщанами, которыхъ судить должны были войтъ, бурмистръ и радцы [1]. Въ Черкасахъ, по смерти Евстафія Даш-

[1] Акты Ю. и З. Р. II. 132.

ковича, появились одни за другими новые старосты: противъ одного изъ нихъ, Тышкевича, взбунтовались мѣщане; по слѣдствію оказалось подозрѣніе въ поджигательствѣ къ бунту на нѣкоего Пенко, который, однако, оправдался[1]. Потомъ Пенко сталъ старостою и черкасскіе мѣщане жаловались, что этотъ новый староста заставляетъ ихъ на себя работать, возить дрова и сѣно, не позволяетъ возить въ Кіевъ на продажу медъ, не даетъ ловить рыбу и бобровъ, отнимаетъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ днѣпровскій порогъ Звонецъ, собираетъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рождества Христова и отягощаетъ ихъ поставкою подводъ. Мѣщанскія повинности подъ его управленіемъ были до того тяжелы, что иные мѣщане поступали къ нему въ служебники, чтобы освободиться отъ мѣщанскихъ повинностей, которыя, черезъ уменьшеніе числа тяглыхъ, не облегчались для остальныхъ, оставшихся въ мѣщанствѣ. По этой жалобѣ, кіевскій воевода Немировичъ, тотъ самый, на котораго жаловались кіевскіе мѣщане, производилъ, съ двумя королевскими дворянами, дознаніе и нашелъ старосту невиновнымъ[2]. Уже этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, какъ тогдашнее положеніе городовъ способствовало тому, чтобы мѣщане выходили изъ своего званія и поступали въ казачество. За мѣщанами сельскіе люди стали дѣлать то же. Запорожье наполнялось бѣглецами. Побывавши на Низу и возвратившись въ Украину, эти бѣглецы умножали собою число людей, называвшихъ себя вольными казаками, не хотѣвшими подчиняться прежнимъ своимъ властямъ.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою, и строгое повиновеніе волѣ начальства — то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшія ее, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду— сходку, подобную стариннымъ вѣчамъ. На радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошевого, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, назывались кошемъ — слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренный атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но по окончаніи года отдавалъ отчетъ въ управленіи, и въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Съ этой цѣлью, чтобъ онъ не зазнавался, существовалъ обрядъ—новоизбранному кошевому ма-

[1] Арх. Югоз. Р. 1 ч. 3. стр. 2.
[2] Акты З. Р. II. 352.

зали лицо грязью. Пища у нихъ—говоритъ украинскій лѣтописецъ [1], была ржаное квашеное тѣсто, называемое соломаха, рѣдко свaренное, а болѣе праздничное кушанье — рыбная похлебка, называемая щербою. Они жили въ куреняхъ, человѣкъ по сту пятидесяти въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчные на войнѣ, запорожцы казнили смертію своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мирныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣшеніемъ: «за едино путо вѣшаютъ на древѣ». Въ товарищество поступали и холостые и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подъ смертною казнію. За блудодѣяніе жестоко наказывали палочными ударами. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, первые запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ. Бóльшая часть удальцевъ, которымъ суждено было не погибнуть и не попасть на войнѣ въ плѣнъ, возвращалась домой, обогащаясь добычею, нѣсколько разъ повторяла свои походы на Низъ, или же изъ нихъ образовывались казацкія шайки, которыя выбирали предводителей, величаемыхъ гетманами, или они, отвѣдавши казацкаго житья, поступали подъ предводительство какого нибудь пана, который, въ такомъ случаѣ, назывась ихъ гетманомъ, обращался съ ними, какъ съ вольными людьми. Такіе вольные казаки служили у князей Вишневецкихъ и Ружинскихъ. Единаго начальника надъ всѣми украинскими казаками еще не было. Крайнее равенство правъ господствовало въ ихъ бытѣ. Шляхтичъ ли, князь ли, мѣщанинъ или сельскій хлопъ шелъ въ казаки — онъ былъ равенъ своимъ товарищамъ. Сперва вольное казачество наполнялась мѣщанами, а потомъ большинство въ немъ состояло изъ сельскихъ хлоповъ, не хотѣвшихъ повиноваться своимъ панамъ. Вѣкъ Сигизмунда-Августа былъ эпохой значительнаго ополяченія русскаго дворянства. Оно принимало польскій образъ жизни, усвоивало польскіе нравы и польскую рѣчь, начинавшую мало по малу замѣнять русскую. Съ тѣмъ вмѣстѣ паны русскіе стали жить роскошнѣе: нужды ихъ усложнились и требовали усиленія доходовъ и черезъ то положеніе хлоповъ стало тягостнѣе, а между тѣмъ имъ было большое искушеніе—возможность убѣгать отъ пановъ, и они убѣгали

[1] Истор. о презѣльной брани.

въ казачество. Не только изъ Южной Руси, но изъ Литвы и Польши приходили искатели свободы. Мѣстожительства казаковъ не ограничивалось Черкасами и Каневымъ, какъ было вначалѣ, но по всему пространству нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской проживали казаки, люди вольные, не хотѣвшіе подчиняться установленнымъ властямъ, и связанные съ центромъ казацкой вольности — запорожскою Сичью. Одна изъ лѣтописей украинскихъ говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: сколько въ Украинѣ казаковъ? Ему отвѣчали: «У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ». Казацкіе походы не ограничивались уже стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ: на своихъ чайкахъ, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и умѣщавшіе до шестидесяти человѣкъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, нападали на мусульманскіе города, избавляли изъ галеръ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подъ стѣнами столицы падишаха. Возвращаясь домой съ добычею, нѣкоторые изъ бѣдняковъ становились богачами и своимъ примѣромъ увлекали другихъ на казацкіе подвиги.

Польское правительство не покровительствовало умноженію казачества: оно не могло не видѣть въ немъ подрыва существующаго порядка, такъ-какъ казачество наполнялось людьми, убѣгавшими отъ повинностей; притомъ оно боялось, что казацкіе набѣги на Крымъ и Турцію будутъ вызывать непріязненныя дѣйствія противъ Польши со стороны мусульманскихъ сосѣдей, съ которыми оно не хотѣло вести войнъ. Польскимъ и литовскимъ государямъ казалось лучше платить крымскимъ ханамъ дань, которую они называли, изъ благоприличія, жалованьемъ. Татары нужны были для нихъ въ нескончаемой борьбѣ Литвы съ Москвою, чтобы, при случаѣ, можно было напускать на земли послѣдней союзныя орды. Правительство, однако, не желало совершеннаго уничтоженія казаковъ, но хотѣло, чтобы ихъ было немного, въ качествѣ пограничной стражи, для обереженія польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ своевольныхъ казаковъ. Какъ ни враждебно становилось казачество къ шляхетству, наполняясь преимущественно изъ панскихъ хлоповъ, но пока еще сами паны и шляхта покровительствовали его развитію. Въ 1540 году Сигизмундъ-Августъ послалъ такой выговоръ «справцѣ» кіевскаго воеводства, князю Коширскому: «многократно прежде писали мы тебѣ обнадеживая тебя нашею милостію и угрожая наказаніемъ и приказывали, чтобъ ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ казаковъ нападать на татарскіе улусы; вы же ни-

когда не поступали сообразно нашему господарскому приказанію и не только не удерживали казаковъ, но ради своей выгоды сами давали имъ дозволеніе и черезъ такую неосмотрительность вашу наше государство не могло пребывать въ покоѣ и терпѣло большой вредъ отъ татарскаго поганства». Исчисляя затѣмъ совершенныя передъ тѣмъ своевольства казаковъ надъ татарами, грамота эта говоритъ: «посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича; мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ казаковъ переписать въ реэстръ и доставить намъ этотъ реэстръ. Приказываемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ казакамъ непремѣнно записаться въ реэстръ и послѣ того никоимъ образомъ не выступать изъ нашихъ приказаній, а затѣмъ кто осмѣлится впередъ нападать на татарскіе улусы, тѣхъ хватать и казнить, либо къ намъ присылать. Если же перекопскій царь за вредъ, нанесенный его подданнымъ, нападетъ на наше государство или пошлетъ на него своихъ людей, тогда никакая твоя отговорка принята не будетъ, и мы, безъ всякаго милосердія, взыщемъ на твоихъ маетностяхъ и на тебѣ самомъ вредъ, нанесенный нашимъ господарскимъ и земскимъ имуществамъ» [1]. Въ 1557 году Сигизмундъ-Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за его храбрые подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что̀ онъ предлагалъ—содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ замкѣ на днѣпровскомъ островѣ. Сигизмундъ-Августъ, напротивъ, возлагалъ на него обязанность — бдительно смотрѣть, чтобы казаки отнюдь не дѣлали нападенія на области турецкаго императора, съ которымъ, какъ и съ крымскимъ царемъ, заключенъ былъ вѣчный міръ [2]. Въ 1568 году, когда уже образовалась запорожская Сича, Сигизмундъ-Августъ въ универсалѣ къ казакамъ писалъ: «Мы освѣдомились, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинныхъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру по полямъ и по инымъ *входамъ*, и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города, съ поля, съ Низу, и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ; если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему приказанію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе» [3].

---

[1] Акты Ю. и З. Р. '. 110.
[2] Акты Ю. и З. Р. II, 148.
[3] Арх. Югоз. Р. 1. ч. 3. стр. 4.

Распоряженія эти не имѣли силы. Сича не уничтожалась, напротивъ укрѣплялась, казацкіе побѣги не только не прекращались, но увеличивались. Попытка привести казаковъ въ извѣстность посредствомъ реэстрованія и тѣмъ заградить путь приливу тяглыхъ людей въ казачество не удалась; по старосты, видя умаленіе своей власти и доходовъ, стали утѣснять и отягощать казаковъ, жившихъ у нихъ въ староствахъ, такъ что послѣдніе жаловались правительству. Въ послѣдній годъ своего царствованія (1572 г.) Сигизмундъ-Августъ поручилъ коронному гетману Язловецкому произвести въ казачествѣ переборъ, и ограничивъ казаковъ извѣстнымъ числомъ, взять ихъ изъ-подъ власти старостъ подъ свою власть, назначивъ имъ годовое жалованье. Тогда, сколько извѣстно, былъ поставленъ первый разъ старшій надъ всѣми казаками съ правомъ суда надъ ними подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана. Этимъ старшимъ былъ нѣкто Янъ Бадовскій, шляхетскаго происхожденія. Съ этихъ поръ являются надъ казаками старшіе, признаваемые правительствомъ [1].

Между тѣмъ совершилось великое событіе. Сигизмундъ-Августъ, всю жизнь потакавшій полякамъ, устроилъ, съ величайшимъ, однако, усиліемъ, соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Польскимъ королевствомъ. Вся земля южнорусская, именно Украина (то-есть нынѣшнія губерніи Кіевская и Полтавская), Волынь и Подолія на всеобщемъ сеймѣ были отдѣлены отъ Литвы и присоединились непосредственно къ Польшѣ. Русскіе, какъ сказано было въ актѣ, соединились съ поляками, какъ равные съ равными и свободные съ свободными. Русскіе дворяне упорно противились этому соединенію, однако согласились, успокоенные клятвенными утвержденіями вѣчной неприкосновенности своей вѣры, языка, законовъ, — словомъ, совершенной цѣлости своей національности [2]. Но того, что̀ писалось на бумагѣ, нельзя было сохранить на дѣлѣ. Русское дворянство слишкомъ сроднилось съ польскою жизнью, достаточно проникалось духомъ польской образованности, стояло уже на пути ополяченія и полной измѣны той народности, которую еще оффиціально признавало за собою. Это вело къ тому, что русское дворянство должно было сдѣлаться чужимъ для народа, который, оставаясь попрежнему русскимъ, находился у него подъ властью и произволомъ, тѣмъ болѣе неограниченнымъ и тя-

---

[1] Акты Ю. и З. Р. II. 176.

[2] Объ исторіи соед. Литвы и Польшей см. въ дневникѣ Люблинскаго сейма, изданномъ Археогр. Коммисіею.

гостнымъ, чѣмъ болѣе русскіе дворяне походили на поляковъ. Казаки, происходя преимущественно изъ простаго народа и, оставаясь русскими, были его дѣятельною силою, а потому должны были неизбѣжно стать во враждебныя отношенія къ дворянству.

Преемникъ Сигизмунда-Августа, Стефанъ Баторій, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ слить Южную Русь съ Польшею въ одинъ составъ. Король хотѣлъ ослабить и, мало-по-малу, довести до уничтоженія казаковъ, потому что они были оплотомъ русской народности и главнымъ препятствіемъ къ слитію Руси съ Польшею. Украина только на бумагѣ принадлежала Польскому королевству; дворяне служили въ казацкомъ войскѣ, не спрашиваясь ни у кого, а казаки, которыхъ было много во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ, выбирали гетмановъ, воевали, мирились, дѣлали свои распоряженія, не относясь къ правительству [1]. Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Ѳедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ [2]. Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реэстровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммисія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній Южной Руси реэстровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ [3]. Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: Черкассій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Чигиринскій и Переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману, главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ были чины генеральные: асаулъ, судья и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реэстровыхъ король

---

[1] «Hist. bel. cos. polon.»

[2] «Лѣт. сам.» 2.—«Ист. о през. бр.»—«Пов. о томъ, что случ. въ Укр.» 2—«Сказ. о гетм. запор.»

[3] Hist. bel. cos. pol. 10.

сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобъ современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реэстръ, остались казаками, а прочіе, мало-по малу, вошли въ сословіе посполитыхъ: они, всѣ, наравнѣ съ другими, подпали бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реэстровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову [1]. Тогда-то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его.

Шахъ первый показалъ мысль посредствомъ казаковъ освободить Южную Русь отъ соединенія съ Польшею. Онъ выгонялъ шляхтичей, поселявшихся въ Подоліи со времени присоединенія ея къ Польшѣ, по акту 1569 года [2]; король хотѣлъ рѣшительно истребить казачество, но не успѣлъ, и сказалъ, не задолго до кончины: «изъ этихъ *льотриковъ* (бродягъ) казаковъ образуется когда-то самостоятельное государство» [3].

По смерти Стефана, при Сигизмундѣ III, сеймъ началъ издавать постановленія, стѣснявшія казачество. Конституціею 1590 г. положено, чтобы казаки находились подъ властью короннаго гетмана, который имъ будетъ назначать старшихъ. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать въ казацкое сословіе новыхъ лицъ безъ своего старшаго, а старшой безъ воли короннаго гетмана, и у послѣдняго долженъ былъ находиться списокъ всѣхъ казаковъ. Чтобы заградить переходъ въ казачество мѣщанамъ и хлопамъ, вмѣнили въ обязанность въ коронныхъ имѣніяхъ старостамъ, а въ земскихъ владѣльцамъ-собственникамъ (дѣдичамъ) учредить урядниковъ, обязанныхъ смотрѣть, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не ходилъ на Низъ, въ Сичу и поле. Строжайше запрещено было продавать простонародію порохъ, селитру, оружіе и всякую военную добычу. Виновные въ несоблюденіи этихъ пра-

---

[1] Лѣт. самов. 2

[2] Кр. опис. о каз. малор. нар. 2.

[3] Лѣт. Велич. I. 338. Лѣт. отъ смерт. Хмельн.

гостнымъ, чѣмъ болѣе русскіе дворяне походили на поляковъ. Казаки, происходя преимущественно изъ простаго народа и, оставаясь русскими, были его дѣятельною силою, а потому должны были неизбѣжно стать во враждебныя отношенія къ дворянству.

Преемникъ Сигизмунда-Августа, Стефанъ Баторій, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ слить Южную Русь съ Польшею въ одинъ составъ. Король хотѣлъ ослабить и, мало-по-малу, довести до уничтоженія казаковъ, потому что они были оплотомъ русской народности и главнымъ препятствіемъ къ слитію Руси съ Польшею. Украина только на бумагѣ принадлежала Польскому королевству; дворяне служили въ казацкомъ войскѣ, не спрашиваясь ни у кого, а казаки, которыхъ было много во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ, выбирали гетмановъ, воевали, мирились, дѣлали свои распоряженія, не относясь къ правительству [1]. Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Ѳедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ [2]. Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реэстровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммисія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній Южной Руси реэстровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ [3]. Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: Черкасскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Чигиринскій и Переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману, главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ были чины генеральные: асаулъ, судья и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реэстровыхъ король

[1] «Hist. bel. cos. polon.»

[2] «Лѣт. сам.» 2.—«Ист. о през. бр.»—«Пов. о томъ, что случ. въ Укр.» 2—«Сказ. о гетм. запор.»

[3] Hist. bel. cos. pol. 10.

сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобъ современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реэстръ, остались казаками, а прочіе, мало-по малу, вошли въ сословіе посполитыхъ: они, всѣ, наравнѣ съ другими, подпали бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реэстровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову [1]. Тогда-то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его.

Шахъ первый показалъ мысль посредствомъ казаковъ освободить Южную Русь отъ соединенія съ Польшею. Онъ выгонялъ шляхтичей, поселявшихся въ Подоліи со времени присоединенія ея къ Польшѣ, по акту 1569 года [2]; король хотѣлъ рѣшительно истребить казачество, но не успѣлъ, и сказалъ, не задолго до кончины: «изъ этихъ *льотриковъ* (бродягъ) казаковъ образуется когда-то самостоятельное государство» [3].

По смерти Стефана, при Сигизмундѣ III, сеймъ началъ издавать постановленія, стѣснявшія казачество. Конституціею 1590 г. положено, чтобы казаки находились подъ властью короннаго гетмана, который имъ будетъ назначать старшихъ. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать въ казацкое сословіе новыхъ лицъ безъ своего старшаго, а старшой безъ воли короннаго гетмана, и у послѣдняго долженъ былъ находиться списокъ всѣхъ казаковъ. Чтобы заградить переходъ въ казачество мѣщанамъ и хлопамъ, вмѣнили въ обязанность въ коронныхъ имѣніяхъ старостамъ, а въ земскихъ владѣльцамъ-собственникамъ (дѣдичамъ) учредить урядниковъ, обязанныхъ смотрѣть, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не ходилъ на Низъ, въ Сичу и поле. Строжайше запрещено было продавать простонародію порохъ, селитру, оружіе и всякую военную добычу. Виновные въ несоблюденіи этихъ пра-

---

[1] Лѣт. самов. 2

[2] Кр. опис. о каз. малор. нар. 2.

[3] Лѣт. Велич. I. 338. Лѣт. отъ смерт. Хмельн.

вилъ подвергались смертной казни. Тому же подвергались непослушные и нерадивые урядники, а тѣ владѣльцы, у которыхъ въ имѣніяхъ оказалось бы своеволіе, подвергались судебному преслѣдованію, если потакали безпорядкамъ. Всѣ казацкіе начальники должны быть назначены коронным гетманомъ и непремѣнно изъ шляхты. Учреждали двухъ чиновниковъ подъ названіемъ дозорцевъ, также изъ шляхетскаго званія: ихъ обязанность была наблюдать, не оказывается ли гдѣ своеволіе, не составляется ли казацкая шайка, не порываются ли хлопы выходить изъ повиновенія дворянству, и обо всемъ доносить гетману. Это еще болѣе раздражило казаковъ и было причиною новыхъ возстаній; поляки же ни мало не достигли цѣли. Казаки были такъ сильны, что опредѣленія сейма не имѣли на нихъ вліянія; притомъ же польскіе дворяне, сами того не зная, способствовали увеличенію и усиленію казацкаго сословія. Занимая въ Украинѣ, особенно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, привольныя, но малонаселенныя земли, они приглашали къ себѣ переселенцевъ, обѣщая имъ выгоды; это называлось: «зазывать на слободы». Русскіе бѣжали къ нимъ изъ Волыни и Червоной Руси, гдѣ не было казаковъ и народъ находился въ большей подчиненности у владѣльцовъ. Эти новосельцы часто приходили въ слободу и тотчасъ же убѣгали къ казакамъ, а другіе, если и занимались земледѣліемъ въ имѣніи пана, то всегда могли избавиться побѣгомъ отъ обязанностей подданства, а въ случаѣ возстанія казаковъ противъ власти, готовы были увеличивать собою число казацкаго войска [1]. Итакъ, казаки были уже раздражены противъ Польши, а между тѣмъ усиливались; мысль объ отторженіи Руси возникала; вдругъ появилась церковная унія, или соединеніе греческой церкви съ римскою.

Римскіе первосвященники издавна простирали виды на русскую церковь. Попытки ихъ впродолженіе вѣковъ оставались безуспѣшны. Но въ концѣ XVI вѣка обстоятельства были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ распоряженіи ихъ былъ орденъ іезуитовъ, введенный въ Польшу при Сигизмундѣ-Августѣ, и въ короткое время овладѣвшій и правительствомъ и умами дворянства, и воспитаніемъ юношества. Сигизмундъ III-й былъ горячій католикъ и готовъ былъ на все въ угодность папѣ. Притомъ же стремленія польской политики благопріятствовали видамъ римскаго двора: совершенное слитіе Руси съ Польшею казалось неудобоисполнимымъ, пока не успѣютъ поколебать вѣру русскаго народа. Возникла унія и возникла съ

[1] Hist. bel. cos. pol. 22.

искусствомъ. Не касаясь, повидимому, правъ Руси, освященныхъ торжественно кореннымъ закономъ соединенія русскихъ съ поляками, не показывая явнаго намѣренія подчинить русскихъ римско-католической церкви, ограничивались единственно тѣмъ, что русскіе должны были признать спасительность римско-католическаго исповѣданія, со всѣмъ ученіемъ западной церкви, наравнѣ съ греческимъ, и почитать обряды западные такими же святыми, какъ и восточные; а римская церковь признавала святость всего, составляющаго достояніе восточнаго православія. Такова была видимая сущность уніи. Способъ ея введенія былъ также прикрытъ личиною справедливости: католики отнюдь не навязывали русскимъ уніи. Нашлись лица изъ духовнаго званія, которыхъ можно было употребить орудіями и придать дѣлу такой видъ, будто церковь православная, въ лицѣ духовныхъ представителей, добровольно предлагаетъ братское соединеніе съ западною церковью для блага всего христіанства. Нѣкоторые епископы увлечены были обманомъ; ихъ убѣдили подписаться на бланкахъ, на которыхъ потомъ написали совсѣмъ не то, что̀ имъ обѣщали, а будто они всѣ желаютъ признать первенство римскаго апостольскаго престола [1]. Этотъ-то актъ былъ утвержденъ папою, а потомъ поляки считали себя въ правѣ употреблять всякія явныя мѣры къ уничтоженію русской вѣры въ русской землѣ, думая, что коренной законъ соединенія русскихъ съ поляками, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, отнюдь не нарушенъ. Унію выдумали только для простаго народа: дворянъ предполагалось обратить прямо въ католичество.

Дворянство южно-русское, при появленіи уніи, зашумѣло, составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру [2]; но лѣтъ чрезъ тридцать съ небольшимъ послѣ того, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, несмотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ» [3].

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владиміра, или Гедимина, пользовались передъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государственнаго управленія. Они по-

[1] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 140.
[2] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 149.
[3] Опис. Укр. 8.

любили эту роль, промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней Южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро перемѣнили и вѣру, потому что эта перемѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію староствъ; притомъ, ихъ ободряли ласки короля и двора, и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія.

Другіе потѣряли вѣру и народность черезъ браки съ польками; а если сами заимствовали отъ супругъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ, перерождались цѣлыя фамиліи.

Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе; ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его; описываютъ ее ересью; представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину — и все въ ней кажется ему варварскимъ; онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южно-русскую; на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба.

Наконецъ, многіе дворяне, живя на родинѣ, увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей Южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи, бо̀льшая часть православныхъ епископскихъ каѳедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и уніатовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Притомъ польскіе дворяне, съ важ-

дымъ годомъ, болѣе и болѣе разселялись въ Руси. Сила привычки велика: русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными; нетолько не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета [1]. Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему непринадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться. «Нѣтъ государства—говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга [2] — гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властью шляхты. Разгнѣванный земянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и самаго убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурнаго не потерпитъ. Со времени уніи, какъ мы замѣтили, панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить [3], что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи Посполитой распространилась чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ званые столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Бережливость считалась постыдною; въ тотъ вѣкъ принимали за хорошій тонъ въ домѣ, когда лакеи вытирали сальныя тарелки рукавами господскихъ кунтушей, вышитыхъ золотомъ по драгоцѣнному бархату [4]. «Въ прежнія времена — говоритъ современный обличитель Старовольскій [5] — короли хаживали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, хочетъ отличиться отъ простого народа, чтобъ не замѣтили на немъ овчины. Прежде, бывало, шляхтичъ ѣздилъ простымъ возомъ, рѣдко когда въ колебкѣ на цѣпяхъ, а теперь катитъ шестернею въ кочѣ, обитомъ шелковой тканью съ серебрянными укра-

---

[1] Опис. Укр. 9.
[2] Kaz. IV.
[3] Опис. Укр. 111.
[4] Ibid.
[5] Reforma obyczajów.

шеніями. Прежде, бывало, пили доброе домашнее пиво, а теперь не то что погреба—и конюшни пропахли венгерскимъ. Прежде, бывало, четырехлѣтняго венгерскаго бочка въ сто гарнцевъ стоила десять злотыхъ, а теперь за бочку въ шестьдесятъ гарнцевъ платятъ по 150, по 200, по 400 злотыхъ и дороже того. Всѣ деньги идутъ на заморскія вина, на сахарныя сласти, на пирожныя и пастеты, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до ремесленника, всѣ пропиваютъ свое состояніе, потомъ входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить (epulari splendide); заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они какъ гарпіи или саранча: одна особа съѣдаетъ въ одинъ день столько, сколько множество бѣдняковъ заработаютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно (не мучась совѣстью)». Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтенокъ. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣсколько тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.

«Крестьяне въ Польшѣ, — говоритъ современникъ — [1], мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ-называемый *осыпъ* [2], то-есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть [3], и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очковаго*, каждый волъ — пошлинѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за право пасти скотъ — *спасное*,

---

[1] Опис. Укр. 114, 127.
[2] Лѣт. самов. 7.
[3] Опис. Укр. 9.

за право собирать жолуди — *жолудное*, за ловленіе рыбы и звѣрей — *десятину*, за измолъ муки — *сухомельщину* [1], и т. п. Крестьянамъ не дозволялось нетолько приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду въ аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ или горилку, что и скотъ пить не станетъ; «а если, — говоритъ Старовольскій, [2]—хлопъ не захочетъ отравляться этою бурдою, то панъ велитъ нести ее къ нему во дворъ, а тамъ, хоть въ навозъ выливай, а заплати за нее». Случится у пана какая-нибудь радость — подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное (witanne); если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матеріи, мясники — мясо, корчмари — напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать «стацію» его гайдукамъ и казакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду—на его подданныхъ налагалась всегда какая-нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, «а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, — говоритъ Старовольскій — такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать какъ его слуги». Наберетъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ — и тому и другому не платитъ. Таковъ былъ панскій обычай. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ [3], а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ-называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну* [4]. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколь-

---

[1] Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 56. Ист. о през. бр.
[2] Reforma obyczajów.
[3] Fawor Niebiesky.
[4] Hist. bel. cos. polon. 32 Fawor. Niebiesky.

ко лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья [1]. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію [2]. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ—что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія. Старосты и державцы — говоритъ Старовольскій [3] — не обращаютъ вниманія ни на королевскіе декреты, ни на коммисіи, пусть на нихъ жалуются: у нихъ всегда найдутся пособники выше; обвиняемый будетъ всегда правъ, а хлоповъ бранятъ, пугаютъ и запугаютъ до того, что они оставятъ дѣло и молчатъ. Если же найдется такой смѣльчакъ, что не покорится и не оставитъ иска, такъ его убьютъ или утопятъ, а имущество его отдадутъ другимъ, угодникамъ панскимъ. Убитаго обвинятъ — будто онъ бунтовщикъ, хотѣлъ бѣжать въ опришки, на границѣ воровство держалъ и т. п. Двое старостъ — продолжаетъ тотъ же Старовольскій — судились за то, что одинъ изъ нихъ посылалъ своихъ слугъ бросить съ моста въ воду проѣзжихъ, ограбивши ихъ имущество, а другой бралъ съ купцовъ на ярмаркѣ незаконные поборы цѣлыми кусками блаватныхъ матерій да бочками малвазіи. И что же? Ихъ отпустили и оправдали, а искъ продолжать предоставлено на ихъ слугахъ, даромъ, что за однимъ старостою уже извѣстны были прежде подобныя дѣла. И не мудрено было поступать такимъ образомъ старостамъ, когда, по извѣстію современниковъ, привиллегію на староство выхлопотать стоило дороже, чѣмъ сколько староство приносило годоваго дохода. «У насъ — говоритъ тотъ же Старовольскій — въ канцеляріяхъ завелись неслыханные прежде поборы—подарки ассесорамъ и судьямъ; вездѣ подкупы, войты, лавники, бурмистры, всѣ на подкупѣ, а о доносчикахъ, какъ они подводятъ невинныхъ людей, и говорить тяжело: поймаютъ богатаго, запугаютъ, засадятъ въ тюрьму и тянутъ надъ нимъ слѣдствіе, а съ него сосутъ подарки и взятки. Такъ называемые экзаторы — собиратели податей въ городахъ и коронныхъ имѣніяхъ, были также грабители». «Иногда — говоритъ Старовольскій — за квитанцію возьмутъ

[1] Hist. bel. cos. pol. 32. Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70. Универс. кіевск. митр. Петр. Мог. 10.

[2] Пам. кіев. комм. 1, 2, 89.

[3] Ref. obycz.

больше, чѣмъ поборовъ соберутъ. Знаю я одного такого собирателя: ему городъ подарилъ за квитанцію сто талеровъ, — онъ бросилъ ихъ со стола и ногами потопталъ и не далъ квитанціи, пока ему не всучили сто червонцевъ. Другой по Руси ѣздилъ собирать недоимки изъ села въ село и вездѣ бралъ себѣ стаціи — полти мяса, сыръ, масло, даже рогатый скотъ за нимъ гнали стадомъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или жида-подстаросты, которые не жалѣли людей, потому что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ коронныхъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами. Нашъ жолнеръ — говоритъ Старовольскій — не знаетъ ни вѣры, ни отечества: получитъ отъ Рѣчи Посполитой жалованье и пропьетъ его въ одинъ вечеръ, а потомъ достаетъ себѣ платье, упряжь и продовольствіе отъ убогихъ людей, награбитъ у нихъ всякой всячины и везетъ въ обозъ, а тамъ раскинетъ палатку и продаетъ награбленное, потомъ кричитъ на гетмана, жалуется, требуетъ, чтобы войско отпустили на гиберны (зимовыя квартиры), получаетъ жалованье по четвертямъ и не помнитъ того, что получилъ не-въ-зачетъ за четверть. Жолнеры составляютъ конфедераціи, расписываютъ самовольно квартиры, собираютъ на себя королевскіе доходы и такимъ образомъ тотъ, кто обязанъ защищать отечество, дѣлается его раззорителемъ. На войну ли идутъ жолнеры — обдираютъ бѣдныхъ людей; съ войны возвращаются—то же самое: одна хоругвь прійдетъ въ село, грабитъ его, за нею другая, третья, и нѣтъ такого села, гдѣ бы не перебывало тридцать, сорокъ хоругвей. Люди плачутъ, кричатъ, разбѣгаются. «Много намъ разсказываютъ о турецкомъ рабствѣ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, но это касается военноплѣнныхъ, а не тѣхъ, что жительствуютъ у турокъ подъ властью, обработываютъ землю или занимаются торговлей. Послѣдніе, заплативъ годовую дань, или окончивши положенную на нихъ работу, свободны такъ, какъ не свободенъ у насъ ни одинъ шляхтичъ. У насъ въ томъ свобода, что всякому можно дѣлать то, что захочется: отъ этого и выходитъ, что бѣднѣйшій и слабѣйшій дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго, сильный наноситъ слабому безнаказанно всякія несправедливости, какія ему вздумается. Въ Турціи никакой паша не можетъ того дѣлать послѣднему мужику, иначе поплатится за то головой; и у москвитянъ думный господинъ и первѣйшій бояринъ, и у татаръ мурза и высокій уланъ не смѣютъ такъ оскорблять простаго хлопа, хотя бы и иновѣрца; никто и не подумаетъ объ этомъ: всякъ знаетъ, что его самаго могутъ повѣсить не-

редъ домомъ обиженнаго. Только у насъ въ Польшѣ вольно все дѣлать и въ мѣстечкахъ и въ селеніяхъ. Азіатскіе деспоты во всю жизнь не замучатъ столько людей, сколько ихъ замучатъ каждый годъ въ свободной Рѣчи Посполитой».

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять конституцій, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія [1]; но, вопервыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а вовторыхъ, эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или старостве построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ, впрочемъ, съ опасностью подвергнуться наѣзду какого нибудь сосѣда, возбужденнаго католическимъ духовенствомъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ — католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ-какъ пановъ католической вѣры, со дня на день, становилось больше, чѣмъ православныхъ, то значитъ, эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или старостве [2]; обращали насильно православныя церкви въ уніатскія [3]; нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи: ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія [4]. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину [5], не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и по-

[1] Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 85—89, 101—110.
[2] Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70.
[3] Hist. bel. cos. pol. 24.
[4] Пам. кіев. комм. I, 2, 99.
[5] Pamiętn. de panow. Zygm. III. Wl. IV i Ian. Kaz. I, 254.

борами, не въ-состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были выбираемы въ должности [1] и, въ качествѣ членовъ городскаго начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Червоной Руси, землѣ, издавна присоединенной къ Польшѣ, православные еще до уніи подвергались стѣсненіямъ; но со времени уніи, во Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи [2]. Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и уніатовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Луцкѣ, въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились на монастырь православнаго крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадельнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали домы, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти; наконецъ, оставаясь безъ преслѣдованія за свои поступки, величались своими подвигами, называя ихъ богоугодными дѣлами [3]. Въ Кіевѣ насильно обратили бо̀льшую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи [4]. По всей Руси въ судахъ и трибуналахъ накопилось тогда безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты настраивали католиковъ и уніатовъ подавать на православныхъ доносы, обвиняющіе ихъ въ хуленіи римско-католической вѣры. Обвиняемыхъ заключали въ оковы, подвергали мученіямъ пытокъ, подъ которыми иные умирали, и всегда почти, если обвиненному удавалось перенести муки и просидѣть нѣсколько лѣтъ въ от-

---

[1] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 159.

[2] Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 71.

[3] Памят. кіевс. комм. I, 1, 214—222.

[4] Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іерарх. 159.

вратительной тюрьмѣ, его постигала конфискація имущества и *инфамія*, то-есть лишеніе гражданской чести [1].

Еслибы не было казаковъ, поляки, быть можетъ, и достигли бы своей цѣли. Русское дворянство легко поддавалась польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, порабощенный дворянствомъ, показывалъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, роптилъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ-концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину, также точно, какъ, нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое и мало по малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то же должно было, если не сразу, то въ теченіе немалаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнію. Все должно было ополячиться и окатоличиться, еслибы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество— вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь, въ послѣднее время, какъ было сказано, изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество отъ власти и произвола старосты или дѣдичнаго пана, вносилъ туда сердечную глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему лядскому, потому что ненавистный его панъ былъ или сдѣлался ляхомъ; за-урядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще мерзостнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность. Казацкія возстанія Лебеды и Наливайка, [2] при самомъ введеніи уніи, уже прикрывались религіею. Послѣ этихъ возстаній поляки издали грозное постановленіе противъ казаковъ. Всѣ низовцы, за ихъ своевольства, признавались врагами отечества и кварцяное украинское войско, защищая отъ ихъ своевольствъ шляхетскіе домы и имѣнія, могло истреблять ихъ безъ суда и слѣдствія. У каза-

[1] Унив. Петр. Мог. II. Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 79.

[2] Исторія этихъ двухъ возстаній изложена авторомъ въ соч. «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», напечатанномъ въ III томѣ «Историческихъ Монографій и изслѣдованій».

ковъ отнимались всѣ ихъ прежнія права, грунты (угодья) и данный имъ отъ Баторія Трехтемировъ. Эти постановленія и исполненія по нимъ не только не прекратили казацкихъ своевольствъ, но еще болѣе раздражили казаковъ и побуждали къ своевольствамъ въ большомъ размѣрѣ. Напрасно повѣрялось панамъ и ихъ дозорцамъ ловить и заковывать бродягъ (гультаевъ), бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній, и возвращать ихъ въ мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ же казнить жестокою смертію. Пока Запорожье со всѣми днѣпровскими островами и приднѣпровскими трущобами не было во власти пановъ — нельзя было задушить казачества. Бѣжавшій отъ пановъ народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу въ казачествѣ. Сами паны, считая себя вообще вправѣ дѣлать то, что̀ имъ хочется, и худо понимая, что̀ они дѣлаютъ, продолжали помогать разростанію казачества и лишали дѣйствія правительственныя распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ Украинѣ. Хлопы, бѣжавшіе отъ какого нибудь пана, иногда побывавши прежде на Низу, а иногда даже и не побывавши тамъ въ качествѣ вольныхъ людей, гультаевъ, приставали къ другому пану, особенно такому, который заводилъ слободы и выставлялъ на дорогѣ шесты съ количествомъ вбитыхъ въ него колковъ, означавшихъ количество льготныхъ лѣтъ, предоставляемыхъ новопоселянамъ. У такого пана въ слободу принимался не только бѣглый хлопъ, но иногда даже разбойникъ, спасающійся отъ висѣлицы. Украинскіе паны, какъ вообще польскіе паны, жили между собою не въ согласіи. Ссоры, наѣзды другъ на друга были дѣломъ обычнымъ. Поэтому сами паны ради своевольства охотно принимали къ себѣ казаковъ, людей вольныхъ и своевольныхъ, и съ ихъ помощію безчинствовали противъ своей братіи. Такое казаки, однако, при первомъ неудовольствіи, готовы были поступать съ своимъ паномъ такъ же, какъ, по наущенію его, поступали съ его сосѣдомъ. И шляхтичи, жившіе въ Украинѣ у пановъ слугами, такъ же пропитывались казацкимъ духомъ, дружились съ казаками и, вмѣстѣ съ ними, грабили имѣнія своихъ пановъ. Вся Польша жила своеволіемъ, но въ Украинѣ, странѣ пограничной и удаленной отъ средоточія власти и государственной жизни, это своеволіе приняло самые широкіе размѣры. Въ другихъ краяхъ Рѣчи Посполитой, по крайней мѣрѣ, своевольничалъ дворянинъ, но не смѣлъ своевольничать хлопъ, которому вообще не дозволяли имѣть человѣческой воли; въ Украинѣ своевольничалъ и хлопъ и не хотѣлъ подчиняться своему легальному безправію: географическое положеніе Украины и историческія условія указали ему для этого

исходъ въ казачествѣ. Само правительство не было послѣдовательно въ своей строгости къ казакамъ и, въ 1601 году, по поводу войны со Швеціею, сняло свой драконовскій приговоръ надъ казачествомъ, произнесенный по укрощеніи Наливайка: оно дозволило казакамъ воевать противъ шведовъ, но думало охранить ихъ отъ своеволія тѣмъ, что оставляло ихъ въ непосредственной зависимости отъ короннаго гетмана и допускало наборъ въ казачество не иначе, какъ безъ ущерба старостамъ и дѣдичнымъ панамъ [1].

Всего болѣе помогли возрастанію казачества украинскіе паны Вишневецкіе, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе и проч., выводившіе толпы своевольныхъ казаковъ въ Московское государство. Подъ знаменами самозванцевъ, въ шайкахъ Лисовскаго и Сапѣги, въ войскѣ Сигизмунда подъ Смоленскомъ и въ земскихъ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго служили казаки. Нѣкоторые близорукіе паны были сначала довольны, что своевольные люди всякаго званія и состоянія покидаютъ польскія владѣнія и находятъ себѣ поприще въ чужомъ государствѣ. Они скоро обманулись. Казацкая удаль такъ разрослась, что обширная Московщина не могла вытянуть изъ Украины всего казачества; въ то время, когда одни казаки то терзали Московское государство, то починяли его, другіе дрались съ татарами и ходили на море грабить турковъ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ казаки не отправлялись на море, хотя многіе изъ ихъ походовъ остались неизвѣстными. Турки и татары безпрестанно жаловались польскому правительству и требовали унять казаковъ. Такъ въ 1601 году главный совѣтникъ крымскаго хана Ахметъ-Калга̀ предъявлялъ послу Рѣчи Посполитой Пясочинскому, что низовые казаки нападаютъ на Крымъ. Пясочинскій объяснялъ, что казаки не подданные польскаго короля, и король не можетъ принимать обязательствъ за своевольный народъ, живущій въ пустыняхъ; между ними, правда, есть и поляки, но есть и москвитяне, и волохи, и турки, и татары, и жиды, и люди всякаго языка; пусть татары истребляютъ ихъ, когда захватятъ въ своихъ предѣлахъ. На другой (1602) годъ тридцать чаекъ и одна каторга явились на Черномъ морѣ. Казацкій атаманъ Килей бился на морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его, потомъ ушелъ благополучно къ устью Днѣпра; потомъ близь Овидова озера казаки взяли турецкій купеческій корабль, плывшій изъ Кафы; турки успѣли убѣжать, а грекамъ казаки оказали милосердіе—никого

---

[1] Vol. Leg. Изд. Піар. f. 622.

изъ нихъ не убили, но только ограбили. На турокъ это событіе произвело такое впечатлѣніе, что они хотѣли-было взять въ неволю ѣхавшаго въ Константинополь польскаго посла. Когда онъ пріѣхалъ къ своему назначенію, на него напустились съ упреками и угрозами. Отвѣтъ польскаго посла туркамъ былъ такой же, какой былъ данъ татарамъ: казаки не подданные короля; они вольные люди и также не послушаются поляковъ, какъ и турокъ, и не разъ сами поляки должны были остерегаться ихъ. Какъ? — возразили турки — вы говорите неправду, что они вольные люди: это все подданные польскихъ пановъ Вишневецкихъ, Збаражскихъ и другихъ. Турки исчисляли даже города и селенія, изъ которыхъ происходили казаки. — Казаки — говорилъ имъ польскій посолъ — есть сборъ всякаго народа, но есть въ ихъ рядахъ и бѣглецы изъ польскихъ владѣній. Что же? У васъ, въ самомъ Константинополѣ, при всей вашей бдительности, случаются безпорядки, а на Бѣломъ морѣ Буратъ Райза̀ держалъ разбой и угрожалъ самому государю. Такъ и у насъ казаки города и волости разоряли, людей мучили... да еслибъ всѣ казаки были изъ польскаго государства, то ихъ можно было бы укротить, а то они собираются отовсюду. Король укрощалъ войскомъ своимъ Наливайка-волошанина, Лободу-москвитянина и Косинскаго — тотъ былъ нашъ полѣшанинъ. Да казаки-то и моря не знали, пока ваши же турки Райзы не показали себя и не научили ихъ мореплаванію, а потомъ съ ними заодно васъ воюютъ. Сами виноваты, что такихъ учителей имъ дали. Слѣдуетъ бить казаковъ, когда они появятся у васъ, но слѣдуетъ также бить и учителей — особенно тѣхъ, которые живутъ около Бѣлгорода и на насъ нападаютъ. Такого рода толки повторялись каждый годъ [1]. Такимъ образомъ въ 1605 и 1607 г. встрѣчаемъ подобныя жалобы турокъ. Казацкіе набѣги на мусульманскія государства усиливались разомъ съ усиленіемъ внутренняго своеволія. Польское правительство должно было укрощать и то и другое. Мѣщане и хлопы, покидая свое званіе и присвоивая себѣ имя казаковъ, отправлялись въ Сѣчу, оттуда ходили воевать на сушѣ и на морѣ, «заживать», какъ говорилось тогда «рыцарской славы», а возвращаясь на родину уже ни за что не хотѣли подчиняться прежней власти, прежнему суду, считали своею собственностію свои грунты, которые прежде даны имъ были только во владѣніе, а не въ собственность, не хотѣли нести никакихъ повинностей, какъ вольные казаки-лыцари, а когда паны хотѣли ихъ принудить,

---

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. IV. № 71.

они составляли такъ-называемыя купы (шайки) и расправлялись съ шляхетскими дворами. Мѣщане Брацлавскіе и Корсунскіе обратили въ это время на себя особое вниманіе своимъ своеволіемъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ жалобами турецкаго падишаха и крымскаго хана, побудили польскій сеймъ издать въ 1607 году строгую конституцію противъ казаковъ и вообще украинскаго удальства. Всѣ казаки или именующіе себя казаками, должны были, по силѣ этой конституціи, подчиняться юрисдикціи пановъ — жительствующіе въ коронныхъ имѣніяхъ — старостъ и подстаростъ, а въ имѣніяхъ наслѣдственныхъ — дѣдичныхъ пановъ. И тѣ и другіе имѣли право казнить казаковъ смертію, особенно если они попрежнему вздумаютъ бѣгать на Запорожье и нападать на турецкія и татарскія владѣнія. Что эта конституція не имѣла никакой силы, показываетъ другая, изданная въ 1609 г., въ которой говорится: несмотря на прежнюю конституцію, казаки продолжаютъ своевольствовать, не признаютъ надъ собою власти старостъ и пановъ, имѣютъ своихъ гетмановъ, свое судопроизводство, вмѣшиваются въ управленіе всею Украиною, собираются въ купы, нападаютъ на города и зàмки и вторгаются въ сосѣднія государства. Сеймъ назначилъ тогда коммисію для установленія ряда въ мятежной Украинѣ; всѣхъ казаковъ, которые жительствуютъ въ волостяхъ, слѣдовало непремѣнно подчинять юрисдикціи и управленію старостъ и пановъ, а тѣмъ, которые на Низу, слѣдовало дать особаго старшого, подчиненнаго коронному гетману [1]. Но вслѣдъ затѣмъ, скоро, война Сигизмунда III съ Московскимъ государствомъ была поводомъ послабленія этихъ строгихъ мѣръ, нужно было военныхъ людей. Позволили набирать охотниковъ. Тогда подъ благовиднымъ предлогомъ помощи королю стали собираться своевольныя купы и вмѣсто того, чтобъ идти къ Смоленску, оставались въ Украинѣ казаками и не хотѣли повиноваться посламъ. Это побудило сеймъ издать конституцію, которая оставляла право собранія охотниковъ только тѣмъ лицамъ шляхетскаго званія, которые имѣли для этого проповѣдные листы, а другихъ велѣно стращать оружіемъ и обращать къ прежнему повиновенію старостамъ и панамъ. Умаявшееся отъ большихъ переходовъ и побѣговъ украинское населеніе безпрестанно пополнялось новыми пришельцами изъ Волыни, Червоной Руси, Бѣлой Руси: одни прямо шли въ Сичу, въ казаки; другихъ завлекали паны, заводившіе слободы, но эти пришельцы тотчасъ пропитывались духомъ казацкой вольности.

[1] Vol. Leg. 1617; ibid 1665.

Бывшіе въ Московскомъ государствѣ казаки прошли тамъ хорошую школу и, по возвращеніи въ Украину, стали опытными наставниками въ своевольствѣ: составляли шайки, предводители назывались казацкими полковниками; они нападали на панскія усадьбы и разоряли ихъ. Казаки—писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ гетманъ Жолкѣвскій — овладѣли всею кіевскою Украиною, господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, что хотятъ, то и дѣлаютъ. Въ 1612 году своевольный магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгнулся въ Молдавію, поддерживая низложеннаго Турціею господаря, былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и навлекъ на Польшу страхъ мести со стороны Турціи. Въ то же время и казаки, которыми, какъ кажется, тогда началъ предводительствовать знаменитый Петръ Конашевичъ Сагайдачный, пускались на море. Въ 1613 году, возвратившіеся изъ Московскаго государства жолнеры составили конфедерацію, требовали себѣ уплаты семидесяти-восьми мильйоновъ, и за отказомъ правительства удовлетворить ихъ требованіямъ, нападали на королевскія имѣнія, самовольно собирали съ нихъ доходы, а жители подвергались необузданности жолнерскаго произвола. Польскій сеймъ долженъ былъ смириться передъ ними и спасти отечество отъ дальнѣйшихъ разореній только тѣмъ, что отсчиталъ имъ требуемую сумму. Естественно было и казацкому своеволію разыграться въ этотъ годъ. Запорожскіе удальцы два раза ходили на море, грабили приморскіе крымскіе города и возвращались съ огромною добычею. Къ этому году, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться знаменитое взятіе Кафы и освобожденіе множества христіанскихъ плѣнниковъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела смятеніе. Обратились къ бывшему тогда въ столицѣ падишаха польскому послу Андрею Горскому съ жалобою, что подданные Рѣчи Посполитой нападаютъ на подвластныя падишаху владѣнія. «Эти казаки — отвѣчалъ Горскій — разбойническое скопище, составленное изъ разныхъ народовъ; никто не разберетъ, какого они племени — кто русинъ, кто москвитинъ, кто волошинъ, а кто и полякъ; они привыкли безчинствовать, когда имъ случай откроется, и не слушаютъ ни короля, ни Рѣчи Посполитой. Если вы ихъ истребите — съ нашей стороны не будетъ никакого неудовольствія». Турецкое правительство приказало румелійскому беглербегу преградить казакамъ обратный путь въ Днѣпръ и истребить ихъ. [1] Но казаки не только избѣжали погрома, а еще ночью приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ ту-

---

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.

рецкія галеры остановились, напали на нихъ, взяли шесть галеръ въ плѣнъ и потопили нѣсколько мелкихъ судовъ. На другой годъ, ободренные этимъ успѣхомъ, отправились казаки на море еще съ бо̀льшимъ числомъ чаекъ. У нихъ вожами были тогда убѣжавшіе отъ турковъ невольники, отрекшіеся ислама, вѣроятно, насильно имъ навязаннаго. По ихъ указанію, казаки, переплывъ поперегъ Черное море, напали на Синопъ, самый цвѣтущій въ то время городъ Малой Азіи, славный столько же своими богатствами, сколько прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ, и прозванный цвѣтистою рѣчью Востока городомъ любовниковъ (мединетъ юль-ушшакъ). Казаки овладѣли старымъ замкомъ, перерѣзали гарнизонъ, ограбили и сожгли арсеналъ, суда въ пристани и всѣ мусульманскіе домы, многихъ мусульманъ перерѣзали, освободили изъ неволи христіанскихъ плѣнниковъ и ушли, прежде чѣмъ жители сосѣднихъ поселеній могли собраться и дать имъ отпоръ. [1]. Современники говорили, что убытку понесли турки милліоновъ на сорокъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела ужасъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли этимъ городомъ, онъ не видалъ въ стѣнахъ своихъ никакого непріятеля. Падишахъ такъ разгнѣвался, что хотѣлъ тотчасъ казнить своего великаго визиря Нассафхъ-пашу, но жена и дочери упросили ему жизнь; падишахъ на первый разъ утолилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ своему визирю нѣсколько ударовъ буздыханомъ [2]. Послѣ этого внушенія, великій визирь немедленно отправилъ въ погоню за казаками Шакшака̀-Ибрагимъ-пашу: послѣдній съ своими судами успѣлъ вступить въ устье Днѣпра прежде, чѣмъ казаки туда прибыли; но казаки, провѣдавши, что ихъ стерегутъ турки на Днѣпрѣ, высадились въ другомъ мѣстѣ, потащили свои чайки по сухопутью, чтобы потомъ пустить ихъ по днѣпровской водѣ, повыше того мѣста, гдѣ ихъ ожидали турки. Но турки узнали объ этомъ и бросились на нихъ; казаковъ было, какъ говорятъ поляки, до двухъ тысячъ, до двухсотъ изъ нихъ погибло, большинство ушло съ добычею, но пришлось потерять и побросать въ воду нѣсколько награбленнаго, а двадцать человѣкъ попались въ плѣнъ живьемъ и были отправлены въ Цареградъ, гдѣ ихъ казнили въ присутствіи обитателей Синопа, прибывшихъ въ столицу падишаха съ печальною вѣстію о разореніи своего города. [3].

Тогда турецкое правительство обратилось снова къ Польшѣ

[1] Collect. Sękowsk. 126.
[2] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[3] Collect. 127.

и объясняло коронному гетману, что такъ-какъ польскій посолъ въ Константинополѣ объявилъ, что поляки не препятствуютъ туркамъ преслѣдовать и истреблять казаковъ, то турецкія и татарскія войска пойдутъ на нихъ въ глубину казацкой земли. Жолкѣвскій отписалъ, что такой походъ въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполитой, не можетъ быть допущенъ, когда Польша находится въ мирѣ съ Турціею, что онъ самъ съ польскимъ войскомъ пойдетъ укрощать казаковъ, а турки пусть стерегутъ ихъ на Лиманѣ, не пускаютъ на море и истребляютъ какъ угодно тѣхъ, которые имъ попадутся. [1] Въ это время въ Украинѣ казаки раздражали противъ себя поляковъ и другими поступками: своевольныя шайки, составленныя изъ хлоповъ и мѣщанъ, называвшихъ себя казаками, разоряли въ Брацлавщинѣ владѣльцевъ, нападали на ихъ усадьбы. Хлопы, самовольно поступившіе въ казачество, не только отрекались отъ повиновенія панамъ, но присвоивали себѣ въ собственность грунты — поземельные участки, которые имъ давались отъ пановъ, а такъ-какъ паны хотѣли заставить ихъ повиноваться и не давали имъ грунтовъ и жестоко наказывали непослушныхъ, когда они попадались имъ въ руки, то хлопы стали дѣйствовать противъ пановъ вооруженною силою; невозможно было разобрать, кто настоящій казакъ, и кто самъ себя называетъ этимъ именемъ. Приходили королю жалобы отъ пановъ на такія своевольства. Сверхъ того Жолкѣвскій провѣдалъ, что у казаковъ проявился какой-то самозванецъ, котораго они собирались везти въ Молдавію и посадить на господарство. Еще предъ великимъ постомъ въ 1614 г. Жолкѣвскій сталъ разгонять въ Брацлавщинѣ шайки называвшихъ себя казаками, и очистивши отъ нихъ Брацлавщину, послалъ въ Переяславль къ казакамъ, признаваемымъ правительствомъ въ этомъ званіи, двухъ ротмистровъ требовать прекращенія своевольствъ; онъ извѣщалъ казаковъ, что къ нимъ прибудутъ коммисары для установленія между ними порядка. Обѣщанные коммисары прибыли уже осенью, по возвращеніи казаковъ изъ синопскаго похода, и 15-го октября подъ Житомиромъ заключили договоръ съ казаками. [2] Обязали казаковъ не нападать на сосѣднія государства, когда у Польши нѣтъ съ этими государствами войны, не собирать и не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шаекъ, которыя шатаются по Руси и нападаютъ на шляхетскія имѣнія. Всѣмъ тѣмъ, которые, будучи прежде того панскими подданными, са-

---

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[2] Рук. И. П. Б. польск. IV. f. 33.

мовольно называли себя казаками и присвоивали данные имъ отъ пановъ грунты, велѣно оставаться подъ властію пановъ и подчиняться ихъ юрисдикціи. Казакамъ, подъ опасеніемъ потери ихъ правъ, запрещалось созывать толпы народа, подъ предлогомъ рады, и нигдѣ не дозволялось быть казацкой радѣ, кромѣ даннаго издавна казакамъ города Трехтемирова [1]. Тѣ казаки, которыхъ въ этомъ званіи признавало правительство, обязаны были, въ качествѣ пограничной стражи, находиться подъ властію тѣхъ старшихъ, какихъ дастъ имъ коронный гетманъ, и за свою службу имъ предоставлялось каждогодно на рождественскія святки въ Кіевѣ получать десять тысячъ злотыхъ и семьсотъ поставовъ каразеи (сукна нисшаго достоинства) [2].

Это не укротило казаковъ. На слѣдующій годъ они подавали просьбу о снятіи съ нихъ условій, наложенныхъ на нихъ прошлогоднимъ договоромъ, но король извѣстилъ ихъ универсаломъ, [3] что, по опредѣленію сейма, они должны оставаться въ предѣлахъ, указанныхъ бывшею коммисіею. Казаки не слушались. Сами паны опять имъ подали поводъ къ поступкамъ, которыхъ не одобряло правительство. Два магната, Корецкій и Вишневецкій, сдѣлали набѣгъ на Молдавію, пригласивъ съ собой казаковъ. Имъ не посчастливилось, и Корецкаго взяли въ неволю. Но другіе казаки въ то же время отправились на Черное море, переплыли его поперегъ, напали на Трапезонтъ, ограбили этотъ городъ и разбили пашу Цикалу (родомъ генуэзца), потопивъ у него три судна. [4] Въ Константинополѣ вѣсть объ этомъ произвела ужасную тревогу. Визирь Нассафхъ-паша не избѣжалъ своей судьбы: его удавили. Отъ падишаха и его новаго визиря послѣдовали снова къ Польшѣ жалобы, сопровождаемыя угрозами разорить казацкую землю. Между тѣмъ непослушные хлопы продолжали собираться въ шайки и разорять шляхетскія имѣнія и усадьбы. «Несмотря на всѣ наши прежнія мѣры»—писалъ король Сигизмундъ [5]—«казацкое своеволіе доходитъ до ужасающихъ крайностей; громады казаковъ не даютъ Рѣчи Посполитой покоя, шляхетство не можетъ безопасно проживать въ своихъ имѣніяхъ, терпитъ убытки и лишенія; сверхъ того казаки продолжаютъ врываться въ сосѣднія государства и навлекаютъ на Рѣчь Посполитую опасность войны; турецкій императоръ и его визирь требуютъ

---

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 99.
[2] Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.
[3] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. З. 192.
[4] Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.
[5] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. З. 206.

истребленія казаковъ». Отмщая за морскіе походы на Турцію и вмѣстѣ за наѣзды казаковъ на татаръ, учиненные въ одно время съ морскими походами, крымскій ханъ двинулъ многочисленную орду на Украину и произвелъ значительное опустошеніе, а потомъ, по своему обычаю преувеличивая свои подвиги, писалъ польскому королю письмо насмѣшливымъ тономъ: «Мы собрали сто восемдесять тысячъ татаръ и разорили двѣсти паланокъ и каждому татарину досталось по семидесяти человѣкъ плѣнныхъ, а воловъ одинъ Богъ знаетъ сколько. Намъ отъ отцовъ нашихъ заповѣдано воевать государства, а вамъ это совсѣмъ не идетъ, — совсѣмъ не ваше дѣло, а когда хочете наѣзжать и воевать чужія государства, такъ надобно умѣть. Не знаемъ, съ вашего ли согласія или безъ вашего, казаки дѣлаютъ наѣзды, только мы этого такъ не оставимъ, а пойдемъ къ Каменцу, и надѣлаемъ вамъ того, что̀ можно надѣлать». [1]

Въ виду такихъ угрозъ назначили снова коммисію для укрощенія казаковъ и приведенія въ порядокъ украинскихъ дѣлъ, но пока эта коммисія составилась, казаки пустились опять на море, и на этотъ разъ уже къ самому Константинополю и близь столицы производили опустошенія. Падишахъ, какъ выражается Жолкѣвскій въ своемъ письмѣ, не привыкши сносить ни отъ кого оскорбленій, разгнѣвался до крайности, когда казаки, разоривъ десятки турецкихъ городовъ, наконецъ, въ окна самаго серая замигали своими походными огнями. Въ турецкомъ диванѣ положили послать большое войско подъ начальствомъ Скиндеръ-Паши, чтобъ истребить казаковъ до тла и заселить Украину мусульманами. Это предпріятіе было само по себѣ вызовомъ Польши къ войнѣ. Скиндеръ-Паша двинулся на Подоль. Жолкѣвскій, не рѣшаясь подвергать Рѣчь Посполитую случайностямъ войны съ Турціею, поспѣшилъ просить мира и заключилъ съ турецкимъ предводителемъ договоръ въ Бушѣ (26-го сентября 1617), обязавшись, между прочимъ, укротить казаковъ и истребить ихъ, если они не будутъ послушны властямъ и станутъ опять дѣлать набѣги на турецкія области. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, 28-го октября, состоялся новый договоръ съ казаками. Ихъ опять обязали не ходить на море, не нападать на турокъ и татаръ и не принимать въ свое званіе своевольныхъ людей, то-есть, не допускать увеличенія своего сословія [2] болѣе того, сколько дозволялось правитель-

---

[1] Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.
[2] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. 3. 206.

ствомъ. Эта коммисія, какъ и прежнія, не достигла своей цѣли. Сами польскія власти разрушили то, что̀ устанавливали. Вслѣдъ затѣмъ, по поводу войны съ московскимъ государствомъ, королевичъ Владиславъ обратился къ казацкому гетману Конашевичу-Сагайдачному и приглашалъ его воевать Московское государство. Для казацкой удали настало раздолье. Подъ предлогомъ собиранія казаковъ для похода въ Московщину, стали составляться и сновать по Руси своевольныя шайки изъ бѣглыхъ мѣщанъ и хлоповъ, избирали себѣ начальниковъ, которые величали себя казацкими полковниками, и дѣлали наѣзды на шляхетскіе дворы. Изъ дѣлъ того времени видно, что тогда на Руси уже созрѣла и установилась ожесточенная вражда между всѣмъ нешляхетскимъ — мѣщанами, хлопами, казаками съ одной стороны и всѣмъ шляхетскимъ, привиллегированнымъ, съ другой. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ универсалъ короля Сигизмунда III: «Маетности обывателей Кіевскаго воеводства не только отъ чужеземныхъ непріятелей, но и отъ внутренняго своеволія почти уничтожены и доведены до крайняго положенія. Во все наше царствованіе, мы старались не только освободить коронныя земли отъ непріятельскихъ вторженій, но и удержать внутреннее спокойствіе и укротить своевольство частныхъ лицъ, необузданно стремящихся ко всякому злу, но, по какому-то особенному несчастію и по людскимъ грѣхамъ, ничто не помогаетъ, напротивъ своевольство все болѣе и болѣе усиливается».[1] Король взывалъ ко всѣмъ обывателямъ Кіевскаго воеводства, чтобъ они всѣ вооружились и, содѣйствуя коронному гетману, разсѣевали и истребляли сновавшія по Руси шайки самозванныхъ казаковъ.

Но вслѣдъ затѣмъ опять наступили обстоятельства, когда польское правительство стало нуждаться въ казакахъ. Польша, подстрекаемая встрійскимъ дворомъ, стала въ непріязненное отношеніе къ Турціи, вмѣшалась въ молдавскія дѣла, поддерживая возмутившагося противъ турецкаго падишаха молдавскаго господаря Граціана, и отважилась на войну съ Турціею. Война эта была несчастна для Польши. 6-го октября разбито было польское войско подъ Цецорою. Гетманъ Жолкѣвскій палъ въ битвѣ. Много пановъ было взято въ неволю. На этомъ сраженіи казаковъ было мало, всего, какъ говорятъ, до двухъ тысячъ. Въ числѣ ихъ былъ сотникъ чигиринскій Михаилъ Хмельницкій, погибшій въ битвѣ. Съ нимъ находившійся сынъ его, Зиновій-Богданъ, которому, впослѣдствіи, суждено играть

---

[1] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. З. 257.

важную роль, былъ взятъ въ плѣнъ и пробылъ послѣ того въ неволѣ два года. [1] Это былъ молодой человѣкъ, получившій, по тогдашнему, хорошее воспитаніе: онъ учился у іезуитовъ въ Ярославлѣ, владѣлъ хорошо латинью, но не сдѣлался ни полякомъ, ни папистомъ, какъ случалось со многими, получившими такое образованіе. [2]

Война съ Турціею придала смѣлости казацкамъ морскимъ набѣгамъ, которые на этотъ разъ могли совершаться уже безъ преступленія противъ польскаго правительства. Казаки опустошили европейское побережье Турціи на Черномъ морѣ и взяли богатый городъ Варну. Въ сентябрѣ 1620 г. гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный геройски отличился съ своими казаками подъ Хотиномъ, находясь тамъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ. Одни казаки поправили тогда дѣло. Поляки заключили съ Турціею миръ, оставившій ихъ въ прежнихъ отношеніяхъ съ послѣднею. Поляки обѣщали преградить путь морскимъ набѣгамъ казаковъ на будущее время. [3] Самъ Сагайдачный, недовольный этимъ миромъ, получивъ на сраженіи тяжелую рану, удалился въ кіевобратскій монастырь, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался.

Уже не разъ и прежде казаки ополчались за вѣру и въ 1618 г. утопили въ Кіевѣ выдубицкаго игумена Грековича за ревностную пропаганду уніи. [4] Въ 1620 году, воспользовавшись проѣздомъ черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Θеофана, гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный упросилъ его посвятить въ санъ православнаго кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, а затѣмъ были посвящены владыки на всѣ русскія епархіи. Это событіе было ударомъ для римско-католической пропаганды, которая до сихъ поръ полагала главнымъ образомъ надежду на то, что православные или дизуниты, какъ ихъ окрестили написты, не имѣли іерархіи.

Поэтому Сигизмундъ III объявилъ новопоставленныхъ архіереевъ незаконными и приказывалъ ихъ предавать суду, а папа Урбанъ VIII своими буллами разжигалъ противъ нихъ фанатизмъ своей паствы. Но благодаря той же свободѣ, которая въ Польшѣ дозволяла папистамъ свирѣпствовать надъ православіемъ — и возстановленная іерархія утвердилась подъ покровомъ казацкаго оружія. Самъ гетманъ Сагайдачный только этимъ фактомъ показалъ свой протестъ польскимъ стремленіямъ.

---

[1] Jak. Michat. xięga pamiętnicza. 431.
[2] Annal. Polon. Clim. I. 20.
[3] Jak. Sobiesk. Pam. wojn. chocimsk.
[4] Рук. И П. Б. IV. № 36.

За услуги, которыя онъ оказывалъ Польшѣ, этотъ гетманъ не пользовался слишкомъ хорошимъ воспоминаніемъ въ послѣдующія времена, когда закоренѣлая вражда къ ляхамъ стала первѣйшею гражданскою добродѣтелью, а дружба съ ляхами—преступленіемъ. Одна малорусская лѣтопись выразилась о немъ, что онъ всегда съ ляхами въ мирѣ жилъ, а поспольство терпѣло. [1] Какъ въ то время это поспольство было далеко отъ того, чтобы жить съ ляхами въ мирѣ, показываетъ, между прочимъ, и то, что во время хотинской битвы, когда запорожцы выручали поляковъ, подольскіе хлопы тайно служили туркамъ и чуть было не успѣли, по наущенію послѣднихъ, зажечь польскаго обоза: [2] видно, что уже въ то время для русскаго хлопа Польша не была отечествомъ. Сагайдачный считалъ ее отечествомъ, и въ этомъ становился въ разрѣзъ съ поспольствомъ, и такое раздѣленіе отчасти перешло вообще на реэстровыхъ казаковъ въ противоположеніе поспольству. Реэстровые казаки, хотя не потеряли связи своей съ остальнымъ народомъ, но, при случаѣ, были готовы на мировую съ ляхами, тогда какъ въ поспольствѣ годъ отъ году развивалась ожесточенная ненависть. Но какъ бы то ни было, однако, справедливость требуетъ признать за Конашевичемъ-Сагайдачнымъ громадную заслугу для борьбы православнаго русскаго народа съ папизмомъ и полящиною — это было возстановленіе іерархіи. Съ этихъ именно поръ борьба русскаго народа съ ополяченнымъ шляхетствомъ, опредѣленнѣе и точнѣе, чѣмъ прежде, покрывалась знаменемъ оскорбленной и униженной православной вѣры.

Строгое запрещеніе безпокоить турецкіе предѣлы, данное вслѣдствіе условій хотинскаго мира, не имѣло у казаковъ силы. Въ слѣдующемъ же году (1622), когда посолъ Рѣчи Посполитой панъ конюшій князь Збаражскій былъ въ столицѣ падишаха, казаки на своихъ чайкахъ сдѣлали набѣгъ. [3] Письмо къ крымскому хану, приписываемое атаману Сирку, [4] исчисляя морскіе походы казаковъ, относитъ этотъ походъ къ 1621 году и говоритъ, что его сдѣлалъ Богданъ Хмельницкій, и «многіе корабли и каторги турецкіе опановалъ и благополучно до Сичи повернулся». Но извѣстіе это невѣрно. Вопервыхъ, изъ современныхъ дѣлъ видно, что походъ этотъ совершенъ былъ не въ 1621, а въ 1622 году; вовторыхъ, Хмельницкій былъ два года въ плѣну, и никакъ не могъ совершить похода въ 1621 г.,

---

[1] Сказ. ажъ до Богдана Хмельницкаго.
[2] Jak. Sobiesk. Pam. wojny chocimsk. 33.
[3] Рук. И. П. Б. f. 67.
[4] Лѣтоп. Величка. 2. 380.

а что въ 1622 г. не онъ совершилъ его, доказывается тѣмъ, что казаки, впослѣдствіи, указывали полякамъ, которые особенно этотъ походъ считали преступнымъ, что они представили предводителей этой морской шайки къ суду.[1] Трудно предположить, чтобъ виновники этого похода, попавшись въ руки полякамъ, уцѣлѣли. Вслѣдъ затѣмъ, по восточнымъ извѣстіямъ (1622—1623), двадцать тысячь войска вторгалось въ Молдавію и Валахію. То были (какъ справедливо показалъ Сенковскій) своевольные казаки. Въ отплату за нарушеніе мира, въ іюнѣ 1624 г.[2] Кентемиръ-Мурза, вышедши изъ Молдавіи съ тридцатью (какъ говорятъ) тысячами изъ Бессарабіи, опустошилъ огнемъ и мечомъ дворы и села около Ярослава, Березина, Красна, Мекдишева, и ушелъ со множествомъ плѣнниковъ. Въ отмщеніе за то, въ сентябрѣ того же года, казаки на ста чайкахъ спустились въ Черное море. Турецкій флотъ стоялъ тогда въ Крыму въ Кафѣ, занятый укрощеніемъ тамошнихъ междоусобій. Казаки дошли до окрестностей Константинополя и 7-го октября ограбили и отчасти сожгли селеніе Еникіой на берегу Константинопольскаго пролива, потомъ ушли благополучно, избѣгнувъ погони. На слѣдующій годъ триста чаекъ отправились къ Трапезунту и Синопу; въ каждой чайкѣ было по пятидесяти казаковъ — слѣдовательно всѣхъ пятнадцать тысячъ. Начальникъ турецкихъ морскихъ силъ Реджидъ-Паша съ сорока-тремя галерами и гальотами поплылъ имъ на встрѣчу и въ кровопролитномъ сраженіи при Карагманѣ (на западномъ берегу Чернаго моря) нанесъ имъ пораженіе. Побѣда эта досталась туркамъ не дешево. Казаки сначала одолѣвали и уже было-овладѣли адмиральскимъ кораблемъ, но перемѣна вѣтра дала успѣхъ ихъ противникамъ; только тридцать чаекъ спаслось; семьсотъ восемьдесятъ плѣнниковъ достались побѣдителямъ и осуждены со скованными ногами работать веслами на турецкихъ галерахъ. Вслѣдъ за тѣмъ сухопутное казацкое войско проникло въ Крымъ помогать крымскому хану Мугаммедъ-Гирею и его брату Шегинь-Гирею, взбунтовавшимся противъ турецкаго главенства. Казаки, по ихъ просьбѣ, прошли весь Крымъ, осадили турокъ въ Кафѣ и заставили помириться съ Мугаммедомъ. Тогда турецкій посолъ отправился къ польскому королю съ жалобою, требованіемъ немедленно наказать и укротить казаковъ и съ угрозами, въ случаѣ неисполненія воли падишаха.

---

[1] Рук. И. П. Б. IV. 138.

[2] Collect. 178.

Въ то же время снова казачество раздражило поляковъ своимъ противодѣйствіемъ ихъ распоряженіямъ. Казачество не хотѣло знать установленныхъ реэстровъ; вмѣсто шести тысячъ ихъ были десятки тысячъ. Весь народъ стремился оказачиться и тѣмъ самымъ вырваться изъ-подъ власти старостъ, пановъ и вообще польскаго строя. «Казаки (говоритъ современникъ Яковъ Собѣсскій) утратили свои древніе запорожскіе обычаи. Прежде они мало знали семейныя связи, незнакомы были съ избыткомъ и невоздержаніемъ и, кромѣ оружія, ничего не знали. Войско ихъ состояло тогда едва изъ нѣсколькихъ тысячъ, а теперь масса казачества возрастаетъ ежедневно; уже не мужество и заслуги даютъ рыцарское званіе: бѣглецы отъ плуга и ремеслъ изъ русскихъ провинцій наполняютъ ряды ихъ; толпа невоинственныхъ мужиковъ внѣдряется въ права старыхъ и заслуженныхъ воиновъ; споры и распри испортили ихъ древніе обычаи; благоразуміе замѣнилось грабительствомъ, дисциплина—необузданнымъ буйствомъ, повиновеніе начальству—своевольствомъ. Бродячіе отряды по Руси и Литвѣ, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, грабятъ костелы, коронныя и дворянскія имѣнія. Когда они идутъ въ походъ, толпы ихъ живутъ грабежемъ; возвращаясь изъ похода, они селятся по короннымъ и дворянскимъ имѣніямъ и отрекаются отъ всякаго повиновенія панамъ. Немногіе изъ старыхъ воиновъ возвращаются въ Сичу; другіе, обогащенные добычею, занимаются хозяйствомъ, живутъ съ женами и дѣтьми и, недовольные бездѣйствіемъ, вмѣшиваются въ уличныя дрязги и отправляютъ на сеймы посольства, защищая права исповѣдующихъ греческую вѣру, непризнающую правъ западной церкви» [1].

Изъ этого современнаго описанія какъ нельзя яснѣе видно, что казачество, распространяясь по Руси, было стражемъ русской народности, препятствовало принятому гражданскому порядку въ Польшѣ. Полякамъ еще болѣе необходимо было, если не совершенно уничтожить казачество, то остановить разлитіе этого воинственнаго элемента на всю массу русскаго народонаселенія, поставить казаковъ въ ограниченное число, въ значеніи исключительно особаго военнаго сословія.

Въ 1625 году казаки послали своихъ депутатовъ съ такими смѣлыми требованіями:

«Обезпечить древнюю православную вѣру, удалить уніатовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, признать законными духовныхъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, и уничтожить

---

[1] Jak. Sob. Pam. wojny choc. 44.

изданные имъ во вредъ универсалы, дозволить казакамъ проживать спокойно во всѣхъ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства, уничтожить всѣ стѣснительныя противъ нихъ постановленія (слѣдовательно, дозволить полное расширеніе казачества и возможность всему народу въ Кіевскомъ воеводствѣ перейти въ казачество, а также переходить туда изъ другихъ воеводствъ жителямъ), дозволить казакамъ судиться самимъ между собою, не завися ни отъ какихъ другихъ урядовъ, а въ случаѣ тяжбы съ мѣщанами выбирать поровну судей отъ мѣщанскаго уряда и отъ казаковъ, дозволить казакамъ передавать свои имущества кровнымъ или кому захотятъ по завѣщанію, а не отдавать ихъ уряду, какъ хотѣло правительство, дозволить имъ безпрепятственно ходить на рыбные и звѣриные промыслы (а слѣдовательно и въ Сичь, откуда они могли предпринимать морскіе походы), дозволить имъ вступать въ службу иностранныхъ государей, возвысить имъ жалованье, не допускать жолнеровъ на квартиры въ Кіевскомъ воеводствѣ, не давать кадуковъ по войсковымъ товарищамъ, то-есть, въ случаѣ преступленія не раздавать имуществъ другимъ лицамъ, мимо наслѣдства, дать привиллегію на братство, основанное въ Кіевѣ, и на школы для обученія юношества».

При такой просьбѣ приложенъ былъ перечень утѣсненій, которыя терпитъ православная вѣра въ коронѣ и великомъ княжествѣ. Указывали, что въ Полоцкѣ и Витебскѣ ни въ одной церкви не дозволялось совершать богослуженія, а священниковъ, какъ только покажутся въ городѣ, сажаютъ въ тюрьмы, дѣти умираютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходятъ на тотъ свѣтъ безъ исповѣди и св. причащенія, а полоцкій владыка приказывалъ выкапывать изъ земли погребенныхъ на кладбищѣ и бросать на съѣденіе собакамъ. Ксёндзъ-митрополитъ Рутскій въ Вильнѣ взялъ подъ арестъ виленскихъ предмѣщанъ и они до сихъ поръ сидятъ за порукою подъ слѣдствіемъ; въ Вильнѣ и Полоцкѣ выгнали изъ урядовъ и радъ мѣщанъ греческой религіи, и лишаютъ ихъ тѣхъ правъ, какими они до сихъ поръ пользовались. Уряды не хотятъ даже принимать просьбъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ людямъ греческой вѣры отъ апостатовъ, а между тѣмъ, безпокоятъ мандатами и тянутъ въ суды шляхту, которая скрываетъ у себя священниковъ греческой религіи. Въ Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Витебскѣ, Дриснѣ и другихъ литовскихъ городахъ полоцкой епархіи апостатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и много убійствъ учинилъ надъ людьми. Въ Пинскѣ и во всей пинской епархіи апостатъ Шаховскій отнялъ церкви на унію и людей

насилуетъ. Также въ Луцкѣ, Ровномъ и во всѣхъ городахъ луцкой епархіи отступникъ почаевскій отнялъ церкви и попа Іоанна Жемальскаго, ради уніи, отправилъ въ оковахъ въ Замостье. Въ Кременцѣ, Брестѣ и другихъ городахъ епархіи владимірской, въ Символь, Бельзѣ, Сокалѣ, Красноставѣ хелмскій апостатъ Пакоста, въ Ярославлѣ апостатъ Крупицкій, также въ Перемышлѣ отнимаютъ церкви, мучатъ поповъ и людей. Во Львовѣ отдалили русскихъ отъ всякихъ цеховыхъ ремеслъ, не допускаютъ православныхъ звонить въ колокола, ходить къ больнымъ съ св. причастіемъ, переносить черезъ городъ мертвыхъ и пр. Въ Кіевѣ апостатъ Рутскій также надѣлалъ много несправедливостей людямъ древней греческой религіи и опустошилъ церкви.

Но этимъ не ограничили казаки оборону вѣры. Узнавши, что въ Кіевѣ войтъ Ѳедоръ Ходыка, въ ревности къ распространенію уніи, печатаетъ православныя церкви, казаки отправились туда, убили войта, ограбили католическій монастырь, убили въ немъ священника, отняли угодья, принадлежавшія прежде православной церкви св. Василія, и судили въ Кіевѣ дѣла по своему. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, въ совѣтѣ съ митрополитомъ Іовомъ, отправили къ московскому царю посольство, съ просьбою принять казаковъ подъ свое покровительство. Посольство это взялъ на себя луцкій православный епископъ Исаакій. Это сдѣлалось извѣстно полякамъ.

Поляки не могли простить казакамъ такого поведенія. Гетманъ Станиславъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить казаковъ оружіемъ.

Въ октябрѣ гетманъ съ своимъ кварцянымъ войскомъ вошелъ въ Украину и дошелъ до Канева. 11-го октября казаки прислали къ нему депутатовъ и просили, чтобъ онъ не шелъ на нихъ съ оружіемъ, пока не воротится съ Запорожья ихъ гетманъ Жмайло, а тѣмъ временемъ они совѣтовались на радѣ. Рада ихъ не была согласна; поляки узнали, что съ этой всеобщей рады три тысячи казаковъ ушли изъ Канева. Гетманъ Конецпольскій послалъ за ними погоню; казаки, побившись съ ляхами, ушли къ Черкасамъ, а затѣмъ и остальные изъ Канева прошли туда же. Ихъ было, по польскимъ донесеніямъ, до двадцати тысячъ. Конецпольскій послѣдовалъ за ними къ Черкасамъ. Казаки опять послали просить, чтобъ поляки не наступали на нихъ, и говорили, что гетманъ ихъ Жмайло уже вышелъ изъ Запорожья и скоро будетъ. Но поляки не послушали ихъ просьбы. Казаки ушли изъ Черкасъ. Поляки послѣдовали за ними. Подъ мѣстечкомъ Боровицею, 19-го октября, казаки въ третій разъ послали депутацію съ прежнею просьбою, увѣряя,

что вотъ гетманъ ихъ скоро придетъ и тогда будутъ вести переговоры. Поляки и въ третій разъ не послушали ихъ. Казаки ушли къ Крылову, и поляки за ними. 25-го октября явились казацкіе депутаты и извѣстили, что ихъ гетманъ, наконецъ, пришелъ изъ Запорожья съ пушками и извѣщалъ о своемъ прибытіи. 26-го октября отправились къ казакамъ отъ гетмана коммисары съ условіями, которыя должны были поставить казачество въ то стѣснительное положеніе, въ какомъ желала его содержать Рѣчь Посполитая. Казаки отвѣчали, что объ этомъ у нихъ будетъ рада, и рада эта произошла 26-го октября, и въ тотъ же день тринадцать старшихъ казаковъ явились къ гетману и объявили, что казаки не желаютъ принять ни одного пункта изъ условій, предложенныхъ имъ.

Конецпольскій сказалъ имъ: «Такъ-какъ вы не хотите, какъ прилично вѣрнымъ подданнымъ, пріобрѣсти милость его величества, то за ваше непослушаніе и своеволіе отвѣдаете на своихъ шеяхъ нашихъ сабель, и пролитая кровь останется на вашихъ душахъ». Депутатовъ отпустили, Конецпольскій надѣлъ на себя вооруженіе, и съ высокаго кургана разсматривалъ въ зрительную трубу казацкій таборъ. Началось сраженіе. Казаки защищались храбро. Битва кончилась поздно. На другой день гетманъ приказалъ дѣлать приготовленія къ штурму казацкаго табора, который стоялъ за болотомъ и былъ окопанъ. Но одинъ гайдукъ передался къ казакамъ и объявилъ имъ, что поляки замышляютъ штурмъ.

Тогда казаки, находя мѣсто недостаточно удобнымъ для обороны, хотѣли переправиться на другой берегъ Днѣпра, но въ это время поднялась буря и на рѣкѣ были сильныя волны. Нѣсколько отважныхъ лодокъ пустились на Днѣпръ и потонули. Жмайло приказалъ сниматься съ табора и повелъ своихъ казаковъ ниже по теченію Днѣпра къ урочищу Старому Городищу надъ Кураковымъ озеромъ.

Поляки послѣдовали за ними. Нѣсколько дней прошло въ дракахъ. Наконецъ, казаки, сильно тѣснимые, соглашались покориться, но ни за что не хотѣли выдавать зачинщиковъ, ссылаясь на то, что они будутъ судить ихъ по своему войсковому праву. Они смѣнили съ гетманства Жмайла и выбрали гетманомъ Михайла Дорошенка.

Польскіе коммисары, съѣхавшись съ казаками, стали имъ исчислять вины казаковъ. Вы—говорили имъ они—получили отъ Рѣчи Посполитой важныя права, хотя большая часть васъ и не шляхетскаго званія, однако вы по вольности вашей жизни и по правамъ на имущества почти сравнены съ высшими классами

Рѣчи Посполитой. Къ удивленію цѣлаго свѣта, Рѣчь Посполитая прощала вамъ то, что̀, по всѣмъ правамъ, заслуживало кары, и много разъ заключала съ вами коммисіи, желая прекратить ваши своевольства болѣе убѣжденіями, чѣмъ строгостію, и теперь вы сдѣлали нѣсколько преступленій: 1) вы предпринимали морскіе походы, которые навлекли на Рѣчь Посполитую войну со стороны Турціи; въ особенности преступенъ тотъ вашъ набѣгъ, который былъ совершенъ въ бытность въ Константинополѣ посла Рѣчи Посполитой, пана конюшаго Збаражскаго, посланнаго для окончательнаго заключенія мира; 2) вы сносились съ московскимъ государемъ, съ которымъ Рѣчь Посполитая еще не постановила твердаго мира и признавали за нимъ царскій титулъ, а также сносились съ крымскимъ ханомъ Шегинь-Гиреемъ и помогали ему; 3) принимали къ себѣ разныхъ цариковъ, которые назывались то московскими, то волоскими государями, и давали притонъ разнымъ подозрительнымъ лицамъ, которые могутъ быть вредными для Рѣчи Посполитой; 4) вы самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство считаетъ законно занимающими эти должности; 5) лица шляхетскаго званія и владѣльцы безпрестанно жалуются, что ихъ подданные выходятъ изъ повиновенія и потомъ вооруженными купами наѣзжаютъ на ихъ имѣнія, посягаютъ на ихъ жизнь, присвоиваютъ грунты, отнимаютъ пожитки, не даютъ собирать съ ихъ имѣній доходовъ; 6) казаки неоднократно нападали на староства, а въ недавнее время напали на городъ Кіевъ, убили тамъ войта, добраго человѣка, вашего единовѣрца, другихъ взяли въ неволю или отдавали на поруки и ограбили, напали на римско-католическій монастырь, убили священника, отняли у монастыря грунтъ и завели на немъ хуторъ, оскорбили намѣстника подвоеводскаго и на самаго подвоеводу похвалялись, налагали на города разные поборы, брали себѣ стаціи, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ званія шляхетскаго, духовныхъ, мѣщанъ и жидовъ замучили съ неслыханнымъ варварствомъ».

На это казаки оправдывались такъ:

«Мы сами отослали на сеймъ для покорности тѣхъ предводителей, которые ходили на море во время посольства пана Збаражскаго, представивъ ихъ въ гродскій судъ, чему свидѣтель подвисводчій, а послѣ мы ходили на море, потому что намъ не дали жалованья, обѣщаннаго на прежнихъ коммисіяхъ. Мы посылали въ Москву не для какого-нибудь договора, а напомнить, чтобы, по давнему обычаю, не забыли прислать намъ

казны. Съ Шегинь-Гиреемъ такъ случилось: товарищи наши вышли на добычу съ Дона; въ то время, какъ Шегинь-Гирей поссорился съ Калгою, волна принесла нашихъ товарищей къ берегу въ Крымъ голодныхъ и оборванныхъ; Шегинь-Гирей ихъ принялъ къ себѣ на службу, а такъ-какъ они ему послужили честно, то онъ, показывая любовь къ польскому королю, прислалъ въ Запорожье своихъ пословъ просить, чтобъ мы не нападали на Крымъ, чего мы и не хотѣли дѣлать безъ воли королевской; но такъ-какъ Шегинь-Гирей обязывался утвердить присягою миръ отъ всей орды съ владѣніями его величества короля, то намъ казалось справедливымъ заключить договоръ съ нимъ. О святѣйшемъ патріархѣ и о поставленныхъ имъ духовныхъ его величество знаетъ, и духовные уже объясняли это дѣло. Что касается до разныхъ цариковъ, московскихъ, турецкихъ, волоскихъ и другихъ неизвѣстныхъ лицъ, то мы не чувствуемъ себя виновными въ этомъ: приходъ на Запорожье и выходъ оттуда издавна былъ всѣмъ свободенъ. Кто наѣзжалъ на шляхетскіе дворы и оскорблялъ людей шляхетскаго званія, тѣхъ считаемъ виноватыми и готовы чинить надъ ними правосудіе. Что касается до кіевскаго дѣла, то мы видимъ во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ Бѣлой Руси, на Волыни, на Подоли великое утѣшеніе церквамъ Божіимъ, не дозволяютъ священникамъ нашимъ отправлять свободно богослуженія, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, которые отдаютъ унитамъ, и вообще дѣлаютъ великое насиліе совѣсти нашимъ христіанамъ, а кіевскій войтъ, по наущенію попа онаго, близко насъ въ Кіевѣ, печаталъ церкви, отнималъ издавно данные приходамъ доходы и оскорбительными словами бранилъ нашего кіевскаго митрополита; чего не могъ терпѣть не только онъ митрополитъ, но и простѣйшій человѣкъ, когда идетъ дѣло о его совѣсти и о чести. Отдаемся въ томъ на мудрость вашихъ милостей. Объ убійствѣ монаха и оскорбленіи подвоеводчаго не знаемъ, а грунтъ, который мы отобрали, принадлежитъ издавна церкви Василія».

Коммисары предложили имъ условія. Казаки пытались смягчить ихъ, домогались, чтобъ имъ дозволили жить во всѣхъ имѣніяхъ, судиться своимъ судомъ, ходить на море на рыбную ловлю, оставить за собою артиллерію, а болѣе всего — говорили они — просимъ и молимъ, чтобъ наша греческая вѣра не терпѣла утѣсненій, ибо спокойствіе ея присягалъ хранить король. Но казаки должны были уступить. Тѣ, которые входили въ реэстръ и должны были оставаться въ казацкомъ званіи, отступили отъ громады тѣхъ, которые хотѣли одинаковыхъ съ ними правъ, тѣмъ болѣе, что поляки нетолько обѣ-

щали настоящимъ казакамъ оставить права, но еще и прибавить жалованье. Шесть тысячъ реэстровыхъ казаковъ должны были, по прежнему, составлять военное привиллегированное сословіе и получать отъ государства жалованье: изъ нихъ тысяча человѣкъ, по назначенію короннаго гетмана, должна была по очереди находиться въ низовьяхъ за порогами, чтобъ не допускать непріятеля къ переправамъ; остальные же, находясь въ волостяхъ, должны были, по требованію короннаго гетмана, прибывать къ нему на помощь въ случаѣ нужды. Казакамъ предоставлено заниматься промыслами, торговлею, рыбною и звѣриною ловлями, но безъ ущерба староствамъ. Запрещалось строго ходить на море и разрывать миръ съ Турціею и Крымомъ, а также нападать и по сухопутью на сосѣднія державы, и всѣ чайки, какія были у казаковъ, слѣдовало сжечь при коммисарахъ Рѣчи Посполитой. Запрещалось казакамъ вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла, неотносящіяся къ войску, заключать съ сосѣдними державами договоры и вступать въ иностранную службу; запрещалось присвоивать себѣ непринадлежащую къ нимъ юрисдикцію, но дозволялось имъ имѣть между собою собственный судъ. Въ случаѣ жалобъ людей другихъ вѣдомствъ на казаковъ начальству казацкому слѣдовало оказывать немедленно правосудіе. Тѣмъ казакамъ, которые жительствовали въ панскихъ имѣніяхъ, дозволялось тамъ жить по прежнему только въ такомъ случаѣ, когда казакъ будетъ послушенъ пану; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ, въ теченіе двѣнадцати недѣль, выйти въ коронное имѣніе. Войско будетъ находиться подъ властью старшого, выбраннаго ими, но утвержденнаго короннымъ гетманомъ, и получать жалованье, которое полагалось въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ злотыхъ въ годъ. Затѣмъ, всѣ, называвшіе себя казаками, но не вошедшіе въ реэстръ шеститысячнаго числа, должны подчиниться своимъ старостамъ и дѣдичнымъ панамъ, и всѣ, присвоенные ими въ качествѣ казацкихъ грунты и всякія имущества должны быть отданы панамъ; но тѣ, которые такимъ образомъ должны быть выписаны изъ реэстра, не будутъ подвергаться наказаніямъ отъ старостъ и подстаростъ за то, что они находились въ казакахъ. Но такимъ образомъ ограждались только тѣ изъ бывшихъ въ казацкомъ званіи и терявшихъ его, которые принадлежали прямо къ короннымъ имѣніямъ; о тѣхъ же, которые поступали въ казачество изъ панскихъ дѣдичныхъ имѣній, не упоминалось вовсе въ договорѣ, слѣдовательно, они предоставлены были произволу владѣльцевъ.

Въ такомъ смыслѣ былъ составленъ договоръ 6-го ноября

1625 года на урочищѣ Медвѣжьихъ-Лозахъ, при озерѣ Кураково. Новоизбранный гетманъ Михаилъ Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность и точное исполненіе договора; за нимъ дали присягу и другіе казацкіе чины [1].

Послѣ этого въ Константинополь дано знать чрезъ посла, что казаки укрощены, задорнѣйшіе ихъ беи уничтожены, чайки сожжены и всѣ они присягнули не выходить болѣе въ Черное море. По требованію польскаго посла, падишахъ приказалъ хану вызвать своихъ мирзъ, которые съ ордами стояли у Киліи и готовились разорять русскій край.

Татарамъ было это очень непріятно, потому что они были рады предлогу къ грабежу; но казаки скоро сами вывели ихъ изъ затрудненія. Семьдесятъ чаекъ появилось на Черномъ морѣ; посланныя противъ нихъ турецкія галеры переловили половину бывшихъ на нихъ казаковъ и привели плѣнниковъ къ «высокому порогу». Татары, находившіеся въ Стамбулѣ, говорили: «когда казаки не перестаютъ тѣшиться разбоями, такъ и намъ позвольте дѣлать наѣзды на ляшскую землю» [2]. Восточныя извѣстія говорятъ, что турецкое правительство отказало имъ; такъ или иначе, только въ 1626 году огромная толпа татаръ бросилась въ глубину Украины; воевода кіевскій, храбрый Стефанъ Хмѣлецкій, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, разбили ее подъ Бѣлою-Церковью: одиннадцать тысячъ легло на мѣстѣ [3].

Это посѣщеніе требовало со стороны казаковъ новой отплаты. Случай представился. Мухаммедъ-Гирей былъ снова сверженъ и на мѣсто его посаженъ Джанибекъ-Гирей. Изгнанникъ, вмѣстѣ съ братомъ, опять обратился къ казакамъ. Для казаковъ, кромѣ недавняго посѣщенія Украины, былъ еще новый поводъ вмѣшаться въ это дѣло: Гассанъ-паша, правитель Бессарабіи, посадивъ въ Кафѣ на крымскій престолъ Джанибекъ-Гирея, отправился къ устью Днѣпра и занялся устройствомъ укрѣпленій для прегражденія казакамъ выхода изъ Днѣпра въ море [4]. Дорошенко отправился въ Крымъ. Въ его войскѣ было много изъ тѣхъ, которые, за составленіемъ реэстра, остались внѣ казацкаго сословія. Они нашли мухаммедова соперника приготовленнымъ: знаменитые наѣздничествами мирзы и, въ числѣ ихъ, Кентемиръ, на котораго татары смотрѣли, какъ на необыкновеннаго богатыря, были уже съ нимъ. Упорная битва

[1] Рук И. П. Б. польск. f. № 67.
[2] Collect. 134.
[3] Lat. jerlicza. 35.
[4] Collect. 183.

продолжалась два дня. На первый день побѣда явно клонилась на сторону казаковъ: «множество татаръ (говоритъ мусульманскій историкъ) получили мученическіе вѣнцы изъ рукъ невѣрныхъ». На другой день мирзы рѣшились съ отчаяніемъ ударить на непріятелей со всѣхъ сторонъ; закипѣла страшная битва, побѣда снова было-склонялась на сторону казаковъ; вдругъ татары, защищавшіе Мухаммеда, «пораженные (говоритъ тотъ же историкъ) ужасною мыслью, что они соединились съ невѣрными на пролитіе мусульманской крови, вспомнивъ, что чрезъ это они лишатся благодѣяній своей вѣры и осуждаютъ себя на вѣчный пламень, покинули союзниковъ и перешли на сторону Джанибекъ-Гирея. Мухаммедъ-Гирей найденъ былъ мертвымъ. Голова Дорошенка, убитаго въ битвѣ, была взоткнута на стѣнахъ Кафы [1].

Очевидно, что договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ мало удовлетворялъ казаковъ, мало и полякамъ приносилъ пользы. Морскіе походы продолжались своимъ обычнымъ чередомъ. Въ 1629 г. казаки опять посѣтили Босфоръ и, по выраженію письма, приписываемаго атаману Сирку, окуривали мушкетнымъ дымомъ цареградскія стѣны и обитателямъ Цареграда задали великій страхъ и смятеніе [2].

Начальники приморскихъ странъ Турецкой имперіи, Анатоліи и Румеліи жаловались, что казаки безпрерывно разбойничаютъ; пойманные въ плѣнъ изъ нихъ увѣряли турокъ, будто они пустились на море не по своей охотѣ, а по приказанію польскаго правительства. Эти вѣсти казаки распускали для возбужденія войны между Польшею и Турціею, чтобъ, такимъ образомъ, можно самимъ имѣть право на морскія экспедиціи. И вотъ казаки оказались виновными передъ своимъ правительствомъ нетолько въ своеволіи, но въ умышленныхъ покушеніяхъ поссорить Польшу съ Турціею. Внутри Украины договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ не водворилъ такого порядка, какъ того хотѣлось Польшѣ. Съ этихъ поръ распространилось въ Украинѣ имя «выписчиковъ»; такъ стали называть тѣхъ, которые, какъ и прежде дѣлалось, хотѣли самовольно сдѣлаться казаками; имя это возникло теперь оттого, что Кураковская коммисія исключила (выписала) множество такихъ изъ реэстровъ, куда они были вписаны. Такимъ образомъ, казачество дѣлилось на два рода—на реэстровыхъ и выписчиковъ. Первые, въ числѣ шести тысячъ, признавались въ казацкомъ званіи; вторые хотѣли быть казаками и сами себя считали въ этомъ званіи, въ противность

[1] Ibid. 186.
[2] Лѣт. Величка. 2. 380.

волѣ правительства. Послѣднихъ было несравненно болѣе, чѣмъ первыхъ, и никто не въ состояніи былъ услѣдить за ними: то были, попрежнему, подданные коронныхъ и дѣдичныхъ имѣній, неповиновавшіеся своимъ панамъ, называвшіе себя, въ противность имъ, казаками, бѣжавшіе въ Сичь или составлявшіе внутри Украины своевольныя купы, нападавшія на дворянъ. Издавна, какъ мы видѣли, велось это: нисходящее поколѣніе прежнихъ самозванныхъ казаковъ — дѣти, внуки, племянники, всѣ считали себя казаками, тогда какъ правительство не хотѣло ихъ признавать въ этомъ званіи. Имъ теперь особенно было тяжело это непризнаніе, когда они или отцы ихъ уже были вписаны въ реэстръ; при Сагайдачномъ само правительство, нуждаясь въ военной силѣ, дозволяло быть бо́льшему числу казаковъ. Кураковская коммисія ихъ выгнала, обратила въ хлоповъ. Но хлопы въ Украинѣ вообще давно уже стремились вообще сдѣлаться казаками; теперь это стремленіе усилилось, послѣ того, какъ въ массу хлоповъ возвращаемо было много такихъ, которые, по своимъ понятіямъ, считали за собою нѣкоторое законное право числиться казаками. Реэстровые казаки, смотря по обстоятельствамъ, готовы были укрощать ихъ, по приказанію короннаго гетмана, но также готовы были, при случаѣ, стать съ ними заодно противъ ляховъ, тѣмъ болѣе, когда ихъ соединяла съ русскимъ народомъ религія, требовавшая защиты.

Выписчики, бывшіе въ Крыму съ Дорошенкомъ, по смерти его, выбрали изъ своей среды гетманомъ Тараса, котораго коронный гетманъ называлъ презрѣннымъ хлопомъ, вѣроятно, оттого, что онъ принадлежалъ къ реэстровымъ. Часть реэстровыхъ признала его, но большинство ихъ избрало себѣ предводителемъ Грицька Чорнаго, человѣка, преданнаго полякамъ. Коронный гетманъ утвердилъ его [1]. Грицько, вмѣстѣ съ Хмѣлецкимъ, одержалъ побѣду надъ татарами подъ Бурштыномъ [2]. Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не пускалъ на море, не дозволялъ хлопамъ причисляться къ казацкому сословію и строго наказывалъ непослушныхъ. Тарасъ оставался на Запорожьѣ; его силы возрастали; бѣглецы изъ Украины собирались къ нему; онъ разослалъ универсалъ, въ которомъ, называя себя законнымъ предводителемъ казаковъ, приказывалъ неповиноваться Грицьку и признавать его старшимъ, потому что Грицько не былъ избранъ воль-

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.
[2] Lat. jerlicza. 36.

ными голосами, по казацкому обычаю, при арматѣ. Съ своей стороны, Грицько посылалъ на Запорожье свои универсалы, приглашалъ покориться и обѣщалъ всѣмъ прощеніе. Такъ продолжалось полгода. Когда доставлено было слѣдуемое казакамъ жалованье, Грицько не сталъ раздавать его, а прежде сдѣлалъ пересмотръ казакамъ, привелъ въ порядокъ реэстръ, исключилъ изъ него тѣхъ, которые убѣжали къ Тарасу на Запорожье, и замѣстилъ другими, по его соображеніямъ, надежными. Наконецъ, Тарасъ вышелъ съ запорожцами на Украину. Запорожцы — доносилъ коронный гетманъ — поступили хитро: обѣщали привезти армату и покориться. Грицько довѣрялъ имъ и не принялъ предосторожностей: его внезапно схватили, привезли къ Тарасу и казнили жестоко: ему сперва отрубили руки, потомъ голову. Есть извѣстіе, что онъ принялъ унію и за то его особенно мучили казаки. Его приверженцы спасались бѣгствомъ — кто въ лѣсъ, кто въ степь, а большинство пристало къ коронному войску. Тогда Тарасъ оповѣстилъ универсаломъ, что всякъ, кто хочетъ, можетъ сдѣлаться казакомъ, и приглашалъ всѣхъ подниматься на ляховъ [1].

Угнетенія, наносимыя православной вѣрѣ, увеличивались, по мѣрѣ того, какъ папизмъ пріобрѣталъ новыхъ прозелитовъ между русскими дворянами; въ имѣніяхъ пановъ, перемѣнившихъ религію, православные храмы подвергались поруганію; по городамъ все болѣе и болѣе накоплялись религіозные процессы; православные, обличаемые унитами и католиками въ хуленіи западной церкви, томились въ темницахъ. Митрополитъ Іовъ, опираясь на равенство правъ русскаго народа съ польскимъ, созывалъ соборъ съ цѣлію противодѣйствовать насилію, но противъ него гремѣли ужасныя папскія грамоты, возбуждавшія вѣрныхъ сыновъ намѣстника Петрова преслѣдовать непризнающихъ власти апостольскаго престола и единства церкви подъ его главенствомъ. Въ такомъ положеніи были церковныя дѣла, когда польскія войска, возвратившись съ прусской войны, расположены были въ Украинѣ и притомъ даже на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировало кварцяное войско. Тогда между русскимъ народомъ пошелъ слухъ, что польскіе жолнеры пришли съ цѣлію уничтожить православную вѣру и истребить весь южнорусскій народъ, а отечество его заселить поляками. Хмѣльные жолнеры, въ жару ненависти противъ схизматиковъ, похвалялись истребить русскихъ украинцевъ до предѣловъ московщины. Духовные, сопоставляя папскія грамоты съ злоупотребленіями жолнеровъ, квартиро-

---

[1] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.

вавшихъ въ Кіевѣ, призывали православныхъ къ защитѣ вѣры и жизни [1]. Польскіе историки указываютъ на печерскаго архимандрита, какъ на возбудителя народнаго возстанія: печерскимъ архимандритомъ былъ тогда знаменитый Петръ Могила [2]. Вѣроятно и митрополитъ Іовъ Борецкій участвовалъ въ этомъ возбужденіи народа: сынъ его, Стефанъ Борецкій былъ однимъ изъ казацкихъ старшинъ, поднявшихъ возстаніе. [3] Разбирая, вѣроятно, откуда исходятъ призывы къ возстанію, поляки умертвили въ Кіевѣ одного митрополичьяго служку и съ нимъ трехъ другихъ лицъ.

Тарасъ послалъ требованіе, чтобъ жолнеры удалились и не занимали квартиръ восточнѣе Бѣлой Церкви. Начальники отписали, что они будутъ квартировать тамъ, гдѣ имъ приказано отъ правительства. Тогда Тарасъ напалъ на польскія войска, стоявшія близь Корсуня вмѣстѣ съ реэстровыми казаками. Послѣдніе, въ числѣ трехъ тысячъ, лишившись уже своего предводителя Грицько, пристали къ Тарасу. Поляки бѣжали [4].

Возбуждаемый универсалами Тараса и духовенствомъ, народъ возсталъ и началъ прогонять жолнеровъ. Ихъ изгнаніе было для русскихъ тѣмъ удобнѣе, что гетманъ Конецпольскій, замѣчая въ своемъ войскѣ духъ неповиновенія и опасаясь возмущенія за неисправный платежъ жалованья, старался предупредить волненія, пока Рѣчь Посполитая на сеймѣ не назначитъ уплаты, и разставилъ одну хоругвь отъ другой на далекомъ разстояніи такъ, чтобъ не дать имъ сходиться. [5] Застигнутые врасплохъ, иные поплатились жизнію. Всѣ бѣжали, покинувъ свои имущества.

Тарасъ отправилъ къ коронному гетману посольство и требовалъ: уничтожить кураковскую коммисію, ограничивавшую число казаковъ, и выдать казаковъ, приверженцевъ Грицько, убѣжавшихъ отъ войсковаго суда. Что касается до убійства Грицька, то онъ признавалъ это справедливымъ дѣломъ суда. Само собою разумѣется, что коронный гетманъ не могъ принять такихъ условій. Готовясь идти на усмиреніе русскихъ, Конецпольскій послалъ впередъ себя отрядъ подъ начальствомъ Самуила Лаща, короннаго стражника, (т.-е. блюстителя порядка надъ пограничными областями) [6]. По свидѣтельству современника [7], этотъ

[1] Львовск. лѣтоп. Журн. Мин. Нар. Пр. 1838. Апр.
[2] Pamiętn. do panow. Żygm. III. 154.
[3] Львовск. лѣт. ibid.
[4] Рук. И. П.Б. польск. f. № 241.
[5] Pamięt. do pan. Żygm. III. 154.
[6] Рук. И. П. Б. польск. f. № 241.
[7] Lat. Jerl. 50.

панъ не боялся закона, не стыдился людей, наѣзжалъ на шляхетскія имѣнія и домы, разорялъ, умерщвлялъ людей, обрѣзывалъ имъ носы и уши, насильно отдавалъ дѣвицъ и вдовъ за людей своего войска, составленнаго изъ разной сволочи. Его постигли двѣсти тридцать-шесть баннацій и тридцать-семь инфамій за разныя преступленія, но онъ всегда имѣлъ защитника въ Конецпольскомъ, который охранялъ его военными экземнтами и такимъ образомъ давалъ потачку его своевольствамъ: кто бы вздумалъ на него искать судомъ, тотъ долженъ былъ отречься жены и дѣтей и спасаться бѣгствомъ. За то онъ былъ набоженъ и для очищенія грѣховъ въ послѣднихъ дняхъ масляницы запирался въ монастырь для духовныхъ упражненій. Этотъ Лащъ на первый день пасхи 1630 (еще какъ кажется до раздѣлки Тараса съ жолнерами подъ Корсуномъ) въ мѣстечкѣ Лисянкѣ вырѣзалъ поголовно все населеніе, не разбирая ни пола, ни возраста; жители искали спасенія въ церкви; жолнеры врывались и туда и перебили всѣхъ безъ разбора. Другой такой же отрядъ перерѣзалъ всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ Димерѣ. По дорогамъ жолнеры хватали русскихъ и мучили. Народъ толпами бѣжалъ къ Тарасу и у него набралось нѣсколько десятковъ тысячъ, но это войско, исключая запорожцевъ и реэстровыхъ, не было хорошо вооружено и искусно. Тарасъ переправился съ нимъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и думалъ заманить за собою поляковъ, чтобъ потомъ пресѣчь имъ сообщеніе съ правою стороною Днѣпра.

Самуилъ Лащъ, услышавъ о переправѣ казаковъ, прибылъ въ Кіевъ и соединился съ отрядомъ Потоцкаго; они ожидали коронпаго гетмана; съ ними было до двухъ тысячь реэстровыхъ, не приставшихъ къ Тарасу. Конецпольскій прибылъ только передъ троицынымъ днемъ. Впослѣдствіи, онъ доложилъ сейму, что медленность его происходила оттого, что трудно было достать подводъ и подводчиковъ. Доминикане (вѣроятно кіевскіе), во время литургіи, положили на алтарѣ его саблю, послѣ обѣдни носили ее съ торжествомъ около церкви и поднесли предводителю, чтобы поразить ею поганыхъ схизматиковъ.

Казаки сосредоточили свои силы въ Переяславлѣ. Конецпольскій отправился добывать ихъ. Когда онъ подступилъ къ Переяславлю, Лащъ замѣтилъ, что одинъ казацкій отрядъ пробирается на помощь къ своимъ, и бросился отрѣзать его; казаки, которыхъ было до пятисотъ, дали ему отпоръ; Лащъ, разсудивъ, что не можетъ одолѣть этого отряда, послалъ къ гетману просить помощи; гетманъ самъ, собравъ двѣ тысячи человѣкъ отборнаго войска, поспѣшилъ къ нему на помощь; но казаки убѣжали. Поляки стали ихъ преслѣдовать и отда-

лились отъ своего обоза, а тутъ, какъ будто для приманки, наткнулся на нихъ другой казацкій отрядъ, также шедшій къ Переяславлю; въ немъ было не болѣе двухсотъ человѣкъ. Поляки окружили его. Русскіе бросились въ сарай, и тамъ отчаянно стали защищаться, не отдаваясь врагамъ живыми. Всѣ погибли, кромѣ израненнаго сотника, попавшаго въ неволю отъ изнеможенія силъ. Но въ то время, когда поляки доставляли себѣ удовольствіе истреблять этихъ двѣсти молодцовъ, двое гайдуковъ изъ польскаго лагеря ушли въ Переяславль и донесли Тарасу, что въ польскомъ лагерѣ нѣтъ коронкаго гетмана. Казаки высыпали изъ города. Начальство надъ поляками принялъ Потоцкій. Началась жестокая сѣча; двѣ тысячи человѣкъ пало съ обѣихъ сторонъ; казаки успѣли захватить нѣсколько орудій; въ то же время другая часть казацкаго войска стала на перепутьи гетману, и когда Конецпольскій, истребивъ двѣсти человѣкъ и услышавъ гулъ битвы, спѣшилъ къ своему обозу, казаки преградили ему путь и завязали съ нимъ упорную битву. Битва длилась шесть часовъ сряду, и прекратилась потому, что пошелъ сильный дождь, помѣшавшій обѣимъ сторонамъ [1].

По свидѣтельству какъ русскихъ, такъ и польскихъ источниковъ, эта битва стоила полякамъ дорого, такъ что въ одинъ день у Конецпольскаго погибло больше воиновъ, чѣмъ во время всей прусской войны съ Густавомъ-Адольфомъ, продолжавшейся три года [2]. Эта неудача полководца, который показалъ себя лучше въ войнѣ съ знаменитымъ полководцемъ своего времени, чѣмъ съ возставшимъ русскимъ народомъ, зависѣла отъ пренебреженія, какое оказывали поляки къ тому роду войнъ, которыя называли холопьими. Конецпольскій взялъ съ собою противъ Тараса не все свое войско; онъ, между прочимъ, оставилъ на правой сторонѣ Днѣпра одну роту въ окопѣ, другую въ селѣ монастырскомъ; русскіе напали на нихъ и истребили; тогда умертвили они и двадцать кіевскихъ купцовъ, которые везли продовольствіе польскому войску, и сожгли близь Кіева пятьдесятъ байдаковъ и много лодокъ, чтобъ лишить поляковъ возможности прибывать на помощь къ своему коронному гетману.

Конецъ этой войны разсказывается различно. Украинскіе лѣтописцы говорятъ, будто казаки побѣдили поляковъ, а потомъ помирились съ ними. Польскій лѣтописецъ говоритъ, что казаки выдали зачинщиковъ мятежа и присягнули вѣрно

---

[1] Львовск. лѣт. Журн. М. Нар. Пр. 1838. апр.

[2] Pam. do pan. żygm. III. 1. 154.

служить Рѣчи Посполитой, и повиноваться тому старшему, котораго дастъ имъ коронный гетманъ. Въ своей реляціи [1], поданной на сеймъ, Конецпольскій, подробно разсказывая о началѣ возстанія Тараса, ограничивается нѣсколькими словами объ окончаніи войны: «Нѣсколько недѣль — говоритъ онъ — прошло въ безпрестанныхъ битвахъ, наконецъ, съ божія благословенія казаки увидали свои проступки, просили милосердія, и заключили договоръ на основаніи Кураковскаго». Эта неохота гетмана распространяться о своемъ дѣлѣ показываетъ, что ему не совсѣмъ посчастливилось. Современные великорусскіе собиратели вѣстей въ польскихъ владѣніяхъ слыхали, что лучшіе казаки были тогда съ Конецпольскимъ, и хотя мятежники сначала имѣли успѣхъ, но потомъ смѣнили своего гетмана и признали даннаго имъ другаго, Тимоху Орандаренка [2]. Что Тарасъ дѣйствительно попался полякамъ въ руки и былъ казненъ, подтверждаетъ извѣстіе, которое въ томъ же году польскій посланникъ Пясочинскій въ Константинополѣ сообщилъ о томъ, что гетманъ казацкій съ своею старшиною казнены смертію за то, что осмѣлились нападать на турецкія области [3]. Вѣроятно, возстаніе Тараса не имѣло никакого вліянія на судьбу реэстровыхъ казаковъ: они оставлены были на условіяхъ кураковской коммисіи. Это понятно, когда возстаніе Тараса преимущественно было дѣломъ выписчиковъ, а не реэстровыхъ; изъ послѣднихъ часть (по извѣстію львовской лѣтописи, одна треть всего количества реэстровыхъ) была съ Конецпольскимъ съ самаго начала Тарасова возстанія, а другая, приставши къ выписчикамъ и вмѣстѣ съ ними бывши съ Конецпольскимъ, согласилась отступить отъ своихъ товарищей.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. По польскому обычаю, за смертію короля слѣдовало два сейма: конвокаціонный и элекційный (избирательный). Конвокаціонный былъ всегда важенъ тѣмъ, что на немъ дѣлался обзоръ предъидущаго царствованія и подавались мнѣнія и требованія о разныхъ улучшеніяхъ, которыя должны быть поставлены въ руководство будущему королю.

Тогда остатки православнаго дворянства заявили голосъ въ пользу гонимаго восточнаго исповѣданія. Они потребовали уничтоженія всякихъ постановленій, стѣсняющихъ свободное богослуженіе, всѣхъ привиллегій, выданныхъ однимъ лицамъ во

---

[1] Рук. имп. П. Б. f. № 241.
[2] Дѣла Арх. Иностр. Дѣлъ.
[3] Pam. do pan. Zygm III. 1. 154.

вредъ другимъ, всѣхъ универсаловъ, мандатовъ, интердиктовъ, запрещающихъ православнымъ строить церкви, имѣть участіе въ магистратахъ, всѣхъ секвестрацій и отдачъ на поруки въ религіозныхъ дѣлахъ, всѣхъ запрещеній на недвижимыя имущества по процессамъ такого свойства, прекращенія силы декретовъ, изданныхъ съ 1596 года въ угоду унитамъ и во вредъ лицамъ, исповѣдующимъ греческую религію, возвращенія полной свободы богослуженія восточной церкви, не только для тѣхъ, которые въ ней твердо пребыли, но и для тѣхъ, которые бы захотѣли возвратиться въ ея лоно отъ уніи, предоставляя это право въ равной степени какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ; должны быть уничтожены всѣ трибунальскіе декреты, изданные въ послѣднихъ годахъ, начиная съ 1627 по 1630 г., клонящіеся къ ограниченію правъ православныхъ относительно свободы богослуженія, крещенія, брака, устройства школъ и типографій, печатанія и чтенія книгъ, не заключающихъ ничего оскорбительнаго противъ короля и Рѣчи Посполитой, чтобъ никто, по такимъ предметамъ не могъ терпѣть безпокойствъ и привлекаемъ къ суду духовному или свѣтскому подъ страхомъ наказаній, и напротивъ, чтобы всякъ, кто сдѣлаетъ насиліе церкви или начнетъ протестъ противъ собраній православныхъ людей, подвергался наказанію, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Требовали, чтобъ за кіевскимъ митрополитомъ было утверждено посвященіе отъ патріарха сообразно древнимъ обычаямъ, чтобы всѣ епархіи, монастыри, коллегіи, типографіи, госпитали съ данными на ихъ содержаніе фондами, присвоенные унитами, возвращены были православію; всѣ церкви, которыя стояли запечатанными, должны быть открыты для православнаго богослуженія; православные должны имѣть право строить вновь церкви даже и въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ панамъ римско-католическаго исповѣданія, если тамъ для католиковъ есть уже костёлъ; всѣ метрики и публичные церковные акты, захваченные унитами, слѣдовало возвратить православному духовному вѣдомству и чтобы впередъ, въ случаяхъ ссоръ римскаго духовенства съ греческимъ, дѣло разбиралось не въ Римѣ, а въ трибуналахъ, смѣшаннымъ судомъ; православные ремесленники и купцы въ своихъ занятіяхъ должны имѣть равныя права съ римскими католиками ихъ званія; дворянство православной вѣры не должно быть удаляемо отъ должностей по поводу религіи. Все это должно быть занесено въ присягу будущаго короля. Требовалось, чтобы изъ Вильно и Люблина были удалены іезуитскія коллегіи, потому что людямъ греческой вѣры нѣтъ возмож-

ности приходить въ трибуналъ, когда они тамъ имѣютъ дѣла: еслибъ ихъ шло пятьдесятъ человѣкъ — и тогда iезуитскихъ студентовъ наберется до тысячи; отъ iезуитовъ-то повсюду происходитъ безпокойство церквамъ и людямъ греческой вѣры; просили, чтобъ въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было учреждено по одному блюстителю церковныхъ правъ и имуществъ; они по общему довѣрiю могутъ ходатайствовать въ случаѣ несправедливости и насилiй, нанесенныхъ церквамъ и особамъ греческой вѣры; и такъ-какъ каждой особѣ трудно, по дѣламъ, касающимся религiи, имѣть доступъ къ королю, то долженъ быть назначенъ при королевской особѣ одинъ изъ исповѣдующихъ греческую вѣру, который могъ бы охранять передъ нимъ дѣло своей церкви и своихъ единовѣрцевъ. Для бо̀льшей крѣпости всего этого, православные домогались, чтобы духовные сенаторы за свои дiоцезiи, гетманы за войско и старосты тѣхъ королевскихъ имѣнiй, гдѣ есть послѣдователи греческой религiи—за свои староства, обязаны были присягнуть въ соблюденiи правъ греческой вѣры и исповѣдующихъ ее.

Того же требовали одновременно и диссиденты для себя.

На предложенные пункты паписты отвѣчали, что они соглашаются на все, чего только требуетъ сохраненiе общественнаго спокойствiя, а потому — пусть всѣ некатолики, но правильно думающiе о святой Троицѣ, не испытываютъ никакихъ гоненiй, конфискацiи имѣнiй, тюремныхъ заключенiй; равнымъ образомъ— пусть уничтожатся трибунальскiе декреты, если они противны законамъ; но они не дозволятъ расходящимся съ римскою церковью въ вѣрѣ отправлять богослуженiе въ тѣхъ королевскихъ городахъ, гдѣ до настоящаго времени его не было. Всѣ духовные, будучи пойманы въ преступленiи, должны предаваться духовному суду; тамъ же подвергнутся слѣдствiю, черезъ инквизитора, и министры диссидентовъ въ подобныхъ случаяхъ. Духовные сановники сената подписались подъ этимъ отвѣтомъ въ такой формѣ: Archiepiscopus или episcopus (имя) subscribo salvis iuribus religionis et Ecclesiae catholicae et Regni.

Православные и диссиденты не могли быть довольны такимъ отвѣтомъ и увидѣли въ немъ сильный отпечатокъ iезуитскаго искусства сказать такъ, чтобы потомъ можно было перетолковать сказанное не въ томъ смыслѣ, въ какомъ съ перваго раза могли понять дѣло тѣ, которымъ говорилось. Православные и диссиденты написали на этотъ отвѣтъ реплику, въ которой такимъ образомъ обличали уловки своихъ противниковъ: «очень дивимся нерасположенiю къ себѣ духовныхъ, которые хотятъ тѣ раны, отъ которыхъ страдаемъ мы уже полвѣка, залечивать лекар-

ствами—хуже самыхъ ранъ; притомъ, они отвѣчаютъ на просьбы наши не по пунктамъ, отдѣльно, а на всѣ разомъ, такъ что мы не можемъ разобрать: что̀ мы у нихъ выпросили и въ чемъ они намъ отказали». Диссиденты говорили въ своей репликѣ: «вы, господа духовные, не упоминаете вовсе о дворянствѣ греческой вѣры, но мы не хотимъ вовсе отъ него отдѣляться въ правахъ на свободу совѣсти. Съ другой стороны мы не думаемъ отдѣлять отъ себя и такъ-называемыхъ еретиковъ и считаемъ несправедливымъ выраженіе, что свобода предоставляется тѣмъ, которые думаютъ о святой Троицѣ правильно; такое различіе можно дѣлать только въ кругѣ религіи, а въ кругѣ политической свободы это не допускается. Еслибы мы на это согласились, то потеряли бы наши древнія права и дозволили себѣ нарушать обязательства отцовъ нашихъ, вѣру, честь и совѣсть; тогда бы мы сами подали примѣръ нарушенія того, чего мы домогаемся отъ папистовъ. Допущеніе такого рода различій въ дѣлѣ вѣры повело бы къ инквизиціи: человѣческое коварство найдетъ себѣ лазейку; этакъ древнюю греческую религію обвинятъ, что она неправильно учитъ о св. Троицѣ, а кто будетъ судьею въ такомъ дѣлѣ, кто будетъ производить слѣдствіе? Каждому не католику придется доказывать, что онъ не еретикъ, чтобъ избѣгнуть преслѣдованія за ересь. Притомъ дѣло ставится такъ, какъ будто католики соглашаются на предоставленіе свободы разновѣрцамъ, единственно на время *«каптуровъ»* (во время междуцарствія утверждались суды, наз. каптуровыми) до восшествія на тронъ новаго короля, ради общественнаго спокойствія, и тѣмъ самымъ не обязываютъ себя ничему продолжительному, незыблемому. «Что это такое? Намъ даютъ охраненіе ради общественнаго спокойствія? Это значитъ только, что насъ не будутъ убивать. Но такимъ охраненіемъ пользуются и хлопы, и корчмари, и всѣ чужеземцы — жиды и татары. Намъ нужно права свободнаго исповѣданія своей религіи, а объ этомъ гг. духовные умышленно отозвались глухо; намъ нужно спокойствія почетнаго, сообразнаго съ нашими шляхетскими правами; да и людямъ другихъ сословій слѣдуетъ дать такое же спокойствіе. Надобно навсегда пресѣчь всякія изгнанія, конфискаціи въ большомъ и маломъ видѣ. О декретахъ также сказано глухо и тоже съ умысломъ такъ выражаются. Намъ говорятъ, что согласны уничтожить силу только такихъ декретовъ, которые противны закону; значитъ, нужно еще толковать: какой декретъ противенъ закону, а какой непротивенъ; и найдутъ, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя для насъ тягостные, непротивны за-

кону и оставятъ ихъ во всей силѣ. Запрещеніе явнаго богослуженія въ королевскихъ городахъ, гдѣ его предъ этимъ не было, повлечетъ за собою продолженіе всѣхъ прежнихъ насилій и стѣсненій, а изъятіе духовныхъ отъ свѣтскаго суда приведетъ къ тому, что будутъ освобождать отъ свѣтскаго суда студентовъ и учениковъ шалуновъ, которые, одѣвшись въ платье духовнаго званія, производятъ всякія безчинства. Наконецъ, подпись ихъ милостей сенаторовъ духовнаго сана уничтожаетъ и то, что̀ намъ теперь дастся. Кто дѣлаетъ уступки съ ограниченіями, тотъ — вообще или въ частяхъ — оставляетъ за собою нѣчто изъ того, что̀ будто бы уступаетъ».

Эти энергическія заявленія не измѣнили фанатизма противной стороны, но когда приходилось подписывать каптуръ (то-есть состояніе Рѣчи Посполитой во время безкоролевія до избранія новаго государя), то православные и диссиденты уперлись и не хотѣли ни за что подписывать, пока не получатъ уступокъ въ ихъ религіозномъ дѣлѣ. Послѣ долгихъ споровъ, примасъ Янъ Венжикъ первый уступилъ, а за нимъ и большинство епископовъ: вмѣсто salvis iuribus Catholicae Ecculesiae они подписали свой отвѣтъ на требованія некатоликовъ съ другою оговоркою: salvis iuribus dioecesiae meae. Въ сущности, конечно, это мало измѣняло вопросъ. Православные и диссиденты обратились къ посредству Владислава и, подъ его вліяніемъ, составленъ былъ меморіалъ о примиреніи унитовъ съ неунитами на такихъ условіяхъ: «отдать неунитамъ кіевскую митрополію со всѣми церквами и монастырями, кромѣ Софійскаго собора и Выдубицкаго монастыря, львовскую епархію со всѣми тѣми церквами и монастырями, которые еще не были обращены въ унію, епархіи луцкую и перемышльскую по кончинѣ лицъ, занимавшихъ эти епархіи, архимандритіи печерскую и жидичевскую; въ Литвѣ—двѣ епархіи, пинскую и мстиславскую; объявить свободное богослуженіе въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ, подольскомъ, земляхъ: львовской, галицкой, литичевской; оставить неприкосновенными братства, школы, госпитали, семинаріи съ правомъ заводить ихъ вновь; допускать неунитовъ къ городскимъ должностямъ; дать неунитамъ въ Могилевѣ четыре, въ Оршѣ двѣ церкви, а въ Вильнѣ дозволить достроить церковь св. Духа; прекратить всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ унію, а прихожане не желаютъ ее принимать, церковь отдавать прихожанамъ». Православные не были довольны на этотъ разъ и желали, чтобъ эти уступки, составивъ основаніе на будущее время, послужили началомъ бо̀льшихъ уступокъ, но католики въ посольской избѣ кричали: «гг. неуниты и диссиденты

хотятъ, чтобы въ каптурѣ приговорили обязать новоизбраннаго короля сохранить все это: нѣтъ, не слѣдуетъ принуждать къ этому новаго короля».

Все это не обѣщало ничего прочнаго. Пока еще существовали въ Польшѣ православные дворяне, можно было, покрайней мѣрѣ, надѣяться, что за православіе будутъ шумѣть и кричать, но съ переходомъ въ папизмъ остальныхъ дворянъ — что неизбѣжно должно было совершиться — православію не было никакого законнаго голоса. На томъ же сеймѣ явились казацкіе послы (Лаврентій Пашковскій, Герасимъ Козка, Дорошъ Кузкевичъ и Өедоръ Пухъ) и подали отъ имени гетмана Ивана Петрижицкаго со всѣмъ войскомъ запорожскимъ письмо къ примасу отъ 23-го іюня. Казаки изъявляли сожалѣніе о кончинѣ короля и просили расположить пановъ къ тому, чтобы королевичъ Владиславъ сдѣлался польскимъ королемъ. «Подъ счастливымъ его правленіемъ — писали казаки — мы надѣемся возвращенія и умноженія нарушенныхъ нашихъ правъ и вольностей. Вашему первосвященству довольно извѣстно, какъ равно и всему государству, да и до всѣхъ народовъ дошли слухи о томъ, что мы въ царствованіе покойнаго короля терпѣли большія несправедливости, неслыханныя оскорбленія и находились въ великомъ огорченіи, оттого что униты вступаются въ наши права и вольности, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, причиняютъ много утѣсненій намъ казакамъ и всему русскому народу: они отняли монастыри съ принадлежащими къ нимъ имуществами, уничтожили святыя церкви, отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ и засмутили сельскій народъ: дѣти остаются некрещенными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда и многіе разстаются съ жизнью, не получивъ передъ смертью святого причащенія. Не вспоминаемъ о другихъ замѣшательствахъ и безпорядкахъ, происходившихъ со времени появленія уніи. Поэтому всенижайше и покорнѣйше просимъ васъ, превелебный во Христѣ отецъ и милостивый панъ, пусть эта новоизмышленная унія со всѣми безпорядками, проистекающими отъ нея, будетъ уничтожена теперь же до коронаціи будущаго государя, а мы, вѣрный и доброжелательный отечеству народъ, будемъ успокоены и удовлетворены; пусть господа униты возвратятъ захваченное ими достояніе тѣмъ, у кого оно находилось прежде, то-есть духовенству нашей греческой церкви, состоящей въ послушаніи у константинопольскаго патріарха, за что мы со всѣмъ народомъ русскимъ желаемъ полагать животъ за цѣлость любезнаго отечества. Если же сохрани Боже сталось бы иначе,

то мы принуждены будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія, а мы того не желаемъ, будучи увѣрены, что ваше первосвященство, какъ милостивый отецъ и панъ, обратите на этовниманіе».

Просьба эта не понравилась на сеймѣ. Паны находили дерзкимъ то, что казаки осмѣливаются указывать сейму на лицо, которое слѣдуетъ избирать въ короли; еще противнѣе было ревностнымъ католикамъ слушать требованіе объ уничтоженіи уніи. Не меньше того раздражила поляковъ представленная казацкими послами инструкція, въ которой казачество поручало имъ домогаться допущенія казаковъ, какъ рыцарей Рѣчи Посполитой, до избранія новаго короля. Шляхта считала исключительно только себя полноправною въ такомъ важномъ дѣлѣ, и съ негодованіемъ встрѣтила покушеніе нешляхетскаго сословія присвоить и себѣ то, что до сихъ поръ принадлежало одной шляхтѣ. «Казаки называютъ себя членами Рѣчи Посполитой — говорили тогда въ посольской избѣ — правда, они члены, но такіе, какъ ногти и волосы, которые обрѣзываютъ». 17-го іюля примасъ Янъ Венжикъ отправилъ казацкихъ пословъ довольно вѣжливо, но замѣтилъ имъ неумѣстность желанія пользоваться шляхетскимъ правомъ избранія короля, тогда какъ ихъ обязанность повиноваться тому королю, котораго изберетъ шляхта, да не подавать поводовъ къ разрыву съ турецкимъ императоромъ, Крымомъ и другими. Высказавъ имъ на словахъ такое нравоученіе, примасъ вручилъ имъ письменный отвѣтъ за подписомъ своимъ и маршала посольскаго кола Криштофа Радзивилла. Отвѣтъ этотъ былъ такого содержанія: съ Божія благословенія, шляхетское сословіе Рѣчи Посполитой, которому единственно, а не кому либо иному, принадлежитъ избраніе короля, по правамъ и древнимъ обычаямъ, выберетъ такого государя, который будетъ умножать славу, честь и достояніе польской короны, соблюдать вольности каждаго и наградитъ заслуги войскъ Рѣчи Посполитой; тогда сенаторы и чины обоихъ народовъ (польскаго и литовскаго) представятъ королю о вѣрности, преданности и постоянной службѣ запорожскаго войска, дабы король благоволилъ почтить его своею милостью и привлечь благосклонностію къ новымъ услугамъ отечеству, чего требуютъ и теперь паны сенаторы отъ войска запорожскаго. Что касается до греческой религіи, то гг. сенаторы уже снеслись по этому вопросу съ послами воеводствъ и земель короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, имѣющими право участія въ публичныхъ совѣщаніяхъ. Они съумѣютъ найти вѣрныя средства, ведущія къ успокоенію недоразумѣній и къ удовлетворенію послѣдователей греческой религіи. Богъ дастъ, на будущее

время, при содѣйствіи новаго государя, эти недоразумѣнія совершенно прекратятся, съ соблюденіемъ правъ, присвоенныхъ каждому; къ чему и паны сенаторы съ панами послами обоихъ народовъ не преминутъ съ своей стороны показать старанія, свидѣтельствуя свое доброжелательство старшому на сейчасъ [1] войска запорожскаго и всему войску, желаемъ, чтобы войско запорожское исправляло надлежащую службу, вмѣстѣ съ короннымъ войскомъ чинило отпоръ всякимъ непріятельскимъ покушеніямъ и наказывало тѣхъ, которые своими походами на море нарушаютъ миръ съ сосѣдними государствами.

Такой отвѣтъ чрезвычайно не понравился казакамъ, несмотря на его вѣжливый тонъ. Ихъ манили такими обѣщаніями, которыя они уже слышали много разъ и прежде и которыя, какъ они не разъ испытали, никогда не исполнялись. Послы казацкіе, возвратившись изъ Варшавы, навлекли на себя злобу войска: ихъ чуть было не казнили. Впрочемъ, въ это время совершилась какая-то важная перемѣна въ казачествѣ: вмѣсто гетмана Петрижицкаго въ сентябрѣ посланы были на элекційный сеймъ отъ гетмана Андрія Гавриловича новые казацкіе послы: Өедоръ Козминскій, Өедоръ Праличъ и Василій Онушкевичъ.

«Мы никакъ не думали — сказано было въ данной имъ инструкціи — чтобы, послѣ такихъ важныхъ кровавыхъ услугъ, какія мы оказывали во всѣхъ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, охраняя цѣлость отечества, поливая землю своею кровію и устилая ее своими головами, ихъ милости паны, какъ намъ донесли послы наши, прогнѣвались на насъ за то, что мы въ своихъ инструкціяхъ, данныхъ имъ отъ насъ, считая себя членами Рѣчи Посполитой, просили не отдалять насъ отъ участія въ избраніи короля. Если это не нравится ихъ милостямъ— пусть будетъ по ихъ волѣ; надѣемся, что они изберутъ такого государя, который соблюдетъ насъ при нашихъ правахъ, свободѣ и вольностяхъ, пріобрѣтенныхъ нашими предками и утвержденныхъ присягою королей.

«Какъ ни прискорбно для насъ то обстоятельство, что насъ удаляютъ отъ избирательства, но еще прискорбнѣе то, что вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молимъ и слезно просимъ объ успокоеніи, сообразно присягѣ покойныхъ польскихъ королей и послѣдняго короля, нашей древней греческой церкви, находящейся въ послушаніи святѣйшаго константинопольскаго патріарха, и потревоженной новоизмышленными унитами; но насъ водили, откладывали рѣшеніе дѣла отъ сейма до сейма

[1] Т.-е. тому лицу, которое въ то время занимало должность старшаго надъ казаками.

до настоящаго дня, и, наконецъ, на послѣднемъ сеймѣ, предъ отшествіемъ изъ міра сего покойнаго короля, дали обѣщаніе, что его величество усмиритъ тѣхъ, которые произвели смуту между народами, и успокоитъ насъ и нашъ русскій народъ относительно его вольностей и религіи. Еслибъ не кончина его величества, мы надѣялись бы получить утѣшеніе въ нашихъ несчастіяхъ какъ для себя, такъ и для всего русскаго народа. Теперь, когда наступило время и пришелъ случай каждому подавать голосъ и добиваться своихъ правъ, мы внесли нашу покорнѣйшую просьбу ко всѣмъ чинамъ государства на конвокаціонный сеймъ, и слезно просили вашихъ милостей, чтобъ нашъ русскій народъ и наше духовенство не переносили болѣе несправедливостей и обидъ отъ новыхъ и прежде неслыханныхъ унитовъ; но вмѣсто исправленія ошибокъ, въ противность правамъ и привиллегіямъ, которыя нашъ русскій народъ съ своимъ духовенствомъ представилъ его величеству шведскому королю, панамъ-сенаторамъ и панамъ-посламъ. Уличая унитовъ протестаціями и реляціями, мы не были настолько счастливы, чтобъ получить удовлетвореніе нашихъ безпрестанныхъ просьбъ, но еще болѣе почувствовали скорби и страданія оттого, что намъ, обиженнымъ, приказываютъ отказаться отъ своего. Теперь, на нынѣшнемъ элекційномъ сеймѣ, мы поручаемъ нашимъ посламъ слезно просить Рѣчь Посполитую и усильно домогаться, чтобъ нашъ русскій народъ оставался при своихъ правахъ и свободѣ, а наши благовѣрные духовные, находясь при своихъ церквахъ, эпархіяхъ и принадлежащихъ къ нимъ имуществахъ, съ правомъ свободнаго богослуженія, уже болѣе не терпѣли утѣсненій отъ этихъ несносныхъ унитовъ».

Кромѣ этой просьбы о вѣрѣ (сочиненной, очевидно, духовнымъ лицомъ, а не казакомъ), казаки собственно для своего сословія просили исправленій въ дѣлахъ, относящихся до ихъ вольностей, повышенія даваемаго имъ отъ правительства жалованья и опредѣленнаго мѣста для казацкой артиллеріи. Въ заключеніе, они жаловались, что украинные паны, сообразуясь съ кураковскою коммисіею, не хотятъ держать на жительствѣ въ своихъ имѣніяхъ казаковъ, но и не допускаютъ ихъ выходить изъ этихъ имѣній, запрещая своимъ подданнымъ покупать у нихъ домы и имущества, и такимъ образомъ приневоливаютъ ихъ самихъ дѣлаться подданными. Предвидя, что никто другой, а Владиславъ, носившій имя, по смерти отца, титулъ шведскаго короля по праву наслѣдства, избранъ будетъ польскимъ королемъ, казаки прислали къ нему съ своими послами письмо, и заявляя надежду и увѣренность имѣть его своимъ

государемъ, заранѣе просили его быть благосклоннымъ и милостивымъ къ казакамъ, которыхъ услуги онъ уже испыталъ. «Если же — было сказано въ казацкомъ посланіи къ нему — сохрани Богъ, кто нибудь будетъ препятствовать вашему величеству получить престолъ отца вашего, то мы обязываемся жертвовать своимъ достояніемъ и жизнію за ваше величество».

Такія выходки казаковъ опять раздражали шляхетство. Маршалъ посольской избы отвѣчалъ казацкимъ посламъ такъ: «вѣдомы намъ ваши рыцарскія дѣянія и услуги, которыя оказывали Рѣчи Посполитой и ваши предки и вы сами. Надѣемся, что и на будущее время вы не утомитесь въ вашей готовности служить отечеству. Но удивительнымъ кажется намъ, что ваши послы, по возвращеніи съ конвокаціи, навлекли на себя такую ненависть и подверглись опасности потерять жизнь». Онъ давалъ казакамъ совѣтъ на будущее время быть осмотрительнѣе и благоразумнѣе, называлъ ихъ послѣднюю инструкцію необычною, а выраженія въ ней неуважительными и оскорбительными для шляхетства. Что касается до просьбъ, съ которыми казаки обратились къ сейму, то маршалъ объявилъ имъ въ общихъ выраженіяхъ, что обо всемъ этомъ на сеймѣ послѣдуетъ разсужденіе въ свое время.

Споръ о религіи между шляхетскими послами сейма возобновился по открытіи элекційнаго сейма. Еще предъ этимъ сеймомъ львовскій архіепископъ Гроховскій, на сеймикѣ въ Брестѣ, подалъ протестацію; нѣкоторыя важныя лица того времени пристали къ нему за одно: Левъ Сапѣга виленскій воевода, троцкій кастеллянъ Альбрехтъ-Владиславъ Радзивиллъ, брестскій кастеллянъ Масальскій, Александръ-Людовикъ Радзивиллъ, литовскій хорунжій Николай Сапѣга. Протестація ихъ находила постановленія конвокаціоннаго сейма, относительно дизунитовъ и диссидентовъ, несообразными съ честію римско-католической религіи. Самъ составитель протестаціи, львовскій архіепископъ не явился на сеймъ подъ предлогомъ болѣзни, но пустилъ свою интригу въ ходъ, надѣясь, что другіе, опираясь на его протестацію, помѣшаютъ обратиться въ неизмѣнный законъ временному компромису, устроенному конвокаціоннымъ сеймомъ только на время безкоролевья. Это подало поводъ къ живымъ и долгимъ спорамъ. Дѣло православія защищали тогда главнымъ образомъ Кисель, Древинскій и Вороничъ; за унитовъ подвизался Тризна. Диссидентство тогда отдѣлилось отъ православія. По стараніямъ вліятельнаго пана, литовскаго канцлера Радзивилла, диссиденты согласились на устройство депутаціи,

пополамъ изъ диссидентовъ и католиковъ, которая должна была установить правила для свободы диссидентовъ. Диссиденты совѣтовали и православнымъ поступать такъ же, но православные, имѣя въ виду, что, въ такомъ случаѣ, начнутся богословскіе и церковные диспуты, которые ничѣмъ не кончатся, а только пріостановятъ дѣло, не соглашались на депутацію. Наше дѣло — говорилъ Кисель — не богословское, а политическое; идетъ рѣчь не о вѣрѣ, а о мѣрѣ (т.-е. о равноправности)». Паны, подписавшіе протестацію львовскаго архіепископа, прибѣгнули къ извороту иного рода. «Всѣ привиллегіи дизунитамъ — говорили они — давались и утверждались королями, слѣдовательно это дѣло короля, а не дворянства, и потому элекційный сеймъ, будучи безъ короля, не можетъ этимъ заниматься и дѣлать какія-нибудь постановленія; слѣдуетъ отложить это до коронаційнаго сейма». Православные поняли, что это говорилось для того, чтобъ ослабить силу тѣхъ льготъ, какія могло получить православіе отъ короля; тогда всякъ могъ смотрѣть на благопріятныя мѣры въ отношеніи православія отнюдь не такъ, какъ на законоположеніе вольной Рѣчи Посполитой. Древинскій доказывалъ, что права греческой религіи въ Рѣчи Посполитой основываются на ея древности, а не на какихъ-либо королевскихъ привиллегіяхъ. «Дѣйствительно — сказалъ Радзивиллъ — въ дѣлѣ греческой вѣры никакихъ судей быть не можетъ; надобно покончить все братски единодушнымъ признаніемъ свободы. Такъ-какъ православные объявили, что не хотятъ ни о какихъ дѣлахъ ни говорить, ни слушать, пока не уладится дѣло объ ихъ религіи, то, наконецъ, порѣшили на томъ, что неуниты и униты обратятся къ избранному ими посреднику (medium) или третьему лицу, незаинтересованному въ ихъ дѣлѣ. Такимъ третьимъ былъ шведскій король Владиславъ, кандидатъ въ польскіе короли. Выбранные отъ обѣихъ сторонъ — отъ унитовъ и неунитовъ — отправились просить Владислава. Послѣдній, принявъ на себя достоинство третейскаго судьи въ спорѣ между уніею и православіемъ, выбралъ для разсмотрѣнія дѣла двухъ лицъ изъ сената: познанскаго епископа Новодворскаго и бѣльзскаго воеводу Лещинскаго, а изъ рыцарскаго кола четырехъ — Оссолинскаго, Криштофа Радзивилла, Мартина Рея и Дыдинскаго. Эта депутація сдѣлала докладъ, по которому Владиславъ призналъ окончательно законными тѣ уступки, которыя были означены въ меморіалѣ, состоявшемся на конвокаціонномъ сеймѣ. Рѣшеніе Владислава было утверждено избирательнымъ сеймомъ 1-го ноября, къ большой досадѣ католиковъ и папскаго нунція. Дѣлать было не-

чего. Согласившись на третейское рѣшеніе, избирательный сеймъ заранѣе связалъ себѣ руки. Такимъ-то образомъ православные добились легальнаго признанія своей религіи.

По избраніи Владислава, новый король далъ православнымъ дипломъ, въ которомъ ясно и опредѣленно, и притомъ съ новыми расширеніями, высказана была свобода православнаго исповѣданія. Каждому дозволено было переходить изъ православія въ унію, а изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлялось право избирать митрополита, посвящаемаго константинопольскимъ патріархомъ; луцкая епархія отдавалась православному епископу немедленно, а перемышльская и львовская по смерти или послѣ перемѣщенія уніатскаго епископа; въ Литвѣ учреждалась епархія мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ процессы о вѣрѣ прекращались; сверхъ уступленнаго по меморіалу православнымъ, кіевскому православному митрополиту отдавался и Софійскій соборъ [1].

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

[1] Рук. Имп. публи. библ. польск. №№ 25, 27, 93.; разнояз. f. № 28.

* *
*

Вышелъ срокъ тюремный,—
По горамъ броди;
Со штыкомъ солдата
Нѣтъ ужь позади.

Воли больше; что же
Стѣны этихъ горъ
Пуще стѣнъ тюремныхъ
Мнѣ тѣснятъ просторъ?

Тамъ подъ темнымъ сводомъ
Тяжело дышать,
Сердце уставало
Биться и желать.

Здѣсь, надъ головою,
Подъ лазурный сводъ
Жаворонокъ вьется
И поетъ, зоветъ.

Мих. М—въ.